This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 195 379

+9

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

50c

JOINT EXECUTIVE
OF THE
..RUNDS AND RUSSIAN..
SOCIAL DEMOCRATS CLUB
OF BROWNSVILLE.

311

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

29

РОСС. СОЦ. ДЕМ. РАБ. ОБ-ВО. BROOKLYN RUSS. SOC.

По вопросамъ программы и тактики.

EXECUTIVE OF THE JOINT BUND AND RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATS CLUB OF BROWNSVILLE.

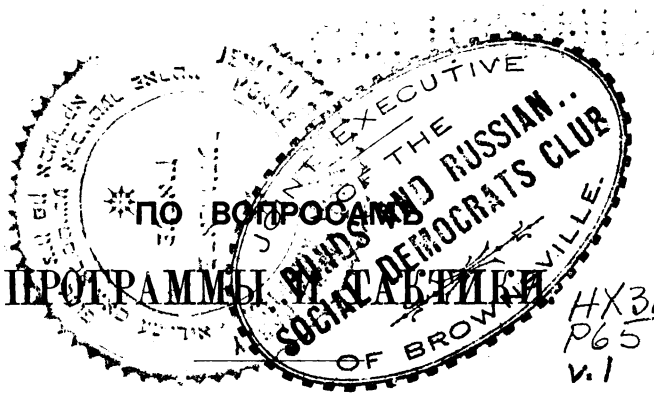
СБОРНИКЪ

статей изъ „Революціонной Россіи".

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ.
1903.

UNIV OF
CALIFORNIA



HX314
P65
v.1

ПО ВОПРОСАМЪ ПРОГРАММЫ И ТАКТИКИ.

Прежде и теперь.

Немного болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ въ свѣтъ первый номеръ нашей газеты. За это время настроеніе тѣхъ широкихъ слоевъ населенія, которые по праву приковываютъ къ себѣ главное вниманіе сторонниковъ революціоннаго соціализма — успѣло измѣниться до неузнаваемости. Въ самомъ дѣлѣ, какую картину представляла собою русская жизнь года полтора тому назадъ? Центральное мѣсто въ ней занималъ, несомнѣнно, разгулъ необузданной реакціи среди подавленнаго общества. Эта реакція могла развиваться по всѣмъ направленіямъ до своихъ крайнихъ предѣловъ, не встрѣчая нигдѣ никакого отпора. И внутри страны, и внѣ ея никогда еще самодержавный колоссъ не пользовался такимъ престижемъ. Подавленное настроеніе русскаго общества отражалось и на революціонерахъ. Среди нихъ сильнѣйшимъ образомъ давалъ себя чувствовать недостатокъ подъема духа, недостатокъ боевого настроенія. Лучшіе представители революціонной молодежи не разъ спрашивали себя съ тоской — почему современное движеніе не обнаруживаетъ тѣхъ яркихъ красокъ, того одушевленія, которыя такъ привлекали насъ въ дѣятеляхъ 70-хъ годовъ или борцахъ «Народной Воли»? Вѣдь не вырождается же русская революція, вѣдь не уменьшаются, а увеличиваются съ теченіемъ времени шансы нашей борьбы! Вѣдь не перевелись-же тѣ живые общественные элементы, которые не перестаютъ «сѣять разумное, доброе, вѣчное...»

M260094

* Yiddisher Kac

Несомнѣнно, что числомъ своимъ эти живые, работающіе «святели» возрастали, а не уменьшались. Но, распространяясь вширь, революціонное движеніе не распространялось въ такой же степени и вглубь, и начало обнаруживать вскорѣ явственные признаки мелководья. Самые живые общественные элементы проявляли себя исключительно въ незамѣтной муравьиной работѣ. По собственному горькому признанію, многіе, чуть ли не всѣ, «изъ вдохновенныхъ пророковъ государства будущаго волею судебъ превращались въ скромныхъ культуртрегеровъ соціализма...» * Конечно, и эта муравьиная работа приносила свою пользу. Мы отнюдь не думаемъ отрицать за такой работой положительное историческое значеніе. Но при всей своей полезности эта работа была лишена всякаго широкаго и смѣлаго размаха, а потому фатально была связана съ отсутствіемъ того мощнаго подъема духа, о которомъ тосковали сердца лучшихъ людей, невольно обращавшихъ свои взоры къ болѣе яркому революціонному прошлому. И все чаще и чаще приходилось вспоминать слова, звучавшія суровымъ и безжалостнымъ приговоромъ надъ нашимъ поколѣніемъ: «нужны намъ великія могилы, если нѣтъ величія въ живыхъ».

Конечно, революціонеръ, осужденный «волею судебъ» на почти культурную работу, не пріобрѣталъ отъ этого психологіи культуртрегера. Внутренно онъ оставался революціонеромъ и съ полнымъ правомъ могъ сказать про себя: «я поклоненную голову, сердце гнѣвное ношу»; — но самый тотъ фактъ, что онъ не могъ, не смѣлъ выпрямиться и выступать съ высоко и гордо поднятою головою, неизбѣжно обезсиливалъ порывы «гнѣвнаго сердца». Чувство сдавленное, спрятанное гдѣ то глубоко въ складкахъ души, поневолѣ атрофируется отъ неупотребленія — таковъ законъ психологіи. И вотъ почему движенію постоянно недоставало необходимаго элемента личной рѣшимости, могучаго революціоннаго энтузіазма, заразительной силы самоотверженнаго примѣра, способнаго зажигать сердца и вдохнуть энергію въ груди бойцовъ. И на этой почвѣ чаще, чѣмъ слѣдовало, возникала «въ минуту жизни трудную» готовность пойти на сдѣлку. Все рѣже и рѣже встрѣчался тотъ прекрасный типъ революціонера, который презиралъ безполезныя увертки, бросалъ вызовъ своимъ судьямъ и палачамъ, приглашая ихъ играть свою комедію «попроще, поскорѣй», —

Безъ мишуры, безъ маски фарисейской,
Безъ защитительныхъ рѣчей...

* * *

* См., напр., «Рабочее Дѣло» № 10, корресп. изъ Тулы (стр. 106 — 107).

Крупнымъ шагомъ впередъ, несомнѣнно, былъ переходъ отъ кружковой пропаганды на ухо къ массовой агитаціи. Но и онъ не вывелъ нашего движенія изъ того состоянія, о которомъ мы говорили. Движеніе сдѣлалось шире по объему, но едвали не еще бѣднѣе, уже по содержанію. Ради приспособленія къ болѣе широкимъ массамъ революціонеръ заговорилъ болѣе умѣреннымъ, порою даже прямо двусмысленнымъ языкомъ. Движеніе стало замыкаться въ узкихъ рамкахъ профессіональныхъ интересовъ. Всѣмъ намъ памятно то время, когда даже въ день 1-го мая, въ этотъ день торжественнаго смотра международной арміи труда, въ прокламаціяхъ къ рабочимъ, даже такія невинныя умѣренно-либеральныя требованія, какъ требованіе суда присяжныхъ и гласности судопроизводства, рѣшались выставлять исключительно лишь для дѣлъ о стачкахъ . . . Предполагалось, что къ рабочему нужно обращаться не какъ къ человѣку и гражданину, которому ничто человѣческое не чуждо, который отзывчивъ ко всякой неправдѣ и несправедливости, — а какъ къ человѣку, для котораго нѣтъ ничего внѣ стѣнъ его завода, какъ къ человѣку, отъ котораго дымомъ фабричной трубы заслоненъ весь огромный и разнообразный міръ божій . . . То было сѣрое, тусклое время, съ мелкой работой, съ двухвершковымъ размахомъ и мысли, и дѣятельности . . .

А между тѣмъ жизнь брала свое. Темныя силы своимъ нестерпимымъ гнетомъ, тяготѣвшимъ надъ русской землею, подготовили глухое недовольство, которое все росло и росло. Удары реакціи падали не на камень, а на живыхъ людей. Изъ наболѣвшей груди всякаго живого человѣка — студента, рабочаго, профессіональнаго революціонера — рвался крикъ боли и ненависти. Потребность отпора говорила все сильнѣй. Терпѣнію даже и «всевыносящаго русскаго племени» есть предѣлы, за которыми наступаютъ или акты возмущенія, или моральная смерть. Всего сильнѣе это чувствовали, конечно, наиболѣе передовые и отзывчивые элементы. Жажда открытаго, смѣлаго протеста безсознательно накипала въ ихъ груди ; но, не находя формъ, въ которыя она могла бы вылиться, переходила въ чувство томительнаго безсилія, прострація . . . «Внѣ борьбы нѣтъ жизни — бороться нѣтъ силъ — такъ лучше не жить», пишетъ передъ самоубійствомъ «неутомимый борецъ за рабочее дѣло» А. Л. Сафоновъ, одинъ изъ новообращенныхъ соціальдемократовъ, «воспитанный на лучшихъ традиціяхъ народовольчества». Онъ «слишкомъ (?) тѣсно объединялъ въ своемъ сознаніи теорію и практику». Работа и безъ того мелкая, муравьиная, а тутъ «какъ волка, васъ со всѣхъ сторонъ травятъ ищейки». Провалы слѣдуютъ за провалами, люди кажутся обреченными на работу Данаидъ, боязнь провалить дѣло «треплетъ, мочалитъ ваши нервы, за-

ставляетъ удваивать, утраивать осторожность — и это, можетъ быть, тогда, *когда нужно работать во всю*, когда работы и безъ того много, а собственныя силы и *безъ того* слабы, ничтожны». *

А вѣдь такихъ, « слишкомъ тѣсно объединяющихъ теорію и практику » было много. Революціонеры *по идеямъ*, они хотѣли быть революціонерами и *по средствамъ борьбы*. « Противорѣчіе между громадностью дѣла и слабостью собственныхъ силъ », погубившее, по словамъ некролога, А. Л. Сафонова, можетъ быть устранено лишь энергіей, организованностью дѣйствія и силою примѣняемыхъ средствъ. Для этого должна быть на лицо достаточно крѣпко организованная партія съ достаточно рѣшительной революціонной программой. А если такой партіи нѣтъ, и до тѣхъ поръ, пока ея нѣтъ — нѣтъ и приложенія самымъ отзывчивымъ, самымъ страстнымъ революціоннымъ силамъ, — нѣтъ, по крайней мѣрѣ, такого приложенія, которое доставляло бы достаточное удовлетвореніе ихъ революціонной совѣсти. Объ одномъ изъ самыхъ видныхъ пропагандистовъ Иваново-Вознесенскаго района, А. Ѳ. Орѣховѣ, намъ пишутъ въ его некрологѣ :

« Послѣднее время А. Ѳ. былъ особенно мраченъ : онъ часто говорилъ, что работать при современныхъ полицейскихъ условіяхъ крайне трудно, а ждать, пока они измѣнятся, слишкомъ долго . . . *Воробьиными шагами* А. Ѳ. не могъ удовлетвориться ; для него, энергичнаго, обладавшаго здоровьемъ и физическими силами, требовалось широкое поле дѣятельности ». ** О другой подобной же натурѣ — кончившемъ самоубійствомъ Н. В. Ефимовѣ — сообщаютъ : « Медленное въ его глазахъ развитіе движенія не удовлетворяло его протестующей души, другой формы революціонной работы онъ не нашелъ ». ***

О чемъ свидѣтельствуютъ эти факты ? Да о томъ, что въ программѣ революціоннаго движенія того времени не доставало такихъ формъ борьбы, въ которыя могъ бы вылиться извѣстный родъ революціонной энергіи. Насильственно втискиваемый обстоятельствами въ неподходящую форму, онъ « отцвѣталъ, не успѣвши расцвѣсть ». Формами борьбы, которыя безраздѣльно господствовали въ то время, не могли удовлетвориться многія натуры — и натуры далеко не изъ худшихъ и не изъ слабѣйшихъ . . . Но поскольку умъ ихъ не

---

* Некрологъ А. Л. Сафонова, « Рабочее Дѣло », № 8, стр. 78—79.

** « Рабочее движеніе въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ ». Изд. « С. Р. Соц. Дем.» Стр. 32.

*** « Изъ рабочаго движенія въ Одессѣ и Николаевѣ », стр. 30.

могъ выбиться изъ господствовавшаго тогда круга идей — постольку выхода они не могли найти и не находили. И вотъ, фактическая неудовлетворенность данными способами борьбы неизбѣжно — хотя и глубоко ошибочно — превращалась въ общую неудовлетворенность борьбой, неудовлетворенность самимъ собою и всей жизнью. Люди теряли душевное равновѣсіе, изнывали въ несознанномъ тяготѣніи къ чему то другому, не поддающемуся опредѣленной формулировкѣ: каждый ихъ шагъ, всякую ихъ работу отравляла одна и та же гнетущая мысль — « все это — не то, не то и не то! »

Здѣсь, въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей, рабочее движеніе впервые выставляло неформулированное требованіе — вывести его изъ узенькихъ пѣшеходныхъ дорожекъ, на болѣе широкую, на столбовую дорогу смѣлой борьбы. Порою сами рабочіе крикомъ, рвущимся прямо изъ души, предъявляли этотъ запросъ. И — чрезвычайно характерный фактъ — въ самый разгаръ, такъ называемаго, « экономизма » въ самомъ крайнемъ органѣ этого направленія, « Рабочей Мысли », можно было прочесть чрезвычайно интересное письмо въ редакцію за подписью « рабочій-практикъ », — письмо, которое явилось первой ласточкой, которая, конечно, весны не дѣлаетъ, но предвѣщаетъ ея наступленіе. « Огня больше! Жизни больше, а не пустой схоластики! » вопіялъ рабочій, обращаясь къ редакціи, обнаруживавшей слишкомъ большое тяготѣніе къ тактикѣ въ духѣ умѣренности и аккуратности. «Рабочій знаетъ, кто сидитъ на его шеѣ, охъ, какъ знаетъ! Нужно только, чтобы съ перваго слова сердце его забилось сильнѣй и онъ не удержался, чтобы не сходить къ сосѣду и съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой не передать ему, какъ клокочетъ его кровь и разрывается его сердце при видѣ такой тьмы человѣческихъ насилій...» «Дайте проще и яснѣе сказать своему брату горячее слово, чтобы онъ разогнулъ мозолистую руку и смирилъ разгулявшагося паразита-хозяина. Дайте создать настроеніе, при которомъ бы глаза рабочаго сверкали огнемъ негодованія въ любой моментъ появленія царя и другихъ мерзавцевъ, а не туманились робкой покорностью человѣка, привыкшаго видѣть во всякой сволочи своего покровителя!» « Не бойтесь, ставьте цѣль — и вы увидите, что рабочій — не просто рабочій, которому нуженъ кусокъ хлѣба, а еще и честный человѣкъ, у котораго есть долгъ гражданина и самоотверженность интеллигента! » *

Мы всегда вѣрили въ это. Еще въ 1897 г. кіевская группа соціалистовъ-революціонеровъ призывала мѣстныхъ рабочихъ примкнуть къ открытому протесту студентовъ противъ дикихъ безобразій царящаго въ Россіи произвола. Поводомъ къ де-

* « Рабочая Мысль » № 8, « Письмо въ редакцію ».

монстраціи послужила тогда трагическая смерть благородной дѣвушки — Маріи Вѣтровой, — замученной въ тюремныхъ стѣнахъ своими палачами. Но этотъ нашъ призывъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и не потому, чтобы сами рабочіе остались глухи къ идеѣ политической демонстраціи — нѣтъ, она была вначалѣ принята сочувственно, — а потому, что мѣстная соціальдемократическая организація пустила въ ходъ все свое вліяніе, чтобы отклонить рабочихъ отъ участія въ волненіяхъ. Выступая съ контръ - прокламаціей противъ насъ, эта организація разсуждала со своей точки зрѣнія весьма благоразумно, что массы не подготовлены, что политическую борьбу они понять не могутъ, что надо звать ихъ на борьбу экономическую и т. п. Но при всемъ видимомъ благоразуміи эти рѣчи грѣшили въ двухъ пунктахъ. Нельзя, во первыхъ, забывать, что понятіе о « подготовленности » массы есть понятіе чрезмѣрно растяжимое, и даже во время самыхъ удачныхъ западно-европейскихъ революцій производившія ихъ массы далеко не вполнѣ были « подготовлены », а у насъ рѣчь шла еще далеко не о революціи, а лишь о политическихъ демонстраціяхъ. Во вторыхъ, нельзя забывать, что сама непосредственная борьба, въ формѣ ли уличныхъ демонстрацій или въ какой либо другой формѣ, есть тоже факторъ революціонной подготовки, и едва ли не самый лучшій факторъ. Именно нагрянувшій моментъ столкновенія, живого примѣра борьбы сплошь и рядомъ совершаетъ чудеса : будитъ спящихъ, взбаламучиваетъ равнодушныхъ, властно приковываетъ вниманіе поглощенныхъ повседневными мелочами и заботами о хлѣбѣ насущномъ, вселяетъ отвагу и бѣшеную храбрость въ самыхъ тихихъ и осторожныхъ. Вотъ маленькая иллюстрація этому изъ недавнихъ событій. « Если бы я самъ не былъ свидѣтелемъ всего происшедшаго тамъ (во время столкновенія обуховскихъ рабочихъ съ войсками), а разсказывалъ бы мнѣ кто нибудь, хотя бы изъ близкихъ товарищей, я бы ни за что не повѣрилъ » — пишетъ корреспондентъ-рабочій. — « Просто диву даешься : откуда все это только взялось ! Гдѣ крылась такая сила, солидарность, самоотверженность ! Люди, которыхъ считали такъ себѣ, ни рыбой, ни мясомъ, — они вдругъ становилась чуть ли не во главѣ движенія, воодушевляли толпу, ставили въ тупикъ начальство . . . » *

Вотъ почему соціалисты - революціонеры уже нѣсколько лѣтъ назадъ рѣшились не выжидать стихійнаго « естественнаго хода событій », идти не позади, не въ хвостѣ, а впереди его и сознательно вывести движеніе на ту самую широкую дорогу политическихъ демонстрацій и открытыхъ протестовъ,

* « Рабочее Дѣло », № 10, « Майскіе дни на Обуховскомъ заводѣ », стр. 93—94.

на которую оно теперь выбралось ощупью, стихійно. Впрочемъ, теперь это вопросъ, уже разрѣшенный самой жизнью. Кажется, теперь нѣтъ уже ни одной революціонной организаціи, которая бы, по крайней мѣрѣ заднимъ числомъ, не дала своей санкціи демонстраціонному движенію. Оно началось, и подходящее боевое настроеніе создано.

* * *

За нѣсколько мѣсяцевъ до волненій прошлаго года, еще въ 1900 г., выпуская первый номеръ нашей газеты, мы во всеуслышаніе повторили, что наступило время для болѣе смѣлой и рѣшительной борьбы, что подъ оболочкой всеобщей подавленности накопилось много сдержаннаго негодованія, скрытаго недовольства, потенціальной революціонной энергіи. Нужна смѣлая иниціатива, чтобы перевести эту потенціальную энергію въ кинетическую. «Одно ясно», писали мы: «явись серьезная революціонная организація, *начнись хотя бы отдѣльные случаи самоотверженнаго сопротивленія* — и настроеніе рѣзко измѣнится». *

Намъ не хотѣли вѣрить, думали, что мы увлекаемся. Но жизнь показала, что мы были глубоко правы. Большинство революціонеровъ не рѣшалось вызвать рабочихъ на улицу — рабочіе выходили сами. Большинство революціонеровъ и не мечтало о переходѣ въ фазу массовыхъ демонстрацій — и демонстраціи выходили сами собой. Большинство революціонеровъ не рѣшалось звать рабочихъ на помощь «чужому» для нихъ дѣлу — борьбѣ студентовъ съ правительствомъ за свободу университетской науки; но эта борьба сама проявила достаточно притягательной силы, чтобы рука объ руку со студентами пошли рабочіе. Не оказалось достаточно сильной и организованной партіи, которая бы могла и рѣшилась дать сигналъ къ борьбѣ — такимъ сигналомъ послужилъ самоотверженный подвигъ отдѣльнаго героически настроеннаго лица — Петра Карповича. И этого, какъ мы и предсказывали, оказалось совершенно достаточно, чтобы настроеніе рѣзко измѣнилось. Создалась та атмосфера всеобщей возбужденности и подъема духа, которая окружаетъ насъ и до послѣдняго времени. Эту перемѣну настроенія отмѣчаютъ всѣ и повсюду. «Обычная жизнь Шлиссельбургскаго тракта нарушена: вездѣ царитъ возбужденіе, и еще нельзя предугадать, въ какія формы оно выльется», констатировалъ еще 2-й номеръ «Летучаго Листка Союза соціалистовъ-революціонеровъ». «Сознаніемъ овладѣваетъ гнѣвъ и ненависть къ угнетателямъ, и руки рабочаго, доселѣ послушно работавшія, начинаютъ подниматься съ угрозой», — пишетъ «Саратовская Объединен-

* «Револ. Россія», № 1, 1900 г. стр. 6.

ная группа соціалистовъ-революціонеровъ и соціаль-демократовъ». «Рабочій народъ ясно доказалъ правительству, что онъ не хочетъ больше терпѣть и страдать...» «Поклянемся же, товарищи, отвѣчать на всякое насиліе тоже силою, на беззаконіе и надругательство — наказаніемъ виновныхъ», читаемъ мы въ рабочей прокламаціи одесской группы соціалистовъ-революціонеровъ. Такія же вѣсти идутъ и изъ другихъ мѣстъ и изъ другихъ источниковъ. Въ прокламаціи Екатеринославскаго Комитета Росс. Соц.-Дем. Партіи о послѣдней демонстраціи говорится: «Мысль о демонстраціи подали студенты, они рѣшили выразить свое негодованіе по поводу избіенія студентовъ и рабочихъ въ Харьковѣ 2-го декабря и противъ М. Н. П. Рабочіе съ восторгомъ встрѣтили это предложеніе: наконецъ то имъ удастся открыто выразить свое негодованіе противъ царя и его опричниковъ, дать исходъ накопившейся злобѣ и возмущенію». Еще ярче, еще рельефнѣе это боевое настроеніе отражается въ нѣкоторыхъ письмахъ самихъ рабочихъ. «Сейчасъ рабочій народъ легко можетъ загорѣться— пишетъ одинъ — уже все тлѣетъ снизу, нужна только искра и будетъ пожаръ.... Сейчасъ всѣ рабочіе точно керосиномъ облиты, *многіе даже на линіи перемѣнились*... Теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее: теперь намъ ужъ не кассы нужны, не кружки и даже не книжки — теперь просто учи, какъ въ бой идти, какъ въ бою воевать». («Заря», № 2—3). «Теперь стачки свой вкусъ потеряли» — пишетъ другой («Искра», № 14) — время то трудное, прямо страшное; кругомъ все бродитъ, всѣ ходятъ озвѣрѣлые...» «Хоть многихъ у насъ взяли, можетъ, ихъ нѣтъ больше совсѣмъ — пишетъ работница послѣ одного изъ сильныхъ полицейскихъ «кровопусканій», — а все таки мы твердо стоять будемъ.... Теперь такое время, что на бросаньи работы никто стоять не будетъ; теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется... Ужъ больно горько умирать, какъ собакамъ, въ углѣ, чтобы никто не видѣлъ даже, — это, вѣрно, такая доля у рабочихъ, чтобы умирать не на людяхъ; вѣрно, и красной смерти для нихъ жалко!»

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти письма исходятъ отъ рабочихъ, наиболѣе революціонно настроенныхъ, и не просто отражающихъ общее настроеніе, но отражающихъ его въ сгущенномъ, концентрированномъ видѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что соотвѣтственно съ этимъ къ картинѣ общаго настроенія необходимо сдѣлать то, что у астрономовъ называется «личной поправкой». Но и послѣ нея остается несомнѣннымъ фактъ боевого, возбужденнаго настроенія широкихъ круговъ рабочихъ, настроенія, которое у передовыхъ, наиболѣе отзывчивыхъ натуръ переходитъ въ жажду подвига и актовъ революціоннаго мужества. «Молча терпѣть и страдать» они не

могутъ, молча подставлять свои спины и шеи нагайкамъ — также. Если и прежде они не могли удовлетвориться « воробьиными шагами », умирали отъ неудовлетворенной жажды «красной жизни», то теперь они хотятъ уже « красной смерти ». Ихъ настроеніе поднимается до степени того героическаго настроенія, которое во время эпилога « Народной Воли » поэтъ выразилъ сильными стихами :

Нѣтъ теперь « униженнаго брата »,
Жалкихъ словъ не нужно расточать ;
Мы теперь отчаяньемъ богаты,
Жить нельзя — такъ будемъ умирать . . .

* * *

Не дадимъ однако словамъ обмануть себя. Если въ рѣчахъ работницы звучатъ ноты отчаянія — подобнаго « героизму отчаянія», провозглашенному поэтомъ конца народовольческой эпохи,—то это вовсе не то отчаяніе, которое заставляетъ потерять вкусъ къ жизни и самовольно оборвать ея нить — а тѣмъ болѣе не то отчаяніе, которое заставляетъ « сложить на пустой груди безполезныя руки ». Нѣтъ, это отчаяніе лишь въ возможности потихоньку-помаленьку, умѣреннымъ и аккуратнымъ манеромъ оттягать у враговъ по грошику весь « таланъ-долю ». Такое « отчаяніе » — неизбѣжный спутникъ всѣхъ революціонныхъ моментовъ. Къ « жизни » въ обычномъ, обывательскомъ смыслѣ этого слова, вкусъ, дѣйствительно, теряется. Развивается потребность въ жизни-борьбѣ, при которой въ минуты переживается больше, чѣмъ раньше — въ дни, въ недѣли, въ годы . . . Здѣсь за внѣшнею формою — за словами о « красной смерти » — чувствуется именно высшее выраженіе жизни, жизненнаго принципа. Чѣмъ интенсивнѣе жизнь, тѣмъ меньше значенія въ глазахъ человѣка имѣетъ естественное животное стремленіе продолжать эту жизнь подольше, тѣмъ легче ему жертвовать цѣлыми годами и даже десятилѣтіями . . . Сокращеніе личной жизни для него съ избыткомъ искупается ея напряженностью. Жизнь вольная, бьющая живымъ ключемъ, жизнь, вливающаяся въ душу могучей волной, заставляющая трепетать всѣми нервами, всѣми фибрами своего существа — вотъ родная стихія для страстной, боевой, революціонной натуры. Что для нея счетъ годами и десятилѣтіями ! « Пусть это только мигъ, короткій, бѣглый мигъ, и дальше гибель безъ возврата ; но для него — такъ былъ онъ чуденъ и великъ — и смерть — недорогая плата ! » Вотъ психологія страстнаго революціонера, революціонера не только по мыслямъ, но и по чувствамъ, не только по убѣжденіямъ, но и по натурѣ. Лучше не жить, если жить — значитъ прозябать ; безъ борьбы — сама жизнь не въ жизнь ; борьба начата — нужно идти до конца, не останавливаясь ни передъ какими средствами . . ,

Да, борьба начата, и соотвѣтственное революціонное настроеніе явилось. Слѣпъ будетъ тотъ, кто не пойдетъ ему навстрѣчу, кто вернется опять къ старому, займется «угашеніемъ духа» или исключительной проповѣдью малыхъ революціонныхъ дѣлъ. Не вернуть тѣхъ временъ, когда Сафоновымъ, Орѣховымъ и Ефимовымъ не находилось достаточно мѣста въ революціонной работѣ, не находилось дѣла съ достаточно широкимъ и смѣлымъ революціоннымъ размахомъ. На насъ, представителяхъ революціоннаго соціализма, лежитъ обязанность стихійно вспыхнувшей борьбѣ дать боевую организацію и боевыя средства. И мы должны быть готовы ко всякому исходу. По мѣрѣ того, какъ непосредственныя уличныя столкновенія массъ съ силами правительства становятся все ожесточеннѣе, по мѣрѣ того, какъ избіенія беззащитныхъ демонстрантовъ нагайками, шашками и ружейными прикладами повторяются все въ болѣе варварскихъ и возмутительныхъ формахъ — растетъ и накипаетъ у массъ психологическая потребность въ отпорѣ, въ отвѣтѣ «на насилія — также силой, на беззаконіе и надругательство — наказаніемъ виновныхъ». Эта потребность *должна* быть удовлетворена, ибо отсутствіе этого удовлетворенія можетъ, пожалуй, повести къ тому, что у людей опять безсильно опустятся руки, что разочарованіе и моральная пришибленность смѣнятъ недавній подъемъ чувствъ и силъ, что опять сгустится надъ нами тотъ свинцовый туманъ апатіи, изъ котораго мы съ такимъ трудомъ могли выбраться лишь недавно.

И въ тотъ критическій моментъ, когда на карту будетъ поставленъ вопросъ о спасеніи революціоннаго духа, о нанесеніи правительству отвѣтныхъ ударовъ — исторія не должна застигнуть насъ врасплохъ. Мы должны быть готовы ко всему. Мы должны быть вооружены для борьбы. Мы должны быть подготовлены. Такъ или иначе — путемъ ли массоваго, открытаго натиска или путемъ обходныхъ, партизанскихъ ударовъ, — но мы должны съумѣть дать врагу жестокій отпоръ, когда того потребуютъ обстоятельства — быть можетъ, обстоятельства завтрашняго дня. Мы должны обладать не только организаціями, приспособленными для цѣлей пропаганды или агитаціи, но и боевыми дружинами. Иначе мы окажемся въ положеніи тѣхъ евангельскихъ дѣвъ, у которыхъ не оказалось масла въ свѣтильникахъ въ тотъ самый моментъ, когда пришелъ столь давно жданный женихъ. Объ этомъ должны подумать всѣ соціалисты, всѣ революціонеры безъ различія фракцій — пока еще думать не поздно. Можетъ опять, «яко тать въ нощи» нагрянуть моментъ, когда не поздно будетъ только одно — *дѣйствовать*.

Февраль, 1902 г.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ и НАШИ ТАКТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ.

Въ рабочемъ движеніи за послѣднее время даетъ себя чувствовать нѣкоторая заминка. Не доходитъ въ такой степени, какъ прежде, извѣстій о массовыхъ стачкахъ, распространяющихся все шире и шире, захватывающихъ все новые и новые фабрично-заводскіе районы, о тысячахъ и даже десяткахъ тысячъ забастовщиковъ, множествѣ агитаціонныхъ листковъ, формулирующихъ требованія рабочихъ, о суматохѣ среди хозяевъ и фабричныхъ инспекторовъ, о сношеніяхъ мѣстныхъ властей съ центральной властью относительно размѣра возможныхъ уступокъ. И эта заминка, это затишье успѣло уже породить среди извѣстной части революціонной интеллигенціи тревожныя, пессимистическія мысли. Какъ это чаще всего бываетъ, самое сильное и наиболѣе угнетающее впечатлѣніе испытываютъ тѣ, кто раньше особенно восторгался гигантскимъ ростомъ рабочаго движенія и широтой его охвата. Стачка одно время сдѣлалась въ ихъ глазахъ какъ бы символомъ рабочаго движенія и, незамѣтно для нихъ самихъ, заняла совершенно непропорціональное мѣсто въ ихъ міросозерцаніи и въ ихъ программѣ дѣятельности. Недаромъ въ соціально-революціонной литературѣ второй половины 90-хъ гг. было отмѣчено, что соціальдемократизмъ на русской почвѣ грозилъ окончательно выродиться въ чистый ***стачкизмъ***.

Ростъ стачечнаго движенія въ глазахъ многихъ соціальдемократовъ того времени, дѣйствительно, являлся точнымъ показателемъ степени развитія классового сознанія русскаго фабрично-заводскаго пролетаріата. Они не замѣчали, что, какъ разъ наоборотъ, внезапный и быстрый ростъ стачечнаго движенія свидѣтельствуетъ обычно лишь ***о первомъ пробужденіи*** рабочихъ, о дѣтски-незрѣлой фазѣ рабочаго движенія; они не замѣчали, что первое увлеченіе стачками во всѣхъ странахъ на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія быстро смѣнялось болѣе осмотрительнымъ, осторожнымъ и трезвымъ отношеніемъ къ значенію и къ силѣ этого орудія борьбы. Возьмемъ, напримѣръ, классическую страну соціальдемократизма — Германію. Въ 1890 году, на партейтагѣ нѣмецкой соціальдемократіи въ Галле, въ порядкѣ дня стоялъ какъ разъ вопросъ о стачкѣ и бойкотѣ, какъ оружіяхъ борьбы. Докладчики Клосъ и Грилленбергеръ, резолюція которыхъ была принята единогласно, рекомендовали очень сдержанное отношеніе къ стачкѣ, ибо

«стачка есть обоюдоострое оружіе, которое легко можетъ наносить раны какъ разъ тому, кто имъ хочетъ защищаться». Такое отношеніе къ стачкамъ нѣмецкая соціальдемократія разсматривала, какъ необходимый результатъ болѣе зрѣлаго состоянія всего движенія, въ противоположность первому незрѣлому увлеченію стачками. «Многія стачки послѣднихъ лѣтъ — говорилъ докладчикъ — были возбуждены рабочими, которые являлись еще совершенно неорганизованными или организованными чрезвычайно недавно, или еще только собирались организоваться. До нѣкоторой степени это стачечное движеніе можетъ быть уподоблено внезапному пробужденію отъ сна, когда пробудившійся не въ состояніи сразу сообразить и оріентироваться въ дѣйствительныхъ условіяхъ. Рабочій чувствуетъ смутное недовольство, неудовлетворенность, не знаетъ хорошенько, какое средство можетъ оказаться дѣйствительнымъ для устраненія этой неудовлетворенности, и вѣритъ, что путемъ стачки онъ разомъ можетъ улучшить свое положеніе». Въ это время достаточно рабочимъ услышать живое слово какого нибудь агитатора, прочитать наскоро сфабрикованный кружкомъ молодежи листокъ, чтобы началось броженіе. Рабочіе, такъ долго относившіеся индифферентно къ окружающему, сразу и рѣзко переходятъ къ вспышкѣ и не находятъ ничего лучшаго, какъ тотчасъ же забастовать.

И ростъ стачечнаго движенія въ Россіи въ 90-хъ гг. былъ именно признакомъ этого смутнаго, первоначальнаго броженія. Русскій рабочій классъ просыпался, потягивался, разминался, ощущая, какъ «переливается силушка по жилушкамъ», и наслаждался этимъ новымъ, неизвѣданнымъ ощущеніемъ. Къ тому же, съ этимъ моментомъ въ развитіи рабочаго движенія по времени совпала преходящая лихорадка промышленнаго подъема. Какъ разъ въ это время возводилось «на пескѣ» грандіозное зданіе, которое должно было вслѣдъ затѣмъ рухнуть съ шумомъ и трескомъ въ ту пропасть промышленнаго кризиса, изъ которой мы никакъ не можемъ выкарабкаться вплоть до самаго послѣдняго времени. При недостаткѣ въ Россіи технически обученныхъ, профессіонально-подготовленныхъ рабочихъ, спросъ на ихъ трудъ быстро росъ, условія борьбы за повышеніе заработной платы и улучшеніе другихъ условій найма являлись исключительно-благопріятными. На этой почвѣ быстро выросло и среди рабочихъ, и среди извѣстной части революціонной интеллигенціи тяготѣніе къ узкому, исключительному профессіонально-пролетарскому движенію, къ пересадкѣ на русскую почву трэдъ-юніонизма на англійскій манеръ. Одинокіе голоса, предостерегавшіе отъ этой узости и исключительности, оставались долгое время гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Даже хуже: когда единичные представители соціально-революціоннаго направленія говорили

противъ «стачкизма», противъ сведенія всего движенія къ борьбѣ изъ-за прибавки пятачка на рубль, въ этой критикѣ стремились видѣть лишь злокозненное намѣреніе какъ нибудь дискредитировать рабочее движеніе, лишь проявленіе неуваженія къ нему и невѣрія въ силу рабочаго класса.

Прошло нѣкоторое время — и все перемѣнилось... Тѣ рѣчи, въ которыхъ раньше усматривалось «оскорбленіе величества рабочаго движенія», пріобрѣли право гражданства даже въ соціальдемократической литературѣ и теперь едва ли уже не пользуются общимъ признаніемъ... Этотъ поворотъ заставила сдѣлать сама жизнь. Разными путями она привела самихъ рабочихъ къ неудовлетворенности тактикой голаго стачкизма. Въ однихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, Западный край, среди еврейскихъ ремесленныхъ рабочихъ, стачка изъ новаго, поражающаго явленія, стала явленіемъ слишкомъ обычнымъ; съ ней свыклись, какъ съ самымъ простымъ и понятнымъ аксессуаромъ повседневной жизни; рядовой ремесленникъ-рабочій оцѣнилъ выгоды во время начатой и хорошо подготовленной стачки; даже «независимые-зубатовцы» вводятъ стачку въ свою программу. Для передовыхъ рабочихъ, стремящихся къ максимуму революціоннаго воздѣйствія на окружающую среду, стачки перестали служить столь же широкой, какъ прежде, ареной приложенія исключительно ихъ силъ; все чаще и чаще передъ ихъ сознаніемъ вставалъ тревожный вопросъ — «что же дальше?»

Съ другой стороны, въ собственно-фабричныхъ районахъ самыя внѣшнія условія перемѣнились въ неблагопріятную для стачекъ сторону. Промышленный кризисъ вызвалъ задержку въ ростѣ производства, и мѣстами, въ иныхъ вѣтвяхъ индустріи, привелъ даже къ сокращенію его размѣровъ, къ сокращенію спроса на рабочія руки. Одновременныя голодовки въ деревнѣ, между тѣмъ, выбросили сразу на рабочій рынокъ громадное число жаждущихъ работы хотя бы и за безцѣнокъ. Занятымъ рабочимъ приходилось сильнѣе прежняго дорожить своимъ мѣстомъ и держаться за него; меньше стало шансовъ на удачу стачекъ и на уступчивость хозяевъ. Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ эпохи промышленнаго расцвѣта являются эпохами численнаго роста наступательныхъ рабочихъ забастовокъ; и, наоборотъ, эпохи кризиса суть прежмущественно эпохи стачекъ оборонительныхъ, острыхъ фабиичныхъ волненій, вызванныхъ невозможностью побудить хозяевъ къ уступкамъ, эпохи locout'овъ, — искусственно вызванныхъ самими хозяевами недоразумѣній съ рабочими и пріостановокъ работы, какъ предлоговъ достигнуть повышенія цѣнъ на свои продукты. Естественно, такія эпохи настраиваютъ рабочихъ къ болѣе скептическому отношенію, къ меньшей вѣрѣ во всемогущество стачки.

Соединенное давленіе двухъ этихъ факторовъ нанесло «стачкизму», или, согласно другой терминологіи, «экономизму», — смертельный ударъ. «Экономизмъ» сразу исчезъ, словно испарился, улетучился или провалился сквозь землю. Всѣ его чураются, всѣ отъ него открещиваются — его пѣсенка надолго спѣта.

Изъ сказаннаго, однако, не нужно заключать, будто эпоху усиленнаго стачечнаго движенія мы считаемъ безплодной. Ничуть не бывало. Напротивъ, огромное агитаціонное значеніе періода стачекъ для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ взволновалъ и затронулъ — хотя мѣстами и слишкомъ поверхностно — широкія массы рабочихъ и послужилъ исходнымъ пунктомъ для ихъ дальнѣйшаго политическаго развитія, какъ ни мало иногда работали для этого руководители движенія. Но одно дѣло — вліяніе стачечнаго движенія, другое — вліяніе узости и односторонности «стачкизма», которое сказалось очень скоро далеко не въ пользу революціоннаго дѣла.

* * *

Не находя болѣе исхода въ стачечной борьбѣ, обостренное надвинувшейся безработицей, получивъ неожиданно новый и сильный импульсъ со стороны, отъ бурнаго взрыва студенческаго движенія и первыхъ ударовъ партизанскаго террора — недовольство рабочихъ массъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ русскихъ городовъ нашло совершенно самостоятельно новую форму проявленія. Вспыхнули первые уличные безпорядки и демонстраціи, неорганизованныя, неподготовленныя, чисто-импульсивныя. Тѣмъ заразительнѣе, однако, было ихъ дѣйствіе на массу. Одна демонстрація порождала другую — «волна на волнѣ набѣгала, волна погоняла волну».

Большинство революціонныхъ организацій, еще такъ недавно всю свою миссію видѣвшихъ въ руководствѣ стачечнымъ движеніемъ, были застигнуты врасплохъ, «отчасти — зачѣмъ это скрывать? — и вслѣдствіе извѣстной косности, свойственной всякой организаціи, приноровившейся къ опредѣленному роду и темпу дѣятельности». * Отсюда и та растерянность, и та разноголосица, которая царила по вопросу объ отношеніи къ демонстраціямъ среди извѣстной части русскихъ революціонеровъ. Одна изъ соціальдемократическихъ группъ такъ описываетъ эту состояніе. «Тысячныя толпы народа, точно выросшія изъ нѣдръ земли, съ восторгомъ встрѣчали насъ — «студентовъ», какъ вождей своихъ, предлагали намъ силу и руки. «Господа студенты, ведите насъ; прикажите

* Б. Кричевскій, «Историческій поворотъ» (изд. «Рабочаго Дѣла»).

только намъ, и мы сейчасъ сомнемъ эту сволочь!» кричала намъ московская улица, съ ненавистью выстроившись противъ защитниковъ престола и отечества. «Господа студенты, прикажите — мы разнесемъ арсеналъ» — писали въ маникѣ запертымъ тамъ интеллигентамъ петербургскіе рабочіе. А мы — мы позорно молчали и прятались за спины другъ друга, не находя въ себѣ ни силъ, ни способностей къ роли вождей... Поддержка народныхъ массъ только ошеломила насъ, но не подвинула впередъ, не вложила новаго меча въ наши ножны... Мы совершенно не сумѣли откликнуться на эту товарищескую поддержку и воспользоваться боевымъ настроеніемъ массъ...» *

Такъ было вначалѣ. Затѣмъ жизнь взяла свое. Послѣдовалъ рѣзкій и крутой поворотъ. Вкусъ къ стачкамъ утратился. «Теперь время такое, что на бросаньи работъ никто стоять не станетъ — писала одна работница, теперь всѣмъ хочется большаго, всѣмъ на улицу хочется...»

И былое увлеченіе стачками готово уже было смѣниться новымъ увлеченіемъ, столь же крайнимъ и исключительнымъ. Любопытно, что именно среди того крыла русской соціальдемократіи, которое раньше такъ переоцѣнивало значеніе стачкизма и экономической борьбы, наибольшей интенсивности достигла и переоцѣнка демонстрацій. Люди, для которыхъ чрезвычайный ростъ стачечнаго движенія служилъ точнымъ мѣриломъ вообще роста самосознанія рабочаго, въ пріостановкѣ стачечнаго движенія и переходѣ его въ движеніе демонстраціонное увидѣли прямое начало революціи.—Рабочій классъ созрѣлъ и выходитъ на улицу, чтобы штурмовать крѣпость самодержавія: надо стать во главѣ массъ и вести ихъ на этотъ штурмъ, иначе мы — банкроты! Такъ разсуждали представители этого теченія и въ порывѣ увлеченія редижировали новый приказъ о арміи пролетаріата — «стройтесь въ штурмовыя колонны!» **

Но моментъ рѣшительнаго массоваго штурма крѣпости самодержавія оказался гораздо дальше, чѣмъ думали. И всѣ тѣ, кто готовъ былъ видѣть въ рядѣ демонстрацій непосредственный прологъ революціи, только готовилъ себѣ горькое разочарованіе. Чрезмѣрный, неосновательный оптимизмъ и такой же неосновательный пессимизмъ — родные братья, изъ которыхъ одинъ необходимо ведетъ за собой слѣдомъ другого. И эти вѣчные переходы, эти вѣчные скачки и метанья изъ стороны въ сторону, къ сожалѣнію, слишкомъ давно и слишкомъ

---

* «Письмо къ товарищамъ - пропагандистамъ», изданіе Заграничной Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.

** См. ту же, очень краснорѣчиво написанную прокламацію «Историческій поворотъ».

олго характеризуютъ собой наше движеніе, являясь призна-ами несомнѣнной политической незрѣлости...

Выступивъ рѣшительно *за* демонстраціи еще въ то время, огда онѣ не пользовались популярностью, мы, однако, всегда казывались видѣть въ нихъ какую то панацею. Наше отно-еніе къ демонстраціямъ оставалось такимъ же, какъ и от-ошеніе наше къ стачкамъ. При опредѣленныхъ условіяхъ мы ризнавали и за тѣми, и за другими громадную роль — хотя олѣе агитаціонную, чѣмъ непосредственно-практическую. Но ы отнюдь не полагали, чтобы или стачки, или демонстраціи, евращенныя въ какую то самодовлѣющую систему, являлись ъ разрѣшающимъ, универсальнымъ средствомъ. И стачка, и емонстрація были въ нашихъ глазахъ подходящимъ оружіемъ орьбы; но ни та, ни другая не казалась намъ какой то раз-ивъ-травой, отпирающей всѣ замки и всѣ запоры.

Признаніемъ стачекъ, и далѣе — переходомъ къ демонстра-ямъ — съ нашей точки зрѣнія, вопросы не разрѣшались, а шь ставились. Стачечное движеніе только выясняло невоз-ожность обойти политическую борьбу, необходимость поста-ить на очередь вопросъ о выступленіи не только противъ зяевъ, но и противъ правительства; демонстраціи только ясняли необходимость поставить на очередь дальнѣйшій во-осъ — объ ***отпоръ*** правительственнымъ репрессіямъ, о не-осредственной борьбѣ, борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ, и о азличныхъ возможныхъ формахъ этой борьбы.

Пока невозможна массовая вооруженная демонстрація, пока ы не можемъ вывести на улицу рабочіе батальоны, съ като-рическими требованіями и угрозой поддержать эти требо-нія силой оружія, — до тѣхъ поръ неумолимый законъ борь-ы будетъ накладывать на насъ роковую необходимость пар-занской самозащиты и партизанскихъ нападеній. Нашъ глядъ на пользованіе террористическими средствами борьбы вѣстенъ. Намъ остается сказать здѣсь нѣсколько словъ о оруженной самозащитѣ во время самыхъ демонстрацій.

Мы различаемъ ***вооруженную демонстрацію*** отъ ***вооруженной дивидуальной самозащиты*** при демонстраціяхъ. Въ первомъ учаѣ вооруженная масса демонстрируетъ свою готовность лой оружія отстаивать и поддерживать свои требованія. этомъ случаѣ она дѣйствуетъ наступательно. Иными овами, въ первомъ случаѣ мы имѣемъ прямыя угрозы на-льственной революціей, возстаніемъ. Во второмъ случаѣ просто имѣемъ дѣло съ актомъ индивидуальной пре-смотрительности со стороны значительной части, можетъ ть, даже большинства участниковъ демонстраціи, запаса-ихся оружіемъ, чтобы не давать себя звѣрски избить лю-му полицейскому, которому отсутствіе сопротивленія только даетъ наглости. Въ этомъ случаѣ тактика имѣетъ оборо-

нительный характеръ. Нелѣпо и недопустимо, чтобы участника демонстраціи до полусмерти избивали нагайками, кулаками, шашками, топтали ногами, волочили по землѣ, а онъ могъ бы защищаться только зонтикомъ или снятой съ ноги калошей. Такое неравенство шансовъ можетъ обратить усмиреніе демонстрацій въ простой веселый спортъ для любителей кулачныхъ боевъ изъ числа полицейскихъ. Рабочіе уже въ настоящее время протестуютъ противъ того, чтобы ихъ вели только подставлять свои бока и спины подъ нагайки. Уменьшеніе числа участниковъ во время послѣднихъ демонстрацій вполнѣ понятно. Демонстраціи потому и выходятъ не такъ импозантны, толпа потому и проявляетъ такъ мало смѣлости, рѣшительности и стойкости, что именно самые энергичные и рѣшительные элементы громко выражаютъ свое согласіе идти на демонстраціи лишь въ томъ случаѣ, если имъ данъ будетъ лозунгъ—идти не съ пустыми руками. И если мы теперь безусловно не можемъ взять на себя громадной отвѣтственности, связанной съ призывомъ къ наступательной вооруженной демонстраціи, которая теперь, при неравенствѣ силъ, кончилась бы ужасной бойней — то мы можемъ для настоящаго времени опредѣленно высказаться только лишь за необходимость индивидуальной вооруженной самообороны при демонстраціяхъ, въ случаяхъ наиболѣе звѣрскихъ и варварскихъ избіеній, когда безъ такого сопротивленія демонстраціи могутъ перестать быть факторомъ возбуждающимъ, революціонизирующимъ, и зрѣлище избіенія разбѣгающейся, охваченной паническимъ ужасомъ толпы, которая и не пробовала сопротивляться, можетъ даже подѣйствовать на многихъ ***деморализующимъ*** образомъ.

Когда вопросъ о такой самозащитѣ поставленъ, не могутъ уклониться отъ участія въ его разрѣшеніи и мѣстныя революціонныя организаціи, которыя могутъ и должны формировать для этого боевыя дружины и группы. При этомъ мы должны помнить общее правило. Какъ къ террору нельзя «призывать» кого то другихъ, а нужно его организовать — такъ и вооруженная самозащита, вооруженный отпоръ во время демонстрацій долженъ быть не столько проповѣдуемъ, сколько ***подготовляемъ*** партійными организаціями. Это, конечно, дѣло трудное и отвѣтственное, и, быть можетъ, иногда придется даже отказываться отъ устройства демонстраціи за невозможностью придать ей дѣйствительно революціонный характеръ. Здѣсь все зависитъ отъ конкретныхъ условій времени и мѣста.

Все это каждый разъ необходимо взвѣсить, если демонстрація организуется революціонными группами. Другое дѣло, если демонстрація вспыхиваетъ помимо революціонной иниціативы, стихійно, если она вызывается какимъ нибудь изъ

ряду вонъ выходящимъ случаемъ, сильно взволновавшимъ рабочую массу. Революціонеры должны помнить, что во всѣ трудныя минуты жизни рабочей массы они должны быть въ ея переднихъ рядахъ. Здѣсь уже не можетъ быть мѣста запоздалымъ соображеніямъ благоразумія. Пусть иной разъ разсчетливѣй было бы еще потерпѣть, повременить; но если у рабочей массы терпѣніе лопнуло, если она бросается даже въ безнадежную, отчаянную борьбу, какъ это было съ обуховскими рабочими — революціонеры не исполнятъ своего долга, если не будутъ въ самомъ огнѣ. Здѣсь благоразумное воздержаніе равносильно преступленію. Оно было бы разрывомъ глубокой, кровной связи между передовыми бойцами рабочаго дѣла — революціонными соціалистами — и рядовыми великой формирующейся арміи труда. А ничто не можетъ быть гибельнѣе для дѣла, ничто не можетъ быть чревато худшими опасностями, чѣмъ подобный разрывъ, или даже надрывъ этой кровной связи...

Неумѣстно слишкомъ сдержанное отношеніе къ вопросу о демонстраціи еще и тогда, когда рѣчь идетъ о ***сочувственной*** демонстраціи, когда демонстрація въ данномъ мѣстѣ является лишь сочувственнымъ откликомъ на какой либо другой революціонный актъ. Предположимъ такой случай: произошли демонстраціи въ Петербургѣ, Москвѣ, еще двухъ-трехъ крупныхъ центрахъ. Быть можетъ, въ Кіевѣ или Харьковѣ при другихъ условіяхъ лучше было бы избрать для демонстраціи иное время: она выиграла бы въ импозантности. Но тутъ-то и необходимо помнить, что мы ведемъ не узко-мѣстную, а общенаціональную политику, мы имѣемъ дѣло съ общимъ впечатлѣніемъ, которое производитъ демонстраціонный потокъ, взятый въ цѣломъ; мы должны глядѣть на дѣло шире, не сужывать своего кругозора границами даннаго прихода. Мы должны помнить, что даже не особенно удачная демонстрація въ данномъ мѣстѣ имѣетъ громадное значеніе для поддержки ***общаго*** движенія.

Сказанное выше имѣетъ не меньшее значеніе и для случаевъ поддержки другихъ революціонныхъ актовъ. Сочувственныя демонстраціи во время вспышки крестьянскаго возстанія въ нѣсколькихъ уѣздахъ, сочувственныя демонстраціи послѣ крупнаго террористическаго акта имѣютъ огромное значеніе, далеко не измѣряемое обычною, повседневною мѣркой — числомъ участниковъ, организованностью, стойкостью и т. д. Въ этихъ случаяхъ для отдѣльныхъ мѣстъ часто можетъ возникнуть задача — организовать какую бы то ни было демонстрацію, организовать ее во что бы то ни стало.

Таковы оговорки, которыя безусловно необходимо имѣть въ виду при соблюденіи общаго правила — относиться къ устройству демонстрацій не легкомысленно, а сдержанно, осто-

рожно, каждый разъ взвѣшивая всѣ шансы успѣха или неуспѣха, всѣ возможныя послѣдствія открытаго выступленія на улицу и отпора звѣрскимъ насиліямъ.

И, считаясь съ тѣмъ, что царское правительство всегда пытается выставить революціонеровъ подстрекателями, подводящими толпу подъ пули и розги и прячущимися за чужими спинами — мы должны помнить, что въ случаѣ кроваваго исхода того или другого вызваннаго нами массоваго движенія мы должны быть непремѣнно въ первыхъ рядахъ, мы должны показывать примѣръ героическаго самопожертвованія.

* * *

Итакъ, въ то самое время, когда одни начинаютъ значительно разочаровываться въ демонстраціяхъ, а другіе — свысока, съ пренебреженіемъ относиться къ «мелочной» стачечной борьбѣ, какъ «низшей формѣ» рабочаго движенія — мы, далекіе и отъ того, и отъ другого, можемъ только еще разъ настаивать на правильности нашей прежней точки зрѣнія.

Намъ не приходится разочаровываться въ демонстраціяхъ, ибо мы и раньше ихъ не переоцѣнивали, ибо мы и при ихъ возникновеніи не смотрѣли на нихъ, какъ на начало непосредственнаго, рѣшительнаго штурма бастіоновъ самодержавія. Мы считали ихъ могучимъ агитаціоннымъ средствомъ, мы считали ихъ комбинированіе со всѣми прочими видами напора на правительство чрезвычайно желательнымъ и необходимымъ. Опытъ послѣдняго времени могъ только подтвердить эту желательность и необходимость.

Намъ не приходится вдаваться въ крайности, принижая значеніе стачечной борьбы, ибо противъ односторонняго и узкаго *стачизма* мы были всегда, положительной же роли стачекъ не отрицали никогда. Еще въ программѣ «подготовительной работы партіи Народной Воли» говорилось, что «въ рабочей средѣ должна усиленно вестись пропаганда: 1) соціалистическихъ идей (чѣмъ шире, тѣмъ лучше), 2) политическаго переворота. Рядомъ съ пропагандой должна идти организація рабочихъ массъ, имѣющая цѣлью сплотить ихъ, развить въ нихъ сознаніе единства и солидарности интересовъ. Организація рабочихъ можетъ быть ведена на всякой почвѣ, начиная съ артелей, товариществъ, кружковъ саморазвитія, стачекъ и кончая чисто-революціонными сообществами».

Въ значеніи стачекъ намъ не приходится разочаровываться, ибо мы никогда не были ими особенно «очарованы». Это для насъ — одно изъ орудій агитаціи и организаціи рабочихъ въ ряду другихъ орудій, подходящее при однихъ условіяхъ мѣста и времени и неподходящее при другихъ. Оно не можетъ односторонне концентрировать на себѣ всѣхъ нашихъ мыслей;

но оно нисколько не виновато и въ томъ, что иные революціонеры, нѣкогда слишкомъ имъ увлеченные, теперь, по закону реакціи, готовы перегибать черезчуръ палку въ противоположную сторону.

Соціально-революціонная партія не можетъ отказаться отъ руководства экономической борьбой пролетаріата только ради того, чтобы рѣзче подчеркнуть свою противоположность «экономистамъ» или «стачкистамъ». Борьба за насущныя и повседневныя матеріальныя нужды — слишкомъ важное явленіе въ жизни рабочаго класса, чтобы ее можно было безнаказанно недооцѣнивать. Не отдѣльные моменты вспышекъ прочнѣе всего воспитываютъ и закаляютъ для борьбы, а повседневная жизнь, практика постояннаго, непрерывнаго отстаиванія, шагъ за шагомъ, своихъ хотя бы мелкихъ, частичныхъ и мѣстныхъ интересовъ. Изъ этихъ «мелочей» слагается вся жизнь рабочаго. «Мелочами» они являются для постороннихъ, у самого рабочаго они затрогиваютъ самыя чувствительныя струны сердца, самые кровные интересы. Эта экономическая борьба, эти стачки, эти артели и товарищества суть необходимые спутники рабочаго движенія во всѣ времена, а не просто низшая форма этого движенія, въ извѣстный моментъ переживающая себя и уступающая мѣсто другой, высшей формѣ. И если соціально-революціонная партія не хочетъ отчужденія отъ массового движенія вообще, она не можетъ разсматривать и руководство экономической борьбой, какъ чужое для себя дѣло. А руководство это потому то и необходимо, что и стачка, и артель, и товарищества могутъ быть «обоюдоострымъ оружіемъ, наносящимъ раны какъ разъ тому, кто имъ хочетъ защищаться». Легализаторскія стремленія Зубатова и зубатовцевъ — лучшее тому доказательство, и революціонеры не могутъ и не должны своимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ «низшимъ, элементарнымъ формамъ рабочаго движенія» отдавать ихъ тѣмъ самымъ на произволъ судьбы и зубатовцевъ.

Этого мало. Не покидая ни демонстрацій, ни руководства экономической борьбой пролетаріата, мы за этими способами ***агитированія*** рабочихъ массъ не должны забывать и о идущей вглубь ***пропаганды***. Нашимъ лозунгомъ должно быть развитіе рабочаго движенія не только вширь, но и вглубь.

Соціальдемократическая работа среди рабочихъ началась съ кружковой пропаганды,—и, надо сознаться, нерѣдко весьма доктринерской пропаганды. Первые піонеры этого дѣла настойчиво противополагали себя народовольцамъ, у которыхъ, будто бы, не революція была для рабочихъ, а рабочіе для революціи. Въ противоположность мнимому стремленію народовольцевъ «только разжечь» рабочихъ, они видѣли свое отличіе въ томъ, что воспитываютъ въ рабочихъ прочное и глу-

бокое классовое самосознаніе. На дѣлѣ же они черезчуръ увлекались одностороннимъ культивированіемъ въ кружкахъ отдѣльныхъ соціальдемократически мыслящихъ единицъ, и скоро увидали, что вслѣдствіе этого получаются совершенно нежелательные результаты. Наиболѣе способные и даровитые рабочіе отрываются отъ массы, изъ нихъ искусственно, съ громадными затратами времени и силъ, фабрикуются точныя копіи интеллигентовъ - пропагандистовъ, люди, выходящіе изъ рядовъ массы, становящіеся ей чужими. И по соціальдемократическимъ рядамъ проносится новый лозунгъ: агитація, агитація и агитація! Наши первые шаги были ошибочны — необходимо какъ можно скорѣе рѣзко измѣнить тактику! Нужно не отнимать у рабочей среды ея даровитѣйшихъ представителей, фабрикуя изъ нихъ типичнѣйшихъ интеллигентовъ по своему образу и подобію, нужно поднимать уровень всей массы, всю ее приводить въ движеніе черезъ посредство передовыхъ рабочихъ!

И тактика была измѣнена. Но и здѣсь большинство интеллигентовъ-пропагандистовъ не удержалось отъ того, чтобы не впасть въ противоположную крайность. Во многихъ мѣстахъ пропаганда была заброшена, началось усиленное приспособленіе къ данному уровню развитія рабочихъ. Все сводилось къ распространенію среди возможно болѣе широкихъ массъ двухъ-трехъ элементарныхъ идеекъ о пролетарской солидарности, о противоположности интересовъ рабочихъ и хозяевъ, о необходимости борьбы съ хозяевами. Расширеніе движенія во что бы то ни стало, хотя бы въ ущербъ его глубинѣ — таковъ былъ общій кличъ. Среди многихъ рабочихъ стало зрѣть серьезное недовольство тѣмъ, что ихъ высшіе умственные запросы остаются неудовлетворенными, что съ этой стороны имъ слишкомъ мало и даже ничего не даютъ. На этотъ разъ такихъ жаждавшихъ «глубокаго и прочнаго классового самосознанія» стали уже встрѣчать упреками, обвиненіями въ умственномъ аристократизмѣ и т. п. А между тѣмъ они были въ значительной степени правы. Было нехорошо, когда рабочая интеллигенція выдѣлялась въ оторванную отъ массы умственную аристократію, но не лучше стало и тогда, когда почти прекратилась самая выработка «рабочей интеллигенціи» въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ этого слова, когда революціонное воздѣйствіе стало охватывать болѣе широкія массы, но затрогивать ихъ слишкомъ неглубоко, поверхностно, а потому и непрочно.

Словомъ, общій недостатокъ въ постановкѣ рабочаго дѣла до сихъ поръ — недостатокъ, отъ котораго и необходимо намъ, наконецъ, отдѣлаться — заключается въ слѣдующемъ: вмѣсто широкаго и всесторонняго синтеза пропаганды и агитаціи, руководства экономической борьбой и политическими

демонстраціями, подготовительной дѣятельности и непосредственной борьбы — мы имѣли рядъ скачковъ, рядъ рѣзкихъ переломовъ, метаній изъ одной стороны въ другую, отъ одного односторонняго увлеченія къ другому, столь же узкому, исключительному и одностороннему.

Эти метанья изъ стороны въ сторону превосходно изображены въ одномъ письмѣ рабочаго, приведенномъ въ № 14 «Искры». «Раньше, чѣмъ больше зналъ рабочій, тѣмъ лучше; съ каждымъ носились, какъ съ писаной торбой; ему и журналы, и книги — читай, голубчикъ! а сейчасъ, какъ рабочій больше понимаетъ, такъ и за рабочаго не почитаютъ; имъ, видите-ли, «массового» нужно: все они отъ массы оторваться бояться... Сперва только и свѣта, что въ кружкахъ; рабочіе мариновались на «культурѣ» и «стоимости»; потомъ кружки ничего стоить не стали, а весь смыслъ дѣла въ агитаціи. Кружка больше не допросишься... Тутъ время стачкамъ пришло, нѣтъ стачекъ — нѣтъ и жизни; теперь стачки свой вкусъ потеряли, нужны демонстраціи, только про нихъ и есть разговоръ...»

* * *

Намъ могутъ возразить, что каждое изъ этихъ увлеченій въ свое время имѣло большой смыслъ, что самая его односторонность и исключительность была полезна, ибо благодаря этому всѣ силы концентрировались на самой важной и существенной задачѣ даннаго момента, а не разлроблялись, не разбрасывались въ разныя стороны. Таково обычное возраженіе, возраженіе странное и основанное на недоразумѣніи.

Вѣдь если проводить послѣдовательно этотъ способъ разсужденія до конца, то пришлось бы дойти до абсурда. Въ настоящее время — это признаютъ теперь едва-ли уже не всѣ — необходимо обратить серьезное вниманіе на работу въ крестьянствѣ. Но неужели, чтобы достигнуть въ этомъ направленіи необходимыхъ результатовъ, слѣдуетъ превознести крестьянство выше лѣсу стоячаго, чуть пониже облака ходячаго? Неужели для этого необходимо воскресить всѣ иллюзіи 70-хъ гг. и принизить передъ крестьянствомъ елико возможно и революціонную интеллигенцію, и рабочихъ, и т. д.? Или другой примѣръ. Одна изъ насущныхъ задачъ времени — отпоръ на правительственныя репрессаліи террористическими средствами; но неужели для введенія ихъ въ программу и практику революціоннаго движенія необходимо предварительно всѣ другія формы революціонной работы и борьбы предать закланію на алтарѣ бога-Террора?

Мы думаемъ, что напротивъ. Мы убѣждены, что всякая крайность, односторонность и исключительность въ проведеніи хотя бы здравой идеи способны лишь многихъ отпугнуть,

вызвать массу лишнихъ недоразумѣній, разногласій и расколовъ, — и только затруднить принятіе здороваго зерна, лежащаго въ основѣ даннаго увлеченія.

Вы боялись разбросаться, раздробить силы, принять слишкомъ широкую и разностороннюю программу дѣятельности ; и вотъ изъ-за этой боязни вы раскололи цѣлостную программу на обрывки, между этими обрывками фактически раздробили, раскололи силы, да еще вызвали междоусобную борьбу во имя одного обрывка противъ другого. Вы боялись разбросаться — и ради этой боязни вы застывали въ узенькихъ рамкахъ, пока жизнь своимъ властнымъ потокомъ не врывалась къ вамъ, не разбивала вашихъ узенькихъ рамокъ и не заставала васъ врасплохъ. Вы боялись разбросаться, и ради этой боязни вы обрекли себя на метанья и скачки изъ стороны въ сторону, лишили ваше движеніе правильнаго, послѣдовательнаго роста и превратились въ трость, колеблемую вѣтромъ...

Какого еще горькаго урока нужно для того, чтобы осудить безповоротно и навсегда сектантскую боязнь широкаго и смѣлаго революціоннаго синтеза?

Но жизнь сильнѣе доктринерскихъ предразсудковъ, и каждый новый ея шагъ приближаетъ насъ къ торжеству широкой и разносторонней соціально-революціонной программы, такой программы, которая дастъ мѣсто всѣмъ видамъ революціонной энергіи, всѣмъ силамъ, склонностямъ и способностямъ, гармонически объединивъ въ одномъ многостороннемъ и рѣшительномъ напорѣ на правительство всѣ формы и методы борьбы, вплоть до самыхъ грозныхъ и рѣшительныхъ!

Іюль, 1902 г.

НАШИ ЗАДАЧИ въ ДЕРЕВНѢ. *

40 лѣтъ тому назадъ революціонная организація « Земля и Воля » (1862—1863) впервые подняла въ Россіи красное знамя соціальной революціи, выступили первые ея борцы, пали первыя жертвы... Немного рукъ держали это великое знамя, но были то самоотверженныя и неутомимыя руки. И двинулось оно черезъ длинный рядъ пораженій къ побѣдѣ. Страдальчески провлачилось оно въ темныхъ тогда массахъ крестьян-

* Опубликовано въ «Рев. Россіи» (№ 8) въ качествѣ манифеста «Ко всѣмъ работникамъ революціоннаго соціализма въ Россіи», отъ «Крестьянскаго Союза П. С.-Р.»

ства, облилось оно кровью въ геройскомъ единоборствѣ съ самодержавіемъ и, наконецъ, дотянулось до мощныхъ рукъ рабочаго народа. И вотъ, настало для Россіи, послѣ долгаго безвременья, свѣтлое, яркое время: соприкосновеніе съ передовыми рядами рабочаго народа составляетъ для революціоннаго авангарда то же, что для богатыря въ сказкѣ прикосновеніе къ матери сырой землѣ: силы революціоннаго соціализма въ Россіи удесятеряются.

Прошло для насъ безвозвратно то страшное время, когда послѣ крупныхъ битвъ, послѣ тяжкихъ кровопусканій у насъ расходъ силъ далеко превышалъ ихъ приходъ, и цѣлыми годами партія, обезсиленная, почти не двигалась, тяжело, съ мучительными усиліями собирая свѣжихъ борцовъ. Теперь, когда открылись мощные родники рабочихъ массъ, когда изъ нихъ притекаютъ подъ знамя соціальной революціи уже не отдѣльныя слабыя капли, а бьютъ мощныя и быстрыя струи, — теперь никакой полицейскій терроръ намъ не страшенъ, теперь мы можемъ только усиливаться и крѣпнуть съ каждымъ годомъ. Но чѣмъ больше наша сила, тѣмъ тяжелѣе лежащая на насъ отвѣтственность за цѣлесообразное ея расходованіе.

Вотъ почему это новое положеніе требуетъ тщательнаго пересмотра всѣхъ старыхъ программъ, безпощадной критики всѣхъ обветшалыхъ догматовъ, безотлагательнаго и рѣшительнаго приспособленія нашихъ дѣйствій къ ускорившемуся и усложнившемуся движенію самой жизни.

Мы, основатели «Крестьянскаго Союза Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ», въ результатѣ такого критическаго пересмотра программъ примѣнительно къ новымъ условіямъ, пришли къ тому заключенію, что условія эти позволяютъ, а стало быть и требуютъ, расширенія нашего воздѣйствія на всѣ трудовыя массы, а въ томъ числѣ и на крестьянство, * и введенія въ программу борьбы всѣхъ средствъ, отъ мирной пропаганды до вооруженныхъ террористическихъ нападеній на самодержавіе включительно. Въ истекшіе 40 лѣтъ мы, русскіе соціалисты-революціонеры, дѣйствуя въ холодной, мало отзывчивой общественной средѣ, принуждены были со своими слабыми силами бросаться то въ одну, то въ другую сторону,

* Разъ на всегда оговоримся, что вездѣ, гдѣ мы говоримъ о крестьянствѣ, мы разумѣемъ не крестьянское ***сословіе***, не юридическую категорію, обнимающую цѣлый рядъ весьма различныхъ слоевъ, съ весьма различными интересами — а крестьянство, какъ категорію экономическую; слѣдовательно, кромѣ сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, мы выдвигаемъ особый классъ рабочихъ людей, не разлученныхъ съ средствами производства, и потому ***формально*** отличающихся отъ чистыхъ пролетаріевъ.

вмѣсто того, чтобы дѣйствовать систематически и планомѣрно во всѣхъ направленіяхъ. Хотя въ программахъ народниковъ и народовольцевъ и были перечислены чуть не всѣ общественные слои и группы, какъ подлежащіе революціонному воздѣйствію, но въ дѣйствительности у первыхъ всѣ силы ушли на крестьянство (и частью на городскихъ рабочихъ), а у вторыхъ — на террористическую борьбу (и тоже только сравнительно въ слабой степени на пролетаріатъ). Соціалъ-демократическое же движеніе 90-хъ гг. уже и въ программѣ своей рѣшительно замкнулось въ той узкой сферѣ городского пролетаріата, которая и догмой этой партіи, и еще болѣе — условіями самой дѣйствительности отмежевывалась тогда, какъ единственная доступная для всѣхъ тѣхъ, кто отказывался отъ продолженія террористической борьбы съ самодержавіемъ (поэтому и «соціалисты-революціонеры» 90-хъ гг. болѣе теоріей, чѣмъ практикой отличались отъ соціалъ-демократовъ). Вотъ эти-то вынужденные слабостью силъ скачки отъ одной среды и системы къ другой и должны замѣниться теперь, когда силы наши такъ мощно возросли и будутъ расти все быстрѣе, одновременнымъ разностороннимъ движеніемъ. Вмѣсто безпорядочной смѣны антитезъ: *или* агитаціи въ крестьянствѣ, *или* террористической борьбы съ самодержавіемъ, *или* пропаганды въ городскомъ пролетаріатѣ — можетъ и долженъ осуществиться широкій и непобѣдимый синтезъ *и* террора противъ самодержавія, *и* пропаганды, *и* агитаціи, *и* въ пролетаріатѣ, *и* въ крестьянствѣ, а также и въ арміи, и въ передовыхъ слояхъ образованнаго общества.

Никто, вѣроятно, не станетъ спорить противъ *цѣлесообразности* такой системы. Какъ окончательный исходъ войны рѣшается всею совокупностью дѣйствій пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи, и каждая изъ нихъ въ отдѣльности можетъ дать лишь отдѣльную и временную побѣду, такъ и въ той борьбѣ, которую мы ведемъ съ самодержавіемъ, безпрерывно должны дѣйствовать и упорное предварительное пропагандистское обстрѣливаніе, и внезапные террористическіе вылазки и набѣги, и, наконецъ, систематическая и широкая агитація съ планомѣрными движеніями массъ. Что одной пропагандой нельзя ограничиваться — это не требуетъ доказательствъ, но и безъ основательной пропаганды, если даже намъ и удалось бы взволновать массы, волненіе это осталось бы поверхностнымъ, неопредѣленнымъ, скоропреходящимъ и всегда могло бы повернуться въ неожиданную и нежелательную для насъ сторону. Одинъ терроръ, не поддержанный сочувственнымъ движеніемъ массъ, какъ показалъ опытъ Народной Воли, только дразнитъ иллюзіей побѣды, но не способенъ прочно завоевать ее; но терроръ въ связи съ работой въ массахъ даетъ огромные результаты, внося неудержимую панику въ дѣйствія вла-

стей и мощно, безгранично поднимая энтузіазмъ и энергію массъ.

Огромное расширеніе нашихъ силъ за послѣдніе два года придало совсѣмъ новый масштабъ пропагандѣ и агитаціи. Рабочія массы, а также кое-гдѣ и крестьянство, жадно поглощаютъ десятки тысячъ революціонныхъ брошюръ, газетъ, прокламацій; число издательскихъ группъ и типографій удвоилось или утроилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ почти каждое изъ нихъ все увеличиваетъ число издаваемыхъ экземпляровъ. Вмѣстѣ съ этимъ явился новый типъ агитатора — рѣшительнаго и смѣлаго. Сотни людей уже доказали, что они не боятся полиціи и солдатъ, многіе изъ нихъ готовы на вооруженную борьбу, ихъ не удовлетворяютъ уже полулегальныя формы пропаганды 90-хъ гг., они жаждутъ рискованной, самоотверженной революціонной работы. Не станемъ же замыкать святой огонь въ тотъ узкій кругъ, гдѣ и безъ того уже сравнительно свѣтло и тепло, разольемъ его въ самыя глубокія, самыя темныя и холодныя толщи рабочаго народа. Въ такія времена, какъ наше, цѣлесообразна одна смѣлость!

И такъ, приглашая русскую соціально-революціонную партію выйти изъ узкаго круга пропаганды среди интеллигенціи и пролетаріата на огромное поприще революціонизированія трудовыхъ крестьянскихъ массъ, тѣмъ самымъ мы не открываемъ ничего новаго, мы только формулируемъ и вносимъ въ программу то, что уже само явилось въ жизни, мы только возводимъ въ принципъ и въ систему то, что уже дѣлаютъ многіе товарищи, пока лишь эмпирически, безъ твердой системы и организаціи. Послѣдніе четыре десятилѣтія XIX в. дали намъ на опытѣ какъ бы отдѣльныя слагаемыя полной соціально-революціонной программы: теперь, съ XX вѣкомъ, мы подводимъ черту подъ этими слагаемыми и суммируемъ ихъ въ единое неразрывное и непобѣдимое цѣлое!

* * *

На нашъ взглядъ всего меньше пока начинаній и всего меньше системы и организаціи въ этихъ начинаніяхъ было въ революціонной работѣ среди крестьянства. На заполненіе этого то крупнѣйшаго пробѣла мы и рѣшили обратить наши усилія, твердо помня, что только то дѣло идетъ хорошо, которымъ занимаются не между прочимъ, не за отсутствіемъ другого дѣла, на которомъ спеціализируются. Мы непоколебимо убѣждены, что прошло то время, когда революціонная работа въ крестьянствѣ или вовсе запрещалась ортодоксіей, или разрѣшалась лишь тѣмъ, кто не могъ дѣлать ничего другого. Мы хотимъ не объѣдки, не остатки отъ стола городской интеллигенціи и пролетаріата нести крестьянству, мы хотимъ

звать его на серьезный, отвѣтственный постъ въ революціонной борьбѣ. Въ немъ, благодаря огромному количественному преобладанію, огромная сила ; значитъ, и мы должны направить на него не меньшія усилія.

Что могутъ интеллигенція и пролетаріатъ ***безъ крестьянства***, а тѣмъ болѣе ***вопреки крестьянству*** ? Весь догматъ русскихъ соціаль-демократовъ конца 80-хъ и первой половины 90-хъ гг. о томъ, что нѣтъ революціонной силы, кромѣ городского пролетаріата, былъ всецѣло основанъ на вѣрѣ въ отдаленность открытой политической борьбы и въ неизбѣжность за эти подготовительныя нѣсколько десятилѣтій пролетаризаціи, если не всего, то значительнѣйшей части крестьянства. Мы не упрекаемъ товарищей, такъ думавшихъ, мы хорошо помнимъ и понимаемъ, что трудно было иначе думать въ то, какъ бы остановившееся время, но мы констатируемъ только, что моментъ великой революціонной борьбы приблизился скорѣе, чѣмъ ожидали, что имъ наполнятся и переполнятся ближайшіе годы, и что, значитъ, исходъ ея въ рукахъ не только рабочаго, вываренаго въ фабричномъ котлѣ, а и крестьянина, голодающаго въ убогой деревнѣ. Достаточно ли разжигать революціонный пожаръ среди сотенъ тысячъ, пусть даже ***милліоновъ*** пролетаріевъ, если ***десятки милліоновъ*** крестьянства надвинутся холодной ледяной массой и потушатъ его въ самомъ началѣ ?

Для этого не надо даже крестьянству открывать и враждебныхъ дѣйствій противъ поднявшихся на царя городскихъ людей, довольно, если оно останется совершенно нейтральнымъ и неподвижнымъ : этого довольно, чтобы войска, составленныя изъ сыновей этихъ крестьянъ, « исполнили свой долгъ » и « кровью бунтовщиковъ » залили всякую вспышку. Правда, можно допустить, что само самодержавіе не пойдетъ на эту крайность, что оно уступитъ, когда увидитъ готовность городскихъ рабочихъ возстать за свободу, или, что оно трусливо уползетъ отъ неуловимыхъ и непобѣдимыхъ ударовъ террора, — на все это можно надѣяться, — но можно ли на такой надеждѣ строить весь свой планъ дѣйствій ? Можно ли мечтать о томъ, чтобы безоружныя уличныя толпы закидали своими шапками солдатскіе штыки и загородили своими тѣлами путь казачьимъ аттакамъ ? Что же касается демонстрацій вооруженныхъ, то, конечно, о нихъ легко писать и говорить, какъ о дѣлѣ неопредѣленно-далекаго будущаго, но всѣ эти разговоры до сихъ поръ имѣли лишь теоретическій, а не практическій характеръ ; и неудивительно, ибо всякій отступалъ передъ громадной отвѣтственностью — подать лишь поводъ къ громадной бойнѣ, безъ шансовъ на успѣхъ. Мы привѣтствуемъ революцію, выходящую изъ фабричныхъ воротъ, но мы поведемъ ее къ союзу съ революціей, ростущей и крѣп-

нущей въ деревнѣ. Только тогда, набравшись силъ отъ «матери сырой земли», она выйдетъ всесокрушающимъ богатыремъ. Безъ этого же ея побѣды будутъ и сомнительны, и непрочны.

Что можетъ интеллигенція и пролетаріатъ, ***вмѣстѣ съ крестьянствомъ?*** Все. Крестьянство даетъ самодержавію огромнѣйшую долю его матеріальной силы: деньги и солдатъ; именно на крестьянской темнотѣ, какъ на незыблемомъ доселѣ фундаментѣ, и держится царская власть. Поэтому опять таки нѣтъ даже безусловной необходимости всему крестьянству напасть вооруженной силой, чтобы разрушить самодержавіе. Въ критическій моментъ можетъ оказаться достаточнымъ, напримѣръ, просто массоваго отказа отъ платежа податей и доставленія рекрутовъ, — чтобы подкосились главныя подпорки самодержавія и оно рухнуло отъ перваго сильнаго толчка. Поэтому ничего оно такъ не боится, какъ крестьянскаго движенія, и очевидно, что если бы, въ помощь террористическимъ ударамъ и движенію въ городахъ, хотя слегка дрогнули крестьянскія массы, хотя бы въ нѣсколькихъ губерніяхъ, то это сразу вырвало бы у самодержавія послѣднюю надежду на спасеніе, лишило бы его послѣдней энергіи сопротивленія. Цитадель самовластья сравнительно въ безопасности, пока слабыя невооруженныя толпы ломятся въ закрытыя стальной щетиной ворота; она можетъ долго сопротивляться и террористическимъ выстрѣламъ, направленнымъ въ ея слабѣе защищенную вершину, но что ей останется, когда мы заложимъ мину вглубь и сдвинемъ самый ея фундаментъ, когда онъ дастъ трещины и сотрясется въ самыхъ доселѣ неподвижныхъ глубинахъ своихъ? Тогда самовластью останется только одно — сдаться.

* * *

Намъ возразятъ: конечно, присоединеніе крестьянскаго движенія къ прочимъ силамъ революціи лучше всего обезпечило бы побѣду и оно болѣе, чѣмъ ***желательно;*** но ***возможно*** ли оно? Разберемъ основные элементы этого главнаго вопроса.

Какіе общественные классы вообще всегда держатся за существующій порядокъ, охраняютъ его и не поддаются революціонизированію? Очевидно, или тѣ, чьи интересы удовлетворены, какъ, напримѣръ, у современной буржуазіи, или тѣ, интересы коихъ индивидуалистичны, неопредѣлены, какъ классовые, и не формулируются въ реформаторскую или революціонную соціально-политическую программу (какъ, напр., у нѣкоторыхъ мелко-бурж. слоевъ), или, наконецъ, тѣ, кому безнадежная косность и невѣжество мѣшаютъ сознать свои интересы, объединить ихъ и защитить планомѣрнымъ политиче-

скимъ движеніемъ. Ни того, ни другого, ни третьяго не находимъ мы въ современномъ русскомъ крестьянствѣ.

Осмѣлится ли кто-нибудь сказать, что крестьянинъ доволенъ экономическимъ своимъ положеніемъ, что интересы его, какъ непосредственнаго производителя и работника, удовлетворены? Неужели не всѣмъ еще извѣстно, что этотъ полусобственникъ и полу-пролетарій живетъ со дня на день, съ года на годъ, отъ урожая до урожая, а при неурожаѣ голодаетъ, болѣетъ и вымираетъ? Что надѣльной земли значительному большинству крестьянъ далеко не хватаетъ не только до нормы, которую они могли бы своими собственными силами обработать, но и до того минимума, который безусловно необходимъ только для поддержанія своего жалкаго, бѣдственнаго существованія? Что надъ этимъ малоземельнымъ и почти безкапитальнымъ крестьянствомъ также тяготѣетъ денежный капиталъ? Что поэтому крестьяне принуждены идти въ кабалу въ помѣщику, какъ арендаторы и батраки, къ скупщику, хозяину, подрядчику, какъ кустари, ремесленники, чернорабочіе, что именно они удѣляютъ большую долю изъ рабочей силы своихъ семей крупной неземледѣльческой промышленности и въ этой своей части страдаютъ отъ того же ярма капитала, что и городскіе пролетаріи? И какъ нищій «собственникъ» и какъ закабаленный работникъ, крестьянинъ одинаково неудовлетворенъ, придавленъ въ самый нижній подвальный этажъ соціальной пирамиды и тяжко страдаетъ отъ этого невыносимаго гнета.

Но сливаются ли эти струи недовольства въ одинъ общій потокъ и тяготѣетъ ли онъ, въ общемъ, въ сторону прогрессивнаго развитія и переворота? Несомнѣнно такъ. Своеобразныя условія экономическаго развитія Россіи сдѣлали для капиталистической промышленности, особенно въ области земледѣлія, выгоднымъ въ значительной мѣрѣ питаться трудомъ крестьянина, а не пролетарія, поэтому неземледѣльческій заработокъ только въ меньшинствѣ случаевъ отрываетъ хозяина отъ земли, а обыкновенно еще плотнѣе придавливаетъ его къ землѣ своей кратковременностью и недостаточностью. Совершенно также полу-сытый отъ своего надѣла крестьянинъ является полу-даровымъ работникомъ помѣщика, а потому и земельная аренда, и батрачество опять таки не отрываютъ, а прикрѣпляютъ крестьянина къ надѣлу. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ притиснутый къ землѣ, въ чемъ же можетъ видѣть крестьянинъ просвѣтъ къ лучшей жизни? Конечно, въ прирѣзкѣ земли. Съ каждымъ десятилѣтіемъ растетъ у нищающаго мужика эта жажда земли, съ каждымъ годомъ обостряется отчаянная борьба за землю. Но эта жажда даетъ массѣ крестьянства только муки Тантала, въ этой борьбѣ только одинъ изъ ста побѣждаетъ. Какъ ни много абсолютно

захватилъ мужикъ за послѣдніе 30 лѣтъ земли, но по сравненію съ растущей нуждой, это безконечно мало. И вотъ, неутоляемая этими отдѣльными крупицами, жажда земли, безплодность борьбы за землю разрозненныхъ семей, сплачиваютъ огромное большинство крестьянства въ страстномъ чаяніи общаго коренного переворота въ землевладѣніи, общаго перехода всей земли отъ землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ; изъ капиталистической собственности въ распоряженіе и пользованіе всѣхъ лично трудящихся.

Констатируя эти факты, мы, конечно, далеки отъ идеализаціи ихъ. Мы хорошо знаемъ, что жажда земли у крестьянства на многоземельныхъ окраинахъ и у нѣкоторой доли зажиточныхъ въ малоземельныхъ мѣстностяхъ — удовлетворена, что иные изъ нихъ ближе къ мелкимъ помѣщикамъ, чѣмъ къ рядовому трудовому крестьянству. Но мы на нихъ и не разсчитываемъ, какъ не разсчитываетъ и соціалистъ, пропагандирующій и на фабрикѣ, на тѣ сливки рабочихъ, которые поднялись въ привиллегированное положеніе и льнутъ къ капиталу. Какъ пропагандистъ на фабрикѣ обращается только къ основному среднему здоровому большинству, такъ и мы направляемъ свои усилія только на чисто трудовые слои крестьянства. Нужно ли пояснять, что къ этимъ слоямъ относится огромное большинство крестьянства, привлеченія котораго къ революціоннымъ силамъ города вполнѣ достаточно не только для разрушенія самодержавія, но и для побѣдъ соціализма на будущихъ всенародныхъ голосованіяхъ...

Не закроемъ мы глазъ и на то, что въ крестьянскихъ чаяніяхъ перехода земли отъ нетрудящихся къ трудящимся свѣтлая идея *обмірщенія обобществленія* земли покрыта темной ржавчиной надежды на царя и неяснаго представленія о томъ, перейдетъ ли затѣмъ распоряженіе землей въ руки всего народа, или отдѣльныхъ общинъ, или даже отдѣльныхъ крестьянъ. Мы знаемъ, что не мало намъ предстоитъ упорной работы надъ проведеніемъ въ умы крестьянъ чистаго соціалистическаго начала *обобществленія* земли и труда, и очистки его отъ грубой коры традицій и индивидуалистическихъ воззрѣній на землю, но, вѣдь, если бы готовая идея *соціализаціи* земли уже двигала крестьянами, то намъ нечего было бы и дѣлать...

Эта работа трудна, но вѣдь не легка и работа переплавки обыденныхъ интересовъ рабочаго въ соціалистическій идеалъ. Рабочихъ, мечтающихъ лишь о повышеніи заработка, приглашаютъ стать равноправными членами и распорядителями коллективнаго хозяйства! Если и столь новую для нихъ идею намъ удается уложить въ ихъ мозгъ, то неужели невозможно очистить и разработать тотъ идеалъ, который въ зародышевой формѣ уже живетъ въ головѣ крестьянина и подготовительные элементы котораго уже существуютъ въ Россіи? На-

ша пропаганда въ этомъ смыслѣ сводится къ элементарнѣйшимъ дедукціямъ: уже теперь большая доля территоріи Россіи принадлежитъ государству — надо, чтобы вся территорія принадлежала народу, чтобы распоряжалась ею не самодержавная власть, а народное выборное управленіе; уже и теперь въ Россіи мѣстами земля перетекаетъ отъ капитала къ труду — надо, чтобы этотъ процессъ былъ завершенъ государствомъ (конечно, не нынѣшнимъ, и на условіяхъ, болѣе выгодныхъ для трудовой массы, чѣмъ это было въ 1861 г.); крестьянинъ уже имѣетъ землю и пользуется ею въ большинствѣ случаевъ въ уравнительномъ распредѣленіи — надо, чтобы это трудовое пользованіе было проведено до конца, распространено на всѣхъ, вывело бы трудящихся изъ голоднаго существованія и завершилось бы чрезъ развитіе всякаго рода кооперацій коллективнымъ земледѣльческимъ производствомъ.

Кромѣ того, остерегаясь неосторожныхъ увлеченій, мы предостерегаемъ товарищей и отъ того вялаго и безсильнаго скептицизма, который, обжегшись когда то на горячемъ молокѣ, дуетъ теперь и на холодную воду. Есть много признаковъ того, что индивидуализмъ русскаго крестьянства въ огромной степени преувеличенъ въ воззрѣніяхъ 90 гг. Во множествѣ случаевъ (и въ переселеніи на новыя земли, и въ перераспредѣленіяхъ общинныхъ земель, и въ покупкѣ и арендѣ земли, и т. п., въ особенности же въ легальной и нелегальной борьбѣ съ помѣщиками, кулаками и мѣстнымъ начальствомъ) — мы видимъ крестьянство дѣйствующимъ не въ одиночку, а организованными, часто тѣсно сплоченными группами. Съ ростомъ культуры, быстро ростетъ и еще быстрѣе будетъ расти и это объединеніе крестьянства. Будетъ пріучать его и въ мысли, и въ дѣлѣ къ началу коллективному, соціальному.

Съ другой стороны, не нужно преувеличивать и силы вѣры въ царя. Уже и a priori всякій долженъ согласиться, что этотъ старый лоскутъ традиціи долженъ скоро разорваться подъ соединеннымъ напоромъ растущаго культурнаго развитія и давящей экономической необходимости, что, прождавъ десятки лѣтъ безплодно отъ царя «земли и воли», крестьянинъ, наконецъ, перестанетъ ждать и надѣяться. Изъ опыта пропаганды въ цѣломъ рядѣ мѣстностей мы знаемъ, что во многихъ случаяхъ это уже и совершилось, что критика царя теперь уже часто свободна и легка при пропагандѣ среди крестьянъ, что даже часто пропагандистъ находитъ уже совершенно готовымъ полное отсутствіе надежды, полное невѣріе въ царя ... Неужели же легенда о «царѣ-батюшкѣ» сама собой исчезнетъ въ народѣ, а мы все будемъ вѣрить въ другую легенду — легенду о мужикѣ, вѣчно надѣющемся на царя-батюшку?

* * *

Итакъ: мы считаемъ несомнѣннымъ, что экономическіе интересы крестьянства рѣзко неудовлетворены, все яснѣе имъ сознаются и складываются въ еще туманномъ, еще не ясномъ соціальномъ идеалѣ, до извѣстной степени родственномъ по своей тенденціи нашему собственному. Посмотримъ, насколько крестьянство доступно нашему воздѣйствію со стороны культурной и политической.

Всѣ понимаютъ, что за 40 лѣтъ освобожденный крестьянинъ сдѣлалъ огромный шагъ въ своемъ культурномъ развитіи, но не всѣ дѣлаютъ отсюда необходимые практическіе выводы. «Крѣпкаго черепа» крестьянина теперь боятся почти также, какъ боялись 20 лѣтъ тому назадъ, послѣ неудачнаго «хожденія въ народъ». Между тѣмъ именно эти 20 лѣтъ, за которые вступило въ жизнь поколѣніе, не знавшее крѣпостного права и частью прошедшее земскую школу, широкой пропастью отдѣляютъ насъ отъ того недоброй памяти времени, и отъ возможности такихъ, какъ тогда, неудачъ.

20 лѣтъ назадъ очень часто безполезно было бросать въ народъ книжки, такъ какъ не было грамотныхъ, чтобы ихъ читать; теперь ужъ и въ самой глухой деревнѣ книжка найдетъ себѣ читателя. Прежде темный мужикъ порой никогда не видѣлъ и уѣзднаго города и, понятно, часто неспособенъ былъ понимать самыя простыя слова, дѣлать самые элементарные выводы. Теперь чуть не вся крестьянская Русь стала бродячей: не менѣе 10 милліоновъ взрослыхъ крестьянъ ежегодно странствуютъ вдоль и поперекъ, перемѣняютъ множество положеній, встрѣчаются со множествомъ разнообразнѣйшихъ людей и явленій, поражаются контрастами роскоши и бѣдствія, чудесъ науки и своей темноты, и эта волна нужды, швыряющая по всей Россіи милліоны рабочаго крестьянства отъ одного эксплуататора къ другому, открываетъ имъ со всѣхъ сторонъ давящую ихъ соціальную пирамиду, ударяетъ ихъ о самые острые ея углы, и жизнь тутъ учитъ даже безграмотнаго лучше всякой книги.

И весь этотъ огромный потокъ впечатлѣній, чувствъ, знаній безпрерывно вливается обратно въ деревни, безпрерывно расширяетъ горизонты даже и не уходящаго отъ земли мужика. Очевидно, что этотъ десятокъ милліоновъ крестьянъ въ этой погонѣ за заработкомъ становится энергичнѣе, настойчивѣе, самостоятельнѣе, смѣлѣе, озлобленнѣе, что въ такой жизненной школѣ личность быстро растетъ и критика просыпается. Вспомнимъ, что самый исконный фабричный тоже не является прирожденнымъ соціалистомъ, что и отъ него соціальная жизнь иной разъ немногимъ менѣе закрыта фабричной стѣной и безпросвѣтнымъ трудомъ, чѣмъ для прежняго захолустнаго крестьянина околицей его деревни. Вспомнимъ, наконецъ, что мужикъ уже не за однимъ хлѣбомъ гонится:

онъ ищетъ правды въ цѣломъ рядѣ сектантскихъ ученій, растущихъ съ каждымъ десятилѣтіемъ все шире и идущихъ отъ темныхъ суевѣрій къ свѣтлому раціонализму все быстрѣе и быстрѣе...

Однимъ словомъ, если 20—30 лѣтъ тому назадъ, мы имѣли въ крестьянствѣ ребенка, только что вышедшаго изъ пеленокъ крѣпостного права, еще радующагося этой свободѣ и вѣрящаго во всѣ сказки своихъ строгихъ нянекъ, — то теперь мы имѣемъ дѣло съ юношей, у котораго проснулись чувства, просвѣтлѣла мысль, окрѣпла воля и который тяжко стиснутъ жизнью и страстно ищетъ исхода. Неужели же мы издали пассивно будемъ смотрѣть, какъ эта мощная сила будетъ бродить и волноваться, и расточаться въ безплодныхъ потугахъ, неужели не обязаны мы броситься ей навстрѣчу, открыть ей разумнѣйшій исходъ?

Наконецъ, пора уже, давно пора замѣтить и признать, что, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, ни одинъ классъ въ Россіи такъ не подталкивается къ чисто политической борьбѣ, какъ именно крестьянство. Въ то время, какъ, напримѣръ, городской пролетарій не входитъ ни въ какую общественно-юридическую организацію, крестьянству формально предоставлена возможность такого самоопредѣленія, которое своими границами и компетенціей далеко шире земскаго и городского самоуправленія. А съ другой стороны въ эту широкую сферу крестьянскаго самоуправленія постоянно вторгается самый дикій и беззастѣнчивый произволъ, самое разнузданное самодурство земскаго начальника и другихъ властей, какъ будто нарочно для того, чтобы не дать крестьянству успокоиться, чтобы вѣчно будоражить его, плодить столкновенія и конфликты съ властью. Къ нетронутому рабочему нужно подходить со стороны его непосредственнаго экономическаго угнетенія, чтобы показать косвенную его связь съ современнымъ общегражданскимъ строемъ; для крестьянина гнетъ этого строя, быть можетъ, еще непосредственнѣе, чѣмъ экономическая угнетенность и часто даже (подати) является источникомъ экономической угнетенности. Всѣ внутреннія крестьянскія дѣла и отношенія опредѣляются «обычнымъ правомъ», лишь въ общихъ чертахъ и съ нѣкоторыхъ только сторонъ ограниченнымъ закономъ, и вѣдаются особымъ выборнымъ волостнымъ крестьянскимъ судомъ; деревенскимъ мірскимъ сходомъ вершится множество важнѣйшихъ въ жизни крестьянина, какъ земельныхъ, такъ и иныхъ дѣлъ. И вотъ при этой то своеобразной, но широкой самодѣятельности крестьянство лишено элементарнѣйшихъ гражданскихъ правъ, имѣющихся у другихъ сословій, и подвержено особому полурабскому кодексу до тѣлесныхъ наказаній включительно. Такое соединеніе точно нарочно было придумано для того, чтобы съ одной стороны бу-

дить и упражнять политическіе инстинкты и навыки общественной борьбы и тѣсно сплачивать крестьянскій «міръ», — а съ другой стороны дразнить его и нагло издѣваться надъ его членами.

Александръ Ш, съ своей стороны, сдѣлалъ безконечно много для того, чтобы всю эту колоссальную организацію мірского крестьянства обратить въ непримиримаго врага власти. Бросившись послѣ побѣды надъ терроромъ въ крайности репрессіи, въ исистовства «дворянской политики», Александръ Ш «подтянулъ» и крестьянство, «приблизивъ къ нему власть» въ лицѣ земскихъ начальниковъ, и давъ имъ право такъ же безконтрольно самовластничать въ каждой крестьянской общинѣ, какъ самъ самовластничалъ надъ Россіей. И вотъ именно за послѣднія 20 лѣтъ быстраго культурнаго роста крестьянства кулакъ земскаго начальника научилъ деревенскій міръ тому, что такое самовластье. Правда, крестьянинъ уже и безъ того ненавидѣлъ бюрократію, какъ механизмъ, «выбивающій» подати и взамѣнъ ничего не дающій; но тутъ, въ земскомъ начальникѣ, онъ увидѣлъ прямого ставленника царя, какъ бы подлинный снимокъ самовластья, и возненавидѣлъ его всей силой своего проснувшагося человѣческаго достоинства. И если все туже стягиваются эти путы на ростущемъ культурно народѣ, врѣзываясь ему въ мясо, — тѣмъ скорѣе лопнетъ его терпѣніе, а съ нимъ и эти путы. И чѣмъ скорѣе это будетъ, тѣмъ неотложнѣе должны мы спѣшить сдѣлать все отъ насъ зависящее, чтобы возможно болѣе объединить, организовать и направить это мощное освободительное усиліе, чтобы всѣмъ своимъ натискомъ опрокинулось оно на самодержавіе...

Итакъ, все, что извѣстно намъ объ экономическомъ положеніи крестьянства и экономическихъ его интересахъ, о культурно-политическомъ его развитіи за послѣднія 25 — 30 лѣтъ, все говоритъ противъ теоретическаго предубѣжденія, рисующаго крестьянство чуть не навѣки темной, безнадежно инертной или реакціонной силой. Напротивъ, мы видимъ, что современныя экономическія, политическія и культурныя условія мощно толкаютъ его на борьбу за лучшее будущее, на борьбу соціально-политическую, какъ нищаго, закабаленнаго, трудового класса — противъ нетрудовыхъ слоевъ, какъ безправнаго и угнетеннаго полу-раба — противъ давящей его власти... Крестьянству нужно «Земли и Воли», — нашъ долгъ, какъ соціалистовъ и революціонеровъ, снова поднять въ крестьянствѣ это великое знамя.

Но мы отправляемся въ своемъ начинаніи не отъ однихъ этихъ теоретическихъ соображеній, а также отъ цѣлаго ряда фактическихъ опытовъ революціонной работы въ крестьянствѣ за послѣдніе 10—15 лѣтъ, особенно за послѣдніе 2—3 года.

Всѣ эти опыты единогласно подтверждаютъ, что работа въ крестьянствѣ вполнѣ возможна и становится все легче и легче, что почти всегда результаты ея далеко превышаютъ надежды и ожиданія тѣхъ, кто за нее брался. Такъ говорятъ прежде всего тѣ немногіе стойкіе интеллигентныя одиночки, которыя, живя по десятку и болѣе лѣтъ въ деревнѣ, не теряли духовной свѣжести и старались сѣять революціонный соціализмъ въ окружавшихъ ихъ крестьянахъ; за полнымъ отсутствіемъ нелегальной литературы для крестьянъ, они должны были ограничиваться легальными книжками и устной бесѣдой, но и въ такомъ узкомъ масштабѣ имъ удавалось понемногу воспитывать вокругъ себя цѣлыя гнѣзда совершенно сознательно и прочно убѣжденныхъ соціалистовъ-революціонеровъ изъ крестьянъ, которые затѣмъ часто сами становились страстными пропагандистами; и эти гнѣзда теперь, при первомъ же наплывѣ агитаціонныхъ брошюръ, сразу становятся прочными очагами, широко вокругъ разносящими революціонную заразу... Крайне интересенъ также опытъ покойнаго Астырева, который съ нѣсколькими товарищами въ голодный 1892 годъ распространилъ довольно много агитаціонныхъ листковъ среди крестьянъ; есть рядъ свидѣтельствъ о полномъ пониманіи и полномъ, порою восторженномъ, сочувствіи многихъ крестьянъ этимъ воззваніямъ; почти всегда, какъ присланный листокъ, такъ и человѣкъ, проѣхавшій и произнесшій рѣчь крестьянамъ, тщательно скрывались отъ полиціи, бывали и сочувственныя имъ предостереженія отъ кого нибудь изъ толпы противъ отдѣльныхъ лицъ... Наконецъ, въ послѣдніе годы, когда значительныя группы молодежи въ связи съ нѣкоторыми сохранившимися отъ 70-хъ и 80-хъ гг. революціонерами, стали выдѣляться въ самостоятельныя организаціи «соціалистовъ-революціонеровъ», то однимъ изъ первыхъ опытовъ этихъ молодыхъ кружковъ была работа среди крестьянъ. И результаты этихъ опытовъ надо признать блистательными. Годъ—два работы нѣсколькихъ человѣкъ давали десятки крестьянъ, сомкнувшихся въ тайные кружки, и сотни читающихъ нелегальную литературу и затронутыхъ устной пропагандой; и при этомъ потери въ людяхъ были сравнительно ничтожны, во всякомъ случаѣ не больше, чѣмъ при революціонной работѣ среди городскихъ рабочихъ...

Этимъ мы и закончимъ наше изложеніе мотивовъ, ведущихъ насъ въ крестьянство: мы не теорію только развиваемъ, мы указываемъ факты. Если же кто нибудь изъ книжниковъ и доктринеровъ все еще не вѣритъ намъ, то просимъ такого Ѳому невѣрующаго попробовать приложить собственныя руки къ тому, въ чемъ онъ сомнѣвается! Мы глубоко увѣрены, что, если будетъ то человѣкъ живой и энергичный, то онъ въ самое короткое время изъ Савла превратится въ

Павла, изъ невѣрующаго станетъ вѣрующимъ въ возможность работы среди крестьянства, уже согрѣтаго увѣяніемъ близкой борьбы за «Землю и Волю», за «Народную Волю»!

* * *

Но мы не только убѣждены въ томъ, что вообще въ настоящее время необходимо и возможно ввести крестьянство въ кругъ революціоннаго воздѣйствія: мы полагаемъ, что именно теперь этого нельзя уже откладывать ни на одинъ моментъ и что къ этому надо приложить особенныя, чрезвычайныя усилія. Мы имѣемъ въ виду возможность и вѣроятность двухъ явленій: во первыхъ, неожиданнаго, стихійнаго массоваго движенія въ крестьянствѣ въ ближайшемъ будущемъ и, во вторыхъ, нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ къ облегченію экономическаго и правового положенія крестьянства, мѣръ, могущихъ при неблагопріятныхъ условіяхъ хотя на нѣкоторое время подновить въ немъ обаяніе самодержавія и оторвать его отъ борьбы за свободу. Первое сулитъ намъ огромный шансъ на близкую побѣду въ борьбѣ за освобожденіе, второе грозитъ самыми серьезными осложненіями и неудачами въ этой борьбѣ.

Что терпѣніе крестьянской массы готово лопнуть, что она можетъ возстать при первомъ же обостреніи ея хроническихъ, безысходныхъ страданій, — это послѣ движенія крестьянъ въ малороссійскихъ губерніяхъ врядъ ли кому нужно доказывать. Но для людей, знающихъ деревню, это движеніе и не было неожиданностью, и даже не является новостью. Вспышки аграрной борьбы во всевозможнѣйшихъ нелегальныхъ формахъ не только не прекращались за это время, когда революціонная интеллигенція закрыла глаза на деревню, но учащались и разростались съ каждымъ десятилѣтіемъ, — онѣ только не принимали такъ быстро такого массоваго распространенія, какъ это случилось теперь, а въ самомъ началѣ подавлялись полиціей и войскомъ. И какъ могло быть иначе? Неужели мужикъ уже совсѣмъ не человѣкъ, неужели же въ немъ нѣтъ ничего кромѣ терпѣнія, неужели даже угроза голодной смерти не пробудитъ въ немъ злобы, тѣмъ болѣе страшной, чѣмъ дольше она сдерживалась? Какъ въ іюльскій изсушающій зной Россія загорается отъ незамѣтныхъ угольковъ тысячами пожаровъ, такъ теперь изсохшая отъ бѣдствій грудь крестьянина готова загорѣться яростью и местью отъ самой слабой и случайной искры. А если такъ, то каждый признаетъ, какое огромное значеніе имѣетъ то, чтобы этотъ пожаръ начался не отъ уголька, подброшеннаго какимъ нибудь темнымъ слухомъ о милости царя, скрытой чиновниками, или раздутаго разными узкими и мистическими сектантскими откровеніями, и чтобы привелъ онъ не къ безплодному и на-

долго обезсиливающему пожарищу, вродѣ Пугачевщины, — а чтобы мы сами подожгли этотъ горючій матеріалъ свѣтлымъ факеломъ борьбы за свободу, чтобы это пламя слилось съ тѣмъ, которое разгорается на улицахъ въ городахъ и сверкаетъ молніями террора и чтобы въ немъ сразу до тла сгорѣло гнилое зданіе самодержавія!

Но что будетъ, если самодержавіе лучше насъ пойметъ близость и опасность крестьянскаго пожара и приметъ тѣ или иныя мѣры для его предупрежденія? Какъ ни тѣсно связано наше самодержавіе съ дворянствомъ и буржуазіей, оно все же не безусловно отождествлено съ ними, оно прежде всего борется за свое собственное существованіе и въ моментъ явной и крайней для себя опасности вѣроятно попробуетъ пожертвовать нѣкоторыми интересами дворянства и тѣмъ подновить вѣру въ себя крестьянъ, какъ это уже и было въ 1861 г., какъ уже и теперь оно силится отвратить отъ себя на буржуазію бурю городскихъ рабочихъ волненій. Конечно, движеніе городского пролетаріата уже свободно и легко уходитъ впередъ отъ этихъ запоздалыхъ попытокъ его догнать и задобрить, но тѣмъ больше шансовъ, что испуганное и наученное этимъ опытомъ самодержавіе при первыхъ же вспышкахъ въ крестьянствѣ изо всѣхъ силъ забѣжитъ впередъ и рядомъ подачекъ дѣйствительно еще разъ закроетъ глаза крестьянству и снова склонитъ его на сонное ложе вѣры, надежды и ожиданія.

Мы понимаемъ, что это будетъ не надолго, что скоро разглядитъ крестьянство, какъ скудна и обглодана брошенная ему кость, что непреоборимый ростъ культуры, неизбѣжные экономическіе процессы все равно приведутъ Россію если не тѣмъ, то другимъ путемъ, если не въ этомъ, то въ слѣдующихъ десятилѣтіяхъ къ уничтоженію самодержавія, но когда жъ это будетъ, сколько прибавится ненужной борьбы и напрасныхъ жертвъ? Мы понимаемъ и то, что вообще трудно ожидать отъ современнаго царскаго правительства мало-мальски существенныхъ жертвъ для крестьянства, что скорѣе всего и тутъ оно будетъ со своими успокаивающими и подкупающими уступками безсильно гнаться за хвостомъ все быстрѣе бѣгущаго впередъ революціоннаго движенія. Но мы не имѣемъ права успокаиваться на вѣрѣ въ этотъ лучшій исходъ, мы обязаны предвидѣть maximum, а не minimum умѣнья, дальновидности и быстроты въ движеніяхъ нашего врага; мы должны сумѣть отпарировать самые удачные и ловкіе изъ его пріемовъ, во время разоблачить самыя хитроумныя изъ его западней и ловушекъ, разставленныхъ для уловленія темныхъ людей, — чтобы на лицемѣрныя заигрыванія и подачки царскаго правительства крестьянство отвѣтило въ одинъ голосъ съ революціонерами, съ рабочими, со

всей поднимающейся за свободу Россіей: намъ отъ тебя ничего не надо, намъ надо, чтобы тебя не было!...

Итакъ, передъ русской соціально-революціонной партіей сама жизнь поставила теперь завоеваніе крестьянства безусловно необходимой и неотложной задачей. Крестьянскій Союзъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ употребитъ всѣ свои силы на разрѣшеніе этой огромной задачи, въ твердой увѣренности, что много живыхъ силъ откликнется на его призывъ. Было бы печально и стыдно намъ подъ вліяніемъ прошлыхъ неудачъ и давно разбитыхъ жизнью догматовъ снова остаться въ сторонѣ отъ жизни, но на этотъ разъ уже не потому, что мы не можемъ ее сдвинуть съ мѣста, а потому, что она двинулась раньше, чѣмъ ожидали мы, разочарованные и придавленные реакціей, двинулась не по тѣмъ шаблоннымъ путямъ, которые предусмотрѣны въ нашихъ построеніяхъ. Если даже и тѣ наши товарищи, которые цѣлыхъ десять лѣтъ только и свѣту видѣли, что въ фабричномъ окошкѣ, годъ тому назадъ по собственному «единогласному» признанію оказались «отставшими отъ жизни», остановились въ первый моментъ въ недоумѣніи и бездѣйствіи передъ внезапно развернувшимся, пробившимся наружу потокомъ открытаго политическаго протеста со стороны рабочихъ массъ города, если теперь имъ приходится изо всѣхъ силъ наверстывать потерянное, преодолѣвая возросшія трудности, то насколько же сознательная революціонная работа отстала отъ того, что дѣлалось въ крестьянствѣ, на которое большинство упорно закрывало глаза въ теченіи всего послѣдняго времени, насколько мы тутъ должны догонять движеніе жизни! Пожелаемъ же, чтобы крестьянскія волненія 1902 г. такъ же мощно выбили всѣхъ изъ догматическаго сна и толкнули подходящія силы на широкую работу въ крестьянствѣ, какъ уличныя демонстраціи 1901 г. окончательно поставили крестъ надъ узкимъ экономическимъ пропагандизмомъ на фабрикѣ. И мы работой въ крестьянствѣ въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ должны и можемъ наверстать почти полное бездѣйствіе въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій.

* * *

Какими же средствами мы должны будить и развивать революціонную энергію крестьянъ и куда именно направлять ее? Это должно быть строго логически выведено изъ общихъ нашихъ цѣлей и ближайшихъ задачъ и тщательно сообразовано съ условіями мѣста и времени.

Конечная наша цѣль — осуществленіе соціалистическаго идеала во всей его полнотѣ. Но мы не думаемъ, конечно, чтобы соткапный изъ братства и свободы соціалистическій строй могъ сразу родиться готовымъ изъ нѣдръ современной полу-

рабской Россіи. Мы убѣждены, что различные элементы нашего идеала будутъ осуществляться частично и разновременно, ибо одни изъ нихъ служатъ и логически и исторически необходимыми переходными ступенями для другихъ. Поэтому задачей нашей работы является не подготовленіе фантастическаго, гигантскаго прыжка сразу къ конечной цѣли, а планомѣрное восхожденіе по той лѣстницѣ измѣненій и переворотовъ, которая намѣчена уже самой исторіей.

Такимъ образомъ рядомъ съ общей программой мы принимаемъ предварительную экономическую программу-минимумъ.

Для крестьянства мы на первую очередь ставимъ ***соціализацію*** земли, т. е. переходъ ея въ общественную собственность и въ пользованіе трудящихся, а во вторыхъ развитіе въ крестьянствѣ всевозможныхъ видовъ общественныхъ соединеній и экономическихъ кооперацій для постепеннаго высвобожденія крестьянства изъ подъ власти денежнаго капитала и для подготовленія грядущаго коллективнаго земледѣльческаго производства.

Но на эти предварительныя ступени экономическаго освобожденія трудящихся массъ мы не можемъ взойти иначе, какъ черезъ предшествующую имъ и логически и исторически ступень политическаго освобожденія: мы считаемъ очевиднымъ, что подъ гнетомъ самодержавія немыслимо даже и частичное предварительное улучшеніе положенія рабочаго народа. Безъ свободы агитаціи, безъ свободы стачекъ, при полномъ безправіи личности и при безграничномъ произволѣ полицейской администраціи, пролетаріатъ не можетъ успѣшно бороться съ капиталомъ. При этихъ же условіяхъ и еще при цѣлой сѣти законовъ и циркуляровъ, создавшихъ особый полурабскій режимъ для крестьянства, для него невозможна ни защита отъ эксплуатаціи землевладѣльцевъ и капиталистовъ, ни достиженіе какихъ либо культурно-экономическихъ успѣховъ. Поэтому свободное представительное самоуправленіе — общинное, волостное, земское и общегосударственное — съ тайнымъ, прямымъ, всеобщимъ и равнымъ избирательнымъ правомъ, со всѣми, выработанными въ Европѣ гарантіями демократической свободы (пропорціональное представительство, референдумъ, инціатива), съ одной стороны, само по себѣ составляетъ необходимую и драгоцѣнную часть соціалистическаго идеала, съ другой, является первой и ближайшей нашей цѣлью. Мы твердо убѣждены, что не только полное достиженіе соціалистическаго идеала, но и осуществленіе нашей экономической программы-минимумъ, возможны только черезъ Народную Волю въ обоихъ значеніяхъ этихъ прекрасныхъ словъ: ***при свободѣ народа и по волѣ народа.***

Принимая, такимъ образомъ, борьбу за политическое осво-

божденіе, за Народную Волю, какъ первую задачу, на которой должны быть сосредоточены усилія,—какъ наилучшій общепартійный девизъ для всѣхъ борцовъ соціальной революціи въ современной Россіи, мы полагаемъ, что «Крестьянскій Союзъ» долженъ въ настоящее время работать для этой же цѣли. Оставляя открытымъ пока вопросъ о томъ, въ какой именно мѣрѣ подготовлено крестьянство къ чисто политической борьбѣ, мы должны во всякомъ случаѣ сдѣлать все, чтобы возможно большую часть его вовлечь въ эту борьбу, чтобы также и въ каждомъ экономическомъ движеніи крестьянъ усилить и расширить политическій элементъ. Поэтому, избирая своимъ девизомъ наиболѣе яркія и блистающія славной традиціей слова «Земля и Воля», «Крестьянскій Союзъ» на первый планъ и на первую очередь выдвигаетъ «Волю».

Такимъ образомъ, основной нашей задачей является не самодовлѣющая экономическая пропаганда въ тѣсныхъ крестьянскихъ кружкахъ, а ***общая политическая и соціально-революціонная агитація*** въ широкихъ массахъ крестьянства. Помимо созданія тамъ и сямъ прочныхъ сознательныхъ кадровъ революціоннаго соціализма въ крестьянствѣ, мы должны возможно скорѣе мобилизировать и крупные отряды крестьянъ, связанныхъ съ нами хотя бы самымъ общимъ пониманіемъ и сочувствіемъ и способныхъ оказать хотя нѣкоторую помощь идущимъ въ авангардѣ борьбы за свободу интеллигенціи и городскимъ рабочимъ. Поэтому воздѣйствіе наше на крестьянство должно развиваться не только вглубь, но и вширь и болѣе всего вширь. До сихъ поръ наша работа въ крестьянствѣ переживала какъ бы періодъ тепличнаго взращиванія, теперь же, когда и въ толщахъ крестьянства почва уже во многихъ мѣстахъ оттаяла, пора пересаживать разсаду на вольный воздухъ, пора широко разбрасывать революціонныя сѣмена на вольныя поля... Этимъ опредѣляется и содержаніе, и форма нашего воздѣйствія на крестьянство.

И въ печатныхъ и въ устныхъ обращеніяхъ къ крестьянамъ ***мы должны особенно подчеркивать*** политическій элементъ, экономическимъ же пользоваться главнымъ образомъ какъ двигателемъ, какъ аргументомъ. Излагая нашъ идеалъ, мы должны какъ можно сильнѣе оттѣнять политическія наши требованія, особенно должны разъяснять, что къ коренному экономическому перевороту на пользу рабочаго народа мы не можемъ придти инымъ путемъ, какъ черезъ политическое освобожденіе. Агитируя въ крестьянствѣ по поводу его конкретныхъ, частныхъ, мѣстныхъ нуждъ, а также по поводу всякаго рода политическихъ событій и особенно различныхъ случаевъ революціонной или вообще нелегальной борьбы, мы должны ***на почвѣ огромнаго недовольства экономическимъ положеніемъ***, будить въ крестьянствѣ правовое самосознаніе, должны

неуклонно формулировать мелкіе экономическіе интересы въ широкія политическія требованія, должны доказывать невозможность мало-мальски серьезныхъ улучшеній въ хозяйствѣ и бытѣ крестьянъ *до тѣхъ поръ, пока свободное всеобщее голосованіе не передастъ ихъ судьбу въ ихъ собственныя руки, должны особенно твердить крестьянину, что когда будетъ во всемъ его воля, то будетъ ему и земля, должны звать мужика Землей къ Волѣ и вести черезъ Волю къ Землѣ.*

* * *

Сообразно съ этой новой нашей задачей, не только глубокой *соціалистической пропаганды*, не только мелкой агитаціи *на почвѣ повседневныхъ нуждъ, но болѣе всего* широкой политической агитаціи, — должны явиться и новыя формы ея осуществленія. Въ дополненіе къ тысячамъ экземпляровъ брошюръ, развивающихъ болѣе или менѣе полно нашу программу, требующихъ отъ крестьянъ извѣстной подготовки для полнаго ихъ усвоенія, мы должны разсѣять въ крестьянствѣ десятки и сотни тысячъ мелкихъ листковъ, въ которыхъ соціалистическій идеалъ былъ бы очерченъ лишь въ самыхъ общихъ и общепонятныхъ его элементахъ, и главнымъ образомъ въ связи *съ идеей передачи народу земли*, требованія же политической свободы и призывъ къ борьбѣ за нее были бы подчеркнуты въ самой простой, ясной и яркой формѣ, и которые при этомъ были бы прочтены и поняты самыми широкими массами крестьянства. А для этого рядомъ съ личнымъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ революціонеровъ устнымъ и печатнымъ словомъ на небольшіе кружки наиболѣе сознательныхъ, надежныхъ и хорошо извѣстныхъ крестьянъ, мы должны организовать въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ тайное, а иногда, какъ, напримѣръ, при демонстраціяхъ, и открытое распространеніе нашихъ листковъ среди всей массы крестьянства, особенно въ мѣстностяхъ, наиболѣе къ тому подготовленныхъ (напр., среди сектантовъ, среди голодающихъ, въ районахъ аграрныхъ волненій и т. д.)

Вся эта новая работа требуетъ и новыхъ работниковъ. Въ то время, какъ кружковой пропагандой могутъ и должны заниматься тѣ наши товарищи изъ интеллигентовъ и изъ крестьянъ, которые постоянно живутъ въ деревнѣ и привязаны своимъ занятіемъ и условіями жизни къ одному мѣсту, — въ это время разбрасываніемъ агитаціонныхъ листковъ могутъ и должны заняться люди, располагающіе свободой передвиженія, а въ томъ числѣ и многіе городскіе интеллигенты и рабочіе. Всѣ эти новые работники частью уже созданы, частью все быстрѣе и быстрѣе создаются новымъ свѣжимъ духомъ послѣднихъ годовъ.

Десятки и сотни энергичной и смѣлой молодежи уже не

удовлетворяются прежними осторожными и умѣренными пріемами пропаганды, а жадно хватаются за широкіе, хотя бы и рискованные способы агитаціи. Всѣ эти наши товарищи, глубоко охваченные революціоннымъ пыломъ, рвущіеся на живое, смѣлое, самоотверженное дѣло, найдутъ его не только въ уличныхъ демонстраціяхъ, въ разбрасываніи прокламацій въ театрахъ, и т. п., но и въ сѣяніи агитаціонныхъ листковъ по сельскимъ ярмаркамъ и базарамъ, въ телѣги крестьянскаго обоза, въ котомки рабочихъ, въ окна опустѣвшихъ въ лѣтнюю страду крестьянскихъ избъ и т. п. Повсюду эта работа въ деревняхъ можетъ и должна идти рядомъ съ демонстраціями въ городахъ, а во множествѣ мѣстностей, гдѣ еще не созданъ кадръ городскихъ рабочихъ, достаточный для дружныхъ, многочисленныхъ, внушительныхъ демонстрацій, такое сѣяніе агитаціонныхъ листковъ въ крестьянствѣ является чуть ли не единственнымъ цѣлесообразнымъ приложеніемъ силъ для большинства товарищей, которыхъ проснувшаяся боевая энергія и революціонное дыханіе нашего времени властно толкаетъ изъ узкихъ кружковъ вширь, на просторъ, въ самую гущу трудовыхъ массъ, уже пробуждающихся къ политической жизни, къ политической борьбѣ...

Почти излишне пояснять, что вся эта новая работа не повредитъ, а поможетъ всѣмъ остальнымъ отдѣламъ революціоннаго дѣла. Когда въ 1873 г. пошли въ народъ около тысячи пропагандистовъ, то въ нихъ заключалась вся дѣйствующая армія революціоннаго соціализма въ Россіи въ то время. Въ настоящее же время мы свободно можемъ выставить большіе отряды, нисколько не ослабляя себя на другихъ пунктахъ. Надо лишь привлечь тѣхъ людей, которые по своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ даннымъ сравнительно менѣе цѣнны, какъ пропагандисты и организаторы среди интеллигентныхъ слоевъ и рабочихъ, но которые особенно пригодны для работы среди крестьянъ. Надо эксплуатировать лѣтнее время многихъ изъ учащейся молодежи, которое теперь у нихъ пропадаетъ даромъ исключительно только потому, что они хотятъ видѣть въ деревнѣ лишь лоно природы и закрываютъ глаза на населяющаго ее мужика. Надо отвлечь тотъ безъ пользы или даже со вредомъ для дѣла переваривающійся въ собственномъ соку избытокъ работниковъ, который постоянно скопляется въ нѣсколькихъ городахъ, излюбленныхъ административно высланными и другими вышибленными изъ колеи революціонерами: прошли тѣ времена, когда въ темной и холодной Россіи слабыя горсти прогрессивно-революціонной интеллигенціи должны были жаться въ нѣсколькихъ центрахъ въ тѣсныя кучки для взаимнаго отогрѣванія; теперь накопилось уже въ Россіи столько культурнаго свѣта и революціоннаго жара, что не могутъ они безплодно погаснуть въ тол-

щахъ народныхъ массъ, а могутъ лишь просвѣтлить и разогрѣть эти массы. Значитъ, пора намъ перестать скопляться на нашихъ привычныхъ штабъ-квартирахъ для безплоднаго тлѣнія, пора смѣло разсыпаться по всей русской землѣ для дѣятельнаго ея разжиганія...

Такія же новыя силы откроетъ и используетъ великое живое дѣло революціонизированія крестьянства и въ тѣхъ глухихъ городкахъ, гдѣ энергія сотенъ административно-сосланныхъ нашихъ товарищей или вовсе спитъ, или затрачивается на безплодныя междуфракціонныя междоусобія. Въ этихъ глухихъ углахъ часто можетъ не быть годнаго для революціоннаго воздѣйствія слоя интеллигенціи и рабочихъ, но всюду есть крестьянинъ, жадно ждущій и ищущій просвѣтлѣнія, и въ такихъ случаяхъ только революціонное общеніе съ нимъ внесетъ жизнь и радость въ тусклое и тоскливое существованіе этихъ расшвырянныхъ и придавленныхъ рукой самодержавія нашихъ товарищей, только этотъ посѣвъ революціонныхъ сѣмянъ тамъ, гдѣ самовластье ихъ думало заморозить, обратить это дѣло его рукъ на его же погибель, превратить даже и плѣнныхъ его враговъ изъ побѣжденныхъ въ побѣждающихъ...

Еще большаго прилива силъ мы ожидаемъ отъ расширенія и возведенія въ систему бѣгства и перехода на нелегальное положеніе революціонныхъ работниковъ, попавшихъ въ ссылку, тюрьму, подъ слѣдствіе. Такіе случаи бѣгства изъ плѣна въ ряды дѣйствующей революціонной арміи уже и теперь съ каждымъ годомъ, чуть не съ каждымъ мѣсяцемъ, все учащаются и будутъ учащаться, ибо они психологически неизбѣжны при ускореніи темпа борьбы, при приближеніи побѣды. Несомнѣнно, что многіе изъ этихъ, испытанныхъ и сжегшихъ за собою корабли борцовъ революціи, найдутъ удобныя условія, гарантирующія долговѣчность и продуктивность работы, также и въ деревнѣ на работѣ, которая требуетъ безпрестаннаго передвиженія преимущественно по мелкимъ городамъ и и крупнымъ селамъ, гдѣ до сихъ поръ полицейскій надзоръ далеко отсталъ отъ надзора въ крупныхъ городахъ, гдѣ благодаря этому даже небольшая группа энергичныхъ и умѣлыхъ людей можетъ при современномъ напряженномъ настроеніи крестьянства достичь большихъ результатовъ при небольшихъ сравнительно жертвахъ...

Но самый главный доводъ за достаточность нашихъ силъ, для быстраго и широкаго революціонизированія крестьянства, заключается въ той подготовленности для нашего воздѣйствія мысли и настроенія крестьянъ, которая съ такой необыкновенной яркостью выказалась въ волненіяхъ въ Малороссіи и которая награждаетъ самыми пышными всходами почти каждый даже самый бѣглый и слабый революціонный посѣвъ

Мы, основываясь на рядѣ разнообразныхъ опытовъ, категорически утверждаемъ, что въ настоящее время деревня даетъ революціонеру быть можетъ ничуть не меньшій процентъ на затраченный имъ духовный капиталъ, чѣмъ фабрика. Скупиться на вклады въ такое прибыльное дѣло, когда при затратѣ одного агитатора изъ интеллигентовъ являются десятки агитаторовъ изъ крестьянъ, было бы болѣе чѣмъ неразсчетливо...

Погружаясь въ глубины крестьянскаго моря, мы какъ бы опускаемъ кристаллъ революціонизма въ растворъ, пересыщенный для революціонной кристаллизаціи. Можемъ ли мы при этомъ бояться недостатка силъ, имѣемъ ли право медлить съ этимъ животворнымъ началомъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Дружнымъ и быстрымъ натискомъ революціонныхъ идей въ деревню мы добьемся такихъ же блестящихъ побѣдъ, какъ тяжелы были 30 лѣтъ тому назадъ въ той же деревнѣ наши пораженія!

* * *

Но наша задача заключается не только въ томъ, чтобы въ нѣкоторой степени привить крестьянству наши идеи, и чтобы поднять до извѣстнаго уровня его революціонное настроеніе, но также и въ томъ, чтобы по мѣрѣ выработки въ крестьянствѣ революціонной энергіи немедленно и безпрерывно упражнять ее въ дѣйствіи, давать ей наиболѣе цѣлесообразный исходъ. Въ этомъ случаѣ мы опять таки должны постараться, какъ можно большую долю этой энергіи перевести изъ узкоэкономическаго русла на главное колесо нашего движенія въ настоящій моментъ, — на борьбу за политическое освобожденіе.

Первое дѣло, на которое сами собой должны направиться усилія затронутыхъ пропагандой и агитаціей крестьянъ, состоитъ, разумѣется, въ тайной ихъ организаціи — въ созданіи тайныхъ крестьянскихъ кружковъ, «братствъ», «комитетовъ крестьянскаго союза партіи» и т. п. Эти крестьянскія организаціи первой своей цѣлью имѣютъ возможно быстрое саморасширеніе, чтобы возможно скорѣе ихъ сѣтью покрылась вся Россія и чтобы ихъ участники и имъ сочувствующіе составили бы замѣтный процентъ крестьянскаго населенія. Но помимо этого, каждая такая тайная революціонная крестьянская организація, какъ только вполнѣ упрочится кадръ ея сознательныхъ главарей и достаточно расширится кругъ ея вліянія на полусознательныя массы крестьянства — должна проявлять себя и въ цѣломъ рядѣ дѣйствій, какъ легальныхъ и полулегальныхъ, такъ и нелегальныхъ.

Прежде всего крестьянскимъ революціоннымъ братствамъ

необходимо добиваться вліянія во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ, стараться проводить своихъ людей на выборныя общественныя должности, объединять крестьянъ на различныхъ совмѣстныхъ культурно-просвѣтительныхъ и другихъ общеполезныхъ начинаніяхъ, развивать ихъ самостоятельность, сознаніе своихъ правъ и интересовъ и сплачивать крестьянъ въ упорномъ ихъ отстаиваніи отъ всякихъ на нихъ покушеній, а особенно въ смѣлой, рѣшительной борьбѣ противъ самовластья администраціи.

Затѣмъ, хотя мы не думаемъ, чтобы при современныхъ политическихъ условіяхъ крестьянство могло добиться маломальски *серьезнаго и общаго экономическаго подъема*, но мы вводимъ въ свою программу, какъ одно изъ главныхъ средствъ повседневной дѣятельности, непосредственную экономическую борьбу трудового крестьянства противъ землевладѣльцевъ и представителей денежнаго капитала. Стачки земледѣльческихъ рабочихъ для повышенія платы и улучшенія условій труда, стачки арендаторовъ для облегченія условій аренды, уменьшенія арендной платы, бойкотъ противъ разныхъ притѣсненій кулака *или помѣщика*, — все это въ цѣломъ рядѣ случаевъ можетъ дать крестьянамъ извѣстный прямой выигрышъ, а, главное, подниметъ ихъ духъ и энергію, тѣснѣе сплотитъ ихъ, создастъ нѣкоторыя массовыя движенія, которыя легко будетъ направить на политическую революціонную борьбу, если съ самаго начала и во всѣхъ случаяхъ мы ни на минуту не будемъ упускать изъ виду нашей основной задачи: указывать общій источникъ всѣхъ частныхъ бѣдствій и неурядицъ крестьянской жизни въ основахъ существующаго строя.

Наконецъ, кромѣ этихъ хотя нелегальныхъ, но мирныхъ средствъ, мы съ самаго же начала предвидимъ для тайныхъ революціонныхъ крестьянскихъ организацій возможность, а быть можетъ неизбѣжность и насильственной вооруженной борьбы. Прежде всего къ этому можетъ привести самозащита отъ шпіоновъ, предателей, доносчиковъ, въ деревнѣ всегда гораздо болѣе опасныхъ, чѣмъ полиція; впрочемъ, въ этихъ случаяхъ наказаніе смертью представитъ, конечно, лишь рѣдкое исключеніе. Но мы предвидимъ, что и помимо самообороны въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ оказаться неизбѣжнымъ и наказаніе смертью, напр., тѣхъ членовъ мѣстной администраціи, противъ которыхъ особенно остра, всеобща и справедлива ненависть крестьянъ.

Послѣ очерченнаго перваго подготовительнаго, такъ сказать инкубаціоннаго періода, въ теченіе котораго хотя кое-гдѣ создадутся тайныя революціонныя крестьянскія организаціи и подготовится замѣтная сочувственная имъ среда въ крестьянствѣ, могутъ начаться и открытыя массовыя и чисто политическія дѣйствія. Таковыми намъ представляются съ од-

ной стороны извѣстные виды манифестацій, а также массовые коллективные приговоры крестьянскихъ общинныхъ и волостныхъ сходовъ съ различными требованіями въ духѣ нашего девиза «Земля и Воля», какъ, напр.: уравненіе крестьянъ во всѣхъ правахъ съ другими сословіями, предоставленія всѣмъ свободы совѣсти, устнаго и печатнаго слова и общественныхъ собраній, созыва Земскаго Собора изъ выборныхъ отъ всего населенія для учрежденія постояннаго народнаго самоуправленія, коренной реформы финансовъ на пользу трудовыхъ слоевъ, широкой земельной реформы для перехода земли въ пользованіе трудящихся и т. п., а съ другой стороны, — отказъ отъ уплаты податей и воинской повинности до тѣхъ поръ, пока эти требованія не будутъ удовлетворены. Даже вполнѣ допуская, что въ ближайшемъ будущемъ невозможно будетъ поднять на такую борьбу большинство крестьянскаго населенія, мы придаемъ, однако, громадное значеніе тому, чтобы это произошло хотя въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Россіи въ тотъ уже не очень отдаленный моментъ, когда интеллигенція и пролетаріатъ начнутъ рѣшительный общій штурмъ противъ самодержавія. Въ такой рѣшительный моментъ даже и небольшое, но дружное движеніе хотя части крестьянъ при сочувственномъ нейтралитетѣ остальныхъ, будетъ имѣть огромное и моральное и матеріальное значеніе: самодержавію придется сдаться въ тотъ моментъ, когда войска потребуются одновременно и для городовъ, и для деревень, когда, какъ можно надѣяться, и сами войска устанутъ служить самовластью противъ народа....

* * *

Въ заключеніе этого обращенія мы еще разъ настойчиво подтверждаемъ всѣмъ, кто сочувствуетъ дѣлу соціальной революціи въ Россіи, что «Крестьянскій Союзъ» не только не отвлекаетъ и не обособляетъ всѣхъ входящихъ въ него работниковъ отъ общей революціонной борьбы, отъ объединенной революціонно-соціалистической партіи, но именно заполненіемъ крупнаго пробѣла въ общемъ дѣлѣ, какъ бы вставляетъ новое объединяющее звѣно въ боевую цѣпь революціонной арміи.

Не теоретическаго, не програмнаго только признанія необходимости революціоннаго воздѣйствія на деревню добиваемся мы отъ работниковъ революціоннаго соціализма въ Россіи. Мы зовемъ ихъ къ реальному дѣлу, а не къ бумажной отпискѣ, мы зовемъ ихъ къ непосредственному практическому разрѣшенію неотложной задачи, выдвинутой самой жизнью; — мы зовемъ ихъ, какъ соціалисты, почерпающіе силы въ тѣсномъ общеніи съ широкими массами всего трудового и угнетаемаго народа; зовемъ, какъ практики-революціонеры,

отдающіе себѣ ясный отчетъ въ шансахъ борьбы и соотношеніи общественныхъ силъ; зовемъ, какъ политическіе дѣятели, понимающіе невозможность уклоняться отъ разрѣшенія выдвигаемыхъ жизнью новыхъ и новыхъ задачъ, замкнувшись въ какую либо одну излюбленную, узкую сферу дѣятельности; зовемъ, наконецъ, какъ живые люди, до которыхъ долетаютъ стоны многомилліонной массы крестьянства, которые видятъ попытки этой массы ощупью выбраться изъ окружающей ее политической темноты къ лучшему свѣтлому будущему.

Мы надѣемся дѣйствовать въ самомъ тѣсномъ единеніи со всѣми родственными намъ по цѣлямъ и средствамъ уже выступившими группами, въ особенности же съ Аграрно-Соціалистической Лигой, которая заграницей первая возобновила работу для крестьянства и въ короткое время успѣла уже столь много сдѣлать на этомъ пути. Мы убѣждены, что живая, органическая связь между всѣми работающими въ одномъ и томъ же направленіи, на одномъ и томъ же поприщѣ дѣятелями, будетъ крѣпнуть все больше и больше, удесятеряя силы каждаго отдѣльнаго работника.

«Крестьянскій Союзъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ» зоветъ въ свои ряды, на живое революціонное дѣло всѣхъ, кто понялъ необходимость, кто чувствуетъ въ себѣ силы и способность работать въ намѣченномъ нами направленіи, чтобы дружными усиліями возможно скорѣе наверстать потерянное время и придать крестьянскому движенію ту сознательность и мощь, которыя лучше всего обезпечатъ успѣхъ великаго дѣла освобожденія, какъ самого многомилліоннаго крестьянства, такъ и всей вообще трудящейся и угнетенной Россіи.

Мы полагаемъ, что въ такое боевое время, какъ наше, всѣмъ, проникнутымъ единымъ духомъ, пора стереть всякія разъединяющія буквы, пора сойтись подъ однимъ знаменемъ, въ рядахъ одной боевой арміи революціоннаго соціализма. Эпоха существованія множества обособленныхъ группъ и организацій, эпоха кустарничества, эпоха кружковщины, эпоха раздробленія силъ принадлежитъ прошлому. Кличъ настоящаго — да здравствуетъ единая, широкая, могучая, идущая навстрѣчу всѣмъ запросамъ и требованіямъ жизни, соціально-революціонная партія!

Апрѣль, 1902 г.

КЪ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ.

Не въ первый разъ революціонныя организаціи обращаются къ учащейся молодежи. За послѣдніе годы вы уже привыкли къ подобнымъ воззваніямъ, они потеряли для васъ интересъ новизны и обаяніе исключительности. Во многихъ изъ васъ эта статья, озаглавленная: «къ учащейся молодежи» вызоветъ, можетъ быть, даже досадливое чувство: хотѣлось бы отдохнуть, хотѣлось бы учиться, а тутъ опять прокламаціи, опять сложные и мучительные вопросы, опять волненія и безпорядки . . .

Да, опять! . . . Безпорядки будутъ — въ этомъ убѣждено ваше начальство, въ этомъ убѣждены всѣ окружающіе васъ, въ этомъ убѣждены вы сами. Не прокламаціи вызовутъ безпорядки, не онѣ заставятъ васъ явиться на сходки и выйти на улицу. Къ этому принудитъ васъ внѣшняя сила вещей, этого потребуетъ живущее въ васъ чувство чести и совѣсти. Не претендуйте же на эту статью и ея скромную задачу — она должна лишь облегчить предстоящую работу вашего ума и сердца. Не откладывайте затронутыхъ въ ней вопросовъ, потому что вы неизбѣжно встрѣтитесь съ ними въ ближайшемъ будущемъ. Рѣшите ихъ заблаговременно, чтобы движеніе, которое захватитъ васъ, не было стихійнымъ и конвульсивнымъ, чтобы ваше участіе въ немъ было сознательнымъ и планомѣрнымъ.

Періодически повторяющіяся волненія учащейся молодежи за послѣдніе годы сдѣлались непрерывными. Чтобы предотвратить и подавить ихъ, правительство испробовало всѣ доступныя ему средства: оно било молодежь нагайками и отдавало ее въ солдаты, оно тысячами выгоняло ее изъ учебныхъ заведеній, сотнями сажало въ тюрьмы, отправляло въ ссылку. Не разъ перемѣняло оно тактику: отъ репрессій переходило къ амнистіямъ, «сердечное попеченіе» вѣнчало жестокостью. Движеніе не прекращалось: оно измѣняло только форму и лозунги. Забастовки и обструкціи смѣнялись уличными демонстраціями. ***Протестъ противъ нагаекъ*** расширился до ***требованія политической свободы***. Подъ ударами — движеніе росло и крѣпло.

Сейчасъ производится новая, но уже вялая и безцвѣтная попытка успокоить молодежь. Новыя «временныя правила» (третьи по счету) оно старается ввести какъ то крадучись,

такъ какъ никто не хочетъ даруемыхъ имъ правъ, никто не прельщается автономіей въ полицейскихъ цѣляхъ. Первая же попытка предъявить новыя правила учащейся молодежи, — для чего, не безъ умысла, было выбрано женское учебное заведеніе, — вызвала открытый протестъ. Первый же актъ созданнаго этими правилами академическаго суда отлился въ форму нелѣпаго фарса. Недостойныя комедіи, громкія фразы, массовыя репрессіи — таковы средства, которыя пускаются въ ходъ, чтобы заставить молодежь учиться. И все безъ успѣха. Между тѣмъ молодежь хочетъ учиться. Ежегодно двери высшихъ учебныхъ заведеній ломятся подъ напоромъ желающихъ попасть въ нихъ. Молодежь преодолѣваетъ всѣ преграды, какими загроможденъ путь къ высшему образованію: она добивается аттестатовъ, выдерживаетъ конкурсы, обходитъ скалы и мели кондуитовъ и характеристикъ. Встрѣчая на дорогѣ глухую стѣну въ видѣ штатовъ, процентныхъ нормъ и полицейскихъ вето, она бѣжитъ учиться заграницу. Ради науки молодежь нерѣдко обрекаетъ себя на непосильный трудъ и полуголодное существованіе. Свой лѣтній отдыхъ она отдаетъ скудному заработку. Каждую осень, не теряя вѣры и надежды, она съ увлеченіемъ заполняетъ аудиторіи. Но это увлеченіе продолжается лишь 2—3 мѣсяца. Оказывается, что молодежь, такъ страшно рвущуюся къ знанію, нельзя заставить учиться. Говорятъ,—она не хочетъ...

Неправда!! Молодежь хочетъ учиться, но учиться не тому, что нужно царскому правительству, но всему тому, что нужно знать человѣку и гражданину. Она не признаетъ руководителей, промѣнявшихъ научную свободу на серебренники государственнаго казначейства, и для которыхъ постулаты истины и справедливости звучатъ меньше, чѣмъ циркуляры начальства; она не будетъ читать книги, написанной рукой, дрожавшею отъ рабскаго страха. Чтобы увлечь юность, нужны люди независимой мысли и убѣжденнаго слова, а не тупоумные холопы и косноязычные трусы. Молодежи приходится жить и работать въ атмосферѣ сыска, въ путахъ безсмысленныхъ формальностей. Чтобы учиться спокойно, ей необходимо поступиться сознаніемъ своего человѣческаго достоинства и подавить въ себѣ всѣ соціальныя чувства. Чтобы преуспѣть въ русской оффиціальной наукѣ, нужно не только долгіе годы дышать воздухомъ, отравленнымъ лицемѣріемъ и холопствомъ, но и самому сдѣлаться подлецомъ и трусомъ. Молодежь не отдастъ за такую науку свою душу.

Въ тревожные годы жажда свѣта и знанія даже больше, чѣмъ въ спокойную эпоху жизни. Давно среди молодежи не было такого обилія кружковъ саморазвитія, такого спроса на литературу, такого страстнаго желанія научно обосновать свое міросозерцаніе.

Но, если она и учится, то тайкомъ, учится безъ руководителей и пособій, учится безъ книгъ, лучшія изъ которыхъ до нея могутъ дойти, да и то не всегда, только контробандным путемъ. Она учится подъ непрестаннымъ страхомъ, что ее выслѣдятъ, и за свое стремленіе къ истинѣ она лишится свободы и жизни. Въ каждомъ прохожемъ она должна бояться сыщика.

У васъ нѣтъ свободнаго права учиться. Не думайте, что вы получите его изъ милости. Даже тѣ жалкія слова, которыми правительство хотѣло бы обморочить васъ, у него вырваны силой. Дать дѣйствительную свободу мысли, хотя бы только научной, и слову, хотя бы только съ каѳедры, для царскаго самодержавія значитъ тоже, что подписать свой смертный приговоръ.

Послѣдніе годы научили насъ многому и, можетъ быть, намъ не къ чему уже повторять, что только въ борьбѣ обрѣтете вы право свое, *въ борьбѣ съ самодержавіемъ*, въ борьбѣ *не только за свое право, но и за право народное*.

Да, и за право народное . . .

2 года тому назадъ московскіе профессора въ своей антиреволюціонной прокламаціи назвали университетъ «злосчастной отдушиной, черезъ которую люди всѣхъ ранговъ и сословій стараются пропустить свое недовольство, будетъ ли то недовольство политическое, экономическое или соціальное». Оставимъ въ сторонѣ форму этой реплики — она понятна въ устахъ людей, которымъ соціальное недовольство представляется пустяками, нестоющими вниманія ученыхъ мужей. Но высшая школа не можетъ оставаться равнодушной къ недовольству униженныхъ и эксплуатируемыхъ. Такимъ въ современномъ обществѣ является одинъ рангъ людей, — трудящіеся, т. е. тѣ обширные слои крестьянъ и рабочихъ, за счетъ которыхъ уже безъ особаго недовольства живутъ всѣ иные ранги и сословія.

По происхожденію вы принадлежите въ большинствѣ къ довольнымъ классамъ; въ ихъ среду уйдете вы, когда оставите школу. Отозваться сердцемъ на страданія обездоленныхъ массъ и возстать на ихъ защиту изъ вашей среды могутъ, какъ недавно утверждали многіе изъ нашихъ революціонныхъ товарищей, только единицы, столь же рѣдкія, какъ бѣлые вороны среди черныхъ. Принадлежность къ средѣ дѣлаетъ, но не обязываетъ людей быть съ нею солидарными. Изъ средневѣковыхъ монастырей и феодальныхъ замковъ вышли первые борцы съ оплотами невѣжества и безправія; изъ крестьянъ и рабочихъ набирается войско, которое усмиряетъ затѣмъ своихъ же братьевъ залпами . . .

На войскѣ стоитъ остановиться: это яркій и характерный образчикъ внѣклассовой силы, какую можно создать и экс-

плуатировать при классовой структурѣ общества. Дисциплина, внѣдряемая систематическимъ внушеніемъ, не менѣе властно двигаетъ массы, чѣмъ собственные ихъ интересы и даже голодъ. Изъ года въ годъ все въ большемъ и большемъ количествѣ правящіе классы собираютъ эту грубую силу, подчиняя ее своей власти; вооружаютъ всѣми изобрѣтеніями техники, дѣлая ее непобѣдимой. Перспектива наростанія такой силы представляется ужасной, господство произвола и неправды можетъ сдѣлаться, казалось бы, безконечнымъ... Къ счастью, наростаетъ и иная сила — сила критической мысли. Проникая въ массы, она сплачиваетъ ихъ единствомъ сознанныхъ интересовъ; овладѣвая отдѣльными лицами, она освобождаетъ ихъ изъ подъ власти рутины и своекорыстныхъ разсчетовъ. Она *формируетъ великую армію труда* и кадры интеллигенціи.

Интеллигенція такая же внѣклассовая сила, какъ и войско. Ея числы вербуются изъ всѣхъ сословій. Одни изъ нихъ отдаютъ лишь случайную и кратковременную «дань увлеченію» высокими идеалами, другіе живутъ во имя ихъ всю жизнь. Одни самоотверженно идутъ впереди до конца, другіе бѣгутъ съ полдороги. Но на мѣсто погибшихъ героевъ являются новые борцы. Интеллигенція растетъ, и несомнѣнно уже тотъ день, когда въ союзѣ съ арміей труда она разрушитъ оплоты еще недавно всесильной неправды...

Вы составляете видную часть интеллигенціи. Вы находитесь у источника критической мысли. Вы живете подъ непосредственнымъ вліяніемъ неотразимыхъ доводовъ научнаго знанія и яркихъ образовъ художественнаго творчества. Идеалы еще не потеряли надъ вами своей обаятельной власти. Пока вы свободны отъ всяческихъ путъ, которы и васъ свяжетъ потомъ жизнь; пока вы изъяты изъ подъ вліянія сытой среды, которая можетъ потомъ развратить васъ; пока вы живете въ сферѣ умственныхъ интересовъ, которые могутъ отойти потомъ на задній планъ; — вы не можете быть равнодушны къ тому, что происходитъ внѣ вашей личной, семейной жизни. Вы не можете быть глухи къ политическому, экономическому и соціальному недовольству, — и не потому, что кто то «пропуститъ» его черезъ васъ. Нѣтъ! Вы сами воспримете его чуткой душой. Не вѣрьте, когда вамъ говорятъ, что ваше дѣло учиться, а зрѣлыхъ людей дѣйствовать. Это говорятъ люди, которые выдали вамъ «аттестаты зрѣлости». Ваше дѣло учиться, но не только ремеслу, но и правдѣ, — быть гражданами. Не закрывайте глазъ на то, что происходитъ въ странѣ, не мѣшайте сердцу биться въ унисонъ съ мыслью, запечатлѣйте свое чувство актомъ. Не уклоняйтесь отъ выполненія долга, который лежитъ на васъ передъ родиной. ***Для народа, который задыхается*** въ нищетѣ, рабствѣ, невѣжествѣ,

будьте ... отдушиной. — Народъ голодаетъ. Это самый крупный фактъ, который требуетъ вашей отзывчивости. Хроническое недоѣданіе милліоновъ изъ году въ годъ — вотъ уже десять лѣтъ — смѣняется острыми голодовками, поражающими цѣлыя области.

Нужно ли говорить, отчего это происходитъ? Да и можно-ли сказать объ этомъ въ статейкѣ, — на 10 минутъ чтенія? обратитесь къ литературѣ — лучшему и незамѣнимому для васъ учителю-другу. Образами она обнажитъ передъ вами царящую неправду. Она подыметъ завѣсу со свѣтлаго будущаго. — При извѣстіи о первой изъ голодовокъ молодежь хлынула въ пораженныя неурожаемъ мѣстности, чтобы кормить и лѣчить голодающихъ. Это было почти рефлективное движеніе. Но оно оказалось безцѣльнымъ, — нельзя накормить милліоны крошками изъ подъ стола богатыхъ. Больше того: въ дальнѣйшіе годы оно оказалось и невозможнымъ. Правительство приняло всѣ мѣры, чтобы вопль нужды народной не смущалъ общественнаго спокойствія. Изъ страха, что вмѣстѣ съ милостыней интеллигенція принесетъ съ собою искры мысли и знанія, оно закрыло доступъ въ деревню почти всѣмъ благотворителямъ. Отдушина, черезъ которую могло, по мнѣнію правительства, прорваться экономическое и политическое недовольство, была тщательно имъ закупорена. Милосердіе было отдано подъ надзоръ полиціи; ради охраны самодержавія голодающій народъ былъ лишенъ даже той жалкой помощи, какую могла оказать ему частная благотворительность. — Въ поискахъ хлѣба доведенные до голодовокъ крестьяне бросились въ города и промышленные центры. Но у промышленности, цвѣтущимъ состояніемъ которой еще такъ недавно гордилось правительство, и на поддержку которой имъ были высосаны изъ деревни послѣдніе соки, не нашлось работы для голодающихъ. Захваченные кризисомъ фабриканты еще сильнѣе придавили рабочихъ, выбрасывая ихъ на улицу. Противъ нужды у правительства нашлось только одно средство: оно массами стало высылать рабочихъ на родину. Пусть тамъ дохнутъ съ голоду... — Не легко, однако, умирать съ голоду. Передъ лицомъ смерти неизбѣжны конвульсіи. Возможность ихъ предвидѣло правительство. Въ первый же голодный годъ поспѣшило оно пополнить уголовный кодексъ статьями, предусматривающими всякаго рода «публичныя скопища», въ томъ числѣ и на почвѣ «экономическихъ отношеній». Но новые и старые законы оказались безсильными предотвратить и подавить волненія массы. Въ городахъ начались и не прекращаются демонстраціи; участившіяся столкновенія въ деревнѣ начали принимать какой то стихійный характеръ. Правительство остается вѣрнымъ себѣ: противъ народа, не желающаго умирать безъ протеста, оно пустило въ ходъ насилія, розги

и пули. Городскія улицы и деревенскія дороги окрашены кровью; царское самодержавіе добиваетъ свои жертвы и заглушаетъ ихъ предсмертные стоны.

Такова картина общаго состоянія страны. Она схематична, но мы не останавливаемся на деталяхъ лицемѣрія, которымъ правительство желало бы смягчить ея рѣзкія краски. Напомнимъ только, что русскій народъ насильно держатъ во тьмѣ и невѣжествѣ; самодержавіе стоитъ поперекъ дороги не только къ хлѣбу, но даже къ свѣту знанія и гражданственности.

Гдѣ же интеллигенція? Гдѣ была она, когда разоряли народъ? Гдѣ она теперь, въ самую трудную минуту его жизни? Не спѣшите съ упреками! Припомните культурную работу, которую она выполнила, — открытую борьбу, какую она выдержала. Пересчитайте лицъ, побывавшихъ въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, на каторгѣ, погибшихъ на висѣлицахъ... Ея преданность народному дѣлу доказана цѣлымъ рядомъ испорченныхъ жизней; ея готовность на жертвы запечатлѣна кровью. Это прошлое даетъ увѣренность, что интеллигенція и въ настоящій критическій моментъ достойно и умѣло выполнитъ роль, какая суждена ей исторіей. Стихійное движеніе массы оно оформитъ мыслью, а беззавѣтная преданность идеаламъ дастъ ей вождей и героевъ. «Отцы» робко и неувѣренно начали ужъ заявлять нужды, которыхъ такъ много накопилось въ странѣ. «Дѣти» смѣло вмѣшались въ жизнь, стараясь съорганизовать рабочій народъ и оформить его требованія. Интеллигенція первой, въ лицѣ молодежи, вышла на улицу; въ лицѣ ***Балмашева*** и ***Карповича*** она первая дала отпоръ насильникамъ. Вы живете въ періодъ великой народной борьбы, отъ исхода которой зависитъ направленіе дальнѣйшей исторіи.

Да, эта борьба народная, и у каждаго въ ней свое мѣсто. Это борьба историческая, и передъ необходимостью принять въ ней участіе должны отойти на задній планъ будничные интересы и житейскія соображенія. — Ваше мѣсто уже опредѣлилось, оставить его вы не можете. Этого не позволитъ вамъ ни чувство вашей чести, ни чувство вашей совѣсти.

Не только чувство, но и сознательный разсчетъ должны внести вы въ движеніе. И вотъ съ точки зрѣнія разсчета представляется естественнымъ вопросъ: не слѣдуетъ ли отдохнуть вамъ и собраться съ силами, предоставить на время борьбу другимъ общественнымъ группамъ съ тѣмъ, чтобы потомъ съ новой энергіей принять въ ней участіе? Безъ сомнѣнія, безъ колебаній мы утверждаемъ, что такой образъ дѣйствій былъ бы тактической ошибкой. Не думайте, что вы когда нибудь будете въ состояніи помѣряться одинъ на одинъ съ правительствомъ. Залогъ общаго успѣха — во взаимной

поддержкѣ, ваша сила — въ непреклонности и упорствѣ. Не оставляйте безъ удара врага; не позволяйте правительству думать самому и увѣрять другихъ, что оно васъ успокоило; не упускайте возможности нанести ему, если не физическій еще ударъ, то нравственный. Тамъ, наверху уже началось шатаніе, и, можетъ быть, уже немного нужно такихъ ударовъ, чтобы окончательно поколебать почву подъ правительствомъ и вызвать въ средѣ его панику. — Воздержаться отъ участія въ движеніи вы не только не должны, но и не можете. Нѣкоторая часть молодежи, можетъ быть, находится сейчасъ подъ обаяніемъ амнистій и вниманія, какимъ ее стали удостаивать въ департаментскихъ пріемныхъ. Но эта струя благодушія, пущенная, чтобъ ослабить настроеніе, не можетъ быть глубокой въ вашей средѣ. При нервномъ состояніи страны молодежь не можетъ остаться спокойной. — Но, можетъ быть, вамъ слѣдуетъ воздержаться отъ массовыхъ безпорядковъ въ другихъ цѣляхъ, а именно, чтобы сохранить и посвятить всѣ активныя силы, какія имѣются у васъ, болѣе глубокому революціонному дѣлу — пропагандѣ, агитаціи и организаціи рабочихъ? — Не мы, конечно, станемъ отговаривать и устранять васъ отъ этого дѣла. Оно сейчасъ нужнѣе, чѣмъ когда-либо, и мы страстно зовемъ васъ, чтобы вы приняли въ немъ самое активное участіе. Но мы далеки отъ намѣренія въ свою или вашу тактику вносить тотъ мѣщанскій разсчетъ и филистерскую ариѳметику, къ которымъ русская интеллигенція привыкла за долгіе годы безвременья. Мы не говоримъ, что ради террора нужно оставить демонстраціи. Мы не скажемъ даже, что ради революціонной борьбы надо бросить культурную работу. Силы тѣхъ, кто вѣритъ и дѣйствуетъ, растутъ вмѣстѣ съ дѣломъ. И въ наши дни, — въ дни окрѣпшей вѣры и оживившихъ надеждъ, — мы смѣло выступаемъ съ программой широкаго синтеза, съ программой, которая, какъ вы знаете, «даетъ мѣсто всѣмъ видамъ революціонной энергіи, всѣмъ силамъ, склонностямъ и способностямъ..., всѣмъ формамъ и методамъ борьбы, вплоть до самыхъ грозныхъ и рѣшительныхъ» (см. выше «Рабочее движеніе и наши тактическія задачи»).

И мы вамъ не скажемъ: бросьте учиться, чтобы участвовать въ сходкахъ и демонстраціяхъ. Нѣтъ! Учитесь со всѣмъ жаромъ молодости, учитесь, но спѣшите мысль, которая овладѣла вами, претворить въ дѣло. Мы не скажемъ вамъ: бросьте товарищей, потому что вы нужны рабочимъ. Идите туда, но не бросайте своего дѣла и здѣсь. Вы — учащаяся молодежь — занимаете слишкомъ важную позицію, чтобы, хотя на время, ее можно было оставить незанятой. Изо всей интеллигенціи только вы можете учинить «публичное скопище» и силой демонстрировать святость ея идеаловъ. Массо-

вымъ сочувствіемъ поддержите героическіе акты отдѣльныхъ лицъ, которыя выступятъ впередъ изъ интеллигенціи или народа. Сочувствіемъ интеллигенціи освѣтите истинныя причины массовыхъ волненій, которыя безъ этого могутъ быть извращены или не поняты.

Готовясь возобновить участіе въ общенародной борьбѣ за хлѣбъ, свѣтъ и свободу, вы должны предвидѣть, что вамъ уже нельзя остаться въ академическихъ стѣнахъ и замкнуться въ узкомъ кругѣ близкихъ вамъ интересовъ. Ваше мѣсто, какъ отдѣльныхъ единицъ, не только въ товарищескихъ кружкахъ, но и на рабочихъ окраинахъ; ваше мѣсто, какъ массы, не только на сходкахъ, но и на центральныхъ улицахъ.

Вы должны предвидѣть и формы, въ которыхъ должно выразиться ваше участіе въ движеніи. Эти формы эволюціонируютъ вмѣстѣ съ развитіемъ послѣдняго. Вы начали забастовкою, остановились на демонстраціяхъ.

Демонстраціи эти были мирныя. Это значитъ: демонстрантовъ били, а они бѣжали. Не думайте, однако, что, оглядываясь на прошлое, мы видимъ тамъ только позоръ и униженіе. Даже въ своей мирной формѣ демонстраціи имѣютъ громадное значеніе и прежде всего, какъ могучее агитаціонное средство. Обыватели, благодаря имъ, начинаютъ думать и говорить о вещахъ, о которыхъ они до того времени не думали и не говорили. Въ исторіи переживаемаго нами движенія демонстраціи, съ этой точки зрѣнія, сыграли уже громадную роль. Онѣ разбудили политическую мысль въ массахъ и внесли активность въ угнетенную до того среду. Припомните откликъ, какой нашли демонстраціи въ 1901 г. въ народѣ и обществѣ. Припомните 3-дневную московскую манифестацію, впервые объединившую «улицу» со студентами; припомните петербургскіе протесты — эти первыя публичныя заявленія общественнаго недовольства.

Этимъ не исчерпывается, однако, значеніе демонстрацій. Онѣ имѣютъ не только агитаціонное, но и боевое значеніе. Есть минимумъ, который у нихъ не можетъ быть отнятъ, чѣмъ бы сами демонстраціи не закончились. Этотъ минимумъ въ одномъ случаѣ — сочувствіе массы, въ другомъ—ея протестъ. Разогнавъ демонстрантовъ и упрятавъ ихъ въ тюрьмы, правительство, казалось бы, можетъ торжествовать: врагъ бѣжалъ, онъ уничтоженъ. Но это не побѣда, а только призракъ ея. Впечатлѣніе, произведенное демонстраціей, оно уничтожить уже не въ силахъ. Больше того, это не побѣда, а пораженіе, если демонстрація повторится. Владѣя милліоннымъ войскомъ, не хитро разогнать толпу въ нѣсколько тысячъ. Но, вѣдь, не затѣмъ же въ самомъ дѣлѣ пускаются въ ходъ кулаки и нагайки, чтобы очистить улицу и дать возможность пройти по ней обывателю? Для этого было бы достаточно вѣж-

ливо сказать : посторонитесь. Провиденціальное назначеніе нагайки и розги совсѣмъ иное : онѣ должны вселить страхъ въ обывателя и отучить его отъ неудобной для самодержавія привычки протестовать и сочувствовать. И если, не смотря на всѣ усилія подавить демонстраціи, онѣ повторяются, то это значитъ что сознаніе гражданскаго долга уже одержало побѣду надъ страхомъ, а это первый шагъ къ побѣдѣ и надъ правящей посредствомъ этого страха силой.

Еще большее значеніе демонстраціи имѣютъ для самихъ участниковъ движенія. Когда молодежь шла на демонстраціи 1901 г., у нея не было и мысли о возможности отпора. Она шла подъ нагайки, какъ агнецъ — на закланіе. Сейчасъ вопросъ о возможности и необходимости вооруженной демонстраціи, можно сказать, виситъ въ воздухѣ. Мирныя демонстраціи уяснили, съ одной стороны, неизбѣжность открытой борьбы съ насильниками, а съ другой—подняли боевое настроеніе массы.

Правда, это боевое чувство, можетъ быть, еще недостаточно сильно. Но оно крѣпнетъ, и мы въ правѣ надѣяться, что предстоящія демонстраціи будутъ проходить иначе, чѣмъ предыдущія, что теперь найдутся люди, которые сумѣютъ отвѣтить на ударъ кулака и нагайки.

И если въ вашей груди тлѣетъ хоть искра этого чувства, не мѣшайте разгорѣться ему въ пламя. Помните, что у революціи есть неизмѣнная заповѣдь: ***ни въ себѣ, ни въ другихъ не угашайте духа.***

Февраль, 1903 г.

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЫ и СОЦІАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ.

Въ № 2 «Краснаго Знамени», новой газеты, издаваемой заграницей «Союзомъ Русскихъ Соціальдемократовъ», появилась статья «Соціальдемократическая Партія и Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ». Статья эта содержитъ, между прочимъ, рѣшительное объявленіе войны соціалистамъ-революціонерамъ и со стороны этой фракціи русской соціальдемократіи. Правда, въ этой статьѣ мы напрасно стали бы искать чего нибудь новаго и оригинальнаго. Но такія статьи интересны, какъ довольно вѣрное отраженіе того, что думаетъ и чувствуетъ средній соціальдемократъ, не уяснившій себѣ еще нашей точ-

ки зрѣнія. Спеціальныя качества статьи «Краснаго Знамени» — относительная корректность ея тона, стремленіе (въ большинствѣ случаевъ) схватить существо программныхъ и тактическихъ разногласій, не заслоняя его кучей всевозможныхъ перетолкованій, придирокъ, грубыхъ выходокъ, мелкихъ нападокъ и т. п. — дѣлаютъ ее еще болѣе удобнымъ поводомъ для обсужденія вопроса — что отдѣляетъ Партію Соціалистовъ-Революціонеровъ отъ Соціальдемократической Партіи.

Главный политическій грѣхъ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, съ точки зрѣнія «Краснаго Знамени», таковъ. — Мы хотимъ, во первыхъ, «спаять всю массу трудовой интеллигенціи въ одну партію съ пролетаріатомъ»; во вторыхъ, мы хотимъ «спаять въ одну партію все трудовое крестьянство съ пролетаріатомъ»; откуда и слѣдуетъ, что мы хотимъ построить свою партію на фундаментѣ, хотя и болѣе широкомъ, чѣмъ соціальдемократія, но за то и болѣе зыбкомъ: «настолько зыбкомъ, что на немъ никакой прочной партіи, а тѣмъ болѣе соціалистической партіи, построить невозможно». Отсюда у насъ и получается «не соціалистическая программа, а соціалистическій туманъ», который только «затемняетъ классовое самосознаніе пролетаріата».

Въ отличіе отъ насъ, соціальдемократы «призываютъ интеллигенцію на борьбу съ самодержавіемъ», но знаютъ, что «какъ только исчезнетъ политическій гнетъ, объединяющій теперь всю трудовую интеллигенцію, — сейчасъ же обнаружится, что только небольшая часть ея готова связать свою судьбу съ бурной и тревожной жизнью революціоннаго пролетаріата», остальные же «уйдутъ въ станъ ликующихъ, на услуженіе буржуазіи» или «погрузятся въ мѣщанское счастье». Но, во первыхъ, никто и теперь не мѣшаетъ извѣстной части интеллигенціи уходить на услуженіе буржуазіи, въ станъ ликующихъ. И тѣ, чья дорога лежитъ въ эту сторону, не испытываютъ никакого «политическаго гнета» — напротивъ, къ ихъ услугамъ всѣ «великія и богатыя милости» этого «стана ликующихъ»: «ордена, кресты и ленты, цѣлый рядъ наградъ», да и «жирныя говяда» въ придачу. Что касается до «жизни революціоннаго пролетаріата», то именно теперь, подъ самодержавнымъ режимомъ, она и является наиболѣе «бурной и тревожной», теперь то она и способна всего болѣе отпугивать людей, рожденныхъ не для бурь. Во всѣхъ почти западно-европейскихъ странахъ теперь замѣчается сильное тяготѣніе къ соціализму слоя такъ называемыхъ intellectuels. И это объясняется весьма просто. Отъ дряхлѣющаго порядка умственныя силы всегда естественно отходятъ къ нарождающемуся, полному юныхъ, могучихъ силъ, новому міру. Какъ раньше передъ великой французской революціей, ликвидировавшей феодальные порядки, интеллигенція тяготѣла къ

буржуазіи, такъ и теперь, по мѣрѣ приближенія ликвидаціи капиталистическаго строя, будетъ усиливаться и тяготѣніе интеллигенціи къ соціализму. Буржуазно-капиталистическій режимъ все болѣе и болѣе изживаетъ свое прогрессивное, положительное содержаніе, и все болѣе отталкиваетъ отъ себя людей, жизнь которыхъ вращается въ сферѣ работы интеллекта. Соціализму по установленіи свободныхъ демократическихъ порядковъ скорѣе можно опасаться чрезмѣрнаго наплыва недостаточно еще опредѣленныхъ въ революціонно-соціалистическомъ смыслѣ, недостаточно «отрѣшившихся отъ стараго міра» элементовъ интеллигенціи, чѣмъ отлива ихъ. Парламентаризмъ, депутатскія мѣста, борьба въ муниципалитетахъ и т. д. гораздо соблазнительнѣе, чѣмъ мѣста въ Шлиссельбургѣ, на Сахалинѣ и т. д. Но предположимъ даже, что довольно значительная часть «трудовой интеллигенціи» удовольствуется буржуазной свободой и уйдетъ отъ революціоннаго соціализма. Но вѣдь также можетъ уйти на время и нѣкоторая часть пролетаріата (какъ, напримѣръ, въ Англіи). И теперь мы наблюдаемъ рабочихъ — «зубатовцевъ», рабочихъ — «независимцевъ», легализаторовъ и шествующихъ за легализаторами. Ихъ лозунгъ — чисто экономическое движеніе. Но при самодержавномъ гнетѣ этому «чисто-экономическому» движенію слишкомъ мало ходу, во всѣхъ крупныхъ случаяхъ правительство слишкомъ явно становится на сторону хозяевъ и толкаетъ на ожесточенную борьбу даже такихъ рабочихъ, которые далеко еще не обнаруживаютъ къ ней внутренняго тяготѣнія. Что удивительнаго, если эти элементы отхлынутъ отъ соціализма, когда при политической свободѣ экономическая борьба рабочихъ съ хозяевами будетъ узаконена въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, и не притворно, не по обманчивой видимости, а дѣйствительно и реально? Даже въ Германіи до сихъ поръ еще соціальдемократіи не удалось «спаять» въ одну партію» даже *всего* нѣмецкаго пролетаріата. Что же изъ того? Мы вѣдь не заявляемъ, что вся трудовая интеллигенція, все трудовое крестьянство, всѣ вообще угнетаемые, трудящіеся и эксплуатируемые слои въ полномъ своемъ составѣ сейчасъ же готовы стать «твердой, а не зыбкой почвой», на которой немедленно можно воздвигнуть огромную соціалистическую партію. Съ англійскимъ и американскимъ пролетаріатомъ соціалистамъ не мало хлопотъ; не мало хлопотъ будетъ, конечно, и русскимъ соціалистамъ съ различными слоями трудового и эксплуатируемаго народа. Но кто же утверждалъ, что работа соціалистовъ такъ легка и проста? Только вульгаризированный, каррикатурный марксизмъ можетъ рисовать задачи соціалистической партіи въ видѣ ловли разинутымъ ртомъ жареныхъ рябчиковъ — пролетаріевъ вполнѣ «организованныхъ» и подготовленныхъ капитализмомъ

къ роли могильщиковъ всего современнаго строя. Капитализмъ организуетъ, но онъ же и дезорганизуетъ; онъ возбуждаетъ къ борьбѣ, но онъ же заражаетъ духомъ мѣщанской трезвенности; онъ подготовляетъ «человѣческій матеріалъ» и для твердой, настойчивой тактики революціоннаго соціализма, и для бернштеніанской постепеновщины, и для умѣренности и аккуратности трэдсъ-юніонизма, и для бурныхъ вспышекъ анархизма... На долю соціалистической партіи выпадаетъ гораздо болѣе созидательной, цѣлесообразной, организующей работы, чѣмъ это многіе думаютъ...

Да, мы предлагаемъ, мы хотимъ «спаять», объединить и мы дѣйствительно объединяемъ въ одну партію всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ, но лишь постольку, поскольку они проникаются ***соціалистическимъ сознаніемъ***; лишь постольку, поскольку они свои близорукіе, непосредственные интересы подчиняютъ своему общему, болѣе глубокому интересу, выражающемуся въ ***конечной цѣли***; лишь постольку, поскольку они за деревьями не теряютъ изъ виду лѣса, за конкретно-различными формами эксплуатаціи не теряютъ способности видѣть единство буржуазной эксплуатаціи въ ея существѣ; лишь постольку, поскольку они становятся на почву своихъ общихъ трудовыхъ интересовъ, а не на почву исключительныхъ, конкретно-различныхъ интересовъ того или иного отдѣльнаго слоя трудящагося народа. Всѣ трудовые интересы, суммируемые и координируемые въ высшемъ соціалистическомъ идеалѣ, для насъ равно дороги. У насъ есть идеалы, но нѣтъ идоловъ. Не идолъ для насъ пролетаріатъ, и въ служеніи ему мы не построимъ жертвенника для закланія интересовъ другихъ трудовыхъ и эксплуатируемыхъ слоевъ. Но точно также не идолъ для насъ и «трудовая интеллигенція». Мы удѣляемъ ей крупное мѣсто, но лишь постольку, поскольку она является иниціаторомъ революціонно-соціалистическаго движенія; поскольку она на первыхъ порахъ — иногда втеченіе цѣлыхъ десятилѣтій — почти только на однихъ своихъ плечахъ выноситъ всю тяжесть неравной борьбы за соціализмъ; поскольку въ другія, лучшія времена она проводитъ соціалистическое сознаніе въ широкія трудовыя массы и становится въ ряды возросшей соціалистической арміи. И если союза съ соціальдемократами мы не сможемъ купить иначе, чѣмъ цѣною отказа отъ этихъ своихъ задушевнѣйшихъ убѣжденій — тогда намъ не нужно этого союза, тогда пусть будетъ та «борьба», которую столь настойчиво проповѣдуютъ противъ насъ многочисленные органы и организаціи соціальдемократовъ, отъ «Заграничнаго Комитета Бунда», до «Искры» и «Зари», отъ группы «Рабочаго Дѣла» и «Краснаго Знамени» до группы «Свободы»...

Съ той же основной точки зрѣнія устанавливаемъ мы и свое отношеніе къ трудовому крестьянству.

Соціализмъ есть «благая вѣсть» всѣмъ трудящимся, всѣмъ эксплуатируемымъ и угнетеннымъ. Его призваніе — уничтожить всякія классовыя различія, всякое угнетеніе, всякую эксплуатацію. Это положеніе признается одинаково всѣми соціалистами. Поэтому для всѣхъ соціалистовъ должно быть одинаково желательнымъ привлечь къ великому дѣлу уничтоженія эксплуатаціи человѣка человѣкомъ *всѣхъ* эксплуатируемыхъ, *всѣхъ* угнетенныхъ, — всѣхъ, самимъ положеніемъ своимъ заинтересованныхъ въ уничтоженіи царства эксплуатаціи. И если какая нибудь фракція соціалистовъ ограничиваетъ свой кругъ воздѣйствія только какимъ нибудь *однимъ* слоемъ эксплуатируемыхъ; если она, такимъ образомъ, дѣло соціализма хочетъ монополизировать въ рукахъ только одного пролетаріата; если она провозглашаетъ, что освобожденіе всего трудящагося и эксплуатируемаго народа должно быть не его дѣломъ, а дѣломъ одного пролетаріата, — то эта фракція должна представить твердыя, непоколебимыя, безспорныя основанія для своей программы дѣйствій. На ней лежитъ onus probandi, обязанность доказывать свою точку зрѣнія, а не тѣхъ, которые говорятъ, что освобожденіе всего трудящагося и эксплуатируемаго народа есть дѣло его самого, а не одной его части. Что же даетъ въ этомъ смыслѣ статья «Краснаго Знамени»? Ровно ничего. Авторъ ея исходитъ въ своихъ разсужденіяхъ, какъ изъ аксіомы, изъ такого положенія: «Пролетаріатъ — единственный классъ, находящійся въ непримиримой враждѣ со всѣмъ современнымъ соціальнымъ строемъ». Эту аксіому онъ и считаетъ вполнѣ достаточной для обоснованія того положенія русской соціальдемократіи, согласно которому крестьянство способно понять лишь *демократическія*, а не *соціалистическія* наши требованія. Изъ этого положенія логически вытекаетъ, что съ крестьянствомъ у пролетаріата общи только политическіе интересы; поэтому съ нимъ соціалистическая партія можетъ идти вмѣстѣ только до поры до времени, до ближайшаго политическаго переворота.

Хорошо, пусть такъ. Но вотъ что мы читаемъ ниже: «Но широкіе слои крестьянъ хотятъ большаго (чѣмъ земельная реформа) — уравнительнаго раздѣла помѣщичьей земли. Это, несомнѣнно, требованіе *революціонное*» и притомъ «*совершенно неосуществимое въ буржуазномъ* обществѣ». Но, вѣдь, отсюда же вытекаетъ несомнѣнный выводъ, что широкіе слои крестьянъ «находятся въ непримиримой враждѣ» съ этимъ буржуазнымъ обществомъ! Такъ, значитъ, пролетаріатъ-то не единственный классъ, находящійся въ «непримиримой враждѣ»? Почему же, однако, тогда ему не дѣйствовать вмѣстѣ съ «широкими слоями крестьянъ» не только до момента политической революціи, а и дальше — до момента соціальной?

На это авторъ даетъ такой отвѣтъ: «Если сравнить созна-

тельныя стремленія революціоннаго пролетаріата съ наивными мечтами этого наиболѣе революціоннаго слоя крестьянъ, * то окажется, что они находятся въ полнѣйшемъ противорѣчіи. Разоренное крестьянство мечтаетъ объ уничтоженіи частной собственности на землю путемъ уравнительнаго подушнаго передѣла всей земли. Сознательный пролетаріатъ хочетъ уничтожить частную собственность на землю путемъ передачи ея въ пользованіе соціалистически организованнаго общества. Разоренное крестьянство питаетъ несбыточную мечту, что частная собственность на землю будетъ уничтожена въ самомъ близкомъ будущемъ. Сознательный пролетаріатъ знаетъ, что она можетъ быть уничтожена еще не скоро, только послѣ общей соціальной революціи», отсюда выводъ, что пролетаріатъ солидаренъ съ крестьянствомъ только въ борьбѣ «противъ хищничества и безправія, противъ всякихъ крѣпостныхъ путъ».

Что за странная, что за удивительная логика! Мы думали, что если съ одной стороны брать «*сознательныя* стремленія *революціоннаго* пролетаріата» то сравнивать ихъ нужно также съ *сознательными* стремленіями *революціоннаго* крестьянства. Если же вы хотите непремѣнно взять первоначальныя, наивныя формы крестьянскихъ революціонныхъ стремленій, то опять таки вы должны сравнивать ихъ тоже съ первоначальными, наивными формами выраженія революціоннаго духа пролетаріата. Въ противномъ случаѣ изъ сравненія вы можете заключать не о противоположности пролетаріата крестьянству, а лишь о противоположности сознательности и безсознательности, революціонности и нереволюціонности. Не станетъ же авторъ статьи «Краснаго Знамени» отрицать, что есть и нереволюціонно настроенный пролетаріатъ; не станетъ онъ отрицать и сознательности у чуждыхъ соціализму трэдсъ-юніонистовъ; не станетъ утверждать онъ и того, будто при первомъ своемъ появленіи на свѣтъ пролетаріатъ чуждъ всякихъ «наивныхъ мечтаній» и обладаетъ готовымъ соціалистическимъ сознаніемъ. Посмотримъ, что же выйдетъ, есла мы исправимъ элементарную логическую погрѣшность въ постановкѣ вопроса нашимъ критикомъ, и сравнимъ рисуемаго имъ «разореннаго крестьянина» съ еще несознательнымъ рабочимъ или даже съ сознательнымъ пролетаріемъ изъ трэдсъ-юніоновъ стараго типа. Правда, этотъ разоренный крестьяникъ, по словамъ «Краснаго Знамени», «питаемъ несбыточную мечту» объ «уничтоженіи частной собственности на землю», да еще (о ужасъ!) «въ самомъ близкомъ будущемъ». Но вѣдь эта

* Авторъ имѣлъ въ виду «громадный слой малоземельныхъ крестьянъ, живущихъ въ крайней нуждѣ, но все еще цѣпляющихся за землю».

мечта свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ вѣрно угадываетъ одну изъ дѣйствительно главнѣйшихъ причинъ своихъ страданій. Ну, а несознательный пролетарій? Да, вѣдь, и онъ, разоренный и выведенный изъ терпѣнія, причины своихъ страданій не знаетъ или видитъ ее не тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ искать, и уничтоженіе частной собственности ему знакомо сплошь и рядомъ только въ формѣ разрушенія машинъ и фабричныхъ погромовъ. Еще хуже обстоитъ дѣло съ сознательнымъ трэдъ-юніонистомъ, который знакомъ съ соціализмомъ, давно о немъ слышалъ, но считаетъ его утопіей. И однако авторъ, навѣрно, скажетъ своимъ читателямъ: идите къ этимъ темнымъ людятъ, взоръ которыхъ прикованъ вполнѣ къ рабочему станку и не видитъ еще солнца соціализма. Не бойтесь ихъ темноты, ихъ дикихъ взрывовъ отчаянія. Ихъ страданія и невозможность ихъ исцѣленія въ рамкахъ современнаго общества — дѣлаютъ изъ нихъ благопріятную почву для воспріятія соціализма. Точно также не бойтесь идти къ этимъ самодовольнымъ трэдъ-юніонистамъ, опутаннымъ софизмами буржуазной науки и воображающимъ, что они обладаютъ всѣмъ знаніемъ. Имѣйте терпѣніе, подрывайте своей критикой буржуазные софизмы и вѣрьте въ успѣхъ, ибо жизнь работаетъ въ одномъ направленіи съ вами. — Но почему же тогда такая строгость къ крестьянину, который уже понялъ причину своихъ страданій, знаетъ, что для ихъ прекращенія надо уничтожить частную собственность на землю, и только, по мнѣнію автора, неправильно отвѣчаетъ на вопросы: что есть соціалистическое общество? и когда это будетъ? Почему отъ него вы требуете, чтобы онъ до всего своимъ умомъ доходилъ, чтобы онъ самъ и соціализмъ открылъ, — а разъ встрѣчаете у него «несбыточныя мечты», то этого для васъ довольно, чтобы отмести своимъ вердиктомъ трудовое крестьянство отъ вратъ соціалистической партіи и признать возможнымъ идти съ нимъ рука объ руку только въ борьбу «противъ всякихъ крѣпостныхъ путъ» — не дальше...

Но, можетъ быть, авторъ не точно выразился; можетъ быть онъ хотѣлъ сказать, что крестьяне ***и не въ состояніи*** представить себѣ уничтоженіе частной собственности на землю иначе, какъ въ формѣ «уравнительнаго подушнаго передѣла всей земли» — сколько имъ не толкуй о соціализмѣ? Можетъ быть, онъ хотѣлъ сказать, что безграмотные, темные крестьяне уже доработались своимъ умомъ, безъ всякой или почти безъ всякой помощи интеллигенціи, до ***крайняго предѣла сознательности***, до какого они только могутъ дойти, и что пытаться развивать ихъ сознаніе дальше въ томъ же направленіи все равно, что воду въ ступѣ толочь? Если это думалъ авторъ, то не мѣшало бы подтвердить такую по меньшей мѣрѣ мало вѣроятную мысль какими-нибудь теоретическими сооб-

раженіями или фактами. Но на это мы не видимъ даже и намека...

Не помогаетъ дѣлу автора статьи и расчлененіе «трудового крестьянства» на три слоя: слой, живущій преимущественно отхожими промыслами и наемнымъ трудомъ, слой малоземельныхъ, но упорно цѣпляющихся за свой участокъ земли крестьянъ и слой «хозяйственныхъ мужичковъ». Во первыхъ, тутъ сдѣлана огромная погрѣшность. Терминъ «хозяйственный мужичекъ», введенный Златовратскимъ и перенесенный изъ беллетристики въ экономическую литературу Петромъ Струве, имѣетъ слишкомъ опредѣленный смыслъ, чтобы можно было брать его, какъ частный случай «трудового крестьянства». «Хозяйственный мужичекъ» — это именно «*коммерческій* мужичекъ», выдѣляющаяся сельская буржуазія, по своимъ интересамъ *противоположная* трудовому крестьянству. Такъ же, въ сущности, характеризуетъ его и «Красное Знамя»: онъ «тянется къ капиталу, стремится прикупить земли, принанять работниковъ, пріобрѣсти торговое заведеніе». Если такіе «хозяйственные мужики» и выходятъ изъ рядовыхъ мужиковъ, то вѣдь они именно *выходятъ* изъ этихъ рядовъ, покидаютъ ихъ, какъ покидаютъ ряды рабочихъ тѣ рабочіе, которые прислуживаются къ хозяину, занимаютъ мѣста надсмотрщиковъ и мастеровъ, пользуются хозяйскими подачками и скапливаютъ въ сберегательной кассѣ капиталецъ, чтобы на склонѣ лѣтъ зажить мѣщанской жизнью, открыть кабачекъ или лавочку для обдиранія, спаиванья, обвѣшиванья и обсчитыванья своего же брата—рабочаго; или какъ покидаютъ ряды пролетаріата чины фабричной администраціи, формально какъ бы остающіеся пролетаріями, — не владѣющими средствами производства и работающими за плату...

Остаются два первыхъ слоя крестьянства, дѣйствительно составляющихъ «трудовую» его массу. Съ первымъ изъ этихъ слоевъ, по мнѣнію «Краснаго Знамени», «пролетаріатъ вполнѣ солидаренъ, ибо они — тѣ же пролетаріи». Это не совсѣмъ такъ — чистыми пролетаріями они, конечно, не являются, и тѣмъ менѣе принадлежатъ они къ «современному промышленному пролетаріату, объединенному процессомъ производства». Въ жизни, по настроенію, по «несбыточнымъ мечтамъ» эти два трудовыхъ слоя крестьянства совершенно сливаются, какъ бы «Красному Знамени» ни хотѣлось ихъ разъединить. Они также цѣпляются за землю, такъ же чувствуютъ себя «личинкой крестьянина», быть можетъ, еще сильнѣе жаждутъ «поравненія земли»... Слѣдовательно, они — тоже «зыбкая почва»... для тѣхъ соціальдемократовъ, для которыхъ пролетаризація есть что то вродѣ обязательнаго чистилища, чрезъ которое необходимо пройти ко вратамъ соціалистической партіи.

И, насколько это для нихъ « зыбкая почва » — видно изъ того, что вѣчно « зыблется » ихъ аграрная программа. Давно ли « Рабочее Дѣло » упрекало въ непослѣдовательности «Искру», желавшую отдать крестьянамъ въ собственность « отрѣзки » ? Давно ли говорило оно устами Мартынова, что разъ ставши на этотъ путь, «Искра» должна бы идти до логическаго конца, требовать « чернаго передѣла » всей земли, слѣдовательно, отказаться отъ соціальдемократизма? А нынѣ, въ брошюрѣ того же Мартынова о « рабочей революціи » и въ № 2 « Краснаго Знамени » эта группа соціальдемократовъ ухитрилась сѣсть и между такими двумя стульями, какъ « отрѣзки Искры» и жупелъ «чернаго передѣла». « Мы говоримъ крестьянамъ — читаемъ мы въ той же статьѣ — мы будемъ требовать, чтобы вамъ были отданы (на какихъ началахъ ? Частной или общественной собственности ? Ред.) тѣ земли ... которыя ставятъ васъ въ полукрѣпостную зависимость отъ помѣщиковъ и отъ государства ». Но какая зависимость при современномъ аграрномъ строѣ *не* является и какая является *полу*крѣпостнической? На этотъ вопросъ тщетно мы стали бы ожидать отвѣта. Это обѣщаніе, можетъ быть, очень маленькое, а можетъ быть и отъ « чернаго передѣла » недалеко. Но объ опредѣленности « Красное Знамя » и не заботится. Въ довершеніе неопредѣленности, оно даже заявляетъ, что хотя будетъ отстаивать это требованіе земельной реформы, но воздерживается отъ включенія его въ свою программу ... а изгонитъ его куда то за черту программной осѣдлости !

Переходимъ къ другому важному обвиненію, выставленному авторомъ противъ нашей партіи : « желая стать одновременно на точку зрѣнія разныхъ слоевъ трудового народа со сталкивающимися соціальными интересами, она (Партія Соц.-Рев.) не можетъ указать яснаго пути къ соціализму. Она тщетно пытается примирить и согласовать мелкобуржуазную программу народниковъ 80-хъ годовъ, соотвѣтствующую соціальнымъ стремленіямъ среднихъ слоевъ крестьянъ и интеллигенціи, съ соціальдемократической программой пролетаріата и анархически-бунтарской программой старой партіи « Земля и Воля », соотвѣтствующей стремленіямъ разореннаго крестьянства ». Другое дѣло — соціальдемократическая партія : «она указываетъ ясный и опредѣленный путь къ соціализму », — « истинный путь », какъ его именуетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ. Вотъ этотъ путь : « пролетаріатъ разовьетъ свою классовую борьбу съ буржуазіей, смететъ всѣ препятствія для нея и въ первую голову самодержавіе и другіе пережитки крѣпостныхъ временъ, внесетъ эту классовую борьбу во всѣ области общественной жизни, привлечетъ къ ней всѣхъ, кто можетъ стать на его точку зрѣнія, а затѣмъ, когда онъ будетъ достаточно организованъ, онъ совершитъ соціальную ре-

волюцію». Мы, конечно могли бы замѣнить въ этой цитатѣ пролетаріатъ рабочимъ классомъ (въ широкомъ смыслѣ, включая въ него всѣ слои трудового народа) и скромно вернуть ее автору со словами: вотъ ясный, опредѣленный и истинный путь къ соціализму, который мы указываемъ. И если мы не ограничиваемся этимъ, то только потому, что не хотимъ оставить безъ анализа кое-чего «неяснаго и неопредѣленнаго» въ слишкомъ общихъ формулировкахъ нашихъ критиковъ, и не хотимъ упустить нѣкоторыхъ удобныхъ поводовъ выяснить кое-какія особенности той позиціи, которую заняла наша партія.

Авторъ, несмотря на противоположное утвержденіе, видитъ въ современной Россіи два революціонныхъ слоя: пролетаріатъ и малоземельное, разоренное крестьянство. Оба эти слоя революціонны въ *соціальномъ* смыслѣ этого слова, оба не могутъ добиться удовлетворенія своихъ интересовъ безъ уничтоженія частной собственности. Тѣмъ не менѣе онъ не видитъ въ этихъ слояхъ двухъ братьевъ, не видитъ даже союзниковъ въ одной и той же борьбѣ противъ буржуазнаго общества. Только пролетаріи истинные могильщики этого общества; крестьяне — это самозванцы, осужденные капиталистическимъ развитіемъ на гибель. Между этими двумя слоями, по представленію автора, цѣлая пропасть. И не только пропасть матеріальнаго разоренія, потери клочка земли, прощанья съ призракомъ самостоятельнаго хозяйства, но и пропасть утраты былыхъ своихъ революціонныхъ надеждъ и стремленій, потери прежнихъ формъ вѣры въ правду и справедливость, надломленности революціонной энергіи. Крестьяне должны свалиться въ эту пропасть матеріальнаго разоренія и нравственной опустошенности, чтобы потомъ начать трудный путь восхожденія въ рангъ истинныхъ могильщиковъ современнаго общества. И только тутъ, на этомъ пути восхожденія соціальдемократы придутъ къ нему на помощь, протянутъ ему руку.

Соціалисты-революціонеры не такъ представляютъ себѣ «ясный и опредѣленный путь» къ соціализму и не такъ понимаютъ обязанности соціалиста. Они не признаютъ этихъ деревянно-неизмѣнныхъ, окостенѣвшихъ, «метафизическихъ» интересовъ слоевъ и классовъ, которые въ такомъ ходу у нѣкоторыхъ русскихъ марксистовъ и на которыхъ авторъ построилъ всѣ свои разсужденія. Они не вѣрятъ въ эти «вещи въ себѣ», въ эти сущности. Они считаютъ эти интересы гораздо болѣе гибкими, развивающимися, если угодно — «діалектическими», хотя и не принадлежатъ къ поклонникамъ діалектическаго матеріализма. Они не вѣрятъ, что пролетаріатъ отъ вѣка и повсемѣстно предопредѣленъ быть носителемъ соціалистическихъ интересовъ, а крестьянство —

мелкобуржуазныхъ. Живымъ опроверженіемъ этого «деревяннаго» пониманія революціонности пролетаріата служитъ хотя бы Англія, передовая страна капитализма, въ которой степень революціонности и соціалистичности пролетаріата отнюдь не соотвѣтствуетъ степени промышленнаго развитія страны. Они полагаютъ, что пониманіе тѣмъ или другимъ слоемъ своихъ интересовъ опредѣляется всей обстановкой, въ которой живетъ этотъ слой, всей совокупностью историческихъ традицій, въ которыхъ онъ сложился. Допустимъ, что въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ крестьянинъ, за которымъ лежатъ цѣлые вѣка господства частной собственности на землю, который копается и возится на томъ же клочкѣ земли, на которомъ трудились его дѣды и прадѣды; который знаетъ исторію каждаго дерева, каждаго кустика на своемъ участкѣ, каждаго камня, пошедшаго на постройку его дома или его ограды; — допустимъ, что этотъ крестьянинъ настолько сживается со своей собственностью, настолько проникается «собственническимъ фанатизмомъ», что только страданія и ужасы полной пауперизаціи, а затѣмъ «капиталистическая выучка» въ состояніи излечить его отъ этого фанатизма, сдѣлать его воспріимчивымъ къ соціализму. Но, во первыхъ, въ цѣломъ рядѣ мѣстъ наблюдается обратное: мужики оказываются не менѣе (иногда даже болѣе) воспріимчивы къ соціалистической пропагандѣ, чѣмъ сельско-хозяйственные батраки; они склонны къ коопераціи, къ укрѣпленію между собою общественной связи и солидарности. Было время, когда о земельной собственности крестьянскихъ общинъ въ Западной Европѣ политическимъ дѣятелямъ и вспоминать то не приходилось. Теперь требованіе ея возрожденія и увеличенія стоитъ въ аграрныхъ программахъ почти всѣхъ соціалистическихъ партій. Этотъ путь борьбы съ «собственническимъ фанатизмомъ» особенно важенъ для насъ. У насъ крестьянинъ въ значительной степени воспитывался въ традиціяхъ общиннаго землевладѣнія и трудового начала, въ немъ еще живы взгляды на землю, какъ на «ничью», «вольную», живо еще убѣжденіе, что ею могутъ пользоваться только люди, работающіе на ней. Въ немъ живо враждебное отношеніе къ помѣщикамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ. И это содѣйствуетъ болѣе легкому усвоенію основной идеи соціализма, отрицающей право частной собственности на средства производства.

Для насъ этого достаточно, чтобы теперь же идти въ крестьянство, не ожидая, когда капиталистическое развитіе сброситъ его въ пропасть матеріальнаго разоренія и нравственной опустошенности. Мы теперь же признаемъ его, вмѣстѣ съ пролетаріатомъ городовъ, законнымъ могильщикомъ буржуазнаго общества, теперь же зовемъ его на борьбу съ этимъ обще-

ствомъ. Мы говоримъ ему о борьбѣ городскихъ рабочихъ, объ ихъ цѣляхъ и стремленіяхъ. Мы пріучаемъ его смотрѣть на себя, какъ на одного изъ борцовъ великой арміи трудящагося народа, идущей на штурмъ цитадели буржуазной эксплуатаціи. Мы не говоримъ ему: брось свои надежды и стремленія! Мы исходимъ изъ нихъ и развиваемъ ихъ. Мы ему говоримъ: твои надежды и стремленія къ уничтоженію частной собственности на землю и установленію царства свободныхъ, равноправныхъ работниковъ только тогда осуществятся, когда ты объединишься съ городскими рабочими для совмѣстной революціонной борьбы противъ гнета капитала, для того, чтобы сдѣлать, въ концѣ концовъ, и землю, и фабрики, и заводы, и всѣ вообще орудія производства общественнымъ достояніемъ. — И если онъ послѣ того даже и вынужденъ будетъ бросить свой клочекъ земли, онъ не потеряетъ вмѣстѣ съ нимъ своихъ надеждъ и стремленій, ибо они у него выросли, расширились. Онъ будетъ знать, что и въ новомъ положеніи наемнаго работника онъ можетъ бороться за то же дѣло, — дѣло соціализма. Онъ унесетъ съ собой и свою ненависть къ богатымъ и знатнымъ и свою вѣру въ свѣтлое будущее.

Въ сельскомъ хозяйствѣ капитализмъ по преимуществу развиваетъ свои отрицательныя, разрушительныя тенденціи и весьма плохо выполняетъ свою положительную, организующую работу. Онъ опутываетъ мелкихъ производителей-крестьянъ сѣтями эксплуатаціи, но онъ такъ и предпочитаетъ держать ихъ въ своихъ сѣтяхъ, не переводя ихъ на положеніе наемныхъ рабочихъ, не организуя на развалинахъ ихъ жалкихъ, мелкихъ хозяйствъ производства en grand по послѣднему слову агрономической науки и техники. Поэтому исключительная, чисто-пролетарская программа не можетъ быть универсальной программой соціалистической партіи въ деревнѣ.

Но, вѣдь, крестьянинъ не можетъ представить себѣ уничтоженіе частной собственности на землю иначе, какъ въ формѣ уравнительнаго подушнаго передѣла, — скажетъ намъ авторъ разбираемой статьи. Мы не сомнѣваемся, что ***сознательный*** крестьянинъ не менѣе сознательнаго пролетарія въ состояніи усвоить понятіе о соціалистическомъ хозяйствѣ. Правда, ему труднѣе, чѣмъ фабричному рабочему, облечь это понятіе въ конкретныя формы своего земледѣльческаго обихода. Но это не легче и сельско-хозяйственному батраку. Трудность эта зависитъ вовсе не отъ мнимой буржуазности мужика, а просто отъ того, что въ сферѣ земледѣлія менѣе подготовлены ***матеріальныя основы*** планомѣрнаго общественнаго хозяйства, менѣе соціализированъ трудъ. Западно-европейскіе соціалисты, работая при условіяхъ политической свободы, могутъ пользо-

ваться, по крайней мѣрѣ, сельско-хозяйственной кооперацiей, какъ средствомъ *наглядно* демонстрировать выгоды объединеннаго труда внѣ его капиталистической формы. Но атмосфера буржуазнаго мiра слишкомъ мало благопрiятна для возникновенiя въ ея нѣдрахъ микроскопическихъ эмбрiоновъ соцiализма. Вотъ почему, не «обобществляемый» капитализмомъ, крестьянинъ часто не легко поддается и организующему вліянiю соцiалистической кооперацiи, тѣмъ болѣе, что съ ней конкуррируетъ кооперацiя, руководимая буржуазными партiями и зараженная мелко-торгашескимъ духомъ. Поэтому мелкое хозяйство въ сферѣ земледѣлiя, вѣроятно, еще просуществуетъ нѣкоторое время и послѣ побѣды рабочаго класса. Но мы убѣждены, что ту работу, которую капитализмъ не смогъ выполнить въ земледѣлiи въ сотню лѣтъ, сбросившiй иго капиталистической эксплуатацiи народъ выполнитъ очень скоро. Въ этомъ мы не расходимся со многими соцiалъ-демократами, писавшими объ этомъ предметѣ. Мы считаемъ и неизбѣжнымъ, и вполнѣ совмѣстимымъ съ соцiалистическими принципами увеличенiе землепользованiя (не землевладѣнiя) и надѣленiе землей въ пользованiе тѣхъ крестьянъ, которые не могутъ быть заняты въ крупныхъ, общественно-организованныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, за отсутствiемъ матерiальныхъ условiй такого хозяйства, и которые предпочтутъ мелкое индивидуальное хозяйство. Наше дѣло — постепенно привлечь ихъ къ соцiалистической организацiи внутренней притягательной силой коллективистскихъ порядковъ.

Поэтому мы, выставляя программой соцiально-революцiоннаго переворота свободное народное правленiе, нацiонализацiю земли, нацiонализацiю всѣхъ крупныхъ промышленныхъ предпрiятiй, глубоко убѣждены, что эта соцiалистическая программа въ состоянiи соединить подъ нашимъ боевымъ знаменемъ и рабочихъ, и крестьянъ. Такой переворотъ, при завоеванiи рабочимъ классомъ политической власти, конечно, еще не водворитъ немедленно соцiализма, не установитъ сразу полнаго экономическаго равенства. Но онъ подорветъ главныя основы эксплуатацiи, лишитъ ее дальнѣйшаго общественно-историческаго вліянiя; онъ вырветъ огромные капиталы, накопленные частными лицами или концентрированные въ ихъ распоряженiи, передастъ ихъ въ завѣдыванiе всего общества и дастъ огромный толчекъ организацiи общественнаго хозяйства. Словомъ, онъ будетъ рѣшительнымъ, безповоротнымъ шагомъ къ соцiализму.

Такова наша основная задача, во имя которой мы вербуемъ нашу соцiально-революцiонную армiю. Но мы очень хорошо знаемъ, что исторiя опредѣляется не одними нашими желанiями. Предстоящiй переворотъ можетъ совершиться не революцiоннымъ путемъ, руководство политическими событi-

ями можетъ попасть не въ руки рабочаго класса, а въ руки враждебныхъ ему классовъ или готовыхъ сдѣлать ему лишь частичныя уступки. Тогда наша программа переворота имѣетъ агитаціонное значеніе для организаціи новыхъ силъ, для приближенія соціальной революціи. У классовъ же, держащихъ власть въ своихъ рукахъ, мы должны будемъ вырвать максимумъ возможныхъ — уступокъ не для успокоенія рабочихъ массъ, а для пріобрѣтенія новыхъ опорныхъ пунктовъ въ борьбѣ за соціальную революцію. Пролетаріатъ долженъ вырвать изъ рукъ буржуазіи то, что является основнымъ условіемъ человѣческаго существованія; завоевать 8-часовой рабочій день, ставшій лозунгомъ интернаціональнаго соціализма, обезпечить себѣ минимумъ заработной платы, дающій ему возможность освободиться для соціалистической работы отъ гнетущихъ заботъ о кускѣ хлѣба и т. д. Но съ чѣмъ мы пойдемъ къ его брату-крестьянину? Спросите — не у крестьянина, а у любого городского рабочаго, вы, именующіе себя единственными представителями пролетаріата, — и онъ вамъ скажетъ: земля крестьянамъ! Никакимъ запутаннымъ проектомъ *отрѣзковъ* вы не разрѣшите грознаго для крестьянства вопроса, если желаете не измѣнять дѣлу соціализма, не насаждать частной собственности и неразлучнаго съ ней собственническаго фанатизма въ деревнѣ, не взращивать враговъ рабочаго класса. Соціализація земли — вотъ единственный лозунгъ, съ которымъ могутъ соціалисты явиться въ сермяжный міръ угнетенныхъ и обездоленныхъ крестьянъ.

Но, что бы ни случилось, мы будемъ стремиться, чтобы переворотъ въ Россіи не ограничился областью чисто правовыхъ и политическихъ перемѣнъ, чтобы онъ имѣлъ послѣдствіемъ глубокія преобразованія въ соціальномъ строѣ. Это, конечно, не будетъ соціализмъ — это будетъ лишь первою брешью въ цитадели царства эксплуатаціи. Мы можемъ и должны стремиться, чтобы русская политическая революція всколыхнула Зап. Европу, разбудила въ пролетаріатѣ всего міра его революціонную страсть. Мы хотѣли бы, чтобы русская революція послужила сигналомъ къ общеевропейской рабочей революціи. Но даже если бы этого и не случилось, если бы революція и не вышла за предѣлы Россіи, мы хотѣли бы, чтобы эта революція не остановилась на первыхъ же шагахъ, мы хотѣли бы, чтобы первый шагъ ея — ограниченіе или сверженіе самодержавія — не былъ и послѣднимъ; чтобы она развивалась дальше и дальше, не ограничиваясь небольшими перестановками на верхушкахъ общества; чтобы она всколыхнула и народные низы и кинула ихъ въ борьбу за свои кровные, правильно понятые интересы: за *всю* землю, за *всю* волю, за *весь* соціализмъ.

Когда теперь городской рабочій, побуждаемый невѣдомымъ

инстинктомъ, выходитъ на улицу, подставляетъ свою грудь подъ штыки и пули, развѣ въ немъ говоритъ только жажда копѣйки или только жажда политической свободы? Когда голодный крестьянинъ поднимается на своего сосѣда помѣщика и отбираетъ у него хлѣбъ и землю, — развѣ онъ хочетъ только быть сытымъ? Нѣтъ, во всѣхъ стихійныхъ народныхъ движеніяхъ сказывается великая жажда правды, справедливости, братства. Подъ вліяніемъ невыносимыхъ страданій душа рабочаго человѣка загорается страшной ненавистью ко всему злу, ко всей неправдѣ и насилію современнаго общества; имъ движетъ страстное желаніе уничтожить всю ложь и несправедливость и на ихъ мѣстѣ водворить ему невѣдомое, но смутно представляемое, страстно желаемое царство правды и истины. Страданія не только измучили его тѣло, они истерзали, изъязвили его душу; въ ней все оскорблено, все поругано. Когда рабочій человѣкъ выходитъ на улицу и кричитъ: да здравствуетъ свобода! — это не крикъ голоднаго желудка, это крикъ истерзавшейся души, ищущей правды, любви и братства, это возстаніе человѣка въ волѣ подъяремномъ.

И вотъ, когда революціонное настроеніе ростетъ въ русскомъ рабочемъ народѣ, когда оно захватываетъ все новые и новые слои и поднимаетъ ихъ на борьбу со всѣмъ зломъ и насиліемъ современаго общества, задача соціалистовъ-революціонеровъ широко развернуть свое красное знамя, а не твердить, что предстоящая революція есть революція буржуазная, буржуазная и буржуазная, что часъ соціальной революціи пробьетъ еще не скоро и потому-де идти дальше требованія какихъ нибудь «отрѣзковъ» и подобныхъ этому «суррогатовъ земли» ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ... Это систематическое угашеніе революціоннаго духа намъ чуждо. Мы не хотимъ даже и своей программы минимумъ превращать въ ублюдочное, опортунистско-реформаторское прожектерство. Мы выставляемъ въ ней максимумъ того, чего мы можемъ требовать отъ государства, въ которомъ еще не завоевалъ власти рабочій классъ, — а не то, чего, по какимъ то выкладкамъ досужаго прорицателя, мы практически сможемъ добиться завтра или послѣзавтра.

Мы, соціалисты-революціонеры, не вѣримъ въ ту новѣйшую соціальную астрологію, которая смѣло пускается въ историческія пророчества, не считаясь съ необычайной сложностью общественныхъ явленій.

Мы должны быть готовы ко всѣмъ возможностямъ, а не приспособлять всей своей тактики къ какой-нибудь одной сомнительной гипотезѣ; мы каждый разъ должны проявлять максимумъ революціонной энергіи. И если за это насъ теперь упрекаютъ, что мы при случаѣ готовы и къ бунтарству, и къ

терроризму, и къ якобинству — то не насъ испугаютъ этими совершенно здѣсь неумѣстными словесными жупелами, которые пускаются въ ходъ по недостатку иныхъ, болѣе серьезныхъ аргументовъ, и которые въ этомъ своемъ видѣ скоро перестанутъ оказывать свое запугивающее дѣйствіе даже на малыхъ дѣтей.

Январь, 1903 г.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ НАШЕЙ ПРОГРАММѢ.

Вопросъ о своевременности или несвоевременности, вредѣ или пользѣ террорристическихъ дѣйствій вновь возродился въ революціонной литературѣ. Выстрѣлъ Балмашева вызвалъ нѣсколько попытокъ вновь воскресить прежніе дебаты на ту же тему.

Теперь безъ колебаній можно сказать, что это — „ давнишній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою...“ Сколько ни высказывали сомнѣній, сколько возраженій ни выставляли противъ этого способа борьбы партійные догматики, жизнь каждый разъ оказывалась сильнѣе ихъ теоретическихъ предубѣжденій. Террористическія дѣйствія оказывались не то что просто «нужными» и «цѣлесообразными», а ***необходимыми, неизбѣжными.*** Прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, революціонеры всегда —предъ эпохой народовольчества не менѣе, чѣмъ предъ послѣдними событіями — пытались воздерживаться отъ нихъ, и только неумолимой логикой событій неизбѣжно приводились къ иному практическому выводу. Самый характеръ террористической борьбы, связанной прежде всего съ пролитіемъ крови, таковъ, что всѣ мы рады ухватиться за всякій аргументъ, который избавилъ бы насъ отъ проклятой обязанности мѣнять оружіе животворящаго слова на смертельное оружіе битвъ. Но мы не всегда вольны въ выборѣ средствъ.

А разъ признавъ террористическую борьбу цѣлесообразной, признавъ, что событія ея требуютъ, мы не могли и не хотѣли уклониться отъ выполненія этого историческаго долга — какъ бы суровъ и тягостенъ лично для насъ онъ ни былъ...

Да, долга! Въ этомъ съ нами не согласятся авторы № 1 «Летучаго Листка» изд. СПб. Союза Борьбы. Они пишутъ:

«Газеты» (какія?) разсуждали на ту тему, что право отымать жизнь не принадлежитъ обществу. Мысль вполнѣ справедливая. Ни приговоръ партіи (правительственной или революціонной — безразлично), ни мнѣніе какого бы то ни было общества не могутъ санкціонировать этого высшаго насилія надъ личностью. Терроръ, какъ программа, врядъ ли можетъ быть защищаемъ, какъ съ соціологической, такъ и съ моральной точки зрѣнія...»

Если бы подъ этимъ листкомъ не стояла подпись «Тип. СПБ. Союза Борьбы», то мы подумали бы, что это пишутъ сторонники «непротивленія злу насиліемъ»... Никто не имѣетъ право отымать у другого жизнь — терроръ незащитимъ съ моральной точки зрѣнія!... Но въ такомъ случаѣ имѣетъ ли какая бы то ни было партія вообще право на насильственныя, на революціонныя средства? Во время кровавыхъ революцій отнимается жизней еще больше, чѣмъ во время террористическихъ актовъ. Можетъ быть, и рѣшеніе выйдти на баррикады тоже неоправдываемо съ моральной точки зрѣнія? Вѣдь это — рѣшеніе не отступать въ борьбѣ передъ «высшимъ насиліемъ надъ человѣческой личностью»... И у кого «отнимать жизнь» будутъ возставшіе революціонеры? У тѣхъ самыхъ крестьянъ, тѣхъ самыхъ рабочихъ, переряженныхъ въ военные мундиры и вышколенныхъ въ казармахъ, которые являются лишь слѣпыми орудіями въ рукахъ своихъ же собственныхъ тирановъ и истязателей! Неужели жизнь ихъ съ нравственной точки зрѣнія для насъ менѣе священна, чѣмъ жизнь такихъ звѣрей во образѣ человѣческомъ, какъ Синягины, Клейгельсы и Плеве?

Не хуже авторовъ «Листка» мы понимаемъ, что отнятіе жизни человѣческой — дѣло ужасное и отталкивающее... Но наши понятія о нравственности, повидимому, совершенно расходятся съ ихъ понятіями. Въ странѣ рабства, въ странѣ молчанія, въ странѣ, гдѣ милліоны людей осуждены правящей кликой на полуголодное, животное прозябаніе, превращены въ рабочій скотъ, обезличены, повергнуты въ ужасъ духовнаго невѣжества, грубѣйшихъ суевѣрій и моральной смерти; — въ странѣ, гдѣ къ бѣдствіямъ голода духовнаго присоединяются страданія физическихъ голодовокъ, гдѣ гуляютъ голодный тифъ, цынга, всякаго рода эпидеміи и косятъ несмѣтное множество жизней — жизней дряхлыхъ стариковъ, полныхъ силъ юношей, женщинъ, неповинныхъ ни въ чемъ малютокъ; въ странѣ, гдѣ правящая клика поистинѣ купается въ слезахъ и крови своихъ несчастныхъ жертвъ, отвѣчая свирѣпой жестокостью и наглыми издѣвательствами на малѣйшіе проблески

протеста — въ этой странѣ, согласно *нашей* нравственности, мы не только имѣемъ нравственное право — нѣтъ, болѣе того, мы нравственно *обязаны* положить на одну чашку вѣсовъ — все это море человѣческаго страданія, а на другую — покой, безопасность, самую жизнь его виновниковъ. Для нашего нравственнаго спокойствія было бы легче, чтобы этой роковой дилеммы не было; мы были бы избавлены отъ многихъ тяжелыхъ «размышленій, тоски и думы роковой», отъ мучительной внутренней борьбы, отъ необходимости одерживать самую тяжелую изъ всѣхъ побѣдъ — побѣду надъ самими собой. Но нельзя же намъ изъ подобныхъ соображеній утонченнаго нравственнаго эгоизма уклониться отъ неизбѣжнаго выбора, когда это значило бы — обречь себя на роль попустителей, и, слѣдовательно, безмолвныхъ, пассивныхъ нравственныхъ соучастниковъ творящихся вокругъ насъ преступленій. На эту позорную роль мы не хотимъ, не можемъ себя обречь.

Мы не понимаетъ той нелѣпой нравственности, нравственности «не отъ міра сего», которая блюдетъ лишь самодовлѣющую и абсолютную чистоту индивида, не считаясь со страданіями или счастіемъ человѣчества, какъ основой рѣшенія. Не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка. Наша нравственность не витаетъ гдѣ то на недосягаемой заоблачной высотѣ надъ грѣшной землей. Нѣтъ, наша нравственность — земная, она есть ученіе о томъ, какъ въ нашей нынѣшней жизни идти къ завоеванію лучшаго будущаго для всего человѣчества, черезъ школу суровой борьбы и труда, по усѣяннымъ терніями тропинкамъ, по скалистымъ крутизнамъ и лѣснымъ чащамъ, гдѣ насъ подстерегаютъ и дикіе звѣри, и ядовитые гады. Это — боевой кличъ, а не сантиментальныя и прекраснодушныя воздыханія о томъ, какъ бы совсѣмъ обойтись безъ «насилій надъ личностью» — хотя бы и надъ личностью насильниковъ; это — ученіе о трудномъ и суровомъ нравственномъ долгѣ, а не объ утонченномъ нравственномъ эпикурействѣ, отъ котораго никому ни тепло, ни холодно — кромѣ, развѣ, насильниковъ и угнетателей, которымъ спокойно и тепло, да насилуемыхъ и угнетаемыхъ—которымъ очень, очень холодно... Намъ не нужно этой нравственности, которая свѣтитъ, но не грѣетъ, и своимъ холоднымъ свѣтомъ только ярче освѣщаетъ пропасть между жизнью и идеаломъ, вмѣсто того, чтобы построить мостъ отъ жизни къ идеалу изъ матеріаловъ той же грѣшной земли...

Въ то время, какъ «книжники» вели чернильную баталію по вопросу о томъ, можно-ли терроризму придавать только «эксцитативное», т. е., попросту говоря, агитаціонное, возбуждающее значеніе, или же надо допустить также значеніе устрашающее и дезорганизующее — жизнь выдвинула на первый планъ такого рода потребность въ террористи-

ческихъ средствахъ, передъ которою должны были умолкнуть всѣ прежнія возраженія. Террористическіе акты сдѣлались необходимыми въ качествѣ самозащиты, въ качествѣ оружія необходимой самообороны, безъ которой разгулъ ничѣмъ не сдерживаемаго самодержавнаго произвола переходитъ всякія границы и становится нестерпимымъ. Тактика правительства понятна и проста. Оно было застигнуто врасплохъ неожиданно сильнымъ ростомъ революціоннаго настроенія массъ; оно спохватилось, оно надѣется, что еще не поздно, что рядомъ экстраординарныхъ мѣръ еще можно задушить въ странѣ ростки протеста. Судорожными усиліями оно пытается это сдѣлать. И правительственный терроръ имѣетъ свою логику. Если на демонстрантовъ перестаютъ дѣйствовать грозные окрики городовыхъ, то въ ходъ пускаются палки и пинки; перестаютъ дѣйствовать они — пускается въ ходъ натискъ лошадьми; привыкаютъ и къ этому — на сценѣ появляются нагайки; привыкаютъ къ нагайкамъ — начинаютъ гулять по головамъ демонстрантовъ ружейные приклады, обнаженныя шашки и, наконецъ, раздаются ружейные залпы. Дальше, казалось, идти некуда. Но и ружейныя пули не останавливаютъ демонстрацій. Что дѣлать? Русское правительство изобрѣтательно... Оно знаетъ, какъ всего больнѣе уязвить протестантовъ; оно знаетъ, что для нихъ есть нѣчто такое, чѣмъ они дорожатъ больше самой жизни: это ихъ человѣческое достоинство. И вотъ, по данному свыше знаку возводится въ систему самое наглое издѣвательство надъ личностью протестантовъ, надругательство надъ ихъ честью. Связаннаго врага истязуютъ въ участкахъ и тюрьмахъ; на женщинъ и дѣвушекъ обрушиваются сугубыя униженія; нечистыя руки жандармовъ грубо касаются ихъ тѣла, съ подчеркнутымъ намѣреніемъ надругаться надъ женской честью, надъ дѣвичьей стыдливостью; наконецъ, порка, отъ которой даже уголовные обитатели «міра отверженныхъ» все чаще и чаще начинаютъ спасаться самоубійствомъ, грозитъ сдѣлаться обычнымъ средствомъ усмиренія бунтовъ, стачекъ и демонстрацій...

«Мы не знаемъ, какими ужасами еще наполнятъ страну наши правители, но мы знаемъ, что нѣтъ ужасовъ, нѣтъ звѣрствъ, которыхъ они съ легкимъ сердцемъ не сѣяли бы вокругъ себя» *

Правительство, видимо, надѣется, что подъ грудой неслыханныхъ оскорбленій оно раздавитъ всякій духъ протеста, наполнитъ смертельнымъ ужасомъ сердца, и загонитъ робкую толпу на единственный, оставшійся свободнымъ путь — ведущій къ западнямъ и ловушкамъ зубатовщины и правительственнаго «сердечнаго попеченія». Оно разсчитываетъ, что

* Прокламація « Боевой Организаціи П. С.-Р. ».

позорный кличъ «независимыхъ»: «мы не хотимъ вести рабочихъ путемъ, ведущимъ въ Сибирь и тюрьму» получитъ еще больше силы, если къ Сибири и къ тюрьмѣ присоединится позорная розга и ужасная висѣлица. При такихъ условіяхъ нѣтъ иного выхода, какъ доказать правительству обратное.

«Въ странѣ, гдѣ при выраженіи мирнаго протеста министры намѣреваются залить кровью столицу и имѣютъ полную возможность осуществить это на дѣлѣ, въ странѣ, гдѣ они ставятъ себѣ цѣлью принудить къ молчанію однихъ, въ тотъ моментъ, когда это имъ удается, неизбѣжно должны заговорить другіе, на языкѣ иномъ...» *

Вспомнимъ времена Народной Воли. Тогда еще болѣе грозное и сильное правительство стояло лицомъ къ лицу съ гораздо болѣе слабымъ врагомъ. Взаимная ненависть, взаимное ожесточеніе достигало крайнихъ предѣловъ. Но и тогда правительство не осмѣливалось на такую наглость, какъ порка десятками своихъ политическихъ противниковъ. Правительство ихъ ненавидѣло всѣми силами души — но оно же время втайнѣ боялось и уважало ихъ. Насъ не боятся.... Наше молчаніе въ отвѣтъ на самыя возмутительныя мѣры придаетъ смѣлости врагу, разсчитывающему на полную безнаказанность...

Значеніе террористической борьбы, какъ средства самообороны, слишкомъ очевидно и понятно. Оно не можетъ отрицаться даже самыми крайними противниками террористическихъ средствъ. Даже «Искра», выставившая въ послѣднее время (см. напр., № 20, отъ 1-го мая) положенія, что терроризмъ изолируетъ революціонную партію и тѣмъ осуждаетъ ее на пораженіе», «терроръ мѣшаетъ организаціи, а слѣдовательно и вообще политическому воспитанію рабочихъ»,— даже «Искра» не можетъ закрывать глаза на дѣйствительность, и всѣ ею же сообщаемыя фактическія извѣстія идутъ рѣшительно вразрѣзъ съ принципіальной анти-террористической тенденціей газеты. Сообщая данныя о голодовкѣ политическихъ заключенныхъ въ Екатеринославской тюрьмѣ, (гдѣ ихъ всячески оскорбляли, ругали площадной руганью, заключеннымъ женщинамъ дѣлали унизительныя и позорныя предложенія и тому под.), — «Искра» не можетъ не признать, что «***дѣломъ чести*** всѣхъ недовольныхъ существующимъ строемъ является энергическими протестами ***заставить*** самодержавіе обуздать разнузданное рвеніе своихъ холоповъ». Да, дѣломъ чести! Да, ***заставить***! Но какъ? «Искра» отвѣчаетъ: «энергическими протестами». Надѣемся, однако, что не словесными и не бумажными? Мы сами не прочь бы хорошими словами усовѣстить Сипягиныхъ и ихъ присныхъ, и не наша

* Прокламація «Боевой Организаціи П. С.-Р.».

вина, если «свистъ пули — вотъ единственно возможный теперь разговоръ съ нашими министрами, пока они не научатся понимать обще-человѣческую рѣчь и прислушиваться къ голосу страны». * По «Искра» противъ террора. Ей кажется почему-то, что «такой поворотъ въ современномъ революціонномъ движеніи .... означалъ бы его съуженіе и грозилъ бы ему неудачей». «Искра» хочетъ «сдѣлать все возможное, что бы не допустить такого поворота». Но и она соглашается, что эти ея усилія «могутъ увѣнчаться успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если рабочіе и интеллигенція будутъ внимать призывамъ, подобнымъ тому, который сдѣланъ екатеринославскими товарищами, и покажутъ правительству, что, и не прибѣгая къ террору, революціонная Россія можетъ отстоять томящихся въ тюрьмахъ борцовъ». Екатеринославскіе товарищи призывали къ демонстраціи протеста передъ зданіемъ тюрьмы. 5-го мая она состоялась и кончилась... ***поркой*** демонстрантовъ! Можетъ-ли мирная демонстрація «заставить» правительство «обуздать разнузданное рвеніе своихъ холоповъ», если оно ***безнаказанно*** можетъ употреблять всѣ средства расправы съ демонстрантами? Мы знаемъ батумскую демонстрацію передъ стѣнами тюрьмы, окончившуюся тѣмъ, что «рвеніе» царскихъ слугъ было еще болѣе «разнуздано»: тринадцать убитыхъ и множество раненныхъ были итогомъ попытки «доказать, что, и не прибѣгая къ террору, революціонная Россія можетъ отстоять томящихся въ тюрьмахъ борцовъ». Сомнѣваемся, что бы, послѣ этого опыта, батумскіе рабочіе согласились съ моралью «Искры». И въ этомъ намъ порукой тотъ фактъ, что, несмотря на всѣ свои теоретическія споры и разногласія по вопросу о террорѣ, кавказскіе рабочіе, въ значительномъ большинствѣ идущіе за соціальдемократами, тѣмъ не менѣе жизнью вынуждаются къ отвѣтамъ насиліемъ на насиліе. Не та же ли самая Искра устами своего корреспондента «тифлисскаго рабочаго» (въ № 15) по поводу убійства Веденѣева («яраго противника раб. движ. и одного изъ умныхъ бичей соціальдемократіи») говоритъ, что виновникъ покушенія «вѣрно подхватилъ настроеніе рабочихъ, и тысячи устъ матерей, женъ и сестеръ рабочихъ, оставшихся безъ заработка, будутъ благословлять стрѣлка и мѣткую пулю». Сомнѣваемся, чтобы согласились съ моралью «Искры» и виленскіе рабочіе, демонстрація которыхъ кончилась массовой поркой, и которые уже выдвинули изъ своей среды героя-мстителя въ лицѣ благороднаго и смѣлаго товарища, рабочаго Гирша Лекерта. Сомнѣваемся, чтобы согласились съ нею и многіе другіе... Въ томъ же самомъ № «Искры» мы находимъ описаніе ужаснаго положенія арестованныхъ гомельскихъ рабочихъ. «Особенно

* Прокламація «Боевой Организаціи П. С.-Р.»

ужасно, когда мы просыпаемся ночью — пишутъ заключённые — о, ужаснѣе нельзя себѣ ничего представить! Воздухъ тогда такъ удушливъ, что мы еле дышимъ. Мы мечемся во снѣ во всѣ стороны, мы не находимъ себѣ мѣста. Одинъ стонетъ, другой кашляетъ, у третьяго кровотеченіе изъ горла и т. д. Сердце разрывается на части отъ такихъ страданій...» И гомельскіе рабочіе должны были вступить также на тотъ *единственный* путь, который имъ, при ихъ условіяхъ, оставался, чтобы выполнить «дѣло чести». «22-го марта—пишетъ Искра—ночью на одной изъ главныхъ улицъ выстрѣломъ изъ револьвера былъ раненъ мѣстный провокаторъ, виновникъ страданій вышеупомянутыхъ заключенныхъ... Виновникъ покушенія скрылся». Въ Тулѣ, въ Чулковской части, по свидѣтельству той же »Искры», «мастеровые *со стыдомъ* спрашиваютъ; неужели среди насъ не найдется никого, кто бы избавилъ насъ отъ Лаврова (одинъ изъ маленькихъ мѣстныхъ самодержцевъ)?»

Устами этихъ рабочихъ говоритъ сама жизнь... Настроеніе широкихъ слоевъ рабочихъ доказываетъ неопровержимо, что выдвинувъ террористическій способъ борьбы, партія соціалистовъ-революціонеровъ шла навстрѣчу уже назрѣвшей и наполовину сознанной потребности рабочаго люда — не только получать удары отъ врага и расписываться въ полученіи, но и отвѣчать на эти удары ударами же.

* * *

Значеніе террористическихъ дѣйствій, какъ средства самообороны, повторяемъ, слишкомъ очевидно и понятно. Къ нимъ обстоятельства все чаще и чаще вынуждаютъ даже бывшихъ противниковъ этого средства борьбы, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать близость почти всеобщаго признанія его неотвратимости. И мы, вѣрные партизаны этой идеи даже во время ея всеобщей непопулярности, можемъ теперь сказать, что не напрасно пытались плыть противъ теченія, не напрасно подготовляли почву для расширенія нашей программы включеніемъ въ нее оружія, поражающаго врага, ободряющаго друзей и потрясающаго страну.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ нашихъ соціальдемократическихъ писателей какъ то очень недурно опредѣлилъ отличіе *агитаціи* отъ обычной *пропаганды*. «Агитація — выразился онъ — это та же пропаганда, имѣющая мѣсто при особыхъ условіяхъ, именно при условіяхъ, заставляющихъ прислушиваться къ словамъ пропагандиста даже такихъ людей, которые не обратили бы на нихъ вниманіе въ обычное время». И въ этой особенности лежитъ *агитаціонное* значеніе террористическихъ фактовъ. Они приковываютъ къ себѣ всеобщее вниманіе, будоражатъ всѣхъ, будятъ самыхъ сонныхъ, самыхъ индиффе-

рентныхъ обывателей, возбуждаютъ всеобщіе толки и разговоры, заставляютъ людей задумываться надъ многими вещами, о которыхъ раньше имъ ничего не приходило въ голову —словомъ, заставляетъ ихъ ***политически мыслить*** хотя бы противъ ихъ воли. Если обвинительный актъ Сипягину въ обычное время былъ бы прочитанъ тысячами людей, то послѣ террористическаго факта онъ будетъ прочитанъ десятками тысячъ, а стоустая молва распространитъ его вліяніе на сотни тысячъ, на милліоны. И если террористическій фактъ поражаетъ человѣка, отъ котораго пострадали тысячи людей, то онъ вѣрнѣе, чѣмъ мѣсяцы пропаганды, способенъ перемѣнить взглядъ этихъ тысячъ непосредственно пострадавшихъ людей на революціонеровъ и на смыслъ ихъ дѣятельности. Для этихъ людей онъ будетъ яркимъ, конкретнымъ отвѣтомъ самой жизни на вопросъ — кто имъ другъ и кто имъ врагъ.

Устрашаетъ ли, дезорганизуетъ ли террористическая борьба правящіе круги, и если да, то въ какой мѣрѣ? Это зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ. Нѣтъ сомнѣнія, если вся революціонная борьба исчерпывается террористическими поступками кучки лицъ, то надежда раздавить эту послѣднюю будетъ настолько велика, что для страха и растерянности, естественно, не останется мѣста. Но когда правительству и безъ того становится все труднѣе и труднѣе сдерживать общее недовольство, когда его окружаетъ огненное кольцо волненій, демонстрацій, сопротивленій властямъ, бунтовъ — тогда мѣтко направленные удары, неожиданно сваливающіе съ ногъ наиболѣе ревностныхъ и энергичныхъ столповъ реакціи, безусловно способны внести въ ряды правительственныхъ слугъ разстройство и смятенье. Если героическая борьба Народной Воли, разыгравшаяся въ эпоху меньшей культурной и политической зрѣлости Россіи, при отсутствіи сколько нибудь активной поддержки со стороны массъ, смогла пошатнуть тронъ и поставить на очередь вопросъ о конституціи,— то теперь, при наличности относительно сильнаго движенія, при общемъ оппозиціонномъ настроеніи въ широкихъ культурныхъ слояхъ, при подъемѣ революціоннаго духа въ молодежи, при все болѣе и болѣе сильныхъ взрывахъ крестьянскаго недовольства, при общемъ экономическомъ и финансовомъ разстройствѣ страны, повтореніе такой же борьбы, несомнѣнно, дало бы гораздо большіе результаты. Она еще сильнѣе, чѣмъ прежде, подорвала бы вѣру въ правительственное всемогущество, внушила бы обывателямъ еще большее уваженіе къ силѣ революціонеровъ. Она вдохнула бы новыя силы въ колеблющихся, обезкураженныхъ, пораженныхъ печальнымъ исходомъ многихъ демонстрацій. Она удовлетворила бы психологической потребности въ отпорѣ, которой полны

сердца избитыхъ и опозоренныхъ, и тѣмъ возстановила бы ихъ душевное равновѣсіе. Громомъ героическихъ подвиговъ, примѣромъ самоотверженія борцовъ она зажигала бы сердца лучшихъ людей, наполняя ихъ той же жаждой пожертвовать всѣмъ, чѣмъ можешь, сдѣлать все, что въ силахъ, для того же великаго дѣла. Наконецъ, эта борьба подняла бы высоко престижъ революціонной партіи въ глазахъ всѣхъ окружающихъ, доказавъ на дѣлѣ, что революціонный соціализмъ есть единственная нравственная сила, способная наполнять сердца такимъ беззавѣтнымъ энтузіазмомъ, такой жаждой подвиговъ самоотреченія, и выдвигать такихъ истинныхъ великомучениковъ правды, радостно отдающихъ жизнь за ея торжество!

И вотъ почему мы, далекіе отъ всякихъ односторонніхъ увлеченій, иллюзій и чрезмѣрно-оптимистическихъ надеждъ, взялись за оружіе террористическихъ средствъ, чтобы подкрѣпить ими нашу борьбу, въ которой найдется достаточно мѣста для всѣхъ силъ и способностей, для всѣхъ видовъ революціонной энергіи, для всѣхъ людей съ живымъ революціоннымъ чувствомъ и готовностью бороться до конца!

Мы — за примѣненіе въ цѣломъ рядѣ случаевъ террористическихъ средствъ. Но для насъ террористическія средства не есть какая то самодовлѣющая система борьбы, которая одною собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивленіе врага и привести его къ капитуляціи. Террористическія дѣйствія вовсе не должны быть какимъ то замкнутымъ внутри себя рядомъ актовъ, воплощающимъ собою всю непосредственную борьбу съ врагомъ. Напротивъ — для насъ террористическіе акты могутъ быть лишь частью этой борьбы, частью, неразрывно связанной съ другими частями; въ этой то живой органической связи они и почерпаютъ всю свою силу, все свое значеніе . . . И, какъ всякая часть, они должны быть сообразованы съ цѣлымъ, должны быть переплетены въ одну цѣлостную систему со всѣми прочими способами партизанскаго и массоваго, стихійнаго и цѣлесообразнаго напора на правительство. Терроръ — лишь одинъ изъ родовъ оружія, находящійся въ рукахъ одной изъ частей нашей революціонной арміи. Въ нашей борьбѣ мы стараемся привести въ движеніе самыя разнообразныя общественныя силы, и каждой изъ этихъ силъ свойствененъ свой особый способъ проявленія. Это не мѣшаетъ имъ дѣйствовать по единому плану. Такъ и террористическая борьба не будетъ чѣмъ то витающимъ внѣ прочихъ видовъ революціонной работы и господствующимъ надъ ними. Это — только одинъ изъ техническихъ пріемовъ борьбы, который лишь во взаимодѣйствіи съ другими пріемами можетъ проявить все то дѣйствіе, на которое мы разсчитываемъ. Онъ усиливаетъ вліяніе всѣхъ другихъ параллельныхъ формъ борьбы, и его собственное вліяніе усиливается дѣйст-

віемъ этихъ послѣднихъ. Совершенно такъ же, какъ сила ассоціаціи людей не сводится къ ариѳметической суммѣ силъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и сила одновременнаго напора на правительство всѣми средствами увеличиваетъ силу каждаго отдѣльнаго изъ этихъ средствъ.

Такимъ образомъ, мы первые будемъ протестовать противъ всякаго однобокаго, исключительнаго терроризма. Отнюдь не ***замѣнить,*** а ***лишь дополнить и усилить*** хотимъ мы массовую борьбу смѣлыми ударами боевого авангарда, попадающими въ самое сердце вражескаго лагеря. Борьба террористическими средствами, поэтому, для насъ вовсе не является тѣмъ поединкомъ или единоборствомъ вождей, которымъ въ стародавнія времена нерѣдко рѣшались войны; не является для насъ терроръ и тѣмъ солнцемъ, вокругъ котораго, какъ подчиненныя планеты, вращаются всѣ другіе способы дѣйствія, и отраженнымъ свѣтомъ котораго они свѣтятъ... Для партіи соціалистовъ-революціонеровъ, какъ цѣлаго, терроръ не является такимъ центральнымъ пунктомъ, изъ котораго бы исходило и къ которому бы сводилось все. Конечно, въ ея рядахъ могутъ быть лица и группы, имѣющіе по этому пункту свое «особое мнѣніе» въ ту или другую сторону. Это — ихъ право. Партія никогда не будетъ покушаться на свободу ихъ мнѣній, никогда не будетъ и лишать ихъ возможности открыто эти мнѣнія высказывать. Но она всегда будетъ проводить опредѣленную грань между индивидуальными мнѣніями своихъ отдѣльныхъ членовъ и тѣмъ, что служитъ общей почвой партійнаго соглашенія.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ, какъ цѣлое, отнюдь не думаетъ искать въ террористической борьбѣ какого то мистическаго, единоспасающаго и всеразрѣшающаго средства, какой то панацеи, какой то разрывъ-травы, передъ которой размыкаются всѣ замки и запоры. Но это для нея — одно изъ самыхъ крайнихъ и энергичныхъ средствъ борьбы съ самодержавной бюрократіей, сдерживанія правительственнаго произвола, дезорганизаціи правительственнаго механизма, агитаціи и возбужденія общества, пробужденія энтузіазма и боевого духа въ самой революціонной средѣ. И этого достаточно, чтобы занять по отношенію къ вопросу о террорѣ ту позицію, которую партія соціалистовъ-революціонеровъ заняла въ настоящее время.

* * *

Вопросъ о роли террористическаго элемента въ революціонной программѣ настолько серьезенъ и важенъ, что здѣсь не должно быть мѣста никакимъ недомолвкамъ и никакой неопредѣленности. Его нельзя обойти; его необходимо рѣшить.

Мы совершенно не понимаемъ позиціи, занятой по отношенію къ этому вопросу соц.-дем. органами, въ частности, наприм., «Искрой». Одно изъ двухъ: или въ настоящее время террористическіе факты нужны и необходимы, или нѣтъ. Если мнѣніе о пользѣ и неизбѣжности террора не вѣрно — то нужно приложить всѣ усилія, чтобы террористическихъ поступковъ не повторялось. Нужно объявить вредной ошибкой выстрѣлъ Карповича, вредной ошибкой выстрѣлъ Балмашева, вредной ошибкой выстрѣлъ Лекерта и т. д., и т. д. Или же террористическіе акты въ настоящее время могутъ быть полезными и даже необходимыми, — и тогда революціонная партія не можетъ сказать: «моя хата съ краю», не можетъ отойти въ сторону и умыть руки, подобно Понтію Пилату: она должна ввести террористическіе акты въ свою программу и поставить ихъ подъ свой сознательный контроль, потому что только партійнымъ контролемъ могутъ быть гарантированы и успѣхъ и своевременность удара, и, наконецъ, удачный выборъ той цѣли, въ которую бьетъ ударъ. Террористическіе акты — средство слишкомъ сильное, слишкомъ чреватое всякими послѣдствіями, чтобы ихъ употребленіе можно было съ легкимъ сердцемъ всецѣло предоставить индивидуальному произволу отдѣльныхъ лицъ, подверженныхъ случайнымъ вліяніямъ и настроеніямъ. Гиршъ Лекертъ явился въ тотъ самый моментъ, когда былъ необходимъ актъ возмездія. Но Гиршъ Лекертъ могъ и не явиться, — что было бы тогда? Если объявить террористическіе акты исключительно дѣломъ иррегулярной, партизанской борьбы, то гдѣ ручательства, что они будутъ приходить во время и что ихъ не будетъ не во время? Гдѣ ручательства, что цѣль будетъ выбрана удачно, что ударъ не обрушится на неподходящее лицо, случайно возбудившее негодованіе сравнительно небольшой кучки лицъ, и не минуетъ насильника, обузданіе котораго составляетъ затаеннѣйшую мечту самыхъ широкихъ слоевъ населенія?

Только партія, то есть совокупность практическихъ работниковъ, дѣйствующихъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ, знающихъ потребности и запросы революціоннаго дѣла во всѣхъ его развѣтвленіяхъ — только партія достаточно компетентна для рѣшенія подобныхъ вопросовъ, и только партія достаточно сильна, чтобы обезпечить не случайно приходящій со стороны, а заранѣе подготовленный отпоръ врагу.

Мало того. Террористическіе акты требуютъ жертвъ. Если вы предоставите отдѣльнымъ лицамъ всецѣло рѣшать вопросъ о нанесеніи отвѣтныхъ ударовъ врагамъ, если вы оставите ихъ разрозненными, неорганизованными — гдѣ ручательство, что на терроръ не уйдетъ слишкомъ много силъ? Гдѣ ручательство, что на него не пойдутъ тѣ самыя лица, которыя могли бы сдѣлать гораздо больше на другомъ поприщѣ? Гдѣ

ручательство, что на него пойдутъ лица, способныя съ честью выдержать всѣ испытанія, связанныя съ такого рода попытками, лица, которыя сумѣютъ и передъ лицемъ жестокихъ палачей, и передъ лицомъ казни высоко держать знамя революціи? Всѣ эти вопросы слишкомъ важны для партіи, чтобы можно было предоставлять ихъ на рѣшеніе случайности...

Но и это еще не все. Не только интересъ партіи можетъ страдать отъ ухода на терроръ силъ, которыя важно прибѣречь для другого дѣла; не только честь революціи можетъ страдать отъ выступленія въ отвѣтственной роли исполнителей приговора революціонной Немезиды — людей, не обладающихъ для этого необходимыми данными; — можетъ еще страдать престижъ революціонной партіи, вѣра въ ея силы, если разрозненные, не организованные, не поддержанные партіей бойцы окажутся просто слишкомъ слабыми для достиженія поставленной ими себѣ цѣли. Террористическіе акты могутъ произвести опредѣленное положительное дѣйствіе только тогда, когда за ними чувствуется сила, когда въ нихъ звучитъ серьезная, роковая угроза на будущее время. Случайныя же покушенія отдѣльныхъ лицъ, не организованныя, не подготовленныя, часто являющіяся только «покушеніями съ негодными средствами», способны только раздразнить врага и внушить ему пренебреженіе къ силамъ революціонеровъ — т. е. достигнуть результата, діаметрально противоположнаго тому, который имѣлся въ виду. Жертвъ же будетъ, конечно, не меньше, а даже больше, и, что всего ужаснѣе — жертвъ безплодныхъ...

Вотъ передъ нами Лаговскій — человѣкъ, рѣшившійся на подвигъ самоотверженія — и вынужденный стрѣлять, вмѣсто Побѣдоносцева, въ стекло окна квартиры Побѣдоносцева, — а почему? Потому, что онъ одинъ, предоставленный исключительно своимъ личнымъ силамъ, изнемогшій подъ тяжестью громаднаго дѣла, которое онъ взвалилъ на свои плечи; потому, что въ безплодныхъ попыткахъ выслѣдить Побѣдоносцева онъ остался безъ гроша въ карманѣ, мучимый голодомъ и безсонницей, измотавшійся, нервно уставшій, доведенный почти до отчаянія... Вотъ Аллартъ, револьверъ которой въ роковой, критическій моментъ отказывается служить; вотъ Михалевичъ, вынужденный на безнадежную попытку съ финскимъ ножемъ въ рукахъ пробивать себѣ дорогу къ Трепову; вотъ, наконецъ, Гиршъ Лекертъ, который и при сравнительно благопріятныхъ обстоятельствахъ достигаетъ лишь частичнаго успѣха. Всѣ эти факты тѣмъ ярче оттѣняютъ казнь Сипягина, такъ тщательно оберегаемаго, казнь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершалъ свои преступленія противъ народа, казнь, которая своей организованностью, продуманностью своего

плана и блестящимъ успѣхомъ производитъ глубочайшее впечатлѣніе на всѣхъ...

Нѣтъ, довольно этихъ безплодныхъ человѣческихъ жертвоприношеній! Если подвиги Лекертовъ — не вредныя ошибки, если эти подвиги дѣйствительно нужны, если мы горячо привѣтствуемъ ихъ, какъ необходимое дѣло для отпора и обузданія насильниковъ, то было бы позорнымъ и нечестнымъ съ нашей стороны отстраниться и свалить всецѣло на ихъ плечи всю тягость рокового дѣла. Оскорбленіе чести и достоинства членовъ партіи есть оскорбленія ея собственнаго достоинства и чести, и отстаиваніе того и другого она не можетъ взвалить, какъ чужое для нея дѣло, всецѣло на плечи отдѣльныхъ смѣльчаковъ-партизановъ. Они вправѣ требовать отъ насъ поддержки и моральной, и матеріальной. Они умираютъ за насъ, и мы нравственно обязаны имъ необходимыя средства для успѣха ихъ отважныхъ попытокъ, дать имъ возможность по крайней мѣрѣ умереть съ радостнымъ сознаніемъ, что не напрасно пожертвовали жизнью....

Террористическіе удары должны быть дѣломъ ***организованнымъ***. Они должны быть поддержаны партіей, регулирующей ихъ примѣненіе и берущей на себя нравственную отвѣтственность за нихъ. Это сообщитъ и самымъ героямъ-борцамъ то необходимое моральное спокойствіе, которое невозможно при дѣйствіяхъ на свой личный рискъ и страхъ, безъ увѣренности въ моральной санкціи и поддержкѣ партіи. Партійный контроль и партійное регулированіе предотвратятъ опасность — какъ бы террористическая борьба не оторвалась отъ всей остальной революціонной борьбы, не превратилась бы во что то самодовлѣющее, не перестала считаться съ ея мѣняющимися потребностями и интересами; какъ бы размѣры силъ террористической дружины не остались единственнымъ рѣшающимъ мотивомъ въ вопросѣ о началѣ, продолженіи, пріостановкѣ борьбы; какъ бы изъ средства эта борьба не превратилась въ цѣль; какъ бы она не заняла несоотвѣтствующаго (въ ту или другую сторону) мѣста въ революціонной программѣ и практикѣ; какъ бы, наконецъ, тактика террористовъ не разошлась съ общей тактикой революціонной арміи и не вошла въ конфликтъ съ ней...

Но если такимъ образомъ въ ***тактическомъ*** отношеніи необходимо ***координированіе*** борьбы террористическими средствами со всѣми прочими формами революціонной дѣятельности и борьбы, то въ ***техническомъ*** отношеніи не менѣе необходимо ***отдѣленіе*** ея отъ прочихъ функцій партіи. Строгое ***идейное*** единство и не менѣе строгое ***организаціонное*** раздѣленіе! Вотъ требованіе, которому вполнѣ отвѣчаетъ современная постановка этого дѣла въ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Согласно рѣшенію партіи, изъ нея выдѣлилась спеціальная

Боевая Организація, принимающая на себя — на началахъ строгой конспираціи и раздѣленія труда — исключительно дѣятельность дезорганизаціонную и террористическую. Эта боевая организація получаетъ отъ партіи — черезъ посредство ея центра — общіе директивы относительно выбора времени для начала и пріостановки военныхъ дѣйствій и относительно круга лицъ, противъ которыхъ эти дѣйствія направляются. Во всемъ остальномъ она надѣлена самыми широкими полномочіями и полной самостоятельностью. Она связана съ партіей только черезъ посредство центра и совершенно отдѣлена отъ мѣстныхъ комитетовъ. Она имѣетъ вполнѣ обособленную организацію, особы личный составъ (по условіямъ самой работы, конечно, крайне немногочисленный), отдѣльную кассу, отдѣльные источники средствъ. Эта боевая организація беретъ всецѣло на себя роль охранительнаго отряда, освобождая мѣстные комитеты партіи отъ проклятой обязанности отвлекаться отъ своего главнаго дѣла для самозащиты и обузданія насильниковъ. При правильномъ функціонированіи такой боевой дружины не могутъ оказать деморализующаго вліянія самые возмутительные акты произвола и надругательства надъ человѣческой личностью, ибо всегда есть кому призвать къ отвѣту виновныхъ, есть надежное ручательство, что наиболѣе возмутительныя безобразія не останутся безнаказанными. И поэтому мѣстные комитеты болѣе, чѣмъ когда-либо, получаютъ полную возможность посвятить всѣ свои силы, отдаться всецѣло творческой работѣ — пропагандѣ, агитаціи, подготовленію и устройству демонстрацій, организаціи рабочихъ массъ въ городѣ и деревнѣ, вербовкѣ той великой соціалистической арміи труда, непрерывный ростъ которой служитъ для насъ вѣрнѣйшимъ залогомъ побѣды!

Ибо революціонизированіе массъ — вотъ наше постоянное, основное дѣло, какъ партіи соціально-революціонной; оно неотдѣлимо отъ насъ по самой своей сущности; это — тотъ необходимый общій фонъ, на которомъ уже дальше текущая жизнь съ ея мѣняющимися запросами вырисовываетъ тѣ или другіе узоры. Терроръ же — одно изъ временныхъ, преходящихъ техническихъ средствъ, за которое мы беремся отнюдь не ради его самого, а лишь исполняя тяжелый долгъ, вытекающій изъ трижды тяжелыхъ условій современной русской жизни.

Іюнь, 1902 г.

Какъ отвѣчать на правительственныя звѣрства?

«Еще, еще и еще избіенія демонстрантовъ!» приходилось намъ восклицать нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. «Еще, еще и еще тюремныя побоища...» приходится восклицать теперь. То изъ одной, то изъ другой тюрьмы приходятъ вѣсти о голодовкахъ, объ упорной борьбѣ за сколько нибудь сносный тюремный режимъ, о волненіяхъ среди заключенныхъ, о самоубійствахъ въ тюрьмѣ. И тяжелыми думами сжимается сердце. Наши товарищи, находящіеся въ качествѣ военноплѣнныхъ во власти русскаго правительства, испытываютъ самыя невѣроятныя пытки — физическія и моральныя. Ихъ систематически изводятъ, ихъ ставятъ въ такое положеніе, что добровольно заморить себя голодомъ для нихъ становится легче, чѣмъ покоряться. Не всѣ хорошо себѣ представляютъ, чтб такое тюремная голодовка. Полныхъ силъ и здоровья юношей она способна превратить въ преждевременныхъ стариковъ, надорванныхъ, воспріимчивыхъ ко всякимъ болѣзнямъ, хилыхъ и слабыхъ. Серьезная голодовка поражаетъ на всю жизнь, расшатывая, убивая здоровье и силы. Тюремная голодовка, если она продолжается долго — это медленное самоубійство, гораздо болѣе трагичное, чѣмъ простое самоубійство. И когда борьба обостряется, когда раздраженіе обѣихъ сторонъ доходитъ до своего апогея — тогда борьба не прекращается и въ тюрьмѣ, тогда правительство не можетъ себѣ отказать въ удовольствіи мучить и терзать связаннаго по рукамъ и ногамъ врага. И тогда возникаетъ у сильныхъ, мужественныхъ натуръ вопросъ, — да стоитъ ли отдаваться живыми въ руки, если въ тюрьмѣ, быть можетъ, ждетъ медленная смерть? Зачѣмъ этотъ китайскій способъ протеста — это вспарываніе себѣ живота подъ окнами своего врага — если есть возможность протеста другого, протеста активнаго? Зачѣмъ безсильно умирать медленною смертью въ рукахъ торжествующаго врага, зачѣмъ замучивать себя самому въ порывѣ отчаяннаго протеста? Коли смерть, такъ ужъ лучше смерть съ оружіемъ въ рукахъ, смерть, которая обходится недешево и врагу!

Когда людей вѣшаютъ за вооруженное сопротивленіе при арестахъ или за вооруженное нападеніе на кого-нибудь изъ видныхъ царскихъ опричниковъ, то эти смерти у всѣхъ на

виду. О нихъ громко говорятъ, о нихъ кричатъ. Противники рѣшительныхъ способовъ дѣйствія указываютъ на нихъ, какъ на доказательство нецѣлесообразности этихъ способовъ борьбы, связанныхъ съ такими жертвами. Но когда нѣтъ активныхъ способовъ протеста, остаются пассивные. Развѣ они не связаны съ жертвами? Да, связаны, и часто даже съ гораздо болѣе значительными. Сочтите всѣ эти надломленныя въ тюремныхъ голодовкахъ жизни, сочтите этихъ морально измученныхъ, разслабленныхъ, вышедшихъ изъ тюремъ живыми мертвецами, покончившихъ съ собой. Но здѣсь связь гибели человѣка съ ея причиной не такъ близка, не такъ пряма, не такъ непосредственна, не такъ и очевидна. Когда человѣкъ идетъ на вѣрную смерть, самъ зная это, тогда смерть всѣми разсматривается, какъ результатъ его поступка. Лекертъ и Балмашевъ казнены. «Вотъ какъ дорого стоитъ терроръ!» Но вотъ, во время одной только Батумской рабочей демонстраціи перебито около тридцати человѣкъ изъ безоружной толпы. Мирная демонстрація во время обуховской забастовки также оканчивается побоищемъ, льется кровь. Пассивныя голодовки въ тюрьмахъ уже обошлись революціонерамъ въ нѣсколько смертей, нѣсколько съумасшествій, нѣсколько самоубійствъ. Но противники рѣшительныхъ средствъ закрываютъ на это глаза. Разбирая каждый изъ этихъ случаевъ въ отдѣльности, они резонно доказываютъ, что это — случайность, этого могло и не быть. И въ самомъ дѣлѣ — бываютъ же благополучныя голодовки или безкровныя мирныя демонстраціи! Да, бываютъ. Но о чемъ мы говоримъ — объ отдѣльныхъ случаяхъ или о всей ихъ совокупности? Въ томъ то и дѣло, что случайность по отношенію къ каждымъ даннымъ конкретнымъ обстоятельствамъ есть необходимость по отношенію ко всей совокупности разбираемыхъ случаевъ. ***Извѣстный процентъ*** случаевъ пассивнаго протеста всегда сопровождается жертвами. Это — фактъ, съ которымъ необходимо считаться. Только трусость мысли можетъ заставлять отдѣлываться отъ этого факта ссылками на случайность. Но недостойно революціонера поступать подобно страусу, прячущему, для избавленія отъ опасности, свою голову подъ крыло. Нельзя и быть только наковальней, миссія которой — принимать удары молота и регистрировать ихъ своими впадинами и трещинами...

Какъ же быть? Что дѣлать въ виду этихъ трагедій въ четырехъ стѣнахъ застѣнковъ, трагедій, отъ которыхъ леденѣетъ кровь въ жилахъ? Какъ на нихъ реагировать? Вотъ вопросъ, который властно навязывается намъ самой жизнью.

Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ двумя другими вопросами: какъ реагировать на истязанія, на издѣвательства при

арестѣ демонстралтовъ, на наказаніе демонстрантовъ розгами, обращеніе съ дѣвушками, какъ съ публичными женщинами и т. п.

Нашъ отвѣтъ таковъ: нельзя ограничиваться пассивными протестами, нужна вооруженная борьба, вооруженная самозащита, вооруженный отпоръ, вооруженное возмездіе! Активный, а не пассивный протестъ; отвѣтъ врагу ударами на удары! Лишь постольку и сдерживается, лишь постольку и укорачиваетъ свои длинныя руки правительство, поскольку опо убѣждается, что въ лицѣ революціонера оно имѣетъ дѣло не съ «подданнымъ» — не съ покорнымъ рабомъ, сносящимъ всякое издѣвательство надъ его человѣческой честью и достоинствомъ, а съ человѣкомъ, который никогда не снесетъ, никогда не проститъ надругательствъ надъ собою, съ человѣкомъ, который скорѣе умретъ, чѣмъ примирится и свыкнется съ позоромъ! Почему правительство рѣшилось сѣчь демонстрантовъ? Да потому, что, хватая направо и налѣво во время демонстрацій всѣхъ, и виновныхъ, и невиновныхъ, и революціонеровъ, и подвернувшихся подъ руку зѣвакъ изъ публики, царскіе опричники могли безнаказанно позволять себѣ слишкомъ многое съ иными изъ заключенныхъ. Здѣсь было слишкомъ много простора ихъ расходившемуся самодурству. У людей, что называется, размахались руки. Они разошлись «во всю» и потеряли представленіе о всякихъ границахъ. Они вообразили, что если случайно попавшій во время демонстраціи въ ихъ руки обыватель смиренно терпитъ заушенія, то они могутъ себѣ позволить все, что угодно, по отношенію къ каждому изъ захваченныхъ. Нужно было разразиться грому надъ ихъ головами, чтобы они поняли, что жестоко обманулись...

Революціонеръ не позволитъ себя безнаказанно опозорить! Вотъ слова, которыя огненными буквами должны быть врѣзаны теперь въ сознаніе царскихъ опричниковъ. Такова позиція, которую мы, революціонеры, заняли, и съ которой отступить мы не должны и не можемъ. Ни шага, ни пяди земли не уступимъ мы ни изъ страха передъ врагомъ, ни подъ давленіемъ нерѣшительныхъ или ослѣпленныхъ друзей....

А такіе друзья — увы! встрѣчаются. Въ іюльской книжкѣ «Жизни» мы находимъ образецъ аргументаціи, удивительной съ точки зрѣнія логики и крайне пагубной по своему вліянію — если допустить, что подобная логика, подобная аргументація можетъ имѣть какое-нибудь вліяніе. «Недавно — говоритъ «Жизнь» устами автора внутренняго обозрѣнія, — по поводу гнусной расправы виленскаго губернатора Валя надъ демонстрантами, мѣстныя революціонныя группы, призывая товарищей отвѣтить на эту расправу, мотивировали

свой призывъ тѣмъ, что будто бы (будто бы!) гнусностями Валя честь партіи оскорблена». «Жизни» кажется это неправильнымъ. «Мы думаемъ, что въ данномъ случаѣ ошибочно хотятъ принизить понятіе о чести партіи. Какъ? Какой то полицейскій проходимецъ, что бы онъ тамъ ни дѣлалъ, можетъ вообще задѣть честь партіи?...» Нѣтъ, говоритъ «Жизнь», честь партіи — въ ея высокихъ цѣляхъ; честь отдѣльныхъ членовъ партіи — также; слѣдовательно, эта честь недосягаема. Пусть надъ ними издѣваются, глумятся, пусть ихъ истязуютъ, — все равно: «личной чести этихъ людей никакія издѣвательства надъ ними не могутъ затронуть; напротивъ, люди имъ отдаютъ особую честь, какъ борцамъ за общее дѣло, доведшимъ эту борьбу даже до мученичества...»

«Мы — варвары другъ для друга. Мы говоримъ на разныхъ языкахъ», сказалъ когда то Лассаль, обращаясь къ одному изъ представителей реакціонной партіи. Авторы «Жизни» принадлежатъ къ той же революціонной семьѣ, членами которой являемся и мы; и съ тѣмъ большимъ изумленіемъ мы должны отмѣтить, что мы варвары другъ для друга...

Вчера нашихъ сестеръ, нашихъ женъ, нашихъ товарищей по революціонной борьбѣ — женщинъ третировали, какъ публичныхъ женщинъ. Ихъ обыскивали съ наглостью, которая подчеркивала желаніе надругаться надъ ихъ дѣвичьей, надъ ихъ женской стыдливостью; имъ говорились вещи, которыя даже мужчину заставятъ краснѣть; имъ прямо грозили выдачей желтыхъ билетовъ. Сегодня уже сдѣланъ дальнѣйшій шагъ. Въ Либавѣ — «чтобы отбить охоту у женщинъ участвовать на собраніяхъ соціалистовъ», накрывши за городомъ рабочую сходку, полиція распорядилась подвергнуть всѣхъ работницъ насильственному медицинскому осмотру и раздать желтые билеты, объявить оффиціально проститутками... Остановятся ли на этомъ? Съ духоборами, державшимися тактики «непротивленія злу насиліемъ», на этомъ не остановились. Существуетъ цѣлая литература сообщеній и писемъ объ изнасилованіяхъ духоборокъ, какъ *массовомъ* явленіи... Неужели сама «Жизнь» оказалась бы послѣдовательной въ проведеніи своей «возвышенной» точки зрѣнія на честь революціонеровъ, если бы и здѣсь тактика «непротивленія злу насиліемъ» принесла бы тѣ же плоды; если бы, напримѣръ, завтра захваченнымъ работницамъ-соціалисткамъ стали бы не только выдавать желтые билеты, а и фактически обходиться съ ними такъ, какъ, напримѣръ, обходились на ст. Тихорѣцкой съ мѣщанкой Золотовой? Неужели и тогда «Жизнь» осталась бы вѣрной себѣ и продолжала бы разсуждать въ томъ же духѣ? Оставаясь логичной, она такъ и должна бы

сдѣлать. Развѣ можетъ задѣть честь партіи или честь ея членовъ « какой то полицейскій проходимецъ, *что бы онъ тамъ ни сдѣлалъ!*» Мы, вѣдь, выше этого... Никакого позора или безчестья отъ этого мы не видимъ...

Да, на недосягаемую, на неземную высоту возноситъ «Жизнь» революціонную честь! Эта «честь» не спускается на грѣшную землю; ея никто не можетъ коснуться... и она ни до чего не касается. Пусть дѣлаютъ съ вами что угодно, пусть оплевываютъ, пусть заушаютъ, пусть насилуютъ — наши понятія о собственномъ достоинствѣ такъ высоки, что ихъ нельзя и примѣнять къ столь мелкимъ и низкимъ вещамъ... Но если мы отправимъ свою честь въ ссылку въ столь отдаленныя и высокія мѣста, то здѣсь, на этой грѣшной землѣ, не окажемся ли мы совсѣмъ безъ чести и безъ достоинства?

Нѣтъ! напрасно полагаетъ «Жизнь», что Лекертъ и взывавшіе къ отмщенію въ Вильнѣ «принизили» понятіе о чести. Они не хуже «Жизни» понимали, что *лишить чести* партію не въ силахъ « какой то полицейскій проходимецъ », что *только сама партія* и можетъ лишить себя чести. Тѣмъ, что Валь надъ связанными врагами могъ произвести какое ему угодно безобразіе, они еще не опозорены; но они были бы опозорены, если бы послѣ этого должнымъ образомъ не отвѣтили на такое оскорбленіе. « Не цѣпи дѣлаютъ рабомъ, а рабскій духъ». Только рабъ, рабъ душой можетъ покорно сносить *такія* покушенія на свою личность; только рабъ можетъ не отвѣтить на такія издѣвательства способомъ, который можетъ заставить задрожать насильника; только рабъ можетъ жить, сознавая, что надъ нимъ могли и еще могутъ такъ же надругаться безнаказанно! И вотъ почему мы говоримъ, что Лекертъ спасъ честь соціалистической партіи въ Вильнѣ; вотъ почему мы называемъ его героемъ; вотъ почему мы говоримъ, что его имя должно быть святымъ для рабочаго класса. Мы вѣримъ, что, если бы Лекерта не было, явился бы другой какой нибудь самоотверженный человѣкъ, который цѣною своей жизни смылъ бы съ виленскихъ рабочихъ позоръ наказанія, придуманнаго для рабовъ и молча переносимаго лишь рабами!

И къ чему могла бы насъ привести мнимо-возвышенная философія «Жизни»? Только къ тому, что насъ *привыкли* бы безъ всякихъ стѣсненій, безъ всякихъ опасеній бить, топтать, оплевывать, дѣлать съ нами все, что только можетъ придумать разнузданная и изощренная фантазія досужаго деспота и самодура, хотя бы — какъ это часто бываетъ съ самодурами — онъ былъ блудливѣе кошки и трусливѣе зайца. Да еще развѣ къ тому, что мы сами притупили бы въ себѣ чувство чести, чувство собственнаго достоинства; — къ тому, что мы

сами, искусственно, не изъ трусости, а изъ высшей философіи, развили бы въ себѣ *рабью* психологію. Забываютъ, что не этимъ удерживаютъ руки насильниковъ, что при такомъ отношеніи къ оскорбленіямъ, поведеніе оскорбителей всегда обнаруживаетъ своеобразную внутреннюю логику. Оскорбленія наростаютъ, усугубляются, усиливаются. Дѣло доходитъ до того, что опасность полной деморализаціи грозитъ партіи, которую передъ лицомъ всѣхъ окружающихъ стараются оскорблять, унижать, втаптывать въ грязь. И вотъ почему изъ устъ натуръ, подобныхъ Ѳ. К. Качуру, рвется крикъ, что на удары надо отвѣчать ударами, что борьбы — прямой, непосредственной борьбы — «нельзя отлагать даже до завтрашняго дня!...»

Натуры наиболѣе сильныя, натуры наиболѣе мужественныя не могутъ примириться и съ тѣмъ, что нынѣшнія демонстраціи порой превращаются въ печальное зрѣлище безпорядочнаго бѣгства толпы передъ полусотней или сотней казаковъ — иногда даже просто конныхъ городовыхъ. Есть что то безконечно-обидное въ томъ, что при одномъ видѣ этой орды, съ гиканьемъ, свистомъ, съ поднятыми нагайками несущейся на лошадяхъ, вынуждена бросаться въ разсыпную, подставляя спины подъ удары, не толпа деморализованныхъ побѣжденныхъ, а полныхъ энтузіазма и вѣры въ свое дѣло сторонниковъ революціи!

Мы этимъ ни мало не хотимъ уменьшить значенія происходившихъ раньше мирныхъ демонстрацій. Въ свое время онѣ сдѣлали много для возбужденія энтузіазма участниковъ, несмотря ни на какія полицейскія избіенія. Онѣ показали неопровержимо, что сочувствіе широкихъ массъ населенія уже завоевано революціонерами, что революціонеры теперь не одни. Онѣ ободрили борцовъ, вселили въ нихъ отвагу и смѣлость, заставили выше поднять голову. Онѣ показали и рабочимъ, что ихъ уже не мало. Но постоянно оказывать и дальше, какъ общее правило, то же воодушевляющее, бодрящее дѣйствіе *такія* демонстраціи врядъ ли могутъ. Наростаетъ опасность, что онѣ иногда окажутъ *деморализующее* дѣйствіе. Поднимать на площади священный символъ соціализма — красное знамя — чтобы почти тотчасъ же разбѣжаться, оставивъ знамя въ рукахъ враговъ, подъ торжествующій хохотъ преслѣдователей, видѣть бѣгущими товарищей, чувствовать свое безсиліе, и потомъ едва не плакать отъ воспоминаній, отъ обиды и боли — нѣтъ! Съ возможностью такого плачевнаго исхода нельзя не считаться, его нужно такъ или иначе предотвращать... Демонстраціи должны демонстрировать нашу силу, а не безсиліе.

Какъ же быть? Призывать толпу къ вооруженной демон-

страціи? — Нѣтъ. Мы уже говорили, * что это было бы нецѣлесообразно. Къ вооруженнымъ демонстраціямъ — какъ и къ террору — нельзя *призывать*; ихъ нужно *организовать*. Печальную картину представляла бы партія, не борящаяся террористическими средствами, но призывающая другихъ бороться! Если террористическія средства необходимы, то кому же, какъ не организованной силѣ партіи, и примѣнять ихъ? То же и съ вооруженными демонстраціями. Нельзя взваливать такое дѣло на безформенную, неорганизованную толпу; его можетъ начать только планомѣрно, сознательно, организованно дѣйствующая партія. Она не только можетъ **post factum** выставлять одиночекъ-мстителей. Она можетъ организовать *вооруженныя группы* такихъ мстителей, чтобъ тутъ же, на мѣстѣ дѣйствія, во время демонстраціи дать неожиданный отпоръ слишкомъ зарвавшимся опричникамъ, напасть на одного изъ болѣе рьяныхъ руководителей звѣрствъ или разгромить то гнѣздо, въ которомъ онъ прячется, издали передавая предписанія избивать, терзать, издѣваться, насильничать, надругаться. Это будетъ логическимъ развитіемъ терроризма, расширяющимъ и поднимающимъ его со ступени единоличныхъ подвиговъ до групповой борьбы. А групповая борьба такимъ же точно образомъ при благопріятныхъ условіяхъ можетъ превратиться въ массовую. Мы уже высказывались теоретически за необходимость такихъ боевыхъ дружинъ и раньше; но теперь жизнь вписала ихъ въ порядокъ дня партіи, несущей знамя революціоннаго соціализма.

Но пока партія не сможетъ фактически располагать рядомъ такихъ боевыхъ рабочихъ дружинъ для смѣлаго вмѣшательства въ трагедію происходящихъ и разгоняемыхъ демонстрацій, до тѣхъ поръ всякіе разговоры, а тѣмъ болѣе печатные призывы неорганизованной толпы демонстрировать съ оружіемъ въ рукахъ были бы дѣломъ въ лучшемъ случаѣ праднымъ и даже вреднымъ, были бы пустой революціонной фразеологіей. Нельзя и отвергать другихъ способовъ отвѣта на правительственныя звѣрства простой ссылкой на эти коллективные способы активной борьбы, какъ будто стоитъ только захотѣть, чтобы имѣть ихъ въ своемъ распоряженіи. Работать въ этомъ направленіи, конечно, нужно. Но пока эта работа еще не дала надлежащихъ практическихъ результатовъ — до тѣхъ поръ, стоя на вполнѣ реальной почвѣ и не обольщая себя по пусту, мы должны будемъ откровенно сознаться передъ самими собой, что въ настоящее время у насъ *еще нѣтъ* въ рукахъ средствъ давать *массовой отпоръ* насиліямъ и истязаніямъ.

Остается *индивидуальная самозащита*, средство невѣрное,

* «Рабочее движеніе и наши тактическія задачи».

шаткое, подверженное случайностямъ, да и не вездѣ приложимое. Остается, какъ необходимый коррективъ къ нему, отвѣтъ террористическими фактами на наиболѣе возмутительные случаи произвола и насилія.

Въ самомъ дѣлѣ, какой способъ борьбы возможенъ, если нашихъ товарищей истязуютъ въ четырехъ стѣнахъ тюремнаго застѣнка? Вѣдь они — связаны по рукамъ и ногамъ! Вѣдь ихъ положеніе — почти безвыходное! Можно дать пощечину тюремщику, можно сорвать погоны съ офицера или жандарма. Дорогой цѣной обойдутся такіе акты, но и они недостаточно сильны, чтобы страхъ передъ ними укоротилъ руки насильниковъ. Это скорѣе — взрывы отчаянія, чѣмъ акты борьбы. Возможно самоубійственное средство — голодовка. Мы уже говорили, во что она обходится участникамъ. Надо прибавить, что начальство уже выработало дѣйствительныя средства борьбы съ ней. Голодающихъ развозятъ по разнымъ тюрьмамъ и участкамъ; разобщеніе ихъ лишаетъ голодовку коллективнаго характера и облегчаетъ возможность сломить упорство голодающихъ. Примѣняютъ круговую поруку, бросаютъ въ карцеръ больныхъ и заявляютъ голодающимъ, что будутъ гноить первыхъ тамъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не прекратятъ своей голодовки. Недостатка въ іезуитскихъ мѣрахъ у начальства никогда не будетъ. Голодовки чаще обостряютъ, чѣмъ разрѣшаютъ вопросъ о томъ — какъ отвѣчать на правительственныя истязанія.

Въ томъ то и заключается весь ужасъ положенія, что оно для заключенныхъ почти безвыходно. А что дѣлать ихъ товарищамъ, находящимся на волѣ? Выпускать листочки? Протестовать бумажными средствами? Устроить «мирную» демонстрацію, которая будетъ сопровождаться новымъ избіеніемъ, новыми арестованными, новыми заключенными? И того, и другого, конечно, нельзя не сдѣлать — когда это возможно сдѣлать; но въ этомъ нельзя видѣть разрѣшенія вопроса. Но какое же возможно болѣе сильное средство? Не могутъ же товарищи съ воли пробраться сквозь тюремныя стѣны и стать съ оружіемъ въ рукахъ между жертвой и палачемъ! Да, не могутъ. Но если нѣтъ возможности тутъ же, на мѣстѣ воспрепятствовать истязаніямъ, то можно выбрать другое время и мѣсто *для разсчета*. И этотъ разсчетъ *долженъ* воспослѣдовать. Простить, снести, примириться мы не можемъ, *мы не вправѣ*. Это значило бы — обречь и себя, и товарищей на еще большія униженія отъ царскихъ опричниковъ, которымъ безнаказанность можетъ только придавать наглости. Таково наше глубокое убѣжденіе.

Октябрь, 1902 г.

„Южный Рабочій“ о Соціалистахъ-Революціонерахъ.

Редакція соціальдемокртической газеты «Южный Рабочій», въ №№ 9 и 10 этого органа, открыла рядъ статей программнаго характера, съ цѣлью познакомить своихъ читателей-рабочихъ съ причинами раскола среди русскихъ революціонеровъ и съ отношеніемъ той и другой фракціи къ революціонной борьбѣ. Мы имѣемъ въ виду статьи: «Какъ мы, соціальдемократы, должны бороться съ правительствомъ», «Программныя разногласія» и «О террорѣ». «Каждая изъ партій, — говоритъ «Ю. Р.», — обязана разъяснить, почему она выбрала такой, а не иной путь борьбы, и при этомъ ей невольно приходится указывать на ошибки другой партіи. Можно, пожалуй, требовать, чтобы при спорѣ не забывали, что въ концѣ концовъ и та, и другая партіи стремится къ одной и той же цѣли, что члены той и другой партіи — братья-революціонеры; можно требовать, чтобы при спорѣ не было излишнихъ рѣзкостей, но нельзя требовать, чтобы онѣ совсѣмъ не спорили между собой».... Пріятно отмѣтить, что группа «Ю. Р.», хоть и съ оговоркой «пожалуй», соглашается «требовать» честнаго и приличнаго отношенія къ противникамъ, что газета вступается за достоинство революціонной печати и напоминаетъ читателямъ: вы и они — «братья-революціонеры», соціальдемократы и соціалисты-революціонеры «стремятся къ одной и той же цѣли». Этого не только «можно, пожалуй», но и должно требовать. И намъ остается пожелать, чтобы «Ю. Р.» настойчивѣй, не такъ робко требовалъ того, что призналъ нужнымъ, и чтобы его голосъ, подобно другимъ протестующимъ голосамъ, не затерялся въ пустомъ мѣстѣ: отъ этого, еще разъ повторяемъ, выиграетъ наше общее дѣло, полезнѣе это будетъ и для русской соціальдемократіи. Соціальдемократы изъ «Ю. Р.», очевидно, шокированы поведеніемъ нѣкоторыхъ своихъ единомышленниковъ. Почему же не высказать этого прямо? Соображеніямъ кумовства въ революціонной печати не должно быть мѣста. Группа «Ю. Р.» и группа «Искры» нынѣ составили «Организаціонный Комитетъ» соціальдемократической партіи. Но вѣдь группѣ «Искры» дѣятельность нашей партіи представляется чѣмъ-то въ родѣ memento mori; она объявила войну не на животъ, а на смерть «братьямъ-революціонерамъ»; она торжественно провозгласила, что «соціалистамъ-революціонерамъ нельзя съ

соціальдемократами родными счесться » и, въ безсильныхъ потугахъ уничтожить « врага », распрощалась съ лучшими традиціями революціонной печати. Мы опасаемся, какъ бы это сосѣдство не заставило группу « Ю. Р.» забыть свои благія намѣренія и скатиться по наклонной плоскости къ полемическимъ пріемамъ « Искры », — тѣмъ болѣе опасаемся, что нѣкоторыя тенденціи къ этому у нея уже и теперь прорываются ... Но, какъ бы то ни было дальше, мы не можемъ пока, въ виду заявленій « Ю. Р.», обойти его критику молчаніемъ, не можемъ въ свою очередь не помочь тѣмъ, кто стремится къ одной цѣли съ нами и желаетъ указывать на наши « ошибки », отрѣшиться отъ кое-какихъ ложныхъ представленій и пріобрѣсти болѣе правильныя и соотвѣтствующія дѣйствительности. Еще важнѣе, конечно, для насъ интересы читателей-рабочихъ, которымъ, полагаемъ, не легко будетъ разобраться въ аргументаціи нашихъ критиковъ - доброжелателей, недостаточно внимательно отнесшихся къ своей задачѣ.

« Ю. Р.» совершенно правильно усматриваетъ сущность разногласій между двумя фракціями, соціальдемократической и соціально-революціонной, въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянству и къ террору. Этому послѣднему и посвящаетъ газета указанныя выше статьи, — обѣщая впослѣдствіи познакомить читателей со своими взглядами по крестьянскому вопросу, — при чемъ въ оцѣнкѣ террора, какъ средства борьбы, основнымъ критеріемъ для нея служитъ соображеніе о томъ, «какъ добиться побѣды раньше», какъ сдѣлать «число жертвъ наименьшимъ». Въ этомъ — «все дѣло». А для этого «необходимо всѣмъ борющимся имѣть ясное представленіе объ окружающей дѣйствительности, о цѣли, къ которой они стремятся, и о томъ пути, который ведетъ къ цѣли ». Цѣль у насъ « одна » ; вопросъ, стало быть, въ томъ, насколько « ясное представленіе » имѣетъ редакція « Южнаго Рабочаго » объ окружающей дѣйствительности и о пути, ведущемъ къ цѣли.

« Соціальдемократическая партія — говоритъ « Ю. Р.» — ставитъ своей ближайшей цѣлью подготовить дружный, общенародный натискъ на русское самодержавіе... Цѣль эта будетъ достигнута, когда масса... пойметъ, кто врагъ и кто другъ народа », « когда масса станетъ сознательной ». « Соціальдемократическая партія и ставитъ поэтому своей главной задачей революціонизированіе сознательныхъ массъ, т. е. ея (массы?) политическое (воспитаніе?) и распространеніе среди нея соціалистическихъ идей, и къ этому направлены всѣ усилія партіи. И соціальдемократическій органъ обязанъ предостерегать противъ тѣхъ средствъ борьбы, которыя ведутъ не къ побѣдѣ, а къ пораженію народа ...» Выписанное мѣсто любопытно во многихъ отношеніяхъ, и къ нему, какъ къ ти-

пичному образчику разсужденій «Ю. Р.», стоитъ поближе приглядѣться. Оно взято изъ статьи «Программныя разногласія» и содержитъ, какъ видимъ, общую характеристику той задачи, которую ставитъ соціальдемократическая программа. Познакомившись съ ней, читатель естественно ожидаетъ, что ему укажутъ, какъ относятся къ этой задачѣ соціалисты-революціонеры. Если все сказанное является отличительной особенностью соціальдемократіи, то какова же та другая задача, которую ставитъ себѣ партія соціалистовъ-революціонеровъ? Стало быть эта партія не стремится «подготовить дружный, общенародный натискъ на русское самодержавіе»? Значитъ она не имѣетъ въ виду «революціонизированіе» народной массы, «ея политическое воспитаніе» и «распространеніе среди нея соціалистическихъ идей», и эта дѣятельность составляетъ монополію русской соціальдемократіи? Если бы группа «Ю. Р.» рѣшилась это утверждать, то она впала бы въ самое грубое противорѣчіе съ истиной. Но, не утверждая этого прямо, сотрудники «Ю. Р.» приходятъ къ тому же результату обходнымъ путемъ: они просто умалчиваютъ о томъ, что составляетъ преимущественную заботу нашей партіи и что является самой существенной стороной ея дѣятельности. Спрашивается: почему? Или они не читали неоднократныхъ заявленій нашихъ партійныхъ органовъ? Или имъ не вѣдома дѣятельность нашихъ комитетовъ, они не знакомы съ литературой, которую мы издаемъ и распространяемъ въ рабочемъ народѣ и которая революціонизируетъ его, воспитываетъ политически, заноситъ въ его среду соціалистическія идеи? Это — факты, которые сами за себя говорятъ. И разъ эти факты не сообщены читателямъ, разъ имъ не извѣстенъ центръ тяжести нашей революціонной работы, — очевидно, что у нихъ нѣтъ и не можетъ быть яснаго представленія о пути, которымъ соціалисты-революціонеры идутъ къ цѣли: нѣтъ именно того, что пообѣщалъ имъ дать «Ю. Р.» Напротивъ, мѣстами онъ даже прямо даетъ имъ ложное представленіе, утверждая, напримѣръ, что соціалисты-революціонеры «презрительно отзываются о „бумажкахъ“, т. е. о распространеніи въ массѣ разумныхъ идей». Правда, соціалистамъ-революціонерамъ приходилось указывать, что бываютъ такія правительственныя звѣрства, на которыя бумажный отвѣтъ — недостаточенъ. Но развѣ это значитъ — презрительно относиться къ «распространенію разумныхъ идей»? Кого же хотятъ сотрудники «Ю. Р.» увѣрить въ подобной несообразности? Кого изъ своихъ читателей-рабочихъ считаютъ они настолько наивными? Вѣдь этимъ послѣднимъ извѣстно, что комитеты нашей партіи очень заняты распространеніемъ какъ «бумажекъ», такъ и другого рода литературы для народа. Такъ неужели же соціалисты-революціонеры презираютъ ту самую дѣятель-

ность, которой они главнымъ образомъ сами заняты, на которую обращены почти всѣ ихъ силы?...

Возможно, конечно, что соціальдемократическая газета и сама мало освѣдомлена въ томъ, о чемъ берется разсуждать, возможно, что она съ чужихъ словъ говоритъ: «смѣшны увѣренія соціалистовъ-революціонеровъ, что они не отказываются ни отъ одного средства революціонной борьбы». Не знаемъ. Во всякомъ случаѣ «смѣяться» еще рано... О постановкѣ же у соціалистовъ-революціонеровъ массовой работы ей не мѣшало бы составить *себѣ* ясное представленіе, прежде чѣмъ выяснять читателямъ программныя разногласія и знакомить народъ съ людьми, якобы ведущими его «къ пораженію». Этого также «можно, пожалуй, требовать» отъ серьезнаго и добросовѣстнаго органа печати.

Итакъ, «Ю. Р.» не знакомитъ своихъ читателей, даже въ общихъ чертахъ, съ программой дѣятельности соціалистовъ-революціонеровъ, — съ той широкой программой, которая завѣщана намъ богатымъ опытомъ нашихъ предшественниковъ, съ той жизненной программой, къ которой теперь условія русской дѣйствительности фатально заставляютъ приспособляться и русскую соціальдемократію. Онъ лишь «смѣется» надъ нашими «увѣреніями» (только?), не объясняя ихъ существа; смѣется, какъ увидимъ дальше, вытирая украдкой слезу. И въ томъ мѣстѣ, гдѣ необходимо было для характеристики нашей партіи говорить о ея работѣ въ массахъ, читателю говорятъ о практикуемыхъ ею «вредныхъ средствахъ борьбы», имѣя въ виду терроръ, получается такъ, будто критики-доброжелатели нашу цѣльную программу раздѣлили, взяли себѣ большую часть, намъ оставили маленькій кусочекъ и торжественно противопоставляютъ «двѣ фракціи». Такимъ образомъ, путемъ умолчаній, отнимающихъ у читателя возможность правильно судить о дѣятельности нашей партіи, здѣсь общему противополагается частное, ***основныя положенія*** соціальдемократической программы, по какой то странной логической несообразности, сопоставляются съ однимъ изъ ***пріемовъ борьбы***, включенныхъ соціалистами-революціонерами въ свою программу. ***Вся*** дѣятельность соціальдемократовъ шире ***одной*** (террористической) отрасли дѣятельности соціалистовъ-революціонеровъ; слѣдовательно и программа ихъ выше нашей — вотъ какая своеобразная логика у редакціи «Ю. Р.»! Эта ***неловичность*** и эта односторонность, повторяемъ, характерны для всѣхъ «программныхъ» разсужденій «Ю. Р.», — какъ, впрочемъ, и для всѣхъ почти современныхъ критиковъ терроризма; терроромъ исчерпываются въ его статьяхъ опредѣленія соціалистовъ-революціонеровъ, и всѣ они направлены къ тому, чтобы представить этихъ послѣднихъ носителями и разжигателями «суевѣрія и слѣпого чувства», въ противопо-

ложность «сознательности и знаніямъ» соціальдемократіи. Тутъ ужъ не только о «ясныхъ представленіяхъ» не можетъ быть рѣчи, — тутъ мы вступаемъ въ область самыхъ странныхъ, наглядно-несообразныхъ перетолкованій и чистыхъ фантазій. И чѣмъ дальше читаешь критическія статьи «Ю. Р.», тѣмъ больше беретъ сомнѣніе насчетъ серьезности требованій, предъявляемыхъ этой газетой къ печатному слову. Читаешь — и диву даешься, глядя на критиковъ-доброжелателей, на этихъ «братьевъ-революціонеровъ», которые, напримѣръ, внушаютъ рабочимъ, что по мнѣнію соціалистовъ-революціонеровъ «всякій вопросъ разрѣшается легче всего кинжаломъ и револьверомъ», что «все зло можно устранить сразу, какимъ нибудь однимъ дѣйствіемъ» и т. д. въ такомъ же родѣ. Откуда они это взяли? Вѣдь, это же неправда, это не умолчаніе уже, а ложное утвержденіе, потому что никогда въ нашихъ органахъ подобные взгляды не высказывались. Зачѣмъ же было, спрашивается, распространяться о томъ, какъ нужно полемизировать и чего можно требовать отъ спорящихъ сторонъ? Или можно требовать, чтобы не было при спорѣ только «излишнихъ рѣзкостей», а измышленія можно допускать? Конечно, перспектива «потери популярности среди рабочихъ», хотя бы и «временная», которую провидитъ для соціальдемократіи редакція «Ю. Р.»*) — вещь непріятная; но.... неправда остается неправдой, да и насчетъ популярности еще вопросъ, не убудетъ-ли ея вдвойнѣ, если рабочіе узнаютъ, — а они непремѣнно узнаютъ, — что редакція соціальдемократической газеты (и тутъ «вѣрно исполняя свой долгъ передъ ними»?) прибѣгаетъ къ невѣрнымъ утвержденіямъ, несовмѣстимымъ именно съ ея революціоннымъ долгомъ. Правда и то, что о террорѣ у «Ю. Р.» представленія далеко не ясныя, и разсужденія о немъ довольно фантастичны; но и изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что о террористахъ можно говорить

*) Статья о террорѣ заканчивается рядомъ чрезвычайно характерныхъ признаній: «насъ предупреждаютъ, что соціальдемократическая партія, выступая противъ террора, потеряетъ много сторонниковъ изъ рабочихъ», «террористическія идеи, какъ извѣстно, проникли и въ среду рабочихъ...» Редакція утѣшаетъ себя, между прочимъ, тѣмъ, что соціальдемократія «спокойно перенесетъ временную потерю популярности среди рабочихъ, утѣшаясь сознаніемъ, что она вѣрно исполнила свой долгъ передъ ними...» Редакція не замѣчаетъ, что этотъ поворотъ рабочихъ отъ соціальдемократовъ къ соціалистамъ-революціонерамъ обусловливается той самой истиной, о которой напоминаетъ заключительная фраза ея статьи: «настроенія мѣняются, и побѣда останется за тѣмъ, на чьей сторонѣ вѣрное пониманіе дѣйствительности...»

все, что угодно: это должно, казалось бы, побудить еще строже считаться съ тѣмъ, что было о немъ сказано его сторонниками.

Самыя разсужденія «Ю. Р.» о террорѣ изобилуютъ рядомъ историческихъ справокъ. «Почему заграничныя революціонныя партіи, кромѣ анархистовъ, никогда не прибѣгали къ террору, какъ къ средству политической борьбы или агитаціи?» — спрашиваетъ редакція. И, предвидя, что у насъ отвѣта на этотъ вопросъ не найдется, она побѣдоносно продолжаетъ: «Или они *не догадались*, и только русскому самодержавному (самобытному?) уму суждено было сдѣлать это открытіе?... Борьба за политическую свободу велась въ Зап. Европѣ отчаянно.... Почему тамъ никогда не примѣнялся терроръ?»

Какъ мы уже видѣли, «Ю. Р.» отводитъ намъ на долю только «суевѣріе» и «слѣпое чувство», а соціальдемократовъ надѣляетъ «знаніемъ и сознательностью». Эти «знанія», однако, должны доказать редакціи «Ю. Р.», что не западноевропейскіе революціонеры «не догадались» пользоваться террористическими средствами, а сотрудники «Ю. Р.» не «догадались», что террористическія средства употреблялись въ Западной Европѣ при борьбѣ за политическую свободу очень многими и «кромѣ анархистовъ». Для удостовѣренія въ этомъ пусть благоволятъ они обратиться хотя бы къ изученію исторіи царствованія Наполеона III. Мы охотно возобновимъ въ ихъ памяти свидѣтельство какого нибудь позабытаго ими элементарнаго руководства, изъ котораго они черпали начатки историческихъ знаній, — полагаемъ, что въ данномъ случаѣ правильнѣе всего будетъ процитировать «Искру». Въ № 36 эта газета обязательно сообщаетъ своимъ читателямъ, что были, конечно, въ свое время и во Франціи «герои баррикадныхъ битвъ и самоотверженные организаторы всякаго рода террористическихъ — какъ сказали бы мы теперь — дѣйствій»; была и тамъ «тактика заговорщиковъ, съ ихъ бунтарствомъ, политическими покушеніями и пр. алхиміей». Но, отнимая лѣвой рукой аргументъ, которымъ до тѣхъ поръ пользовался противъ террора «Ю. Р.», — «Искра» правой рукой даетъ ему новый. Всѣ эти «офицеры уличныхъ возстаній», «заговорщики», «алхимики» и пр. — принадлежатъ отжившему прошлому пролетаріата, а не будущему. Доказательство: уже хотя бы послѣ паденія коммуны никому изъ видныхъ представителей революціоннаго пролетаріата «не пришло въ голову отомстить Тьеру какимъ нибудь террористическимъ дѣйствіемъ». Поэтому и намъ, русскимъ революціонерамъ, предлагается вразумиться этимъ примѣромъ «героическихъ пролетаріевъ Франціи».

И нельзя не признать, что этотъ новый аргументъ про-

тивъ террора гораздо сокрушительнѣе прежняго. Кому же неясно, что если послѣ гибели Коммуны, т. е. при третьей *республикѣ* террористическая борьба была неумѣстна, то она столь же неумѣстна и при русскомъ *самодержавномъ* режимѣ? Логичность убійственная, превзойденная развѣ только Самарскимъ Комитетомъ Росс. Соц.-Дем. Партіи, который въ своей послѣдней прокламаціи сумѣлъ единымъ духомъ выговорить, что «террористическая борьба представляетъ печальную *необходимость* (курсивъ нашъ) и вовсе не обязательна въ наше время».

Не менѣе убѣдительны и другія историческія справки «Ю. Р.» «Терроръ — не новое средство борьбы; это средство было уже разъ испытано и оказалось негоднымъ...» «Вотъ почему терроръ былъ единогласно отвергнутъ, когда подъ знаменемъ соціальдемократіи возобновилось революціонное движеніе въ Россіи ... О террорѣ уже не было рѣчи: горькій опытъ научилъ революціонеровъ» и т. д.

«Терроръ былъ единогласно отвергнутъ», «о террорѣ уже не было рѣчи». Такъ гласитъ «знаніе и сознательность». Но мы, «суевѣрные» люди, помнимъ, что въ программѣ первой соціальдемократической организаціи — «Группы Освобожденія Труда» — говорилось, что группа «признаетъ необходимость террористической борьбы противъ абсолютнаго правительства и расходится съ партіей Народной Воли *лишь* по вопросамъ о такъ называемомъ захватѣ власти и о задачахъ непосредственной дѣятельности соціалистовъ въ средѣ рабочаго класса». («Программа» etc. стр. 9). Мы «суевѣрно» помнимъ и слова г. Плеханова въ небезъинтересной брошюрѣ «Наши разногласія»: «помимо рабочихъ нѣтъ другого такого слоя, который въ рѣшительную минуту могъ бы повалить и добить раненное террористами политическое чудовище. Пропаганда въ рабочей средѣ *не устранитъ необходимости террористической борьбы*, но за то она *создастъ ей новые, небывалые до сихъ поръ шансы*» (стр. 74). Наконецъ, и въ позднѣе составленномъ «проектѣ программы русскихъ соціальдемократовъ» (впервыз изданъ въ 1887 г., вторично — въ 1899 г.) было сказано, что новая партія «не остановится и передъ такъ называемыми террористическими фактами, если это окажется нужнымъ въ интересахъ борьбы», а г. Плехановъ даже утверждалъ*), что программа эта, «напечатанная въ видѣ проекта, на дѣлѣ принята всѣми (sic!) работающими въ Россіи соціальдемократическими кружками».

Правда, одно дѣло «признавать необходимость террористической борьбы противъ абсолютнаго правительства», другое

*) См. «Новый походъ противъ русской соціальдемократіи», г. Плеханова, стр.27.

дѣло — дѣйствовать согласно этому признанію. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ терроръ чернильный или бумажный*), во второмъ — фактическій. «Терроръ», признаваемый русской соціальдемократіей, оставался всегда «бумажнымъ». И неудивительно, что когда онъ столкнулся съ другимъ, не бумажнымъ, а фактически возобновленнымъ террором, то — должна была произойти война. И въ этой своей военной кампаніи соціальдемократы не отступили ... передъ геростратовскими попытками дискредитированія участниковъ дѣлъ Качура и Балмашева...**)

Такимъ образомъ, даже и соціальдемократы, не имѣя въ то время надобности повиноваться узко-фракціоннымъ разсчетамъ, признавали необходимость террора. О томъ, чтобы «*единогласно* (?) отвергнуть» его — не могло быть и рѣчи, и этотъ небывалый результатъ небывалаго голосованія — есть не болѣе, какъ «сонное видѣніе» редакціи «Ю. Р.». Но независимо отъ соціальдемократическаго лагеря, люди, признавшіе необходимость у насъ террористической борьбы, всегда были, на протяженіи всего такъ называемаго мертваго періода въ нашемъ освободительномъ движеніи, и позже, когда «на смѣну» Народной Волѣ выступила соціальдемократія. Сначала то были остатки народовольческой арміи; затѣмъ, по мѣрѣ усиленія темпа общественной жизни, число такихъ группъ и отдѣльныхъ лицъ — сторонниковъ рѣшительной политической борьбы и, въ частности, террора — все увеличивалось. Эти люди — «старые народовольцы» и первые «соціалисты-революціонеры» — являются связующимъ звеномъ между двумя поколѣніями борцовъ, черезъ нихъ сохранилась преемственность идей, и они донесли до нашихъ дней великое знамя предшествовавшей революціонной эпохи. Они пережили тотъ періодъ, когда ихъ идеи были «не въ модѣ». То было время «стачкизма» или «экономизма», когда кругозоръ революціонера практически замыкался въ тѣсной сферѣ отношеній наемнаго рабочаго къ его хозяину ... Но вотъ, въ послѣднее время подъемъ революціонной волны снова потребовалъ большаго расширенія и углубленія постановки революціоннаго дѣла, большаго напряженія энергіи борьбы; въ то же время бѣлый терроръ правительства снова, какъ 20 съ лишнимъ лѣтъ

*) Вотъ новый удобный случай для «Южнаго Рабочаго» обвинить насъ въ томъ, что мы «отзываемся презрительно о бумажкахъ, т. е. о распространеніи въ массахъ разумныхъ идей».

**) Изъ послѣднихъ дѣяній «Искры» сюда относится, наприм., самое пошлое и злорадное высмѣиванье неудачи выстрѣловъ Ѳ. Качура, которые она величаетъ «символическими выстрѣлами Боевой Организаціи».

тому назадъ, вызвалъ на сцену красный терроръ революціонеровъ. Многое напоминаетъ въ настоящемъ тѣ старыя времена. Даже палачъ выступилъ на сцену старый, изъ прежней волчьей стаи — Фонъ-Плеве, соратникъ Судейкина... Новое лишь то усиленіе массоваго движенія, которое создаетъ новые, неизмѣримо лучшіе шансы борьбы...

«Южному Рабочему», несмотря на «знанія и сознательность», вообще не везетъ съ историческими справками. Именно незнакомство его редакціи съ прошлымъ нашего движенія и является причиной общаго ему съ большинствомъ русской соціальдемократіи стремленія — не продолжать и развивать дѣятельность предшественниковъ, а явиться «на смѣну» имъ. Въ игнорированіи прошлаго, въ съуженіи размаха революціонной борьбы и заключается эта «смѣна», а не въ томъ, въ чемъ видитъ ее «Ю. Р.», поучающій читателей: «наша партія выдвинула значеніе рабочаго класса въ то время, когда всѣ русскія революціонныя партіи держались еще того убѣжденія, что рабочій классъ не имѣетъ будущаго въ Россіи; наша партія есть единственная въ Россіи рабочая революціонная партія, и рабочее движеніе есть плодъ 8-лѣтней неустанной дѣятельности нашей партіи». Такъ говорить могутъ только люди, незнакомые съ исторіей движенія, имѣющіе о немъ самое смутное представленіе, по наслышкѣ. Эти ихъ утвержденія невѣрны, потому что значеніе рабочаго класса было выдвинуто въ то время, когда въ Россіи еще не существовало не только «партіи», но и вообще никакой соціальдемократической организаціи. Тотъ же богатый опытъ нашихъ предшественниковъ указалъ имъ на промышленный пролетаріатъ, какъ на передовой и наиболѣе сознательный слой рабочей революціонной арміи; мы знаемъ, что народовольцы, — какъ впослѣдствіи и первыя группы соціалистовъ-революціонеровъ, — обращали особенное вниманіе на фабричныхъ рабочихъ и очень много сдѣлали для того, чтобы привлечь этихъ послѣднихъ къ борьбѣ за соціализмъ и за политическую свободу. И потому рабочее движеніе въ Россіи есть плодъ не только неустанной дѣятельности русской соціальдемократіи, начало же его къ этой дѣятельности и вовсе никакого отношенія не имѣетъ. Именно тотъ фактъ, что въ 70-хъ и особенно въ 80-хъ гг. дѣятельность революціонеровъ среди рабочихъ давала всходы «сторицею», былъ для первыхъ русскихъ соціальдемократовъ главнымъ мотивомъ перенесенія центра тяжести въ эту среду. И группа «Ю. Р.» уподобляется въ данномъ случаѣ неразсудительному человѣку, который отказался отъ наслѣдства, а затѣмъ, изъ другихъ рукъ, воспользовался частью этого наслѣдства, плохо соображая даже, что пользуется тѣмъ самымъ добромъ, отъ котораго онъ громогласно отрекся. Или и упоминать не нужно о

работѣ тѣхъ, кто имѣлъ дѣло не съ однимъ только городскимъ пролетаріатомъ и не замыкалъ имъ своего кругозора? Или: фатальнѣе представить исторію въ такомъ видѣ, что при мысли объ этихъ великихъ покойникахъ непосвященному читателю, дѣйствительно только и «будетъ мерещиться кинжалъ и револьверъ?»

Вернемся, однако, къ вопросу о террорѣ. По существу «Ю. Р.» раздѣлывается съ нимъ чрезвычайно просто и своеобразно. «Терроръ, какъ средство политической борьбы, всегда лишенъ всякаго смысла. Одно изъ двухъ: или народъ еще не созрѣлъ для революціи, тогда терроръ ни къ чему не приведетъ, или народъ уже созрѣлъ для революціи, тогда терроръ излишенъ». Въ этомъ классическомъ разсужденіи обращаетъ на себя прежде всего вниманіе его «метафизичность», особенно удивительная со стороны соціальдемократовъ, столь ярыхъ «діалектиковъ». Терроръ *всегда* лишенъ *всякаго* смысла — для доказательства этого достаточно одной абстрактной логической выкладки! «Для метафизика вещи и ихъ умственные образы, т. е. понятія, суть отдѣльныя неизмѣнныя, застывшія, разъ навсегда данныя вещи... Метафизикъ мыслитъ законченными, непосредственными противоположеніями. Рѣчь его состоитъ изъ: да—да, нѣтъ—нѣтъ; что сверхъ того, то отъ лукаваго».*) Все течетъ, все постоянно измѣняется въ сложномъ комплексѣ явленій общественной жизни: но результатъ извѣстныхъ планомѣрныхъ человѣческихъ дѣйствій при этихъ измѣняющихся обстоятельствахъ всегда одинъ, роль террора предрѣшена и неизмѣнна, понятіе о немъ абсолютно. Подобный способъ мышленія Энгельсъ называлъ метафизическимъ и считалъ присущимъ обычному такъ называемому «здравому смыслу»; мы пойдемъ дальше его,—намъ кажется, что разсужденія «Южн. Р.» и съ «здравымъ смысломъ» находятся не въ ладахъ.

Между стадіями «созрѣлъ» и не «созрѣлъ» лежитъ цѣлая стадія, обозначаемая словомъ «созрѣваетъ». Оборонительная террористическая борьба не способствуетъ ли *процессу* этого созрѣванія? Этотъ вопросъ упрощенными силлогизмами «Ю. Р.» какъ бы устраняется. Далѣе: или сила народа достаточна для революціи, или недостаточна. Но, «недостаточная» при употребленіи однихъ средствъ, она можетъ оказаться «достаточной» при употребленіи также и другихъ, дополнительныхъ. Одновременные, координированные съ массовымъ напоромъ террористическіе удары не могутъ-ли сыграть роль одного изъ такихъ «дополнительныхъ» средствъ? Если я не могу, не въ силахъ поднять тяжелый камень имѣ-

*) См. Энгельсъ, «Развитіе научнаго соціализма».

ющимся у меня рычагомъ, слѣдуетъ ли отсюда, что я не смогу поднять его системой рычаговъ?

Но когда заходитъ рѣчь о взаимодѣйствіи террора и массоваго движенія, или, лучше сказать, о политическомъ терроръ, какъ объ одномъ изъ вспомогательныхъ орудій *самого* массоваго движенія, съ соціальдемократами совершается какая то странная метаморфоза. Люди, отъ которыхъ мы привыкли слышать самыя торжественныя декламаціи о гигантскомъ ростѣ рабочаго движенія въ ширь и въ глубь, о его грозной силѣ, наводящей ужасъ на правительство и пр. и пр. — вдругъ обращаются въ самыхъ отчаянныхъ пессимистовъ и завзятыхъ скептиковъ. Давно ли мы слыхали, хотя бы отъ « Зари », что русская соціальдемократія есть « сила организованнаго пролетаріата»? Теперь вдругъ оказывается, что въ « политическую борьбу вовлечены пока только передовые, болѣе сознательные рабочіе . . . » Не только что быть самостоятельной силой, но даже и поддержать то террористической борьбы они не могутъ. « Рабочіе выходятъ на демонстраціи, но сколько ихъ выходитъ? . . . Какое значеніе можетъ имѣть поддержка такой кучки (вѣс!) въ борьбѣ съ самодержавіемъ?» Намъ приходится вступиться за рабочее движеніе и защитить его отъ своеобразныхъ « соціальдемократовъ », которые совершенно несправедливо сводятъ его къ какой то жалкой и ничтожной « кучкѣ ». Должны мы вступиться и за крестьянскія волненія послѣдняго времени, съ которыми « Ю. Р.» церемонится еще менѣе, заявляя, что въ нихъ « нѣтъ ни проблеска (!) революціонной мысли ». На болѣе чудовищныя утвержденія способенъ лишь знаменитый отнынѣ « Самарскій Комитетъ Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи », такъ таки прямо и объявившій, что « крестьяне менѣе всего способны понять такой строй, въ которомъ не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ » (см. его первомартовскую прокламацію). Впрочемъ, это уже относится къ разряду *исхоженаго* русскаго марксизма, на которомъ врядъ ли стоитъ долго останавливаться.

Такъ какъ теперь террористамъ по прежнему нельзя « надѣяться на сколько нибудь существенную поддержку со стороны народа », то терроръ, — продолжаетъ « Ю. Р.» — приведетъ лишь къ тому, что « люди наиболѣе горячіе, люди съ повышенной, сравнительно, чувствительностью» всѣ «будутъ скоро истреблены». Но «это еще не самое худшее».—Какъ не само худшее? думаете вы. Что же еще можетъ быть хуже такого повальнаго истребленія наиболѣе революціонныхъ натуръ? А вотъ что: «вмѣстѣ съ этимъ затормозится дѣло свободы; всякая свободная идея, всякое свободное слово долго будетъ отпугивать робкій умъ обывателя, ибо за нимъ ему будетъ мерещиться кинжалъ и револьверъ«. Ну, а развѣ революціонному соціальдемократу, врагу всѣхъ оппортюнизмовъ

на свѣтѣ, позволительно путать «робкій умъ» бѣднаго обывателя? Нѣтъ, нѣтъ, долой изъ программы все, что не укладывается въ этотъ «робкій умъ»! Вотъ послѣднее слово русскаго марксизма.... И подумать только, что это говорятъ ученики Маркса, того самаго Маркса, который въ аналогичную революціонную эпоху—въ 1848 году въ Германіи—смѣло восклицалъ: «Есть только одно средство сократить, упростить, концентрировать убійственныя предсмертныя муки стараго общества и кровавыя муки родовъ новаго; и это единственное средство—есть—революціонный терроризмъ!»*) И какъ не вспомнить послѣ этого слова Глѣба Успенскаго о «великомъ Карлѣ, породившемъ много карликовъ»!

И вотъ, послѣ этого страннаго аргумента, «страха ради обывательска», мы слышимъ рѣчи, уже вполнѣ пропитанныя духомъ «умѣренности и аккуратности». — „Итакъ, какъ мѣру борьбы, мы признаемъ только пропаганду среди рабочихъ и агитацію, но отрицаемъ совершенно убійства, какъ не только безполезныя, но прямо вредныя". Въ самомъ дѣлѣ — разъясняетъ „Ю. Р.", — маленькой кучки, хотя бы она дѣйствовала помощью „убійствъ", никто не испугается. „А если это не маленькая и не кучка, а большая сильная партія, то она и безъ убійства можетъ сдѣлать все, что пожелаетъ". Вамъ все еще не вѣрится? Вамъ кажется, что это какая то толстовствующая маниловщина, переряженная въ марксизмъ? Тогда слушайте дальше. „*Организованная* демонстрація *не можетъ* быть разогнана, участники ея *не могутъ* быть побиты. Они въ огромномъ количествѣ пройдутъ съ пѣснями по улицѣ, съ развернутымъ знаменемъ, въ опредѣленномъ заранѣе мѣстѣ остановятся, выслушаютъ рѣчь или рѣчи, отправятся къ мѣсту жительства представителя администраціи и черезъ депутата вручатъ ему (!) заранѣе приготовленную прокламацію, которая въ массѣ въ то же время будетъ разбросана на улицахъ... *И затѣмъ разойдутся по домамъ*. Пусть такую демонстрацію можно устроить разъ въ годъ или въ 2—3 года, но она, дѣйствительно будетъ имѣть значеніе, для нея стоитъ потрудиться..."**)

Одна излюбленная нашими марксистами фраза гласитъ такъ: « Хотя вы, господа, и большіе утописты, но утопія то у васъ маленькая ...» Но этой вышеприведенной « видомъ

---

*) „...Es nur Mittel giebt, die mörderischen Todeswehen der alten Gesellschaft, die blutigen Geburtswehen der neuen Gesellschaft abzukürzen, zu vereinfachen, zu konzentriren,—nur ein Mittel—der revolutionäre Terrorismus". (Aus dem litt. Nachlass Von K. Marks u F. Engels, B. III, s. 267).

** Курсивы принадлежатъ намъ.

малой и не безсмертной утопіей» лучше всего характеризуется психологія современнаго русскаго «революціоннаго соціальдемократа» (мы имѣемъ въ виду, конечно, представителей «искрометрительнаго», а не «искробѣжнаго» теченія, такъ какъ среди послѣднихъ есть дѣйствительно *революціонно* настроенные люди, которые не бояться «кинжаломъ и револьверомъ» черезъ чуръ напугать «робкій умъ обывателя»).

Но «Ю. Р.» пугаетъ насъ и еще одной перспективой. Онъ разсуждаетъ, приблизительно, такимъ образомъ. Стоитъ только дать черту мизинецъ, онъ ухватитъ всю руку; стоитъ признать политическій терроръ, какъ на сцену явится и фабричный, и аграрный; терроръ выродится, измельчаетъ. И «гдѣ гарантія, — спрашиваетъ «Ю. Р.», — что взявшійся за кинжалъ, чтобы мстить за несправедливость — самъ будетъ справедливъ? гдѣ гарантія, что проповѣдь кровавой расправы за оскорбленіе не откроетъ простора для сведенія личныхъ, часто мелочныхъ счетовъ?» Удивительный вопросъ! Да потому то раньше народовольцы, а теперь мы, ихъ революціонные преемники, стояли и стоимъ противъ террора индивидуальнаго, случайнаго, потому то мы и требуемъ террора партійнаго, организованнаго, что только ***контроль партіи*** и можетъ предохранить терроръ отъ вырожденія, отъ обращенія въ орудіе сведенія личныхъ счетовъ! А между тѣмъ, «Ю. Р.», всѣми силами борясь противъ политическихъ убійствъ, идущихъ отъ партіи, дѣлаетъ исключеніе какъ разъ для террора анархическаго. Отрицая за правительствомъ право истязать и оскорблять революціонеровъ, «Ю. Р.» заявляетъ: «тѣ же изъ враждебнаго лагеря, кто выходитъ изъ этихъ границъ, тѣ становятся внѣ борьбы (?!) и по отношенію къ нимъ нѣтъ правилъ... Губернаторъ Валь, дошедшій до такого позора, что приказалъ сѣчь демонстрантовъ, тѣмъ самымъ приговорилъ себя къ смерти, и кто его убьетъ — это безразлично, но къ революціи это отношенія не имѣетъ». Иными словами, революціонная партія отходитъ въ сторону и умываетъ руки. Но если партія откажется при этомъ отъ контроля не только ***формально***, но и ***фактически*** — гдѣ же тогда — повторимъ мы слова «Ю. Р.» — гарантіи справедливости «мщенія за несправедливость»? Здѣсь нѣтъ рѣшенія вопроса, а простое уклоненіе отъ рѣшенія, — методъ, не споримъ, легкій и удобный, но врядъ ли достойный революціонера...

Пора кончить. Мы видимъ, что у редакціи «Ю. Р.» были благія намѣренія, что она хотѣла даже дружелюбно отнестись къ намъ, заблуждающимся «братьямъ-революціонерамъ». Она — не то, что уже указанный самарскій соціальдемократическій комитетъ, который отбросивъ въ сторону всякіе фиговыя листья, объявилъ, что отнынѣ его историческая миссія

«всячески» мѣшать нашей работѣ.*) Напротивъ, она хотѣла бы помочь намъ отказаться отъ нашихъ ошибокъ. Но... горбатаго, видно, только могила исправитъ, и все « знаніе и сознательность » группы « Ю. Р.» неспособно просвѣтить нашего „ суевѣрія и слѣпого чувства “, для котораго „ умѣренныя и аккуратныя “ утопіи этой газеты отнюдь не кажутся революціонными, а пріемы „ дружеской “ критики нашей революціонной программы кажутся далеко не умѣренными и не аккуратными.

Апрѣль, 1903 г.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ КЛАССЪ И ПОЛИЦЕЙСКІЯ РОЗГИ.**)

Подъ этимъ заглавіемъ въ № 22 газеты «Искра» была помѣщена большая статья, задачей которой являлось отвѣтить все на тотъ же жгучій, особенно выдвинувшійся въ послѣднее время вопросъ — какъ отвѣчать на правительственныя звѣрства? Въ виду того, что въ рядахъ русской соціальдемократіи, несомнѣнно, существуетъ теченіе, выразителемъ котораго***) является «Искра», а такъ же въ виду того, что по многимъ вопросамъ тактики это теченіе рѣзче всего расходится съ нашимъ, соціально-революціоннымъ теченіемъ, — представляетъ особенный интересъ сопоставить отношеніе къ разбираемому жгучему вопросу «Искры» съ нашимъ.

Газета «Искра», на первый взглядъ, даетъ очень рѣшительный и опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ реагировать рабочимъ на полицейскія розги. Полицейская расправа, подобная виленской, по ея мнѣнію «вопіетъ о мщеніи». «Искра» приводитъ превосходные стихи, которы-

*) «И потому мы должны всячески препятствовать работѣ тѣхъ, кто пропагандируетъ среди рабочихъ средства террористической борьбы, забывая, что теперь не 70-е годы, а уже начало XX вѣка “. (Изъ прокламаціи « Ко всѣмъ рабочимъ г. Самары “ по поводу 1 марта 1881 г. Самарскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.)

**) Эта и слѣд. статья не были помѣщены въ «Рев. Росс.» по случайнымъ причинамъ.

***) Мы говоримъ, конечно, о существѣ взглядовъ, а не о литературныхъ пріемахъ.

ми формулируются и наши чувства и мысли: «Нѣтъ, долженъ быть насилію предѣлъ! Коль угнетенный права не находитъ, —коль для него несносно стало бремя, — когда ничто помочь ему не можетъ—*тогда ему остался острый мечъ!*» И, наконецъ, «Искра» заявляетъ, что въ подобныхъ случаяхъ: «ни одинъ сознательный русскій пролетарій, ни одинъ искренній другъ русскаго пролетаріата *не имѣютъ права успокоиться до тѣхъ поръ, пока месть не совершилась!*»

Мы обѣими руками подписываемся подъ этими словами. Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній мы только скажемъ, что для насъ — какъ, вѣроятно, и для всѣхъ соціалистовъ, слѣдовательно, и для «Искры» — существо дѣла заключается отнюдь не въ «мести», если понимать это слово буквально. Не инстинктъ воздаянія — «око за око, зубъ за зубъ» — руководитъ нами. Здѣсь мотивъ совсѣмъ другой—потребность *обуздать* насильниковъ, самозащита, отстаиваніе во что бы то ни стало своей и чужой чести. Инстинктъ, чувство, какъ-бы ни были они сильны, мы съумѣли бы побороть и покорить своей волѣ, если бы умъ призналъ это необходимымъ и цѣлесообразнымъ. Но взвѣшивая холоднымъ умомъ всѣ условія и шансы борьбы, мы приходимъ къ логическому, необходимому заключенію, что мы сплошь и рядомъ оказываемся именно въ томъ положеніи, когда всѣ средства исчерпаны и только «остается острый мечъ!»

Но, подписываясь подъ этими словами, мы не хотимъ, чтобы они остались только словами—мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ. И потому мы не можемъ подписаться подъ дальнѣйшими соображеніями «Искры» по этому вопросу.

„*Какъ* мстить? *Кою* карать?“ спрашиваетъ «Искра» и отвѣчаетъ, что Леккертъ своимъ самоотверженнымъ поступкомъ не далъ удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы—и между прочимъ вотъ почему.

«Если вчера Иванъ подвергнутъ былъ тѣлесному наказанію—резонируетъ «Искра»—а сегодня Петръ убьетъ кого-нибудь изъ полицейскихъ, то человѣческое достоинство Ивана все-таки останется поруганнымъ. Вѣра Засуличъ выстрѣлила въ Трепова, приказавшаго высѣчь Боголюбова розгами. Этотъ поступокъ сдѣлалъ честь Вѣрѣ Засуличъ, но, къ сожалѣнію, онъ не вывелъ Боголюбова изъ невыносимаго нравственнаго состоянія».

Какое неожиданное, какое странное разсужденіе! Какая удивительная постановка вопроса! О чемъ мы говоримъ: о частныхъ людяхъ, получившихъ личныя оскорбленія въ своей партикулярной жизни, которая никого изъ постороннихъ не касается—или о членахъ партіи, связанныхъ между собою взаимной нравственной солидарностью, и оскорбленныхъ за свои дѣйствія въ качествѣ членовъ партіи? И если о вто-

ромъ, то не ясно-ли, что въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ затрогивается честь и достоинство всей партіи; что оскорбленіе одного изъ членовъ не есть его *личное* дѣло, а дѣло *общественное*; что для другихъ членовъ партіи оно — не чужое, а свое, родное, кровное? А если такъ, то какъ же можно такую индивидуалистическую точку зрѣнія, приложимую лишь къ личнымъ отношеніямъ между отдѣльными частными людьми, переносить по просту, не мудрствуя лукаво, на широкую арену великой общественно-политической борьбы, для регулированія *партійной* революціонной морали?

Только представьте себѣ эту картину: изъ рядовъ партіи, за ея дѣло, только-что выхватили «Ивана» и подвергли тѣлесному наказанію. «Петръ» проходитъ мимо мѣста наказанія, на которомъ еще не смыты пятна крови, встрѣчаетъ торжествующаго насильника... и глубокомысленно резонируетъ: если-бы я сегодня и убилъ этого человѣка, человѣческое достоинство Ивана вѣдь все-таки осталось бы поруганнымъ; слѣдовательно, это не вывело бы Ивана изъ невыносимаго нравственнаго состоянія. Итакъ—пройду ка я мимо...

Да неужели же это — языкъ, которымъ можетъ говорить человѣкъ партіи? Нѣтъ! Это языкъ обывателя, взглядъ котораго не поднимается выше конкретныхъ фактовъ, выше отдѣльныхъ потерпѣвшихъ Ивановъ, Сидоровъ и т. д. Да развѣ наша задача — уничтожить фактъ поруганія личности, который *совершенъ*? Волга матушка вспять не побѣжитъ, что сдѣлано, того не воротишь. Или наша задача — психологическое облегченіе потерпѣвшаго? Это, конечно, и можетъ, и должно быть задачей его друзей и родныхъ, его знакомыхъ и товарищей — но это именно ихъ *личная* задача, и способъ ея разрѣшенія можетъ безконечно разнообразиться въ зависимости отъ особенностей личнаго характера потерпѣвшаго. Но мы говоримъ не объ этомъ, а объ *общественномъ* дѣлѣ. Нашъ «Иванъ» не только лично потерпѣлъ и лично страждетъ. Пусть даже онъ обладаетъ счастливѣйшимъ изъ темпераментовъ и «философски» примирился съ происшедшимъ. Наша задача отъ этого ни мало не упрощается. Мы стоимъ передъ столь же грознымъ и труднымъ вопросомъ: какъ защитить честь Ивана, *какъ члена партіи*, иначе говоря — какъ защитить *честь партіи*, пострадавшую въ лицѣ Ивана? И если, въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы скажемъ, подобно «Искрѣ», что «ни одинъ изъ насъ не имѣетъ права успокоиться до тѣхъ поръ, пока месть не совершилась»—если, въ противоположность «Искрѣ», мы скажемъ эти слова не для того, чтобы тотчасъ же ихъ позабыть — то за ними послѣдуетъ и соотвѣтственная кара насильника.

Кто и какъ совершитъ ее? Рѣшать этотъ вопросъ будетъ партія, на основаніи не той или иной личной психологіи

Петра, Ивана, Николая, а считаясь съ цѣлымъ рядомъ совершенно особыхъ соображеній. Высѣченному Ивану, можетъ быть, очень хочется самому принять отъ партіи карающій «острый мечъ» для свершенія возмездія. Но партія можетъ найти болѣе подходящимъ не Ивана, а какъ разъ Петра, чтобы удалить изъ дѣла всякій личный элементъ, Ивану же дать иную, быть можетъ, болѣе соотвѣтствующую его способностямъ работу. Тогда Иванъ—если это сильная натура—принесетъ въ жертву высшимъ интересамъ партіи порывы личнаго чувства. И эта жертва будетъ не меньшимъ нравственнымъ подвигомъ, чѣмъ подвигъ Петра, который пойдетъ на вѣрную смерть и докажетъ насильникамъ «острымъ мечемъ», что честь и достоинство революціонеровъ нельзя попирать безнаказанно. Для Ивана, какъ человѣка партіи, вопросъ будетъ разрѣшенъ. На возмутительное насиліе данъ достойный отвѣтъ. Данъ онъ партіей, которой всей душой и тѣломъ принадлежитъ Иванъ. Партія — это своего рода организмъ, въ которомъ гармонически слиты исполняющіе различные функціи органы и клѣточки. Не всякъ за себя отдѣльно — Иванъ за оскорбленіе Ивана, Петръ за Петра и т. д. — а всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ.

Такимъ образомъ, наши Петръ и Иванъ съ ихъ логикой и пониманіемъ революціоннаго долга сильно разнятся отъ Ивановъ и Петровъ изъ «Искры». Разнятся они и въ пониманіи революціонной тактики.

«Самоотверженный Леккертъ, говоритъ «Искра», рѣшилъ вопросъ по своему, направивъ нѣсколько пуль въ виленскаго оберъ-налача. Вѣчная память герою. Но герой погибъ, а.... попрежнему позоръ розги угрожаетъ всему трудящемуся населенію Россіи». «Наша ближайшая практическая задача заключается не въ томъ, чтобы карать отдѣльныхъ слугъ царя — мы все равно не въ состояніи были бы покарать каждаго изъ нихъ въ отдѣльности — а въ томъ, чтобы вообще отбить у правительства охоту отвѣчать на демонстраціи розгами».

Что это значитъ? Въ чемъ дѣло? Развѣ «отдѣльныхъ слугъ царя»—конечно, наиболѣе вліятельныхъ, выдающихся, наиболѣе отвѣтственныхъ за правительственныя звѣрства — карающъ не для того, чтобы, между прочимъ, «отбить у правительства охоту отвѣчать на демонстраціи розгами»? Развѣ не для этого Леккертъ стрѣлялъ въ фонъ-Валя? Да, отвѣтятъ намъ — но Леккертъ погибъ, а позоръ розги по прежнему угрожаетъ и т. д. Леккертъ мертвъ, и потому не можетъ отвѣтить на это странное возраженіе. Пусть же за него отвѣтитъ другой рабочій-борецъ, Ѳома Качуръ. «Я, конечно, не думаю,—писалъ онъ,—что послѣ того, какъ я убью харьковскаго губернатора, крестьянъ не будутъ избивать. Но вѣдь мы совершенно также не думаемъ, что послѣ одной демон-

страціи мы уничтожимъ самодержавіе». Эти простыя слова совершенно достаточны для того, чтобы показать, какъ неумѣстна эта ссылка на то, что выстрѣлъ Леккерта еще не уничтожилъ розгу. Такіе поступки все-таки пока самое сильное изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи средствъ обузданія насильниковъ, какъ демонстраціи—самое сильное средство для обнаруженія революціоннаго настроенія массъ, для массового давленія на правительство. Но вѣдь и то надо сказать, что если вообще «позоръ розги» и «угрожаетъ по прежнему»—однако послѣ фонъ-валевскаго опыта правительство болѣе ни разу не рѣшилось повторить массовую порку сознательныхъ революціонеровъ-демонстрантовъ.

«Искра» полагаетъ, что есть болѣе сильное и дѣйствительное средство обузданія насильниковъ. «Этого — говоритъ она — мы не достигнемъ самоотверженными дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ; этого можно достигнуть только отчаяннымъ сопротивленіемъ со стороны всѣхъ тѣхъ, кому угрожаетъ тѣлесное наказаніе. Сопротивленіе палачамъ; сопротивленіе во что бы то ни стало; сопротивленіе до послѣднихъ силъ, до послѣдняго издыханія — вотъ необходимый теперь отвѣтъ на полицейскія розги. Благодаря такому сопротивленію, сцены «исправительнаго наказанія» уступятъ мѣсто гораздо болѣе драматическимъ сценамъ геройской самозащиты революціонеровъ въ полицейскихъ застѣнкахъ. И если послѣ такой самозащиты — которая, разумѣется, поведетъ за собой многія «непріятности» и даже опасности для руководителей полицейской расправы — если даже и послѣ нея полицейскимъ варварамъ удастся таки подвергнуть истязанію своихъ побѣжденныхъ плѣнниковъ, то изъ такого истязанія совершенно исчезнетъ элементъ наказанія, ломающаго волю наказуемаго и заставляющаго его, подобно рабу, покорно ложиться подъ розги побѣдителя, останется только элементъ ***живодерства***»...

Эта тирада нѣкоторыми своими мѣстами производитъ на насъ такое впечатлѣніе, какъ будто она выходитъ изъ устъ существа, неожиданно упавшаго на землю откуда-то съ луны. «Геройская самозащита въ полицейскихъ застѣнкахъ»! Вспомните же дѣйствительныя, реальныя условія истязаній въ этихъ застѣнкахъ! При этихъ условіяхъ невозможна ***самозащита*** въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Возможно отчаянное, безпомощное барахтанье. Заключенный, часто одинокій, иногда истощенный сидѣньемъ или даже голодовкой, приходится на 4 (а если нужно, то и больше) дюжихъ жандармовъ, которые его хватаютъ, избиваютъ при малѣйшей попыткѣ сопротивленія, волочатъ по полу, бросаютъ въ грязный карцеръ, топчутъ по полу солдатскими сапогами, ругаютъ, бьютъ по лицу, плюютъ въ обезсиленнаго и связанна-

го.... Нѣтъ сомнѣнія, что не сопротивляться все-таки большинству заключенныхъ невозможно, какъ бы ни была ясна вся безнадежность сопротивленія. И большинство сопротивляется. Но кто же станетъ разсматривать такое сопротивленіе, какъ «средство борьбы», кто же увидитъ въ этомъ что-то большее, чѣмъ естественную, неизбѣжную реакцію человѣческой натуры на *нестерпимыя* для сколько нибудь развитого человѣка покушенія на его права, — нѣчто большее, чѣмъ простой инстинктъ самосохраненія въ его высшихъ формахъ? Кто будетъ обсуждать цѣлесообразность подобнаго «сопротивленія розгѣ», какъ пункта партійной программы, какъ средства партійной борьбы? Во всякомъ случаѣ не человѣкъ, сохранившій чутье дѣйствительности. «Искра» рѣшается говорить, что подобная самозащита «повлечетъ за собою многія «непріятности» и даже опасности для руководителей полицейской расправы». Это звучитъ какой-то жестокой насмѣшкой для всякаго, кто былъ самъ лицомъ къ лицу съ подобной расправой. «Опасности»! Полицейскій рискуетъ получить толчекъ ногой, царапину ногтями, наконецъ, самое большее — укусъ отъ зубовъ судорожно барахтающагося плѣнника. И то, и другое, и третье онъ немедленно вымститъ своими здоровенными кулачищами, да еще въ возмѣщеніе трудовъ получитъ отъ начальства полтинникъ на водку. Но при чемъ же тутъ «руководители полицейской расправы»? Развѣ они сами, собственными бѣлыми руками будутъ растягивать плѣнника на приспособленной къ поркѣ скамьѣ? Чѣмъ болѣе приложимъ къ нимъ терминъ «руководители», тѣмъ дальше они отстоятъ физически отъ самой операціи, отъ техники порки. И если, дѣйствительно, нужно, чтобы эти господа чувствовали страхъ какихъ-либо «непріятностей и даже опасностей», то для этого нужно нѣчто большее, чѣмъ отчаянное, рефлективное барахтанье подъ лозой, въ четырехъ стѣнахъ полицейскаго застѣнка, а нужна *внѣ этого застѣнка* отважная *вооруженная рука!*

Повторяемъ, смѣшно подставлять вмѣсто вопроса — какъ реагировать на розги и т. п. издѣвательства — вопросъ, какъ вести себя подъ розгами. Этотъ послѣдній вопросъ смѣшно разсматривать, какъ вопросъ партійный. Съ точки зрѣнія партіи достаточно сказать, чего не должно дѣлать подъ розгами: не должно унижаться, быть рабомъ, просить милости. Но барахтаться или не барахтаться — это дѣло индивидуальнаго склада и характера. Одинъ будетъ биться, отчаянно и безнадежно извиваться до тѣхъ поръ, пока есть силы пошевелить хотя единымъ мускуломъ. Другой, стиснувъ зубы, молча, неподвижно, какъ кусокъ гранита, отдастъ на терзаніе свое тѣло; онъ не пошевельнетъ ни единымъ мускуломъ лица, ни звукомъ, ни движеніемъ не покажетъ, что истя-

заніе вызвало въ немъ что-нибудь, кромѣ гнѣвнаго презрѣнія. Это гнѣвное презрѣніе молчитъ теперь, передъ невозможностью сдѣлать что-нибудь такое, что дѣйствительно соотвѣтствовало бы громадности надругательства надъ его честью, но тѣмъ большей грозой разразится оно впослѣдствіи. И тотъ, и другой не уронятъ себя, и, подвергаясь истязанію, равно поддержатъ своимъ поведеніемъ общее понятіе о достоинствѣ революціонера.. Различіе въ ихъ поведеніи — дѣло темперамента, дѣло индивидуальности. Никакая партія здѣсь не сможетъ придумать для всѣхъ одинъ обязательный шаблонъ. Да развѣ можетъ это входить въ задачи партіи? Развѣ въ этомъ—ея призваніе?

Намъ хотѣли сказать, какъ партія должна отвѣчать правительству на розги и другія истязанія надъ ея сочленами. Намъ вмѣсто этого говорятъ, какъ члены партіи должны вести себя, когда ихъ ведутъ и кладутъ подъ розги, какъ будто въ этомъ-то и заключается разрѣшеніе задачи!

А вѣдь передъ этимъ намъ говорили, что «расправа вопіетъ о мщеніи», что «остается острый мечъ» и т. под. Намъ поставили вопросы «но какъ мстить? Кого карать»? Намъ сказали, что способъ Леккерта не годится, что есть болѣе сильные; что есть «только одинъ путь, но за то этотъ путь вполнѣ вѣренъ». Мы и ждали чего-то сильнаго, смѣлаго.... а намъ говорятъ — не иди подъ розги, упирайся, барахтайся.... и вопросъ рѣшенъ!

Какъ будто не упирались, не барахтались до сихъ поръ! Тѣ, кто связанъ по рукамъ и ногамъ, кто обезоруженъ и обезсиленъ, кто взятъ въ плѣнъ — дѣлали это потому, что у нихъ не было возможности сдѣлать большаго. Но у насъ руки не связаны, мы не обезсилены, мы не обезоружены. Если мы не сдѣлаемъ большаго, это будетъ наша вина, наша слабость. Это будетъ значить, что мы сваливаемъ въ этомъ вопросѣ всю тяжесть борьбы на обезоруженныхъ товарищей. Конечно, если мы убѣждены, что того требуютъ высшіе интересы дѣла, то скрѣпя сердце мы должны это сдѣлать. Но во всякомъ случаѣ мы не можемъ при этомъ съ торжествомъ говорить о «сопротивленіи розгѣ», какъ какомъ-то новооткрытомъ пути, навѣрняка ведущемъ къ цѣли и способнымъ, будто бы, «отбить у правительства охоту отвѣчать на демонстраціи розгами». Зачѣмъ ослѣплять, обманывать себя громкими словами!

«Искра» говоритъ: «необходимо вдохнуть духъ героизма въ рабочую массу. И мы вдохнемъ его въ нее, потому что русскій рабочій уже не рабъ по своему настроенію, онъ уже сознаетъ свое достоинство и способенъ носить съ честью «гражданина санъ».

Это—святая истина.

Да, нужно вдохнуть духъ героизма въ рабочую массу! Но это можно сдѣлать не резонерствомъ благоразумнаго Пети, выскочившаго изъ какой-то дѣтской нравоучительной книжки и разсуждающаго, что высѣченному Ивану все равно не поможешь никакимъ самоотверженіемъ и никакой местью; и не глубокомысленными разсужденіями о томъ, барахтаться или не барахтаться подъ розгами. Это можно сдѣлать лишь однимъ путемъ: найти немедленно *ты* героическія средства борьбы, которыя *уже* возможно пустить въ ходъ; взяться за «острый мечъ» не только на бумагѣ, а и на дѣлѣ; постоянно совершенствовать наличныя средства героической борьбы, усиливая ихъ и дѣлая ихъ доступными, по мѣрѣ возможности, не только *единицамъ*, но и *коллективностямъ*, — вплоть до того, когда, наконецъ, во всеоружіи окажутся уже не малочисленныя дружины, а массы.

Да, русскій рабочій по своему настроенію уже не рабъ. Онъ уже сознаетъ свое достоинство, онъ уже способенъ носить съ честью «гражданина санъ». Потому-то мы и видимъ въ первыхъ рядахъ бойцовъ представителей рабочаго класса. Но именно поэтому русскій рабочій и отвергнетъ съ негодованіемъ самую смѣлую революціонную фразеологію о «мщеніи», «карѣ», «сопротивленіи», «остромъ мечѣ», если подъ этой фразеологіей не будетъ соотвѣтственнаго смѣлаго революціоннаго *дѣла*. И онъ будетъ правъ.

Мы видимъ, что русскій рабочій, дѣйствительно, сумѣетъ взять въ свои руки «острый мечъ». Когда это сможетъ сдѣлать вся рабочая масса, лучшіе представители рабочаго класса будутъ стоять въ ея переднихъ рядахъ. Пока этого не можетъ сдѣлать масса, это сдѣлаютъ сплоченныя и смѣлыя боевыя рабочія дружины. Пока нѣтъ такихъ дружинъ, найдутся герои, выступающіе впередъ планомѣрно и разсчитанно, ведя организованную борьбу ударами террора. Если бы не было организованной борьбы, нашлись бы одиночки, дѣйствующіе на свой страхъ и рискъ, — Карповичи, Лаговскіе, Леккерты. Но во всякомъ случаѣ было и будетъ выполнено то, что даже «Искра» называетъ *дѣломъ чести*.

Да здраствуетъ же героическій духъ рабочаго класса, да здравствуетъ вообще героическій духъ революціонеровъ! Да здравствуетъ смѣлое революціонное *дѣло* и долой его суррогатъ—пустую революціонную фразеологію!

Ноябрь, 1902 г.

РЕВОЛЮЦІОННОЕ ДѢЛО И РЕВОЛЮЦІОННАЯ ФРАЗЕОЛОГІЯ.

Какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ о томъ—«какъ отвѣчать на правительственныя звѣрства?» даже для читателей «Искры» остался неразрѣшеннымъ, а только еще болѣе запутаннымъ ея статьей о «Русскомъ рабочемъ классѣ и полицейскихъ розгахъ», — и для выясненія возникшихъ недоразумѣній ей пришлось предпринять въ № 25 цѣлую «бесѣду съ читателемъ-другомъ».

Въ этой «бесѣдѣ» двойственность позиціи «Искры» проявляется еще яснѣе и ярче. Съ одной стороны, въ ней разъясняется, что истиннымъ, не обманчивымъ удовлетвореніемъ чувству мести, поднятому на высшую ступень, будетъ ниспроверженіе всего нынѣшняго общественнаго строя, и только оно. Мысль, конечно, безусловно вѣрная. Но потому-то и говорили мы, что вопросъ, здѣсь, собственно идетъ не о чувствѣ мести, а объ обузданіи въ настоящее время насильниковъ, о необходимомъ отпорѣ ихъ звѣрствамъ. Такъ, въ сущности, понимала дѣло и «Искра», когда она говорила, что «наша ближайшая практическая задача» состоитъ въ томъ, «чтобы вообще отбить у правительства охоту отвѣчать на демонстраціи розгами». Но мы и хотимъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта на этотъ проклятый вопросъ,—а разговоръ о томъ, что «Искра», говоря о мести, имѣла въ виду месть не лицамъ, а строю—въ видѣ полнаго его ниспроверженія—только уводитъ насъ въ сторону отъ нашего вопроса. Да, ниспроверженіе всего строя необходимо, только въ немъ почерпнемъ мы истинное удовлетвореніе — но все это стоитъ внѣ спора, споръ идетъ только о томъ, какимъ способомъ *теперь* «отбить у правительства охоту отвѣчать на демонстраціи розгами»? Вы говорили о «геройскомъ сопротивленіи въ полицейскихъ участкахъ» во время порки; неужели, въ самомъ дѣлѣ, это,—болѣе дѣйствительное средство, чѣмъ способъ Лекерта?

Но «Искра» съ успѣхомъ продолжаетъ все дальше и дальше отходить отъ ребромъ поставленнаго вопроса, все болѣе и болѣе осложнять и запутывать его, вводя въ цѣпь своей аргументаціи новыя и новыя данныя изъ совершенно другихъ областей. Противъ Лекерта она аппеллируетъ... къ Пугачеву. Это обращеніе соціальдемократа къ пугачевщинѣ, правда, немножко неожиданно; но при нуждѣ еще и не то сдѣлаешь.

«Говорятъ — пишетъ «Искра» — что Пугачевъ, исполняя въ арміи свою казацкую повинность, былъ высѣченъ по приказанію начальства, и что это униженіе впервые зародило въ немъ мысль о бунтѣ. Не знаемъ, правда ли это; должно быть, это — простая выдумка. Но — si non e vero, e ben trovato (если и не вѣрно, то хорошо придумано). Месть à la Пугачевъ несравненно страшнѣе, чѣмъ месть à la Лекертъ.» Надо сказать, что подобной аргументаціей «Искра» и ея политическіе единомышленники пользуются уже не въ первый разъ. Г. Плехановъ еще въ покойномъ «Соціальдемократѣ» писалъ, что противъ самодержавія динамитъ — недурное средство, но гильотина еще лучше. В. Поссе въ «Жизни» и Л. Надеждинъ въ изд. «Свободы» еще до сихъ поръ ведутъ съ г. Плехановымъ длинный споръ на тему, какой терроръ предпочтительнѣе: до-революціонный или послѣ-революціонный, — «Робеспьеровскій», какъ выразился г. Плехановъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ. Съ другой стороны, въ первомъ же № «Искры» мы встрѣчаемся съ аналогичнымъ разсужденіемъ относительно Зубатова. Газета грустно разсказываетъ, что Зубатовъ «за время своего тренія въ революціонныхъ кружкахъ хорошо изучилъ революціонную среду и ея слабыя стороны и теперь съ успѣхомъ воспользовался своимъ опытомъ. Въ широкихъ размѣрахъ стало развиваться въ Москвѣ провокаторство и провалы слѣдуютъ за провалами. Революціонная работа въ Москвѣ стала крайне трудной. Провокаторство такъ развилось, что въ публикѣ естественно образовалось крайне подозрительное отношеніе ко всему и ко всѣмъ. Отдѣльныя лица и небольшіе кружки, работающіе среди рабочихъ, боятся вступить въ сношенія другъ съ другомъ. Приходится сознаться, что соціальдемократическое движеніе въ Москвѣ, такъ много обѣщавшее въ 1896-97 г г., въ настоящее время переживаетъ періодъ затишья». Изобразивъ столь яркими чертами вредоносность Зубатова, «Искра» сравниваетъ его съ Судейкинымъ и переходитъ къ практическому выводу. «Это и есть политика Судейкина — внести въ революціонную среду такой развратъ, чтобы трудно было отличить, гдѣ кончается товарищъ, вступившій въ пріятельскія сношенія съ жандармами и гдѣ начинается прямой предатель и провокаторъ. Судейкинъ пытался такой политикой распылать могучую партію Народной Воли. Онъ обжегся на этомъ дѣлѣ. Когда зараза жандармскаго разврата коснулась сердца партіи, Исп. Ком. Нар. Воли смѣлымъ ударомъ положилъ конецъ гнусной игрѣ: Судейкинъ былъ казненъ по распоряженію Исп. Ком.» Вы уже ждете логическаго вывода изъ предъидущаго... Но вмѣсто этого читаете: «Русская соціальдемократія должна направить свои усилія на то, чтобы справиться съ провокаторскимъ развратомъ, не прибѣгая къ политическимъ убійствамъ. Будемъ надѣяться,

что Зубатовъ дождется той поры, когда при свѣтѣ открытой борьбы за свободу народъ повѣситъ его на одномъ изъ московскихъ фонарей.»

Таковы способы «мести» (или обузданія правительства?) предпочитаемыя «Искрой» способу Лекерта и способамъ Исполнительнаго Комитета Народной Воли. Что дѣлать — у всякаго свои вкусы. Что касается насъ, то мы не принадлежимъ къ числу поклонниковъ революціонной гильотины. Не принадлежимъ мы и къ числу тѣхъ, которые могутъ возводить въ принципъ факты жестокой расправы, которыми такъ богаты всѣ революціи. Когда возставшій народъ, овладѣвъ своими былыми властителями и угнетателями — вздергиваетъ ихъ на фонарные столбы, то въ нашихъ глазахъ это не прибавляетъ, а убавляетъ славы и величія у революціи. Иное дѣло политическія убійства, вродѣ казни Народной Волей Судейкина, до революціи, когда нѣтъ другихъ средствъ обезвредить подобныхъ виртуозовъ политическаго разврата, разносящихъ далеко вокругъ нравственную заразу. «Будемъ надѣяться, говоритъ «Искра», что Зубатовъ дождется той поры, когда при свѣтѣ открытой борьбы за свободу» его смогутъ вздернуть на фонарѣ. Очевидно «Искра» не противъ террора—она его признаетъ во время и послѣ революціи, но не признаетъ въ эпоху борьбы, предшествующей и подготовляющей революцію. И въ этомъ мы съ ней рѣшительно разойдемся. Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Если нужны террористическія средства борьбы — средства жестокія, крайнія по самому существу своему — то они нужны лишь тогда и постольку, поскольку насъ *вынуждаютъ* къ нимъ прибѣгать, поскольку на насъ обрушиваются удары сильнаго и безпощаднаго врага, поскольку намъ нельзя подъ страхомъ деморализаціи не наносить отвѣтныхъ ударовъ. И здѣсь мы, носители великой идеи братства и любви между людьми, вынуждены умомъ и волей преодолѣть, подавить въ себѣ естественное, органическое отвращеніе къ убійству, къ пролитію крови человѣческой. Это — тяжелый долгъ. Но никогда, никогда не можемъ мы признать необходимости столь же ужасной расправы съ поверженнымъ врагомъ. Бить лежачаго — не дѣло революціонера. Терроръ нуженъ не противъ побѣжденныхъ и не противъ плѣнныхъ. Это была бы не борьба, а расправа, не актъ политической необходимости, а удовлетвореніе разгорѣвшагося разнузданнаго мстительнаго чувства. Мы, конечно, можемъ понять и до извѣстной степени оправдать взрывъ народнаго гнѣва, народнаго негодованія, которое, накопившись въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, наконецъ начинаетъ бурлить, льется черезъ край и при помощи висѣлицъ и гильотинъ вымѣщаетъ вѣковыя страданія народа на его бывшихъ палачахъ и вѣшателяхъ. Но ни въ какомъ случаѣ мы не можемъ санкціо-

нировать своей программой этихъ стихійныхъ взрывовъ слѣпого мстительнаго инстинкта. Напротивъ, задача соціалистовъ всегда заключалась и будетъ заключаться въ томъ, чтобы бороться съ нимъ, чтобы не дать ему омрачить картинами ненужныхъ жестокостей великаго зрѣлища побѣды рабочаго класса надъ его угнетателями. Мы вѣримъ, что рабочему классу суждено вписать въ книгу исторіи блестящія, свѣтлыя страницы и покрыть себя неувядаемой славой, явить міру небывалый образецъ великодушія побѣдителя. Дѣло соціализма есть дѣло братства, любви и свободы. Дѣло соціализма есть дѣло глубоко-сознательнаго отношенія ко всему окружающему. Съ нимъ несоединимо стремленіе возлагать отвѣтственность за историческіе грѣхи, за недостатки общественнаго порядка на отдѣльныхъ лицъ. И потому не самодовлѣющая месть, а только соображенія цѣлесообразности, только неумолимыя потребности текущей борьбы могутъ вооружить и поднять карающую руку революціонера на того или другого изъ представителей стараго порядка. Въ этомъ-то и состоитъ отличіе сознательныхъ революціонныхъ движеній отъ стихійной пугачевщины, которую, по странному недоразумѣнію, нынѣ выдвигаетъ соціальдемократическій органъ противъ терроризма Лекертовъ.

Мы говоримъ — «по недоразумѣнію», ибо, хотя «Искра» и прельщаетъ насъ перспективами возможныхъ въ будущемъ отмщеній à la Пугачевъ, гильотинъ и фонарныхъ столбовъ для царя и его опричниковъ, но намъ сильно сдается, что она вовсе не хочетъ сознательно проповѣдывать и разжигать простую мстительность. Нѣтъ, «Искра» просто утѣшаетъ ссылками на будущее, чтобы людямъ легче было отказаться отъ пользованія террористическими средствами въ настоящемъ — совершенно такъ же, какъ проповѣдники ортодоксальнаго христіанства отвращаютъ свою паству отъ суетныхъ размышленій объ этой жизни надеждами на будущую. Это — все та же революціонная фразеологія, которая помогаетъ отдѣлаться отъ наболѣвшихъ вопросовъ текущей борьбы, отодвигая необходимый способъ ихъ разрѣшенія до второго пришествія.

И когда г. Плехановъ въ мнимо-робеспьеровскомъ стилѣ восклицаетъ: «Самовластительный злодѣй, тебя, весь родъ твой ненавижу, твою погибель, смерть дѣтей я съ злобной радостью увижу»! — то, конечно, кто же приметъ это въ серьезъ, кромѣ Надеждина, котораго отъ такой кровожадности подираетъ морозъ по кожѣ? На дѣлѣ, конечно, г. Плехановъ вовсе не такой свирѣпый и страшный, какъ не былъ ни свирѣпымъ, ни страшнымъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, у котораго онъ заимствовалъ эту грозную стихотворную цитату. И не характерно-ли слѣдующее обстоятельство: когда А. С. Пушкинъ такъ жестоко робеспьерилъ въ сти-

хахъ, были рядомъ съ нимъ другіе люди, которые не нуждались въ такой звонкой кровавой фразеологіи для выраженія своихъ чувствъ—но за то, подготовляя свой знаменитый «заговоръ декабристовъ» практически обсуждали и вопросъ о цареубійствѣ, какъ одномъ изъ способовъ внести смятеніе и дезорганизацію въ правящіе круги и тѣмъ облегчить успѣхъ заговора. На этомъ примѣрѣ хорошо видно взаимное отношеніе между реальнымъ революціоннымъ дѣломъ и пустой революціонной фразеологіей—отношеніе, другой примѣръ котораго представляетъ собою — террористъ à la Robespierre Г. Плехановъ—и современные реальные, практическіе террористы...

Въ pendant къ этому «робеспьеровскому» террору, стоитъ ознакомиться еще съ другимъ видомъ «террора», включаемымъ въ соціальдемократическую программу журналомъ «Заря». Въ первомъ же № этого журнала мы найдемъ статью «О старомъ и новомъ» за подписью «Бывалый». Въ этой статьѣ разсматриваются различныя формы проявленія революціонной энергіи, различные виды демонстрацій и т. под.; однѣ формы одобряются, другія отвергаются и взамѣнъ рекомендуются иныя. И вотъ что мы находимъ въ числѣ «одобренныхъ и рекомендуемыхъ» способовъ оказательства революціоннаго духа. Авторъ, призвавъ на помощь «практику европейской жизни» и заглянувъ въ историческіе архивы, говоритъ: «Со временъ Лютера, сжегшаго публично отлучающую его отъ церкви папскую буллу, такія формы демонстрацій широко практиковались въ Европѣ въ качествѣ протестовъ противъ того или другого лица, того или другого акта. Нерѣдко брали изображенія (а то и просто сдѣланныя изъ соломы или другого легко воспламеняющагося матеріала чучела) какого-нибудь Меттерниха или другой признанной главы реакціи, и, собираясь въ условленномъ мѣстѣ, предавали такое изображеніе всесожженію (это и называлось «казнью изображенія») при пѣніи приличествующихъ случаю пѣсенъ, кликахъ и т. д. Почему бы и намъ не дѣлать того же?»*).

Въ самомъ дѣлѣ, «почему бы и намъ не дѣлать того же?» Тѣмъ болѣе, что—какъ услужливо разъясняетъ намъ авторъ ниже, все это можно дѣлать подъ акомпаниментъ криковъ «долой!» «да здравствуетъ!» и т. под., и—«дѣянія этого рода могутъ быть совершены даже при относительной безопасности участниковъ дѣла».—И дешево, и сердито! «Нечего и говорить,—продолжаетъ авторъ—что факты этого рода заставятъ поблѣднѣть не одного пашу «ввѣреннаго ему пашалыка». Это-ли не терроръ?

И какъ жаль, что къ этимъ благоразумнымъ рѣчамъ не

*) «Заря», № 1, стр. 140.

прислушиваются иные «неумѣренные и неаккуратные» люди! Вѣдь несомнѣнно, что Карповичу было бы гораздо легче, чѣмъ стрѣлять въ настоящаго, охраняемаго стражей Боголѣпова, сдѣлать себѣ маленькаго Боголѣпова изъ папье-маше и стрѣлять въ него, сколько душѣ угодно! Или Лекерту и Балмашеву — почему бы не имѣть дѣла, вмѣсто реальныхъ фонъ-Валя и Сипягина, съ ихъ куклами? Вѣдь «дѣянія этого рода могутъ быть совершены даже при относительной безопасности участниковъ дѣла»!...

Да, «почему бы и намъ не поступать» такимъ образомъ? Почему? — Такой вопросъ задаетъ намъ «соціальдемократическій научно-политическій журналъ» издаваемый, «при ближайшемъ участіи Г. В. Плеханова, В. И. Засуличъ и П. Б. Аксельрода».

Почему? Если вы не знаете, почему, мы готовы помочь вамъ понять эту загадку. Потому, милостивые государи, что русскій рабочій классъ слишкомъ выросъ, чтобы забавляться игрой въ куклы; и когда дѣло доходитъ до того, что ему нужно «заставить поблѣднѣть пашу того или иного пашалыка» — то онъ всегда выдвинетъ изъ своей среды достаточно людей, пренебрегающихъ своей личной «сравнительной безопасностью» и отвѣчающихъ на бѣлый терроръ правительства реальнымъ краснымъ терроромъ — а не терроромъ кукольнымъ, соломеннымъ, вообще — маргариновымъ! И намъ жаль, что этого не дано понимать инымъ «научно-политическимъ» органамъ русской соціальдемократіи...

Итакъ, что же намъ предлагаютъ, — кромѣ бумажной гильотины, террора чучелъ, да барахтанья подъ розгами, — для того, чтобы разрѣшить «ближайшую практическую задачу», которая, по словамъ «Искры», заключается вѣдь въ томъ, чтобы «отбить у правительства охоту отвѣчать на демонстраціи розгами»? Ровно ничего — а, какъ извѣстно — изъ ничего не выйдетъ ничего...

Въ этомъ-то и состоитъ вся сущность того, что мы называемъ революціонной фразеологіей: одѣть «ничего» въ такую одежду, въ которой «ничего» было бы похоже на «нѣчто».

Массовое движеніе въ Россіи прорвалось потокомъ стачекъ, волненій и демонстрацій; чтобы подавить его въ зародышѣ, чтобы убить духъ протеста и пріучить толпу къ старой, рабьей психологіи, двинуто въ ходъ все, шашки, штыки, выстрѣлы, нагайки, издѣвательство въ участкахъ. Для революціонеровъ возникаетъ мучительный и острый вопросъ: что же дальше?

И «научно-политическій» органъ русской соціальдемократіи, «Заря», откликается на этотъ вопросъ. Именно подъ этимъ заглавіемъ — «Что же дальше?» мы находимъ въ немъ статью за подписью признаннаго главы направленія, Г. В.

Плеханова. Въ отвѣтъ на вопросъ онъ даетъ цѣлую многостороннюю программу тактики русскихъ революціонеровъ. Эта программа заключаетъ въ себѣ цѣлыхъ 9 пунктовъ. Кто смѣетъ послѣ этого сказать, что у насъ нѣтъ строго выработанной и соотвѣтствующей потребностямъ времени тактики?

Проанализируемъ же эту программу со всей возможной тщательностью.

«На вопросъ—что же дѣлать?—говоритъ Плехановъ—приходится дать теперь слѣдующій отвѣтъ:

«Дальше — продолженіе начатой освободительной борьбы, въ интересахъ которой мы должны:

«1) Организоваться...»

Ну да, конечно—думаетъ читатель—это-то само собой понятно; рѣчь идетъ о тактикѣ революціонной партіи; а если мы еще не организовались, то нѣтъ и партіи, не о комъ и говорить. Итакъ, что же дѣлать намъ, какъ организованному цѣлому?

«2) Принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры для выяспенія оппозиціоннымъ элементамъ общества истиннаго характера преслѣдуемой нами ближайшей политической задачи».

Оно, конечно, отчего же и оппозиціоннымъ элементамъ общества—всякимъ либераламъ и культурникамъ—не выяснить, къ чему мы стремимся, — думаетъ читатель. Но ему уже начинаетъ казаться, что, какъ ни благоразуменъ этотъ совѣтъ, а какъ будто онъ пристроенъ совсѣмъ не къ тому мѣсту...

Однако, дальше! Вѣдь остается еще цѣлыхъ 7 пунктовъ!

«3) Продолжать политическую агитацію въ трудящейся массѣ...»

О да, разумѣется, продолжать; но мы хотѣли-бы услыхать, что же дальше, чѣмъ теперь осложнимъ мы нашу тактику въ виду осложнившихся обстоятельствъ? Зачѣмъ же въ отвѣтъ намъ говорятъ, что все то хорошее, что мы уже дѣлали, мы должны дѣлать и впредь? Развѣ мы этого не знаемъ, развѣ мы этого не знали и не дѣлали раньше? И читатель уже со страннымъ чувствомъ продолжаетъ читать.

«4) Придать этой агитаціи болѣе широкіе размѣры...»

Дальше!

«5) Придать этой агитаціи еще болѣе широкіе размѣры, распространивъ ее, по возможности, и на сельское населеніе».

Но вѣдь и раньше говорилось не объ одномъ городскомъ рабочемъ классѣ, а обо всей «трудящейся массѣ», слѣдовательно, и о трудящейся массѣ сельскаго населенія!

«6) То же въ большей степени»...

Какъ ни любите вы агитацію въ трудящейся массѣ, но вы уже начинаете чувствовать, какъ будто объѣлись сладкаго. «Ну, скажи разъ, скажи два — думается вамъ — но не до

безчувствія же!» Но г. Плехановъ неумолимъ. Онъ продолжаетъ:

«7) То же въ еще большей степени...

«8) То же въ самой большей степени»...

Ну, наконецъ-то кончено! Такъ какъ больше самой большой степени, очевидно, быть не можетъ, то изъ пункта 9-го и послѣдняго вы узнаете наконецъ—что же дальше.

И вотъ, вы читаете:

«9) А потомъ.... Но объ этомъ мы успѣемъ потолковать и въ другой разъ: время терпитъ...»

Но уже если такъ смѣяться надъ читателями, то отчего бы прямо не сказать: «надъ нами не каплетъ»?

Поистинѣ, нужно большое искусство, чтобы обвести читателя такимъ способомъ десять разъ вокругъ того же самаго мѣста, на которомъ онъ стоялъ и раньше. Не въ томъ дѣло, чтобы сами по себѣ совѣты г. Плеханова были плохи. Они вѣрны — даже слишкомъ вѣрны: настолько вѣрны, что равно годны подъ всѣми градусами широты и долготы, въ Россіи какъ и въ Новой Зеландіи, въ Аргентинѣ какъ и въ Англіи, для монархическихъ партій и для либеральныхъ, для соціалистическихъ и для буржуазныхъ. Какой же партіи не нужно организоваться, какой не нужно агитировать все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, какой не нужно «принять зависящихъ мѣръ» для выясненія всѣмъ и каждому «истиннаго характера своихъ задачъ»? Все это — азбука, и не объ этомъ жаждали услышать отъ «научно-политическаго органа» тѣ русскіе революціонеры, которые, вмѣстѣ съ Плехановымъ, поставили себѣ острый и наболѣвшій вопросъ — что же дальше? Какую тактику принять теперь по отношенію къ правительству, вооруженному не только ружьями и пушками, но и нагайками, плетьми и розгами?

Но въ томъ то и состоитъ сущность *революціонной фразеологіи*, чтобы съ большимъ искусствомъ незамѣтно *уходить* отъ прямыхъ отвѣтовъ на острые и наболѣвшіе вопросы практическаго *революціоннаго дѣла*, давая взамѣнъ ихъ рѣшенія — слова, слова, слова . . .

Декабрь, 1902 г.

ТЕРРОРЪ И МАССОВОЕ ДВИЖЕНІЕ.

---

13 марта 1903 года, по приказанію уфимскаго губернатора Н. М. Богдановича, войска стрѣляли въ толпу забастовавшихъ

рабочихъ Златоуста, не переставая преслѣдовать залпами даже бѣгущихъ. Было убито на повалъ 28 человѣкъ, ранено около двухсотъ, изъ которыхъ нѣсколько десятковъ уже умерло отъ ранъ... Среди убитыхъ и раненыхъ оказалось не мало случайныхъ зрителей трагедіи, женщинъ и маленькихъ дѣтей.

6 мая, по постановленію Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, двумя ея членами убитъ уфимскій губернаторъ Н. М. Богдановичъ.

Казненъ царскій слуга, совершившій чудовищное преступленіе въ угоду правительству, предающему страну на разореніе и поруганія, насилія и разбой; наказанъ преступный губернаторъ, приказавшій стрѣлять въ безоружныхъ заводскихъ рабочихъ и преслѣдовать пулями въ догонку бѣгущую толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Такія преступленія не должны сходить съ рукъ безнаказанно, безъ послѣдствій. Слишкомъ возмущаютъ они человѣческое чувство, слишкомъ сильно задѣваютъ интересы и честь революціоннаго движенія. И уфимскій губернаторъ, устроившій звѣрскую расправу съ обобранными казной и мирно отстаивавшими свой интересъ рабочими, самъ подписалъ себѣ суровый приговоръ...

Новый террористическій актъ, исходящій отъ Боевой Организаціи П. С.-Р., побуждаетъ насъ сдѣлать еще разъ (и, вѣроятно, не въ послѣдній разъ) кое-какія указанія на постановку вопроса о террорѣ въ нашей программѣ и еще разъ вернуться къ нѣкоторымъ изъ возраженій, упорно выдвигаемыхъ противъ употребленія террористическихъ средствъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Считая примѣненіе этихъ послѣднихъ и неизбѣжнымъ, и цѣлесообразнымъ, наша партія въ то же время полагаетъ, что терроръ долженъ быть, да и не можетъ не быть лишь однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ борьбы; что онъ долженъ находиться подъ контролемъ партійной организаціи; и, наконецъ, что террористическіе акты должны имѣть возможно болѣе тѣсную связь съ массовымъ движеніемъ, опираться на нужды этого движенія и дополнять его и, въ свою очередь, давать толчокъ проявленіямъ массовой борьбы, возбуждая революціонное настроеніе въ массахъ. На то, чтобы дѣятельность революціонной партіи исчерпывалась террористическими актами, кажется, никто не претендуетъ; когда же говорятъ, будто соціалисты-революціонеры занимаются терроромъ ***вмѣсто того***, чтобы работать въ народѣ и подготовлять массовой натискъ на врага, — то мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ не съ непониманіемъ, а съ очевидной для всѣхъ клеветой, не нуждающейся въ опроверженіи. Врядъ ли нужно останавливаться и на второмъ положеніи — о партійномъ контролѣ. Всѣ тѣ, кто открыто признаютъ необходимость террора, указываютъ на контроль и отвѣтственность партіи, какъ на желательныя условія его при-

мѣненія. Если же и попадаются подчасъ въ литературѣ робкія признанія неизбѣжности и пользы террористическихъ дѣйствій наряду съ отрицаніемъ партійнаго террора, — въ родѣ, напримѣръ, заявленій «Южн. Раб.», — то эта странная и двусмысленная помѣсь, готовая умывши руки воспользоваться плодами стихійнаго террора или снять съ партіи обязанность дѣлать то, что признается необходимымъ, врядъ ли смутитъ кого либо изъ искреннихъ и истинныхъ революціонеровъ. Чаще, однако, приходится слышать голословныя и непонятныя утвержденія, будто террористическія организаціи наносятъ ущербъ массовой дѣятельности; на этомъ послѣднемъ пунктѣ стоитъ нѣсколько остановиться.

Мартовская стачка златоустовскихъ рабочихъ, встрѣтивъ звѣрское вмѣшательство вооруженной силы, потерпѣла полное пораженіе, и всѣмъ памятно, конечно, то ужасное психическое состояніе, въ какомъ очутились эти рабочіе послѣ кровавой расправы губернатора П. М. Богдановича. На слѣдующій же день послѣ бойни, подавленные отчаяніемъ, они взялись за работу и стали у станковъ — убитые, безжизненные, подобные машинамъ, къ которымъ приковалъ ихъ рокъ. Не только то было тутъ ужасно, что пало много жертвъ,—жертвы неизбѣжны. Но ужасно было то, что на кровавое злодѣяніе нельзя было дать сильный и грозный отвѣтъ, нельзя было оказать отпоръ насильникамъ. Быть въ борьбѣ только пассивной стороной и только получать удары, а не отдавать ихъ — вотъ что давило, пригнетало къ землѣ и подавляюще дѣйствовало на энергію рабочихъ, наполняя ихъ разслабляющимъ сознаніемъ своего безсилія. Громадное зло при столкновеніи революціонизирующихся массъ съ царскими опричниками заключается въ томъ именно, что насильники, издѣвающіеся надъ стачечниками или демонстрантами, не встрѣчаютъ должнаго отпора. «А отпоръ психологически необходимъ, потому что, если его еще долго не будетъ, то демонстраціи станутъ утрачивать свое воспитательное вліяніе на массу и пріобрѣтутъ въ ея глазахъ значеніе опыта, доказывающаго полную невозможность открытаго сопротивленія власти».*) Эта именно психологическая необходимость и давала себя чувствовать послѣ златоустовской бойни, — необходимость въ интересахъ массоваго движенія доказать, что революціонное движеніе въ Россіи достаточно сильно и рѣшительно для того, чтобы не оставить безъ отвѣта и безнаказанными такихъ вопіющихъ злодѣйствъ надъ рабочимъ народомъ. Итакъ, отпоръ въ такихъ случаяхъ необходимъ, и на этотъ счетъ едва ли могутъ быть два мнѣнія; но спрашиваютъ иногда, кто долженъ давать отпоръ злодѣяніямъ правительства: террористи-

*) «Искра» «О демонстраціяхъ», № 19.

ческая ли организація, или непосредственно сама масса, какъ этого требуютъ противники террора. Не мы, конечно, будемъ возражать противъ непосредственно-массового отпора слугамъ правительства, — противъ того, чтобы народъ сомкнутымъ строемъ, съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ себя и силой отвѣчалъ на насилія. Эта форма отпора правительству — когда она доступна — имѣетъ даже цѣлый рядъ свойственныхъ ей преимуществъ. Бѣда лишь въ томъ, что разговоры объ этой формѣ отпора доступнѣе, чѣмъ она сама; а преимуществъ такихъ разговоровъ надъ отпоромъ террористическими средствами мы признать безусловно не можемъ. Мы всегда и вездѣ были и будемъ противъ замѣны революціоннаго дѣла революціонной фразой. Это не значитъ, конечно, чтобы мы вообще признавали невозможными открытыя столкновенія массъ съ силами правительства и ненужной — подготовку ихъ. Напротивъ, такая работа очень нужна, и какъ разъ теперь нашимъ товарищамъ въ цѣломъ рядѣ мѣстъ (какъ, наприм., въ Кіевѣ) приходилось, и притомъ практически, а не теоретически только, выдвигать ее на первую очередь. Стремясь къ тому, чтобы народъ дѣйствительно былъ въ состояніи дать отвѣтъ насильникамъ и палачамъ, наша партія и ставитъ своей главной задачей развитіе классового и политическаго сознанія въ рабочихъ массахъ города и деревни, и повышеніе ихъ революціоннаго настроенія, постоянно имъ напоминая, что лишь въ борьбѣ они обрѣтутъ право свое. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда избиваемая масса еще не можетъ вступить въ открытое столкновеніе съ врагомъ и такимъ образомъ дать ему отпоръ, то этой ея неподготовленностью отнюдь не исключается — скорѣе, напротивъ, усугубляется — психологическая необходимость отпора. И тогда масса имѣетъ другой способъ отпора — путемъ выдѣленія спеціальной террористической организаціи, не отвлекающей главныхъ силъ партіи отъ повседневной работы и строго сообразующейся въ своихъ дѣйствіяхъ съ потребностями массоваго движенія, съ которымъ она и будетъ находится въ самой тѣсной связи. Такой терроръ только по формѣ, по видимости, только для слишкомъ поверхностнаго наблюдателя отдѣляется отъ массового движенія.

Въ глухихъ деревенскихъ уголкахъ Россіи можно бываетъ иногда наблюдать такого рода бытовыя картины. Крестьяне рѣшили всѣмъ міромъ, « скопомъ » разобрать свой хлѣбозапасный амбаръ. Для того, чтобы взломать пробой, достаточно одного здороваго мужика; но тогда « въ дѣлѣ » будетъ участвовать только одинъ человѣкъ, а нужно, чтобы дѣло было сдѣлано « міромъ ». И вотъ мужики ухитряются обойти препятствіе: они привязываютъ къ пробою длиннѣйшую веревку, такъ что каждый общественникъ можетъ держаться за нее

рукой. Получается цѣлый обрядъ символическаго участія всего общества во взломѣ магазина. Террористическая борьба тѣмъ и смущаетъ иныхъ, ретивыхъ, но непонятливыхъ или неискренныхъ поборниковъ массоваго движенія, что тутъ за «пробой» не можетъ непосредственно сразу ухватиться «вся масса», а по самымъ техническимъ условіямъ необходима ближайшая роль отдѣльныхъ единицъ, индивидуальностей. Но въ революціонной борьбѣ, ведущейся планомѣрно, необходима и неизбѣжна всегда извѣстная спеціализація, извѣстное раздѣленіе труда. Отдѣльныя, особенно конспиративныя функціи всегда требуютъ внѣшняго выдѣленія спеціальныхъ конспиративныхъ группъ, технически изолирующихся отъ всей массы. Смѣшивать же принципіально эту видимость, это *техническое* изолированіе съ оторванностью и отсутствіемъ внутренней связи съ борьбою массъ, было бы грубой ошибкой или преднамѣреннымъ игнорированіемъ фактовъ дѣйствительности въ угоду какому то абстрактному, не подлежащему критикѣ и не выдерживающему критики «массовому принципу». И въ войнахъ наряду съ отрядами, напирающими густымъ строемъ, бываютъ и раскинутыя цѣпи застрѣльщиковъ, и смѣлыя диверсіи небольшихъ дружинъ добровольцевъ-охотниковъ. И смѣшенъ былъ бы тотъ полководецъ, который во имя какого то абстрактнаго, парящаго превыше всякихъ практическихъ соображеній «массоваго принципа» сталъ бы отрицать всякіе виды, всякіе пріемы военной тактики, кромѣ прямолинейнаго наступленія густыми колоннами, сомкнутымъ строемъ всей «массы» войска.

Террористическій отрядъ по самой природѣ вещей такъ же мало обреченъ на «оторванность» отъ массы, какъ и любая типографская и транспортная группа. Каждая изъ такихъ группъ одинаково можетъ служить насущнѣйшимъ потребностямъ массоваго движенія, являясь необходимымъ жизненнымъ условіемъ его нормальнаго развитія, какъ и превратиться въ самодовлѣющее предпріятіе, утратившее чутье дѣйствительности и не удовлетворяющее больше текущимъ запросамъ движенія. И связь террористической борьбы съ массовымъ движеніемъ выражается не въ томъ, чтобы вся масса, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, держалась за веревку отъ «пробоя», — это было бы и немыслимо, и безсмысленно, поскольку рѣчь идетъ, дѣйствительно, о партійномъ «терроре». Но онъ осуществляется въ томъ случаѣ, если боевая террористическая организація составляетъ лишь *одинъ изъ отрядовъ* общей революціонной арміи, отличающійся только спеціальнымъ родомъ оружія отъ другихъ отрядовъ; если этотъ отрядъ есть плоть отъ плоти и кость отъ костей борющейся рабочей массы; если его движенія сообразуются съ движеніями другихъ отрядовъ, приспособляются къ нимъ, подкрѣпляютъ

ихъ и подкрѣпляются ими. Тогда терроръ дѣйствительно становится могучимъ вспомогательнымъ орудіемъ самого массового движенія, являясь идейно его дѣтищемъ, опираясь на его глубокія потребности и черпая въ немъ свою жизненность и силу. Въ этой связи и въ этой координированной дѣятельности, наконецъ, лежитъ и разрѣшеніе вопроса, который такъ мучитъ сторонниковъ « массовыхъ методовъ » — о той « веревкѣ », за которую могъ бы ухватиться каждый членъ ведущей классовую борьбу массы. И масса чувствуетъ и понимаетъ такую связь Когда, напримѣръ, въ Саратовѣ, черезъ два дня послѣ казни Степана Балмашева, была устроена демонстрація и надъ толпой развѣвалось траурное знамя съ надписью : « Вѣчная память герою — долой палачей ! » — то этимъ торжественнымъ актомъ демонстранты заявили себя нравственно солидарными съ Балмашевымъ. Рабочіе, принимавшіе участіе въ демонстраціи, тѣмъ самымъ заявили, что дѣло Балмашева, члена Боевой Организаціи, было дѣломъ не его личнымъ и не кружка лицъ, а общественнымъ, что Балмашевъ былъ въ немъ только выразителемъ и исполнителемъ написаннаго въ сердцахъ народа приговора. Этимъ публичнымъ выраженіемъ солидарности саратовскіе рабочіе заявили себя нравственными соучастниками дѣла Балмашева, а его — своимъ представителемъ въ этомъ отдѣльномъ драматическомъ эпизодѣ общей освободительной борьбы. Подобныхъ этому примѣровъ, и еще болѣе поучительныхъ, можно было бы привести не мало ; но мы остановились сейчасъ на данномъ примѣрѣ, потому что въ немъ особенно ярко проявились агитаціонная, возбуждающая роль террора, о которой слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ особо.

Нерѣдко приходится слышать утвержденія, правда, голословныя, будто террористическая борьба развиваетъ въ массахъ пассивность, будто яркіе, героическіе подвиги террористовъ пріучаютъ людей возлагать всѣ свои надежды на « Исполнительный Комитетъ », на « Боевую Организацію » и т. п. — которые, дескать, поразятъ врага и освободятъ народъ, — и эта привычка надѣяться на какую то внѣшнюю силу, убивая въ массахъ всякую самостоятельность и революціонную энергію, лишаютъ революцію ея жизненнаго нерва. Повторяемъ, такихъ фактовъ нѣтъ, и трудно рѣшить, что слѣдуетъ въ приведенныхъ утвержденіяхъ отнести на счетъ дедукцій кабинетныхъ, оторванныхъ отъ жизни умовъ, и что на долю тенденціозныхъ измышленій. Но за то есть факты иного рода, говорящіе совсѣмъ о другомъ. Это прежде всего исторія борьбы « Народной Воли ». Весь опытъ нашего революціоннаго прошлаго свидѣтельствуетъ о томъ, что террористическая борьба не убиваетъ энергіи, а, напротивъ, въ высшей степени поддерживаетъ духъ борцовъ, зажигаетъ героическимъ

примѣромъ энтузіазмъ во всѣхъ отзывчивыхъ сердцахъ и пробуждаетъ къ дѣятельности, въ мѣру ихъ силъ, даже мало активные и спокойные элементы общества. Въ лицѣ русскихъ либераловъ мы имѣемъ общественный элементъ, который можетъ служить достаточно чувствительнымъ мѣриломъ степени пробужденія общественной активности, потому что самъ онъ, этотъ элементъ, съ наибольшимъ трудомъ поддается революціонизированію. И что же? Всѣмъ извѣстно, что русскіе либералы обнаружили больше, чѣмъ когда либо, оппозиціоннаго духа и наклонности выступить, какъ активная общественная сила, именно въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., т. е. въ эпоху наиболѣе напряженной террористической борьбы, которая, согласно мнѣнію новѣйшихъ критиковъ терроризма, должна была бы въ наибольшей степени ослабить общественную активность. Терроръ приподнялъ политическую энергію даже русскихъ либераловъ, съ прекращеніемъ же террористической борьбы эта энергія весьма быстро испарилась. Но если таково было вліяніе террора на этотъ нереволюціонный слой русской оппозиціи, то еще болѣе сильное вліяніе онъ долженъ былъ оказывать на радикально настроенные слои русской интеллигенціи. Объ этомъ вліяніи исторія сохранила намъ краснорѣчивое свидѣтельство, принадлежащее перу Вѣры Засуличъ, — свидѣтельство которой тѣмъ-то и цѣнно въ нашихъ глазахъ, что ее врядъ-ли можно заподозрить въ излишнемъ пристрастіи къ террору.*) Правда, указываемая здѣсь статья написана давно, — когда В. Засуличъ еще не вступала въ «Лигу русской революціонной соціальдемократіи», не знакомила нѣмецкой публики (въ журналѣ „Neue Zeit“) съ дѣятельностью русскихъ террористовъ по извѣстнымъ статьямъ «Искры» и не составила себѣ мнѣнія о терроръ, которое находится въ полномъ противорѣчіи съ исторической дѣйствительностью. Но тогда впечатлѣнія ея были живѣе, и тѣмъ цѣннѣе, конечно, для насъ ея прежнія свидѣтельства. Къ тому же здѣсь рѣчь идетъ только о *констатированіи* фактовъ, а не о какихъ бы то ни было практическихъ выводахъ.

« Геройская борьба террористовъ, — говоритъ она про эпоху народовольчества — продолжала держать въ возбужденномъ настроеніи значительное число мирныхъ либеральныхъ обывателей, отозвалась на офицерствѣ и глубоко волновала студенчество. Я ни чуть не сомнѣваюсь, что за три года террора не разъ бывали моменты, въ которые петербургская интеллигенція — а она то и важна — была до такой степени взволнована, что будь передовая часть рабочаго класса заранѣе разбужена соціалистической пропагандой, привыкни пе-

*) См. ея статью «Революціонеры изъ буржуазной среды», въ журн. « Соціальдемократъ », № 1, стр. 77—78.

тербургскій рабочій къ мысли о силѣ и самостоятельномъ значеніи рабочаго класса, — однимъ словомъ, будь тогда въ Петербургѣ возможно возстаніе, которое выставило бы на своемъ знамени требованіе свободы и созваніе народныхъ представителей, петербургское общество отлично выполнило бы свою роль. Студенчество съ головой отдалось бы возстанію и разжигало бы его. Значительная часть офицерства усмиряла бы возстаніе такъ вяло и неохотно, что дала бы ему время разгорѣться. Либералы, съ своей стороны, подали бы сколько угодно адрессовъ и петицій — въ такое время это совершенно безопасно — и сдѣлали бы все возможное, чтобы воспользоваться возстаніемъ». Такимъ образомъ, «терроръ и все вызванное имъ настроеніе было сильной бурей», бѣда была только въ томъ, что буря эта разыгралась «въ закрытомъ пространствѣ», не имѣя достаточной поддержки въ массовомъ рабочемъ движеніи; поддержки, которая, — прибавимъ мы отъ себя, — теперь уже есть и растетъ съ каждымъ днемъ. А «безъ всякой серьезной связи съ рабочимъ классомъ, что могли сдѣлать взволнованные терроромъ мирные обыватели? что могла сдѣлать доведенная до бѣлаго каленія масса студенчества?»

Итакъ, и на либеральное общество, и на студенчество, и на революціонную интеллигенцію терроръ дѣйствовалъ возбуждающимъ и поднимающимъ образомъ. Другое историческое свидѣтельство, не менѣе цѣнное, знакомитъ насъ съ тѣмъ, какое вліяніе имѣлъ народовольческій терроръ за предѣлами Россіи и какъ отразилась борьба русскихъ террористовъ на общественномъ движеніи западныхъ странъ. Это свидѣтельство исходитъ отъ главы западно-европейскаго ортодоксальнаго марксизма, Карла Каутскаго, котораго даже самые ярые ортодоксы изъ ортодоксовъ, надѣемся, не заподозрятъ въ готовности покривить душой въ пользу терроризма.

«Уже однажды — говоритъ Каутскій въ статьѣ «Славяне и революція»*) — въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., геройская борьба русскихъ революціонеровъ повергла въ изумленіе всю Европу и оказала самое глубокое вліяніе на соціалистическое движеніе всѣхъ культурныхъ странъ. Наряду съ возстаніемъ и геройской смертью парижской коммуны, наряду со сказочнымъ ростомъ германской соціальдемократіи въ ея борьбѣ противъ «великаго» Бисмарка, ничто не повліяло такъ плодотворно на соціалистическое движеніе 70-хъ и 80-хъ гг., ничто не придало ему столько воодушевленія и самоотверженности, какъ отчаянная борьба, которую безстрашно и подчасъ съ величайшимъ успѣхомъ вела горсть русскихъ революціонеровъ противъ страшной силы самодержавія...»

*) См. переводъ ея въ «Искрѣ» № 18.

Такимъ образомъ и европейскій пролетаріатъ понималъ значеніе террористической борьбы русскихъ соціалистовъ, вдохновлялся ею и живо чувствовалъ ея связь со своимъ массовымъ движеніемъ. И только русскій революціонный пролетаріатъ, выслушивающій немало похвалъ и даже лести отъ представителей русской соціальдемократіи, какъ руководитель освободительной борьбы и естественный носитель истинно-революціоннаго духа, до сихъ поръ еще не можетъ, тѣмъ не менѣе, освободиться отъ оскорбительнаго предположенія, будто онъ составляетъ какое-то прискорбное исключеніе въ ряду борцовъ за свободу и не способенъ ни понять смысла террористической борьбы, ни воодушевиться смѣлымъ примѣромъ. Надъ его политическимъ смысломъ тяготѣетъ нелѣпое подозрѣніе, и отъ его имени заявляются опасенія, какъ-бы терроръ не заставилъ его потерять вѣру въ себя и въ свои силы и повѣрить только въ Боевую Организацію, которая будто-бы его освободитъ и сыграетъ за него его историческую роль! Не клевета-ли это на массы со стороны тѣхъ, кто выдаетъ себя за ея единственныхъ представителей?...

Если бы подобныя кабинетныя измышленія чаще и внимательнѣе провѣрялись на фактахъ жизни, несомнѣнно, много предразсудковъ и искусственныхъ построеній скоро бы исчезло безъ слѣда, ко благу и къ пользѣ революціоннаго дѣла. А текущая жизнь, подобно исторіи, даетъ достаточно данныхъ для такой провѣрки. Неужели, напр., убійство Боголѣпова Карповичемъ заставило студенчество прекратить массовую борьбу? Неправда, это послужило только сигналомъ къ новому, быстрому и сильному подъему борьбы. Неужели смерть Сипягина отъ руки Бѣлмашева была прививкой пассивности къ русскому обществу? И это неправда: этотъ фактъ всколыхнулъ его повсюду, во всѣхъ слояхъ, увеличивъ во много кратъ симпатіи къ революціи и ея престижъ. А какое возбуждающее и ободряющее впечатлѣніе произвело на еврейскихъ рабочихъ неудавшееся покушеніе Леккерта — это видно даже изъ листковъ заграничнаго комитета Бунда, зачисляющаго себя въ число принципіальныхъ противниковъ террора.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что такое же впечатлѣніе произведетъ и отвѣтъ Боевой Организаціи на златоустовскія правительственныя звѣрства. Исходя изъ потребностей массового движенія, онъ будетъ понятъ борющимся пролетаріатомъ и, отвѣчая сознанной имъ психологической необходимости дать отпоръ врагу, онъ подниметъ революціонную энергію рабочей массы. Пусть же этотъ отвѣтъ громко, на всю Россію прозвучитъ въ ушахъ насильниковъ и палачей, — и пусть борющійся рабочій съ полнымъ правомъ выше подниметъ голову при вѣсти о новомъ успѣхѣ революціи, о по-

вомъ доказательствѣ силы и энергіи растущей и крѣпнущей арміи революціоннаго соціализма!

Май 1903 г.

Еще о критикахъ террористической тактики.

Въ № 41 «Искры» помѣщена статья «Массовое движеніе и соціально-революціонная стратегія» представляющая собою попытку оцѣнить, «съ точки зрѣнія цѣлесообразности», тактику нашей партіи вообще и фактъ гибели виновника златоустовской бойни отъ пуль «Боевой Организаціи» въ частности. Мы остановимся на этой статьѣ, такъ какъ всегда готовы знакомить нашихъ читателей со всякимъ возраженіемъ по существу нашей программы и тактики — откуда бы такое возраженіе ни исходило.

«Безъ сомнѣнія — говоритъ «Искра» — у многихъ революціонно-настроенныхъ людей забилось сердце при извѣстіи о томъ, что у русской революціи однимъ врагомъ стало меньше. Смутное чувство невольно говорило о какомъ-то удовлетвореніи». Но «Искра» спѣшитъ освободиться отъ этого «учащеннаго сердцебіенія», подавить это чувство радостнаго волненія при вѣсти объ удачномъ актѣ «Боевой Организаціи», чтобы не поддаться пристрастію къ ней и обсудить вопросъ sine ira et studio. И хорошо дѣлаетъ, конечно, ибо, какъ она справедливо замѣчаетъ «партійный тактическій пріемъ подлежитъ нашему анализу, свободному отъ безотчетныхъ влеченій возмущеннаго сердца, анализу съ точки зрѣнія цѣлесообразности».

Славши на эту точку зрѣнія, «Искра», несмотря на смутное чувство невольнаго удовлетворенія, естественное у «революціонно-настроенныхъ людей», не находитъ послѣдняго акта «Боевой Организаціи» цѣлесообразнымъ. Для насъ заключеніе это не является неожиданнымъ. «Искра» не въ первый разъ оцѣниваетъ дѣятельность нашихъ товарищей на Уралѣ. И не дальше, какъ въ № 38 этой газеты, почти наканунѣ златоустовскихъ событій, была помѣщена корреспонденція съ Урала, которая находила совершенно неудовлетворительной дѣятельность «Уральскаго Союза Соціальдемократовъ и Соціалистовъ-Революціонеровъ» — конечно, благодаря участію въ немъ послѣднихъ. «Жизнь требуетъ здѣсь — говорилъ корреспондентъ — дѣйствительно революціонной организа-

ціи, которая, подъ ясно обозначеннымъ знаменемъ революціонной соціальдемократіи, объединитъ рабочій классъ на Уралѣ противъ всенароднаго врага и поведетъ его на борьбу и побѣду». Тѣмъ сильнѣе нерасположеніе корреспондента къ соціалистамъ-революціонерамъ, которыхъ онъ характеризуетъ «благоболтаніемъ о вооруженномъ сопротивленіи», объ «открытой борьбѣ кучки террористовъ», тогда какъ, по его мнѣнію, «адъ мостить этими благопожеланіями, а не русло революціоннаго движенія».

Что необходима «дѣйствительно революціонная организація», а не организація съ революціонной фразеологіей только; что «борьба» и «побѣда», хотя бы частичная, лучше «благоболтанія», — все это святыя истины. Не намъ, конечно, противъ нихъ спорить и не корреспонденту «Искры» ихъ отъ насъ защищать. И еслибы на Уралѣ соціалисты-революціонеры только «разговаривали» объ открытой борьбѣ террористовъ, то это служило бы не къ ихъ чести. Но вѣдь это, кажется, не совсѣмъ такъ. А кромѣ того, нельзя же мѣрить однимъ аршиномъ — соціалистовъ-революціонеровъ и другимъ соціальдемократовъ. «Ею же мѣрою мѣрите, той же и вамъ отмѣрено будетъ». А потому необходимо: во первыхъ—чтобы соціальдемократы внесли хоть немного болѣе конкретнаго содержанія въ слишкомъ общее и отвлеченное понятіе «борьбы» (а тѣмъ болѣе борьбы, дающей «побѣды»); а во вторыхъ —чтобы они поведеніемъ своимъ наглядно его иллюстрировали. По мнѣнію «Искры» въ Златоустѣ послѣ бойни требовался лишь «дѣйственный призывъ къ такимъ формамъ борьбы, при которыхъ и самая неудача лишь служитъ толчкомъ для подготовки массы къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ». Если эта формулировка чѣмъ-нибудь и грѣшитъ, то не излишней опредѣленностью. Что значитъ *дѣйственный* призывъ? Дѣйственное противополагается словесному; итакъ, «Искра» признаетъ недостаточнымъ отозваться на златоустовскую бойню только печатными листками, прокламаціей Организаціоннаго Комитета и т. п. Это хорошо, конечно, и мы готовы первые пожалѣть, что иного, «дѣйственнаго» призыва со стороны уральскихъ соціальдемократовъ, такъ презирающихъ «благоболтаніе объ открытой борьбѣ», не было. Но мы ихъ за это не винимъ: можетъ быть, у нихъ просто не хватило силъ. Силы — дѣло наживное, важно, чтобы было желаніе, чтобы самое намѣреніе, чтобы намѣченная «линія поведенія» была вполнѣ ясна и опредѣленна. Итакъ, пусть намъ по крайней мѣрѣ скажутъ, въ какой формѣ соціальдемократы должны были отвѣтить въ Златоустѣ и Уфѣ на подвиги Богдановича? какъ они должны были «дѣйственно» призвать къ «борьбѣ»?

Пока русскіе соціальдемократы стояли на почвѣ чисто «экономической» или «стачечной» тактики, мы могли съ

ними не соглашаться, но мы ихъ по крайней мѣрѣ понимали; форма борьбы, къ которой они словесно и дѣйственно призывали, была ясна. Въ стачкѣ рабочая масса играетъ, дѣйствительно, роль непосредственно борющейся стороны. Она можетъ выставлять извѣстное требованіе, подкрѣплять его угрозой опредѣленнаго дѣйствія (забастовка); въ случаѣ неудовлетворенія этого требованія можетъ приводить свою угрозу въ исполненіе, нанося своему врагу прямой ущербъ, — и, въ отдѣльныхъ случаяхъ, можетъ побѣждать. Во всякомъ случаѣ, она здѣсь не только страдательная сторона: она не только получаетъ удары, но и наноситъ. Повторяю, путь экономической борьбы ясенъ, потому что дана ей конкретная форма въ стачкѣ. Спрашивается: какую же именно конкретную форму отвѣта на златоустовскую бойню предлагаетъ «Искра» вмѣсто террористическаго акта, направленнаго на Богдановича?

Массовый протестъ путемъ мирной демонстраціи? Но словомъ «мирный» не слѣдуетъ злоупотреблять. Въ послѣднее время демонстраціи, правда, большею частью были «мирными»... со стороны ихъ участниковъ, но очень не мирными со стороны правительства. Демонстраціонное движеніе переживаетъ въ настоящее время глубокій кризисъ, и только слѣпой можетъ не видѣть причинъ этого кризиса. Когда-то «Искра» очень недурно сама опредѣлила эти причины, видя ихъ въ отсутствіи *отпора* на удары правительства. Но съ тѣхъ поръ, какъ «Искра» прекратила войну со сторонниками тактики «медленнаго шага и робкаго зигзага», съ тѣхъ поръ, какъ они всѣ или почти всѣ прекратили свое оффиціальное существованіе и признали «Искру» своимъ органомъ, послѣдняя стала охотно забывать «всѣ увлеченія прежнихъ дней». Теперь она стала скромнѣе, умѣреннѣе и готова довольствоваться малымъ. Возьмите типическое описаніе одной изъ «удачныхъ» соціальдемократическихъ демонстрацій, помѣщенное въ самой «Искрѣ». Мы говоримъ о демонстраціи въ Тифлисѣ. По словамъ корреспондента «Искры», передъ демонстраціей «велась энергичная пропаганда и господствовало среди рабочихъ небывалое воодушевленіе». Спрашивается: какъ же было использовано это «небывалое воодушевленіе»? Была-ли найдена достойная форма для его проявленія? Отвѣтомъ на это будетъ разсказъ «Искры» о демонстраціи. «Прежде всего перемѣнили планъ дѣйствій». Какъ это всегда водится, «полиція пронюхала», по какимъ улицамъ собираются идти демонстранты, и запяла эти улицы. Пришлось искать обходныхъ путей,—т. е. раздумывать, какъ *избѣжать* встрѣчи съ врагомъ, а не какъ демонстрировать *передъ нимъ* свою силу. Наконецъ, «былъ данъ сигналъ рабочимъ собраться передъ театромъ, *гдѣ полиція до послѣдняго городового отсутствовала*.

ла». Когда, такимъ образомъ, какимъ-то чудомъ посчастливилось найти такой благословенный уголокъ, судьбы демонстраціи были спасены. Выкинули красный флагъ, кричали ура! долой самодержавіе! А вслѣдъ за этимъ начали расходиться — какъ разъ къ тому времени, когда появилась полиція. Послѣдняя всю свою злобу выместила на двухъ-трехъ десяткахъ *отставшихъ позади* рабочихъ. Мы и здѣсь остаемся еретиками: на нашъ взглядъ, врядъ-ли правильно считать, что позади были тѣ рабочіе, которые оказались ближе къ налетѣвшей полиціи, а впереди тѣ, которые заблаговременно ретировались, — здѣсь едва-ли не умѣстнѣе было бы переставить термины въ обратномъ порядкѣ. «Началось жестокое побоище, дворники работали дубинами. Ужасная картина». И послѣ этого корреспондентъ заканчиваетъ свое сообщеніе словами, которыя можно было бы принять за горькую иронію, если бы не была такъ несомнѣнна наивная искренность автора: «Итакъ тифлисская демонстрація удалась. Арестовано много рабочихъ. Обыски и аресты продолжаются».

Спрашивается: гдѣ здѣсь элементъ активности, гдѣ элементъ борьбы? Мы видимъ, что въ подобной демонстраціи или, лучше сказать, такъ называемой демонстраціи, вся изобрѣтательность направлена на искуство маневрировать, уклоняясь отъ встрѣчи съ полиціей, — на какую-то своеобразную игру въ прятки съ нею! И въ результатѣ—всетаки «ужасная картина» избіенія беззащитныхъ людей. Если это называется «удачей», то что же будетъ «неудачей»? Но пусть даже «Искра» сдѣлаетъ въ этомъ пунктѣ уступку и согласится признать данную демонстрацію неудачной. Можно-ли отнести къ ней слова «Искры» о «формахъ борьбы, при которыхъ и самая неудача лишь служитъ толчкомъ для подготовки массы къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ»? Мы думаемъ, что если эта тактика и является толчкомъ, то не впередъ, а назадъ. Если бы въ демонстрацію былъ, дѣйствительно, внесенъ элементъ борьбы, если бы рабочіе прямо и смѣло глядѣли въ глаза врагу, напирали на него, давали отпоръ его натиску—словомъ, давали ему почувствовать свою силу и сами ее чувствовали, —о, тогда, конечно, даже неудача только подстрекала бы къ болѣе энергичному продолженію борьбы. Рабочіе чувствовали бы, что они—борцы, что они наносили врагу удары, но только еще недостаточно сильные,—и жаждали-бы новой встрѣчи съ врагомъ, чтобы опять помѣряться силами. А для этого есть только два способа: или организація вооруженнаго отпора полиціи во время самой демонстраціи, или карающая рука терроризма послѣ полицейской расправы. Оба эти способа не исключаютъ другъ друга, и можно пользоваться тѣмъ или другимъ, или обоими разомъ—смотря по условіямъ времени и мѣста, по наличнымъ силамъ и внѣшнимъ обстоятельствамъ.

Мы, соціалисты-революціонеры, до сихъ поръ могли отвѣчать на правительственныя звѣрства только вторымъ способомъ. Это очень жаль, но что же дѣлать. Кто имѣетъ право упрекать насъ за это? Другой формы отпора пока еще не могли примѣнить и организаціи, выступающія теперь подъ знаменемъ «Искры»—а они претендуютъ на болѣе широкія связи съ рабочею массою. Но вѣдь кому больше дано (если только имъ, дѣйствительно, численно больше дано), съ того больше и спросится.

«Искра» видитъ въ террористическомъ актѣ, направленномъ противъ Богдановича, «попытку передвинуть вниманіе находящейся въ броженіи массы отъ новыхъ, поставленныхъ самой жизнью, задачъ къ устарѣлой методѣ отмщенія отдѣльнымъ лицамъ». Здѣсь характерна опять та же неопредѣленность. Что надо здѣсь разумѣть подъ «новыми, поставленными самой жизнью, задачами»? И какая новая метода предлагается «Искрой» въ замѣну устарѣлой? Если это—метода, обрисованная во весь ея ростъ тифлисскимъ корреспондентомъ «Искры», то относительной ея новизны отрицать мы не станемъ; въ прошедшей исторіи русскаго революціоннаго движенія, дѣйствительно, къ такимъ методомъ тяготѣнія не замѣчалось. И отъ такой методы мы, дѣйствительно, хотѣли бы отвлечь симпатіи и вниманіе русскихъ революціонеровъ и всей «находящейся въ броженіи массы». Новизна методы еще не свидѣтельство ея пригодности, и наоборотъ—старая метода еще не значитъ устарѣвшая, тѣмъ болѣе, что ея значеніе, какъ пора бы знать всѣмъ, «даже не учившимся въ семинаріи», вовсе не въ «отмщеніи отдѣльнымъ лицамъ». Удары направленные не на *личностей*, а на отвѣтственныхъ *представителей* цѣлой системы, наиболѣе полно выражающихъ всю ея отвратительную гнусность. «Искра» рисуетъ такую картину: «рабочая масса проснулась и ищетъ, а въ отвѣтъ на свои запросы она слышитъ — выстрѣлъ, раздавшійся въ Уфѣ, по постановленію Боевой организаціи...» Во первыхъ, ужъ будто бы она отъ насъ, соціалистовъ-революціонеровъ, кромѣ выстрѣла *ничего* не слышитъ? Наша пропагандистская и агитаціонная литература, наши органы, брошюры и прокламаціи говорятъ о всевозможныхъ средствахъ борьбы—въ томъ числѣ и о «выстрѣлахъ по постановленію Боевой Организаціи»; этотъ данный выстрѣлъ былъ только фактической иллюстраціей одного изъ пунктовъ нашей тактики. Въ вторыхъ, мы смѣемъ думать, что и самый выстрѣлъ достаточно краснорѣчиво говоритъ всѣмъ и каждому изъ «волнующейся массы». Онъ говоритъ ей: вотъ двѣ воюющія стороны. Одна—правительство, въ лицѣ своихъ безотвѣтственныхъ передъ народомъ представителей, разстрѣливающее беззащитную толпу мирныхъ стачечниковъ; другая — революціонеры, привлекаю-

щіе этихъ насильниковъ къ внѣзаконной отвѣтственности за ихъ злодѣянія. Выбирай, кому отдаешь ты свои симпатіи, кто стоитъ за правду, въ чей станъ тебѣ идти. Хочешь-ли ты покориться правящимъ насильникамъ, или откликнуться на «дѣйственный призывъ» къ активной борьбѣ съ ними, борьбѣ на жизнь и смерть, борьбѣ, не отступающей ни передъ какими рѣшительными средствами? Мы зовемъ тебя на борьбу, зовемъ словомъ и дѣломъ, проповѣдью и примѣромъ, перомъ и револьверомъ. Vivos voco! (живыхъ я зову!) И на этотъ призывъ, мы вѣримъ, откликнется все живое, смѣлое, рѣшительное,—каждый на своемъ мѣстѣ, каждый по своему, но дружно и единодушно!

«Рабочая масса — продолжаетъ „Искра“ — слышитъ выстрѣлъ, слышитъ, что сама она не доросла еще до коллективнаго отпора, что толковать ей объ этомъ значитъ — по нынѣшнимъ временамъ — „замѣнять“ „революціонное дѣло“ „революціонной фразой». Это также не совсѣмъ вѣрно. Конечно кое-гдѣ, вѣроятно, намъ придется констатировать передъ рабочей массой, что она, къ сожалѣнію, еще не доросла до коллективнаго отпора. Увы — это во многихъ мѣстахъ еще такъ, и мы не побоимся никогда говорить въ глаза рабочимъ горькую правду,—потому что намъ интересно мнѣніе тѣхъ рабочихъ, которые ищутъ именно правды, а не чего-либо иного. Кому же «возвышающій его обманъ» дороже «тьмы низкихъ истинъ»—пусть того усыпляетъ опіумомъ демагогической лести кто-нибудь другой. Мы чувствуемъ себя друзьями, товарищами по дѣлу борющейся рабочей массы—а съ товарищами говорятъ честно, правдиво и искренно, товарищи прямо и свободно указываютъ другъ другу на тѣ или другіе недостатки. Намъ вспоминаются при этомъ крылатыя слова Карла Маркса: «Надо, чтобы народъ испугался самого себя и благодаря этому проникся мужествомъ». Гдѣ рабочему народу еще не достаетъ этого мужества — пусть громче раздается тамъ негодующій голосъ передовыхъ борцовъ, пусть примѣръ мужества сильнѣе зажигаетъ сердца! Пусть народъ ***испугается самъ себя***, пусть слабые духомъ устыдятся своего бездѣйствія, въ то время, когда другіе радостно идутъ на смерть за общее дѣло!

И потомъ уже совершенная неправда, будто, на нашъ взглядъ, толковать о коллективномъ отпорѣ значитъ замѣнять революціонное дѣло революціонной фразой. Не всегда. Когда коллективный отпоръ возможенъ и имѣется намѣреніе его устроить, тогда толковать значитъ дѣйствовать. Но когда говорящій самъ прекрасно знаетъ, что фактическій отпоръ откладывается въ неопредѣленное будущее — тогда разговоры объ отпорѣ дѣйствительно могутъ выродиться въ революціонную фразу. И впасть въ это фразерство не трудно

Стоитъ лишь забыть о томъ, что, дѣйствительно, отпора въ данный моментъ организовать еще нельзя, и нападать на организующихъ террористическій отпоръ за то, что они предпочитаютъ дѣйствовать не коллективно, а индивидуально. Тогда, по справедливому, хотя и суровому выраженію «Искры», это ужъ будетъ «благоболтанье». Принципіально мы высказывались и высказываемся вполнѣ опредѣленно *за* коллективный отпоръ на демонстраціяхъ; но пока первыя попытки наши перевести эту идею въ жизнь (напр., передъ разстроившейся не по нашей винѣ демонстраціей въ Кіевѣ) не осуществились,—до тѣхъ поръ всякій разговоръ хотя-бы о частичной *замѣнѣ* террористическихъ дѣйствій этой формой отпора является по меньшей мѣрѣ безплодной тратой времени. Да и позже—еще вопросъ: будетъ-ли нужна *замѣна* или *совмѣщеніе*!

* * *

Когда заходитъ разговоръ о террорѣ, то соціальдемократы направленія «Искры» охотно и весьма рѣшительно противопоставляютъ ему организацію такого сопротивленія, при которомъ «полицейскіе кулаки и казацкія нагайки *перестанутъ* безнаказанно гулять по головамъ и спинамъ» демонстрантовъ*). Но когда ставится ребромъ вопросъ о вооруженныхъ демонстраціяхъ, вся эта рѣшительность куда-то пропадаетъ. Выходитъ такъ, какъ будто вооруженныя демонстраціи являются не столько предполагаемымъ оружіемъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, сколько реальнымъ оружіемъ въ спорѣ противъ террористическихъ пріемовъ борьбы. А это нѣсколько мало.

Еще въ № 14 «Искра» въ первый разъ заговорила о необходимости «организаціи такого сопротивленія предержащимъ властямъ, которое, не будучи — пока еще преждевременнымъ — открытымъ возстаніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечило бы участникамъ демонстрацій возможность давать *хорошую сдачу* полицейско-казацкой ордѣ». Казалось совершенно яснымъ, что рѣчь идетъ о вооруженныхъ демонстраціяхъ — ибо съ тросточками, попавшимся подъ руку камнемъ, даже кистенемъ врядъ-ли можно дать «хорошую сдачу» вооруженнымъ полицейскимъ и казакамъ. И дѣйствительно, «Искра» говорила о «созданіи подвижныхъ *боевыхъ* дружинъ», члены которыхъ «во время боя» всегда «должны во что бы то ни стало держаться вмѣстѣ», о протягиваніи черезъ улицы проволоки, чтобы «остановить движеніе конницы и артиллеріи», о способахъ «разобщать солдатъ другъ отъ друга и отъ офицеровъ» и т. д., и т. д.

Но когда одинъ изъ читателей «Искры» потребовалъ отъ

*) «Искра», № 14 «О демонстраціяхъ».

нея еще разъ прямого и рѣшительнаго отвѣта — стоитъ-ли она за *вооруженное* сопротивленіе при демонстраціяхъ—эта газета поспѣшила, послѣ цѣлаго ряда образцово-уклончивыхъ разсужденій, взять назадъ почти все, что раньше сказала. «Подготовить отпоръ»—разъясняла она—«это значитъ: организовать извѣстную часть демонстрантовъ такъ, чтобы она могла во время столкновенія съ полиціей вліять на всю толпу, удерживая ее какъ отъ безпорядочнаго бѣгства, такъ и отъ отчаянныхъ вспышекъ, могущихъ сдѣлать неизбѣжнымъ кровопролитіе, и тѣмъ самымъ удесятеряя значеніе кистеней, палокъ и т. под., какъ оборонительнаго оружія».... «Нежелательный результатъ, (паника) можетъ быть достигнутъ точно также неорганизованностью отпора со стороны демонстрантовъ, какъ и *несвоевременнымъ* употребленіемъ съ ихъ стороны такого сильнаго средства самозащиты, какимъ является вооруженное сопротивленіе». Затѣмъ слѣдовали разъясненія, что всѣ совѣты «Искры» объ организаціи отпора имѣютъ въ виду наличность не *сотенъ* демонстрантовъ, а «массы»; что нельзя «ставить на карту будущность демонстраціоннаго движенія»; что отпоръ не означаетъ «провоцированія солдата на стрѣльбу» и т. дал. И наконецъ, за всей этой пуганицей «съ одной стороны» и «съ другой стороны» мы встрѣчаемъ одно опредѣленное слово о «вооруженномъ сопротивленіи» *„Къ послѣднему мы могли бы призывать только въ томъ случаѣ, если бы были увѣрены, что находимся непосредственно „наканунѣ революціи“, что организованное сраженіе народа съ войсками должно превратиться въ народное возстаніе“**). Но, спрашивается: къ чему же тогда всѣ предъидущіе разговоры о поведеніи «во время *боя*», о «подвижныхъ боевыхъ дружинахъ» и т. п.? Все это раньше относилось къ «организаціи такого сопротивленія», которое, *„не будучи пока еще преждевременнымъ открытымъ возстаніемъ“* однако обезпечивало бы «хорошую сдачу» насильникамъ. Отъ этой «сдачи» ожидались весьма важныя послѣдствія: «полицейскіе кулаки и казацкія нагайки *перестанутъ безнаказанно гулять*» по демонстрантамъ. Что-же это за противорѣчія? И допустимы-ли такіе посулы, если на дѣлѣ *„такія сильныя средства самозащиты*, какимъ является *вооруженное сопротивленіе“* отодвигаются до послѣдняго, окончательнаго штурма крѣпости самодержавія, пока же допускаются не «сильныя», а «слабыя» средства самозащиты. Забывается, что «слабыя» средства, правда, достаточно «слабы» для того, чтобы не достигать цѣли самозащиты, но достаточно «сильны», чтобы вызвать залпы въ толпу. Такіе залпы давались и послѣ пары камней, попавшихъ въ кого-нибудь изъ начальниковъ, и просто послѣ того, какъ толпа замедлила расхо-

*) «Искра», № 16, «Изъ партіи».

диться. «Вызывать бойню, которой можно избѣжать, намъ во всякомъ случаѣ не приходится» — говоритъ «Искра». Совершенно вѣрно. Но тамъ и до тѣхъ поръ, пока «коллективный отпоръ» неминуемо повлечетъ такую «бойню», которой лучше «избѣжать»—тамъ болѣе цѣлесообразнымъ, и даже единственно возможнымъ, является отпоръ террористическими средствами послѣ или вообще *вмѣсто* демонстраціи. Но, какъ сказано выше, разъ заходитъ рѣчь о террорѣ. «Искра» моментально забываетъ обо всемъ, что раньше было сказано ею *противъ* вооруженнаго сопротивленія. Когда Леккертъ отвѣтилъ на *съѣденіе арестованныхъ* демонстрантовъ, то «Искра» нашла этотъ способъ отвѣта на борьбу правительства противъ демонстрацій неудовлетворительнымъ, и противопоставила ему *вооруженное сопротивленіе при арестахъ*. Надо полагать, что она подразумѣвала опять таки аресты на той будущей демонстраціи, которая превратится въ окончательное возстаніе или революцію.

Да, не легко разобраться во всемъ этомъ сложномъ и тонкомъ кружевѣ, во всѣхъ узорахъ этой аргументаціи, послѣ которой невольно вспоминаются слова поэта:

«Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя—
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ *прямые*».

Но здѣсь есть все, кромѣ прямыхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ,—здѣсь систематическое и, надо признаться, довольно искусное уклоненіе отъ нихъ. Поистинѣ, «нехитрому уму не выдумать и ввѣкъ». Неудивительно, если батумскіе рабочіе своимъ «нехитрымъ», но здоровымъ практическимъ разсудкомъ такъ и не поняли изъ «Искры», какъ же обстоитъ дѣло съ вооруженнымъ сопротивленіемъ. Не могли, видимо, помочь имъ и мѣстные соціальдемократы. По крайней мѣрѣ, имъ пришлось прибѣгнуть къ поистинѣ героической мѣрѣ: запросить объ этомъ изъ Батума *петербургскую* соціальдемокр. организацію (вѣдь столица—не то, что провинція: тамъ разберутъ!). И дѣйствительно. Въ № 23 «Искры» напечатанъ безъ комментаріевъ этотъ окончательный отвѣтъ СПБ. Комитета. «*Не рекомендуя* и *не осуждая* вооруженнаго сопротивленія на уличныхъ демонстраціяхъ, СПБ. Ком. полагаетъ, что нападеніе вооруженной полиціи на демонстрантовъ можетъ быть *не только* сдерживаемо, *но и* парализуемо *не только* вооруженіемъ демонстрантовъ, *но также* ихъ организованностью».

«Не только, но и», «не только, но также», «можетъ быть», «не рекомендуя и не осуждая» — вотъ классическая форма *прямого* отвѣта на *проклятые* вопросы. Послѣ этого можно свободно говорить о «дѣйствительно революціонной организаціи, ведущей къ борьбѣ и побѣдѣ», въ противоположность

намъ, только «благоболтающимъ объ открытой борьбѣ кучки террористовъ». Не знаемъ, какъ показался Батумскимъ рабочимъ этотъ совѣтъ. Впрочемъ, въ утѣшеніе имъ СПБ. Ком. указалъ также, что «категорическій общій отвѣтъ» на поставленный ими вопросъ можетъ быть данъ на «второмъ общемъ съѣздѣ партіи» Такимъ образомъ открылась возможность для батумскихъ рабочихъ продолжать дальше свое хожденіе отъ «Понтія къ Пилату» пока, наконецъ, «новѣйшая метода» тифлисской «удачной» демонстраціи не разрѣшитъ дѣла.

Бѣда лишь томъ, что жизнь не всегда ждетъ «второго съѣзда». Батумскіе рабочіе не изъ отвлеченнаго любопытства запрашивали о вооруженномъ сопротивленіи. Именно у нихъ самозащита слабыми средствами (палки и камни) привела къ залпамъ въ толпу, свалившимъ больше десятка убитыхъ и больше полсотни раненыхъ. Для нихъ это неотложный вопросъ, насущная задача, безъ рѣшенія которой нельзя «разсчитывать на успѣшный ходъ революціонной борьбы». Но по этому то поводу мнѣнія и не всегда сходны. По мнѣнію другихъ, такіе вопросы свободно могутъ ждать . . . если не до второго пришествія, то по крайней мѣрѣ до второго съѣзда. Ну, а теперь? Отвѣтъ въ той же Искрѣ найти не трудно. „Въ настоящее время для русскихъ революціонеровъ насущной задачей является — регулярное распространеніе (и безусловно въ достаточномъ количествѣ) какъ газеты „Искра", такъ и журнала „Заря". Только при этомъ условіи мы можемъ разсчитывать на успѣшный ходъ нашей революціонной борьбы". („Искра" № 25, стр. 6) Такъ (въ отдѣлѣ „изъ партіи") „намъ пишутъ изъ Петербурга", гдѣ вооруженнаго сопротивленія „не рекомендуютъ, но и не осуждаютъ".

* * *

„Если — говоритъ „Искра" — при вѣсти о гибели Богдановича сгущенная атмосфера хоть сколько нибудь разрядилась, то разрядилась она въ ***успокоительное*** чувство удовлетвореной мести". Слово „успокоительное" подчеркивается „Искрой", — отъ этого слова такъ нетрудно ей перейти къ общей характеристикѣ ею террора, какъ способа развивать ***пассивность*** въ рабочей средѣ. Разное, однако, бываетъ „безпокойство" и разное „успокоеніе". Безпокоиться заставляетъ и всякая неудача; нѣчто успокоительное есть въ каждомъ успѣхѣ, въ каждой избѣгнутой опасности. Но развѣ поэтому всякій частичный успѣхъ долженъ вызывать пассивность? Или „Искра" думаетъ, что въ глазахъ златоустовскихъ рабочихъ смерть Богдановича — такой полный, такой безпредѣльный успѣхъ, что послѣ него всѣмъ останется только почить на лаврахъ? Кажется, успокоиться — въ смыслѣ бездѣйствія — имъ никто

не предлагалъ и не предлагаетъ. Или противники террора полагаютъ, будто рабочіе, — что имъ по этому поводу ни говори, — все равно успокоятся и ,,сложатъ на пустой груди безполезныя руки"? Плохо же, въ такомъ случаѣ, думаютъ они о рабочихъ. Бываютъ, конечно, люди, которымъ нуженъ лишь поводъ, чтобы устраниться отъ борьбы, возложивъ всѣ надежды на другихъ; можетъ быть, борьба террористовъ для нихъ и будетъ этимъ желаннымъ поводомъ. Но вѣдь это люди, для революціи все равно безнадежные. Зачислять въ ихъ ряды русскую рабочую массу было бы жестокой несправедливостью. Если она часто и пассивна, то потому, что еще не привыкла бороться, не разбужена къ борьбѣ; часто потому, что ея руководители плохо развиваютъ въ ней активность. Такъ, напримѣръ, та тактика, которая заставляетъ эту массу все время быть страдательной стороной, получать удары, а не отвѣчать на нихъ — эта тактика, дѣйствительно, плохой воспитатель революціонной энергіи. Здѣсь можетъ заглушаться даже та энергія, которая стихійно возникаетъ у самого рабочаго. Но примѣръ высшей активности можетъ заражать всякаго,кто способенъ къ борьбѣ и сопротивленію, активностью же, а не пассивностью. Что же касается чувства ,,мести", этого слѣпого, зоологическаго инстинкта, то революціонная партія вообще стремится подавить его мелкія, низшія формы, стараясь превратить его въ высшую форму—святой ненависти ко всему данному строю, и отпоръ насильникамъ подчиняя высшимъ соображеніямъ тактическаго разсчета; она пріучаетъ рабочихъ въ личностяхъ насильниковъ видѣть лишь проявленіе системы, и имѣть съ ними дѣло лишь постольку, поскольку въ борьбѣ они воплощаютъ систему. Партійный террористическій актъ есть просто обдуманный ударъ, направленный въ одинъ изъ узловыхъ пунктовъ системы, съ цѣлью разстроить, ослабить, отразить ея физическое или психологическое давленіе на борющуюся рабочую армію; въ качествѣ такового, актъ этотъ совершенно очищается отъ всякаго личнаго элемента. Мы видѣли, что этотъ ***безличный*** характеръ направленаго противъ Богдановича удара былъ понятъ даже нашей пресмыкающейся прессой. Не понимать его можетъ только тотъ, кто ***не хочетъ*** понимать.

Впрочемъ, критики террора видимо сами все больше и больше чувствуютъ слабость своихъ аргументовъ противъ террора, какъ пріема борьбы. И вотъ почему они въ послѣднее время особенно усиленно критику террора замѣняютъ критикой террористовъ. Они то именно и впадаютъ въ ту ошибку, которую приписываютъ террористамъ. Вмѣсто того, чтобы нападать на терроръ, какъ на тактику, какъ на систему, они нападаютъ на его проводниковъ въ жизнь, доказывая, что они очень плохіе проводники. Это — говоритъ «Искра» — не болѣе,

какъ «безпринципная, политически нервная группа интеллигентовъ» съ «полнымъ отсутствіемъ революціонной иниціативы». Но чѣмъ больше повѣрятъ «Искрѣ», что соціалисты-революціонеры ничтожная, неспособная кучка, тѣмъ болѣе всякій нашъ успѣхъ будетъ свидѣтельствовать въ глазахъ самихъ увѣровавшихъ о цѣлесообразности нашихъ методовъ борьбы. Всякій невольно подумаетъ: а если тѣ же методы борьбы будетъ пускать въ ходъ не кучка и не группа, а сильная партія, у которой не будетъ отсутствія революціонной иниціативы? Очевидно, значеніе этихъ методовъ борьбы удесятерится! И, какъ искренній человѣкъ, онъ самъ пойдетъ и другихъ позоветъ къ намъ, чтобы изъ группы выросла *армія*.

Искра отрицаетъ наше право пристегивать свое имя къ пролетарскому движенію, на томъ основаніи, что Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ до сихъ поръ не заявила себя буквально ни однимъ коллективнымъ дѣйствіемъ. Это, положимъ, не совсѣмъ вѣрно. Лѣтописи демонстраціоннаго движенія и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и въ Саратовѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ знаютъ кое что объ участіи соціалистовъ-революціонеровъ въ организаціи коллективныхъ дѣйствій. Надъ этимъ приходилось имъ работать иногда вмѣстѣ съ соц.-дем. комитетами, иногда отдѣльно отъ нихъ, иногда и вопреки имъ, — кое что объ этомъ интересующіеся могутъ найти на страницахъ самой Искры. Но мы ни мало не хотимъ этимъ сказать, что успѣли сдѣлать много. Напротивъ, мы сдѣлали и въ абсолютномъ смыслѣ еще очень немного, а сравнительно съ тѣмъ, что сдѣлать намъ предстоитъ, такъ даже крайне мало. Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ, какъ объединенное цѣлое, существуетъ немногимъ болѣе года...

Искра пренебрежительно говоритъ по поводу гибели Богдановича: Среди мутныхъ водъ самодержавно-бюрократическаго моря въ террористическія сѣти, наконецъ, заплыла второстепенная рыбешка... Стиль не дуренъ. Но неужели Богдановичъ, по мановенію руки котораго валятся на землю сотни рабочихъ раненными и убитыми, можетъ считаться такой нестоющей вниманія просвѣщеннаго человѣка рыбешкой? По крайней мѣрѣ златоустовскіе, а вмѣстѣ съ ними и всѣ другіе ихъ собратья-рабочіе объ этомъ, вѣроятно, другого мнѣнія. Для нашихъ товарищей, надо сказать, это ихъ мнѣніе имѣетъ немножко болѣе цѣны и вѣса, чѣмъ мнѣніе редакціи Искры. Но, опять таки, будь даже Искра права въ своихъ удвержденіяхъ — что изъ нихъ слѣдовало бы? Развѣ Боевая Организація когда нибудь заявляла, будто она можетъ въ любой моментъ сдѣлать все, чего ей только ни захочется?

«Искрѣ» все хочется доказать, что мы слабы, что мы—ни-

чтожная группа, что насъ мало. Да, насъ еще мало—особенно сравнительно съ тѣмъ, сколько насъ будетъ черезъ 2-3 года; но насъ уже чрезвычайно много — сравнительно съ тѣмъ, сколько было насъ 2-3 года назадъ. Мы начинали съ небольшихъ кружковъ, сильныхъ не числомъ, а убѣжденіемъ въ своей правотѣ, въ цѣлесообразности своей тактики. Намъ приходилось плыть противъ теченія, пробивать себѣ путь сквозь тьму предубѣжденій, въ эпоху полнаго господства другихъ взглядовъ, подъ градомъ самыхъ ожесточенныхъ нападокъ. Объединившись, мы должны были сразу поставить себѣ чрезвычайно широкія задачи, вытекающія изъ синтетическаго характера самой нашей программы; и въ то же время, примѣняя острые методы борьбы, мы вызвали противъ себя самый жестокій напоръ правительства. Но подъ его ударами мы не сломились, а продолжали расти и крѣпнуть, и теперь этотъ первоначальный и самый трудный періодъ «собиранія силъ» остался уже позади насъ, за нашими плечами.

При возросшихъ силахъ тѣмъ легче будетъ осуществить и съ тѣмъ большимъ успѣхомъ будетъ осуществленъ революціонный синтезъ работы и въ городахъ, и въ деревняхъ, и въ интеллигенціи, и въ массахъ, и въ обществѣ, и въ войскѣ; синтезъ борьбы и открыто-массовой, и конспиративно-партизанской, борьбы и путемъ стачекъ, и путемъ демонстрацій, и путемъ террора. Мы глубоко убѣждены, что только такая широкая и смѣлая программа дѣйствій жизненна,— и эта жизненность нашей программы даетъ намъ возможность смѣло и увѣренно глядѣть въ лицо будущему.

Іюнь, 1903 г.

По поводу годовщины выстрѣла и казни Г. Лекерта.

—

Жизнь и смерть, радость побѣды и горечь пораженія, — тѣсно переплетаются въ исторіи русской революціи. Но никогда, можетъ быть, свѣтлыя и мрачныя страницы нашей революціонной лѣтописи не переплетались такъ часто, какъ въ послѣдніе годы. Самая лихорадочность смѣны событій и впечатлѣній свидѣтельствуетъ, конечно, о крайнемъ ускореніи темпа революціонной жизни — явленіи, всегда бывавшемъ предтечею грозныхъ событій...

Въ самый моментъ этой смѣны событій впечатлѣнія съ такой силой переживаются, что обычно лишь впослѣдствіи они логически объединяются, осмысливаются, систематизируются... И вотъ почему въ самомъ разгарѣ событій трудно ожидать отъ ихъ участниковъ вѣрности разъ принятой тактикѣ, постоянства, когда самыя событія отличаются крайней измѣнчивостью и непостоянствомъ. Тѣмъ болѣе трудно, что людямъ приходится считаться не только съ событіями, но и со своими прежними идейными и тактическими традиціями, обладающими достаточной силой инерціи. Изъ столкновенія традицій съ жизнью получаются трудно разрѣшимыя коллизіи, и радикальному рѣшенію часто предшествуютъ колебанія и компромиссы, отмѣченные печатью непослѣдовательности и внутренней противорѣчивости.

Событія, въ которыя острымъ клиномъ врѣзался подвигъ Гирша Лекерта, служатъ лучшей иллюстраціей сказаннаго. Лекертъ былъ, съ одной стороны, партизанъ, террористъ-одиночка; но именно только съ одной стороны... Въ его актѣ было нѣчто, ставившее его поступокъ въ тѣснѣйшую связь съ организованной борьбой еврейскаго пролетаріата И это «нѣчто» — было отношеніе революціонныхъ организацій Западнаго Края къ вопросу объ отвѣтѣ на звѣрства Фонъ-Валя, — отношеніе, которое достаточно характеризуютъ прокламаціи того времени.

4 мѣстныхъ Виленскихъ комитета — Рос. С.-Д. Р. П., Литовской Соц. П., Соц. Дем. Польши и Литвы и Всеобщ. Евр. Рабоч. Союза (Бунда) — обращались къ рабочимъ съ воззваніемъ, въ которомъ говорилось о расправѣ розгами съ демонстрантами:

«Это варварство еще болѣе усилило ненависть и презрѣніе къ царскому правительству, ***возбуждая жажду святой мести*** ... Мы боремся ***мирными*** средствами, въ наши задачи не входитъ пролитіе человѣческой крови. Но... терпѣніе имѣетъ свои границы. Не наша вина, если народная месть, ненависть и возмущеніе выльются въ форму насилія. Фонъ-Валь самъ указалъ къ этому путь. Вся отвѣтственность падетъ на царскихъ слугъ—фонъ-Валя и его помощниковъ, принявшихъ участіе въ экзекуціи ...

«Всѣ вы одинаково виновны и всѣ вы заслужили вѣчное презрѣніе. ***Каждаго изъ васъ постигнетъ месть*** и ваши имена будутъ прокляты во вѣки вѣковъ!» *)

Еще рѣзче и яснѣе говорила прокламація Центральнаго Комитета Бунда.

«Всегда и вездѣ, въ самыя трудныя минуты нашей жизни, мы, революціонеры, берегли и отстаивали нашу личность,

*)«Послѣднія извѣстія». Заг. Ком. Бунда, № 70. Курс. нашъ.

наше человѣческое достоинство. На оскорбленія мы отвѣчали оскорбленіями, на насиліе — насиліемъ!

Мы не можемъ думать и говорить спокойно о томъ, что произошло въ Вильнѣ. Изъ тысячъ честныхъ сердецъ несется одинъ общій крикъ: месть!

«Еврейскіе рабочіе! Какъ вы отвѣтите на позорное оскорбленіе?...

«Докажите, что вы готовы защищать свое человѣческое достоинство, что на насиліе царскихъ слугъ вы готовы отвѣтить насиліемъ.

«.... Мы увѣрены, что изъ среды еврейскаго пролетаріата возстанетъ мститель, который отомститъ за надругательство надъ своими братьями, и если будетъ пролита человѣческая кровь, то вся отвѣтственность за это падетъ на царя и его дикихъ слугъ».*)

И, въ полномъ согласіи съ этими воззваніями, Минскій Комитетъ Бунда восклицалъ:

«Пусть ни одна дикая мѣра царскихъ сатраповъ не останется безотвѣтной!»

Это были страстные, революціонные призывы, будившіе революціонную совѣсть еврейскихъ рабочихъ.... Гиршъ Лекергъ только одинъ изъ первыхъ откликнулся на эти призывы, выполнилъ то, что считали не только неизбѣжнымъ, неотвратимымъ, но и нужнымъ, необходимымъ въ интересахъ движенія авторитетныя революціонныя организаціи.

И послѣднія, естественно, привѣтствовали выстрѣлъ Лекерта, какъ отвѣтъ на высказанныя ими надежды...

Центральный Комитетъ Бунда писалъ:

«Выраженная нами въ нашемъ воззваніи увѣренность, что еврейскіе рабочіе дадутъ надлежащій отвѣтъ своему оскорбителю, насъ не обманула.

«*Еврейскій пролетаріатъ выдвинулъ* изъ своей среды мстителя за свою поруганную честь. Этимъ онъ *доказалъ*, какъ высоко развито у *него* чувство человѣческаго достоинства...

«Честь и слава мстителю, принесшему себя въ жертву за своихъ братьевъ!»**)

И еще радостнѣе, еще восторженнѣе былъ отзывъ Виленскаго Комитета:

«Свершилось! Среди всеобщаго ликованія виленскаго населенія былъ нанесенъ ударъ одному изъ гнуснѣйшихъ царскихъ опричниковъ...

«Это гнусное и жестокое злодѣяніе не могло остаться неотмщеннымъ! И вотъ нашелся грозный мститель!

«Мы горды *за еврейскій рабочій классъ*, потому что *онъ* выдви-

*) «П. О.» № 74.

**) «П. И.» № 74. Курсивъ нашъ.

Валя изъ своей среды человѣка, живо чувствующаго обиды своихъ ближнихъ и считающаго ихъ своими собственными; мы полны радости, что въ Валя стрѣлялъ рабочій — еврей, потому что это показываетъ, что *въ нѣдрахъ еврейскаго пролетаріата* произошли глубокія измѣненія: *онъ пересталъ* уже быть забитымъ и загнаннымъ, *онъ вырось*, *онъ гигантски вырось! Онъ превратился* въ мощнаго и гордаго бойца, смѣло добивающагося своихъ правъ, отчаянно борющагося за свою свободу, честь и собственное достоинство...»*)

И даже Заграничный Комитетъ Бунда, позднѣе стяжавшій себѣ незавидную извѣстность выходками противъ террора, признавалъ, что

«въ такихъ случаяхъ, какъ апрѣльская расправа въ Вильнѣ, револьверъ является *единственнымъ средствомъ* для облегченія первыхъ, нестерпимыхъ мукъ пораженной общественной совѣсти, для того, чтобы люди не задохлись отъ душащаго ихъ негодованія.**)

И, вспоминая то нестерпимое психическое состояніе, въ которомъ очутилась еврейская рабочая масса послѣ издѣвательствъ фонъ-Валя, Заграничный Комитетъ говорилъ:

«.... Въ этомъ чувствѣ было все: злоба, ненависть, гнѣвъ, ярость, но надъ всѣмъ этимъ доминировало что то тяжелое, гнетущее... Потомъ долгіе, томительные ожиданія, что вотъ — вотъ случится то, что должно случиться, ибо бываютъ злодѣйства, которыя фатально влекутъ за собой немедленную расплату, наконецъ, выстрѣлъ, поразившій виленскаго сатрапа, выстрѣлъ, произведенный рукой еврейскаго рабочаго, и мы облегченно вздохнули....» (П. И. № 74.)

* * *

Прошло нѣкоторое время.

Эпизодъ съ истязаніями фонъ-Валя былъ законченъ. Валь былъ раненъ, выздоровѣлъ, былъ переведенъ, конечно, съ повышеніемъ изъ Вильны. Лекертъ былъ казненъ. Тѣлесное наказаніе розгами, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, надъ еврейскими рабочими, кажется, болѣе не примѣнялось.

И, оглядываясь назадъ, подводя итоги пережитому и перечувствованному, еврейскій организованный пролетаріатъ не могъ не почувствовать потребности дополнить новымъ элементомъ свою программу.

Въ самомъ дѣлѣ, организованная партія въ тѣ зловѣщіе дни вынуждена была взывать къ отдѣльнымъ лицамъ, прямо или косвенно побуждать ихъ къ террористическому факту, томи-

*) «П. И.» № 72. Курсивъ нашъ.

**) «П. И.» № 70. Курсивъ нашъ.

тельно ждать его, мучительно страдать отъ этого ожиданія, но и только. Недаромъ же, однако, сказаны глубоко вѣрныя слова, что къ террору не призываютъ—его дѣлаютъ.

Организованная партія привѣтствовала происшедшее террористическое покушеніе, одобрила его, признала его пользу и необходимость, но не сдѣлала изъ этого для себя прямого логическаго вывода и ждала, что жизнь принесетъ его со стороны.

Партія не рѣшилась сдѣлать такое покушеніе своимъ, и организованнымъ партіей, и партійно-признаннымъ актомъ; она, согласно традиціямъ русскаго соціальдемократизма, считала терроръ по самому его существу средствомъ единоличной, а не классовой борьбы; но подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ яркаго жизненнаго факта она отбросила апріорные предразсудки и объявила выстрѣлъ Лекерта отвѣтомъ на правительственныя звѣрства ***еврейскаго пролетаріата***, свидѣтельствомъ гигантскаго роста революціонной энергіи опять таки ***еврейскаго пролетаріата***.

Партія единогласно признала необходимость, неизбѣжность отвѣта насиліемъ на насиліе, партія прямо или косвенно угрожала имъ правительству; но въ то же время крупнѣйшій изъ ея мѣстныхъ комитетовъ писалъ въ стилѣ сторонниковъ толстовскаго «непротивленія злу насиліемъ»: «мы боремся мирными средствами, въ наши задачи не входитъ пролитіе человѣческой крови», и тутъ же рядомъ снова говорилъ о ***«святой*** мести.»

Концентрируя всѣ противорѣчія въ одной формулѣ, Виленскій Комитетъ Бунда писалъ: «мы, соціальдемократы, не придерживающіеся террористическаго образа дѣйствій .... присоединяемся ко всеобщему ликованію и привѣтствуемъ этотъ естественнѣйшій и законнѣйшій актъ мщенія за такъ варварски попранныя человѣческія права *).

Заграничный Комитетъ Бунда говорилъ, что свершилась ***„народная*** месть", свершился судъ общественной совѣсти" — и онъ же дальше приравнивалъ покушенія, вродѣ Лекертовскаго, къ актамъ личной (!) мести и отвергалъ ихъ, какъ средство партійной борьбы... **).

Требовался выходъ изъ этого лабиринта противорѣчій и непослѣдовательности. Послѣдняя конференція Бунда искала его, выработавъ свою резолюцію объ организованной мести.

Она не могла не видѣть, что разъ наказаніе того или другого царскаго опричника въ интересахъ массового движенія необходимо, партія не имѣетъ права отстраняться отъ этого дѣла. Она должна имѣть и силу, и мужество взять его на себя и открыто, во всеуслышаніе заявлять объ этомъ, не отступая предъ прямой нравственной и политической отвѣт-

*) „П. И." № 72.
**) „П. И." № 70.

ственностью за свое рѣшеніе. Когда дѣло идетъ о такомъ тяжеломъ и трагическомъ революціонномъ долгѣ — недостойно партіи взывать къ кому-то другому, чтобы потомъ присоединиться ко всеобщему ликованію. Нѣтъ, своей организаціей она должна обезпечить возможный максимумъ шансовъ успѣха предпріятія, и, принявъ смѣло на себя нравственную отвѣтственность за него, облегчить и безъ того нелегкое душевное состояніе непосредственныхъ участниковъ покушенія.

Правда, послѣдняя конференція Бунда отдала свою дань старымъ воззрѣніямъ. Это сказалось въ ея словобоязни, въ стремленіи во что бы то ни стало доказать, что организованная месть не есть террористическая борьба. Но отъ перемѣны названія дѣло не измѣняется. Мы также охотно готовы согласиться, что терминъ «терроръ» не особенно удаченъ, ибо этимологическое значеніе слова не пропорціонально, односторонне, неправильно подчеркиваетъ цѣли застращиванья. Но съ другой стороны, не болѣе удаченъ и терминъ «организованная месть»—ибо, вмѣсто элемента политической цѣлесообразности, этимъ словомъ подчеркивается элементъ стихійнаго чувства, инстинкта, которымъ не можетъ руководиться никакая партія.

Но сущность не въ этомъ. Дѣло не въ словѣ, а въ дѣлѣ. А на дѣлѣ резолюцію послѣдней конференціи Бунда постигла печальная участь. Не имѣющая сама по себѣ обязательной силы, она должна получить санкцію съѣзда. Этой санкціи она и дожидается... и, повидимому, такъ и будетъ дожидаться, пока не погибнетъ изморомъ. А пока формально резолюція эта считается поставленной «на дискуссію».

Главный противникъ терроризма, *Заграничный* комитетъ Бунда, довольно хорошо и, главное, откровенно пояснилъ значеніе этого.

«Въ этомъ дѣлѣ дѣйствительно было одно, единственно-правильное и глубоко жизненное рѣшеніе, это именно постановка вопроса о мести на дискуссію. Когда послѣ виленской экзекуціи поднялась волна настроенія, начавшая захлестывать и оттѣснять тѣхъ «доктринеровъ», которые сохранили способность политическаго разсчета, когда создалась атмосфера, въ которой глохло всякое разумное слово(!) и поднималась диктатура непосредственнаго чувства, тогда ничего другого и не оставалось, какъ открыть дискуссію по вопросу о мести и тѣмъ самымъ дать выходъ настроенію; въ этомъ смыслѣ введеніе мести въ. кругъ дискуссіонныхъ вопросовъ слѣдуетъ признать актомъ политической мудрости».

Иными словами, для этихъ маленькихъ Макіавели изъ Заграничнаго Комитета партійная дискуссія есть своего рода стратегическій планъ. Поднимается революціонное настроеніе, —сейчасъ открывается дискуссія: поспорятъ, погорячатся, найдутъ выходъ настроенію, а тамъ, смотришь, настроеніе то успѣетъ и поостыть.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, оказывается, что не волна революціоннаго настроенія захлеснетъ доктринеровъ, а доктринеры захлеснутъ революціонное настроеніе... по крайней мѣрѣ, вплоть до новыхъ трагическихъ событій.

Но бѣда въ томъ, что въ этомъ отношеніи еврейскому пролетаріату нельзя смотрѣть сквозь розовыя очки на будущее. Еще не мало предстоитъ ему самыхъ тяжелыхъ испытаній. На что способенъ его злѣйшій врагъ, русское самодержавіе, онъ могъ видѣть изъ Виленскихъ звѣрствъ прошлаго года и Кишиневскихъ—нынѣшняго. Ему нельзя ни на минуту обольщаться. Если на долю всего русскаго рабочаго класса выпадутъ бичи, то на его долю достанутся скорпіоны; онъ будетъ вдвойнѣ гонимъ, вдвойнѣ избиваемъ, вдесятеро преслѣдуемъ. И свои права онъ обрѣтетъ только въ борьбѣ, безконечно болѣе тяжелой и обостренной, чѣмъ для рабочихъ другихъ національностей. Поэтому для него спасеніе его человѣческаго достоинства требуетъ еще болѣе героическихъ средствъ, его оружіе должно быть еще острѣе отточено, его борьба еще рѣшительнѣе, его ненависть еще сильнѣе.... И, къ счастью, образъ Гирша Лекерта дѣйствительно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ еврейскомъ пролетаріатѣ таится огромный запасъ революціонныхъ силъ и способность къ такому могучему подъему революціоннаго настроенія, который въ концѣ концовъ возьметъ свое, котораго никто и ничто не сможетъ «захлестнуть»..

* * *

Годовщина выстрѣла и гибели Лекерта застаетъ еврейскій пролетаріатъ при обстоятельствахъ не менѣе трагическихъ, чѣмъ Виленскія истязанія... Вмѣсто оффиціальныхъ истязателей и палачей на этотъ разъ выступили неоффиціальные клевреты гг. Плеве, Крушевановъ, Левендалей, организовавшіе, подъ прикрытіемъ полиціи и войска, новую «кровавую баню»... И опять воскресаетъ старый вопросъ о необходимости отвѣчать на удары ударами. И опять читаемъ мы въ воззваніи Центральнаго Комитета Бунда: « ***Мы должны отвѣчать насиліемъ на насиліе, откуда бы оно ни исходило***».

Да, ***откуда бы оно ни исходило!*** Вотъ мужественный языкъ революціонера. И не ясно ли, что волѣдъ за такимъ выводомъ долженъ быть поставленъ вопросъ: ***откуда же*** исходятъ кишиневскія насилія? и противъ кого же, слѣдовательно, долженъ быть направленъ непосредственный отвѣтъ насиліемъ при погромахъ?

Для еврейскихъ націоналистовъ-сіонистовъ, для еврейской буржуазіи, для политически неразвитого еврейскаго мѣщанства этого вопроса можетъ не существовать. Откуда исходитъ насиліе? Конечно, отъ погромщиковъ! Это также вѣр-

но и несомнѣнно, какъ несомнѣнно то, что виленскихъ демонстрантовъ били и сѣкли городовые и пожарные мѣстной команды.

Лекерты въ подобныхъ случаяхъ разсуждаютъ нѣсколько иначе... И когда, въ отвѣтъ на вопросъ „что дѣлать непосредственно при погромахъ", Центр. Ком. Бунда отвѣчаетъ „отвѣчать насиліемъ на насиліе, откуда бы оно ни исходило", намъ не хочется вѣрить, что смыслъ этой фразы можетъ исчерпываться тѣмъ, что говорится непосредственно дальше, въ подкрѣпленіи этого вывода! „Дикой толпѣ погромщиковъ доступенъ только языкъ оружія, а не поученій. Противъ такихъ дикихъ звѣрей слѣдуетъ выступать открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, а не прятаться по чердакамъ".

Не мы, конечно, будемъ оспаривать хотя бы одно слово изъ этого призыва. Несомнѣнно, плохъ тотъ, подвергающійся нападенію, кто не пользуется своимъ правомъ необходимой самообороны. Не нужно быть революціонеромъ, достаточно быть просто мужественнымъ человѣкомъ, что бы съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою личность, личность своей жены и своихъ дѣтей отъ варварскихъ посягательствъ изступленной толпы, изъ кого бы она ни состояла, хотя бы изъ своихъ же братьевъ - рабочихъ другой національности, ослѣпленныхъ и дошедшихъ до состоянія озвѣренія... Это такъ же естественно, какъ естественно отчаянное сопротивленіе какого - нибудь демонстранта сѣкущимъ его палачамъ...

Но когда за спиной этихъ слѣпыхъ орудій насилія ясно виднѣется рука мундирнаго провокатора и сообщника, неужели «отвѣтъ насиліемъ на насиліе, отъ кого бы оно ни исходило», не имѣетъ къ нему никакого отношенія?

Это все тотъ же вопросъ, который былъ выдвинутъ смѣлой иниціативой Лекерта, и который еще не разъ будетъ выдвигаться событіями.

Еврейскій организованный пролетаріатъ до сихъ поръ въ долгу передъ памятью Лекерта. Этотъ долгъ онъ уплатитъ, когда прямо и категорически рѣшитъ выдвинутый его революціоннымъ подвигомъ вопросъ. Мы вѣримъ, что онъ рѣшитъ его, какъ подобаетъ передовому отряду революціонной арміи въ Россіи. Мы вѣримъ, что въ своемъ рѣшеніи онъ будетъ смѣлъ и послѣдователенъ, не побоится логическихъ выводовъ, и не оставитъ мѣста ни недоговоренности, ни пустой словобоязни.

Іюнь, 1903 г.

Новое выступленіе русскихъ либераловъ.

Послѣ долгаго промежутка времени, мы снова видимъ на политической аренѣ русскихъ либераловъ-конституціалистовъ.

Политическое прошлое русскаго либерализма не блестяще. Ни разу либералы наши не выступали, какъ активная, самостоятельная сила, ни разу не могли собственными средствами организовать такой напоръ на правительство, который былъ бы способенъ поколебать его, нанести ему серьезные, тяжелые удары. Ни разу либералы не могли внушить правительству отношеніе къ себѣ, какъ крупной силѣ, которую можно ненавидѣть, но съ которой нельзя не считаться, которой нельзя не бояться. Только въ моменты, когда борьба революціонной партіи съ самодержавіемъ достигла высшей напряженности, когда революціонная волна поднималась все выше и выше, грозя захлестнуть и затопить плотины бюрократической опеки, когда правительство начинало колебаться и безпомощно оглядываться вокругъ, ища союзника, съ которымъ можно было бы *подѣлиться* сладкимъ бременемъ власти, чтобы не упустить его изъ своихъ рукъ вполнѣ и окончательно — только въ такіе моменты русскій либерализмъ выше поднималъ голову и осмѣливался выступать съ опредѣленными притязаніями.

Русскій либерализмъ, видимо, не чувствовалъ за собою собственной, внутренней силы. Онъ только заимствовалъ свою силу въ постороннихъ обстоятельствахъ, въ растущей силѣ революціонеровъ и въ растущей слабости правительства. Понимая, что всякое усиленіе «крамолы» поднимаетъ его шансы, русскій либерализмъ однако не только самъ побаивался «крамолы», но и плохо вѣрилъ въ ея живучесть, въ ея силы. И потому онъ не рѣшался прямо и открыто вступить въ союзъ съ соціально-революціонными элементами, а только старался напугать ими правительство, а, напугавши, возможно скорѣе ковать желѣзо, пока оно горячо: убѣдить правительство, что его единственное спасеніе — въ союзѣ съ либералами. «Призовите насъ, Ваше Величество — такъ, примѣрно, говорили либералы — и въ союзѣ съ живыми силами земли верховная власть будетъ непобѣдима, гидра революціи будетъ уничтожена». Нѣтъ сомнѣнія, въ этихъ рѣчахъ не все было искренно, въ нихъ всегда была значительная доза политиканства, стремленія провести, перехитрить правитель-

ство. Но правительство было не такъ наивно, и либераламъ удавалось перехитрить только самихъ себя. Правительство дѣлало видъ, что идетъ на удочку, разъединяло революціонныя силы съ оппозиціонными, и когда удавалось сокрушить первыя, безъ всякаго стѣсненія и безъ всякихъ церемоній раздѣлывалось со вторыми. Divide et impera — вотъ его всегдашній девизъ, которому оно никогда не измѣняло, и который его не разъ выводилъ изъ затрудпительнаго, даже критическаго положенія.

Русскій либерализмъ еще ни разу не выступалъ активной политической силой. Это — тема, дающая очень благодарный матеріалъ и для страстныхъ обличительныхъ филиппикъ, и для полной горькихъ сарказмовъ политической сатиры, и для искренней гражданской скорби, — смотря по индивидуальнымъ вкусамъ и темпераменту. Но мы здѣсь хотимъ не обличать и не осмѣивать, «не плакать и не смѣяться, а понимать». Мы хотимъ опредѣлить наше отношеніе къ либераламъ и либерализму, не въ качествѣ политическихъ моралистовъ и проповѣдниковъ, а въ качествѣ политическихъ дѣятелей, съ точки зрѣнія тактическаго разсчета, политической стратегіи. Не предъявлять къ либераламъ неисполнимыхъ для нихъ требованій, а брать либераловъ такими, каковы они есть, хотимъ мы, чтобы рѣшить — какія отношенія возможны между ними и нами, какой тактики слѣдуетъ держаться намъ по отношенію къ нимъ, и имъ — по отношенію къ намъ. Вотъ тотъ вопросъ, который насъ сейчасъ занимаетъ.

Не потому или, по крайней мѣрѣ, не потому только русскіе либералы не были самостоятельной активной силой, что они не хотѣли ею быть, или не потому, что у нихъ для этого не хватало политическаго чутья, политической воспитанности. Причины этого лежатъ гораздо глубже. Совершены правы всѣ тѣ, кто негодующе нападаетъ на либераловъ за ихъ политическія ошибки, за тѣ непоправимые ложные шаги, которыхъ такъ много въ ихъ прошломъ. Но твердить объ этомъ безъ конца — значитъ стучаться въ открытую дверь. Самъ покойный Драгомановъ, этотъ чрезвычайно талантливый и умный писатель, лидеръ русскаго либерализма, открыто признавалъ, что въ либеральныхъ попыткахъ эпохи великаго кризиса конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ «было мало энергіи и организаціи и очень много вялости и распущенности»*). Но въ томъ то и дѣло, что и эта вялость, и эта «политическая распущенность», и этотъ недостатокъ энергіи и организаціи коренятся, какъ въ своемъ общемъ источникѣ, кое въ чемъ другомъ. Въ чемъ же? На это намъ даютъ откровенный

*) Драгомановъ, «Либерализмъ и земство въ Россіи», Женева. 1889, стр. 32.

и прямой отвѣтъ сами наши либералы-конституціоналисты, заявляя: «мы предполагаемъ объединить тѣ группы русскаго общества, которыя не имѣютъ возможности найти исходъ своему возмущенному чувству *ни въ классовой, ни въ революціонной* борьбѣ». («Освобожденіе» № 1).

Политическій либерализмъ въ Западной Европѣ имѣлъ свои имянины, эпоху своего расцвѣта, періодъ соего Sturm und Drang. Теперь онъ пережилъ себя, потому что переживаетъ себя и тотъ общественный классъ, который выдвинулъ эту общественную программу. Тамъ боролись двѣ силы: феодальный абсолютизмъ и промышленная буржуазія. То было время наибольшей положительной, творческой роли капитализма, которому нужно было расчистить дорогу. Было необходимо разломать одни устои соціальной жизни, чтобы создать новые. Первымъ, передовымъ странамъ и достались въ наибольшей мѣрѣ блага промышленнаго расцвѣта Монопольное положеніе, которое теперь исчезло навсегда, принесло имъ свои громадныя выгоды. Удивительно ли, что и представительница капитализма, буржуазія, въ этихъ странахъ въ наибольшей мѣрѣ выдвинулась, какъ сила творческая, прогрессивная, какъ благодѣтельница націи? Удивительно ли, что она имѣла наибольшіе корни въ другихъ слояхъ населенія, съ наибольшей легкостью находила себѣ безкорыстныхъ, убѣжденныхъ идеологовъ? Удивительно ли, словомъ, что въ свое время она могла быть *передовой* соціально-политической силой въ самомъ настоящемъ значеніи этого слова?

Тѣ блаженныя времена давно прошли даже для передовыхъ странъ Западной Европы. Но тамъ создались по крайней мѣрѣ либеральныя традиціи буржуазіи, которыя — какъ и всякія многовѣковыя историческія традиціи — не легко уступаютъ реакціоннымъ порывамъ, навѣваемымъ на буржуазную семью зарницами грядущей соціально-революціонной бури. Но есть страны, позднѣе вступившія въ семью буржуазныхъ народовъ, страны, въ которыхъ не было времени для образованія этихъ либеральныхъ традицій. И такъ какъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, это вмѣстѣ съ тѣмъ и такія страны, въ которыхъ совокупность естественныхъ,—географическихъ, климатическихъ и другихъ условій менѣе благопріятна для промышленнаго расцвѣта, то творческія силы капитализма въ нихъ проявляются значительно слабѣе, а эксплуататорскія, разрушительныя, паразитическія — значительно ярче... Уже одно это лишаетъ буржуазію союза съ лучшими интеллектуальными силами страны, стерилизуетъ ея мысль и нравственныя силы, враждебно сталкиваетъ ее съ обширнѣйшими слоями населенія и толкаетъ въ объятія къ абсолютизму.

Такова напр., въ особенности наша Россія. Она избѣжала

фазу буржуазной революціи, какъ революціи снизу. Абсолютизмъ предупредилъ ее, свершивъ эту революцію сверху. Изъ архаическаго самодержавія, закрѣпощающаго всю страну въ полу-феодальныхъ, полу-азіатскихъ формахъ, оно превратилось въ перекроенный на современный ладъ дворянско-плутократическій бюрократизмъ. Пріютивъ подъ однимъ крылышкомъ наиболѣе паразитическія формы землевладѣнія и аристократіи, а подъ другимъ — наиболѣе паразитическія формы капиталистическаго стяжательства, русское самодержавіе укрѣпило свои позиціи и выбило изъ позиціи русскій либерализмъ.

Бѣда русскаго либерализма заключается въ томъ, что подъ нимъ нѣтъ опредѣленнаго, цѣлостнаго и сильнаго общественнаго класса; что приверженцевъ либерализма не сплачиваетъ воедино крѣпкій цементъ единаго матеріальнаго интереса; что у нихъ отсутствуетъ *единство соціальнаго положенія*, которое диктовало бы имъ властно и *единство поведенія*; что либеральная программа должна объединять слишкомъ разношерстныя и неопредѣленныя общественныя группы.

Въ этомъ лагерѣ мы прежде всего видимъ значительный контингентъ лицъ либеральныхъ профессій, которыхъ въ особенности принято называть «интеллигенціей». Но если низы этой интеллигенціи, настоящіе работники и даже пролетаріи умственнаго труда чувствуютъ вполнѣ свое духовное и даже соціальное родство съ другими представителями трудового начала — работниками фабричнаго станка, заводскаго горна, деревянскаго плуга и сохи, — то наиболѣе обезпеченная часть людей умственнаго труда, сливки интеллигентнаго ремесла, по своему положенію и психикѣ въ значительной степени тяготѣютъ къ буржуазнымъ элементамъ. Конечно, между крайними полюсами здѣсь можно найти массу промежуточныхъ элементовъ, и они то сообщаютъ русскому либерализму ту своеобразную физіономію расплывчатаго демократизма, который даетъ возможность большинству либераловъ называть себя то «либералъ-демократами», то «соціалъ-либералами», а инымъ революціонерамъ даетъ возможность насмѣшливо отзываться о нихъ, какъ о «недоношенныхъ соціалистахъ»*).

Далѣе, мы видимъ въ этомъ лагерѣ довольно сильно представленнымъ земскій элементъ, по своему составу землевла-

*) Этой особенностью русскаго либерализма объясняется и тотъ любопытный фактъ, что роль его лидера — по крайней мѣрѣ литературнаго — теперь играетъ своеобразный «независимый соціалистъ», недавній правовѣрный соціальдемократъ и даже одинъ изъ лидеровъ марксистской соціальдемократіи Петръ Струве.

дѣльческій. Русскому самодержавію доставляетъ не мало хлопотъ необходимость примирить подъ царскимъ скипетромъ весьма различные, во многихъ пунктахъ противурѣчивые интересы индустріи и сельскаго хозяйства. Для избѣжанія этихъ трудностей оно избрало вполнѣ опредѣленную дорогу. Въ *хозяйственномъ* отношеніи оно всегда отдаетъ предпочтеніе интересамъ болѣе крупной и жизнеспособной силѣ — капиталистической индустріи — передъ интересами менѣе жизнеспособнаго земледѣльческаго капитализма. Но причиняемый благодаря этому землевладѣльцамъ хозяйственный ущербъ оно щедро стремится возмѣстить всевозможными правовыми и сословными льготами и подачками. На это охотно идетъ самая нежизнеспобная, паразитическая и некультурная часть землевладѣльцевъ. Что же касается болѣе культурной части, представляющей собой ростки раціональнаго помѣщичьяго сельскаго хозяйства, то ей претитъ роль государственныхъ нахлѣбниковъ, и ею живо чувствуется тотъ фактъ, что экономическіе интересы сельскаго хозяйства приносятся въ жертву «рахитическому капиталу». Они идутъ въ оппозицію, заявляютъ себя вообще представителями «угнетеннаго земледѣлія», любятъ говорить отъ имени «эксплуатируемой деревни» вообще, и это соединяетъ ихъ съ демократически настроенными сливками «интеллигентнаго ремесла». Тѣ представляютъ лѣвое, эти — правое крыло либеральнаго лагеря.

Наконецъ, въ этотъ же лагерь идутъ всѣ тѣ люди, которые по своей культурности и высотѣ интеллектуальнаго уровня не могутъ прилѣпиться мыслью и чувствомъ къ своимъ утробнымъ интересамъ, опредѣляемымъ ихъ соціальнымъ положеніемъ, которые порываютъ со своимъ классомъ, но не всецѣло, а лишь до извѣстной степени, тѣ, для кого переходъ въ ряды чистыхъ идеологовъ трудящагося класса является черезчуръ рѣзкимъ, крутымъ и психологически недоступнымъ, кто не можетъ сжечь за собою кораблей...

И вотъ почему устами «Освобожденія» либералы-конституціоналисты говорятъ: «мы предполагаемъ объединить тѣ группы русскаго общества, которыя не имѣютъ возможности найти исходъ своему возмущенному чувству ни въ классовой, ни въ революціонной борьбѣ. Мы желаемъ выражать исключительно безсословное общественное мнѣніе и на него опираться.»

* * *

Рѣзкой противоположностью русскимъ либераламъ являются въ этомъ отношеніи русскія соціалистическія группы, безразлично, пойдетъ ли рѣчь о соціальдемократахъ или соціалистахъ-революціонерахъ.

Соціаль-демократы хотятъ быть чистыми выразителями ин-

тересовъ пролетаріата, мѣряя этими интересами интересы всѣхъ другихъ общественныхъ классовъ. Соціаль-демократы считаютъ себя представителями наемнаго труда. Соціалисты-революціонеры считаютъ себя представителями труда вообще, безразлично, является ли онъ наемнымъ или нѣтъ, отдѣленъ ли онъ отъ средствъ производства или плотно срастается съ ними. Одни противопоставляютъ наемный трудъ предпринимательскому капиталу, другіе — трудъ вообще эксплуатаціи труда. Между ними могутъ быть свои домашніе споры о томъ, съуживаютъ ли чрезмѣрно свою формулировку одни, или же, напротивъ, ее чрезмѣрно расширяютъ другіе. Но оба теченія сходны между собой и рѣзко противоположны либераламъ въ одномъ пунктѣ. Каждая изъ этихъ партій есть чистая идейная представительница одного опредѣленнаго соціальнаго принципа, послѣдовательная защитница одного вполнѣ опредѣленнаго соціальнаго интереса.

Либеральная партія не является такой чистой выразительницею опредѣленнаго соціальнаго интереса и принципа. Ея положеніе — промежуточное и, въ извѣстномъ смыслѣ, неизбѣжно эклектическое. Ея составъ — неопредѣленный и разношерстный. Соціаль-домократы, вѣрные себѣ, идутъ къ пролетаріату; соц.-рев., тоже вѣрные себѣ выдвигаютъ наряду съ пролетаріатомъ, также и трудовое крестьянство, и революціонную интеллигенцію. Либералы—тоже вѣрные себѣ — говорятъ о такой неопредѣленной и расплывчатой вещи, какъ «безсословное общественное мнѣніе».

Мы уже видѣли, что эта неопредѣленность, расплывчатость, промежуточность положенія и разношерстность состава представляетъ источникъ слабости либераловъ. Но здѣсь же заключается и источникъ ихъ своеобразной силы.

Это не собственная, внутренняя сила. Это — сила, которою либераловъ ссужаютъ совершенно постороннія обстоятельства.

Общественная жизнь раздирается упорной, ожесточенной, вѣчной борьбой между силами изжитого прошлаго и силами еще недожитаго будущаго. Въ этой борьбѣ, гдѣ будущее лишь съ большими трудностями пробивается сквозь узы прошлаго, рано или поздно наступаетъ критическій, переходный моментъ. Архаическія силы, господствовавшія въ пору недобраго стараго времени, *уже* становятся неспособными удерживать въ своихъ рукахъ власть надъ событіями. Свѣжія, юныя силы свѣтлаго будущаго *еще* являются безсильными перенять эту власть въ свои руки. Въ параллелограммѣ силъ, составленномъ враждующими тенденціями крайнихъ лѣвыхъ и крайнихъ правыхъ, неизбѣжно образуется средняя, промежуточная линія — равнодѣйствующая.

Сила либераловъ и заключается въ томъ, что они одни, не

измѣняя своей программѣ, не сунсь не въ свое дѣло, могутъ твердою стопой *идти по равнодѣйствующей*...

Мы не завидуемъ имъ въ этомъ. Взявъ на себя роль предтечей идеальнаго будущаго, мы тѣмъ самымъ отказались отъ роли господъ настоящаго, не желая продавать право первородства за чечевичную похлебку и размѣнивать чистый металлъ принциповъ на мѣдные потертые гроши компромиссовъ.

Завоеванія либераловъ для насъ имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ облегченіе дальнѣйшей работы, какъ приближеніе по дорогѣ къ нашимъ основнымъ, конечнымъ цѣлямъ. Пусть либералы въ значительной степени пожнутъ то, что не они сѣяли, и соберутъ то, что не они разсыпали. Это насъ не смущаетъ. Намъ выгоднѣе имѣть дѣло съ либеральнымъ режимомъ, чѣмъ съ самодержавнымъ. Этотъ простой и здравый политическій разсчетъ заглушаетъ въ насъ голосъ слѣпого чувства, которое готово иногда запротестовать противъ того, чтобы другіе загребали жаръ нашими руками.

Этого мало. Вѣдь либералы могутъ быть не только флюгерами, показывающими, куда дуетъ вѣтеръ, пассивно отражающими направленіе равнодѣйствующей въ параллелограммѣ силъ. Они сами — сила. Пусть эта сила абсолютно не велика. Но когда двѣ тяжести, лежащія на противоположныхъ чашкахъ вѣсовъ, нейтрализуютъ другъ друга и находятся въ положеніи неустойчиваго равновѣсія, достаточно прибавки небольшой тяжести, чтобы дать рѣшительный перевѣсъ одной чашкѣ вѣсовъ передъ другой.

Вотъ почему мы признаемъ, что не только мы можемъ оказать либераламъ большіе услуги — если только, конечно, либералы съумѣютъ воспользоваться нашей работой, — но и либералы смогутъ, если захотятъ, оказать немаловажныя услуги намъ, нашему общему дѣлу политическаго освобожденія Россіи.

Повидимому, они и сами теперь прекрасно понимаютъ все это. Въ заявленіи «отъ русскихъ конституціоналистовъ» мы читаемъ, что «земскіе люди обязаны сдѣлать все, отъ нихъ зависящее, что бы использовать всѣ преимущества своего фактическаго положенія и выполнить свою отвѣтственную роль какъ можно лучше». Мы видимъ, далѣе, что они признаютъ возможность различныхъ политическихъ союзовъ, говоря, что земская либеральная группа могла бы «дѣйствовать совмѣстно съ другими общественными группами, не отказываясь въ то же время отъ тѣхъ преимуществъ своего фактическаго положенія, которыя могутъ сообщить ея дѣятельности особенное значеніе въ переходный періодъ къ новому политическому режиму».

Мы и не хотимъ требовать отъ либераловъ, чтобы они не использовали всѣхъ выгодъ своего положенія. Напротивъ,

Мы хотѣли бы только, не оставляя ничего не договореннымъ, ясно и отчетливо указать на слѣдующее:

Двѣ тактики, два пути возможно для нашихъ либераловъ. Или они могутъ опять попытаться напугать правительство революціей, чтобы легче вступить въ перемиріе съ напуганнымъ врагомъ и попользоваться отъ него, въ силу полюбовнаго соглашенія, частицей его прерогативъ для совмѣстнаго властвованія надъ трудовой массой и борьбы съ ея представителями — революціонными соціалистами; или они могутъ пойти рука объ руку съ представителями революціоннаго соціализма для непримиримой борьбы противъ самодержавія и противъ всякой олигархіи за настоящее народоправленіе, за равную свободу для всѣхъ.

Въ первомъ случаѣ намъ съ либералами разговаривать не о чемъ. Наши ближайшія цѣли совершенно различны, и мы не обезпечены отъ самыхъ рѣзкихъ конфликтовъ въ непосредственномъ будущемъ. Отвѣтственность за результаты этихъ конфликтовъ падетъ всецѣло на либераловъ.

Во второмъ случаѣ—до поры, до времени намъ по дорогѣ, взаимная помощь и поддержка возможна, умѣстна и желательна. Потомъ, конечно, дороги наши разойдутся. Въ исторіи не разъ вчерашніе союзники превращались на завтра въ политическихъ противниковъ. Это не мѣшало имъ честно исполнять по отношенію другъ къ другу всѣ союзныя обязательства, ибо предвосхищать будущую «неизбѣжную вражду» значило бы вредить другъ другу и драться изъ за раздѣла шкуры еще не убитаго медвѣдя.

Мы хотимъ честныхъ политическихъ отношеній съ либералами, и потому прежде всякихъ разговоровъ о совмѣстной борьбѣ противъ общаго врага считаемъ необходимымъ, чтобы мы честно, открыто, безъ заднихъ мыслей и фальшиваго политиканства выяснили другъ другу свою истинную физіономію, свои настоящія цѣли и стремленія. Прямые пути мы предпочитаемъ кривымъ и извилистымъ.

Пока рано говорить о программѣ русскихъ либераловъ, какъ она выражается «Освобожденіемъ». Этотъ органъ еще только народился, и, понятно, еще не успѣлъ высказаться по цѣлому ряду самыхъ коренныхъ и жгучихъ вопросовъ практики. Но мы искренно привѣтствуемъ появленіе этого органа, твердо увѣренные, что онъ дастъ возможность либераламъ столковаться между собою, опредѣлить свою программу, выяснить свою политическую физіономію. Тогда можно будетъ дать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ — насколько окажется возможной совмѣстная борьба, совмѣстная работа двухъ различныхъ, бокъ о бокъ существующихъ и, конечно, вполнѣ самостоятельныхъ организацій: оппозиціонной и революціонной, либеральной и соціалистической.

Мы надѣемся, что прожитые годы не прошли даромъ для либераловъ, и что про нихъ нельзя будетъ сказать: «они ничего не забыли и ничему не научились». Ошибки случалось дѣлать и революціонерамъ; не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Революціонная программа и дѣятельность постоянно осложняется, крѣпнетъ и зрѣетъ, извлекая уроки не только изъ успѣховъ, но и изъ прошлыхъ промаховъ. Пожелаемъ же, чтобы и русскіе либералы на этотъ разъ избѣжали прежнихъ ошибокъ. Только этимъ путемъ они создадутъ возможность какой бы то ни было совмѣстной борьбы противъ общаго врага.

Іюнь 1902 г.

Русскій либерализмъ и дворянство, какъ сословіе.

Мы уже имѣли случай говорить о характерныхъ особенностяхъ русскаго либерализма, объясняя его историческую дряблость, его историческое безсиліе отсутствіемъ опредѣленнаго, единаго и сплоченнаго общественнаго сословія или класса, который могъ бы признать либеральную идею полнымъ и всестороннимъ выраженіемъ своихъ интересовъ и чаяній. При всей разношерстности, неопредѣленности и расплывчатостн тѣхъ общественныхъ слоевъ, изъ которыхъ рекрутируются кадры русскаго либерализма, мы имѣемъ, однако, возможность различить и отмѣтить въ либеральной средѣ 2 болѣе замѣтныхъ теченія: либерально-интеллигентное и либерально-дворянское.

Первое изъ этихъ теченій, говорили мы, главнымъ образомъ и вливаетъ въ либеральную программу тотъ демократическій элементъ, который даетъ возможность многихъ нашихъ либераловъ назвать недоношенными соціалистами. Это — лѣвое крыло русскаго либерализма, и съ этимъ лѣвымъ крыломъ русская соціально-революціонная партія при извѣстныхъ условіяхъ могла-бы установить союзныя отношенія. Второе изъ этихъ теченій, напротивъ, главнымъ образомъ и накладываетъ на русскій либерализмъ явный штемпель извѣстныхъ сословно-классовыхъ тяготѣній. Это — правое крыло, и на него уже по одному тому нельзя закрывать глазъ, что оно обладаетъ большой сплоченностью, даже при современныхъ условіяхъ играетъ извѣстную общественную роль, можетъ пріобрѣтать первенствующее положеніе въ органахъ

самоуправленія и своимъ поведеніемъ задавать тонъ всему поведенію русскихъ либераловъ.

Мы, конечно, ничего не можемъ имѣть противъ того, чтобы и русское дворянство выдѣлило изъ себя группу, становящуюся подъ либеральное знамя. Это будетъ значить, что либеральнаго полку прибыло, а реакціоннаго — убыло. Тѣмъ лучше, конечно. Но лучше только въ томъ случаѣ, если дворянскіе элементы, уходящіе въ либеральный лагерь, рѣшительно порываютъ съ *сословнымъ* дворянствомъ. Если же эти элементы переходятъ въ либерализмъ только для того, чтобы совершенно приспособить этотъ либерализмъ къ нуждамъ и интересамъ дворянства, какъ единаго сословнаго цѣлаго, то въ этомъ уже заключается серьезная опасность, съ которой слѣдуетъ считаться всякому серьезному и дальновидному стороннику демократическаго либерализма.

Только недальновиднаго политика можетъ ослѣпить соблазнительная перспектива заманить все дворянство на либеральный путь, совершенно заслоняя собою указанную нами опасность, и толкая его на скользкую почву заигрыванія съ дворянствомъ, какъ цѣлымъ сословіемъ.

* * *

Въ № 3 органа русскихъ конституціоналистовъ «Освобожденіе» появилась редакціонная статья, посвященная русскому дворянству. Исходнымъ пунктомъ этой статьи является заявленіе, что «всякій практическій политикъ, какъ бы онъ ни относился къ сословному строю и привилегіямъ дворянства, долженъ исходить изъ того, что дворянство, какъ корпоративно организованное и надѣленное извѣстными публичными правами сословіе, есть важный фактъ и факторъ русской общественной жизни, съ которымъ необходимо считаться и отъ котораго нельзя отдѣлаться простымъ отрицаніемъ сословнаго начала».

Считаться съ дворянствомъ, какъ фактомъ, несомнѣнно, приходится всякому; а тѣмъ, кто отрицаетъ сословное начало, съ нимъ приходится считаться даже вдвойнѣ. Но считаться съ дворянствомъ, какъ сословіемъ, еще не значитъ мириться съ нимъ. Между тѣмъ, для «Освобожденія» два эти слова какъ-то незамѣтно переходятъ одно въ другое, или кажутся синонимами.

«Тѣ многочисленные «демократы», — говоритъ «Освобожденіе»,—которые радуются и особенно въ прежнее время радовались сословно-политической дряблости и государственному ничтожеству нашего дворянства и видѣли въ этихъ его свойствахъ залогъ демократическаго направленія общественно-государственнаго развитія Россіи, привѣтствовали въ сущности одну изъ самыхъ печальныхъ чертъ и особенностей русской

исторіи и жизни.... Наше общественное развитіе очень много теряло и теряетъ отъ того политическаго ничтожества, при которомъ всегда пребывали въ немъ высшія сословія... Если высшіе классы народа не развили въ себѣ чувства политической чести, вкусъ къ правамъ(!) и самостоятельному и отвѣтственному участію въ государственной жизни, то отъ этого несомнѣнно проигрываетъ весь народъ»...

Отсюда вытекаетъ, что намъ не о силѣ дворянства приходится жалѣть, а о его слабости; желать не скорѣйшаго разложенія этого сословія, а укрѣпленія его единства, организованности; привѣтствовать не признаки его политическаго умиранія, а развитіе въ немъ «вкуса къ правамъ» и т. д. И «Освобожденіе» становится именно на эту точку зрѣнія. Оно ставитъ даже развязку переживаемаго нами кризиса въ зависимость «отъ того, съумѣетъ-ли дворянство и земство — которое есть въ значительной мѣрѣ то же дворянство — дѣятельно примкнуть къ дѣлу національнаго освобожденія, какъ его первые — не въ смыслѣ мѣста, а въ смыслѣ преданности великому дѣлу — работники». Оно надѣется, что дворянство «сможетъ выдержать великій историческій экзаменъ», «великое историческое испытаніе», «критическій моментъ провѣрки его государственнаго смысла и способности къ политическому дѣйствованію»...

Безъ сомнѣнія, было-бы странно, если бы наша свободная печать попросту игнорировала существованіе дворянства, закрывала на него глаза, равнодушно и безразлично обходила молчаніемъ то сословіе, которое считаетъ себя — и считается самимъ правительствомъ — опорою престола. Это сословіе одно только пользуется правомъ подачи петицій о своихъ нуждахъ монарху и организаціей, основанной на широкомъ выборномъ началѣ. Царскимъ закономъ предводители дворянства навязаны земству въ предсѣдатели, дворянскій элементъ преобладаетъ въ земствѣ и онъ же является поставщикомъ земскихъ начальниковъ, губернаторовъ и высшей бюрократіи. Это сословіе — излюбленное чадо русскаго деспотизма, оно пользуется широкими привилегіями, называетъ себя «благороднымъ» и въ качествѣ такового непрестанно требуетъ отъ казны денежныхъ пособій, выгодныхъ мѣстъ, новыхъ льготъ. Дворянство повидимому даже увѣрено, что безъ него Россія пропадетъ и что оно своими заслугами давно уже стяжало себѣ право кормиться на счетъ казны. Сословіе, заявляющее такія претензіи, обладающее такими широкими аппетитами, конечно, должно обратить на себя вниманіе лицъ, принимающихъ близко къ сердцу историческія судьбы нашей родины; и особенное вниманіе обратить на себя оно должно именно теперь, когда послѣднія событія въ разныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ лилась кровь русскаго крестьянства для

поддержанія дворянскаго землевладѣнія, гдѣ на голодное населеніе наложили 800.000 рубл. контрибуціи для возмѣщенія убытковъ гг. помѣщиковъ, невольно наводятъ всякаго прежде всего на элементарный вопросъ: что же это за сословіе, ради котораго предпринимаются междоусобныя войны, ради котораго бьютъ, давятъ, подвергаютъ позорнымъ истязаніямъ, грабятъ цѣлыя губерніи? Въ чемъ его великія заслуги, и окупаются-ли тѣ жертвы, которыя приносятся страной ради него?

Прямо этого вопроса «Освобожденіе» не ставитъ, но косвенный отвѣтъ на него даетъ. «Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ». «Освобожденіе» уже видитъ, что въ дворянствѣ «пробуждается сознаніе огромной политической отвѣтственности»; и тотъ фактъ, что съѣздъ губернскихъ предводителей дворянства почти единогласно высказался противъ сипягинскаго проекта созданія особаго «дворянскаго департамента» для сосредоточенія въ немъ всѣхъ дѣлъ по удовлетворенію многочисленныхъ потребностей «первенствующаго сословія»—внушаетъ «Освобожденію» надежды на то, что дворянство и земство, эти «организованныя общественныя силы»—«спасутъ страну отъ тяжелыхъ потрясеній»... Да, широкія надежды возлагаетъ на дворянство новый органъ; однако же и у него закрадывается опасеніе, какъ-бы наше благородное дворянство, подъ вліяніемъ аграрныхъ волненій, не спряталось подъ крылышко всемощной бюрократіи. Даже и онъ опасается, какъ-бы дворянство не обратилось по поводу аграрныхъ безпорядковъ съ своими обычными воплями къ администраціи, и напоминаетъ ему о предстоящемъ строгомъ «историческомъ экзаменѣ»!

Охъ, ужъ бывали эти экзамены и не одинъ разъ, была возможность и отличиться, да все какъ-то не удавалось. Срѣзавшись по всѣмъ предметамъ, дворянство однакожъ постоянно просило новыхъ стипендій. И недавно на югѣ Россіи мы были свидѣтелями провѣрочнаго испытанія дворянства и — увы! то, что автору статьи рисуется въ видѣ опасенія за будущее, уже сбылось!

Само «Освобожденіе» признаетъ, что не столько «пропаганда злонамѣренныхъ людей», сколько голодъ и безъисходная нужда вызвали аграрныя волненія. Кто же, однако, какъ не дворянство своими жадными поборами, систематическимъ выжиманіемъ послѣднихъ соковъ изъ мужиковъ голодающихъ деревень, помогло правительству довести крестьянство до отчаянныхъ мѣръ сопротивленія? Кто же, какъ не дворянство, радовалось, что мужики у него въ рукахъ и рабочіе дешевы? И вотъ, когда дѣло дошло до крайности, благородное сословіе, сознавая свою историческую отвѣтственность, бросилось за помощью къ ненавистной ему бюрократіи, просило шты-

ковъ, плетей и розогъ. Пробовали-ли кто-нибудь изъ полтавскихъ или харьковскихъ дворянъ мирнымъ путемъ уладиться съ мужиками? Нѣтъ! Благородное дворянство, организованное сословіе, о дряблости котораго такъ сожалѣетъ «Освобожденіе», предпочло жаловаться на представителя всемогущей бюрократіи, губернатора, за то, что онъ, по мнѣнію этой надежды Россіи, плохо поролъ мужиковъ! Живодеръ-Оболенскій — вотъ нынѣшній идолъ благороднаго дворянства. Сахалинская каторга—и та не видывала такихъ наглыхъ тирановъ, какъ Его Сіятельство князь Оболенскій, тотъ самый Оболенскій, который еще до кровавой потѣхи своей заморилъ Херсонскую губернію, не допуская туда благотворительной помощи. На сахалинскаго начальника каторжныхъ и смотрятъ всѣ, какъ на палача, его чуждаются, ему не подносятъ складней съ образами и адресовъ, ему не устраиваютъ овацій благородные дворяне, порою съ такимъ барскимъ презрѣніемъ относящіеся къ «тупой бюрократіи». Во всей русской прессѣ, вольной и подневольной, за рѣдкими исключеніями, всегда возбуждало омерзеніе ремесло шпіона, доносчика; во всѣхъ честныхъ людяхъ уже безъ всякаго исключенія возбуждалъ омерзеніе доносъ ложный. Только благородное полтавское дворянство не погнушалось ложнаго доноса на статистиковъ. Какъ знакома намъ эта тактика съ давнихъ временъ, это пробужденіе сознанія своихъ классовыхъ интересовъ у дворянства. Дворянство очень умѣло и энергично подъ видомъ благочестія пользовалось минутами замѣшательства, чтобы обдѣлать свои дѣлишки благороднымъ путемъ! Знаемъ мы, что статистика, да собираніе матеріаловъ для оцѣнки доходности земель всегда были вострымъ ножемъ для благороднаго сословія. Съ давнихъ поръ это дряблое дворянство съ большимъ искуствомъ сваливало земскія повинности на крестьянъ; но этому такъ часто мѣшала статистика со своими цифрами. И вотъ, когда поднялся переполохъ, ни смертельный страхъ передъ исторической отвѣтственностью, ни упоеніе побѣдой и кровавой местью не помѣшали «благороднымъ» воспользоваться хорошимъ случаемъ подкузьмить статистику при помощи той же ненавистной ему бюрократіи. Отъ услугъ дворянскаго департамента мы отказываемся, а когда шефы этой бюрократіи, Плеве и Витте, предлагаютъ устроить въ пользу полтавскаго дворянства штрафную реквизицію съ крестьянъ, у которыхъ спины еще не зажили отъ казацкихъ нагаекъ, гордое своимъ званіемъ первыхъ лакеевъ императора дворяство накидывается на нищенскіе животишки избитыхъ рабовъ!

Рабойничьи шайки Бельгарда и Оболенскаго, свирѣпствовавшія на югѣ Россіи, шайка Хвостова въ Воронежской губ., вмѣстѣ съ озвѣрѣвшимъ дворянствомъ, представляютъ нѣчто

глубоко возмутительное, небывалое. Нѣтъ того позорнаго клейма, которымъ съ достаточной силой можно было бы запечатлѣть эти позорныя дѣянія. Только вѣчный гнѣвъ суроваго Іеговы, потопившаго весь родъ людской въ волнахъ дрожавшаго отъ ужаса моря, былъ бы достаточно сильнымъ отвѣтомъ на дѣянія этихъ выродковъ человѣчества. Гдѣ мы живемъ, въ какой странѣ? Древній Римъ, пьяный отъ вина, упивался кровавыми зрѣлищами цирковъ, а мы присутствуемъ при подобныхъ сценахъ трезвы-трезвехоньки и спокойно резонируемъ, даже радуемся, что наше дворянство начинаетъ сознавать что-то, какія-то обязанности свои передъ отечествомъ...

Ради всего святого на свѣтѣ, скажите, гдѣ же это сознаніе? Поставимъ крестъ на дворянахъ, распинавшихъ крестьянъ, жаловавшихся на Бельгарда и низкопоклонствовавшихъ передъ Плеве и Оболенскимъ, творившихъ ложные доносы. Не отъ нихъ требовать, не отъ нихъ ждать человѣческаго отношенія къ событіямъ. Гдѣ же эта остальная, просыпающаяся дворянская Россія, которую мужики не трогали, которая собирается, по словамъ «Освобожденія», заявить свои благородныя чувства?

Раздался-ли хоть одинъ негодующій голосъ противъ дворянъ, заявлявшихъ, что они не сыты кровью, пролитой Бельгардтомъ въ Полтавской губерніи? Протестовало-ли хоть одно дворянское собраніе противъ клеветъ на статистику? И не подумало! А противъ наложенія на крестьянъ контрибуціи? Какъ, однако, хорошо «презрѣнные» бюрократы Плеве и Витте знали наше благородное дворянство, когда отдавали ему на потокъ и разграбленіе имущество полтавскихъ крестьянъ! Никто даже не заикнулся о неприличіи такой формы вознагражденія, не явилось и такого благожелателя, который сказалъ бы: «Гг. благородные дворяне, конечно, продажей крестьянскаго тряпья можно выручить кое-что, и это при нынѣшнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ дворянства все-таки было бы подспорьемъ; но вѣдь это тряпье грязное, пробитое нагайками, все перепачканное въ мужицкой крови — неловко какъ-то рыться во всемъ этомъ и потомъ еще везти на базаръ. Вѣдь станутъ послѣ этого всякія награбленныя тряпки называть панскимъ товаромъ. Прежде грозили недругу подослать на дворъ Амченина, а теперь, пожалуй, станутъ стращать полтавскимъ дворяниномъ». Что намъ отвѣтятъ на это? Что поднимать голосъ противъ этихъ безобразій у насъ запрещено? Да, партикулярнымъ людямъ запрещено, но вѣдь дворянство и только одно дворянство обладаетъ правомъ непосредственнаго обращенія къ престолу! Или намъ скажутъ, что если ужъ мы, дворяне, хладнокровно смотрѣли, какъ хлестали нагайками и топтали лошадьми на-

шихъ собственныхъ, дворянскихъ дѣтей, то что же ужъ намъ безпокоиться очень изъ-за сиволапаго, котораго и такъ постоянно порятъ; но порятъ раздробительно, а теперь стали пороть оптомъ, по-уѣздно... Это правда, даже противъ уличныхъ избіеній сыновей и дочерей привилегированныхъ классовъ протестовало не благородное дворянство, «не организованныя общественныя силы» въ смыслѣ «Освобожденія», а просто охочіе люди. Но это значитъ оправдываться — прыгая изъ кулька въ рогожку, прячась отъ дождя въ воду. Если ужъ и противъ этого прямого оскорбленія «организованныя общественныя силы» не посмѣли и пикнуть, то гдѣ же у нихъ самое элементарное чувство собственнаго достоинства, не говоря уже о «сознаніи огромной исторической отвѣтственности»? И этимъ-то людямъ «Освобожденіе» уготовало роль «первыхъ — въ смыслѣ преданности великому дѣлу — работниковъ дѣла національнаго освобожденія»! Поистинѣ, это называется ждать отъ каменнаго попа желѣзной просфоры....

* * *

Но — такъ полагаетъ «Освобожденіе» — именно дряблость и ничтожество русскаго дворянства и объясняютъ собою «медленность гражданскихъ успѣховъ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и тотъ фактъ, что эта великая соціальная реформа не совпала съ коренным политическимъ преобразованіемъ страны». «Освобожденіе» находитъ возможнымъ такъ высказаться, «не вдаваясь въ историческія справки и соображенія».

А, между тѣмъ, вдаться въ такія справки является далеко не лишнимъ, особенно тогда, когда дѣло доходитъ до такихъ смѣлыхъ историческихъ обобщеній. Быть можетъ, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ, и если-бы, согласно запоздалой мечтѣ «Освобожденія», дворянство въ эпоху освобожденія крѣпостныхъ было достаточно сплоченнымъ и сильнымъ сословіемъ, мы не только не получили бы конституціи, но и самое освобожденіе было бы еще болѣе изуродовано, чѣмъ это оказалось въ окончательномъ положеніи 19-го февраля? Люди, которые еще помнятъ эту эпоху, люди, изучавшіе ее по историческимъ документамъ, по современной литературѣ, легко могутъ возстановить то тревожное состояніе небольшой сравнительно группы сторонниковъ свободы, которое имъ пришлось переживать. Возгласъ покойнаго Герцена — ты побѣдилъ, Галелеянинъ!—былъ крикомъ изболѣвшейся души, слѣдившей за ходомъ глухой, отчаянной борьбы между сторонниками дворянскихъ традицій и партіей свободы. Борьба была не шуточная и велась она въ закрытыхъ коммиссіяхъ. Положеніе партіи освобожденія крестьянъ было очень шаткое: изъ нея постоянно являлись перебѣжчики, слѣдившіе за колебаніями мысли Александра II и придворной партіи.

Всѣ чувствовали, что Александръ—плохая опора. Недостатокъ вѣры въ идею, въ себя, въ людей, вмѣстѣ съ вколоченной съ дѣтства въ голову дикой идеей о божественности самодержавія, о томъ, что желаніе страны ему не указъ, дѣлали его ненадежнымъ сторонникомъ реформы. Намъ, разумѣется, отвѣтятъ, что вѣдь и губернскіе комитеты, и редакціонная коммиссія состояли изъ дворянъ-помѣщиковъ, однако-же они не помѣшали освобожденію, наоборотъ, среди нихъ-то и явились сторонники освобожденія во что бы то ни стало. Это вѣрно, но вѣдь это были дворяне-помѣщики, только по происхожденію, а не по идеямъ. Кромѣ коммиссіи была еще дворянская Россія. Она смотрѣла на сторонниковъ реформы, какъ на измѣнниковъ своему, дворянскому дѣлу. Въ цивилизованномъ Петербургѣ, около царскаго дворца, положеніе сторонниковъ реформы напоминало жизнь во враждебномъ лагерѣ: съ ними не кланялись на улицахъ, противъ нихъ велись самыя отчаянныя интриги. Ихъ доводили до необходимости выходить на барьеръ подъ выстрѣлъ крѣпостниковъ! Будь рабовладѣльческая партія сильнѣе, тѣснѣе, образованнѣе, съумѣй она самимъ рабствомъ крестьянъ пользоваться болѣе раціонально — неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось дѣло. Вспомнимъ также, что хотя и удалось провести освобожденіе крестьянъ съ землею, но сколько разныхъ препонъ, ловушекъ, лазеекъ для нейтрализаціи мыслей первоначальныхъ проектовъ втиснуто было въ окончательную редакцію крестьянскаго положенія! Современное положеніе крестьянства съ его нищетой, голодовками, скитаніями изъ одного конца Россіи въ другой, уже тогда предсказывались проницательной оппозиціей, не тверской, не московской, а той, которая закончила свою карьеру на каторгѣ. Современное положеніе крестьянъ—прямой результатъ недостатковъ Положенія 19-го февраля и долголѣтнихъ стараній дворянства. А если дряблое дворянство съумѣло такъ окорнать крестьянъ, то что былобы, если-бы это благородное сословіе обладало энергіей, знаніями и упорствомъ въ борьбѣ и трудѣ хотя бы нѣмецкихъ аграріевъ?

Мы не понимаемъ также, чѣмъ это могъ унизить дворянство Александръ III и его министры? Дворянство—одинъ изъ наиболѣе обезпеченныхъ классовъ населенія, большинству его доступно образованіе, у всѣхъ почти есть клочекъ земли, который представляетъ нѣкоторую цѣнность. Какъ можно при такихъ условіяхъ унизить, превратить въ своихъ прихвостней людей, дорожащихъ своей свободою и независимостью? Развѣ отнималъ Александръ III какія-либо дворянскія привилегіи? Развѣ онъ предъявлялъ къ дворянству какія-либо требованія? Этого было не слышно. Наоборотъ, при немъ и поднятъ былъ вопросъ о сословности,—и эта сослов-

ность понималась только въ смыслѣ поднятія значенія дворянства. Кромѣ цѣлаго ряда должностей, доступныхъ только дворянству, для него создана была новая — земскаго начальника. Это и было осуществленіе щедринскаго проекта о назначеніи участковыхъ губернаторовъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, яко знающихъ обстоятельства. Никто не гналъ помѣщиковъ на службу; кто гнушается бюрократической карьерой — могъ искать другихъ занятій. Отчего же отъ такого порабощенія спаслись разночинцы, мѣщане, дѣти канцелярскихъ служителей, у которыхъ ни имущественныхъ, ни сословныхъ привилегій не было? За этотъ же періодъ у насъ сильно выросъ контингентъ представителей свободныхъ профессій, между которыми очень немного дворянъ. Не сами-ли дворяне постоянно плакались на свою нищету, развѣ не ради ихъ слезъ созданъ былъ дворянскій банкъ съ кредитомъ на барскихъ условіяхъ? Какъ пользовалось дворянство своимъ правомъ петицій? Хлопотало-ли оно о расширеніи своихъ правъ политическихъ, а тѣмъ болѣе — о расширеніи политическихъ правъ всего народа? Увы; этимъ, кажется, мало оно интересовалось. Оно занималось, за рѣдкими исключеніями, попрошайствомъ. Вѣрное крѣпостнымъ традиціямъ, оно то требовало, въ силу своего благородства, закрѣпощенія за нимъ разныхъ должностей по службѣ, гдѣ почтовыхъ чиновниковъ, а гдѣ такъ и кабатчиковъ*); просило объ открытіи особыхъ дворянскихъ учебныхъ заведеній, да такихъ именно, откуда прямо можно было бы сѣсть на теплое казенное мѣсто. Стоило только дворянству прослышать, что въ Сибири очень хороша земля — сейчасъ раздались вопли — дайте намъ земли въ Сибири, мы тамъ благородство разведемъ. Дворянство само лѣзло въ хомутъ, само продавало свое первородство за чечевичную похлебку. Оно рвалось въ ряды той бюрократіи, которая теперь вертитъ всѣмъ въ государствѣ. Сотни, тысячи разныхъ ходатайствъ о пособіяхъ, новыхъ льготахъ, вопли о ихъ неудовлетвореніи, о забвеніи заслугъ создали цѣлую литературу. Это невольно подало мысль объ основаніи особаго департамента для дворянскихъ нуждъ. Это показалось обиднымъ для дворянства; его хотѣли, видите-ли, подчинить бюрократіи; но когда ходатайствъ накопилось такъ много, нужно же было ихъ кому-нибудь разбирать. Гдѣ же однако кончается дворянство и гдѣ начинается бюрократія? Главные заправилы бюрократіи всѣ дворяне, а большинство и помѣщики. Воронъ ворону глазъ не выклюетъ! Допустимъ однако же, что «столбовое» объявитъ войну бюрократіи. Бу-

*) Любопытно, что именно знаменитый Стаховичъ хлопоталъ о преимуществахъ для дворянъ при опредѣленіи въ сидѣльцы казенныхъ винныхъ лавокъ.

детъ-ли это война за освобожденіе Россіи, за земское представительство, за самоуправленіе? Не думаемъ — это будетъ дракой между двумя реакціонными классами за преобладаніе въ высшихъ сферахъ. Она, конечно, интересна и полна значенія для сторонниковъ свободы, такъ какъ вражда между двумя реакціонными классами, врагами свободы, ослабляетъ силы ихъ: въ борьбѣ этой, если это только не будетъ «потѣха милыхъ», они щадить другъ друга не будутъ и настолько прекрасно раскрасятъ другъ друга, что имъ обоимъ стыдно будетъ на люди показаться. Вотъ единый, полезный результатъ этой распри. Мы никакъ не можемъ себѣ представить, чтобы дворянство, какъ сословіе, могло, въ случаѣ побѣды надъ бюрократіей, стать на сторону свободы. У насъ при первыхъ проблескахъ свободы стѣной поднимется, заслоняя собой всѣ другіе, вопросъ объ устройствѣ быта крестьянъ-земледѣльцевъ, т. е. трехъ четвертей населенія Россіи; а при этомъ сохраненіе преобладающаго значенія дворянства и его привилегій станетъ дѣломъ невозможнымъ. Побѣдивъ бюрократію, дворянство постарается образовать плотное кольцо около власти,—упрочить свое имущественное положеніе и тѣ одіозныя привилегіи свои, о которыхъ упоминалось въ № 1 «Освобожденія». Думать, что какой-либо высшій, привилегированный классъ, захвативъ въ руки власть, подѣлится ею съ другими слоями общества — добровольно и охотно перейдетъ изъ барскаго, властнаго положенія въ рядовые—позволительно только утопистамъ обывательскихъ гостинныхъ.

* * *

Но намъ кажется, что мы говоримъ о невозможныхъ вещахъ. Первенствующее сословіе Россіи только фрондируетъ. Стоитъ только царю бросить ему ещо кусокъ и отношенія дружбы возстановятся. Стоитъ только подняться гдѣ-нибудь крестьянскому волненію, а это дѣло не за горами, а за плечами, и дворянство завопитъ—«спасите насъ»! Тѣмъ скорѣе, конечно, лучшіе элементы дворянства отряхнутъ прахъ отъ ногъ своихъ и удалятся изъ рядовъ «организованной общественной силы» дворянства. Редакція «Освобожденія» сама пишетъ: «не такъ давно намъ пришлось бесѣдовать съ однимъ виднымъ земскимъ дѣятелемъ изъ стараго дворянскаго рода. Онъ выразилъ глубокое убѣжденіе, что если теперь, на пространствѣ ближайшихъ 2-хъ-3-хъ лѣтъ, нереволюціонныя общественныя силы Россіи окажутся безсильными въ борьбѣ съ бюрократическимъ самодержавіемъ, ихъ роль въ политическомъ развитіи страны будетъ съиграна и надежды на коренное преобразованіе придется возложить исключительно на союзъ революціонной интеллигенціи съ низшими

классами населенія». И такіе голоса будутъ раздаваться все чаще и чаще, сколько-бы ни торговалось съ ними «Освобожденіе» о продленіи «срока испытанія, назначеннаго исторіей организованнымъ общественнымъ силамъ Россіи»... Напрасно надѣется «Освобожденіе», что дворянство спасетъ насъ отъ «потрясеній». Развѣ оно спасло насъ отъ аграрныхъ волненій въ нынѣшнемъ году? Оно, наоборотъ, своимъ поведеніемъ уготовало будущія волненія. Если теперь, при началѣ только подобныхъ столкновеній, у благороднаго сословія не хватило ни такта, ни мужества встать лицомъ къ лицу съ событіями и предложить крестьянству какой-нибудь мирный исходъ, то чего же ждать въ будущемъ? Если «Освобожденіе» убѣждено, что источникомъ, коренной причиной волненій было невыносимое положеніе крестьянъ, то оно, надобно полагать, не улучшилось послѣ порокъ и казацкихъ грабежей и врядъ ли улучшится значительно послѣ сбора контрибуціи. Обстоятельства стали хуже, а мѣръ къ улучшенію ихъ не принято, да и принято не будетъ. Ни казна, ни тѣмъ болѣе дворянство земли крестьянству не дадутъ, а безъ земли оно останется такимъ же нищимъ, какъ и было.

Разбойническое нашествіе, мучительныя казни могутъ напугать безоружный народъ; но «да вѣдаетъ градоправитель, что одною строгостью, хотя бы оная была сто кратъ сугуба, ни голода пресѣчь, ни моровой язвы прекратить невозможно». Довѣрчивый народъ, полный вѣры въ справедливость царя, въ самомъ возстаніи старался держаться мѣры и порядка: онъ отбиралъ только то, что считалъ своимъ, и это было дѣйствительно принадлежащее ему, сто разъ заработанное, сто разъ заслуженное! Теперь, конечно, послѣ опыта, послѣ губернаторской пропаганды, увѣрившей народъ, что царь, ради излюбленнаго дворянства, рѣшилъ пустить крестьянъ по міру и отдать народъ снова въ кабалу, мужикъ не дастъ взять себя голыми руками. Онъ найдетъ другія средства изводить, разорять своихъ враговъ, преслѣдовать ихъ на каждомъ шагу, тихо, неуклонно, но безпощадно, до тѣхъ поръ, пока придетъ время освобожденія Россіи отъ ига царскаго, ига дворянскаго, ига крапивнаго сѣмени и хозяйскаго.

«Освобожденіе» имѣетъ цѣлью приблизить этотъ моментъ, та же цѣль и у революціонеровъ; но мы не заигрываемъ съ дворянствомъ и не надѣемся на дворянство. Въ нашемъ лагерѣ нѣтъ ни обрѣзанныхъ, ни необрѣзанныхъ, ни эллиновъ, ни іудеевъ; приходящему къ намъ дворянину, крестьянину, купцу, всякому мы говоримъ — благословенъ грядый во имя свободы! У насъ нѣтъ ни дворянъ, ни чиновниковъ, ни купцевъ, а только люди и слуги дѣла свободы и братства. Дворянка Перовская, дворянинъ Герценъ, дворянинъ Балмашевъ, еще многое множество дворянъ входили въ наши ряды и бо-

ролись въ нихъ за счастье и благо народа. Изъ дворянскихъ рядовъ выходили не одни народные враги и разорители, составляющіе позоръ человѣческаго рода, а и свѣтлыя, самоотверженныя натуры, истинные рыцари безъ страха и упрека, герои революціи. Мы помнимъ, что эти герои вышли изъ дворянства; но они именно *вышли* изъ дворянства, порвали съ нимъ. И чѣмъ дальше будетъ идти процессъ разложенія дворянства, какъ сословія, тѣмъ скорѣе присоединится безкорыстно и самоотверженно къ дѣлу свободы все, что еще сохранилось въ этомъ сословіи живого, отзывчиваго, честнаго. Они, а не дворянство, какъ сословіе, дѣйствительно, смогутъ очутиться въ рядахъ «первыхъ — не въ смыслѣ мѣста, а въ смыслѣ преданности великому дѣлу — работниковъ освобожденія»!

Мы, какъ и «Освобожденіе», сторонники земщины и самоуправленія самаго широкаго. Мы даже думаемъ, что безъ самостоятельности областной, безъ правъ каждой земли, входящей въ составъ нашей родины, строить свой укладъ, и само учредительное всероссійское собраніе будетъ зданіемъ на пескѣ; но мы строго отдѣляемъ земскихъ людей отъ дворянства. Нельзя служить двумъ господамъ — благородному сословію землевладѣльцевъ и мужику, который работаетъ у барина, арендуетъ у него землю. И мы знаемъ, что земства, гдѣ не было ни одного изъ представителей благороднаго сословія, шли впереди земствъ съ князьями и графами, съ предсѣдателями, окончившими курсы въ разсадникахъ высшихъ наукъ. «Освобожденіе», сдѣлавъ еще шагъ, должно будетъ очень жалѣть о томъ, что въ Сибири нѣтъ благороднаго организованнаго сословія, оно должно будетъ толковать о мѣрахъ къ развитію помѣщиководства въ Сибири. Мы же посовѣтуемъ и дворянскимъ губерніямъ отодвинуть лучше покуда на задній планъ и сусликовъ, и кобылку, и градобитія, и засуху, и травосѣяніе, а заняться обезвреженіемъ «опоръ престола». Бюрократія страшное и ненавистное зло: но не резонъ же вѣдь лѣзть отъ дождя, да въ воду! Россія еще не дошла до того, чтобы кромѣ бюрократическаго и дворянскаго самодержавія у нея не было иного выбора. Пусть-же первенствующее сословіе, благородное русское дворянство продолжаетъ свою войну съ бюрократіей. Это — ихъ домашній споръ, мы не имѣемъ нужды о немъ жалѣть, но кто бы ни вышелъ изъ него побѣдителемъ, противъ него выступитъ новая сила — сила народной, рабочей, трудовой Руси. И если фрондирующее дворянство покоритъ подъ нози свои бюрократію, это не спасетъ побѣдителей отъ того, что русское трудовое, рабочее крестьянство, сознавъ свою силу и свои права, предъявитъ дворянству колоссальный историческій векселъ и скажетъ открыто въ глаза первенствующему сословію:

«Пришла и тебѣ пора выслушать насъ, — тебѣ, благородное дворянство, опора престола апокалипсическаго звѣря, прихвостень крапивнаго сѣмени — бюрократіи! Триста лѣтъ вы, господа дворяне, православные мурзы, хуже злого татарина держали въ кабалѣ половину Россіи. Скрежетали зубами вы, когда положенъ былъ предѣлъ вашему тиранству и надругательству надъ народомъ. Миріадами паразитовъ гнѣздились вы на тѣлѣ мужика и грызли плоть обнищавшаго Іова. Когда не стало живого тѣла для вашего корма, вы поползли къ престолу лизать руки того, кого вы проклинали, и принялись клянчить: нѣтъ-ли гдѣ чѣмъ покормиться! Заставь, царь-батюшка, за себя богу молиться, запряги мужика въ соху, а хлѣбъ у него отбери самъ, да отдай намъ. До голодной смерти довели вы нашу родину, которая полміра кормила своимъ хлѣбомъ. Пили весь вѣкъ свой вы мужицкую кровь и закусывали страднымъ крестьянскимъ хлѣбомъ. Вы одѣли нашихъ крестьянскихъ дѣтей въ разбойничью кургузую одежу и послали лить нашу кровь—кровь отцовъ и братьевъ своихъ — для защиты вашихъ каменныхъ палатъ, вашихъ имѣній и экономій отъ праведнаго гнѣва народнаго. Идите вы вмѣстѣ съ вашимъ царемъ, первымъ русскимъ помѣщикомъ, вашимъ заступникомъ и кормильцемъ. Идите своей дорогой, пока не исполнится мѣра мерзости вашей. Безъ вашей помощи жили мы и не умерли, когда были рабами вашими, безъ васъ несли солдатчину, цареву кабатчину, безъ васъ изъ за конца въ конецъ прошли всю землю отъ моря до моря и заселили холодную Сибирь. Довольно съ насъ вашихъ милостей и ласки, и попеченій. Вы торговали прежде людьми, торгуйте же теперь своей совѣстью, угождая вашему царю, пока и вамъ, и ему не положитъ предѣла гроза народнаго пробужденія»!

Сентябрь, 1902 г.

СОСТАВЪ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТІИ.

—

Отмѣчая «новое выступленіе русскихъ либераловъ» на политической аренѣ, мы остерегались тотчасъ дать свой отзывъ объ ихъ программѣ, поскольку она выражается «Освобожденіемъ». Дѣло въ томъ, что стремленіе этого органа — «осознать и оформить либерально-демократическое движеніе въ странѣ» (№ 1, стр. 5) слѣдуетъ понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ даже понимаетъ его само «Освобожде-

ніе». Далеко еще не «осознало» себя и это «либерально-демократическое» движеніе, далеко еще не «осознало» себя и само «Освобожденіе». По первымъ №№ его было ясно видно, что редакція, приступая къ своему дѣлу, далеко не вполнѣ выяснила самой себѣ всѣ его трудности, далеко не выяснила самой себѣ всѣхъ особенностей своего положенія.

Первое программное заявленіе «Отъ редактора» гласило, что «Освобожденіе» будетъ *„исключительно* посвящено дѣлу борьбы за всестороннее освобожденіе нашей родины отъ полицейскаго гнета», за личную и общественную свободу. Оно не должно быть ни органомъ лица, ни органомъ какой бы то ни было готовой партіи, а тѣмъ болѣе — доктрины. «Его призваніе быть органомъ намѣченной выше широкой національной задачи и *всѣхъ* (курсивъ нашъ) поборниковъ новой, свободной Россіи».

Что изъ этого вытекаетъ? «Всѣ» поборники политическаго освобожденія Россіи — это довольно смѣшанное общество. Сюда войдутъ и либералы, и соціальдемократы, и соціалисты-революціонеры. Но какъ можно создать органъ для «всѣхъ» ихъ разомъ? Это возможно двоякимъ путемъ: или сдѣлавши органъ свободною трибуной для выраженія какъ общихъ, такъ и специфически-различныхъ взглядовъ всѣхъ этихъ элементовъ, или совершенно устранивши изъ органа всѣ спорные между ними вопросы. Первый путь сдѣлалъ бы органъ чѣмъ-то крайне разношерстнымъ. Въ этомъ своемъ видѣ онъ, конечно, остался бы не безъ пользы для желающей выработать себѣ соціально-политическое миросозерцаніе интеллигентной молодежи. Но «Освобожденіе» желало воздѣйствовать на гораздо болѣе обширную аудиторію, для которой принципіальныя разногласія всѣхъ этихъ партій и фракцій не болѣе понятны, а порою и не болѣе интересны, чѣмъ китайская азбука. Второй путь превратилъ бы «Освобожденіе» просто на просто въ органъ всесторонняго «обличенія» самодержавной бюрократіи. Въ этомъ видѣ, конечно, онъ приносилъ бы одинаковую пользу всѣмъ вообще, кто только долженъ бороться съ самодержавіемъ, но не былъ бы особенно близокъ никому въ частности. А это тоже крупное неудобство, если не принципіальное, то практическое. И вотъ почему, вопреки первоначальному заявленію «Отъ редактора», ни первымъ, ни вторымъ путемъ «Освобожденіе» не пошло.

Мы не знаемъ, видитъ это или не видитъ редакторъ «Освобожденія» теперь. Раньше онъ этого все еще, повидимому, не замѣчалъ. Очень краснорѣчиво онъ доказывалъ, что «вопросъ о свободѣ не есть просто одинъ изъ многихъ вопросовъ внутренней политики и пунктовъ партійной программы»; что «здѣсь дѣло идетъ о достоинствѣ существованіи личности и націи»; что «великое благо сама по себѣ, свобо-

да есть въ то же время важнѣйшее условіе совершенствованія всей народной жизни» (№ 1, стр. 3). Онъ выражалъ надежду, что на этой задачѣ «могутъ и должны сойтись люди разныхъ вѣръ, разныхъ соціальныхъ взглядовъ, разныхъ темпераментовъ» (тамъ же, стр. 6). Онъ клалъ въ основу своего органа «широкую и идеалистическую постановку задачи освобожденія, какъ общенароднаго или національнаго дѣла», разсчитывая, что при этомъ условіи онъ будетъ «органомъ не какого-либо одного теченія русской общественной жизни, но *всего* многообразнаго и въ то-же время единаго освободительнаго движенія» (№ 15, стр. 249—250). И, дѣлая еще одинъ шагъ, онъ взывалъ къ организаціи «партіи политическаго освобожденія».

Но во всей этой аргументаціи нельзя не замѣтить одного чрезвычайно существеннаго недоразумѣнія. Исходя изъ вѣрной посылки, П. Струве пришелъ къ совершенно невѣрному выводу. Мы тоже полагаемъ, что политическая свобода есть и сама по себѣ огромное благо, и средство для завоеванія цѣлаго ряда новыхъ благъ. Какъ несомнѣнное элементарное благо, оно можетъ быть цѣнимо разнообразнѣйшими общественными группами. Какъ средство для вліянія на ходъ государственной политики и законодательства, оно можетъ быть цѣнимо даже противоположными по цѣлямъ группами. Политическая свобода нужна странѣ, какъ воздухъ, какъ солнечный свѣтъ; но тѣмъ же самымъ вольнымъ воздухомъ дышутъ самые различные виды живыхъ существъ, и солнце одинаково свѣтитъ праведнымъ и неправеднымъ. Политическая свобода выводитъ изъ подъ спуда на широкую общественную арену—направленія, которыя еще должны много и упорно бороться между собою. Тотъ фактъ, что всѣ они стремятся къ политической свободѣ, можетъ, конечно, служить основой для временнаго союза между ними; но его во всякомъ случаѣ недостаточно для сліянія всѣхъ ихъ въ одну «партію политическаго освобожденія». И кромѣ политическаго освобожденія есть не мало соціальныхъ задачъ, которыя не могутъ быть ни на одинъ день устранены изъ партійныхъ программъ, наиболѣе вѣрно и ярко выражающихъ потребности трудящихся массъ. И кто пожелаетъ создать партію политическаго освобожденія въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. организацію, главной и основной цѣлью которой будетъ достиженіе политической свободы—и только ея,—тотъ на дѣлѣ сможетъ объединить лишь элементы, или равнодушные ко всему другому, кромѣ политической свободы, или даже прямо враждебные серьезнымъ соціально-реформаторскимъ стремленіямъ времени. Понятно, что таковыми являются только люди имущихъ классовъ, въ общемъ довольные существующими соціальными отношеніями. Они, конечно, очень недовольны, когда какая-

нибудь общественная группа во имя своихъ классовыхъ интересовъ подымается противъ наличныхъ соціальныхъ отношеній. Тогда они поднимаютъ вопль противъ «классовыхъ пополэновеній» во имя «соціальнаго мира». Они воображаютъ, будто въ этомъ воплѣ сказывается ихъ «идеалистическое», «объединительное» настроеніе, а не самый пошлый, эгоистическій, удовлетворенный классовой интересъ. Чрезвычайно ярко такой самообманъ сказывается, напр., въ «письмѣ въ редакцію», напечатанномъ въ № 7 (31) «Освобожденія». Авторъ письма находитъ, что «все, что ведетъ къ раздѣленію и разногласіямъ между оппозиціонными элементами, всякія отвлеченія(!) въ сторону экономическихъ требованій, всякія классовыя междоусобія.... вредны» (стр. 125). Рѣдко можно найти такую откровенность и такую послѣдовательность. Тѣмъ цѣннѣе онѣ, конечно. Долой классовыя междоусобія! Всеобщая южная стачка, какъ и аграрное крестьянское движеніе, поэтому, вредны. Не отвлекайтесь въ сторону экономическихъ требованій! Суевѣріе думать, будто для того, чтобы насытиться, нуженъ еще и хлѣбъ, а недостаточно одной политической реформы...

Поставивъ вопросъ на почву образованія новой партіи — «партіи политическаго освобожденія» — П. Б. Струве, хотѣлъ онъ того или не хотѣлъ, но кликнулъ кличъ именно къ тѣмъ, которымъ, кромѣ чисто-политической и юридической свободы, ничего не требуется. Въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, быть можетъ, клича этого было бы достаточно, чтобы подъ выкинутымъ знаменемъ собралась тѣсная, дружная, сплоченная армія однородныхъ въ классовомъ смыслѣ элементовъ. Но въ томъ-то и бѣда, что ни торгово-промышленная буржуазія, ни землевладѣльцы, какъ классы, сдѣлаться активными борцами за дѣло политическаго освобожденія у насъ не могутъ. Только «ни павы, ни вороны» соціально-политической мысли, только разношерстные промежуточные элементы, отъ буржуазно-плутократическаго порядка душею отставшіе, но и къ соціализму не приставшіе, могутъ въ серьезъ откликнуться на призывъ къ активной борьбѣ за освобожденіе. Но эти элементы ничего не имѣютъ и противъ довольно широкихъ соціальныхъ реформъ. Они не враждебны соціализму, они просто плохо въ него вѣрятъ. И когда П. Струве заявилъ, что соціализмъ есть не болѣе, какъ «проблема», то это вполнѣ ихъ должно было удовлетворить. По ихъ маленькому размаху мысли соціализмъ представляется чѣмъ-то слишкомъ смѣлымъ, необычнымъ, а потому сомнительнымъ, гадательнымъ, проблематическимъ. Но программу-минимумъ соціалистической партіи они не прочь взять цѣликомъ или почти цѣликомъ, превративъ ее въ свою программу-максимумъ. Эти элементы не прочь и отъ борьбы, хотя

возможно болѣе умѣренными средствами. Далѣе мы увидимъ, что глашатаемъ именно этихъ элементовъ и становится П. Струве въ послѣднее время, послѣ неудачныхъ дебютовъ съ планами объединенія всѣхъ либеральныхъ элементовъ въ одну единую партію.

Мы уже говорили, что ни одинъ изъ крупныхъ классовъ современнаго общества у насъ не поднимаетъ знамени либерализма, въ качествѣ своего кровнаго, классового знамени. Но по мѣрѣ того, какъ революціонное движеніе дѣлаетъ успѣхи, по мѣрѣ того, какъ несспособность современнаго режима справиться съ нимъ становится очевидной ad oculos, — привилегированные классы начинаютъ выдѣлять изъ себя рядъ элементовъ, которые, иногда скрѣпя сердце, начинаютъ мысленно примѣривать конституціонныя одежды. Разъ вѣрный союзникъ — монархія — зашла въ тупикъ, разъ ея ликвидація все равно неизбѣжна, и разъ наканунѣ этой ликвидаціи, въ ея предчувствіи, монархія начинаетъ терять голову и сплошь и рядомъ оказывать своимъ союзникамъ чисто-медвѣжьи услуги—то слѣдуетъ приспособиться къ защитѣ своихъ привилегій на иной ладъ. Приходится превратиться въ «либераловъ скрѣпя сердце», въ «конституціоналистовъ поневолѣ». Какъ во Франціи наряду съ республиканцами не только за страхъ, но и за совѣсть, есть еще ralliés, «присоединившіеся къ республикѣ», — исключительно для того, чтобы ее кастрировать, — такъ и въ Россіи появляются уже первыя ласточки— «присоединяющіеся» къ либеральному лагерю.

Въ № 11 «Освобожденія» напечатано письмо президента Императорскаго Вольно-Экономическаго общества, опочецкаго, Псковской губ., предводителя дворянства, участника московскаго тайнаго земскаго съѣзда, и прочая, и прочая, и прочая — П. А. Гейдена. Письмо это, адресованное министру внутреннихъ дѣлъ, въ отвѣтъ на «высочайшую» нахлобучку за участіе въ тайныхъ совѣщаніяхъ, содержитъ, между прочимъ, весьма характерную мотивированную жалобу на недовѣріе администраціи къ земству. «Казалось бы—пишетъ г. Гейденъ,—что собраніе, пополняющееся исключительно представителями недвижимой собственности, неразрывно связанными съ мѣстомъ своей дѣятельности, и гораздо болѣе, чѣмъ бездомные люди, заинтересованными въ незыблемости мѣстнаго мира и строгаго порядка, — что такое собраніе есть лучшій оплотъ противъ всякихъ разрушительныхъ идей». Гр. Гейдена тревожитъ то, что «охранительные элементы, состоящіе изъ людей не первой юности, бездѣйствуютъ все болѣе и болѣе, а крайніе элементы ведутъ борьбу не только съ правительственною властью, но и со всѣмъ общественнымъ строемъ». Онъ ссылается, конечно, на полтавско-харьковскія событія, указывающія на «опасность, на краю которой» нахо-

дятся многія мѣстности Россіи; доказываетъ, что однѣми административными мѣрами нельзя «умиротворить то, что вытекаетъ хотя изъ невѣрнаго, но изъ глубокаго убѣжденія народа, эксплуатируемаго элементами, ищущими крупнаго переворота». Рѣчь идетъ, конечно, о «невѣрномъ» мнѣніи крестьянъ, будто землей долженъ распоряжаться тотъ, кто ее обрабатываетъ; на взглядъ гр. Гейдена вѣрно какъ разъ обратное. Ясно, что его сіятельству слѣдуетъ распоряжаться земельной собственностью, не обрабатывая ее, а его батракамъ и арендаторамъ — обрабатывать эту землю, не владѣя ею. «При такихъ условіяхъ—продолжаетъ графъ—представители имущаго класса должны выступить на почвѣ закона и справедливости на защиту порядка». «Не имѣемъ же мы возможности, представители земельной собственности, отстраняться отъ дѣла, атрофировать свои силы и быть только свидѣтелями того, какъ правительственная власть станетъ лицемъ къ лицу съ крайними элементами, стремящимися къ соціальному перевороту самыми опасными мѣрами. Если бы я и мнѣ подобные и хотѣли это сдѣлать, то думаю, что мы на это не имѣемъ права, и простое чувство самосохраненія намъ это запрещаетъ» («Осв.», № 11, стр. 177).

Да хоть и «простое» это чувство — чувство самосохраненія— однако, чего оно не заставитъ сдѣлать! Заставитъ даже, пожалуй, на старости лѣтъ изъ лойальнаго монархиста превратиться почти что въ либеральнаго конспиратора. Мыши всегда покидаютъ тонущій корабль. И хотя корабль самодержавія еще не тонетъ, но уже далъ большую течь, а среди царства мышей никогда не будетъ недостатка и въ дальновидныхъ, «премудрыхъ Онуфріяхъ», провидящихъ будущее. Вслѣдъ за гр. Гейденомъ тѣ же рѣчи завели и «старые земцы», выпустившіе цѣлый манифестъ къ своимъ собратьямъ. Они бьютъ въ набатъ по случаю «глухого броженія народныхъ массъ, грозящаго каждую минуту перейти въ открытое возстаніе, которое можетъ вмѣстѣ съ *абсолютной* монархіей смести *самый принципъ* монархіи, вмѣстѣ съ *злоупотребленіями* частной собственности уничтожить *самый принципъ* собственности». А принципъ собственности такъ дорогъ «старымъ земцамъ», что они готовы выкупить его, пожертвовавъ кое какими «злоупотребленіями». Да и монархію выдать совсѣмъ головой они, какъ видите, не согласны: чувствуютъ, что изъ этого колодца имъ еще пригодится воды напиться. И вотъ почему «старые земцы» предлагаютъ своимъ собратьямъ скорѣе «примириться съ судьбой неизбѣжною» и согласиться на кое какія жертвы: не слѣдуетъ «безпокоиться о сохраненіи того, что уже назначено къ уничтоженію», и сдѣлать уступки сверху порою выгоднѣе для власть имущихъ, чѣмъ ждать революціи снизу. Суджанскій предводитель дворянства, А. В. Евреиновъ, въ своемъ пись-

мѣ къ Витте тоже находитъ вѣское извиненіе попыткамъ своимъ и своихъ товарищей вмѣшаться въ общегосударственныя дѣла: предъ нимъ грозный призракъ «кучки анархистовъ, ничего не боящейся, даже висѣлицы», передъ нимъ «министерство внутреннихъ дѣлъ, мечущееся и безплодно ведущее борьбу съ этой лернейской гидрой». Какъ сердцу истиннаго дворянина не задрожать, въ самомъ дѣлѣ, при видѣ такой картины? «Зловредной кучки мы, мирные земледѣльцы, боимся не менѣе министерства внутреннихъ дѣлъ. Всѣ эти убійства, волненія и погромъ (опять таки полтавско-харьковскій) не даютъ мирно трудиться и даже жить спокойно».*) Неудивительно, поэтому, что добрый сосѣдъ г. Евреинова, небезъизвѣстный г. Стаховичъ, въ адресѣ губ. земск. собранія соперничаетъ съ авторами пресловутаго манифеста 26-го февр. въ изъявленіяхъ печали по поводу того факта, что «чуть не четверть вѣка уже тяготѣетъ и гнететъ русское государство указанная Его Величествомъ смута». И «не съ заносчивымъ дерзновеніемъ или дерзостнымъ притязаніемъ, а въ прямодушномъ усердіи отклика на милостивый призывъ» онъ проситъ «монарха» стать ближе къ «голосу земли», «голосу земства, безкорыстнѣе чиновниковъ преданнаго самодержавію» и утвердить закономъ «самое пригодное ихъ сочетаніе, самое надежное для водворенія въ государствѣ и порядка и правды».**)

Неудивительно, что эти «присоединившіеся» не довольны тѣмъ ношѐніемъ къ соціализму, которое провозгласилъ самъ редакторъ «Освобожденія»: не то, чтобы совсѣмъ отрицательное, но и не то, чтобы положительное, а такъ, «проблематическое». Характерно въ этомъ смыслѣ заявленіе нѣкоего С. Г. отъ имени «либеральныхъ и культурныхъ элементовъ провинціи: юристовъ, врачей, коммерсантовъ, учителей, литераторовъ». Заявленіе это очень рѣшительно: «мы ***раньше всего*** не соціалисты, мы считаемъ коллективизмъ (единственная реальная форма соціализма) не только «проблемой», но не возможнымъ и въ послѣднемъ результатѣ и не желательнымъ».***) На что, конечно, редакціи, вѣрной неизбѣжному въ такихъ случаяхъ сидѣнью между двухъ стульевъ, оставалось лишь отвѣтить: «мы считаемъ такое ***отрицаніе*** соціализма столь же ненаучнымъ и не выдерживающимъ критики, какъ и всѣ формулы доктринальнаго соціализма».

* * *

Какъ же отнестись къ «присоединившимся»? Встрѣтить

*) Письмо Евреинова къ С. Ю. Витте, см. въ «Рев. Рос.» № 13 или «Осв.» № 10.

**) «Освобожденіе», № 22, стр. 405.

***) «Осв.», № 4(28), стр. 65.

ли ихъ съ распростертыми объятіями? Отнестись ли къ нимъ съ недовѣріемъ и съ подозрительностью? Объединиться съ ними или отмежеваться отъ нихъ? Вотъ вопросъ, который долженъ былъ тотчасъ же явиться у всѣхъ болѣе рѣшительныхъ и послѣдовательныхъ либераловъ-демократовъ.

И надо сказать, что, къ сожалѣнію, первымъ ихъ движеніемъ была просто на просто неразборчивая радость: «нашего полку прибыло!».

Въ этомъ сказалась характерная черта нашего либерализма, черта, безпощадно вскрываемая иногда наиболѣе искренними людьми изъ среды самихъ либераловъ.

«Безформенная, почти стихійная, дѣйствовавшая враздробь въ разныхъ плоскостяхъ жизни, либеральная оппозиція — говоритъ одинъ изъ такихъ либераловъ — до самаго послѣдняго времени сплошь и рядомъ попадала въ положеніе, которое дѣлало ее жалкой въ глазахъ правительства и смѣшной — въ глазахъ съорганизованныхъ революціонныхъ силъ. Какъ напалившіе дѣти, вразсыпную разбѣгались либеральные дѣятели при первомъ грубомъ окрикѣ какого-нибудь высокопоставленнаго нахала; какъ примиренные со всякой пошлостью старцы, относились они *съ удивительной терпимостью къ самымъ подчасъ непростительнымъ выходкамъ*, неожиданно вдругъ выплывавшимъ на свѣтъ *изъ ихъ разношерстныхъ рядовъ*. Они были очень робки въ своихъ отношеніяхъ къ правительству, потому что организованныя силы послѣдняго пріобрѣтали въ ихъ глазахъ преувеличенное значеніе; они были слишкомъ снисходительны къ своимъ воображаемымъ и дѣйствительнымъ союзникамъ, потому что, не довѣряя собственнымъ силамъ, *они боялись потерять даже наиболѣе опороченныхъ изъ нихъ*».

Эта наслѣдственная неразборчивость, повторяемъ, сказалась и здѣсь. «Положеніе вещей усложняется, обостряется» — восклицаетъ г. П. Струве — «и требуетъ прежде всего организаціи либеральныхъ силъ русскаго общества въ нѣкоторое сплоченное и планомѣрно-дѣйствующее единство... Либеральнымъ элементамъ, *къ которымъ мы причисляемъ и такихъ сторонниковъ идеальнаго самодержавія, какъ М. А. Стаховичъ, Д. Н. Шиповъ, Н. А. Хомяковъ и другіе*, нужно же наконецъ вдуматься въ положеніе вещей, ясно понять его и рѣшиться дѣйствовать до конца»*).

Трудно было сдѣлать большую политическую ошибку, какъ проповѣдывать сліяніе въ одну партію съ такими людьми, какъ Стаховичъ, отвѣчающій правительству «не заносчивымъ дерзновеніемъ или дерзостнымъ притязаніемъ, а въ прямодушномъ усердіи отклика»; какъ Хомяковъ и ему подобные декаденты славянофильства, падающіе ницъ въ своихъ меч-

*) «Осв.» № 12, стр. 186.

тахъ «передъ мудростію Царской, хотящей правды ради согласія съ ввѣренной Ей Промысломъ землей» и просящіе полномочій «по древнему московскому слову Его Государево земское дѣло укрѣпить и на вѣрѣ поставить»; какъ Шиповъ, обѣщавшій г. фонъ-Плеве сгруппировать среди земцевъ «благоразумное большинство», на которое и опираться противъ неблагоразумныхъ «увлеченій». Однако, къ чести либеральныхъ элементовъ, изъ ихъ собственной среды тотчасъ раздались протестующіе голоса. Въ № 17 «Освоб.» была напечатана статья «къ очереднымъ вопросамъ», написанная, по свидѣтельству редакціи, «лицомъ, принимавшимъ выдающееся участіе въ выработкѣ программнаго заявленія «отъ русскихъ конституціоналистовъ». Этотъ членъ нѣкотораго, уже существующаго сплоченнаго ядра, привѣтствуетъ идею о постоянной организаціи либеральныхъ силъ, но справедливо находитъ, что «организація предполагаетъ извѣстную степень однородности организуемыхъ элементовъ», ибо «только увѣренность другъ въ другѣ и можетъ породить ту сплоченность, которая необходима для согласованнаго дѣйствія». «Прежде, чѣмъ организоваться, надо знать, кто, съ кѣмъ и куда пойдетъ вмѣстѣ».

И съ этой точки зрѣнія авторъ протестовалъ противъ «ненормальнаго союза» съ людьми, которые — какъ это ясно для всѣхъ — «вовсе не безсознательные и случайные, а принципіальные и, повидимому, убѣжденные сторонники самодержавія, хотя бы въ формѣ славянофильской политической утопіи» («монарху — сила власти, землѣ — сила мнѣнія» или царь, при которомъ существуетъ земскій соборъ съ совѣщательнымъ голосомъ). En toutes lettres авторъ заявилъ, что вербовать армію изъ «ненадежныхъ, а отчасти подозрительныхъ элементовъ — значило бы... совершать огромную тактическую ошибку, ослабить энергію движенія, погубить его нравственное значеніе», а можетъ быть, даже отдать либераловъ въ плѣнъ [illegible]имъ слугамъ самодержавія*).

Все это — истины настолько самоочевидныя, что редактору «Осв.» оставалось только отступить, — что онъ и сдѣлалъ. Онъ призналъ, что рѣшительно конституціонныя требованія либеральной партіи «исключаютъ возможность привлеченія въ партію лицъ т. н. славянофильскаго образа мыслей». Однако, если «имъ не можетъ быть мѣста въ ея средѣ», то все таки — оставляетъ себѣ П. Струве лазейку — «эти полуконституціоналисты могутъ при случаѣ явиться серьезными союзниками либеральной партіи». П. Струве — сторонникъ «союзовъ налѣво», союзовъ либеральной партіи съ соціалистическими. И вдругъ, въ то же время, какъ оказывается,—онъ сторонникъ и «союзовъ направо». Интересно было бы, однако,

*) «Освоб.» № 17, стр. 291.

знать: неужели Струве считаетъ союзъ направо и союзъ налѣво — вполнѣ совмѣстимыми и другъ друга не исключающими? Каковы же, въ такомъ случаѣ, будутъ основы этого, проэктируемаго имъ тройственнаго союза: съ послѣдовательными либералами въ центрѣ, съ «полу-конституціоналистами» (т. е., съ другой стороны, полу-монархистами) справа и съ революціоннымъ соціализмомъ — слѣва? Кто говоритъ, хотя бы просто о политическомъ союзѣ, тотъ не можетъ уклониться отъ того же вопроса: *«кто, съ кѣмъ и куда пойдетъ вмѣстѣ?»*

Нечего и говорить, что весь этотъ тройственный союзъ — сплошная безсмыслица, и нужно было очень много доктринерства и политической наивности, чтобы разомъ проповѣдывать союзъ и вправо, и влѣво. Если бы либералы и были готовы стать въ такое двусмысленное положеніе, то никакая соціалистическая партія не согласилась бы пойти ей навстрѣчу. Для соціалистовъ всякіе, хотя бы самые кратковременные союзы возможны лишь съ вполнѣ опредѣленными и послѣдовательно-либеральными элементами. Но всякій союзъ, заключаемый либералами направо, означаетъ внесеніе въ либеральную программу реакціонныхъ началъ. Всякій союзъ есть актъ двухсторонній. Если полу-конституціоналисты будутъ союзниками либераловъ, то не значитъ-ли это, съ другой стороны, что либералы будутъ дѣйствовать, какъ союзники полу-монархистовъ? Или редакторъ «Осв.» думаетъ, что «полуконституціоналисты» согласятся быть союзниками либераловъ безъ того, чтобы послѣдніе согласились быть ихъ союзниками? Врядъ-ли онъ считаетъ гг. Стаховичей, Шиповыхъ и Хомяковыхъ такими наивными людьми. Союзъ съ ними можетъ быть лишь на основѣ правила „do ut des“. Что же «дадутъ» славянофильствующимъ монархистамъ либералы-конституціоналисты? Это намъ интересно было бы знать заранѣе.

Однако, мысль о союзѣ либераловъ съ «ненадежными и подозрительными элементами» критиковалась въ «Осв.» только съ одной чисто-политической стороны. Но развѣ разница между ними только въ ихъ отношеніи къ принципу монархизма? Есть и другая сторона дѣла—соціально-экономическая. Редакторъ «Освоб.» прекрасно понимаетъ, что одна изъ причинъ неминуемой гибели монархизма — его неспособность справиться съ экономическимъ разстройствомъ, съ массовымъ обнищаніемъ трудовой Россіи. Чтобы вывести страну изъ невозможнаго положенія, нужны даже съ точки зрѣнія послѣдовательнаго демократическаго либерализма рѣшительныя экономическія мѣры. Иначе только продолжится и обострится то критическое состояніе, связанное съ постоянными болѣзненными вспышками, при которомъ либеральное правительство не окажется жизнеспособнѣе монархическаго. Тѣ, кто жела-

етъ взять выпадающія изъ рукъ самодержавія бразды правленія, должны найти въ себѣ достаточно силъ и готовности, чтобы провести такія реформы. А онѣ, разумѣется, неизбѣжно сопряжены съ крупными пожертвованіями для имущихъ классовъ. И потому будущая либеральная партія должна настолько быть свободной отъ рѣзко выраженныхъ классовыхъ интересовъ помѣщичьяго и торгово-промышленнаго класса, насколько это вообще возможно для партіи несоціалистической. Между тѣмъ, мы хорошо видѣли, до какой степени силенъ собственническій, классовой интересъ у «либераловъ по неволѣ». Какъ-же можетъ встрѣчать ихъ съ распростертыми объятіями П. Струве, тотъ самый Струве, который все время усиленно твердитъ, что либеральная партія должна быть безсословной, безклассовой или междуклассовой, что она должна быть свободна отъ тяжелыхъ гирь чьего-нибудь опредѣленнаго классового интереса, должна лавировать въ области компромисса между этими интересами. Конечно, онъ знаетъ, что въ этой классовой неопредѣленности будетъ заключаться источникъ слабости либеральной партіи; но въ ней же будетъ и источникъ ея силы. Пока крайнія партіи, ярко и послѣдовательно выражающіе опредѣленныя классовые интересы, еще не довели борьбы до рѣшительнаго конца, пока еще ни одна изъ нихъ не пересилила совершенно другой, — пока, словомъ, эти крайности другъ друга болѣе или менѣе нейтрализуютъ—«золотая середина» должна являться вершительницей политическихъ судебъ страны. «Вершительницей», конечно, болѣе съ внѣшней, чѣмъ съ внутренней стороны, ибо къ кому же, какъ не къ ней, болѣе всего приложимы слова: „du glaubst zu schiben—und du wirst geschoben...“ («Ты воображаешь себя двигателемъ — на самомъ же дѣлѣ тобой двигаютъ»...).

Г. Струве хотѣлъ бы отыскать для либеральной партіи въ Россіи «широкій базисъ», заключающій въ себѣ «всѣ(!) пробуждающіеся къ политическому самосознанію элементы русскаго безсословнаго общества». Онъ хочетъ, «чтобы въ рядахъ либеральной партіи могли рука объ руку дѣйствовать и земскій дворянинъ, и разночинецъ-интеллигентъ, представитель «третьяго» элемента, и крестьянинъ, доработавшійся до политическаго самосознанія». Въ качествѣ бывшаго марксиста, а нынѣ все-таки еще «полумарксиста», Струве оставляетъ пролетаріатъ приписаннымъ къ соціальдемократическому департаменту, но крестьянъ считаетъ возможнымъ «отписать» отъ насъ, соціалистовъ-революціонеровъ, къ новой партіи Сомнѣваемся въ успѣхѣ его предпріятія. «Рабочіе къ намъ не пойдутъ» — говоритъ цитированный нами ранѣе г. С. Г.— «теперь, по крайней мѣрѣ, формула отдаленнаго Zukunftsstaat'a («Государство будущаго» — т. е. соціалистическій строй.)

для нихъ привлекательнѣе всякихъ простыхъ соціальныхъ реформъ, хотя бы и самыхъ крупныхъ; впрочемъ, мы не отказываемся дѣлать попытки входить и съ ними въ сношенія» («Освоб.» № 4 (28), стр. 65). Дѣло тутъ, конечно, не въ одномъ Zukunftsstaat'ѣ. Есть и среди рабочихъ узкіе «практики», предпочитающіе журавлю въ небѣ синицу въ рукахъ. Дѣло лишь въ томъ, что для большинства рабочаго класса «желаніе простыхъ соціальныхъ реформъ» есть состояніе переходное. Пока классовой инстинктъ только еще просыпается, пока онъ находится въ эмбріональномъ состояніи, рабочіе могутъ даже на всеобщія стачки идти подъ знаменемъ практицизма «независимыхъ». Въ концѣ концовъ, оказывается, однако, что и за самыя непосредственныя нужды рабочаго класса, за «простыя соціальныя реформы» энергичнѣе и послѣдовательнѣе всего борятся опять-таки соціалисты. Тоже и по отношенію къ трудовому крестьянству. Неужели, напр., популярное крестьянское воззрѣніе, что земля должна находиться въ рукахъ тѣхъ, кто ее обрабатываетъ (а вѣдь это еще далеко не Zukunftsstaat) встрѣтитъ въ новой партіи такихъ же рѣшительныхъ союзниковъ, какъ въ рядахъ сторонниковъ революціоннаго соціализма?

Струве находитъ, что «либерально-демократическая партія должна, оставляя совершенно въ сторонѣ проблему соціализма (прежде всего потому, что соціализмъ въ самомъ дѣлѣ только еще проблема), дать широкую и стройную программу соціальныхъ реформъ» («Освоб.» № 17, стр. 292). Въ добрый часъ. Если этотъ планъ ему удастся (а онъ удастся только въ томъ случаѣ, если прекратятся заигрыванія «Освоб.» съ «ненадежными и подозрительными элементами»), то мы будемъ имѣть либеральную партію на манеръ французскихъ радикаловъ-соціалистовъ, которые являются соціалистами, конечно, лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ Гладстонъ говорилъ: «теперь мы всѣ—соціалисты». Мы полагаемъ, что революціонно-соціалистической партіи имѣть справа отъ себя такую партію можетъ быть только выгодно. Именно отсутствіемъ такой партіи часто объясняется наплывъ въ соціалистическую партію элементовъ, которые идутъ въ нее только потому, что имъ нѣтъ мѣста въ рядахъ опредѣленно-классовыхъ буржуазныхъ партій. Безъ истинной вѣры и энергіи революціонныхъ соціалистовъ, безъ ихъ стойкости и принципіальности, эти элементы только разжижаютъ ряды соціалистовъ, вносятъ въ ихъ борьбу элементы шаткости, неопредѣленности и оппортунизма. Пусть лучше найдутъ они справа отъ соціально-революціонной партіи и отдѣльно отъ нея свое настоящее мѣсто. Во многихъ ближайшихъ, практическихъ вопросахъ они будутъ идти рука объ руку съ соціалистами, какъ ихъ временные союзники. Оказывая такимъ образомъ соціализму су-

щественную помощь извнѣ, они помогутъ ему и извнутри — оттянувъ отъ него тѣхъ недоношенныхъ, или-же, наоборотъ, переношенныхъ, перезрѣлыхъ соціалистовъ, которымъ не по плечу тернистый путь революціи.

Мы искренно желаемъ всякаго успѣха П. Струве въ дѣлѣ созданія *такой* либерально-демократической партіи. Вопросъ-же о томъ, является-ли онъ самъ уже такимъ либераломъ-демократомъ, или же онъ только взялъ у соціализма временный отпускъ, чтобы въ интересахъ этого самаго соціализма помочь организаціи его возможнаго либерально-демократическаго союзника—этотъ вопросъ есть личный вопросъ самого П. Струве, и насъ, какъ партію, не интересуетъ. Въ нашихъ рядахъ П. Струве никогда не былъ и, если съ нимъ не произойдетъ новой перемѣны во взглядахъ, не будетъ. И вотъ почему мы можемъ спокойно слѣдить за его дѣятельностью, отмѣчая и его ошибки, и его заслуги, порицая первыя и привѣтствуя вторыя. Мы съ нимъ работаемъ въ разныхъ областяхъ. Поддерживая же недовольство существующимъ режимомъ, онъ разрыхляетъ почву проповѣди революціонныхъ идей и способствуетъ созданію вокругъ революціонной арміи атмосферы, благопріятной для ея многотрудной борьбы. И въ этомъ направленіи мы можемъ только пожелать ему всяческаго успѣха.

Октябрь, 1903 г.

Національное порабощеніе и революціонный соціализмъ.

Сороковая годовщина польскаго возстанія застаетъ насъ въ самомъ разгарѣ «обрусительной» политики русскаго императорскаго правительства.

Украинская литература находится издавна подъ запретомъ. Невинные переводы изъ Метаморфозъ Овидія разсматриваются какъ «особенно опасныя» проявленія украинскихъ сепаратистскихъ тенденцій. Малороссійское населеніе, обучаемое въ скверныхъ школахъ скверно читать и писать по русски, нерѣдко оказывается черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ школы малограмотно и по украински, и по русски. Что нужды! Тѣмъ лучше для царизма! На Кавказѣ императорское правительство принимается вплотную за армянъ. Ихъ школы находятся въ опасности; русскіе законы и русское чиновничество вводятся у нихъ безъ всякаго соображенія съ мѣстнымъ обычнымъ правомъ и производятъ грубую ломку

всей народной жизни; армянскія библіотеки, просвѣтительныя общества, словомъ, всѣ проявленія духовной культуры испытываютъ на себѣ тяжелую руку произвола. Народъ, когда-то привѣтствовавшій Россію, какъ освободительницу отъ ига турокъ, видитъ, какъ все армянское начинаетъ преслѣдоваться и угнетаться. Видитъ и справедливо негодуетъ. . . . Всюду руссификація, всюду гоненія. Нечего ужъ и упоминать о евреяхъ; еврейскіе рабочіе вообще—паріи среди пролетаріевъ. Но у насъ, въ Россіи, они—паріи изъ паріевъ.

Неуклоннымъ и вѣрнымъ шагомъ движется впередъ и порабощеніе Финляндіи. Страна, большинство населенія которой нѣкогда гордилось своей «лойальностью» и съ крайней недовѣрчивостью и пренебреженіемъ относилось къ русскому революціонному движенію, поставлена лицемъ къ лицу съ дилеммой: или выступить на революціонный путь, или отдаться въ руки безшабашной шайки щедринскихъ «ташкентцевъ-реформаторовъ». Страна думала, что, засѣвши въ окопахъ лойальности, она гарантирована отъ насилій — ибо всякій разумный консерваторъ помнитъ правило „quieta non movere“, не слѣдуетъ затрогивать того, что находится въ спокойствіи и мирѣ.... Но этого правила не существуетъ для русскаго правительства, не имѣющаго ничего общаго съ консерватизмомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. У русскаго правительства одна забота: на его рукахъ множество безмѣстныхъ кандидатовъ на занятія внутренней политикой, множество оскудѣвшихъ дворянъ, множество купцовъ и промышленниковъ, не знающихъ, гдѣ обезпечить сбытъ своимъ товарамъ, которыхъ не можетъ покупать все болѣе разоряющаяся деревня. Необходима завоевательная политика, ибо нужно же куда-нибудь вывозить перепроизведенные гнилые ситцы и перепроизведенныхъ кандидатовъ въ земскіе начальники! И вотъ, на востокѣ совершается «цивилизаторскій» походъ на Манджурію, а на западѣ — «цивилизаторскій» походъ на Финляндію. Законъ 20 сентября 1902 г., открывшій широкій доступъ на финляндскую службу русскимъ ташкентцамъ, представлялъ для нихъ внутреннее завоеваніе, не хуже иного внѣшняго. Съ 1-го октября нынѣшняго 1903 г. предстоитъ (еще въ силу манифеста 7-го іюня 1900 г.) новое расширеніе введенія русскаго государственнаго языка въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. А сколько потребуется русскихъ учителей для обученія государственному языку финновъ! А впереди еще руссификація всего школьнаго преподаванія. . . . Какія богатыя перспективы открываются для Митрофановъ отечественной внутренней политики!

А сколько ждетъ своей очереди этихъ пламенѣющихъ, вѣрноподданныхъ до самозабвенія Митрофановъ! Вспомните только нестарѣющую щедринскую характеристику...

«Митрофанъ на все способенъ, потому что на все готовъ. Онъ спеціалистъ по части гражданскаго судопроизводства, — потому что занималъ деньги и не отдавалъ оныхъ;—онъ спеціалистъ по части уголовнаго судопроизводства,—потому что давалъ затрещины и получалъ оныя; онъ спеціалистъ по части администраціи, — потому что знаетъ такія ругательства, которыя могутъ въ одно мгновеніе опалить человѣка; онъ спеціалистъ по части финансовъ, — потому что всѣ трактиры были свидѣтелями его финансовыхъ операцій; онъ медикъ,— потому что страдалъ секретными болѣзнями; онъ акушеръ,— потому что видалъ нагихъ женщинъ...»

И вотъ на нашихъ глазахъ шайка такихъ Митрофановъ-ташкентцевъ подъ атаманствомъ Бобрикова & К° вороньей стаей налетѣла на маленькую культурную страну, приводя ее въ смятеніе и недоумѣніе своей безшабашной готовностью обуздывать, крутить въ бараній рогъ, сжимать въ ежевыхъ рукавицахъ.... Ихъ ряды пополнены кое-какъ изъ отбросовъ, подонковъ финляндскаго общества, проворовавшихся чиновниковъ, въ родѣ Карлштедта, спившихся пасторовъ и т. под. И когда въ нелегальной финляндской печати мы читаемъ о «чужестранцахъ, думающихъ лишь о своихъ личныхъ выгодахъ», вносящихъ только «безпорядокъ и путаницу» во всѣ дѣла, «безъ любви къ странѣ, безъ способности понимать и уважать простой народъ»,—то приходится только удивляться сдержанности выраженій людей, передъ которыми происходитъ грубая ломка всѣхъ вѣками выработанныхъ формъ жизни и учрежденій, и разыгрывается вакханалія произвола невѣжественныхъ руссификаторовъ.

Остановимся хотя бы на недавнемъ рескриптѣ Николая II Клятвопреступника, — какъ всегда будетъ звать финскій народъ «благочестивѣйшаго» императора, присягавшаго на вѣрность финской конституціи и потомъ съ легкимъ сердцемъ растоптавшаго свою присягу. Отечественныя рептиліи не замедлили назвать этотъ рескриптъ «актомъ величайшей государственной мудрости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отеческой снисходительности Благостнаго Монарха». Рескриптъ имѣетъ въ виду всѣхъ, неявившихся къ призыву финляндцевъ. Казалось бы, естественнымъ послѣдствіемъ неявки должно было быть привлеченіе неявившихся къ судебной отвѣтственности. Но русское правительство прекрасно знаетъ, что никакой независимый судъ не можетъ найти состава преступленія въ отказѣ повиноваться незаконнымъ, неконституціоннымъ дѣйствіямъ властей. Если законная кара здѣсь немыслима, то остается совершить новое беззаконіе. «Высочайшимъ повелѣніемъ» сенату предписывается «сыскать и представить» неявившихся; чтобы «пресѣчь» возможность уклоняться отъ сыска, въ теченіе 5 лѣтъ пріостановлена выдача имъ загра-

ничныхъ паспортовъ; немедленно уволены тѣ изъ нихъ, кто состоялъ на службѣ; дальнѣйшій пріемъ какъ на государственную, такъ и на общинную службу обусловленъ представленіемъ свидѣтельства объ отбываніи воинской повинности. Но этого мало. Все это — мѣры, которыя могъ бы легко измыслить и будочникъ Мымрецовъ, затвердившій одно правило: «держать и не пущать». Но не даромъ во главѣ руссификаторовъ стоитъ такой православный іезуитъ, какъ В. К. фонъ- Плеве. И вотъ, придумываются мѣры, имѣющія цѣлью внести какъ можно больше розни между финнами. Это — мѣры прямого и косвеннаго подкупа. Во первыхъ, всѣмъ тѣмъ, кто явится на призывъ, объявлена высочайшая милость. Они не будутъ зачислены въ ополченіе, а будутъ, выражаясь слогомъ воинскихъ присутствій, «обращены въ первобытное состояніе»... но лишь по мѣрѣ того, какъ штабъ батальоновъ будетъ насильно заполняться нелявшимися. Иначе сказать: чтобы послушныя овцы скорѣе освободились отъ военщины, имъ достаточно поспособствовать изловленію непослушныхъ козлищъ. Попытка заразить секретной шпіонской болѣзнью культурныхъ финляндцевъ — вотъ главное цивилизаторское усиліе нашихъ руссификаторовъ. Аналогична этому и другая попытка. При разрѣшеніи отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ ссудъ и пособій отъ казны, повелѣно принимать въ соображеніе степень ихъ участія въ противодѣйствіи призыву. Иными словами, вводится своеобразная круговая порука общинъ за своихъ сочленовъ. Разсчитываютъ *купить* покорность общинъ, и, кстати, насадить въ нихъ вражду къ протестующимъ элементамъ. Такъ какъ часть Финляндіи постигнута въ этомъ году недородомъ, то разсчитываютъ, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, эти іезуитскія мѣры посодѣйствуютъ внесенію разврата въ финскую среду и ослабятъ мужественное сопротивленіе беззаконіямъ властей.

Нетрудно понять, какія чувства къ русскимъ и ко всему русскому могутъ прививаться въ лучшей части финляндскаго общества благодаря такой откровенно-гнусной и развращающей политикѣ. И послѣ этого столпы русской реакціи еще имѣютъ безстыдство кричать о финляндскомъ сепаратизмѣ, о финляндско-шведской интригѣ, мѣтящей на расчлененіе единаго и нераздѣльнаго Россійскаго государства, и прочая, и прочая, и прочая! Они имѣютъ наглость самое насильничество свое надъ Финляндіей оправдывать существованіемъ въ ней національныхъ анти-русскихъ происковъ! Но что же такое сепаратизмъ? И что его порождаетъ, какъ не стремленіе правящихъ элементовъ одной національности наложить на всѣ другія двойной гнетъ, уродуя и коверкая естественное, здоровое, самостоятельное развитіе этихъ національныхъ организмовъ? Почему въ Швейцаріи живутъ бокъ о бокъ

итальянцы, нѣмцы и французы, не проявляя никакого сепаратизма, а, напротивъ, одинаково являясь горячими швейцарскими патріотами? Потому, что федеративный строй и національное равноправіе одинаково обезпечиваютъ свободное развитіе всѣхъ національностей, независимо отъ того, въ большинствѣ или меньшинствѣ считаются онѣ на данной территоріи. Но если бы завтра бернчане вздумали насильно онѣмечивать женевцевъ или наоборотъ — женевцы офранцуживать бернчанъ, болѣе того, если бы одна изъ этихъ частей стала требовать себѣ какихъ то особыхъ преимуществъ передъ другими, то въ Швейцаріи тотчасъ же развилась бы центробѣжная сила, стремящаяся расколоть ее на отдѣльныя составляющія ее національности. Всякая національность имѣетъ неоспоримое право на самостоятельное развитіе, всякая національность страдаетъ, когда это развитіе уродуется насильственнымъ перекраиваніемъ національной культуры. Обезпечте это свободное, автономное культурное развитіе въ государственномъ строѣ, охватывающемъ нѣсколько національностей — и онѣ будутъ привыкать къ мирнымъ, братскимъ отношеніямъ между собою. Лишите какую-нибудь національность такой культурной автономіи въ данномъ государствѣ— и вы толкнете ее на другой путь—стремленія выдѣлиться въ особое государство. Стремленіе къ самостоятельному государственному существованію, къ государственной особности всегда будетъ прорываться и усиливаться, когда государство, состоящее изъ конгломерата народностей, устанавливаетъ между ними неравныя отношенія, лишаетъ одну изъ нихъ самоопредѣленія.

Вспомните хотя бы Польшу! Польскій народъ соединенъ съ русскимъ цѣпями, смоченными дымящейся кровью и горючими слезами побѣжденныхъ. Между народами — грозныя, мрачныя историческія тѣни. . . . Сколько убитыхъ борцовъ, сколько казненныхъ героевъ, сколько зловѣщихъ пожарищъ, висѣлицъ и безвременныхъ могилъ окаймляютъ тотъ долгій и мучительный историческій путь, который привелъ Польшу на ея историческую Голгоѳу! И вотъ, въ довершеніе старой братоубійственной вражды между народами, зіяющія раны Польши не могутъ зажить, не могутъ закрыться до сихъ поръ. Не могутъ, потому что покоренная страна обречена на судьбу скованнаго Прометея, грудь котораго открыта острымъ когтямъ хищнаго императорскаго двуглаваго орла! И каждое новое притѣсненіе, каждый новый подвигъ баши-бузуковъ — обрусителей бередитъ незажившія раны, пробуждаетъ въ полякахъ роковыя воспоминанія. . . . воспоминанія о томъ, какъ «по клоку отрывала императорская Русь живое мясо Польши, отрывала провинцію за провинціей и, какъ неотразимое бѣдствіе, какъ мрачная туча, подвигалась все ближе и ближе

къ ея сердцу. . . .»*) Съ точки зрѣнія Россіи императорской, Россіи чиновничьей, Россіи хищныхъ ташкентцевъ, мы пріобрѣтали Польшу, мы завоевывали ее тѣмъ, что усмиряли возстаніе, отнимали льготы и вольности, вводили русскій языкъ и русскіе законы. На самомъ дѣлѣ именно этимъ мы и теряли Польшу—т. е. *живую* Польшу: зарѣзанная, полумертвая, истекающая кровью она могла быть трофеемъ побѣдъ Муравьева-вѣшателя, тѣхъ побѣдъ русскаго оружія, отъ которыхъ краска бросалась въ лице лучшихъ русскихъ людей. Именно этими побѣдами, именно этими внутренними завоеваніями и было достигнуто то, что между двумя сосѣдними, соплеменными славянскими народами легла мрачная тѣнь взаимной отчужденности, что поляки готовы ненавидѣть русскій языкъ, русское имя.... И вотъ лучшее доказательство этому. Кого, какъ не соціалистовъ, обвиняютъ буржуазные писатели въ недостаткѣ патріотизма, любви къ отечеству? Кого они отмѣтили кличками „Vaterlandlose“, „sans patrie“? — И между тѣмъ, именно польская соціалистическая партія (P. P. S.) пишетъ въ своей программѣ требованіе независимости Польши, возстановленія польскаго государства...

Когда-то великій русскій публицистъ Герценъ писалъ: «Польша, какъ Италія, какъ Венгрія, имѣетъ неотъемлемое полное право на государственное существованіе, независимое отъ Россіи. Желаемъ-ли мы, чтобы свободная Польша отторглась отъ свободной Россіи, это другой вопросъ. Нѣтъ, мы этого не желаемъ, и можно-ли этого желать въ то время, какъ исключительныя національности, какъ международныя вражды составляютъ одну изъ плотинъ, удерживающихъ общечеловѣческое свободное развитіе. Глубоко ненавидя всякую централизацію, я убѣжденъ, что соплеменная федерація даетъ государственную среду, несравненно болѣе широкую, чѣмъ раздробленіе одного рода на отдѣльныя части. Федеральное соединеніе должно быть вольнымъ даромъ; Россія не имѣетъ правъ на Польшу; она должна загладить то, что мы сдѣлали ея руками; и если Польша не хочетъ этого союза, мы можемъ объ этомъ скорбѣть, можемъ не соглашаться съ ней,—но не предоставить ей воли мы не можемъ, не отрекаясь отъ всѣхъ убѣжденій нашихъ...»

И завѣтною мечтою Герцена было братское единеніе соплеменныхъ народовъ, польскаго и русскаго, единеніе, наилучшую форму котораго онъ видѣлъ въ федеративномъ союзѣ. И онъ стремился къ тому, чтобы возрождающаяся, передовая Польша узнала и полюбила возрождающуюся, молодую Россію, которую отъ нея заслоняла Россія чиновничья, Рос-

*) А. Герценъ, «Россія и Польша» въ «Избранныхъ статьяхъ изъ Колокола», стр. 94.

сія императорская. И одно время казалось, что мечта его близится къ осуществленію.... Но вотъ разгулъ необузданной реакціи въ Россіи вновь вызвалъ страшный призракъ вѣковой вражды. Грубый солдатскій сапогъ началъ вновь растаптывать права и свободу покореннаго народа; пожаръ польскаго возстанія былъ залитъ кровью, и на пирамидѣ изъ человѣческихъ костей воздвигся живой монументъ человѣка съ каменнымъ сердцемъ, деревянными нервами и безсмысленно-звѣрскимъ взглядомъ оловянныхъ глазъ—Муравьева-вѣшателя. А изъ великаго сердца великаго русскаго публициста вырвался крикъ жгучей боли: «Что же вы сдѣлали, что сдѣлали вы, злодѣи, изъ всѣхъ усилій нашихъ? Все, что мы лѣпили по песчинкѣ—смыли ваши помои, унесла ваша грязь, и черезъ 15 лѣтъ я снова, идя по улицѣ, *боюсь, чтобы не узнали, что я русскій*»...

И вотъ, теперь, усиліями Бобриковыхъ и Плеве, подготовляется изъ Финляндіи вторая Польша. Каждый ударъ, который наносится правамъ и свободѣ этой страны, и который встрѣчаютъ рукоплесканіями органы нашей реакціонной прессы, есть еще въ большей степени ударъ, наносимый самой Россіи. Маленькую страну, съ твердымъ достоинствомъ протестующую противъ грубой силы, основывающейся на кулачномъ правѣ, только еще выше поднимаютъ всѣ эти удары въ глазахъ всѣхъ культурныхъ націй. Но Россія, но русское имя съ каждымъ ударомъ дѣлается все болѣе презрѣннымъ и ненавистнымъ повсюду. Подобно тому, какъ въ мрачныя времена Николая I, Николая Палкина, Россія прославилась, какъ злѣйшій врагъ свободы во всей Европѣ—такъ и теперь, во времена Николая II, Николая Послѣдняго, мы стремимся возстановить старую, еще не заглохшую репутацію. Но какая громадная разница! Во времена Николая I реакціонное неистовство «двухголоваго, двуязычнаго и двуличнаго» императорскаго орла шло смѣло и слѣпо на проломъ, не страшась борьбы съ половиной Европы. При Николаѣ Послѣднемъ оно избрало благую часть, трусливо нападая лишь на слабаго, лишь на беззащитнаго.... Ограбить Манджурію, перетопить безоружныхъ китайцевъ въ водахъ Амура, обрушиться всѣми силами огромной имперіи на маленькій, мирный и лойальный народъ — вотъ гдѣ достойное поприще нашей доблести, вотъ гдѣ хотимъ мы пожать неувядаемые лавры побѣдителей! И вотъ, на позоръ всей Европѣ, неприкрытое никакими фиговыми листками, гадкое, оголенно-циничное встаетъ во весь свой безобразный и уродливый ростъ наше самодержавное самодурство — умѣя возбудить омерзѣніе даже въ усталой, одряхлѣвшей, растерявшей всѣ свои лучшія традиціи буржуазіи Запада.... И удивительно-ли, если Финляндія, столько времени связанная съ Россіей узами мирнаго сожитія, от-

прянетъ съ отвращеніемъ и ужасомъ и подниметъ, подобно Польшѣ, знамя полной государственной независимости? Это будетъ ея законное право, мы первые должны будемъ такъ-же искренне и безповоротно признать это право за ней, какъ и за Польшей — и не только признать самимъ, но и заставить признать другихъ.... И то же самое вѣрно по отношенію къ армянамъ, то же самое вѣрно по отношенію ко всѣмъ угнетаемымъ царской Россіей національностямъ...

Только молодая, растущая революціонная Россія, Россія рабочаго класса — и только она одна—способна заставить померкнуть эту зловѣщую грязно-сѣрую тѣнь, отбрасываемую самодержавіемъ на всю страну. Но эта Россія растетъ, выше и выше поднимаетъ свое знамя — знамя свободы, братства между народами, знамя интернаціональнаго соціализма. Только она одна сможетъ навѣки похоронить мрачные призраки прошедшихъ историческихъ столкновеній между братьями-народами. Только ея торжество можетъ предупредить новыя кровавыя драмы, новые пожары возстанія угнетаемыхъ народностей. И если это торжество замедлится; если вакханаліи ташкентцевъ-обрусителей приведутъ къ тому, что мирныя демонстраціи протеста перейдутъ къ болѣе бурнымъ взрывамъ и земли обагрятся кровью; если русское оружіе будетъ одерживать надъ финнами, армянами и т. под. побѣды, которыя покроютъ его позоромъ, — то отвѣтственность за это ляжетъ на всѣхъ, кто не борется съ этимъ гнуснымъ организованнымъ насильничествомъ самодержавія, кто былъ попустителемъ и укрывателемъ его преступленій. Напрасно будутъ они умывать руки, отходить въ сторону и лицемѣрно говорить: «я не повиненъ въ крови этого праведника». Нѣтъ, если когда-нибудь польется вновь польская, финская или еще чья-нибудь кровь — эта кровь будетъ тяжелымъ кошмаромъ тяготѣть на совѣсти вѣхъ «вареныхъ душъ», всѣхъ «людей-слизняковъ», которые живутъ въ «хатѣ съ краю»...

Если они думаютъ, будто можно куда-то уйти отъ всякаго вліянія на ходъ исторіи; если они думаютъ, что можно жить, никого не трогая, и только мирно коптить небо, — то пусть они вспомнятъ, что этотъ ихъ дымъ и копоть сгущаются въ сѣрыя, свинцовыя тучи, способныя заслонить самое солнце...

* * *

Мы, какъ соціалисты, противъ всего, что препятствуетъ сближенію національностей. Поэтому мы—противники всякаго націонализма, самобытничества и тому подобныхъ теченій, ставящихъ себѣ существенно консервативныя задачи—ревниво охранять исторически унаслѣдованныя національныя особенности. Наше стремленіе сдѣлать общечеловѣческимъ, и, слѣдовательно, общенаціональнымъ достояніемъ *всѣ* лучшія

черты *всѣхъ* національностей. Человѣка мы стремимся освободить отъ всѣхъ узкихъ, исторически сложившихся ограниченій. Мы стремимся все человѣческое сдѣлать доступнымъ всѣмъ людямъ, стереть всѣ перегородки, мѣшающія взаимному пониманію и взаимному вліянію людей другъ на друга. Но мы не слѣпы. Мы знаемъ, что къ этому есть только одинъ путь: работа на почвѣ данныхъ, исторически сложившихся національныхъ организмовъ, пользуясь могучимъ орудіемъ культурнаго развитія—роднымъ языкомъ, приспособляясь къ данному положенію и уровню развитія національности, опираясь на ея лучшія стороны и черты, концентрируя свою борьбу противъ худшихъ чертъ. Національное возрожденіе, національный подъемъ, поэтому, вовсе не враждебное — напротивъ того, крайне благопріятное для насъ явленіе. Этотъ національный подъемъ для насъ, однако, измѣряется степенью проведенія въ данную національную среду, въ формѣ, соотвѣтствующей всѣмъ ея особенностямъ, великихъ международныхъ общечеловѣческихъ идеаловъ. Національное для насъ есть форма усвоенія и воплощенія всемірнаго, все-человѣческаго прогресса. Мы — интернаціоналисты, но нашъ интернаціонализмъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ пошлымъ, поверхностнымъ буржуазнымъ космополитизмомъ, который просто игнорируетъ всѣ особенности національнаго развитія и всѣ вытекающія изъ нихъ задачи. Этому космополитизму нѣтъ до нихъ никакого дѣла, потому что онъ не связанъ органически съ глубокой подпочвой трудовыхъ народныхъ массъ, потому, что онъ — аристократическое, оранжерейное растеніе, живущее не въ естественной средѣ, не подъ открытымъ небомъ, не въ родномъ грунтѣ, а въ 4-хъ стѣнахъ теплицы, одинаковой подъ всѣми градусами широты и долготы и во всѣхъ поясахъ земного шара.

Именно потому, что мы противъ всего, что разъединяетъ національности, что затрудняетъ ихъ взаимное сближеніе и взаимное пониманіе—именно потому мы—непримиримые противники государственно-ассимиляторской политики, стремящейся всѣми мѣрами остановить, затормозить самостоятельное развитіе подчиненныхъ, угнетенныхъ національностей, навязать имъ кафтанъ съ чужого плеча, языкъ и культуру господствующей національности. Мы непримиримые противники этой ассимиляторской политики, во первѣхъ, потому, что она тормозитъ поступательное развитіе народа. Высшіе его классы, его образованные слои, его интеллигенція, правда, легко поддается ассимиляціи, легко забываетъ свой родной языкъ, нравы, культуру и воспринимаетъ чужіе. Но обдѣленные, низшіе классы, подавленные трудомъ, часто бредущіе «по житейской дорогѣ въ безпросвѣтной, глубокой ночи» и безъ того съ величайшимъ трудомъ должны выстра-

дать и добыть съ бою каждую крупицу знанія и самосознанія. Подавить національную культуру этихъ массъ не такъ трудно; но въ десять разъ труднѣе сообщить имъ чужую культуру, въ мало понятной формѣ... Ограбленный не только матеріально, ограбленный, что въ тысячу разъ хуже, духовно, лишенный всякаго историческаго духовнаго наслѣдства, лишенный своей интеллигенціи, ассимилированной другой національностью, нищій умственными силами, нищій образованіемъ, народъ только легче поддался бы экономической эксплуатаціи, будучи не въ состояніи поднять своего стихійнаго гнѣва противъ нея на степень осмысленной борьбы, руководимой свѣтомъ научной истины и научнаго соціалистическаго идеала...

Во вторыхъ, мы — непримиримые противники этой государственно-ассимиляторской политики еще и потому, что она самымъ фактомъ національнаго угнетенія способна пробуждать въ угнетаемыхъ національностяхъ фанатическую привязанность ко всѣмъ ихъ національнымъ особенностямъ, именно потому, что онѣ національны, именно потому, что за нихъ гонятъ и преслѣдуютъ. Когда Петръ сталъ силкомъ стричь бороды своимъ боярамъ, борода сдѣлалась для бояръ символомъ всего, самаго для нихъ дорогого, какъ бы знаменемъ допетровской культуры. Двухперстное сложеніе никогда не пріобрѣло бы такихъ фанатическихъ сторонниковъ, если бы съ нимъ не связалось неразрывными нитями право людей свободно вѣрить и поклоняться своему богу такъ, какъ велитъ совѣсть, а не московскій митрополитъ. Гоненія на евреевъ побуждали ихъ только цѣпляться всѣми силами за весь свой древній ритуалъ, за всѣ традиціи стараго времени, которыя безъ этихъ преслѣдованій съ гораздо большей легкостью были бы переработаны критической мыслью передовыхъ евреевъ. Націонализмъ наступательный, націонализмъ представителей господствующей національности съ его знаменемъ захватовъ, завоеваній и насилій — глубоко противенъ и анти-культуренъ. Но онъ анти-культуренъ не только самъ по себѣ, но еще и тѣмъ, что заражаетъ анти-культурнымъ началомъ и другой націонализмъ—націонализмъ оборонительный. Этотъ послѣдній, въ пылу борьбы, тоже вынуждается на эксцессы, на преувеличенія, выходитъ изъ рамокъ законной защиты свободы національнаго развитія, придавая національному началу не только значеніе формы проведенія общечеловѣческаго содержанія, но и стремясь, по закону реакціи, къ узко-національной обособленности, культурному отдаленію отъ другихъ народовъ, хватаясь за старину только потому, что она «національна», чураясь новаго, поскольку его приходится заимствовать. Наконецъ, національный гнетъ въ высшей степени способенъ пробуждать взаимное тяготѣніе различныхъ

въ сословномъ и классовомъ отношеніи элементовъ. Это взаимное тяготѣніе законно, но лишь постольку, поскольку оно ограничивается общей почвой защиты правъ на свободное развитіе, необходимыхъ всѣмъ членамъ, составляющимъ національность; поскольку оно не заслоняетъ непримиримой розни классовыхъ интересовъ внутри данной національности; и поскольку оно не заставляетъ забыть о международной солидарности рабочаго класса всѣхъ національностей. Но въ томъ-то и дѣло, что національный гнетъ болѣе всего способенъ разжигать слѣпую, огульную вражду нѣмца — ко всему французскому, француза — ко всему нѣмецкому и т. дал.; что національный гнетъ болѣе всего способенъ облегчать господствующимъ классамъ проповѣдь реакціонной идеи гармоніи интересовъ, усыплять революціонность рабочаго класса, создавая ей отводный каналъ въ сторону борьбы исключительно противъ господствующей національности и помогая буржуазнымъ партіямъ тащить за собой въ хвостѣ рабочее движеніе, лишенное его независимаго, самостоятельнаго характера.

Вотъ почему мы пишемъ на своемъ знамени — полное и безусловное право національностей на самоопредѣленіе. Вотъ почему мы стоимъ за федеративный строй, за широчайшее развитіе мѣстнаго самоуправленія, за культурную автономію народностей. Лишь свободный общественный строй, въ которомъ ограждены и права меньшинства, способенъ обезпечить мирное сожитіе подъ одной государственной кровлей различныхъ націй. Лишь такой строй можетъ лишить прежней остроты національные споры. Пока же такого строя нѣтъ, до тѣхъ поръ различныя народности будутъ вѣчно тяготѣть къ сепаратизму, къ государственной особности и независимости. До тѣхъ поръ вѣчно будетъ вставать между ними и грозный призракъ спора изъ-за границъ. Болѣе, чѣмъ когда-либо, теперь въ цѣлыхъ областяхъ перемѣшивается, переплетается другъ съ другомъ разноплеменное населеніе. Никакимъ перекраиваніемъ границъ нельзя избѣгнуть того, чтобы на одной и той же территоріи не жило, въ видѣ большинства и меньшинства, различныхъ національностей. Есть мѣстности, въ которыхъ, въ различномъ процентномъ отношеніи, перемѣшаны 3-4 отдѣльныхъ національности, изъ которыхъ каждая—въ меньшинствѣ. Есть цѣлая національность—еврейская,—которая не имѣетъ своей сплошной территоріи и разселена повсюду рядомъ съ другими исторически осѣдлыми національностями. Это, конечно, не лишаетъ еврейскую національность такого же права на самоопредѣленіе, на автономное культурное развитіе, какое мы признаемъ за всякой другой національностью. Для насъ, какъ соціалистовъ, право на самоопредѣленіе дается не исторической традиціей, не «семью боярами въ числѣ предковъ», не государственной независи-

мостью въ прошломъ, не тѣмъ или другимъ территоріальнымъ разселеніемъ, а самымъ фактомъ того глубокаго культурнаго различія, который раздѣляетъ человѣчество на отдѣльныя національности. Ни одна изъ такихъ національностей не имѣетъ передъ другой никакихъ монопольныхъ правъ, всѣмъ должно быть дано равное мѣсто другъ подлѣ друга, равная доля въ благахъ міра, равная возможность самоуправляться и развиваться естественно, свободно, утилизируя весь свой національно-историческій духовный и культурный капиталъ и дѣлая его исходной точкой для развитія къ великому, общечеловѣческому идеалу соціализма. Самомалѣйшая національная привилегія въ нашихъ глазахъ столь же реакціонна и антисоціалистична, какъ привилегія классовая или сословная. Въ будущемъ обществѣ мы должны и съумѣемъ выработать формы, обезпечивающія мирное, братское сожитіе всѣхъ народовъ, которое одно способно создать истинно общечеловѣческую культуру и свести къ минимуму національныя перегородки. Но и въ современномъ обществѣ мы, какъ соціалисты, должны и будемъ вести ожесточенную, непримиримую борьбу противъ всякаго угнетенія и всякой несправедливости, направляется-ли она противъ расы, религіи, націи, племени, класса, пола или партіи.

Мы горячо привѣтствуемъ историческое возрожденіе порабощенныхъ императорской Россіей народовъ: финскаго, польскаго, литовскаго, латышскаго, еврейскаго, украинскаго, армянскаго и всѣхъ другихъ, которые, пріобщаясь къ международному соціалистическому движенію, доказываютъ тѣмъ самымъ свою національную жизнеспособность. Да здравствуетъ же ихъ союзъ съ ростущей революціонной Россіей! Этотъ союзъ скрѣпленъ общностью страданій и общностью борьбы противъ злѣйшаго врага всѣхъ этихъ народовъ, начиная съ русскаго—противъ хищнаго дворянско-плутократическаго самодержавія!

Февраль, 1903 г.

СТУДЕНЧЕСТВО И РЕВОЛЮЦІЯ.

«Легче воспринимать новыя идеи—есть привилегія юности». Уже давно сказаны эти глубоко-вѣрныя слова, отмѣчающія фактъ, хорошо извѣстный всѣмъ идейнымъ и политическимъ новаторамъ. Юность, съ ея гибкимъ, еще не закостенѣвшимъ умомъ, съ ея жаждой правды, еще не примирившейся съ

возможностью полуудовлетворенія, съ ея смѣлымъ стремленіемъ ничего не принимать на вѣру, не полагаться ни на какіе авторитеты, а все провѣрить собственнымъ критическимъ умомъ, — эта юность менѣе всего способна остаться глухой къ новой идеѣ, пробивающейся сквозь тѣснины предразсудковъ и традиціонныхъ взглядовъ. И, само собою понятно, эти лучшія черты юности съ особенной силой должны сказываться въ учащейся молодежи вообще и въ студенчествѣ — въ частности. Время, когда главное содержаніе жизни составляетъ ознакомленіе съ высшими продуктами міровой мысли, когда практическія, житейскія заботы еще не успѣли захватить человѣка и втянуть его въ тину мелочныхъ разсчетовъ и хлопотъ объ устройствѣ своей карьеры — это время, конечно, болѣе всего благопріятно пробужденію въ человѣкѣ безкорыстныхъ и чистыхъ стремленій, идеальныхъ мотивовъ и интересовъ. И даже люди, природные задатки и воспитаніе которыхъ впослѣдствіи влекутъ ихъ на стезю самаго грязнаго и неразборчиваго карьеризма, бываютъ часто не въ силахъ противостоять этой всезахватывающей волнѣ юношескаго энтузіазма, и «смолоду бываютъ молоды». Дряблыя и гнилыя натуры не перестаютъ, конечно, быть самими собой, но онѣ покрываются сверху тонкою корою новыхъ чувствъ и привычекъ, легкимъ внѣшнимъ идейнымъ налетомъ. Въ послѣдующей жизни онъ быстро слетитъ, сотрется, какъ стирается яркая и красивая позолота съ потертаго, подержаннаго мѣднаго сосуда. . . . Въ нашей литературѣ люди этого рода были мѣтко уподоблены мягкому желѣзу, отъ соприкосновенія съ магнитомъ быстро пріобрѣтающему всѣ магнитныя свойства, но такъ же быстро теряющему ихъ, какъ скоро оно лишается на долгое время этого соприкосновенія. Фактъ существованія такихъ «размагниченныхъ интеллигентовъ» заставлялъ многихъ переходить къ самому скептическому взгляду на значеніе академической молодежи и ея идейныхъ порывовъ. Но справедливо-ли это? Не логичнѣе-ли взглянуть на обратную сторону медали? Не свидѣтельствуетъ-ли этотъ фактъ о силѣ идеалистическихъ стремленій молодежи, — разъ имъ, хотя бы временно, покоряются даже такія натуры, которыя впослѣдствіи оказываются способными на все, кромѣ безкорыстнаго увлеченія?

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ студенчество сдѣлалось замѣтнымъ факторомъ нашей общественной жизни. Кромѣ отзывчивости и воспріимчивости, было еще одно свойство, которое вліяло въ этомъ смыслѣ: это—организованность передового студенчества.

Студенческія организаціи существуютъ, какъ кажется, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ существуютъ наши университеты; существуютъ, несмотря на всѣ запрещенія. Власти, въ концѣ

концовъ, вынуждены были считаться съ существованіемъ этихъ организацій, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ. И студенческія организаціи росли, развивались, кристаллизуясь въ стройныя, разнообразныя и сложныя формы.

Элементарнѣйшія земляческія организаціи, захватывающія огромную массу студенчества; между-земляческіе союзы, со своими союзными совѣтами и судебными коммиссіями, на основѣ демократическаго выборнаго начала; кружки саморазвитія; кружки съ болѣе спеціальнымъ подборомъ членовъ и болѣе практическими задачами; союзы этихъ кружковъ; организаціонные комитеты, инициативныя группы, боевые кружки обструкціонистовъ и т. п. — всѣ эти многообразные типы, вмѣстѣ взятые, разомъ удовлетворяли двумъ требованіямъ: широкому обхвату средней студенческой массы и обособленной организаціи сознательнаго, инициативнаго, революціоннаго меньшинства студенчества.

Объединяясь въ спеціальныхъ организаціяхъ, передовое студенчество получало возможность столковаться, спѣться и выступать въ качествѣ группы, сильной своимъ единствомъ, своей убѣжденностью и рѣшительностью. Входя въ общестуденческую организацію, оно обезпечивало себѣ связь съ студенческой массой, постоянное вліяніе на нее. Тѣмъ и другимъ вмѣстѣ оно обезпечивало себѣ руководящую роль въ движеніяхъ всего студенчества.

Враждебно сталкиваясь съ полицейскимъ режимомъ университетовъ, съ неумной и злобной цензурой, сковывавшей университетскую науку и свободу рѣчи профессора, это передовое меньшинство прекрасно видѣло связь, которая существуетъ между общимъ режимомъ, сдавливавшимъ въ своихъ желѣзныхъ, мертвящихъ тискахъ всю Россію, и его частичнымъ проявленіемъ въ спеціальной области высшаго образованія. Усматривая въ болѣзняхъ университетской жизни лишь симптомъ, лишь отголосокъ общихъ недуговъ, которыми болѣла страна, передовое студенчество поставило себѣ задачу связать свою, студенческую борьбу, съ общей освободительной борьбой. И такъ какъ въ Россіи только соціально-революціонная партія и вела активную борьбу за дѣло освобожденія трудовой Россіи отъ сложныхъ формъ самодержавно-дворянско-плутократическаго режима, то это значило—войти въ ряды борцовъ, идущихъ подъ знаменемъ революціоннаго соціализма.

Втягиваясь въ борьбу между Россіей командующихъ классовъ, т. е. Россіей оффиціальной и «подпольной Россіей», передовое студенчество стремилось въ интересахъ этой борьбы использовать и всю общестуденческую организацію, и все общестуденческое движеніе. Но здѣсь-то, въ этомъ вопросѣ, и предстояло ему пройти между своего рода Сциллой и Ха-

рибдой. Къ счастью, теперь мы уже можемъ сказать, что современное студенческое движеніе благополучно миновало ихъ,—но пока это случилось, на долю какъ той, такъ и другой досталось не мало жертвъ.

* * *

«Наше движеніе—говорили одни—общестуденческое, университетское. Для того, чтобы оно, дѣйствительно, было такимъ, основа, почва его должна быть достаточно широка. Только тогда оно охватитъ массу студенчества, а не одни его передовые кружки. Не навязывайте же этому движенію постороннихъ политическихъ и соціальныхъ лозунговъ. Не идите дальше, дѣйствительно-реальныхъ, непосредственныхъ интересовъ, присущихъ студенту, какъ студенту, и легко имъ сознаваемыхъ. Студенческое движеніе, оставаясь на этой спеціальной почвѣ, само по себѣ будетъ имѣть извѣстное политическое значеніе. Или, по крайней мѣрѣ, не торопитесь дѣлать политическихъ выводовъ изъ академическихъ предпосылокъ — предоставьте самому движенію логически ихъ развить».

«Общестуденческое движеніе — миѳъ» — говорили другіе. «Общестуденческихъ интересовъ не существуетъ. Что общаго между студентомъ-буржуа и студентомъ-пролетаріемъ? Узко-корпоративные интересы? Но они слишкомъ мелки, узки, безсодержательны, если ставить ихъ, какъ что-то самодовлѣющее. Исходя изъ нихъ, нельзя придти ни къ какимъ опредѣленнымъ соціально-политическимъ выводамъ. Студенты, которые не хотятъ замкнуться въ узкой сферѣ корпоративныхъ интересовъ, должны распредѣлиться по опредѣленнымъ классамъ, къ которымъ они принадлежатъ. Дѣло «объединенія студенчества» — безцѣльное, заранѣе обреченное на неуспѣхъ дѣло. Студенчеству нужно не объединеніе, а разъединеніе, т. е. расхожденіе на основѣ классовыхъ различій. Эти классовыя различія должны быть положены въ основу работы среди студентовъ и сдѣланы исходнымъ пунктомъ пропаганды. Студенческое движеніе, какъ нѣчто самостоятельное, никакого значенія въ освободительной борьбѣ сыграть не можетъ, и затраченныя на это силы—погибшія даромъ силы».

Два эти воззрѣнія, на первый взглядъ столь противоположные, сходились въ одномъ — въ отрицаніи намѣченной студенческими организаціями и выше достаточно охарактеризованной тактики. Передовое меньшинство именно стремилось и надѣялось создать такое крѣпкое и сплоченное организованное ядро, которое бы задавало тонъ студенческому движенію въ его цѣломъ, окрашивало бы его своими стремленіями, руководило бы организованнымъ студенчествомъ. Оно именно надѣялось, что при такихъ условіяхъ студенческое

движеніе сможетъ сыграть крупную роль въ общемъ освободительномъ движеніи, дѣйствуя не только въ опредѣленно-прогрессивномъ или либеральномъ смыслѣ, но въ духѣ интересовъ трудящихся массъ; что, словомъ, еще рано хоронить въ Россіи студенческое движеніе. Пусть въ большинствѣ европейскихъ странъ студенчество успѣло обуржуазиться, остыть, увязнуть въ узкихъ рамкахъ корпорацій самодовольныхъ «буршей». На это были и есть свои спеціальныя условія. Да развѣ не знало и западное студенчество своей революціонной весны? И развѣ въ самое послѣднее время въ западномъ студенчествѣ не пробивается опять все сильнѣе и сильнѣе идейная струя?

Повторяю, на практикѣ оба теченія, охарактеризованныя выше, подрывались подъ постановку задачъ организованнаго студенчества. И когда въ студенческомъ движеніи кончился подготовительный періодъ, періодъ накопленія силъ и организаціи ихъ; когда начались первыя попытки организованнаго студенчества выступить въ общественной борьбѣ—эти попытки наткнулись на сопротивленіе съ двухъ сторонъ. Когда активное революціонное студенчество въ Москвѣ попыталось впервые устроить уличную демонстрацію въ память ходынскихъ жертвъ, а въ Кіевѣ — вмѣстѣ съ мѣстной группой соціалистовъ-революціонеровъ — въ память трагической гибели Маріи Вѣтровой, — то на одномъ флангѣ оно встрѣтило оппозицію сторонниковъ «академизма», а на другомъ — сторонниковъ ультра-классовой точки зрѣнія. Именно тогда московская и кіевская соціальдемократическія организаціи обратились съ призывомъ къ рабочимъ — не приставать къ «чужому» для нихъ студенческому движенію, и держаться строго на почвѣ экономической борьбы труда съ капиталомъ. Онѣ обратились и съ призывомъ къ студентамъ — стремиться къ «разъединенію вмѣсто объединенія».

Въ письмѣ къ «Кіевскимъ сознательнымъ рабочимъ» мѣстная соціальдемократическая группа, между прочимъ, говорила: «Товарищи! Сегодня, въ воскресенье 23-го марта, можетъ произойти повтореніе тѣхъ студенческихъ волненій, которыя были 18-го и 19-го. Въ виду того, что нѣкоторые рабочіе думаютъ участвовать въ этихъ волненіяхъ и привлечь къ участію своихъ товарищей, мы считаемъ нужнымъ высказаться на этотъ счетъ.... Приблизимся-ли мы хоть сколько-нибудь къ побѣдѣ надъ деспотизмомъ тѣмъ, что примемъ участіе въ предполагаемой демонстраціи? Мы убѣждены, что не только не приблизимся, но, напротивъ, отдалимся. . . . Во имя успѣховъ русскаго рабочаго движенія, во имя скорѣйшаго сверженія ига самодержавія, мы убѣждаемъ васъ, сознательные товарищи, предотвратить участіе рабочихъ въ предстоящихъ волненіяхъ».

Еще рѣшительнѣе и рѣзче высказалась по поводу «ходынской» студенческой демонстраціи соціальдемократическая группа, называвшая себя «Центральнымъ комитетомъ Московскаго Рабочаго Союза». Въ тотъ самый моментъ, когда московское студенчество расширяло свое движеніе, переходя на почву общеполитическаго протеста, оно услышало не сердечный привѣтъ борцовъ революціи, увидѣло не протянутую руку помощи, а — по какому-то странному недоразумѣнію — запоздалый и несправедливый выговоръ. «Студенческія исторіи никогда ни къ чему не приводили» — говорилось, между прочимъ, въ прокламаціи «Центральнаго Комитета» — «онѣ лишь вырывали лучшихъ представителей изъ вашей среды»... «Что дѣлало студенчество за послѣдніе годы? Оно совершенно оторвалось отъ общественной жизни, замкнулось въ узкій кругъ своихъ университетскихъ интересовъ и главной своей задачей поставило безцѣльное объединеніе студенчества. Безцѣльное, повторяемъ, потому что не объединеніе студенчества возможно и необходимо въ настоящее время, а его разъединеніе. Что общаго между студентомъ-соціалистомъ и студентомъ-буржуа? Что общаго между умственнымъ пролетаріатомъ и умственной буржуазіей?»

Говорятъ, крайности сходятся. Но между студенческимъ «академизмомъ» и тогдашнимъ соціальдемократизмомъ было не только случайное совпаденіе крайностей. Между ними было и нѣкоторое духовное родство. Въ самомъ дѣлѣ, соціальдемократія вступила тогда въ періодъ «стачкизма», или «экономизма», а между нимъ и «академизмомъ» существовали очень и очень крупныя аналогіи. И нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе перваго сильно сказалось и на второмъ. Что характерно для «экономизма»? Прежде всего — суженіе задачъ движенія культомъ ближайшихъ, непосредственныхъ интересовъ, узкокорпоративной, профессіональной постановкой борьбы, культомъ стихійности, культомъ массъ, требованіемъ приспособленія къ данному уровню ихъ сознанія, отрицаніемъ роли сознательнаго, иниціативнаго революціоннаго меньшинства. И всѣ эти черты, — mutantis mutandis — воспроизводилъ академизмъ. Даже средства борьбы были одинаковы: забастовка въ стѣнахъ самаго университета. Словомъ, академизмъ былъ дѣтищемъ своего времени, отражая въ себѣ то идейное теченіе, которое преобладало и въ революціонной средѣ. Узкая, «чисто-академическая» постановка студенческой борьбы и такая же узкая, чисто-экономическая постановка борьбы пролетаріата создавала пропасть между движеніемъ въ университетахъ и движеніемъ въ рабочихъ кварталахъ. Первые же студенческіе кружки того времени стремились не разъединять, а объединять ихъ.

* * *

Но какъ же быть съ той несомнѣнной истиной, что студенчество не представляетъ собою единаго класса, а есть междуклассовая категорія? Возможна-ли, мыслима-ли прочная борющаяся группа, если скрѣпляющимъ ее цементомъ не является единый классовой интересъ?

Вотъ вопросъ, который долго мучилъ нашу молодежь, который продолжаетъ и теперь мучить многихъ—и не только у насъ, но и на Западѣ. Интересный обмѣнъ мнѣній произошелъ по этому поводу на третьемъ международномъ конгрессѣ студентовъ и бывшихъ студентовъ-соціалистовъ, происходившемъ въ 1900 г. въ Парижѣ.

«Безполезно и пытаться привлечь къ соціализму студентовъ изъ чисто-буржуазнаго класса», — утверждали одни. «Соціалистическое студенчество возможно лишь тамъ, гдѣ народился интеллигентный пролетаріатъ, и какъ разъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ существуетъ въ странѣ. Такимъ образомъ, экономическій интересъ интеллигентнаго пролетаріата — вотъ на что должна исключительно или почти исключительно опираться пропаганда въ студенческой средѣ».

Мы видимъ здѣсь ту-же ультра-классовую теорію, которую противополагали студенческимъ союзамъ наши отечественные ультра-марксисты. Но до какой же степени мало нашлось у нея защитниковъ на конгрессѣ, въ числѣ участниковъ котораго были такіе видные дѣятели соціализма, какъ Гатти и Ферри, Вандервельдъ и Винкъ, Лагардель и Жоресъ! Громадное большинство, главнымъ образомъ устами Энрико Ферри и Лагарделя, отвѣчало слѣдующее. «На самомъ дѣлѣ нетрудно убѣдиться, что почти всѣ студенты-соціалисты пришли къ соціализму во имя моральныхъ, этическихъ мотивовъ. Это лучше всего свидѣтельствуетъ о необходимости въ пропагандѣ прежде всего исходить изъ предпосылокъ нравственнаго характера. Затѣмъ эти спонтанейно-возникшія чувства должны быть подкрѣплены аргументаціей другого рода—научно-теоретической. Непрочность юношескаго энтузіазма, способность быстро остывать послѣ вступленія изъ стѣнъ аудиторіи въ практическую жизнь, конечно, существуетъ,—но она въ значительной степени обусловливается тѣмъ, что соціализмъ одновременно не входитъ въ умы моложежи, какъ органическая часть науки, какъ необходимый логическій выводъ изъ біологическихъ и соціологическихъ наукъ. Обращаясь къ нравственной и идейной сторонѣ студента, мы сдѣлаемъ больше всего. Конечно, вопроса объ интересахъ интеллигентнаго пролетаріата вовсе не нужно игнорировать; но сдѣлать этотъ вопросъ основой пропаганды было бы наименѣе дѣйствительной и наиболѣе опасной тактикой. Студенты—еще не пролетаріи и не буржуа; они—будущіе пролетаріи, будущіе чиновники, будущіе буржуа. Не слѣдуетъ, однако, взывать къ эго-

истическому матеріальному интересу, упреждая даже моментъ его нарожденія. Сосредоточивать вниманіе студенчества на экономическихъ интересахъ интеллигентнаго пролетаріата, какъ особой категоріи, не значитъ-ли до извѣстной степени заигрывать съ инстинктами карьеризма? Не надо забывать, что самый классовой интересъ, какъ таковой, если его глубже понимать, есть существенно-альтруистическій элементъ, расширяющійся, такъ сказать, во времени и пространствѣ».

Отъ лица большинства Лагардель предложилъ резолюцію, которая гласила: «конгрессъ находитъ, что, обращаясь къ классовому интересу будущихъ интеллигентныхъ пролетаріевъ, соціалистическая пропаганда въ университетскихъ кругахъ должна въ особенности взывать къ научному духу, моральнымъ чувствамъ и демократическимъ симпатіямъ студенчества». Въ голосованіи, происходившемъ по національностямъ, всѣ, кромѣ Болгаріи и Голандіи, высказались за эту резолюцію. Такимъ образомъ, за ультра-классовую точку зрѣнія оказалось самое ничтожное меньшинство.

Крайности и увлеченія «экономическаго матеріализма» тѣмъ и соблазнительны, что они,—какъ кажется на первый взглядъ — сводятъ всѣ вопросы съ небесъ отвлеченностей на землю, давая глубоко реалистическое объясненіе всѣмъ вопросамъ, на которые не можетъ дать научнаго отвѣта никакая сентиментальная «идеологія». Но тутъ-то и кроется существенное недоразумѣніе. Какъ? Почему идеологическіе мотивы нереальны? Развѣ происхожденіе и развитіе ихъ не связано неразрывными узами съ общимъ психологическимъ развитіемъ человѣчества? Развѣ этотъ психологическій прогрессъ человѣческой природы не связанъ функціонально съ явленіемъ глубоко «матеріальной» природы — развитіемъ высшихъ нервныхъ центровъ, этихъ средоточій накопленной психической энергіи? Человѣческая природа не неизмѣнна; она развивается въ связи съ общимъ развитіемъ культуры; отъ темныхъ, унаслѣдованныхъ инстинктовъ, отъ безсознательныхъ, традиціонныхъ навыковъ черезъ развитіе аффектовъ она идетъ къ сдерживающему вліянію разсчета, возвышающагося надъ элементарными аффектами и эмоціями, въ качествѣ надстройки надъ ними; но и на этомъ не останавливается психологическій прогрессъ, и надъ отдѣльными разсчетами, въ качествѣ новаго, высшаго объединяющаго начала выростаетъ и формулируется понятіе о «высшемъ благѣ», идеалѣ, въ которомъ учитываются всѣ разсчеты, гармонически объединяются всѣ желанія, всѣ импульсы чувства и воли индивида, — и естественно, что этотъ идеалъ становится высшимъ, руководящимъ принципомъ всей дѣятельности человѣка. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, восходящую лѣстницу психологическаго развитія; отдѣльныя лица и цѣлыя этнологическія группы съ

большимъ трудомъ, покупая каждый шагъ тяжелой борьбой, внутренней и внѣшней, медленно поднимаются по этой лѣстницѣ, и въ каждый данный моментъ, по условіямъ своей жизни, могутъ доразвиться до неодинаковой высоты. Мы имѣемъ цѣлыя племенныя группы съ такой элементарной, грубой психологической структурой, при которой они рѣдко въ своемъ поведеніи выходятъ изъ сферы унаслѣдованныхъ навыковъ, инстинктовъ и дикихъ, ничѣмъ не сдерживаемыхъ, порывовъ аффекта; имѣемъ и культурныя націи, выработавшія тонкую и сложную нервную организацію, служащую основой высшихъ явленій идеологическаго порядка. Наконецъ, въ предѣлахъ каждой данной націи реальныя условія жизни ставятъ различныя натуры въ болѣе или менѣе счастливыя условія для выработки въ себѣ моральной личности, руководящейся въ своемъ поведеніи научно-обоснованнымъ идеаломъ.

Повторяю, обрисованный выше самыми общими штрихами психологическій прогрессъ, развитіе духовной организаціи человѣчества, нельзя, конечно, представлять себѣ какимъ-то самодовлѣющимъ, саморазвивающимся процессомъ. Нѣтъ, онъ связанъ тысячью функціональныхъ взаимозависимостей со всѣми другими сторонами культурной и соціальной жизни. Но каковы бы ни были условія его возникновенія и его поступательнаго хода, онъ самъ есть реальный фактъ, съ вліяніемъ котораго нельзя не считаться. Интеллигенція, какъ совокупность лицъ, доразвившихся до способности подчинять высшему критерію идеала все свое поведеніе, объединяя и гармонизируя такимъ образомъ всѣ свои мысли, чувства и дѣйствія, — есть несомнѣнная и растущая сила, и, при томъ, сила внѣклассовая, или, правильнѣе, междуклассовая. Игнорировать ее — значитъ закрывать глаза на дѣйствительность. Считаться съ ней все равно всякому приходится. Вопросъ лишь въ томъ, считаться-ли съ ней безсознательно, инстинктивно, противъ воли и потому неполно, или считаться прямо и сознательно, не пытаясь себя обманывать. Менѣе всего приходится объ этомъ забывать организованному студенчеству, ибо оно само есть категорія междуклассовая. И оно постольку является самостоятельной силой въ исторіи, поскольку въ его нѣдрахъ развивается и растетъ зародышъ, эмбріонъ этой самой революціонной интеллигенціи.

* * *

«Интеллигенція»! Но развѣ интеллигенція есть единая сила? Развѣ мы не имѣемъ столько же интеллигенцій, сколько классовъ? Развѣ каждый классъ не обладаетъ своей собственной, классовой интеллигенціей?

О да, это, конечно, такъ, или почти такъ. Но не замѣча-

ется-ли, что интеллигентнѣйшіе — въ томъ высшемъ смыслѣ этого слова, о которомъ мы говоримъ—элементы различныхъ классовъ вовсе не прикованы къ нимъ своимъ классовымъ происхожденіемъ, и перекочевываютъ отъ одного класса къ другому? Не наблюдается-ли, что въ различныя времена различные классы обнаруживаютъ неодинаковую притягательную (или, наоборотъ, отталкивающую) силу по отношенію къ нимъ? Не ясно-ли, что тяготѣніе лучшихъ, идеологическихъ силъ страны къ дѣлу различныхъ классовъ есть явленіе не случайное, а вполнѣ закономѣрное?

Соціальное развитіе человѣчества, съ одной стороны, воплощаетъ все большую и большую власть человѣчества надъ природой, а, съ другой стороны, на этой основѣ подготовляетъ возможность всесторонняго, гармоническаго развитія человѣческой личности. Но это развитіе есть сложный и мучительный процессъ. Въ его поступательномъ ходѣ каждый шагъ покупается борьбой. Различные классы населенія, борясь за свои ближайшіе интересы, опредѣляемые ихъ положеніемъ въ системѣ общественнаго производства и распредѣленія, въ различной степени работаютъ въ направленіи этого процесса или вопреки ему. Чѣмъ яснѣе, при каждомъ данномъ состояніи общественныхъ знаній, солидарность интересовъ даннаго класса съ интересами соціальнаго развитія, — тѣмъ сильнѣе притягательная сила этого класса по отношенію къ лучшимъ интеллектуальнымъ силамъ вѣка. Вотъ почему въ эпоху расцвѣта буржуазнаго строя, въ эпоху его зарожденія и борьбы съ феодальнымъ порядкомъ, весь умственный и моральный цвѣтъ европейскаго общества тяготѣлъ къ буржуазіи, державшей въ своихъ рукахъ бразды колесницы соціальнаго прогресса. Только немногіе прозорливцы предчувствовали вырожденіе верхнихъ слоевъ «третьяго сословія» въ новую аристократію, которая пожелаетъ монополизировать въ своихъ рукахъ плоды культурнаго прогресса и въ извѣстный моментъ остановить колесницу исторіи. Но прошли времена. . . . Неясныя раньше противорѣчія капиталистическаго строя все развертывались и развертывались, онъ становился все въ большей и большей степени узами для развитія производительныхъ силъ, для культурнаго и соціальнаго прогресса. . . . Буржуазный порядокъ все болѣе изживаетъ свое творческое, положительное содержаніе, его отрицательныя, темныя стороны все болѣе и болѣе заслоняютъ собою свѣтлыя и созидательныя... Удивительно-ли, что и взоры лучшихъ людей страны естественно обращаются къ новой силѣ, неумолимо враждебной царству капитала — къ представителямъ эксплуатируемаго труда?

Рабочій классъ въ широкомъ смыслѣ этого слова все болѣе и болѣе становится не только самой крупной соціально-

политической силой въ новѣйшей исторіи, но — еще раньше — самой крупной интеллектуальной и моральной силой. Вокругъ него группируется все лучшее, все честное, смѣлое, отзывчивое — словомъ, все наиболѣе интеллигентное изъ среды различныхъ классовъ, положеній, состояній. И вмѣстѣ съ тѣмъ рабочій классъ дѣлается опорой всего высокаго, всего истинно-гуманнаго и благороднаго въ общественной жизни. Движенія, болѣе широкаго, болѣе общечеловѣческаго еще не видала исторія...

То, изъ чего интеллигенція исходитъ, опредѣляя свое поведеніе, не есть классовой интересъ. Нѣтъ, напротивъ: непосредственные интересы различныхъ классовъ она призываетъ, какъ тяжущіяся стороны, на судъ нѣкоторой высшей инстанціи. И эта высшая инстанція — понятіе соціальнаго развитія, состоящаго въ приближеніи къ идеалу свободнаго и разумнаго общежитія, гарантирующаго общее благосостояніе, свободу и гармоническое развитіе личности. Свобода же въ области матеріальной культуры «можетъ заключаться только въ томъ, чтобы человѣкъ, ставшій существомъ общественнымъ, чтобы объединенные производители регулировали свой обмѣнъ веществъ съ природой разумно, подчинили бы его своему общему контролю, вмѣсто того, чтобы давать ему властвовать надъ собою, какъ слѣпой силѣ; чтобы совершалось это съ наименьшею тратою силы и при условіяхъ, наиболѣе достойныхъ ихъ человѣческой природы и наиболѣе ей соотвѣтствующихъ». Но, поскольку мы здѣсь все еще вращаемся въ сферѣ борьбы за самыя элементарныя условія существованія, и «труда, вынужденнаго нуждой и внѣшней цѣлесообразностью», — мы еще не выходимъ окончательно изъ царства необходимости, лишь болѣе разумно устроеннаго. «За нимъ начинается развитіе человѣческихъ силъ, которое само себѣ служитъ цѣлью, дѣйствительное царство свободы, которое однако можетъ процвѣтать, только имѣя основаніемъ такое царство необходимости»*).

И вотъ почему, становясь на эту глубоко-реальную и въ тоже время существенно-идеалистическую точку зрѣнія, даже такой ортодоксальный марксистъ, какъ Карлъ Каутскій, пишетъ: «соціальное развитіе стоитъ для насъ выше, чѣмъ интересы пролетаріата, и соціальдемократія не можетъ защищать такіе пролетарскіе интересы, которые стоятъ поперекъ дороги соціальному развитію. Но въ общемъ, конечно, этого не бываетъ. Теоретическій базисъ соціальдемократіи именно и составляетъ знаніе того факта, что интересы соціальнаго развитія и пролетаріата—совпадаютъ»**).

*) К. Марксъ, «Капиталъ», т. III, стр. 678. СПБ. 1896 г.
**) „Die Agrarfrage“, стр. 318.

Нравственная и соціологическая цѣнность классового интереса зависитъ именно отъ такого совпаденія или несовпаденія. Вспомните только крылатыя слова Ф. Лассаля: «Это противорѣчіе между личнымъ интересомъ высшихъ сословій и культурнымъ развитіемъ націи и составляетъ причину глубокой и неизбѣжной безнравственности привилегированныхъ классовъ. Стоитъ только представить себѣ, въ какія условія ежедневно ставитъ ихъ такое существованіе, чтобы понять необходимость огорчаться его успѣхами, радоваться его неудачамъ, задерживать его дальнѣйшій ходъ, стараться обратить его вспять, проклинать его побѣды, вѣчно жить какъ во враждебной странѣ — и кто же этотъ врагъ? — нравственная солидарность своего народа, въ стремленіи къ которой и состоитъ вся истинная нравственность — вотъ роковая судьба высшихъ классовъ!... Прибавьте къ этому необходимость или дѣлать все это противъ голоса своей собственной совѣсти и собственнаго разума, или заглушить въ себѣ этотъ голосъ мерзкой практикой, чтобы онъ больше не смущалъ, или, наконецъ, никогда не знать его, никогда ничего лучшаго не видать и не слыхать,—какъ религію корысти!

«Такая жизнь, господа, необходимо ведетъ къ совершенному презрѣнію и къ пренебреженію всякими идеальными стремленіями. Она дѣлаетъ способнымъ сострадательно усмѣхаться при великомъ имени идеи; она вноситъ глубокую нечувствительность, даже отвращеніе ко всему прекрасному и великому; она губитъ всѣ нравственныя начала подъ одной всепоглощающей жаждой своекорыстной выгоды и животнаго наслажденія.

«У низшихъ классовъ этого противорѣчія между личнымъ интересомъ и культурнымъ развитіемъ націи, къ счастью, нѣтъ».

И, обращаясь къ представителямъ этихъ низшихъ классовъ, Лассаль восклицаетъ:

«Вы счастливы, господа, потому что вмѣсто того, чтобы быть мертвыми къ идеѣ, вы предназначены самымъ личнымъ интересомъ вашимъ къ величайшей воспріимчивости къ ней. Вы—счастливцы, потому что вашъ истинный личный интересъ совпадаетъ съ бьющимъ пульсомъ исторіи, съ погоняющимъ жизненнымъ началомъ нравственнаго развитія. Вы можете поэтому съ личною страстью предаваться историческому развитію въ увѣренности, что чѣмъ жарче и жаднѣе будетъ эта страсть, тѣмъ она будетъ нравственнѣе».

Вы видите, что идеалистическій, общечеловѣческій моментъ и моментъ «классовой» не только не несовмѣстимы, не только другъ друга не исключаютъ — а, наоборотъ, тѣсно связаны другъ съ другомъ. И эта связь фактически выражается въ союзѣ междуклассовой идеалистической силы рево-

люціонной интеллигенціи съ классовой силой огромной массы рабочаго народа. И эта связь, и этотъ союзъ — необходимы. «Сведенный къ пролетаріату наемнаго труда, соціализмъ неспособенъ побѣдить,—говоритъ въ своей посмертной статьѣ В. Либкнехтъ, — но его побѣда обезпечена, если онъ понятъ совокупностью трудящагося народа и цвѣтомъ націи — умственнымъ и моральнымъ ея цвѣтомъ».

По мѣрѣ того, какъ убываетъ положительная, творческая роль капитализма и буржуазіи, по мѣрѣ того, какъ соотвѣтственно возрастаетъ ихъ отрицательная, задерживающая роль — по мѣрѣ этого буржуазія оскудѣваетъ, а ея антиподъ — пролетаріатъ, или, общѣе, рабочій классъ, обогащается умственными и нравственными силами.

Это — процессъ, ареной котораго является весь цивилизованный міръ. Но есть страны, которыя успѣли пережить лучшія времена мятежной юности современнаго порядка, и есть страны, въ которыя онъ проникъ и развился уже тогда, когда «увлеченія юности» были далеко за его плечами, и когда отъ зрѣлаго возраста онъ сталъ уже склоняться къ одряхлѣнію. Есть страны, въ которыхъ совокупность естественныхъ и историческихъ условій способствовала относительно благопріятному соотношенію между положительными и отрицательными, творческими и разрушительными сторонами капитализма; и есть страны, въ которыхъ условія сложились въ прямо противоположномъ смыслѣ.

Въ странахъ первой категоріи, естественно, буржуазіи было легче ослѣпить умственный взоръ значительной части интеллигенціи, легче было найти убѣжденныхъ поклонниковъ, защитниковъ «не токмо за страхъ, но и за совѣсть». Иное въ странахъ второй категоріи. Здѣсь интеллигенція и буржуазія или въ очень слабой степени, или даже вовсе не думали, не чувствовали и не дѣйствовали въ унисонъ. И удивительно-ли? Съ одной стороны, передъ глазами интеллигенціи былъ уже поучительный опытъ передовыхъ странъ, испытывавшихъ тяжелое и хмурое похмѣлье послѣ шумныхъ оргій буржуазнаго пиршества. Съ другой, отечественный капитализмъ слишкомъ явно отличался всѣми пороками капитализма другихъ странъ, не обладая въ то же время его преимуществами. Да и сама буржуазія такихъ странъ уже не могла беззавѣтно отдаться тому имянинному настроенію, которое испытывалось въ передовыхъ промышленныхъ странахъ вождями «третьяго сословія», искренно и воодушевленно отождествлявшими освобожденіе этого сословія съ освобожденіемъ всего человѣчества. Начавши развиваться еще тогда, когда въ передовыхъ странахъ пролетаріатъ поднялъ знамя возстанія противъ буржуазной культуры, эта буржуазія чувствовала въ отечественномъ пролетаріатѣ своего врага уже

въ то время, когда онъ объ этомъ и не задумывался. Наученная опытомъ другихъ странъ, она не торопилась бороться съ монархизмомъ и феодализмомъ, чувствуя, что изъ этого колодца, можетъ быть, еще придется воды напиться. Болѣе расхищая и разрушая, чѣмъ созидая, она чувствовала, что возстановляетъ противъ себя слишкомъ многихъ. Ея хищническіе инстинкты, ея политическая трусость, безпринципность отталкивала отъ нея лучшіе умы. Ей приходилось довольствоваться апологетами второго сорта, не безкорыстно и беззавѣтно убѣжденными людьми, а наемными адвокатами, у которыхъ, въ числѣ главныхъ добродѣтелей, можно было отмѣтить длинныя и цѣпкія руки, гибкій становой хребетъ, глиняную совѣсть, языкъ безъ костей, «а на лбу роковыя слова: продается съ публичнаго торга»...

Мудрено-ли, что въ такихъ странахъ,—какъ примѣръ, въ особенности могутъ служить Италія и Россія—интеллигенціи съ самаго начала не къ чему было прилѣпиться умомъ и чувствомъ, кромѣ закованнаго Прометея — рабочаго народа? Мудрено-ли, что самая исторія революціонно-соціалистическаго движенія въ этихъ странахъ на первыхъ порахъ была исторіей подвиговъ революціонной интеллигенціи, которая одна, не находя поддержки въ рабочихъ массахъ, долго и страстно пыталась взволновать спокойное народное море, то горячей, убѣжденной проповѣдью новаго евангелія соціализма, то громомъ героическихъ подвиговъ отчаяннаго единоборства съ могучимъ противникомъ? Мудрено-ли, что, вопреки всѣмъ догмамъ о непрочности между-классовыхъ группъ, она десятилѣтіями выносила на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы, гоненій, преслѣдованій? Мудрено-ли, что она сумѣла создать такія глубокія идейныя традиціи, которыми питались и на которыхъ воспитывались цѣлыя поколѣнія? Мудрено-ли, наконецъ, что про одну изъ этихъ странъ поэтъ могъ написать эти прочувствованы строки:

«Нѣтъ края,
Такого въ мірѣ нѣтъ угла, гдѣ-бъ молодежь,
Всѣ блага жизни презирая,
Такъ честно, какъ у насъ, такъ смѣло отдала
Себя служенью правдѣ строгой.
Жизнь чуть-ли не дѣтьми насъ прямо повела
Тернистыхъ подвиговъ дорогой.
Намъ сжалъ впервые грудь не женскихъ ласкъ восторгъ,
Не сладкій трепетъ страсти новой;
И первую слезу изъ юныхъ глазъ исторгъ
Не взоръ красавицы суровой.
Печальной родинѣ скорбѣвшія уста
Шептали первыя признанья,
Надъ трупомъ дорогимъ товарища-борца

Звучали первыя рыданья...
Взамѣнъ безпечныхъ словъ бесѣды молодой
Мы совѣсть раскрывали нашу;
Взамѣнъ хмѣльной струи изъ чаши круговой
Мы испытаній пили чашу...

* * *

Да, русскому студенчеству есть на что оглянуться въ своемъ историческомъ прошломъ... Это прошлое — сильное и красивое — завѣщало ему цѣлый рядъ славныхъ традицій, на основѣ которыхъ, мы надѣемся, его движеніе будетъ развиваться дальше, неся съ собою не менѣе сильное и красивое будущее.

Русскіе университеты сдѣлались разсадниками крамолы еще въ тѣ времена, когда Александръ Благословенный благословлялъ Рунича на борьбу съ наукой, когда Николай «Незабвенный» иллюстрировалъ присвоенныя ему исторіографами рыцарскія чувства, готовя шпицрутены для непокорныхъ студентовъ и сдавая ихъ въ солдаты. Превращеніе казармъ въ университеты и университетовъ въ казармы есть тоже одна изъ «славныхъ традицій» русскаго самодержавія. Вся исторія русскихъ университетовъ есть исторія попытокъ русскаго самодержавія такъ «приспособить» къ своимъ интересамъ науку, чтобы университеты играли въ государствѣ ту же роль, что и какія нибудь экзаменаціонныя коммиссіи — для жандармовъ при департаментѣ полиціи или для околодочныхъ при участкѣ. Безъ науки обойтись нельзя. Правительству необходимы интеллигентныя силы — хотя бы для того, чтобы защищать по всѣмъ правиламъ науки на судѣ Шафровыхъ, воздвигать тюрьмы и публичные дома, производить антропометрическія измѣренія въ жандармскихъ управленіяхъ. Но наука не укладывается на прокустовомъ ложѣ начальственныхъ предписаній, и — увы! даже многіе будущіе «столпы порядка» временно поддаются той непреодолимой, почти мистической силѣ, которая превращаетъ для нихъ университетскій стажъ въ четырехлѣтнюю воинскую повинность революціи. Жить умственной жизнью — опасная вещь — и вотъ почему русскіе университеты, которые, по замыслу, должны были служить «экспедиціей заготовленія государственныхъ людей» русскаго самодержавія, превращались такъ часто въ нервные центры общественнаго организма, до болѣзненности чуткіе къ его страданіямъ и язвамъ...

Какъ самый чуткій барометръ, студенчество отражало въ себѣ настроеніе общества и народа, по мѣрѣ его пробужденія къ сознательной жизни. И не только отражало. Часто, формулируя рѣзко и опредѣленно еще не высказанныя требова-

нія, еще неопредѣлившіяся стремленія, оно возвращало ихъ обратно странѣ и само становилось впереди движенія.

Еще въ семидесятыхъ годахъ, поднявши знамя свободной, не продажной и неприслушивающейся ни къ кому науки противъ оффиціальной пародіи на нее, передовое студенчество уже изнемогало въ неравномъ бою, бою-единоборствѣ съ мрачными силами реакціи. И во имя этой науки, этой животворящей идеальной силы, освѣщавшей передъ ними прошлое, настоящее и будущее человѣчества, студенты бросали кастрированные оффиціальной и добровольной цензурой учебники и вырывались изъ тѣсныхъ стѣнъ аудиторіи, чтобы окунуться въ сермяжное море трудовой Руси. Новому евангелію великаго соціальнаго идеала они искали прозелитовъ у фабричнаго станка, у деревенскаго плуга и сохи ... По правительственнымъ статистическимъ даннымъ, учащаяся молодежь дала болѣе 50 % участниковъ этого движенія. И вотъ, въ 1878 г. правительство съ тревогой констатировало явное и яркое проявленіе народившейся связи между студенчествомъ и городскимъ пролетаріатомъ. Во время университетскихъ безпорядковъ, на сходкахъ петербургскихъ студентовъ было замѣчено присутствіе — о ужасъ! — толпы рабочихъ съ фабрики Торнтона!

Нечего и говорить, что городской рабочій пролетаріатъ былъ въ то время еще въ эмбріональной фазѣ своего развитія. Но первые піонеры союза «науки и работниковъ» имѣли своихъ самоотверженныхъ преемниковъ, и черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ улицы Петербурга, Москвы, Харькова и Кіева были наполнены уже толпами рабочихъ, шедшихъ на помощь волнующемуся студенчеству ...

И въ 1891-2 г., когда страшныя апокалипсическія фигуры голода, смерти, заразы пронеслись надъ русской деревней, сѣя ужасъ, уныніе, панику, — русская молодежь снова отозвалась на страданія народа. Снова опостылѣлъ ей университетъ съ его наукой-полурабыней, снова порывъ беззавѣтнаго самоотверженія бросилъ ее въ сермяжное море обезумѣвшаго отъ горя и страданій народа. И молодежь сдѣлала великое дѣло, историческое значеніе котораго до сихъ поръ еще недостаточно оцѣнено и взвѣшено. Она наглядно доказала крестьянину, что кромѣ обычной, хорошо знакомой ему фигуры барина-бѣлоручки, барина-тунеядца, насильника и развратника, есть среди людей, носящихъ «барскія» платья, люди совсѣмъ другаго колибра — искренніе, вѣрные, честные друзья рабочаго человѣка, готовые идти съ нимъ рука съ рукой, плечо съ плечемъ, чтобъ розыскать его пропавшую, спрятанную за семидесятью замками таланъ-долю... Но доказать это значило — нанести смертельный ударъ старой деревнѣ, деревнѣ прошлаго, недовѣрчиво замкнувшейся въ себѣ, не знав-

шей и не желавшей знать, кромѣ своего деревенскаго «міра», никакого другого — великаго, огромнаго міра, живущаго общей, всечеловѣческой, всемірно-историческою жизнью; это значило открыть новую эру, эру новой деревни, чутко прислушивающейся къ борьбѣ въ городахъ, жадно ловящей всякое слово правды, жадно поглощающей десятки тысячъ листковъ, брошюръ, прокламацій. Но старая деревня не сдавалась. Она боролась за жизнь, и въ предсмертной агоніи защищалась судорожными, рефлекторными движеніями. Холерные безпорядки, во время которыхъ городовые и доктора, участки и больницы, наскоро навербованная санитарная полиція и самоотверженная студенческая молодежь одинаково почувствовали на себѣ мстящую руку ослѣпленной толпы, были въ сущности именно такими эпилептическими корчами старой, отживающей деревни — деревни прошлаго... Созданное правительствомъ и нашими предками привеллигированныхъ сословій вѣковое отчужденіе интеллигенціи и народа встало между ними свирѣпымъ призракомъ, и этому призраку были принесены человѣческія жертвы. Но эти жертвы не остались безплодными. И когда во второй половинѣ 90-хъ годовъ началась тогда еще изолированная, разрозненная мѣстная работа въ деревняхъ, она нашла тамъ огромный умственный кризисъ, броженіе, пробужденіе мысли. И если теперь, въ началѣ новаго столѣтія, мы, соціалисты-революціонеры, дѣлаемъ въ деревнѣ такія быстрыя завоеванія, то прежде всего намъ приходится вспомнить добрымъ словомъ честную, самоотверженную молодежь, въ мрачную пору голодовокъ и эпидемій проложившихъ въ деревню широкую дорогу передовой революціонной интеллигенціи.

Но студенчество дало намъ не только піонеровъ дѣла сближенія съ пролетаріатомъ городовъ и трудовымъ крестьянствомъ деревень — съ двумя этими трудовыми и эксплуатируемыми слоями, которыхъ мы, соціалисты-революціонеры, объединяемъ въ одномъ высшемъ понятіи «рабочаго класса». Оно было піонеромъ и въ дѣлѣ прямой борьбы, прямого напора на правительство.

Уже въ 1896-7 г. въ Москвѣ и Кіевѣ студенческія организаціи смѣло выступили на путь политическихъ демонстрацій. Они, такимъ образомъ, зашли далеко впереди движенія. Господствующимъ направленіемъ былъ тогда соціальдемократизмъ въ его наиболѣе рѣзко выраженной «стачкистской» или экономической формѣ. Требовался большой запасъ революціоннаго энтузіазма и вѣры въ себя, чтобы, вопреки господствующему теченію, вопреки даже прямой его оппозиціи, все таки пойти своимъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Кіевѣ только группа соціалистовъ-революціонеровъ — тогда еще относительно весьма слабая — пошла рука объ руку со студентами;

соціальдемократическія же группы, гораздо болѣе сильныя, и въ Кіевѣ, и въ Москвѣ отнеслись къ этимъ попыткамъ отрицательно. Сравнительно слабая удача первыхъ демонстрацій, однако, не заставила студенчество отчаяться, и въ 1901-2 гг. студенчество снова выступаетъ застрѣльщикомъ демонстраціоннаго движенія. На этотъ разъ смѣлая инициатива нашла горячій откликъ — и не потому, чтобы господствующее въ революціонныхъ кругахъ направленіе перемѣнилось, а потому, что въ фабричномъ пролетаріатѣ и, вообще, въ городскомъ «простонародьи» накопилось слишкомъ много недовольства и горечи противъ существующихъ порядковъ, противъ «власть имущихъ». И вотъ, помимо своихъ руководящихъ соціальдемократическихъ организацій, иногда даже вопреки имъ, рабочія массы городовъ выходили на улицы и присоединялись къ волнующимся, протестующимъ толпамъ студентовъ. Впервые торжественно, на дѣлѣ былъ заявленъ союзъ революціонной интеллигенціи и революціоннаго народа; впервые изъ области золотой мечты онъ перешелъ въ дѣйствительность. И дѣло было сдѣлано. Демонстраціямъ было завоевано право гражданства. И даже тѣ революціонныя организаціи, которыя раньше не признавали демонстрацій, вынуждены были заднимъ числомъ дать имъ свою полную санкцію. Иныя даже подпали подъ власть общаго психологическаго закона, по которому нѣтъ болѣе ярыхъ друзей извѣстной идеи, чѣмъ ея былые раскаявшіеся враги. Для нихъ демонстрація, и притомъ въ ея первоначальной «мирной» формѣ, сдѣлалась альфой и омегой революціонной тактики...

Студенчеству нѣтъ надобности поддаваться такому одностороннему увлеченію. Но мы и не думаемъ, чтобы была на лицо серьезная опасность такого увлеченія. Напротивъ того, идея перехода къ демонстраціямъ ***вооруженнымъ***, какъ кажется, пустила уже достаточно глубокіе корни въ умахъ передового студенчества. Оно даже уже выступило однажды съ попыткой такого рода—мы говоримъ о извѣстномъ московскомъ «университетскомъ сидѣніи», къ которому — совершенно несправедливо — у многихъ существуетъ неумѣстное жестко-ироническое отношеніе. Конечно, попытка была неудачна, но намъ не къ лицу играть роль такихъ «жрецовъ минутнаго, поклонниковъ успѣха». Всѣ опережающія свое время попытки не удаются, но принципіальное значеніе ихъ громадно. Ихъ неуспѣхи подготовляютъ будущее торжество. И мы вправѣ надѣяться, что передовое студенчество еще сыграетъ видную роль въ подготовленіи вооруженныхъ демонстрацій будущаго.

Передовые студенты и раньше послѣдними покидали арену непосредственной, вооруженной борьбы и первыми возвращались въ нее. Во время всеобщаго упадка духа, молчаливой покорности и покорнаго лицемѣрія, въ то время, когда одинъ

за другимъ сходили со сцены послѣдніе «красные богатыри» революціи эпохи народовольчества, передовое студенчество выдвинуло людей, имѣвшихъ достаточно мужества поднять старое, почернѣвшее отъ порохового дыма и залитое кровью знамя — Осипановъ, Генераловъ, Ульяновъ и Андреюшкинъ заплатили жизнью за свою отвагу.

И потянулись блѣдные, пасмурные сумерки переходного времени... Но въ то печальное, богомъ и людьми проклятое десятилѣтіе, когда Россія спала кошмарнымъ сномъ политическаго безсилія, въ глубинахъ народной жизни происходилъ переворотъ громадной важности и первостепеннаго значенія. На землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе, путемъ висѣлицъ и розогъ достигнутыя царемъ-миротворцемъ, были не болѣе, какъ прекраснымъ миражемъ, недолго радовавшимъ сердце «августѣйшаго монарха». Народъ бѣднѣлъ и ожесточался въ деревняхъ и уже учился думать и бороться въ городахъ. Громадная сила рабочаго класса, — сила, которой принадлежитъ будущее и передъ которой трепещетъ настоящее, — еще робко прислушивалась къ самой себѣ, еще не довѣряла достаточно ни своимъ вождямъ, ни своей собственной силѣ, еще не смѣла открыто требовать и также открыто грозить. Эпоху нерѣшительности переживало студенчество, начавшее чисто-академической борьбой и пришедшее къ исправительной сдачѣ въ солдаты. Выстрѣлъ Карповича былъ молніей, пронизавшей полутьму. Это былъ сигналъ къ непримиримой, безпощадной, неукротимой борьбѣ, борьбѣ со всѣмъ режимомъ. Послѣ него возможны были только два пути: или убояться логическаго развитія движенія и отшатнуться отъ него съ трусливой покорностью, либо смѣло выступить на тернистый путь борьбы революціонной. Всякая «умѣренная и аккуратная середина» сдѣлалась невозможной. Академизмъ былъ убитъ. Движеніе, начинавшее замирать въ парализующей силы нерѣшительности, сразу получило могучій толчекъ впередъ. Таково дѣйствіе всякаго удачно разсчитаннаго террористическаго акта. Выстрѣлъ Карповича и его результаты, его поддержка массовымъ движеніемъ, растерянность правительства, призваніе «попечительнаго» Ванновскаго и попытки уступокъ — выдвинули на первый планъ вопросъ объ организованномъ террорѣ. И студенчество дало и этой организованной террористической борьбѣ ея передового воина — юнаго героя Степана Валерьяновича Балмашева.

Исторія передового студенчества иллюстрируетъ необычайно ярко и значеніе идеологическаго элемента, этого растущаго фактора исторіи, и значеніе инціативнаго, организованнаго революціоннаго меньшинства, которое своей энергіей толкаетъ движеніе массъ, и представляетъ динамическій, ускоряющій моментъ политическаго развитія. И мы, какъ убѣж-

денные соціалисты-революціонеры, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія перелистываемъ самыя славныя страницы исторіи русскаго студенческаго движенія, констатируя, до какой степени широко и свободно укладываются въ рамки нашей боевой партійной программы наполняющія эти страницы дѣянія...

* * *

Каковы же задачи организованнаго студенческаго движенія? Изъ предыдущаго отвѣтъ достаточно ясенъ: это движеніе должно развиваться дальше на основѣ тѣхъ же лучшихъ традицій прошлаго. Передовое студенчество должно осмыслить прошлый опытъ своей борьбы. Та широкая синтетическая программа борьбы, которой студенчество придерживалось раньше стихійно, должна сдѣлаться сознаннымъ руководящимъ принципомъ его дѣятельности. Одинаково понимающіе эту программу элементы должны объединиться между собой, что бы путемъ этого объединенія увеличить своего вліянія на движеніе. А для этого прежде всего нужно представлять собою дѣйствительно единую, дѣйствительно сплоченную, дѣйствительно компактную массу — массу, имѣющую «едино тѣло и единъ духъ».

Но здѣсь и начинается опредѣленная и очень серьезная трудность. Не все передовое студенчество одинаковымъ образомъ осмысливаетъ прошлый историческій опытъ своего движенія, не все оно дѣлаетъ изъ этого опыта одинаковые практическіе выводы. Возникающія здѣсь разногласія въ главномъ соотвѣтствуютъ тѣмъ фракціоннымъ разногласіямъ, которыя существуютъ въ общемъ соціалистическомъ лагерѣ. Само собою понятно, что разъ эти разногласія существуютъ, разъ опѣ дѣйствительно серьезныя, дѣйствительныя, а не мнимыя разногласія — попытки затушевать ихъ были бы только вредны, создавая запутанное, неопредѣленное, невыясненное положеніе. Разногласія, напротивъ, должны быть исчерпаны до дна. Честная идейная борьба, самые оживленные споры по существу всѣхъ «открытыхъ вопросовъ» теоріи и практики могутъ быть только полезны. Лишь разностороннее обсужденіе вопроса со всѣхъ точекъ зрѣнія, лишь обсужденіе всѣхъ pro и contra можетъ дать въ результатѣ не только архитектурно-стройную догму, но и критически-продуманное, провѣренное на фактахъ міросозерцаніе.

Итакъ, студенты соціалисты-революціонеры съ одной стороны, студенты — соціальдемократы — съ другой, должны организоваться въ свои спеціальные группы и союзы. Но существованіе этихъ группъ и союзовъ съ опредѣленной партійной окраской нисколько не дѣлаетъ излишнимъ параллель-

ное существованіе общестуденческой, партійно-нейтральной организаціи. Напротивъ, только при существованіи такой организаціи, а, слѣдовательно, и совмѣстной работы, студенты различныхъ фракціонныхъ оттѣнковъ научатся лучше понимать и уважать другъ друга, держаться въ спорахъ на принципіальной почвѣ, не заходя въ область раздражительной, личной, мелочной «полемики» ничего не разъясняющей и все запутывающей. Наконецъ, только при параллельномъ существованіи широкой общестуденческой организаціи будетъ обезпечена широкая связь и столь же широкое вліяніе передового сознательнаго студенчества на остальную еще неопредѣленную его массу.

Не надо, въ самомъ дѣлѣ, забывать, что въ большинствѣ своемъ студенчество переживаетъ переходный періодъ, періодъ броженія, напряженной умственной работы, выработки общественно-политическихъ убѣжденій. А если дѣло этой выработки убѣжденій не низведено до скороспѣлаго и легкомысленно-торопливаго наклеиванія фракціонныхъ ярлычковъ, то оно само по себѣ требуетъ и силъ, и времени, и организаціи. Общестуденческія организаціи поступали вполнѣ правильно, когда одной изъ самыхъ главныхъ своихъ задачъ ставили именно *выработку изъ своихъ членовъ сознательныхъ общественныхъ дѣятелей, убѣжденныхъ политическихъ борцовъ.*

Но у общестуденческихъ организацій есть и еще одна важная цѣль — борьба за свободу университета, свободу науки, научной мысли и проповѣди. Это, можно сказать, профессіональный интересъ студента, ибо его профессія, какъ студента, въ томъ и заключается, что онъ посвящаетъ себя ученію, наукѣ, мышленію. Но профессіональная организація всегда можетъ и должна быть шире партійно-политической. Она стремится захватить всѣ элементы, способные къ борьбѣ за профессіональные интересы. При этомъ передовые изъ этихъ способныхъ къ борьбѣ элементовъ на дѣлѣ революціонизируютъ остальную массу, связывая интересы профессіональной борьбы съ болѣе общими великими политическими и соціальными поблемами времени. И если бы передовое студенчество забыло объ этой своей задачѣ, интересы общаго революціоннаго движенія также только пострадали бы.

Быть можетъ, значеніе общестуденческихъ организацій недостаточно оцѣнено до сихъ поръ и еще въ одномъ отношеніи. На студенческихъ дѣлахъ *вырабатывались силы,* — и сплошь и рядомъ лучшія силы революціи. Участіе въ студенческихъ организаціяхъ и борьбѣ являлось для нихъ первымъ поприщемъ организаціоннаго навыка, первыхъ опытовъ конспиративной работы, первою пробой своего практическаго умѣнья, твердости, стойкости и рѣшительности въ опасныя минуты, и т. д., и т. д. Развѣ можетъ это являться нежела-

тельнымъ для какой бы то ни было революціонной организаціи? Развѣ революціоннымъ организаціямъ нужны элементы, еще недостаточно сложившіеся политически, еще совершенно неопытные въ организаціонномъ и конспиративномъ отношеніи? А если нѣтъ, то чѣмъ же могутъ мѣшать общестуденческія организаціи революціоннымъ организаціямъ? Напротивъ, для революціонныхъ организацій это — только лишній поводъ привѣтствовать развитіе объединеннаго студенческаго движенія.

Не понимаютъ этого только узкіе фанатики, для которыхъ весь міръ заслоняется какой нибудь одной отраслью революціонной работы, и которые съ ревнивой подозрительностью смотрятъ на всякій другой видъ работы. По странному недоразумѣнію, имъ кажется, что всякая работа въ другой области не поддерживаетъ, не подкрѣпляетъ ихъ работы, а только «отвлекаетъ силы» отъ послѣдней.

«Пусть тѣ, которые тратятъ всѣ силы на безплодную борьбу за студенческіе интересы, отдадутъ хоть часть ихъ на рабочее дѣло» — взывала въ 1896 г. московская соціальдемократическая организація. Но развѣ существованіе студенческой организаціи когда нибудь мѣшало «отдавать свои силы на рабочее дѣло» тѣмъ, кто опредѣлился въ революціонномъ отношеніи и почувствовалъ себя достаточно зрѣлымъ для такой работы? Напротивъ, студенческія организаціи способствовали *выработкѣ* и *сближенію* такихъ элементовъ. Что же это за близорукая тактика, когда революціонная организація непремѣнно желаетъ увидѣть во всякой другой самостоятельной, неподчиненной ей организаціи — *конкурента*, который долженъ быть уничтоженъ, въ среду котораго должно быть непремѣнно внесено раздѣленіе, разъединеніе, дезорганизація?

До послѣдняго времени соціалистически-мыслящая часть студенчества, какъ общее правило, стремилась не *обособляться* отъ остального студенчества, не *порывать* съ нимъ, а, наоборотъ, своимъ участіемъ въ студенческихъ организаціяхъ обезпечить себѣ прочное и благотворное вліяніе на менѣе сложившуюся часть студенчества. Студентамъ-соціалистамъ, студентамъ-революціонерамъ почти всегда приходилось задавать тонъ всему университету, играть руководящую роль во всѣхъ крупныхъ событіяхъ его жизни. И это несмотря на то, что численно они представляли собою крайне слабое меньшинство. Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что соціалистическая часть студенчества фатально стягивала къ себѣ, поглощала, ассимилировала всѣ лучшіе, живые, отзывчивые и энергичные элементы. Но она могла это дѣлать, только оставаясь въ тѣсной организаціонной связи съ остальнымъ студенчествомъ на почвѣ общестуденческаго дѣла.

Вотъ почему мы находимъ совершенно нелѣпыми и вред-

ными всѣ старые и новые совѣты студенчеству идти къ «разъединенію вмѣсто объединенія». Съ этими совѣтами за послѣднее время вновь выступила «Искра». Когда участники послѣдняго общестуденческаго съѣзда, благодаря случайному подбору личнаго состава, постановили примкнуть къ русской соціальдемократической партіи — рѣшили не за себя лично, а за тѣ организаціи, которыя они должны были представлять на съѣздѣ — то это рѣшеніе грозило привести къ расколу. «Искра» старалась доказать, однако, что это рѣшеніе должно быть сохранено во что бы то ни стало. «Искра» доказывала, что постыдно студенчеству оставаться «въ приготовительномъ классѣ школы революціоннаго развитія», что оно должно отдать предпочтеніе опредѣленной революціонной фракціи, что это только логическое проявленіе тяготѣнія студенчества въ сторону соціализма. «Мы можемъ лишь привѣтствовать это теченіе, и если оно связано съ расколомъ — мы привѣтствуемъ расколъ!»

Конечно, произвести разрушеніе общественныхъ организацій и замѣнить ихъ организаціями соціальдемократической молодежи «Искрѣ» не удалось. «Искра» сама не могла аргументировать въ защиту своего тезиса съ тою послѣдовательностью, съ какой это дѣлали, напр., соціальдемократы второй половины 90-хъ годовъ. Тѣ просто не вѣрили въ какую бы то ни было пользу студенческихъ организацій и «студенческихъ исторій», хотя бы онѣ и принимали такую, напр., конкретную форму, какъ вѣтровская или ходынская демонстраціи. «Студенческія исторіи *никогда* и *ни къ чему* не приводили: онѣ лишь вырывали лучшихъ представителей изъ вашей среды», — писалъ, какъ мы видѣли, московскій соц.-дем. «комитетъ». Но, вѣдь, теперь эта точка зрѣнія давно покинута. Посмотрите, напр., о чемъ свидѣтельствуетъ соц.-дем. отчетъ о «Рабочемъ движеніи въ Харьковѣ» (изд. «Рабочаго Дѣла», 1900 г.). «Мы не можемъ умолчать—говорится тамъ— о томъ вліяніи, какое оказали на рабочихъ происходившіе въ этомъ (1898-1899) году студенческіе безпорядки.... Демонстраціи студентовъ, взбудоражившія весь городъ и вызвавшія общее сочувствіе харьковскаго населенія, нашли особенно живой откликъ въ рабочей средѣ. Аресты сотенъ демонстрантовъ, проводы высылаемыхъ студентовъ, дышащія бодростью и призывомъ къ борьбѣ рѣчи, произносимыя студентами на вокзалѣ,—захватывали рабочихъ.... У одного изъ забранныхъ въ маѣ рабочихъ былъ даже найденъ дневникъ, полный восторговъ и восхищенія передъ студенческимъ движеніемъ; другой излилъ свои чувства въ стихахъ.... Впечатлѣніе, оставшееся отъ студенческаго движенія, и майская агитація вызвали усиленный интересъ въ рабочей массѣ къ нелегальной литературѣ...» и т. д., и т. д.

Нечего и говорить, что революціонизирующее вліяніе этихъ движеній на самую молодежь, принимавшую въ нихъ участіе, было еще больше. Объ этомъ, впрочемъ, откровеннѣе всего свидѣтельствуетъ само правительство въ своихъ тайныхъ совѣщаніяхъ и докладахъ, недавно увидѣвшихъ свѣтъ божій. Такъ, напр., по мнѣнію такого компетентнаго въ этомъ вопросѣ лица, какъ нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ, В. К. фонъ-Плеве, студенческіе безпорядки «играли всегда для революціонеровъ чрезвычайно важную роль 1) какъ легчайшій и удобнѣйшій способъ вербовать своихъ агентовъ и 2) какъ средство до извѣстной степени дискредитировать правительственную власть». Участники безпорядковъ, а тѣмъ болѣе пострадавшіе отъ правительственныхъ репрессій — по отзыву того же Плеве еще въ концѣ 1882 г. — «являютъ собою главный контингентъ, изъ котораго крамола вербуетъ своихъ дѣятелей: безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и неминуемо слѣдующія за ними болѣе или менѣе многочисленныя исключенія представляютъ ***какъ бы рекрутскій наборъ***, производимый крамолой въ рядахъ учащейся молодежи» (см. цитир. выше трудъ Георгіевскаго, стр. 1). Быть можетъ, еще характернѣе въ томъ же отношеніи секретный докладъ (по просту доносъ) ректора Владиславлева, который, какъ и Плеве, утверждалъ, ссылаясь на «судебно-полицейскую статистику», что земляческія организаціи служатъ для «испорченныхъ» студентовъ мѣстомъ «уловленія неопытныхъ юношей-провинціаловъ», въ переводѣ съ полицейскаго языка на человѣческій это значитъ, что атмосфера свободнаго товарищескаго единенія и обмѣна мыслей, атмосфера схожденія на общестуденческомъ дѣлѣ фатально ведетъ лучшіе элементы подъ великое знамя революціоннаго соціализма, съ которымъ ничто не можетъ конкуррировать въ отзывчивыхъ, идеалистически настроенныхъ сердцахъ молодежи.

Мы убѣждены, что иниціативное, организованное революціонное меньшинство студентовъ-соціалистовъ можетъ смѣло войти въ широкую общестуденческую организацію, твердо вѣря, что въ ней только оно одно можетъ занять руководящую роль. Конечно, и на студенчествѣ уже начинаетъ сказываться, въ извѣстныхъ предѣлахъ, будущая классовая дифференцировка; пестрая масса студентовъ-«бѣлоподкладочниковъ» — яркое свидѣтельство этому. Но всѣ такіе активно-консервативные элементы въ студенческомъ движеніи играютъ самую жалкую и ничтожную роль. Всѣ эти «кружки антиобструкціонистовъ», «группы антисемитовъ» и т. п, возникали только затѣмъ, чтобы доказать свое безсиліе и свою эфемерность. Задавало тонъ всему движенію, окрашивало его своими тенденціями неизмѣнно передовое меньшинство. Но оно знаетъ, какъ много при этомъ значитъ сплоченность и

отсутствіе въ собственной средѣ междоусобій передъ лицомъ общаго врага.

Вотъ почему мы, соціалисты-революціонеры, хотѣли бы вѣрить, что среди передового студенчества не будетъ имѣть успѣха печальная проповѣдь сектанства, нетерпимости, разъединеній и расколовъ, что, напротивъ, оно съумѣетъ доказать — какъ доказывало и раньше — возможность совмѣстной, союзной работы людей съ различными фракціонными оттѣнками воззрѣній. Это будетъ его новый вкладъ въ дѣло поступательнаго развитія нашего движенія.

Рѣшивъ эти внутренніе, организаціонные вопросы, передовое студенчество бросится и смѣлѣе, и увѣреннѣе въ потокъ освободительной борьбы, увлекая за собою недостаточно иниціативную студенческую массу. Оно впишетъ въ исторію русскаго революціоннаго движенія — будемъ вѣрить въ это — еще не мало славныхъ именъ и не менѣе славныхъ дѣяній.

Его мѣсто—въ передовыхъ рядахъ борющагося пролетаріата. Его мѣсто — въ передовыхъ рядахъ поднимающагося на борьбу трудового крестьянства. Его мѣсто — въ передовыхъ рядахъ революціонной интеллигенціи.

Его мѣсто — въ передовыхъ рядахъ арміи, которая донесетъ до конца знамя революціоннаго соціализма.

NB. Эта статья—сводная изъ ст. «Рев. Россіи» въ № 17 и ст. въ «Студентѣ» № 2-3.

ВОЙСКО И РЕВОЛЮЦІЯ.

Послѣдніе обыски и аресты среди военныхъ, вмѣстѣ съ появленіемъ прокламацій новыхъ военно-революціонныхъ группъ, снова напоминаютъ намъ о вопросѣ первостепенной важности, вопросѣ о пропагандѣ среди военныхъ. Этотъ вопросъ былъ почти совершенно забытъ послѣ гибели «Партіи Народной Воли», втеченіе почти всей эпохи господства у насъ идей русской соціальдемократіи «перваго призыва». И только въ послѣднее время совершается въ этомъ отношеніи крупный поворотъ въ настроеніи и дѣятельности русскихъ революціонеровъ. Сама жизнь заставляетъ ихъ все чаще и чаще обращать свои взоры на войско, обращаться съ призывами къ войску, ставить на очередь вопросъ о формахъ пропаганды, агитаціи и организаціи среди военныхъ.

Значеніе войска во время революціи трудно преувеличить. Его сила не только въ превосходномъ вооруженіи,—его сила еще болѣе въ превосходной организованности. А въ истори-

ческой жизни, въ острые и критическіе моменты борьбы общественныхъ силъ, политическій факторъ — организованность —имѣетъ часто рѣшающее значеніе. Организованность удесятеряетъ силы. Безъ организованности общественный классъ, сословіе или партія находятся въ состояніи политическаго ничтожества, исторической импотенціи, какъ бы ни была велика ихъ численность или сознательность.

«Служители монархіи — практики, а не краснобаи, но такихъ практическихъ служителей надо пожелать и вами», говорилъ Лассаль, обращаясь къ нѣмецкимъ работникамъ. Своимъ практическимъ чутьемъ служители монархіи поняли, какая сила заключается въ организованности. И въ критическіе, переходные моменты они превращаютъ весь государственный строй, всѣ его органы и учрежденія въ одинъ стройный, прекрасно организованный боевой механизмъ, направленный противъ всякаго рода революціонныхъ попытокъ. Численность арміи и полиціи, пушки, скорострѣльныя ружья, винтовки, изъ которыхъ на огромномъ разстояніи нетрудно пронзить пулею на вылетъ подрядъ нѣсколько «вѣрноподданническихъ» сердецъ, и прочія усовершенствованія военной техники,—все это потенціальныя силы, которыя могутъ быть реализованы только въ томъ случаѣ, когда крѣпкая организація дѣлаетъ ихъ послушными орудіями въ рукахъ правительства. Величина этой потенціальной силы, способная поражать воображеніе, подавлять вѣру и наполнять унынiемъ сердца многихъ противниковъ правительства, ставитъ передъ революціонерами одну изъ важныхъ задачъ — дезорганизаціи этихъ средствъ правительственной самозащиты. Возможность такой дезорганизаціи — вотъ фактъ, который слишкомъ часто забывается; а эта забывчивость и приводитъ нерѣдко людей къ пессимистическимъ выводамъ, которые далеко не всегда оправдываются дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и соотношеніемъ фактическихъ силъ. Достаточно вспомнить, сколько пессимистическихъ выводовъ дѣлалось хотя бы изъ соображеній Фр. Энгельса о техникѣ революціонной борьбы*)

«Перестанемъ увлекаться иллюзіями—говорилъ онъ, напр., въ извѣстномъ предисловіи къ марксовской брошюрѣ «Die Klassenkämpfe in Frankreich»;—дѣйствительная побѣда повстанцевъ надъ войсками въ уличной борьбѣ представляется ве-

*) Энгельсъ, какъ извѣстно, спеціально занимался вопросами военнаго дѣла и боевой техники, и интересовался ими въ особенности съ точки зрѣнія практическихъ выводовъ для партіи, готовой поддержать свою политическую программу не только мирными, легальными средствами, но и мѣрами прямого революціоннаго давленія, выходящаго изъ рамокъ полицейскаго «устава о благочиніи».

личайшею рѣдкостью». «Самое большее, что можетъ удасться возстанію» — говорилъ онъ, имѣя въ виду условія 1848 г., о которомъ идетъ рѣчь у Маркса—«это—технически правильное устройство и защита одной единственной баррикады». Но ко всему этому нужно прибавить, что, «со времени 48 г. многое измѣнилось, и все въ пользу войска... До 1848 г. еще можно было самому сдѣлать себѣ аммуницію изъ пороха и свинца. Теперь патроны различны для каждаго ружья и только въ одномъ отношеніи равны другъ другу: въ томъ, что всѣ они—произведенія искусства крупной промышленности и, слѣдовательно, не могутъ быть изготовлены ex tempore.... Наконецъ, новые кварталы, выстроенные въ большихъ городахъ послѣ 1848 г., съ ихъ длинными, прямыми и широкими улицами, какъ будто нарочно созданы для дѣятельности новыхъ пушекъ и ружей. Революціонеръ долженъ сперва окончательно свихнуться, чѣмъ выбрать новые рабочіе кварталы Берлина мѣстомъ для баррикадной борьбы»*).

Первое правило для истиннаго революціонера, это, конечно, не обольщаться иллюзіями, не глядѣть на все сквозь розовые очки, не преувеличивать своихъ собственныхъ силъ и не преуменьшать силъ своихъ противниковъ. Поэтому шансы на успѣхъ уличнаго возстанія и баррикадной борьбы должны быть взвѣшены трезво, спокойно и хладнокровно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой борьбѣ правительство обладаетъ цѣлымъ рядомъ чрезвычайно крупныхъ преимуществъ. Въ рукахъ правительства—пути сообщенія, почта, телеграфы, телефоны; въ каждый данный моментъ по единому знаку любая часть правительственныхъ силъ можетъ быть мобилизирована въ любомъ объемѣ и направлена туда, куда нужно, неожиданно для противника, чтобы подавить движеніе въ самомъ зародышѣ.

Поэтому, работа въ войскѣ съ цѣлью расшатать, дезорганизовать, парализовать значеніе арміи, какъ средства порабощенія населенія, является не только полезной и цѣлесообразной, но прямо-таки необходимой**). И въ то же время нельзя не отмѣтить, что она дѣлается все болѣе и болѣе возможной.

---

*) „Klassenkämpfe“ etc. ss. 13—15.

**) Поэтому еще въ 1 № «Вѣстника Русской Революціи», въ статьѣ о программѣ журнала, редакція подчеркивала, что она «въ числѣ прочихъ пріемовъ подготовленія революціи, стоитъ за почти совершенно забытую теперь пропаганду и агитацію въ арміи, даже лучшіе элементы которой, какъ мы могли убѣдиться въ послѣднее время, оставлены въ сторонѣ современными пропагандистами» (№ 1, іюль 1901 г., стр. 11).

Давно уже прошло то время, когда нашъ солдатъ проводилъ въ казармѣ десятки лѣтъ и когда, благодаря этому, армія была совершенно оторвана отъ населенія, превращена въ особую касту. При томъ сокращеніи срока службы, которое сдѣлалось необходимымъ для содержанія милліонной арміи съ резервами, запасами и ополченіемъ, увеличивающими ее въ случаѣ необходимости втрое, — произошло неминуемое сближеніе арміи съ народомъ. Всеобщая воинская повинность не могла не демократизировать арміи и, съ другой стороны, не могла не ввести въ ея ряды разнообразныхъ элементовъ и не сблизить между собою солдатъ изъ простонародья съ солдатами изъ интеллигентныхъ слоевъ и изъ «разночинцевъ». При кратковременныхъ срокахъ гораздо труднѣе такъ вымуштровать солдата, чтобы онъ совершенно утратилъ свой первоначальный обликъ и обычную психологію середняка-крестьянина или фабричнаго. Съ ростомъ рабочаго движенія все чаще и чаще въ ряды арміи входятъ люди, затронутые соціалистической пропагандой и незамѣтно распространяющіе вокругъ себя общую атмосферу недовольства и броженія. Тотъ фактъ, что главнымъ поставщикомъ арміи служитъ деревня, крестьянство — конечно, служилъ раньше крупнымъ препятствіемъ для революціонизированія казармы, создавая въ ней атмосферу традиціонной мужицкой вѣры въ «царя-батюшку». Но теперь, когда наше революціонное движеніе сдѣлало такой крупный шагъ впередъ; когда оно изъ городовъ перекинулось и въ деревни; когда крестьянство, какъ общее правило, все чаще и чаще грудь съ грудью сталкивается съ войскомъ, вызываемымъ усмирять безпорядки; когда по селамъ усиленно начинаетъ циркулировать нелегальная литература, — кадры мужиковъ-новобранцевъ съ каждымъ годомъ будутъ представлять все болѣе и болѣе благодарную почву для посѣва революціонныхъ сѣмянъ. Недаромъ одинъ изъ военныхъ во время полтавскихъ и харьковскихъ событій говорилъ, что-де пока еще все благополучно: войска еще достаточно надежны и, въ общемъ, исполняютъ свое дѣло. «Но вотъ, что мы будемъ дѣлать, когда намъ придется набирать въ войска тѣхъ, кто росъ подъ впечатлѣніемъ этихъ массовыхъ безпорядковъ и усмиреній — это вопросъ глубоко серьезный, и тутъ есть надъ чѣмъ задуматься».... Да, здѣсь, конечно, есть надъ чѣмъ задуматься столпамъ современнаго правительства, и невеселыя для нихъ это думы!

Работая среди крестьянъ, мы подготовляемъ тѣмъ самымъ и болѣе благопріятныя условія для работы въ войскѣ. Не легко заронить въ удушливую казарму, опутанную сѣтями строжайшаго надзора и дисциплины, революціонныя мысли, если къ ихъ воспріятію не подготовлены заранѣе поступаю-

щіе въ казарму элементы. Но разъ это послѣднее условіе есть на лицо, задача сильно облегчается. Тяжелая обстановка солдатской жизни, возмутительно-жестокое обращеніе съ солдатами начальства, произволъ, лишенія и скверное питаніе, воровство и вѣчное урыванье изъ нищенскаго «солдатскаго пайка» со стороны завѣдующихъ провіантской частью, истощеніе на маневрахъ и т. под. «играхъ въ солдатики» — словомъ, весь поистинѣ ужасный режимъ, отъ котораго терпитъ солдатъ, естественно накопляетъ въ казармѣ массу скрытаго озлобленія и недовольства. И этимъ недовольствомъ умѣлому агитатору не такъ ужъ трудно воспользоваться. Условія жизни «униженнаго и оскорбленнаго» солдата даютъ возможность демонстрировать ему на его собственномъ опытѣ сходство его положенія съ положеніемъ другихъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» слоевъ города и деревни и вытекающую отсюда солидарность ихъ интересовъ.

Намъ могутъ возразить, что однообразная, монотонная жизнь въ четырехъ стѣнахъ и мертвящее вліяніе дисциплины, тѣмъ не менѣе, могутъ создавать хотя бы временный, но все-таки достаточный гипнозъ, а порою и прямо-таки «выѣдать душу» и опустошать сердце солдата; намъ могутъ, далѣе, указать, что въ странахъ Западной Европы, гдѣ демократизація арміи проведена въ еще болѣе широкой степени, солдаты все-таки очень и очень исправно стрѣляютъ въ стачечниковъ. . . . Въ обоихъ этихъ указаніяхъ есть большая доля правды. Но не слѣдуетъ забывать въ этомъ отношеніи и крупнаго различія между Россіей и Западной Европой. Тамъ усмиренія войсками забастовщиковъ — не болѣе, какъ отдѣльные печальные для солдатъ эпизоды изъ жизни, въ то время какъ у насъ болѣзненные процессы общественнаго распада слишкомъ обострили и участили необходимость вмѣшательства военной силы; это уже не эпизоды и не случайности, это—нѣчто постоянное, затяжное, хроническое... Недаромъ военное начальство вынуждено было принять за правило, чтобы въ одномъ и томъ же году одинъ и тотъ же отрядъ не употреблялся для усмиренія безпорядковъ болѣе одного раза. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣ этого приказа приходилось призывать для экзекуцій солдатъ изъ сосѣднихъ губерній, такъ какъ мѣстныя войска всѣ уже перебывали на усмиреніяхъ. Что же касается гипноза, въ который повергаетъ солдатъ безобразная муштровка, то онъ можетъ быть легко поддержанъ втеченіе всего процесса усмиренія лишь въ томъ случаѣ, если управляющій солдатами механизмъ—офицерство—безусловно преданъ правительству. Но достаточно колебанія и разстройства въ этомъ механизмѣ, чтобы временный гипнозъ и дѣйствіе дисциплины было разомъ подорвано и чтобы истый

крестьянинъ-земледѣлецъ или фабричный рабочій высвободился изъ сковывающей его казенной мундирной оболочки.

Это послѣднее обстоятельство естественно приводитъ насъ ко второй половинѣ затронутаго нами вопроса,—къ задачамъ революціонной пропаганды среди офицерства. Современное офицерство также не могло не подвергнуться тому же самому процессу демократизаціи. Нѣкогда весьма малочисленное и вербовавшееся почти исключительно изъ «столбового» дворянства, оно теперь крайне разрослось—вѣдь въ русской арміи, гвардіи и флотѣ въ настоящее время насчитывается около 80.000 офицеровъ*) — и ряды его теперь, естественно, открыты для разночинныхъ слоевъ. Но именно поэтому распространеніе оппозиціоннаго настроенія въ широкихъ кругахъ общества не можетъ не отразиться и на офицерствѣ. Примѣръ Народной Воли показываетъ, какой сильный отголосокъ можетъ найти революціонное движеніе въ этой средѣ. Кому не памятны образы такихъ военныхъ, отдавшихся дѣлу соціализма и революціи, какъ Рогачевъ, Сухановъ, подполковникъ баронъ Ашенбреннеръ, украшенный орденами за рядъ отличій на полѣ сраженій; какъ одинъ изъ героевъ плевненскихъ битвъ и перехода чрезъ Балканы, украшенный еще большимъ количествомъ всевозможныхъ знаковъ отличія Н. Д. Похитоновъ; лейтенантъ флота баронъ Штромбергъ и еще многіе, многіе другіе. . . . По даннымъ современника и участника офицерскаго движенія той эпохи, Э. Серебрякова, въ 1883 году, послѣ открытія, благодаря дегаевскому предательству, военной организаціи Народной Воли, правительственное преслѣдованіе обрушилось на голову двухъ съ половиною сотенъ офицеровъ, при чемъ аресты, обыски и исключенія изъ службы этимъ не ограничились, а тянулись весь слѣдующій 1884 г.

А между тѣмъ врядъ-ли можно считать условія, при которыхъ работала въ войскѣ «Народная Воля», особенно, исключительно благопріятными. Скорѣе напротивъ. Общее революціонное движеніе, несомнѣнно, было тогда ограничено неизмѣримо болѣе узкими предѣлами, чѣмъ нынѣ; ранѣе соціалистами — предшественниками народовольцевъ вопросъ о спеціальной работѣ среди военныхъ совершенно не ставился; такимъ образомъ, народовольцамъ приходилось быть въ этой области новаторами, — ощупью отыскивать и прокладывать дорогу, не имѣя точки опоры ни въ какомъ предъидущемъ опытѣ—если, конечно, не считать отдаленной попытки декабристовъ, происходившей въ совершенно иное время, при

*) Ср. Э. Серебряковъ, «Гдѣ будетъ армія», въ «Наканунѣ», № 30 (іюнь 1901 г.).

иныхъ условіяхъ и на иныхъ началахъ. Не было и спеціальной литературы для военныхъ, да, по условіямъ времени, некогда было даже и думать о ея созданіи. Такимъ ускореннымъ темпомъ развивались тогда событія, такъ мало было силъ и такъ огромны были сравнительно съ этими силами задачи.... Приходилось не столько сѣять, сколько пожинать то, что успѣло самостоятельно вырости.

Правда, съ тѣхъ поръ правительство обращаетъ особенное вниманіе на офицерство, всячески стремится обласкать его, осыпать льготами, доказать свою отеческую заботливость о его нуждахъ. Но вѣдь закупить можно лишь тѣхъ, кто раньше былъ продаженъ.... А не на такіе же элементы приходится разсчитывать революціонерамъ. Надежными сторонниками революціи въ офицерствѣ могутъ быть лишь натуры, доступныя лучшимъ, идеальнымъ побужденіямъ, откликающіяся всѣмъ сердцемъ на проповѣдь новаго великаго евангелія соціализма. Именно они могутъ въ рѣшительный моментъ увлечь за собой или нейтрализовать менѣе опредѣленныхъ, колеблющихся, слегка недовольныхъ или робко «сочувствующихъ».

Не надо забывать, что общая, основная задача соціалистовъ-революціонеровъ по отношенію къ арміи заключается въ стремленіи дезорганизовать, ослабить или парализовать ея значеніе, какъ средства подавленія возставшаго народа. А для этого, конечно, требуется гораздо меньше, чѣмъ для выполненія какихъ-нибудь болѣе широкихъ и сложныхъ плановъ военно-революціоннаго заговора.

Народовольцы пытались создать среди арміи свою широкую, крѣпкую и конспиративную «организацію въ организаціи», имѣя въ виду изъ арсенала правительственныхъ силъ взять себѣ оружіе и употребить его — именно въ качествѣ самостоятельнаго революціоннаго оружія — непосредственно противъ правительства. Эта задача оказалась обставленной гораздо большими трудностями, чѣмъ это можно было думать. Военная среда имѣетъ свои особенности, затрудняющія существованіе организаціи. Вся жизнь офицера протекаетъ на виду какъ у начальства, такъ и у товарищей. Во всякой военной части всѣмъ довольно хорошо извѣстенъ въ общихъ чертахъ образъ мыслей каждаго офицера. Офицеръ—служака, карьеристъ, просто «добрый малый» или забулдыга, реакціонеръ, либералъ или «красный» — всегда имѣетъ въ полку вполнѣ опредѣленную репутацію. Въ обычное время, поскольку, наприм., образъ мыслей «краснаго» проявляется въ чтеніи опредѣленныхъ журналовъ, въ свободныхъ рѣчахъ, въ гуманномъ отношеніи къ солдатамъ — это ничему не мѣшаетъ и даже почти не вредитъ по службѣ. Но за то, чуть

только явилось подозрѣніе въ существованіи *организованной* «крамолы» — все дѣло разомъ мѣняется. «Подозрительные» моментально попадаютъ подъ строжайшій надзоръ не только начальства или товарищей изъ «служакъ» и «карьеристовъ», но еще и массы добровольцевъ, отъ фельдфебеля до вѣстового.... При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего легче, какъ провалиться самому и провалить другихъ. Приходится все время жить, какъ подъ Дамокловымъ мечемъ; нервная система крайне напрягается, тѣмъ болѣе, что наступаетъ періодъ вынужденнаго бездѣлья, вѣчной маскировки своихъ мыслей и чувствъ, пассивнаго сидѣнія въ траншеяхъ подъ огнемъ непріятеля... Рѣдкій долго выдерживаетъ такое напряженно-бездѣятельное состояніе, и во времена народовольческой военной организаціи дѣло нерѣдко кончалось однимъ ихъ 2-хъ выходовъ: или, дойдя до полнаго переутомленія, офицеръ спасался бѣгствомъ, самъ выпрашивая перевода въ глушь, въ какой-нибудь отдаленнѣйшій полкъ, или же его нервное напряженіе разрѣшалось какимъ-нибудь ультра-неосторожнымъ поступкомъ, приводившимъ къ катастрофѣ. Опытъ Народной Воли не долженъ пройти для насъ безплодно. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что если работа среди военныхъ возможна и необходима, если организація обще-революціонныхъ силъ для такой работы нужна, то къ вопросу объ организаціи самихъ военныхъ нужно относиться очень осторожно. Заблаговременно создать такую организацію съ разсчетомъ, что она просуществуетъ неопредѣленно долгое время, едва-ли будетъ цѣлесообразно. Напротивъ, такая организація можетъ и должна быть создаваема лишь для точно опредѣленной практической задачи, для прямыхъ дѣйствій и въ теченіе возможно короткаго времени. Когда такая практическая надобность явится, тѣ же самыя исключительныя условія офицерской жизни, которыя представляютъ столько препятствій *преждевременной* организаціи, сослужатъ свою службу и облегчатъ дѣло объединенія военно-революціонныхъ силъ. Пока же не пришла пора для такихъ дѣйствій — революціонно-настроенному офицерству лучше группироваться въ тѣсныхъ товарищескихъ кружкахъ, безъ широкой организаціи, ведя исподволь дѣло распространенія среди сослуживцевъ вѣрноподданическаго духа. Для этой цѣли вѣдь и нѣтъ особенной надобности въ широкой спеціально-военной организаціи. Достаточно того, чтобы мѣстные комитеты партіи имѣли связи среди революціонно-настроеннаго офицерства и снабжали его необходимой литературой. Что же касается до работы среди солдатъ, то заниматься ей офицерамъ, по условіямъ армейской жизни, совершенно немыслимо: это гораздо легче дѣлать со стороны, съ воли, черезъ посредство хотя бы рабочихъ организацій — что достаточно доказано и прежней, и

современной практикой*). Но важно, чтобы революціонеры, кромѣ распространенія въ войскѣ общей литературы, создали подходящую литературу по тѣмъ спеціальнымъ вопросамъ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ жизни офицера и солдата. Это — задача гораздо болѣе необходимая и насущная.

Мы, конечно, вовсе не хотимъ исключить всякую возможность такой благопріятной комбинаціи обстоятельствъ, когда въ войскѣ можетъ образоваться «организація въ организаціи», представляющая такую самостоятельную революціонную силу, которая непосредственно способна на аттаку правительственныхъ укрѣпленій, параллельно съ аттакой, исходящей отъ рабочихъ массъ. Если бы такая возможность представилась — тѣмъ лучше для насъ, тѣмъ лучше для успѣха революціи. Этой возможностью, если-бы она превратилась въ дѣйствительность, осталось бы только воспользоваться. Мы только не можемъ строить на ней всѣ свои разсчеты и приспособлять къ ней свою дѣятельность въ данной средѣ. По своему общему и основному характеру она остается просто однимъ изъ средствъ *дезорганизаціи правительственныхъ силъ*.

Работа среди войска, по условіямъ среды, представляетъ, конечно, свои спеціальныя трудности. Но революціонерамъ давно пора перестать гоняться за «легкостью» задачъ. Нигдѣ, ни въ чемъ истинныхъ революціонеровъ не останавливали препятствія. Преодолѣніемъ этихъ трудностей, когда связанное съ ними дѣло представлялось глубоко важнымъ и серьезнымъ, а не устремленіемъ всѣхъ силъ «по линіи наименьшаго сопротивленія» создавались всѣ данныя для успѣшной революціи. И мы вправѣ надѣяться, что дѣло пропаганды въ арміи найдетъ достаточно умѣлыхъ, терпѣливыхъ и энергичныхъ работниковъ. И, съ полною вѣрою въ преданность и самоотверженіе нашихъ товарищей, мы зовемъ «дѣлателей» на ожидающую ихъ жатву.

Апрѣль, 1903 г.

---

*) Въ программѣ военной революціонной организаціи партіи Нар. Воли прямо указывалось на это. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ указывалось, что для достиженія желательной цѣли со стороны самихъ офицеровъ достаточно одно: они должны своимъ отношеніемъ къ солдатамъ пріобрѣсти ихъ любовь и уваженіе, пріобрѣсти среди нихъ достаточную популярность, которая позволитъ офицерамъ-революціонерамъ нейтрализовать или даже увлечь за собою подчиненныя имъ части.

По поводу ростовскихъ событій.

Черезъ всю исторію Россіи за послѣднюю четверть вѣка проходитъ красною нитью разительное противорѣчіе въ политикѣ нашего правительства. Передъ нами, съ одной стороны — суровый, непреклонный режимъ самодержавія, все гнетущій, все подчиняющій себѣ, своимъ цѣлямъ. Онъ не только не уступаетъ духу времени, не только не приближается къ общеевропейскому строю, съ которымъ его связываетъ тысяча экономическихъ, финансовыхъ, политическихъ нитей, но, напротивъ, все усиливаетъ свой реакціонный характеръ. Въ началѣ XX столѣтія, когда Россіи уже недолго осталось ждать до юбилея декабристовъ, смѣло поднявшихъ знамя политической свободы, мы присутствуемъ при небываломъ разгулѣ бюрократической олигархіи, подчинившей себѣ всѣ проявленія общественной жизни и сдѣлавшей самый принципъ царской власти, которому она якобы служитъ, игрушкой въ своихъ рукахъ. Но, наряду съ этимъ, даже поверхностный наблюдатель русской жизни долженъ констатировать цѣлый рядъ явленій, явно обнаруживающихъ, что это самое правительство лишилось увѣренности въ своихъ силахъ и, въ сущности, само чувствуетъ, на какомъ шаткомъ фундаментѣ построено зданіе абсолютизма. Поражающій колоссальными цифрами бюджетъ, превзошедшій бюджетъ самыхъ богатыхъ странъ, выкачиваетъ эти несмѣтныя богатства изъ до нельзя разоренной, до нитки обнищавшей страны. Эта мысль очень часто высказывалась въ революціонной литературѣ, до того часто, что стала вызывать скептическую усмѣшку даже со стороны тѣхъ, кто всѣмъ сердцемъ хотѣлъ бы найти въ дѣйствительности признаки, предвѣщающіе «начало конца» деспотическаго строя. Обнищавшая страна, — но вѣдь достаетъ же она откуда-нибудь ежегодно эти два милліарда! Тѣмъ не менѣе, оторвавшись отъ феерій «росписей» министерства финансовъ или «отчетовъ» государственнаго контроля, заглянувъ въ статистическія изслѣдованія, оцѣночныя работы, картины хозяйственной жизни мужицкой Руси, — вы встрѣтитесь съ холодными, но внушающими ужасъ цифрами, въ которыхъ до прозрачности ясно рисуется постепенный, неуклонный упадокъ источниковъ дохода громаднаго большинства населенія. Ясно, что всѣ фокусы финансовой «бѣлой и черной магіи» могутъ помогать лишь до поры, до времени.

Авторы ихъ неуклонно совершаютъ свою работу—подпиливаютъ тотъ сукъ, на которомъ сидятъ.

Перейдемъ въ другую область. Вы поражаетесь военнымъ могуществомъ Россіи, ея безчисленной арміей, флотомъ, громадными рессурсами, всегда готовыми для военныхъ цѣлей, независимыми ни отъ какихъ парламентовъ. И рядомъ съ этимъ вы должны констатировать цѣлый рядъ трусливыхъ, хотя и прикрытыхъ всегда пышными фразами, отступленій, разъ только Россія встрѣчаетъ сколько-нибудь серьезный отпоръ отъ своихъ соперниковъ, будь то въ Манжуріи или въ славянскихъ земляхъ. То же зрѣлище раздвоенности, противорѣчія вы встрѣчаете и во внутренней политикѣ деспотизма. Всесильная бюрократія, ни въ чемъ не знающая удержа, принужденная считаться только съ придворной камарильей—для дѣлежа добычи, встрѣчая неожиданный отпоръ со стороны какого-либо общественнаго элемента, внезапно теряется, ищетъ обходныхъ путей, готово на уступки, — конечно, для того лишь, чтобы оправиться, чтобы совладать съ событіями, подчинить ихъ себѣ. Вспомнимъ хотя бы политику «сердечнаго попеченія» или дипломатію фонъ-Плеве съ Шиповымъ & К°. Эта двойственность, эти противорѣчія и колебанія длятся такъ долго, не разрѣшаясь въ столь жадно ожидаемый всей просвѣщенной, культурной Россіей кризисъ, что въ рядахъ самыхъ крайнихъ представителей оппозиціи появляются все чаще скептики, говорящіе о томъ, что мы, революціонеры, недооцѣниваемъ силы правительства и переоцѣниваемъ силы революціи, что мы безъ достаточныхъ основаній, единственно по традиціи, твердимъ о близости кризиса, о которомъ говорили еще 75 лѣтъ назадъ декабристы и который былъ чуть-ли не ближе къ намъ 50 лѣтъ назадъ, чѣмъ теперь...

E pur si muove, — скажемъ мы скептикамъ, — и все-таки она движется, великая, неизбѣжная революція, дыханіе которой, дѣйствительно, чувствовали уже первые мученики русской революціонной интеллигенціи, и которая быстрыми шагами надвигается на насъ. Намъ, русскимъ, пришлось встрѣтить въ нашей многострадальной исторіи, дѣйствительно, невѣроятное сопротивленіе. Цѣлый рядъ историческихъ условій выковалъ для врага русской свободы сильную броню; за этой бронею скрылся врагъ, умѣющій пользоваться всѣмъ арсеналомъ орудій борьбы, умѣющій во время и въ должныхъ размѣрахъ пустить въ ходъ и лисій хвостъ, и волчьи зубы. И этотъ врагъ, сознательно или инстинктивно, проводитъ совершенно правильную тактику борьбы противъ всѣхъ проявленій общественнаго протеста. Правда, онъ возстановилъ противъ себя широкіе слои населенія; его политика неограниченной поддержки наиболѣе паразитическихъ элемен-

тель нашего дворянства и нашей плутократіи страшно обострила народное недовольство; и въ городѣ, и въ деревнѣ, и среди интеллигентныхъ слоевъ, и среди трудовыхъ массъ накопилось множество горючаго матеріала. Но за то правительство прекрасно понимаетъ, въ немъ заключается слабость его враговъ и въ немъ — его сила. Враждебные ему элементы или неорганизованы или даже дезорганизованы; они проявляютъ себя бурными вспышками, но эти вспышки слишкомъ мало связаны между собою и потому слишкомъ эпизодичны. То бурной волной прокатится студенческое движеніе; то цѣлыя толпы студентовъ, рабочихъ, простонародья, подымаемыя какою-то невѣдомою силой, пронумятъ лавиной демонстрацій по крупнымъ центрамъ; то разразится массовое крестьянское движеніе; то одна за другой рядъ мирныхъ стачекъ, начавшихся на чисто экономической, профессіональной почвѣ, процессомъ своего неизбѣжнаго внутренняго развитія превратятся въ прямое столкновеніе съ силами правительства; то удары организованнаго и одиночнаго террора внесутъ нѣкоторое смятеніе въ ряды правительственныхъ слугъ. Но всѣ эти событія слѣдуютъ одно за другимъ безъ достаточной связи, безъ системы; сила каждаго изъ этихъ затрудненій не увеличивается для правительства одновременнымъ напоромъ всѣхъ другихъ; революціонеры почти никогда не могутъ вполнѣ использовать событія; правительство почти всегда имѣетъ достаточно времени для того, чтобы оправиться, собраться съ силами и найти благополучный выходъ.

Правительство до сихъ поръ было сильнѣе своихъ враговъ въ одномъ очень важномъ отношеніи — своей организованностью. Эта организованность позволяетъ ему каждый разъ парализовать угрожающіе симптомы кризиса во всемъ соціальномъ организмѣ Россіи. Пусть растетъ недовольство, растетъ возбужденіе, растетъ общественная нервность и впечатлительность. Не находя выхода, она сама себя обезсиливаетъ и сказывается въ психологической реакціи. Подавлять во что бы то ни стало всякое сколько-нибудь крупное проявленіе протеста; подавлять его, если возможно, въ началѣ, и, если это необходимо, самыми дикими и варварскими средствами, — вотъ его тактика.

Правительство чувствуетъ, что стоитъ допустить въ сколько-нибудь крупныхъ размѣрахъ «оказательство» общественнаго протеста, и онъ, разрастаясь, какъ снѣжный комъ, вбирая въ себя все новые и новые недовольные элементы, лавиной прокатится по всей землѣ, снося и разрушая всѣ правительственныя рогатки и плотины. Но, предупреждая въ зародышѣ рѣшительными мѣрами всѣ попытки открытаго сопротивленія, можно на неопредѣленно долгое время задержать

болѣзненный процессъ, тѣмъ болѣе истощающій энергію организма, чѣмъ болѣе удается вгонять внутрь болѣзненные симптомы...

Послѣднія ростовскія событія являются ярною иллюстраціей всего сказаннаго выше. Они не стоятъ изолированно и не представляютъ ничего небывалаго, только что свалившагося съ неба. Что движеніе, начатое и старательно удерживаемое сначала на экономической, профессіональной почвѣ, все-таки привело къ кровавому столкновенію—нисколько неудивительно. При современной, усвоенной правительствомъ тактикѣ сохраненіе совершенно мирнаго профессіональнаго характера даже за простыми стачками, если только онѣ охватываютъ одновременно не десятки или сотни, а тысячи людей — есть, безусловно, наивная утопія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не только ростовская эпопея. О томъ же свидѣтельствуетъ и батумская бойня, и трагедія обуховской обороны, и другіе кровавые эпизоды нашей многострадальной исторіи послѣднихъ дней. Не ново и то, что принявъ формы открытаго протеста, явныхъ сборищъ, движеніе тотчасъ же обнаружило огромную притягательную силу по отношенію къ другимъ недовольнымъ элементамъ и широко распространилось путемъ массовой заразы, неожиданно для самихъ иниціаторовъ. Такъ же неожиданно для студентовъ ихъ открытыя манифестаціи послѣ выстрѣла Карповича вызвали на улицу разношерстныя толпы сочувствующихъ. Памятные рижскіе безпорядки представляли еще болѣе поразительную картину сильнаго взрыва массоваго возмущенія. Стихійный процессъ революціоннаго созрѣванія Россіи, дѣйствительно, страшно подвинулся впередъ; это не обманъ зрѣнія, а реальная дѣйствительность; массы оказываются готовы подняться тогда, когда революціонеры на это и не разсчитываютъ; вопросъ только въ томъ, какъ наилучшимъ образомъ утилизировать это напряженіе недовольства, революціоннаго броженія массъ. Каждое новое событіе, въ родѣ ростовскихъ безпорядковъ, должно вновь ставить передъ нами этотъ вопросъ, должно вновь заставлять насъ пересмотрѣть арсеналъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи средствъ борьбы и спросить себя—тѣми-ли и всѣми-ли средствами пользуемся мы во время такихъ событій? И если нѣтъ, то почему? Чего намъ недостаетъ для того, чтобы проявить максимумъ энергіи и наилучшимъ образомъ использовать событіе?

* * *

Поставивъ этотъ вопросъ, мы прежде всего должны коснуться одного больного мѣста современныхъ революціонныхъ организацій. Мало того, что онѣ разрозненны, мало того, что

раздробленіе между ними силъ и несогласованность ихъ дѣйствій лишаютъ ихъ возможности вліять на событія въ той мѣрѣ, какая была-бы доступна имъ при иныхъ условіяхъ. Но есть и еще одна черта, свойственная многимъ революціоннымъ организаціямъ: это — приспособленность исключительно къ повседневному теченію жизни въ періоды мирнаго времени и чисто-подготовительной работы. Есть черта, которой имъ обычно недостаетъ, и которая, между тѣмъ, безусловно необходима въ моменты боевые, въ моменты, когда масса поднимается, вся охваченная непреодолимымъ влеченіемъ протестовать, бороться, проявить свою силу.... Это—стремленіе не идти въ хвостѣ событій, а толкать ихъ впередъ, требованіе смѣлой революціонной инціативы, вѣра въ то, что стихійный процессъ революціонизированія массъ подвинулся достаточно далеко для немедленнаго превращенія частныхъ вспышекъ недовольства въ общее протестующее движеніе съ рѣзкой политической окраской.... А именно теперь для такой тактики созрѣли всѣ условія. Для тысячныхъ толпъ рабочихъ изъѣзженая колея мирной, «чисто-экономической» стачки теперь слишкомъ узка, и если ее не покидаютъ сами рабочіе — является полиція, являются войска и выгоняютъ ихъ силою изъ этой колеи. Разница только въ томъ, что въ первомъ случаѣ моментъ для превращенія стачки въ противоправительственную манифестацію выбираютъ сами рабочіе, во второмъ же случаѣ власти навязываютъ имъ для этого такой моментъ, который удобнѣе всего для принятія репрессивныхъ мѣръ. Теперь, въ виду кризиса и безработицы — съ одной стороны, въ виду принятой правительствомъ тактики — съ другой, массовая стачка особенно легко превращается въ прелюдію демонстрацій. Придавая весьма важное значеніе экономической борьбѣ пролетаріата и принимая на себя руководство этой борьбой, мы нравственно обязаны не раскрывать предъ рабочими обманчивыхъ, слишкомъ радужно окрашенныхъ перспективъ. «Успокоительная» политика теперь менѣе, чѣмъ когда-либо, соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Говорить рабочей массѣ «веди себя мирно и спокойно, но стойко, бастуй, пока не уважены твои требованія,—симъ побѣдишь!» — теперь не приходится. Мелкія стачки, конечно, могутъ проходить благополучно, безъ особеннаго активнаго вмѣшательства властей, не придающихъ имъ большого значенія. Но стачка крупная, стачка массовая вызываетъ грозный призракъ кровопролитія, и никакое мирное поведеніе, никакое стремленіе держаться въ рамкѣ «чисто-рабочихъ требованій» не гарантируетъ рабочихъ отъ пусканія войсками въ ходъ оружія. И потому ростовскія и тихорѣцкія убійства для насъ являются болѣе, чѣмъ отдѣльнымъ «печальнымъ инцидентомъ» (какъ называетъ ихъ «Красное Знамя»

въ № 2). Для насъ это фатальный, неизбѣжный результатъ современной тактики правительства, которое не можетъ допустить явной капитуляціи передъ требованіями рабочихъ. Положеніе вовсе не таково, чтобы намъ представлялось на выборъ—или мирная, спокойная стачка, или бурная, сопровождаемая столкновеніемъ демонстрація. Правительство, конечно, предпочитаетъ явнымъ убійствамъ наполненіе тюремъ и безшумную высылку рабочихъ—хотя бы на голодную смерть—въ деревни; но, при первыхъ же признакахъ робкаго сопротивленія, оно никогда не отступаетъ передъ возможностью проучить и терроризировать стачечниковъ при помощи какихъ-нибудь «молодцовъ-фанагорійцевъ». При сколько-нибудь нормальномъ порядкѣ, чѣмъ умѣреннѣе и спокойнѣе стачка, тѣмъ болѣе гарантировала бы она успѣхъ. При такомъ же правительствѣ, какъ наше, скорѣе напротивъ: успѣхъ даже экономическихъ требованій стачечниковъ скорѣе и чаще всего можетъ быть обезпеченъ тѣмъ, что рабочіе съ самаго начала внушатъ своимъ врагамъ вѣру въ свою готовность идти до конца. Только встрѣчаясь съ врагомъ, обѣщающимъ надѣлать слишкомъ много хлопотъ, правительство пускается на уступки. Потому для борьбы съ нимъ нельзя придумать болѣе неблагоразумной тактики, чѣмъ тактика крайняго «благоразумія».

Бояться такихъ стачекъ, какъ ростовская, и идти на уступки правительство будетъ только тогда, когда ему сильнѣе будетъ угрожать перспектива превращенія такой стачки въ революціонный взрывъ, способный разомъ поднять противъ него всѣ тѣ силы, съ которыми теперь оно можетъ управляться порознь. Вотъ почему при массовомъ движеніи менѣе всего нужно локализировать стачку. Отзвуки ростовскихъ событій получились сами собой и въ Тихорѣцкой, и въ Новороссійскѣ. Въ самомъ городѣ также цѣлый рядъ фабрикъ и даже мелкихъ промышленныхъ заведеній присоединились по сочувствію къ забастовавшимъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ. Это уже нѣчто въ родѣ западноевропейской «всеобщей стачки» въ маломъ размѣрѣ, хотя первоначально, конечно, никто въ Ростовѣ ни о какихъ «всеобщихъ стачкахъ» не помышлялъ, какъ не помышлялъ и о присоединеніи другихъ городовъ. Но въ этомъ-то направленіи и можетъ особенно широко и усиленно работать смѣлый революціонный починъ организованной партіи. Разъ только есть на лицо организованная партія въ полномъ смыслѣ этого слова, она сможетъ и должна будетъ воспрепятствовать стремленію правительства локализировать движеніе и подавить его въ самомъ зародышѣ. Въ Ростовѣ власти сначала были безсильны это сдѣлать, и только вызвавъ войска изъ Екатеринослава и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, они сдѣлались господами

положенія. Но они не могли вызвать войскъ ни изъ Тихорѣцкой, ни изъ Новороссійска, потому что тамъ было тоже неспокойно. И если бы «неспокойно» было и въ Екатеринославѣ, или, общѣе говоря, въ тѣхъ ближайшихъ къ мѣсту волненій городахъ, изъ которыхъ могутъ быть вызваны войска, если бы революціонныя организаціи немедленно выпустили тамъ прокламаціи съ призывомъ манифестировать, если бы они попытались фактически съорганизовать тамъ въ это время демонстраціи — правительство не дѣйствовало бы съ развязанными руками, не подавляло бы движенія съ такой легкостью, какъ теперь...

Но для того, чтобы встрѣтить сочувственный отзывъ повсюду и во всѣхъ слояхъ недовольныхъ, движеніе рабочихъ должно съ самаго начала стать на болѣе широкую почву, должно не уклоняться отъ общенія со всѣмъ остальнымъ «городомъ» и не ждать, пока этотъ городъ самъ вышлетъ паломниковъ къ мѣсту сборищъ — нѣтъ, оно должно быть возможно скорѣе перенесено на его улицы и площади, гдѣ оно скорѣе и легче можетъ заразить духомъ протеста не только рабочихъ городскихъ промышленныхъ заведеній, но и всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ сочувствующихъ. Такимъ поведеніемъ организованный пролетаріатъ, дѣйствительно, становится во главѣ обще-оппозиціоннаго движенія, увлекаетъ колеблющихся, становится, подобно солнцу, въ центрѣ цѣлой системы многочисленныхъ «спутниковъ», подчиняя ихъ своей гегемоніи. Нужна болѣе смѣлая инціатива, нужно рѣшительнѣе и выше поднимать знамя протеста, чтобы шествующіе подъ нимъ были дѣйствительно для всѣхъ окружающихъ «вверху стоящими, что городъ на горѣ, дабы всѣмъ видѣнъ былъ»—и тогда движеніе встрѣтитъ откликъ даже тамъ, гдѣ этого никто не ожидалъ. Въ нашихъ рукахъ нѣсколько писемъ крестьянъ, характеризующихъ возбужденное настроеніе современной деревни. Въ одномъ изъ нихъ мы находимъ интересный разсказъ о томъ, какъ въ одной мѣстности на сельскомъ сходѣ читалась газета съ описаніемъ ростовскихъ событій. Мужики совершенно свободно толковали, высказывали сожалѣніе, что и къ нимъ, какъ въ Ростовѣ, не прислали книгъ, гдѣ «говорится, какъ нужно бунтоваться», ибо «безъ книгъ, да безъ прокламацій теперь плохо собираются бунты».... «Намъ, если бы тоже попались книги, да прокламаціи» — раздавались голоса — «такъ мы бы тоже подняли бунтъ, еще лучшій, чѣмъ въ Ростовѣ»...

Но въ томъ-то и дѣло, что процессъ стихійнаго революціоннаго созрѣванія Россіи далеко обогналъ процессъ развитія организованной революціонной борьбы. Какая поразительная разница съ эпохой борьбы Народной Воли! Тогда передъ нами, на общемъ фонѣ неразвитыхъ общественныхъ от-

ношеній, дряблаго, кисельобразнаго общества, не пробудившихся еще отъ духовнаго сна народныхъ массъ, выдвинулась единая, инициативная, сомкнутая и рѣшительная фаланга борцовъ. Она наносила ударъ за ударомъ сильнѣйшему врагу, она внесла въ его ряды ужасъ и смятеніе, она увлекла героическимъ примѣромъ все, что можно было увлечь, разбудила все, что можно было разбудить; она довела врага до колебаній, чуть-ли не до переговоровъ.... «Тогда въ Россіи было 2 правительства—писалъ, незадолго до своей смерти, Фридрихъ Энгельсъ,—царя и Исполнительнаго Комитета заговорщическихъ террористовъ. Сила тайнаго, побочнаго правительства росла со дня въ день; паденіе царизма казалось очень близкимъ.... Эти люди своимъ героизмомъ и самопожертвованіемъ, несмотря на свою малочисленность, съумѣли принудить абсолютизмъ начать взвѣшивать возможность и условія капитуляціи». Имъ не доставало только опоры въ массовомъ движеніи, чтобы нанести «гатчинскому военнополѣнному русской революціи» (слова Маркса) послѣдній, рѣшительный ударъ.

Массовое движеніе, которое такъ горячо, такъ страстно призывали наши предшественники 70-хъ и 80-хъ годовъ, становится уже дѣйствительностью. Чуть не каждый мѣсяцъ приноситъ намъ вѣсти о пробужденіи трудовыхъ массъ, о ростѣ сознательности и организованности въ нихъ, о борьбѣ ихъ за лучшую долю. И съ каждымъ часомъ все грознѣе становится ихъ движеніе, все грознѣе поднимается волна народнаго возмущенія, все большій спросъ предъявляетъ она на революціонную энергію и революціонную инициативу организованныхъ револ. партій. Служить массовому движенію, отзываться на всѣ его потребности, на всѣ его запросы должно составлять единственную нашу задачу, единственную нашу обязанность, но отзываться имѣемъ на всѣ потребности, на всѣ запросы.

Событія, вродѣ ростовскихъ, когда толпа бывала иногда достаточно сильна, чтобы овладѣть, если бы это понадобилось, всѣмъ городомъ, могутъ превратиться, при благопріятныхъ условіяхъ, въ исходный пунктъ революціоннаго взрыва. Но для этого необходимо, чтобы партія дѣйствія быстро обобщила движеніе, придала ему смѣлый, рѣшительный характеръ, поддержала его движеніемъ въ другихъ городахъ, движеніемъ въ деревняхъ, дезорганизаціей правительственнаго механизма. Для этого партія должна на мѣстахъ изучить позиціи противника, расположеніе его силъ, мѣста храненія оружія и т. д., чтобы воспользоваться всѣми этими данными въ моментъ рѣшительнаго столкновенія; нужно воспользоваться всякимъ временнымъ безсиліемъ и растерянностью властей, чтобы вооружить толпу и сдѣлать ее хозяиномъ положенія. Тогда частичный успѣхъ, та или другая мѣстная

удача можетъ сдѣлаться той искрой, которая зажжетъ накопляющуюся во всей Россіи массу горючаго матеріала, превратитъ скрытую революціонную энергію въ энергію дѣйственную, сольетъ въ одинъ могучій потокъ всѣ проявленія недовольства и дастъ сигналъ къ рѣшительной схваткѣ всѣхъ революціонныхъ силъ съ самодержавіемъ.

Современная русская исторія выковываетъ одно за другимъ цѣлый рядъ звеньевъ той великой цѣпи, которая постепенно обвивается вокругъ самодержавія, лишая его свободы, увѣренности и силы дѣйствій. Но гдѣ и въ какой моментъ пройдетъ черезъ эти звенья тотъ электрическій токъ, который скуетъ воедино концы этой цѣпи? Этого нельзя предугадать и вычислить никакой революціонной астрологіей. Желать дѣйствовать только совершенно навѣрняка, съ гарантіей ничѣмъ неустранимаго успѣха—это значитъ обрекать себя на полное бездѣйствіе. Революціонной инціативы и энергіи нельзя замѣнить никакими выкладками. Величайшая опасность для революціонеровъ — обречь себя на то утрированное благоразуміе, послѣ котораго придется каяться такъ, какъ уже однажды приходилось каяться нашимъ революціонерамъ: «Тысячныя толпы народа, точно выросшія изъ нѣдръ земли, съ восторгомъ встрѣчали насъ, какъ вождей своихъ, предлагали намъ силу и руки.... Мы совершенно не съумѣли откликнуться на эту товарищескую поддержку и воспользоваться боевымъ настроеніемъ массъ... Поддержка народныхъ массъ только ошеломила насъ, но не подвинула впередъ, не вложила новаго меча въ наши ножны»*).

Но она должна это сдѣлать. Она должна вложить — и не только вложить новый мечъ въ наши ножны, но и побудить извлечь этотъ мечъ изъ ноженъ для рѣшительной, непосредственной борьбы. Мы не преувеличиваемъ нашихъ силъ. Мы знаемъ, что стоящая передъ нами задача страшно трудна и огромна. Быть можетъ, попытки ея разрѣшенія не разъ будутъ кончаться неудачами, и надъ трупами честныхъ борцовъ насильники будутъ праздновать кровавую тризну. Но послѣ пораженія мы снова будемъ готовиться къ открытой борьбѣ, снова призывать девятый валъ, который долженъ снести прикрытое самодержавной порфирой царство злобы, произвола, насилія и человѣконенавистничества...

Январь, 1903 г.

---

*) Изъ «Письма къ товарищамъ-пропагандистамъ», изданіе Заграничной Лиги Революціонной Соціаль-Демократіи.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА.

«Да здравствуетъ всеобщая стачка!» Такимъ боевымъ лозунгомъ заканчивали наши товарищи въ Одессѣ прокламацію «ко всѣмъ рабочимъ» въ самый разгаръ послѣднихъ событій.

Всеобщая стачка — есть явленіе послѣдняго времени. Она — новость не только у насъ, но и заграницей. За то въ это послѣднее десятилѣтіе жизнь выдвинула всеобщую стачку едва ли не повсюду въ качествѣ одного изъ самыхъ сильныхъ средствъ напора рабочаго класса на существующій порядокъ, какъ ради тѣхъ или иныхъ непосредственныхъ экономическихъ завоеваній, такъ и ради обще-политическихъ.

Встрѣченная первоначально многими вождями рабочаго движенія съ недовѣріемъ, всеобщая стачка, однако, успѣла завоевать себѣ право гражданства въ жизни, а въ послѣдніе годы — добиться даже почти всеобщаго признанія.

И это неудивительно. Въ отдѣльныхъ частичныхъ столкновеніяхъ той или иной рабочей группы съ предпринимателемъ рабочіе изолированы. Но если они изолированы, то вовсе не изолированъ патронъ. Вся современная государственная организація, весь механизмъ управленія страной по крайней мѣрѣ одной своей стороной представляетъ собою ничто иное, какъ организованную силу класса капиталистовъ. Въ современномъ классовомъ государствѣ хозяинъ, капиталистъ, никогда не можетъ остаться изолированнымъ. Классовая организація капиталистовъ есть необходимая, неразрывная составная часть современнаго режима. Она есть нѣчто оффиціально включенное въ составъ правопорядка страны. Организація рабочихъ, напротивъ, въ наилучшихъ случаяхъ есть нѣчто только лишь *терпимое*, создающееся путемъ пробужденія революціоннаго духа въ рабочемъ классѣ, пробивающееся съ большимъ трудомъ сквозь явныя и скрытыя преграды и препоны. Частичная стачка свидѣтельствуетъ о первомъ пробужденіи въ рабочей средѣ чувства групповой, пока еще мѣстной и профессіональной, солидарности. Частичная стачка есть попытка разрозненной рабочей группы бороться съ фабрикантомъ, къ услугамъ котораго — всѣ рессурсы, которыми обладаетъ современное государство. Неудивительно, что частичныя стачки такъ часто кончаются неудачами и рабочіе нерѣдко безплодно истощаютъ въ нихъ свои силы.

Мы сказали «безплодно истощаютъ силы». Но «безплодно»

здѣсь надо понимать съ большой оглядкой. Если стачка и не даетъ рабочимъ прямого, практическаго выигрыша, если она остается для нихъ безъ осязательныхъ матеріальныхъ результатовъ, то эта ея ***практическая*** безплодность не означаетъ еще полной безплодности во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ. Стачка есть школа борьбы, школа солидарности, школа организаціи, и уроки ея не проходятъ даромъ. Неудачи здѣсь учатъ рабочихъ не менѣе, чѣмъ удачи. Рабочій классъ пріучается здѣсь взвѣшивать свои силы, знать свои сильныя и свои слабыя стороны, изучаетъ слабыя и сильныя стороны противника, изучаетъ условія, благопріятствующія и неблагопріятствующія успѣху своей борьбы.

Въ этой суровой и тяжелой школѣ борьбы, гдѣ каждый урокъ достается не дешево, рабочій классъ растетъ, зрѣетъ и крѣпнетъ. «Такъ тяжкій молотъ, дробя стекло, куетъ булатъ.» Отдѣльныя столкновенія рабочихъ группъ съ отдѣльными предпринимателями самими участниками борьбы все чаще и чаще разсматриваются, лишь какъ отдѣльные эпизоды общей борьбы. Сознаніе мѣстной, групповой, узко-профессіональной солидарности все болѣе и болѣе обобщается въ сознаніе обще-классовой солидарности. Все учащаются и учащаются «стачки по симпатіи», «стачки солидарности». При такихъ стачкахъ цѣлыя группы рабочихъ бастуютъ не для того, чтобы непосредственно для себя получить тѣ или иныя выгоды, а для того, чтобы помочь получить такія выгоды другимъ товарищамъ.

Съ одной стороны, стачки по симпатіи представляютъ собою естественное средство восполнить то неравенство шансовъ, которое мы видимъ при частичной стачкѣ, гдѣ изолированная группа рабочихъ имѣетъ противъ себя весь государственный механизмъ, болѣе или менѣе приспособленный къ интересамъ капиталистовъ. Кромѣ того, ростетъ и самостоятельная, чисто-экономическая организація предпринимателей. Нормировки, союзы, тресты предпринимателей дѣлаютъ возможной и цѣлесообразной лишь забастовку въ огромныхъ размѣрахъ, — рабочіе одной-двухъ фабрикъ передъ союзомъ многихъ предпринимателей данной отрасли производства безсильны. Съ другой стороны, стачки по симпатіи являются естественнымъ выраженіемъ хозяйственной эволюціи. Съ усложненіемъ формъ экономической жизни, крѣпнетъ и ростетъ взаимо-зависимость между различными отраслями производства. Стачка французскихъ углекоповъ осенью 1902 г. не могла бы оказать такого давленія на правительство и хозяевъ, если бы въ то же время сосѣдніе бельгійскіе углекопы не отказались отъ сверхъурочныхъ работъ и не грозили забастовкой, а портовые рабочіе Кале, Дюнкирхена и др. приморскихъ городовъ не отказались выгружать привознаго изъ-за границы угля. Всеобщая стачка есть ничто иное, какъ логическое развитіе

стачекъ солидарности, какъ «увѣнчаніе зданія», какъ идеальная ихъ форма, степень приближенія къ которой на практикѣ, конечно, можетъ быть очень различной. Всеобщая стачка въ смыслѣ силы давленія на хозяевъ и на правительство несравненно выше стачки частичной.

Ровно на столько же всеобщая стачка выше частичной и въ смыслѣ агитаціоннаго средства. Это есть средство объединенія въ борьбѣ всего пролетаріата, безъ различія цеховъ, профессій, состояній. Въ ней лицемъ къ лицу стоятъ уже не отдѣльный фабрикантъ съ отдѣльной группой рабочихъ, и даже не воротилы цѣлой опредѣленной отрасли производства съ совокупностью рабочихъ извѣстной профессіи; здѣсь противъ *класса* предпринимателей стоитъ *классъ* рабочихъ, какъ цѣлое. Всеобщая стачка есть одно изъ самыхъ непосредственныхъ и яркихъ выраженій *классоваго* характера движенія, въ противоположность первоначальному — мѣстному, групповому, профессіональному.

Неудивительно поэтому, что всеобщая стачка не можетъ удержаться на чисто-экономической почвѣ, что она неизбѣжно принимаетъ политическій характеръ, все равно, хотятъ этого или не хотятъ ея участники. Изъ за деревьевъ можно не видѣть лѣса; въ отдѣльной, частичной стачкѣ мѣстныя условія ея возникновенія, случайности ея хода, индивидуальныя особенности борющихся могутъ заслонять обще-національную основу угнетенія и борьбы рабочихъ. Во всеобщей стачкѣ всѣ эти частности тонутъ, пропадаютъ, и національная организація эксплуатаціи и гнета сталкивается съ національной организаціей эксплуатируемыхъ и угнетаемыхъ. Но очевидно, что тамъ, гдѣ сквозь конкретно-различныя формы эксплуатаціи пробивается и встаетъ во весь ростъ общій фактъ эксплуатаціи, — гдѣ вопросъ ставится объ общемъ положеніи цѣлаго рабочаго класса, — неминуемо должна зайти рѣчь и о *общихъ мѣрахъ* улучшенія этого положенія. Частное, мѣстное зло можетъ требовать и лѣкарствъ частичнаго, узко-мѣстнаго характера. Обще-національное зло требуетъ и обще-національныхъ, т. е. *политическихъ* мѣропріятій или перестроекъ. Гдѣ борятся уже не лица, не группы, а непосредственно классъ съ классомъ, тамъ неизбѣжно долженъ выступить на сцену обще-національный, *политическій* моментъ.

Въ этомъ и заключается весь смыслъ извѣстнаго изрѣченія Карла Маркса: «всякая классовая борьба есть борьба политическая». — Рѣдкое изрѣченіе такъ часто повторяется, и рѣдкое изрѣченіе такъ часто перетолковывается на всѣ лады, какъ именно это. Всѣ мы хорошо помнимъ, какъ во времена самаго узкаго «экономизма» или «стачкизма» люди беззаботно твердили, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, и успокаивали этими словами свою политическую со-

вѣсть. Разсматривая сначала всякую стачку, какъ проявленіе классовой борьбы рабочихъ, и строя уравненіе: «классовая борьба равняется политической борьбѣ», — они логически выводили отсюда, что всякая стачка, какъ таковая, есть политическое событіе, актъ политической борьбы. Путемъ такой своеобразной «діалектики» наши крайніе экономисты, оставаясь на чисто-экономической почвѣ, дѣлались въ своихъ глазахъ уже «политиками», политическими борцами и революціонерами. Они не понимали, что изреченіе Маркса о классовой борьбѣ имѣетъ діаметрально противоположный смыслъ, что они этотъ вполнѣ опредѣленный смыслъ его извращаютъ и насилуютъ. Для Маркса наличность политическаго элемента въ борьбѣ было необходимымъ и очевиднымъ признакомъ того, что борьба вышла изъ ея примитивныхъ формъ борьбы групповой, мѣстной и цѣховой, нашла и разглядѣла свою обще-классовую основу и утвердилась на ней. Если же этого еще не случилось, если обще-національный, политическій элементъ въ движеніи еще отсутствуетъ, то это значитъ, что движеніе еще не сдѣлалось классовымъ въ истинномъ значеніи этого слова, что оно еще только эмбріонъ, только зародышъ, только недоразвившаяся форма классового движенія. И пресловутый «стачкизмъ», «экономизмъ» съ этой точки зрѣнія могъ разсматриваться только какъ политическій недоносокъ.

* * *

Въ Западн. Европѣ всеобщая стачка является серьезнымъ оружіемъ борьбы въ рукахъ организованнаго рабочаго класса. Пользуясь широкимъ поприщемъ политической свободы, чтобы организоваться и вести свою борьбу спокойно, обдуманно и увѣренно, рабочіе имѣютъ возможность выбирать моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій, идти на нихъ со всей возможной осмотрительностью. У нихъ много всякихъ путей для защиты своихъ интересовъ, имъ есть между чѣмъ выбирать. И въ нихъ естественно развивается очень осторожное отношеніе ко всеобщей стачкѣ, какъ къ средству очень сильному. Всеобщая стачка способна на время парализовать функціонированіе всей экономической организаціи страны. Но ясно, что экономическая организація страны, эта основа ея питанія, а слѣдовательно и существованія, не можетъ быть парализована надолго. Питаніе страны прекратить нельзя. Конечно, кромѣ ежедневнаго производства, страна имѣетъ еще и запасы. Но вѣдь эти запасы находятся преимущественно въ рукахъ богатыхъ, привилегированныхъ классовъ. Всего меньше такихъ запасовъ находится въ рукахъ рабочаго класса. Онъ прежде всего самъ же страдаетъ отъ пріо-

становки хозяйственныхъ функцій. Быстро можетъ наступить моментъ, когда дальнѣйшее продолженіе всеобщей стачки для него будетъ невыносимымъ. Уже по одному этому въ мирной, законной «всеобщей стачкѣ» трудно видѣть универсальное средство борьбы съ буржуазнымъ классомъ. Правда, въ странахъ, гдѣ рабочій классъ можетъ свободно организоваться не только политически, но и экономически, гдѣ онъ обладаетъ богатыми синдикатами, потребительными и производительными обществами, наступленіе критическаго момента для стачечниковъ можетъ быть надолго отсрочено. Представители бельгійской рабочей партіи говорятъ, что во времена крупныхъ стачекъ ихъ кооперативныя соціалистическія булочныя «бомбардируютъ буржуазное общество 25-сантимными хлѣбами», — ибо снабженіе ими забастовщиковъ даетъ послѣднимъ возможность держаться неопредѣленно долгое время. Нѣкоторые соціалисты, обладающіе достаточно богатой фантазіей, рисуютъ даже соблазнительныя картины того будущаго, когда рабочій классъ въ своихъ синдикатахъ и кооперативахъ укрѣпится, какъ въ окопахъ, объявитъ въ одинъ прекрасный день старому міру всеобщую стачку и уйдетъ, подобно пролетаріямъ древняго Рима, на Авентинскую гору своихъ экономическихъ организацій; тамъ онъ сумѣетъ жить своей особой хозяйственной жизнью, оставивъ буржуазію съ ея набитыми золотомъ мѣшками во власти голода и сломивши такимъ образомъ ея сопротивленіе. Однако, эта золотая мечта при современномъ состояніи организованности рабочаго класса является чистѣйшей утопіей. Но даже и не будь она таковой, ея практическое значеніе для современной Россіи равнялось бы нулю. Наши рабочіе, какъ общее правило, не могутъ имѣть своихъ экономическихъ организацій, — кромѣ зубатовскихъ. И если поэтому наши рабочіе при всякой обыкновенной стачкѣ вынуждены терпѣть громадныя лишенія, то во время всеобщей стачки, сколько-нибудь долговременной, мы получимъ въ концентрированномъ видѣ не только проявленія рабочей солидарности, революціоннаго энтузіазма, напора на существующій порядокъ; въ не менѣе концентрированномъ видѣ мы получимъ и лишенія, нужду, голоданіе рабочихъ семей.... Лишенные возможности подготовиться къ стачкѣ созданіемъ боевыхъ профессіональныхъ кассъ, во время самой стачки рабочіе наталкиваются на правительственную репрессію во всѣхъ ея видахъ, въ самыхъ жестокихъ, грубыхъ и звѣрскихъ формахъ. Если русское правительство въ мирное время готово надѣвать на себя маску благожелательности къ рабочимъ, то стоитъ послѣднимъ увѣровать въ эту благожелательность и серьезно приняться за отстаиваніе своихъ интересовъ,—чтобы правительство, какъ это и случилось въ Одессѣ, сбросило эту маску

и предстало передъ рабочими во всей своей страшной и безобразной наготѣ...

Вотъ почему всеобщая стачка въ ея безусловно мирной, легальной формѣ — стачка «à bras croisés», «со скрещенными на груди руками»—въ Россіи еще менѣе возможна, чѣмъ гдѣ бы то ни было. При политическихъ условіяхъ Россіи всеобщая стачка можетъ быть только прелюдіемъ къ политической революціонной демонстраціи. Значеніе демонстраціи, впрочемъ, она до сихъ поръ имѣетъ даже и въ большинствѣ странъ Зап. Европы. И по ассоціаціи идей всеобщая стачка естественно вызываетъ въ нашемъ умѣ представленіе о первомайской демонстраціи, которая тоже вѣдь есть ничто иное, какъ однодневная всеобщая забастовка рабочаго класса во всемъ мірѣ.

И, какъ введеніе къ революціонной демонстраціи, а въ подходящій моментъ и революціонному возстанію противъ правительства, всеобщая стачка, несомнѣнно, имѣетъ свои чрезвычайно удобныя и сильныя стороны. Она выводитъ изъ 4-хъ стѣнъ промышленнаго заведенія, собираетъ на улицахъ и площадяхъ, мобилизуетъ огромную армію рабочихъ—и при томъ мобилизуетъ первоначально въ такой формѣ, что не вызываетъ неизбѣжно немедленной и непосредственной атаки вооруженныхъ силъ правительства. А между тѣмъ для революціоннаго возстанія успѣть мобилизовать силы значитъ чрезвычайно много. Правительство именно въ этомъ отношеніи и обладаетъ огромными преимуществами надъ революціонерами. У правительства всѣ силы на счету, оно можетъ по произволу ихъ собирать и распускать, перемѣщать, раздѣлять и концентрировать въ одномъ мѣстѣ, смотря по надобности. Между тѣмъ, для революціонеровъ, дѣйствующихъ тайно, вынужденныхъ скрываться, конспирировать, ограничивать дѣйствующій составъ центральной организаціи необходимымъ минимумомъ, ничто не является до такой степени труднымъ, какъ собрать вмѣстѣ всѣ силы и заставить ихъ дѣйствовать дружно и единовременно.

Но всеобщая стачка не только можетъ способствовать мобилизаціи революціонныхъ силъ, она въ то же время можетъ препятствовать мобилизаціи силъ правительства. Въ настоящее время въ его рукахъ телеграфы, телефоны, пути сообщенія; на этомъ основывается быстрота и правильность функціонированія правительственнаго механизма, какъ орудія репрессіи. Къ этому приспособлена, отъ этого зависитъ способность правительства подавлять народное революціонное движеніе. Всеобщая забастовка рабочихъ по транспорту, по телефонамъ, телеграфамъ и т. п. способна сильно парализовать правительственную силу.

Всѣ данныя, напр., указываютъ намъ на то, что будь въ

Одессѣ во время всеобщей стачки толпа свободна отъ тормозящаго вліянія пропаганды «независимцевъ», будь она способна въ большинствѣ своемъ слѣдовать за революціонерами — она могла бы въ извѣстный моментъ обезоружить часть войска, завладѣть оружейными складами, сдѣлаться полнымъ хозяиномъ города. Это показываетъ, что какъ ни велика вооруженная сила правительства, дѣло уличнаго возстанія въ Россіи вовсе не можетъ считаться безнадежнымъ.

И, въ силу указаннаго выше значенія всеобщей стачки, и какъ средства экономической борьбы, и какъ введенія въ массовое политическое движеніе — мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ «Искры», будто «всеобщая стачка представляется методомъ борьбы, въ большинствѣ случаевъ заранѣе обреченнымъ на неудачу, такимъ методомъ, который, развивая громадную энергію массового движенія, растрачиваетъ большую ея часть крайне непроизводительно» (№ 40, «Искра»).

Но поскольку мы разсматриваемъ всеобщую стачку, какъ средство политической, революціонной борьбы, мы не можемъ, не должны ограничивать своего кругозора рамками фабричнаго станка, заводской трубы, рамками города вообще. Намъ уже не разъ приходилось говорить о тѣхъ формахъ, въ которыхъ къ массовому движенію города можетъ примкнуть и массовое движеніе деревни. «Манифестъ Крестьянскаго Союза» нашей партіи уже въ первой половинѣ прошлаго года намѣчалъ цѣлый рядъ такихъ формъ: массовые коллективные приговоры крестьянскихъ обществъ, съ опредѣленными требованіями, и, какъ подкрѣпленіе ихъ — массовой отказъ отъ уплаты податей и воинской повинности до тѣхъ поръ, пока эти требованія не будутъ удовлетворены («Рев. Россія, № 8, стр. 6, 14). Галиційская всеобщая стачка, всеобщія стачки сельско-хозяйственныхъ батраковъ въ Венгріи, рабочихъ и крестьянъ-арендаторовъ въ Италіи доказали способность деревни къ такимъ массовымъ движеніямъ. Объявленіе всеобщей стачки, всеобщаго бойкотированія крестьянствомъ какъ помѣщиковъ, такъ и властей, отказъ по отношенію къ нимъ отъ исполненія всякаго рода обязательствъ и повинностей можетъ быть превосходнымъ дополненіемъ всеобщей стачки въ городахъ. Насколько осуществима практическая организація такого единовременнаго массового напора рабочихъ людей города и деревни на существующій порядокъ — это, конечно, другой вопросъ. Мы отнюдь не закрываемъ глазъ на неимовѣрныя трудности и препятствія, стоящія при этомъ поперекъ дороги нашимъ усиліямъ. Но какъ всеобщая стачка въ городахъ есть идеалъ, извѣстная степень приближенія къ которому вполнѣ достаточна для практическихъ цѣлей, такъ и въ деревняхъ. «Въ рѣшитель-

ный моментъ даже и не большое, но дружное движеніе хотя части крестьянъ при сочувственномъ нейтралитетѣ остальныхъ будетъ имѣть огромное и моральное, и матеріальное значеніе: самодержавію придется сдаться въ тотъ моментъ, когда войска потребуются одновременно и для городовъ, и для деревень, когда, какъ можно надѣяться, и сами войска устанутъ служить самовластью противъ народа...» («Рев. Р.», № 8, стр. 14).

* * *

Но, говоря о всеобщей стачкѣ, мы никогда не должны терять изъ виду необходимой исторической перспективы. Никогда не должны мы забывать того огромнаго различія въ условіяхъ русской и западноевропейской жизни, которыя обусловливаютъ и огромныя различія въ тактикѣ.

Всеобщая стачка въ Европѣ имѣетъ подъ собою необычайно твердую и надежную основу въ синдикальной организаціи рабочихъ. Рабочіе данной мѣстности группируются въ союзы по фабрикамъ; эти групповые союзы объединяются уже между собою по профессіямъ; профессіональные союзы даннаго района объединяются въ федеральные союзы; федеральные союзы, наконецъ, въ свою очередь объединяются во «Всеобщую Конфедерацію Труда». Эта органически, снизу вверхъ выросшая форма объединенія силъ рабочаго класса дѣлаетъ возможнымъ обдуманное, планомѣрное примѣненіе всеобщей стачки въ тѣхъ или иныхъ необходимыхъ для практическихъ цѣлей размѣрахъ послѣ предварительнаго обсужденія вопроса, въ спеціально для того избранное время. И, тѣмъ не менѣе, даже тамъ, гдѣ такая организація выросла, окрѣпла и развилась, проведеніе всеобщей забастовки связано съ огромными трудностями. Что же сказать про Россію, съ ея невыносимыми политическими условіями, такъ затрудняющими крѣпкую организацію даже иниціативнаго революціоннаго меньшинства? Понятно, что въ современной Россіи всеобщія стачки выростаютъ, какъ общее правило, стихійно, а, слѣдовательно, болѣе или менѣе неожиданно и для самихъ революціонеровъ. Не вызывать, не декретировать всеобщую стачку, а лишь приспособляться къ естественно выросшей, использовать самопроизвольно зародившуюся и широко разлившуюся стачку приходится у насъ революціонерамъ. И понятно, что стихійное, болѣе или менѣе неожиданное для всѣхъ зарожденіе такого движенія съуживаетъ границы его цѣлесообразнаго использованія въ интересахъ общей освободительной борьбы. Тѣ жестокія преслѣдованія, которымъ постоянно подвергаются наши революціонныя организаціи, поневолѣ ставятъ ихъ иногда въ положеніе тѣхъ евангельскихъ

дѣвъ, у которыхъ не хватило масла въ свѣтильникахъ какъ разъ въ то время, когда пришелъ давно жданный женихъ.

Уже по одному этому было бы въ высшей степени неосновательно видѣть во всеобщей стачкѣ универсальное, всеразрѣшающее средство проведенія революціи и построить на этомъ всѣ разсчеты и всю тактику. Къ сожалѣнію, русскіе люди слишкомъ склонны преувеличивать, быстро переходить отъ одного увлеченія къ другому, бросаться изъ стороны въ сторону, каждый разъ горячо вѣруя, что найдено, наконецъ, искомое всеспасающее, всеразрѣшающее и всепобѣждающее средство для революціоннаго ниспроверженія существующаго режима. Эти поиски чудодѣйственной «разрывъ-травы» давно пора бы прекратить. Но они не прекращаются. Мы ни мало не удивимся, если лавина всеобщихъ стачекъ, прокатившаяся по югу Россіи, найдетъ своихъ энтузіастовъ, которые на алтарѣ, воздвигнутомъ божеству всеобщей стачки, готовы будутъ принести въ жертву всѣ иные методы борьбы. Нѣкоторые, пока еще, правда, слабые признаки такого увлеченія уже и начинаютъ проявляться. Намъ хотѣлось бы, чтобы оно прекратилось въ самомъ зародышѣ. Можно видѣть всѣ сильныя стороны всеобщей стачки, какъ средства борьбы, не испытывая, однако, отъ нихъ головокруженія, и не теряя изъ виду реальной перспективы условій русской жизни*).

Сторонники широкой синтетической программы, мы, соціалисты-революціонеры, разсматриваемъ всеобщую стачку, какъ одинъ изъ лучшихъ способовъ давленія на существующій порядокъ, возможный и цѣлесообразный при наличности опредѣленныхъ условій мѣста и времени,—совершенно также, какъ и всѣ другія формы и средства борьбы. И потому мы можемъ включить пользованіе всеобщей стачкой въ общую программу нашихъ тактическихъ пріемовъ борьбы, но не ***вмѣсто*** другихъ пріемовъ, а ***вмѣстѣ*** съ ними.

Августъ, 1903 г.

---

*) Примѣромъ такихъ увлеченій можетъ служить старый сборн. «Пролетарская борьба».

ИТОГИ ПОСЛѢДНИХЪ СОБЫТІЙ.

Произошли событія громадной важности, событія еще не бывалыя въ Россіи, вполнѣ учесть результаты которыхъ трудно, почти невозможно—они отозвались въ сердцахъ сотенъ, тысячъ и милліоновъ, и въ душѣ каждаго оставили свой глубокій и острый слѣдъ. Во второй разъ русское правительство увидѣло себя лицомъ къ лицу съ кровавымъ призракомъ народной революціи. Еще не успѣла затихнуть такъ внезапно разыгравшаяся въ прошломъ году зыбь на безбрежномъ крестьянскомъ морѣ и еще не замерли послѣдніе отзвуки выстрѣловъ въ Уфимскомъ паркѣ, какъ опять повѣяло бурей, быть можетъ, еще болѣе грозной и еще болѣе безпощадной. Мы говоримъ, конечно, о южной стачкѣ,—о томъ широкомъ массовомъ движеніи, которое въ нѣсколько дней охватило половину промышленной Россіи. Рабочіе всѣхъ производствъ—механики, типографщики, сапожники, плотники, пекаря, маляры, мясники, матросы, кондуктора и кучера трамваевъ, даже несчастные изъ несчастныхъ и робкіе изъ робкихъ—мусорщики, ассенизаторы и метельщики улицъ,—словомъ, вся многотысячная и до сихъ поръ только изрѣдка и глухо волновавшаяся рабочая масса юга встала, какъ одинъ человѣкъ, встала во всей своей устрашающей и непобѣдимой силѣ. Вчерашній рабъ превратился сегодня въ гражданина, готоваго гордо и открыто встать за свои неотъемлемыя права и за свое, такъ грубо и такъ долго попиравшееся, человѣческое достоинство. Баку, Батумъ, Тифлисъ, Николаевъ, Кіевъ, Елисаветградъ, Одесса и Екатеринославъ, словомъ, всѣ большіе города юга были на нѣсколько часовъ въ рукахъ тѣхъ, кто построилъ всѣ ихъ блестящіе дворцы, проложилъ по улицамъ макадамъ, протянулъ безчисленные проволоки телеграфовъ и телефоновъ, зажегъ тысячи огней, и отлилъ, и выковалъ, самъ не зная, что дѣлаетъ, пушки, штыки и ружья — лучшую и единственную защиту своихъ враговъ.

Впервые, всѣ тѣ праздные и никому не нужные люди, которые плохо распоряжаются и такъ же плохо исполняютъ распоряженія, всѣ эти генералы и дворники, чиновники и городовые, не только поняли, но и почувствовали, что они всецѣло и безраздѣльно въ рукахъ трудящагося народа. Не захочетъ рабочій,—и они останутся безъ одежды и безъ хлѣба,

безъ хлѣба, безъ свѣта и даже безъ воды... Недаромъ одесскій городской голова спѣшно телеграфировалъ г. Ф. Плеве, что городъ находится «въ опасности, которой и представить себѣ нельзя».

Есть и еще одна свѣтлая, бодрящая сторона во всемъ этомъ могучемъ массовомъ движеніи. Давно ли правительство вело себя такъ, какъ будто стоитъ ему только шевельнуть пальцемъ, чтобы направить любое массовое движеніе въ сторону безсмысленнаго, звѣрскаго, стихійнаго еврейскаго погрома? Давно ли были мы свидѣтелями того, какъ даже многіе революціонеры падали духомъ, сами отмѣняли всякія демонстраціи, собирались быть на время тише воды, ниже травы, чтобы—сохрани богъ—не дать толчка, вопреки собственной волѣ, наступленію чего нибудь вродѣ кишиневскихъ ужасовъ... И вотъ, миѳическій характеръ опасности, которую угрожало правительство и передъ которой робко склоняли голову слабые духомъ, обнаруженъ. Во время всеобщей стачки нигдѣ не явилось ни намека на антиеврейскіе безпорядки. Напротивъ, въ этомъ движеніи еврей стоялъ рядомъ съ русскимъ, персіянинъ съ грузиномъ, уроженецъ Кавказа съ сыномъ вольныхъ степей Украины,—и противъ нихъ всѣхъ, какъ противъ одной великой арміи труда, стояли ряды смущенныхъ, обезпокоенныхъ, растерявшихся и дѣйствовавшихъ кто въ лѣсъ, кто по дрова, слугъ престола и капитала...

* * *

И однако, несмотря на всю силу и значеніе только что окончившейся массовой стачки, есть въ ея общемъ ходѣ такія стороны, которыя оставляютъ въ насъ невольно грустное и тяжелое впечатлѣніе. И снова передъ нами встаетъ во весь свой ростъ все тотъ же больной вопросъ: могутъ ли революціонеры съ чувствомъ полнаго удовлетворенія оглянуться назадъ, на ту роль, какую они, какъ организованная партія, играли во все время протекшей стачки? Сдѣлали ли они все, что могли и что должны были сдѣлать для того, чтобы расширить и углубить движеніе, сдѣлать его грознымъ революціоннымъ движеніемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова? Использовали-ли они южную «всеобщую стачку» въ полномъ объемѣ для революціоннаго напора на правительство и усилили-ли этимъ своимъ напоромъ значеніе стачки?

Эти вопросы мы ставимъ здѣсь не для запоздалаго сожалѣнія о томъ, чего уже не воротишь, и не для безплоднаго самобичеванія. И не потому ставимъ мы ихъ, чтобы мы не могли, съ одной стороны, перечислить всѣ заслуги революціонеровъ безъ различія фракцій до и во время стачки, а съ другой стороны—привести всѣ объясняющія и оправдывающія

обстоятельства для тѣхъ случаевъ, гдѣ и когда со стороны революціонеровъ замѣчался недостатокъ энергіи и активности. О да, конечно, широта и сила массоваго потока въ значительной степени объясняется той упорной работой, которую вотъ уже десятки лѣтъ ведутъ революціонеры, ведутъ съ массой жертвъ, ведутъ при безпримѣрно тяжелыхъ условіяхъ — той работой революціонизированія народныхъ массъ, которая въ послѣдніе годы достигла небывалой широты и напряженности. Да, мѣстами многое было сдѣлано, чтобы утилизировать въ интересахъ народнаго дѣла всѣ стихійныя событія стачки. Въ Одессѣ прологомъ къ движенію послужили стачки, вызванныя хитроумными махинаціями правительственныхъ клевретовъ и союзниковъ, съ цѣлью вящаго возвеличенія зубатовщины; и однако, энергическое вмѣшательство революціонеровъ, логическое развитіе самой стачки—привели къ полному разгрому, къ самому плачевному фіаско той же самой зубатовщины. Въ Екатеринославѣ движеніе вспыхнуло не только не неожиданно для революціонеровъ: нѣтъ, движенію ***предшествовалъ*** со стороны революціонеровъ рѣшительный призывъ рабочихъ къ всеобщей забастовкѣ. Изъ Тифлиса вышелъ энергичный призывъ къ рабочимъ — организоваться въ боевыя дружины, и помня, что ***мирная*** массовая стачка при современныхъ условіяхъ становится анахронизмоммъ, быть наготовѣ къ борьбѣ вооруженною рукою. Вездѣ было приложено не мало усилій, затрачено много энергіи, принесено много жертвъ. И это несмотря на то, что условія были крайне неблагопріятны. Стачка разыгралась въ такое время, когда въ крупныхъ университетскихъ городахъ отсутствовало студенчество—этотъ чрезвычайно подвижный и отзывчивый элементъ, участіе котораго могло бы значительно повліять на характеръ и силу движенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—какъ, напр., въ Кіевѣ—незадолго передъ стачкой революціонныя организаціи были сильно ослаблены обрушившейся на нихъ лавиной массовыхъ обысковъ, арестовъ, высылокъ и т. д., и т. д.

Словомъ, при желаніи мы не можемъ испытывать недостатка въ аргументахъ успокоительнаго характера. Но въ томъ то и заключается особенность партіи, идущей подъ знаменемъ революціоннаго соціализма, что всякимъ убаюкивающимъ, успокоительнымъ аргументамъ она предпочитаетъ суровый анализъ своей собственной работы. Даже послѣ сравнительно успѣшныхъ шаговъ, партія соціальной революціи снова и снова ставитъ себѣ тотъ же вопросъ — чего ей недостаетъ, какіе пробѣлы остаются въ ея дѣятельности, какія ошибки случались въ ея работѣ — ибо не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. —Она ставитъ и обязана постоянно ставить по отношенію къ себѣ самой такія высокія требованія, которыя были бы вѣчнымъ стимуломъ къ дальнѣйшему развитію

и усовершенствованію, поддерживая «святое недовольство», про которое говоритъ поэтъ—«то недовольство, при которомъ нѣтъ ни самообольщенья, ни застоя...»

Итакъ, пусть представители самодовольнаго мѣщанства съ насмѣшкой смотрятъ на революціонеровъ, которые послѣ каждыхъ крупныхъ событій тщательно ищутъ своихъ недостатковъ и не боятся во всеуслышаніе говорить о нихъ. Этимъ героямъ «умѣренности и акуратности» не понять, что залогъ силы соціально-революціонной партіи—прежде всего въ томъ, что въ ея рядахъ живетъ ничѣмъ незаглушимая потребность къ самокритикѣ, къ дальнѣйшему развитію и прогрессу, и ничѣмъ не подавляемое отвращеніе къ само-любованію, къ самодовольному успокоенію и застою.

* * *

По мѣрѣ того, какъ революціонное движеніе растетъ, пріобрѣтаетъ широкую популярность и всеобщія симпатіи, въ темныхъ низахъ народной массы начинаютъ складываться о насъ, революціонерахъ, цѣлыя легенды. Въ нихъ путемъ стихійнаго массоваго творчества, отражается народный идеалъ борца, «душу свою полагающаго за други своя», — тотъ самый идеалъ, который въ древности облекался народомъ въ образы героевъ фольклора, то въ видѣ сказочныхъ богатырей, то въ видѣ святыхъ, мучениковъ, полубоговъ религіозныхъ сказаній. Намъ невольно вспоминается при этомъ, какъ, лѣтъ пять тому назадъ, одинъ старый еврей, мелкій торговецъ лимонами, разсказывалъ одному изъ нашихъ товарищей о насъ, революціонерахъ и соціалистахъ, — разсказывалъ, низко наклонившись и озираясь кругомъ, чтобы не услышалъ какой нибудь соглядатай, случайно очутившійся въ томъ же быстро мчавшемся вагонѣ желѣзнодорожнаго поѣзда:— «Вы, господинъ, не знаете этихъ людей... Боже мой! Они—какъ огонь... Что захотятъ, то и сдѣлаютъ. Рѣжь ихъ на части, жги, а они таки добьются своего. Потому что, знаете, это сильные, о, какіе сильные люди... Они все могутъ, и, вотъ увидите, всѣхъ побѣдятъ. Э, если бы я имѣлъ столько силы, какъ они!...»

Да, въ простомъ, измученномъ сердцѣ стараго еврея выросла красивая, Богъ знаетъ, кѣмъ и какъ запесенная легенда — легенда о какихъ то невѣдомыхъ и грозныхъ богатыряхъ, которые гдѣ то — неизвѣстно гдѣ — безстрашно и неустанно борятся съ сильнымъ и на первый взглядъ непобѣдимымъ врагомъ, борятся не за себя, а за всѣхъ обиженныхъ жизнью и обдѣленныхъ, оскорбленныхъ людьми... — «За свободу, знаете, вотъ, какъ въ Америкѣ, и еще за то, чтобы, знаете, не было бѣдныхъ, а были бы всѣ богатые и счастливые...»

Да, не всегда и не совсѣмъ бываетъ похожа тусклая дѣй-

ствительность на то, что рисовали горѣвшія страстной вѣрой слова стараго еврея. И мы, сознательные революціонеры, «красные богатыри», пригрезившіеся ему, должны быть безпощадны къ самимъ себѣ каждый разъ, когда замѣчаемъ несовпаденіе идеала и дѣйствительности. И съ этой точки зрѣнія мы не можемъ и не должны довольствоваться той ролью, которую мы играли въ послѣднихъ событіяхъ.

Эти событія, подобно волнѣ демонстрацій послѣ выстрѣла Карповича, въ значительной мѣрѣ происходили независимо отъ нашего организаціоннаго воздѣйствія. Не спрашивая нашего согласія и не справляясь съ нашими программами, мѣстами небуженные и непрошенные, выходили рабочіе на улицу. Стихійно поднялась громадная волна народнаго недовольства и гнѣва, и намъ оставалось только стать впереди движенія и направить его въ то прямое и глубокое русло, на которое указывала сама жизнь — въ русло открытой и не останавливающейся ни передъ чѣмъ борьбы съ царемъ и его слугами. Оставалось смѣлымъ примѣромъ увлечь и повести за собой всѣхъ тѣхъ, еще колеблющихся, еще нерѣшительныхъ, но уже сплоченныхъ одною и тою же ненавистью и одной и той же жаждой правды и свободы, — которые тысячами наводняли площади нашихъ городовъ...

А между тѣмъ... а между тѣмъ, вотъ что читаемъ мы въ нелегальной печати. «О роли партійныхъ организацій въ движеніи,—пишетъ изъ Одессы корреспондентъ «Освобожденія», говорить много не приходится: настоящее движеніе не только не было подготовлено, но они не успѣли или не сумѣли даже имъ сколько-нибудь овладѣть, когда оно уже началось. Таково общее впечатлѣніе» («Освобожденіе» № 4, приложеніе). Еще опредѣленнѣе высказывается бакинскій корреспондентъ «Искры»: «Собранія въ общемъ не удались, листковъ мало. Въ этомъ надо винить, съ одной стороны — расколъ среди мѣстныхъ соц.-дем., съ другой — общую слабость силъ и неподготовленность комитета къ руководству такимъ грандіознымъ движеніемъ. Незадолго до стачки Комитетъ обсуждалъ вопросъ объ общей забастовкѣ, предвидя ея возможность, но рѣшилъ не вызывать ея, въ виду своей неподготовленности. Но событія опередили Комитетъ. Повторилась старая исторія: организація позади движенія» («Искра» № 45).

Гдѣ же кроются причины этого? Не тѣ, внѣшнія причины, которыхъ въ оправданіе свое мѣстные революціонеры могутъ привести не мало, — а причины внутреннія, лежащія въ самомъ характерѣ дѣйствующихъ революціонныхъ организацій и поведенія ихъ, наличности которыхъ также нельзя отрицать, ибо она бросается въ глаза?

«Въ нашихъ разногласіяхъ и въ слабости нашихъ комитетовъ» — отвѣчаетъ корреспондентъ «Искры». Но вѣдь если

такъ, то мы рискуемъ никогда не увидѣть революціи, ибо едва ли есть надежда на прекращеніе первыхъ, а вслѣдствіе этого и на значительное усиленіе вторыхъ. Полнаго единогласія нѣтъ и не будетъ, разногласія существуютъ въ рядахъ всѣхъ, самыхъ крупныхъ и самыхъ благоустроенныхъ европейскихъ соціалистическихъ партій. Бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что не смотря на всю необходимость единенія, искры разногласій раздуваются и выростаютъ въ пламя междоусобной вражды; бѣда въ томъ, что эта вражда дробитъ силы, прекращаетъ взаимопомощь между отдѣльными организаціями, приводитъ къ тому, что онѣ начинаютъ чуть ли не мѣшать другъ другу... Но это вовсе не вызывается фатально самимъ фактомъ существованія разногласій.

Болѣе существенное значеніе имѣетъ второе указаніе «Искры», но и къ нему примѣнимы тѣ же соображенія. Численная слабость комитетовъ, по конспиративнымъ условіямъ работы и при силѣ полицейскихъ гоненій, есть также вещь почти фатальная. Но она еще сама по себѣ не обусловливаетъ неспособности идти впереди, а не позади движенія. Численный недостатокъ можетъ въ широкихъ размѣрахъ возмѣщаться энергіей дѣйствія и силою примѣняемыхъ средствъ. Но въ томъ то и бѣда, что та «неподготовленность», о которой говоритъ «Искра», проявляется прежде всего въ недостаткѣ рѣшительности, въ вѣчномъ страхѣ передъ отвѣтственностью, которую принимаетъ на себя организація, рекомендуя тотъ или другой смѣлый шагъ. Это — вопросъ крайне важный, на которомъ приходится остановиться подробнѣе. Сознаніе отвѣтственности, конечно, есть дѣло великое. Но оно не должно быть односторонними. Иные революціонеры, между тѣмъ, упорно хотятъ при этомъ видѣть только одну сторону дѣла, закрывая глаза на другую. Получается слѣдующая иллюзія. Если смѣлая тактика революціонеровъ ведетъ къ жертвамъ — отвѣтственность лежитъ на революціонерахъ. Если же революціонеры зовутъ массу на *мирный* протестъ, и этотъ мирный протестъ въ 9 случаяхъ изъ десяти фатально приходитъ къ кровавой развязкѣ, то это ничего. Революціонеръ опять можетъ звать къ мирному протесту, масса можетъ ему вѣрить и снова идти къ жертвамъ, не отдавая себѣ отчета въ ихъ неизбѣжности — и все-таки отвѣтственности на революціонерѣ не лежитъ въ этомъ случаѣ никакой. Такова эта странная логика.

Кровавый исходъ первыхъ крупныхъ столкновеній народа съ правительствомъ слишкомъ легко предвидимъ, и закрывать на это глаза мы не имѣемъ права. Мы должны подготовить массу къ возможнымъ столкновеніямъ — и подготовить, конечно, заранѣе. Давно пора понять, что приблизились такія времена, когда каждому гражданину необходимо умѣть вла-

дѣть оружіемъ и имѣть оружіе. Давно пора понять, что приблизились времена, когда должно группировать уже не только агитаторовъ и пропагандистовъ, но и боевые кадры, группировать ихъ на живомъ дѣлѣ, на непосредственной борьбѣ. Иначе событія вѣчно будутъ заставать насъ врасплохъ, вѣчно мы будемъ оказываться неподготовленными, и въ критическій моментъ, когда потребуется самое энергичное вмѣшательство съ нашей стороны, намъ не съ чѣмъ будетъ выступить.

Отсюда то и происходитъ та всеохватывающая и всепреодолѣвающая боязнь отвѣтственности, которая парализуетъ такъ часто силы революціонныхъ организацій и поражаетъ ихъ полной революціонной импотентностью. Вотъ почему сегодня въ Кіевѣ назначается демонстрація, а завтра, подъ вліяніемъ невѣрія въ себя и въ рабочихъ, подъ вліяніемъ воображаемыхъ опасностей, она поспѣшно отмѣняется; вотъ почему сегодня въ Тифлисѣ комитетъ призываетъ смыкаться въ боевыя дружины и ждать сигнала къ борьбѣ, а завтра въ томъ же Тифлисѣ комитетъ обращается къ рабочимъ съ прокламаціей, которая дышетъ духомъ «умѣренности и аккуратности» и приглашаетъ стачечниковъ «изъ чисто культурныхъ соображеній» не только избѣгать столкновеній съ солдатами, но и не касаться почты и *телеграфа*...

Мы вполнѣ понимали бы, конечно, предостереженіе, обращенное къ рабочимъ, противъ всякихъ чисто-зоологическихъ вспышекъ мстительности и гнѣва, противъ всякихъ эксцессовъ, которые могутъ лишь компрометировать движеніе и не являются цѣлесообразными съ точки зрѣнія интересовъ революціонной борьбы. Но здѣсь мы имѣемъ нѣчто гораздо большее. Люди становятся вмѣсто революціонной или классовой точки зрѣнія, на какую то абстрактную точку зрѣнія «культуры» и даютъ совѣты, слѣдованіе которымъ можетъ оказаться въ прямомъ противорѣчіи съ интересами дѣла...

Нѣтъ сомнѣнія, культура — дѣло великое. И, въ частности, телеграфъ есть величайшее завоеваніе ума человѣческаго, величайшая его побѣда, надъ силами «равнодушной природы». Но когда, въ критическій моментъ политической жизни и борьбы, телеграфъ и телефонъ оказываются въ монопольномъ распоряженіи правительства, многократно увеличивая рессурсы послѣдняго въ борьбѣ съ народомъ — неужели какія бы то ни было «культурныя соображенія» могутъ удержать революціонера отъ перерѣзыванія телеграфныхъ проволокъ? Неужели такимъ способомъ онъ не мѣшаетъ исправлять телеграфу именно совершенно *антикультурную* миссію—службу царизму?

И развѣ не скользкую почву, развѣ не наклонную плоскость представляютъ собой эти неумѣстныя «культурническія» размышленія въ такіе революціонные моменты? Когда одесскіе стачечники толпою отправились на главную электрическую

станцію, чтобы прекратить возможность пользованія электричествомъ, передъ ними предсталъ, во главѣ взвода солдатъ, офицеръ, который краснорѣчиво доказывалъ всю необходимость — тоже «изъ чисто культурныхъ соображеній» — сохранить электрическое освѣщеніе, которое уменьшаетъ число несчастныхъ случаевъ на улицахъ, препятствуетъ воровству и т. д., и т. д. Его краснорѣчіе подѣйствовало на значительную часть толпы — и, надо полагать, что стачка отъ этого не выиграла въ своей силѣ...

Предоставимъ же этимъ культуртрегерамъ въ военныхъ и полицейскихъ мундирахъ такую двусмысленную защиту цивилизаціи отъ покушеній бастующаго и подымающагося на борьбу рабочаго люда. Они сдѣлаютъ это много рѣшительнѣе и послѣдовательнѣе, и докажутъ совершенно логично, что прекращеніе воднаго и сухопутнаго транспорта благодаря всеобщей забастовкѣ тоже вредитъ культурѣ и должно быть отвергнуто «изъ чисто культурныхъ соображеній»...

* * *

Да, недостатокъ рѣшительности, боязнь всякаго смѣлаго шага, болѣзненный страхъ передъ отвѣтственностью — вотъ, прежде всего, тѣ черты, которыя до настоящаго времени парализуютъ силу большинства революціонеровъ, почти всѣхъ революціонныхъ организацій въ критическіе моменты. Отсюда и та «неподготовленность» руководить движеніемъ, отсюда и то вѣчное «отставаніе» организацій отъ стихійнаго хода событій, про которое говоритъ «Искра». И только слѣпой не замѣтитъ, что эта болѣзнь, которой заражена не малая часть нашей революціонной среды, есть прямое наслѣдіе того тягостнаго безвременья, когда росло и воспитывалось въ значительной своей части современное революціонное поколѣніе. Это безвременье наложило свою неизгладимую печать на многихъ и многихъ...

Слишкомъ долги и слишкомъ сѣры были тусклыя сумерки, наступившія въ нашей жизни послѣ паденія «Народной Воли». Насъ слишкомъ долго учили примиряться съ кажущейся необходимостью, и столбовой дорогѣ открытой борьбы предпочитать окольныя, узенькія, извилистыя потаенныя тропинки. Словно какой то рокъ тяготѣлъ надъ нами послѣдніе двадцать лѣтъ. И въ то время, когда старый мечтатель-еврей воображалъ насъ новыми рыцарями безъ страха и упрека, мы смиренно и робко дѣлали свое маленькое, почти «культурническое дѣло», часто не смѣя и думать о чемъ нибудь отважномъ и рѣшительномъ. Такъ учила насъ жизнь, такая же вялая и скучная, какъ предразсвѣтныя сумерки, наполненныя холодной мглой —такъ учила она насъ, неустанно разбивая всѣ наши усилія

о гранитныя стѣны самодержавія и народной забитости. Такъ учили насъ и выдвинувшіеся въ то время учители, громко проповѣдывавшіе робость мысли и дѣйствія. Удивительно ли, что мы порою привыкали мало по малу бояться всего—жизни, отвѣтственности, самихъ себя? Петербургскія стачки 1896-97 гг. и студенческое движеніе 1899 г. всколыхнули дремавшую энергію, но еще не дали увѣренности въ своихъ силахъ. И что же? Неужели съ тѣхъ поръ мы изъ года въ годъ все будемъ тщетно искать потерянную со временъ Народной Воли отвагу? Времена успѣли рѣзко перемѣниться, жизнь опередила насъ, опередила выстрѣлами Карповича и Лекерта, опередила обуховскимъ сраженіемъ, полтавскимъ и харьковскимъ крестьянскимъ движеніемъ, златоустовской бойней, ростовской стачкой... Историческій ростъ революціонизированія массъ шелъ гигантскими шагами впередъ. Неужели же у кого нибудь поднимется голосъ за то, чтобы мы застыли на одномъ мѣстѣ и продолжали едва брести въ хвостѣ приближающейся революціи? Народъ открыто, со знаменемъ въ рукахъ выходитъ на улицу — а мы, не освободившись отъ вліянія школы тусклаго оппортунизма переходнаго времени, не съумѣемъ взяться за важное и насущное дѣло?

Насъ еще слишкомъ часто страшитъ первый шагъ. Но кто же еще не понимаетъ, что многіе, разстрѣлянные безоружными на мостовой, предпочли бы умереть съ оружіемъ въ рукахъ—въ уличной схваткѣ или на баррикадѣ, въ открытомъ нападеніи строя на строй или въ героическомъ единоборствѣ? Отъ насъ самихъ, отъ нашей энергіи, умѣнья и отваги, зависитъ сплотиться въ боевую армію и повернуть какъ бы остановившееся на мертвой точкѣ колесо исторіи. Пусть открытая борьба на первыхъ своихъ стадіяхъ можетъ быть подавлена свинцомъ и кровью. Но сочтите, сколькихъ жертвъстоитъ народу его молчаливый протестъ! Пусть порохъ и ружья еще нетронутыхъ арсеналовъ не завоюютъ ему свободы въ первой же смѣлой попыткѣ — но вѣдь надо же когда нибудь начинать, и лучше умирать съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ погибать, спасаясь бѣгствомъ отъ шальной пули озвѣрѣвшаго солдата...

Это—простыя и старыя истины. Къ несчастію, онѣ и до сихъ поръ слишкомъ часто и слишкомъ прочно забываются. Но вѣдь только смѣлымъ принадлежитъ будущее, и пока мужественный девизъ Рыдѣева «дерзайте» не найдетъ себѣ отклика въ нашихъ сердцахъ, старый еврей напрасно будетъ мечтать о красныхъ богатыряхъ революціи:—революцію—безъ насъ—совершитъ народъ, а мы, сознательные революціонеры... мы будемъ «позади движенія».

Августъ, 1903 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

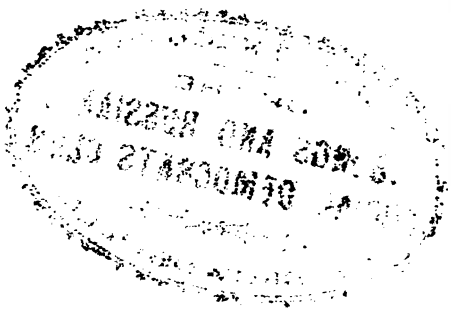
Предлагаемый *первый* выпускъ сборника «По вопросамъ программы и тактики» посвященъ главнымъ образомъ всестороннему разсмотрѣнію очередныхъ *тактическихъ* задачъ соціально-революціонной партіи въ Россіи.

Читатель найдетъ здѣсь статьи о методахъ работы среди городскихъ рабочихъ («Прежде и теперь», «Рабочее движеніе и наши тактическія задачи»), среди крестьянства («Наши задачи въ деревнѣ»), среди интеллигенціи и молодежи («Студенчество и революція», «Къ учащейся молодежи»); затѣмъ статьи, посвященныя вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между тремя этими элементами революціоннаго движенія («Соціальдемократы и соціалисты-революціонеры»). Особая серія статей посвящена наиболѣе спорному вопросу тактики — вопросу о политическомъ терроръ, его отношеніи къ массовому движенію, къ демонстраціямъ, вопросу о вооруженномъ отпорѣ во время самыхъ демонстрацій. Далѣе идетъ отношеніе наше къ другимъ силамъ, могущимъ хотя отчасти поддержать соціально-революціонную партію въ ея борьбѣ съ господствующимъ режимомъ въ Россіи. Это—статьи о нашемъ отношеніи къ русскимъ либераламъ, къ угнетеннымъ царскимъ правительствомъ національностямъ и, наконецъ, статья о шансахъ революціонной работы въ войскѣ. Наконецъ, послѣднія статьи — «По поводу ростовскихъ событій», «Всеобщая стачка» и «Итоги послѣднихъ событій» — пытаются взвѣсить всю сумму силъ и средствъ борьбы революціонной арміи и разсмотрѣть вопросъ о возможномъ координированіи ихъ для рѣшительнаго натиска на самодержавіе.

Почти всѣ эти статьи въ разное время были уже напечатаны въ «Р[illegible]ол. Россіи». Для настоящаго выпуска онѣ пересмотрѣны. Мѣстами сглажены шероховатости, неизбѣжныя при спѣшной газетной работѣ, кос-гдѣ добавлены недостающіе штрихи, кое-гдѣ выпущены полемическіе эпизоды, имѣвшіе временный или недостаточно общій характеръ.

Слѣдующіе выпуски сборника будутъ посвящены: 1) аграрному вопросу и аграрной программѣ русскихъ соціалистическихъ партій и 2) теоретическимъ вопросамъ соціально-революціонаго міровоззрѣнія.

—



Россійская Соціальдемократическая Рабочая

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

меди-
кус-

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА

Серія I. Выпускъ II.

№ 41

JOINT EXECUTIVE OF THE BUNDS AND RUSSIAN SOCIAL DEMOCRATS CLUB

РАЗВИТІЕ НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА

ФР. ЭНГЕЛЬСА

BROOKLYN

Переводъ съ нѣмецкаго В. Засуличъ
съ предисловіемъ Г. Плеханова

СЪ ТРЕМЯ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Изданіе третье

Заграничн. Лиги Русск. Революціонной Соціальдемократіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Лиги, Route Caroline, 27.
1902

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русскій переводъ брошюры Энгельса: „**Развитіе научнаго соціализма**“ выходитъ теперь третьимъ изданіемъ. Второе вышло въ 1892 году. Въ то время въ международной соціалистической литературѣ еще не высказывалось мнѣній, согласно которымъ соціалистическая теорія вообще не можетъ называться научной. Теперь такія мнѣнія высказываются очень громко и не остаются безъ вліянія на нѣкоторую часть читателей. Поэтому мы считаемъ своевременнымъ разсмотрѣть здѣсь вопросъ о томъ, **что такое научный соціализмъ и въ чемъ онъ отличается отъ утопическаго.**

Но сначала послушаемъ одного изъ гг. „критиковъ“.

Въ рефератѣ, прочитанномъ 17-го мая 1901 г. въ „Берлинскомъ студенческомъ союзѣ для изученія общественной науки“ (Sozialwissenschaftlicher Studentenverein zu Berlin) г. Бернштейнъ поставилъ передъ собою тотъ же самый вопросъ, хотя иначе формулированный: „Возможенъ ли научный соціализмъ?“ (Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich)? Въ результатѣ своего изслѣдованія онъ пришелъ къ отрицательному отвѣту. По его словамъ, никакой „измъ“ не можетъ быть наукой: „измомъ обозначается міросозерцаніе, тенденція, система мыслей или требованій, а вовсе не наука. Основа всякой истинной науки есть опытъ, она строитъ свое зданіе на накопленномъ знаніи. Соціализмъ же есть ученіе о будущемъ общественномъ порядкѣ, и именно поэтому его наиболѣе характерная черта не можетъ быть установлена научно“*).

Такъ ли это? Посмотримъ.

Прежде всего поговоримъ объ отношеніи между „измами“ и наукой. Если бы г. Бернштейнъ былъ правъ, говоря, что никакой „измъ“ наукой быть не можетъ, то ясно, что, напримѣръ, дарвинизмъ тоже не „наука“. Но въ такомъ случаѣ что же такое дарвинизмъ? Ес-

*) Ed. Bernstein, Wie ist wissenschaftlicher Sozialismus möglich? Berlin 1901, s. 35.

Мы захотимъ остаться вѣрны теоріи г. Бернштейна, то мы должны будемъ отнести это ученіе къ числу „системъ мыслей“. Но развѣ система мыслей не можетъ быть наукой и развѣ наука не есть система мыслей? Г. Бернштейнъ, очевидно, думаетъ, что — нѣтъ. Но онъ такъ думаетъ просто по недоразумѣнію, просто потому, что въ его собственной „системѣ мыслей“ царствуетъ страшный безпорядокъ.

Что наука строитъ свое зданіе на основѣ опыта, это извѣстно теперь каждому толковому школьнику. Но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ. Онъ состоитъ въ томъ, что же именно строитъ наука на основѣ опыта? А на это возможенъ только одинъ отвѣтъ: на основѣ опыта наука строитъ извѣстныя обобщенія („системы мыслей“), которыя въ свою очередь ложатся въ основу извѣстнаго предвидѣнія явленій. Но предвидѣніе относится къ будущему времени. Поэтому далеко не всякое соображеніе о будущемъ лишено научной основы.

Если справедлива та старая мысль, что настоящее беременно будущимъ, то научное изученіе настоящаго должно дать намъ возможность судить о будущемъ не на основаніи какихъ нибудь таинственныхъ пророчествъ или какихъ нибудь произвольныхъ и отвлеченныхъ разсужденій, а именно на основаніи „опыта“, на основаніи знаній, накопленныхъ наукой.

Если бы г. Бернштейнъ хотѣлъ серьезно вдуматься въ поставленный имъ себѣ вопросъ о возможности научнаго соціализма, то онъ долженъ былъ бы прежде всего рѣшить, справедлива, или не справедлива указанная нами мысль въ примѣненіи къ общественнымъ явленіямъ. Самое непродолжительное размышленіе показало бы ему, что въ этомъ случаѣ она не менѣе справедлива, чѣмъ во всѣхъ прочихъ. Убѣдившись въ этомъ, ему надо было разсмотрѣть, обладаетъ ли современная общественная наука такимъ запасомъ свѣдѣній о нынѣшнихъ общественныхъ отношеніяхъ, пользуясь которыми она была бы въ состояніи предвидѣть характеръ будущаго общественнаго порядка. Если бы онъ увидѣлъ, что такого запаса нѣтъ и никогда не будетъ, то вопросъ о возможности научнаго соціализма самъ собою рѣшился бы въ отрицательномъ смыслѣ. А если бы г. Бернштейнъ убѣдился въ томъ, что такой запасъ или уже существуетъ, или можетъ быть накопленъ современемъ, то онъ неизбѣжно пришелъ бы къ положительному рѣшенію названнаго вопроса. Но какъ бы онъ ни рѣшилъ этотъ вопросъ, ему хорошо выяснилось бы тогда то, что,—благодаря ошибочному пріему изслѣдованія,—до сихъ поръ остается у него въ ту-

манѣ нескладной и непродуманной „системы мысл
дѣлъ бы, что невозможность существованія научнаг
можетъ быть доказана только въ томъ случаѣ, если с
видной невозможность научнаго предвидѣнія обществе
леній, т. е. что до рѣшенія вопроса о возможности науч
ализма надо предварительно рѣшить вопросъ о возможно
альной науки вообще. А увидѣвъ это, г. Бернштейнъ увидѣлъ бы, можетъ быть, и то, что взятый имъ предметъ представляетъ собою „дистанцію огромнаго размѣра“, и что для его выясненія не много сдѣлаетъ тотъ, кто не имѣетъ другихъ средствъ анализа, кромѣ безтолковаго противоположенія науки „измамъ“.

Впрочемъ, мы несправедливы къ нашему автору. Имѣющіяся у него средства анализа не ограничиваются такимъ различеніемъ. Вотъ, напримѣръ, на стр. 33-34 его реферата мы встрѣчаемъ еще ту мысль, что наука не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ познанія, между тѣмъ, какъ „политическая и соціальная доктрины“ стремятся разрѣшить извѣстныя практическія задачи. Во время споровъ, которыми сопровождалось чтеніе реферата г. Бернштейна, кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ ему по поводу этой мысли, что медицина задается практической цѣлью лѣченія, а между тѣмъ она должна быть признана наукой. На это нашъ референтъ отвѣтилъ, что лѣченіе есть задача медицинскаго искусства, которое во всякомъ случаѣ предполагаетъ основательное знаніе медицинской науки; но медицинская наука сама по себѣ стремится не къ лѣченію, а къ изученію средствъ и условій лѣченія. Къ этому г. Бернштейнъ прибавляетъ, что „если мы возьмемъ это различеніе понятій за образецъ (als typisches Muster), то мы безъ труда опредѣлимъ въ самыхъ сложныхъ случаяхъ, гдѣ кончается наука и гдѣ начинается искусство или доктрина“*).

Мы беремъ за образецъ рекомендуемое г. Бернштейномъ „различеніе понятій“ и разсуждаемъ такъ: въ соціализмѣ, какъ и въ медицинѣ, надо различать двѣ стороны: науку и искусство. Соціализмъ, какъ наука, изучаетъ средства и условія соціалистической революціи, а соціализмъ, какъ „доктрина“ или какъ политическое искусство, стремится совершить названный переворотъ, опираясь на пріобрѣтенное знаніе. И мы прибавляемъ, что если г. Бернштейнъ возьметъ за „типическій образецъ“ различеніе, сдѣланное нами по его же примѣру, то онъ безъ труда пойметъ, гдѣ именно кончается въ соціалистической системѣ наука, и гдѣ начинается доктрина или искусство.

*) Ibid., s. 34, примѣчаніе.

Робертъ Оуэнъ, обращаясь къ „британской публикѣ“ въ одномъ изъ воззваній, служащихъ предисловіемъ къ его книгѣ „New views of society or Essays upon the formation of human character“ (Новый взглядъ на общество или опыты объ образованіи человѣческаго характера), говоритъ:

„Я обращаюсь къ вамъ, друзья и соотечественники. потому что ваши величайшіе и важнѣйшіе интересы тѣсно связаны съ предметами, разсматриваемыми въ предлагаемыхъ опытахъ. Вы найдете въ нихъ описаніе существующихъ золъ и предложенеі средствъ ихъ исцѣленія.... Благодѣтельныя измѣненія требуютъ основательно обдуманныхъ и хорошо составленныхъ плановъ.... Однако, большимъ успѣхомъ является уже указаніе причины зла. Ближайшимъ послѣ этого шагомъ должно быть отысканіе лѣкарства.... Дѣломъ моей жизни было именно его отысканіе и его практическое испытаніе; и такъ какъ я нашелъ такое лѣкарство, которое, какъ показываетъ опытъ, совершенно надежно въ своемъ примѣненіи и совершенно несомнѣнно по своему дѣйствію, то я имѣю теперь сильное желаніе дать вамъ воспользоваться его благодѣяніями. Но будьте увѣрены въ томъ, что принципы, на которыхъ основывается этотъ „новый взглядъ на общество“, вѣрны, что за ними не скрывается никакой ошибки и что къ ихъ обнародованію подвинули меня совершенно чистыя побужденія“ и т. д.*).

Эти слова даютъ намъ полную возможность анализировать ходъ мысли великаго англійскаго соціалиста съ точки зрѣнія предлагаемаго г. Бернштейномъ „различенія понятій“: ясно, что Р. Оуэнъ началъ съ изученія существующихъ золъ и съ обнаруженія ихъ причины. Эта часть его работы соотвѣтствуетъ тому, что въ медицинѣ называется этіологіей. Затѣмъ онъ перешелъ къ изученію средствъ и условій лѣченія интересовавшей его общественной болѣзни. Найдя лѣкарство, показавшееся ему очень дѣйствительнымъ, онъ сталъ подвергать его практическому испытанію. Это можно назвать его терапевтикой. Только послѣ того, какъ его опыты дали вполнѣ удовлетворительные результаты, онъ рѣшился предложить его всей „британской публикѣ“, т. е. другими сло-

*) Не имѣя подъ руками англійскаго подлинника, мы цитируемъ по нѣмецкому переводу профессора Освальда Колльмана, вышедшему въ Лейпцигѣ въ 1900 г. подъ заглавіемъ: Eine neue Auffassung der Gesellschaft. Vier Aufsätze über die Bildung des menschlichen Charakters, als Einleitung zu der Entwicklung eines Planes, die Lage der Menschheit allmählich zu verbessern. Цитированное нами мѣсто находится на стр. 6.

вами, взяться за медицинскую практику. Прежде онъ занимался медицинской наукой теперь онъ сталъ практиковать медицинское искусство. Тутъ — полная параллель, и разъ г. Бернштейнъ допускаетъ возможность существованіе науки медицины, то онъдолженъ,—разумѣется, въ томъ только случаѣ, если онъ хочетъ остаться вѣрнымъ своему собственному „различенію, понятій"—признать также и возможность существованія науки соціализма. Тотъ же самый ходъ изслѣдованія, который мы подмѣтили у Роберта Оуэна на основаніи его собственныхъ словъ, легко можетъ быть подмѣченъ и у современныхъ ему французскихъ соціалистовъ. Для примѣра укажемъ хоть на Фурье. Онъ говорилъ, что онъ принесъ людямъ искуство быть богатыми и счастливыми. Эта часть его доктрины соотвѣтствуетъ врачебному искусству Но на чемъ основывалъ онъ эту практическую часть своего ученія? На *законахъ нравственнаго притяженія*, которые, по его словамъ, оставались неизвѣстными людямъ, пока онъ не открылъ ихъ, наконецъ, послѣ долгаго и внимательнаго изслѣдованія. Тутъ мы имѣемъ дѣло уже не съ искусствомъ, а съ теоріей, съ „приведеннымъ въ систему знаніемъ", т. е. съ наукой. И Фурье настойчиво повторялъ, что его искусство основывается на его научныхъ открытіяхъ*). Само собою разумѣется, что г. Бернштейнъ ни мало не обязанъ придавать этимъ открытіямъ такое же большое значеніе, какое они имѣли въ глазахъ самого Фурье или его школы, но это не измѣняетъ дѣла. Г. Бернштейнъ, конечно, не считаетъ себя обязаннымъ вѣрить въ безошибочность всѣхъ медицинскихъ теорій нашего времени; но это не помѣшало ему придти къ убѣжденію въ томъ, что иное дѣло медицинское искусство, а иное дѣло медицинская наука, и что существованіе медицинскаго искусства не только не исключаетъ существованія медицинской науки, но наоборотъ, предполагаетъ его, какъ свое необходимое условіе Почему въ соціализмѣ невозможно такое же соотношеніе между искусствомъ и наукой? Почему существованіе соціализма, какъ соціально-политической „доктрины", исключаетъ существованіе соціализма, какъ науки?

На эти вопросы г. Бернштейнъ не отвѣчаетъ. Пока онъ не отвѣтитъ на нихъ, предложенное имъ „различеніе понятій" будетъ

*) См. напримѣръ, Manuscrits de Fourier, Paris 1851, p. 4, гдѣ онъ сравниваетъ себя съ Кеплеромъ и Ньютономъ. Ср. также любое изъ тѣхъ изложеній его ученія, которыя были сдѣланы его послѣдователями. Въ каждомъ изъ нихъ практическіе планы общественнаго переустройства опираются на теоретическія открытія Фурье.

не подтверждать, а опровергать его мысль о невозможности научнаго соціализма. А отвѣтить на нихъ онъ не можетъ по той простой причинѣ, что ему на нихъ нечего отвѣтить. Разумѣется, можно и должно было бы усомниться въ теоретической правомѣрности сравненія медицинскаго искусства съ соціализмомъ. Но именно въ этомъ-то нашъ авторъ и не усомнился, да и не могъ усомниться, такъ какъ его точка зрѣнія на общественную жизнь ничуть не исключаетъ подобныхъ сравненій.

Итакъ, предложенное г. Бернштейномъ „различеніе понятій“ не только не убѣдило насъ въ невозможности научнаго соціализма, но, напротивъ, предрасположило насъ къ принятію той мысли, что даже соціализмъ Р. Оуэна, Фурье и другихъ *утопистовъ* былъ, по крайней мѣрѣ отчасти, научнымъ соціализмомъ. Вслѣдствіе этого намъ становится неяснымъ то „различеніе понятій“, въ силу котораго мы до сихъ поръ полагали, что соціалистическая теорія Маркса-Энгельса сдѣлала эпоху въ исторіи соціализма. Да и не однимъ намъ неясно это „различеніе“. У г. Бернштейна тоже выходитъ, что хотя ученіе Маркса-Энгельса заключаетъ въ себѣ гораздо больше научнаго элемента, чѣмъ ученія Фурье, Оуэна и Сен-Симона, но и оно подобно имъ, хотя и въ меньшей степени заключаетъ въ себѣ, рядомъ съ элементами науки, также и элементы утопіи, а потому и различіе между ними имѣетъ скорѣе *количественный* нежели *качественный* характеръ*). Въ рефератѣ г. Бернштейна такое мнѣніе вполнѣ естественно: если научный соціализмъ вообще невозможенъ, то очевидно, что и марксизмъ есть одинъ изъ тѣхъ „измовъ“, которымъ свойственна большая или меньшая примѣсь утопіи. Но такъ какъ убѣжденіе г. Бернштейна въ невозможности научнаго соціализма основывается на такихъ посылкахъ, которыя, будучи правильно истолкованы, приводятъ къ діаметрально противоположному заключенію, т. е. заставляютъ насъ признать, что научный соціализмъ, — подобно научной медицинѣ, — вполнѣ возможенъ, то мы, не желая окончательно запутаться въ логическихъ противорѣчіяхъ г. „критика“, покидаемъ сотканную имъ нить разсужденій и, въ свою очередь, спрашиваемъ себя, чѣмъ же, наконецъ, отличается научный соціализмъ отъ утопическаго.

Чтобы отвѣтить на это, надо опредѣлить отличительные признаки обоихъ видовъ соціализма.

На страницѣ 14 предлагаемой брошюры Энгельсъ говоритъ: „Міросозерцаніе утопистовъ долго господствовало надъ соціалистиче-

*) Объ этомъ см. въ особенности стр. 21, 22, 28, 29, 30.

скими воззрѣніями XIX вѣка и, отчасти, господству всемо-
нынѣ.... Его держались всѣ англійскіе и, до недавня ть,
всѣ французскіе соціалисты, а также прежніе нѣмецкіе
ты, не исключая Вейтлинга. Соціализмъ, въ ихъ пред
есть выраженіе абсолютной истины, разума и справедл
нужно только открыть его, чтобы онъ собственной сило
рилъ весь міръ; а такъ какъ абсолютная истина не зависитъ отъ времени, пространства и историческаго развитія человѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта".

По поводу этого мѣста г. Бернштейнъ упрекаетъ Энгельса въ преувеличеніи: „я не могу согласиться съ нимъ, — замѣчаетъ онъ,—когда онъ говоритъ, что по ихъ (соціалистовъ-утопистовъ) мнѣнію время и мѣсто открытія найденныхъ имъ истинъ было дѣломъ независимой отъ историческаго развитія случайности. Будучи высказано въ такой общей формѣ это положеніе невѣрно изображаетъ ихъ взглядъ на исторію." *)

Если бы г. Бернштейнъ далъ себѣ трудъ получше ознакомиться съ литературой утопическаго соціализма и поглубже вдуматься въ основные историческіе взгляды соціалистовъ-утопистовъ, то онъ и самъ увидѣлъ бы, что въ словахъ Энгельса нѣтъ и тѣни преувеличенія.

Фурье былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что ему удалось открыть законы нравственнаго тяготѣнія, но онъ никогда не умѣлъ взглянуть на свою теорію какъ на плодъ общественнаго развитія Франціи. Онъ самъ не разъ съ удивленіемъ спрашиваетъ себя, почему люди не пришли нѣсколькими столѣтіями или даже тысячелѣтіями раньше къ тѣмъ открытіямъ, которыя ему удалось, наконецъ, сдѣлать. И онъ могъ себѣ отвѣтить только ссылкой на ослѣпленіе людей, да на силу случайности. По этому поводу онъ даже написалъ очень характерное разсужденіе о „тиранніи случая", гдѣ онъ доказываетъ, что „эта колоссальная и презрѣнная сила почти всецѣло обусловливаетъ собою всѣ открытія."**) По его словамъ, онъ самъ принесъ ей большую дань въ своемъ „открытіи разсчета притяженія" (dans la decouverte du calcul de l'attraction). Его, какъ и Ньютона, натолкнуло на его мысль яблоко. „За это, достойное знаменитости, яблоко заплатилъ 14 су одинъ путешественникъ, обѣдавшій со

**) Ibid., s. 30, примѣчаніе.

*) Les manuscrits de Fourier, p. 14. Ср. также Oeuvres complètes, t. 4, Paris 1841, pp. 3. 4, 5.

не [illegible] въ Парижѣ въ ресторанѣ Февріе. Я только что пріѣхалъ тогда изъ мѣстности, въ которой такія же и даже лучшія яблоки продавались по полъ-ліярда, т. е. менѣе четырнадцати су за сотню. Эта разница цѣнъ въ двухъ мѣстностяхъ одинаковаго климата поразила меня очень сильно и навела на мысль о томъ, что въ промышленномъ механизмѣ есть коренной недостатокъ; отсюда возникли тѣ изслѣдованія, которыя по прошествіи четырехъ лѣтъ привели меня къ открытію теоріи серій промышленныхъ группъ, а послѣ того и законовъ всеобщаго движенія, не замѣченныхъ Ньютономъ... Впослѣдствіи я нашелъ, что можно насчитать четыре яблока, изъ которыхъ два прославились причиненными ими несчастіями (яблоко Адама и яблоко Париса), а другія два сдѣлались знамениты благодаря тому, что обогатили науку. Не заслуживаетъ-ли особой страницы въ исторіи эта четверка знаменитыхъ яблокъ?"*)

Это, кажется, уже и само по себѣ довольно выразительно. Но это еще не все. Въ теоріи Фурье случай играетъ еще болѣе широкую роль, чѣмъ та, которую ему можно отвести на основаніи наивныхъ мыслей о четырехъ яблокахъ: случаемъ опредѣляется въ этой теоріи все историческое развитіе человѣческихъ взглядовъ и вся судьба человѣческихъ предразсудковъ. Если люди такъ долго упорствовали въ своемъ восхищеніи передъ цивилизаціей — говоритъ Фурье, — то это произошло потому, что никто не послѣдовалъ совѣту Бэкона и не сдѣлалъ критическаго анализа пороковъ и недостатковъ каждой профессіи."**) А почему никто не послѣдовалъ совѣту Бэкона? Очень просто: потому, что не произошло такого случая, который навелъ бы людей на мысль о томъ, что надо ему послѣдовать. Нынѣшній порядокъ вещей, который самъ есть лишь исключеніе изъ общаго правила, лишь отклоненіе отъ истинной судьбы человѣчества, оказался гораздо болѣе продолжительнымъ, чѣмъ слѣдовало, благодаря „легкомыслію софистовъ, позабывшихъ, что имъ надо вдуматься въ общія цѣли Провидѣнія (oublièrent de spéculer sur l'universalité de la Providence), отыскать тотъ сводъ законовъ, который оно должно было составить для человѣческихъ отношеній."†)

Послѣ этого читатель можетъ самъ судить, заключается ли въ приведенныхъ нами выше словахъ Энгельса хоть капля преувеличенія.

*) Ibid. p. 17.
**) Oeuvres complétes, t. 4, p. 121.
†) Manuscrits de Fourier ,p. 78.

У другихъ великихъ утопистовъ вѣра въ историческое всемогущество случайности не такъ ярко выражена и, можетъ быть, не такъ велика, какъ у Фурье. Но до какой степени она сильна даже у самаго трезваго изъ нихъ, у Роберта Оуэна, показываетъ тотъ простой фактъ, что онъ со своими соціалистическими планами обращался къ сильнымъ міра сего, существенно заинтересованнымъ въ поддержаніи эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Такое обращеніе очень плохо согласовалось со всѣмъ ученіемъ Р. Оуэна объ образованіи человѣческаго характера. По прямому и ясному смыслу этого ученія выходитъ, что сильные міра сего ни коимъ образомъ не могутъ взять на себя иниціативу устраненія того самаго общественнаго порядка, подъ вліяніемъ котораго складываются ихъ собственные взгляды, и съ существованіемъ котораго тѣсно связаны ихъ насущнѣйшіе интересы. И тѣмъ не менѣе Робертъ Оуэнъ*) неустанно и заботливо, съ помощью подробныхъ разсчетовъ, точныхъ плановъ и прекрасныхъ чертежей, объяснялъ европейскимъ монархамъ, въ чемъ состоитъ „раціональная“ общественная система. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ и всѣ соціалисты-утописты, былъ роднымъ братомъ великихъ французскихъ просвѣтителей, у которыхъ (главнымъ образомъ у Гельвеція) онъ почти цѣликомъ заимствовалъ свое ученіе объ образованіи человѣческаго характера, и которые, подобно ему, съ упорствомъ, вполнѣ достойнымъ несравненно лучшей участи, объясняли коронованнымъ „законодателямъ“, какъ и чѣмъ можетъ быть обезпечено счастье человѣчества. Они краснорѣчиво громили „деспотовъ“ и они же упорно возлагали свои упованія на просвѣщенный деспотизмъ. Это противорѣчіе било въ глаза и, разумѣется, не ускользнуло отъ ихъ собственнаго вниманія. Всѣ они сознавали его одни съ большею, другіе съ меньшею ясностью и всѣ они утѣшали себя *именно надеждой на случайность*. Вообразите, что у васъ есть большая урна, въ которой находится очень много черныхъ шаровъ и два-три бѣлыхъ, и что вы вынимаете шаръ за шаромъ. Нечего и говорить, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ у васъ гораздо меньше шансовъ вынуть бѣлый шаръ, нежели черный. Но, повторивъ эту операцію достаточное число разъ, вы непремѣнно вынете, наконецъ, и бѣлый. То же и съ коронованными „за-

*) См. напримѣръ, его сочиненіе „A Development of the Principles and Plans on which to etablih self-supporting Home-coloniess, etc., London 1841, а также и особенно введеніе въ его автобіографію: The Life of Robert Owen, Written by himself. Vol. I, London, 1857.

конодателями". Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ гораздо больше шансовъ найти на престолѣ плохого „законодателя", чѣмъ хорошаго. Но явится же, наконецъ, и хорошій. Этотъ сдѣлаетъ все, что предписываетъ „философія", и тогда восторжествуетъ разумъ.

Такъ смотрѣли французскіе просвѣтители, и этотъ, въ сущности глубоко пессимистическій взглядъ, *равносильный признанію полной безпомощности ихъ „философіи"*, находился въ тѣсной причинной связи съ ихъ общимъ историческимъ воззрѣніемъ. Извѣстно, что даже тѣ французскіе просвѣтители 18-го столѣтія, которые были убѣжденными *матеріалистами*, держались *идеалистическаго взгляда на исторію*. Коренной причиной историческаго движенія они считали развитіе знаній и вообще умственное развитіе человѣчества. И въ этомъ отношеніи съ ними совершенно сходились соціалисты-утописты. Такъ, напримѣръ, Р. Оуэнъ говоритъ что царствующее въ обществѣ зло порождается ошибочнымъ взглядомъ людей на образованіе человѣческаго характера, а этотъ ошибочный взглядъ съ своей стороны обусловливается тѣмъ, что *люди не знаютъ своей собственной природы**). Сообразно съ этимъ и устраненія общественнаго зла надо было ожидать единственно отъ распространенія между людьми правильнаго пониманія ихъ природы. Р. Оуэнъ былъ непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что такое пониманіе непремѣнно распространится между ними. „Человѣкъ созданъ для того, чтобы пріобрѣсти знанія посредствомъ опыта и счастье путемъ подчиненія законамъ своей собственной природы", писалъ онъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти**). Но вѣдь опытъ и есть знаніе. Чѣмъ же обусловливается его, болѣе или менѣе быстрое накопленіе? Почему въ теченіе одной исторической эпохи человѣчество пріобрѣтаетъ огромныя сокровища знанія, а въ теченіе другой, часто несравненно болѣе продолжительной, оно прибавляетъ къ ихъ старому запасу лишь совершенно ничтожныя крохи, а иногда теряетъ и самый запасъ? На этотъ вопросъ, въ высшей степени важный для научнаго объясненія историческихъ явленій, Оуэнъ не отвѣчалъ и не могъ отвѣтить. *На него вообще не отвѣчаютъ и не могутъ от-*

---

*) См. Neue Auffassung etc. SS. 65-66; впрочемъ, эта мысль повторяется рѣшительно во всѣхъ его сочиненіяхъ.

**) См. чрезвычайно интересную его замѣтку, озаглавленную: On the absolute necessity, in the nature of things, for the attainment of Happiness, that the system of Falshood and Evil should precede the system of truth and Good", въ приложеніи къ первому тому его автобіографіи, вышедшемъ въ видѣ отдѣльной книги, pp. XXX-XXXIII.

вѣтить люди, держащіеся идеалистическаго взгляда, это понятно. Чтобы отвѣтить на него, имъ надо бы нить, чѣмъ обусловливается умственное развитіе т. е., стало быть, взглянуть на это развитіе *не какъ причину историческаго процесса, а какъ на слѣдствіе же лежащей причины*, что было бы равносильно *приз стоятельности идеалистическаго пониманія* исторіи. То ...ще не пришелъ къ такому признанію, непремѣнно долженъ отводить случайности очень широкое мѣсто въ своихъ объясненіяхъ историческихъ событій и въ своихъ соображеніяхъ о будущемъ. **Случайность** объясняетъ ему все то, чего онъ не можетъ объяснить *сознательной дѣятельностью* историческихъ лицъ. *Ссылка на нее представляетъ собою первый, безсознательный и невольный шагъ къ признанію того, что развитіе человѣческаго сознанія обусловливается причинами, отъ него независящими.* Вотъ почему просвѣтители 18-го столѣтія и соціалисты-утописты такъ часто ссылались на случайность. „Четыре яблока“ Фурье также смѣшны теперь какъ и наполненная шарами „урна“ французскихъ просвѣтителей. Но и „урна“, и „яблоки“ имѣли свое достаточное основаніе въ особенностяхъ идеалистическаго взгляда на исторію, а политическіе и соціальные реформаторы и революціонеры, придерживавшіеся такого взгляда, должны были чаще другихъ обывателей аппелировать и къ „урнѣ“, и къ „яблокамъ“, и еще къ великому множеству всякихъ другихъ неожиданностей. Въ самомъ дѣлѣ, если историческій процессъ **накопленія** знаній обусловливается въ послѣднемъ счетѣ рядомъ случайныхъ явленій, не имѣющихъ необходимой связи съ ходомъ общественной жизни и съ развитіемъ общественныхъ отношеній, то всякій отдѣльный вкладъ въ общую сокровищницу знаній, каждое открытіе, дѣлаемое тѣмъ или другимъ мыслителемъ,—а въ томъ числѣ и авторомъ того или другого плана общественнаго переустройства, — неизбѣжно должно представляться подаркомъ случайности. А если отъ случайности зависитъ **открытіе** истины, то той же „колоссальной и презрѣнной силѣ“ подчинено и ея **распространеніе**, ея болѣе или менѣе быстрое воплощеніе въ общественную жизнь Отсюда — удивляющія насъ теперь заигрыванія просвѣтителей и соціалистовъ-утопистовъ съ сильными міра сего. **Практика** соотвѣтствовала у нихъ **теоріи**, „искусство“ — „наукѣ“.

Правда, у соціалистовъ-утопистовъ уже замѣчается подчасъ сильное *недовольство теоріей, унаслѣдованной ими отъ просвѣтителей*, стремленіе выйти изъ узкаго круга **идеализма** и стать на болѣе *реальную почву. Они стараются создать общественную науку*.

конодатъ всѣ ихъ „*открытія*“. Нѣкоторыя изъ этихъ открытій замѣчательны, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Они проливали яркій свѣтъ на многія важнѣйшія стороны историческаго процесса, — напримѣръ, на роль борьбы классовъ въ новѣйшей исторіи западно-европейскихъ обществъ*), — и тѣмъ подготовляли научное объясненіе общественныхъ явленій. Но они именно только подготовляли его. Историческій идеализмъ, на точкѣ зрѣнія котораго стояли всѣ соціалисты первой половины девятнадцатаго вѣка, очень затруднялъ выработку научнаго взгляда на общественную жизнь. Научному объясненію поддаются только закономѣрныя явленія. Закономѣрность явленій предполагаетъ подчиненіе ихъ закону необходимости, а историческій идеализмъ разсматриваетъ историческое движеніе почти исключительно какъ продуктъ сознательной и, слѣдовательно, свободной дѣятельности людей. Пока не было устранено это противорѣчіе, научное объясненіе общественной жизни оставалось невозможнымъ. А соціалисты того времени не только не разрѣшали этого противорѣчія, но не умѣли даже формулировать его съ надлежащей точностью. Ясное сознаніе и точную формулировку его впервые дала нѣмецкая философія въ лицѣ Шеллинга.

Шеллингъ показалъ, что свобода человѣческихъ дѣйствій не только не исключаетъ необходимости, но напротивъ предполагаетъ ее, какъ свое условіе**). Эта глубокая мысль Шеллинга была основательно и подробно развита въ сочиненіяхъ Гегеля. Въ переводѣ на обыкновенный языкъ она означаетъ, что дѣятельность человѣка можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ: во первыхъ, онъ выступаетъ передъ нами, какъ причина тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій. По скольку онъ сознаетъ себя такой причиной, постольку онъ полагаетъ, что отъ него зависитъ вызвать эти общественныя явленія или не вызвать ихъ. И постольку онъ считаетъ свою дѣятельность сознательной и свободной. Но человѣкъ, выступающій передъ нами въ качествѣ причины даннаго общественнаго явленія, можетъ и долженъ быть разсматриваемъ съ другой стороны, какъ слѣдствіе тѣхъ общественныхъ явленій, которыя своимъ вліяніемъ опредѣлили складъ его характера и направленіе его воли. Разсматриваемый какъ слѣдствіе,

*) См. наше предисловіе къ Манифесту Коммунистической Партіи.

**) System des transcendentalen Idealismus, Tübingen 1800, ss. 422 и слѣд. ср. Н. Бельтова: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“, стр. 105 и слѣд.

общественный человѣкъ не можетъ считаться свободнымъ лемъ, потому что *не отъ его воли зависѣли тѣ обстоятел которыя опредѣлили собою ея движеніе.* Стало быть, теперь его тельность представляется намъ, какъ подчиненная закону необхо сти, т. е. закономѣрная дѣятельность. Такимъ образомъ выходитъ, что свобода вовсе не исключаетъ необходимости. Знаніе этой истины очень важно потому, что она — и только она — открываетъ намъ путь къ научному объясненію общественной жизни. Мы уже знаемъ, что научному объясненію поддаются только тѣ явленія, которыя подчинены закону необходимости. Если бы общественный человѣкъ могъ быть извѣстенъ намъ лишь какъ причина общественныхъ явленій, то его дѣятельность была бы доступна нашему представленію лишь со стороны своей свободы, и потому она навсегда осталась бы недоступной для научнаго объясненія. Просвѣтители 18-го и соціалисты 19-го столѣтія, — въ своихъ разсужденіяхъ объ исторіи, — смотрѣли на общественнаго человѣка только какъ на причину общественныхъ явленій. Это происходило потому, что они держались идеалистическаго взгляда на исторію: кто видитъ въ умственномъ развитіи самую глубокую причину историческаго движенія, тотъ принимаетъ въ соображеніе только сознательную дѣятельность людей, а сознательная дѣятельность и есть та дѣятельность, которую мы называемъ свободной*).

Необходимость не исключаетъ свободы. Мало того: сознательная и въ этомъ смыслѣ свободная дѣятельность людей возможна только потому, что ихъ дѣйствія необходимы. Это можетъ показаться парадоксомъ, но это безусловная истина. Если бы дѣйствія людей не были необходимы, то ихъ невозможно было бы предвидѣть, а тамъ, гдѣ невозможно никакое предвидѣніе, нѣтъ мѣста и для свободной дѣятельности въ смыслѣ сознательнаго вліянія на окружающую жизнь**). Такимъ образомъ необходимость оказывается залогомъ свободы.

---

*) „Необходимость, въ ея противоположности свободѣ, есть именно безсознательное", справедливо говоритъ Шеллингъ. (L. cit., s. 424).

**) „Я могъ бы предвидѣть ихъ (поступки моихъ согражданъ) только при томъ условіи, если бы я могъ разсматривать ихъ, какъ и всѣ другія явленія окружающаго меня міра, т. е. какъ необходимыя слѣдствія опредѣленныхъ причинъ, которыя уже извѣстны или могутъ быть извѣстны мнѣ. Иначе сказать, моя свобода не была бы пустымъ словомъ только въ томъ случаѣ, если бы ея сознаніе могло сопровождаться пониманіемъ причинъ, вызывающихъ свободные поступки моихъ ближнихъ, т. е. если бы я могъ раз-

Все это хорошо выяснили еще великіе нѣмецкіе идеалисты, и поскольку они въ своихъ сужденіяхъ объ общественной жизни держались этой точки зрѣнія, постольку они стояли на твердой почвѣ науки. Но именно потому, что они были идеалистами, они не могли надлежащимъ образомъ воспользоваться своими собственными геніальными мыслями. Правда, ихъ философскій идеализмъ не былъ необходимо связанъ съ *идеалистическимъ взглядомъ на исторію*. Гегель замѣчаетъ въ своихъ „Чтеніяхъ по философіи исторіи", что хотя, конечно, разумъ правитъ міромъ, но онъ правитъ имъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ онъ управляетъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, т. е. въ смыслѣ законосообразности. Небесныя свѣтила движутся по опредѣленнымъ законамъ, но движеніе ихъ остается безсознательнымъ. Такъ же совершается, по Гегелю, и историческое движеніе человѣчества: оно подчинено извѣстнымъ законамъ, но люди не знаютъ этихъ законовъ, и потому можно сказать, что историческое движеніе безсознательно. Люди ошибаются, думая, что ихъ идеи служатъ главнымъ факторомъ историческаго движенія. Идеи всякой данной эпохи сами опредѣляются характеромъ этой эпохи. При томъ же сова Минервы вылетаетъ только ночью. Когда люди начинаютъ вдумываться въ свои собственныя общественныя отношенія, тогда можно съ увѣренностью сказать, что эти отношенія уже отжили свое время и готовятся уступить мѣсто новому общественному порядку, истинный характеръ котораго выяснится людямъ только тогда, когда и ему придетъ пора сойти со сцены*).

Эти разсужденія Гегеля очень далеки отъ той наивной мысли, — составляющей сущность идеалистическаго объясненія исторіи, — что историческое движеніе обусловливается въ послѣднемъ счетѣ развитіемъ идей или, какъ выражались иногда французскіе просвѣтители, что міромъ правитъ „мнѣніе". Въ этихъ разсужденіяхъ вѣрно указывается по крайней мѣрѣ то, *чтмъ не-*

сматривать эти поступки со стороны ихъ необходимости. Совершенно то же могутъ сказать мои ближніе и о моихъ поступкахъ. А что это означаетъ? Это означаетъ, что *возможность свободной (сознательной) исторической дѣятельности всякаго даннаго лица сводится къ нулю въ томъ случаѣ, если въ основѣ свободныхъ человѣческихъ поступковъ не лежитъ доступная пониманію дѣятеля необходимость*. (Н. Бельтовъ, „Монистическій взглядъ на исторію" стр. 106).

**) Ср. Н. Бельтова, L. cit., стр. 101.

нельзя объяснить историческое движеніе. Но въ нихъ нѣтъ, разумѣется, и указанія на ихъ истинную причину. Да его и не могло въ нихъ быть. Если Гегель былъ далекъ отъ наивнаго историческаго идеализма французскихъ просвѣтителей и соціалистовъ-утопистовъ, то это нисколько не колебало идеалистической основы его системы, а эта основа не могла не помѣшать выработкѣ вполнѣ научнаго объясненія общественно-историческаго процесса. По Гегелю, въ основѣ всего мірового развитія лежитъ развитіе **абсолютной идеи.** Развитіемъ этой идеи объясняется у него въ концѣ концовъ и вся человѣческая исторія. Но что такое эта абсолютная идея? Это, — какъ очень хорошо показалъ еще Фейербахъ*) — есть лишь *олицетворенный процессъ мышленія.* Выходитъ, что міровое развитіе вообще и историческое развитіе въ частности объясняется законами человѣческой мысли или, другими словами, что исторія объясняется логикой. До какой степени неудовлетворительно такое объясненіе, можно видѣть изъ сочиненій самого же Гегеля. Историческое движеніе только тогда и становится у него понятнымъ, когда оно объясняется не логикой, а развитіемъ общественныхъ, и преимущественно экономическихъ отношеній. Такъ, когда онъ говоритъ, что Лакедемонъ палъ главнымъ образомъ вслѣдствіе *экономическаго неравенства* то это объясненіе очень понятно само по себѣ и вполнѣ соотвѣтствуетъ выводамъ новѣйшей исторической науки. Но абсолютная идея тутъ рѣшительно не при чемъ, и когда Гегель обращается къ ней для того, чтобы окончательно выяснить судьбы Греціи и Лакедемона, то онъ ровно ничего на прибавляетъ къ тому, что уже объяснено имъ указаніемъ на экономику**).

Гегель охотно повторялъ, что *идеализмъ обнаруживаетъ себя, какъ истина матеріализма.* Но его „Философія исторіи“ доказываетъ какъ разъ обратное. Изъ нея видно, что по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ исторіи *матеріализмъ долженъ быть признанъ истиной идеализма.* Чтобы окончательно проложить прямой и и вѣрный путь для научнаго объясненія общественно-историческаго процесса, изслѣдователи должны были распроститься со всѣми разновидностями идеализма и перейти на матеріалистическую точку зрѣнія. Это и было сдѣлано Марксомъ и Энгельсомъ. Выработанное ими матеріалистическое пониманіе исторіи такъ ха-

*) См. его „Grundsätze der Philosophie der Zukunft“, § 23.

**) Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей статьѣ „Zu Hegel's sechszigstem Todestag“, напечатанной въ „Neue Zeit“ за ноябрь 1891 года.

рактеризуется въ предлагаемой брошюрѣ:

„Матеріалистическое пониманіе исторіи зиждется на томъ положеніи, что производство и обмѣнъ продуктовъ служатъ основаніемъ всякаго общественнаго строя; что въ каждомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ или сословій, зависитъ отъ того, какъ и что производится этимъ обществомъ и какимъ способомъ обмѣниваются произведенные продукты. Отсюда слѣдуетъ, что коренной причины соціальныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи ими вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна; другими словами — не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Пробудившееся сознаніе неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній, убѣжденіе въ томъ, что Vernunft Unsinn, Wohlthat Plage geworden (что безумствомъ мудрость стала, зломъ — благое) служитъ лишь указаніемъ на то, что въ способахъ производства и обмѣна постепенно совершились измѣненія, настолько значительныя, что имъ не соотвѣтствуетъ болѣе общественный порядокъ, выкроенный по мѣркѣ старыхъ экономическихъ условій. Изъ сказаннаго ясно, что и средства для устраненія зла должны заключаться, — въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ, — въ самихъ измѣнившихся условіяхъ производства. Умъ человѣческій не можетъ *изобрѣсти* эти средства; онъ долженъ *открыть* ихъ въ данныхъ матеріальныхъ явленіяхъ производства".

Если пробудившееся сознаніе неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній само является слѣдствіемъ общественно-экономическаго развитія то ясно, что и въ сознательной дѣятельности людей,—которая обусловливается ихъ понятіями о разумѣ и справедливости,—можетъ быть найдена извѣстная законосообразность. Такъ какъ эта ихъ дѣятельность опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ развитіемъ экономическихъ отношеній, то, выяснивъ себѣ направленіе экономическаго развитія общества, мы тѣмъ самымъ получаемъ возможность предвидѣть, въ какую сторону должна направиться сознательная дѣятельность его членовъ. Такимъ образомъ здѣсь, какъ у Шеллинга, свобода вытекаетъ изъ необходимости, а необходимость превращается въ свободу. Но между тѣмъ, какъ Шеллингъ, вслѣдствіе идеалистическаго характера своей философіи, не пошелъ дальше общихъ, — хотя и чрезвычайно глубокихъ, — соображеній на этотъ счетъ, матеріалистическое пониманіе исторіи позволяетъ намъ воспользоваться этими общими соображеніями для изслѣдованія „живой

жизни", для научнаго объясненія всей дѣятельности общественнаго человѣка.

Давая возможность взглянуть на сознательную дѣятельность общественнаго человѣка съ точки зрѣнія ея необходимости, матеріалистическое пониманіе исторіи тѣмъ самымъ прокладываетъ соціализму путь для перехода на научную почву. Въ приведенныхъ нами строкахъ Энгельсъ говоритъ, что средства для устраненія общественнаго зла не могутъ быть изобрѣтены, т. е. придуманы какимъ нибудь геніальнымъ мыслителемъ, а должны быть открыты въ измѣнившихся экономическихъ отношеніяхъ данной эпохи. *Въ той самой мѣрѣ, въ какой возможно такое открытіе, возможенъ и научный соціализмъ.* Мы имѣемъ, стало быть, очень опредѣленный отвѣтъ на выдвинутый г. Бернштейномъ вопросъ о возможности научнаго соціализма. Правда, самъ г. Бернштейнъ какъ будто даже и не подозрѣваетъ существованія подобнаго отвѣта. Но это только доказываетъ, что этотъ господинъ совсѣмъ не понялъ основы ученія тѣхъ самыхъ людей, послѣдователемъ которыхъ онъ называлъ себя въ продолженіе почти двадцати лѣтъ.

Придумать можно то, чего совсѣмъ нѣтъ; открыть можно только то, что уже существуетъ въ дѣйствительности. Что же значитъ, поэтому, открыть въ экономической дѣйствительности средства для устраненія современнаго зла? *Это значитъ показать, что само развитіе этой дѣйствительности уже создало и создаетъ экономическую основу будущаго общественнаго порядка.*

Утопическій соціализмъ исходилъ изъ отвлеченныхъ принциповъ; научный соціализмъ беретъ за точку отправленія объективный ходъ экономическаго развитія буржуазнаго общества.

Если средства для устраненія нынѣшняго общественнаго зла не могутъ быть придуманы на основаніи общихъ соображеній о человѣческой природѣ, а должны быть открыты въ экономическихъ условіяхъ нашего времени, то ясно, что и открытіе ихъ не можетъ быть дѣломъ случая, независимымъ отъ указанныхъ условій. Нѣтъ, само это открытіе оказывается закономѣрнымъ процессомъ, доступнымъ научному изученію.

Основное положеніе матеріалистическаго объясненія исторіи гласитъ, что мышленіе людей опредѣляется ихъ бытіемъ или что въ процессѣ историческаго движенія ходъ развитія идей опредѣляется въ послѣднемъ счетѣ ходомъ развитія экономическихъ отношеній. Если это такъ, то ясно, что возникновеніе новыхъ экономическихъ отношеній необходимо должно вести за собою появленіе новыхъ идей, соотвѣтствующихъ измѣнившимся условіямъ

жизни, и если тому или другому геніальному человѣку пришла въ голову та или другая новая соціально-политическая идея; если онъ увидѣлъ, напримѣръ, несостоятельность стараго общественнаго порядка и необходимость замѣны его новымъ, то это произошло не „случайно“, — какъ представляли себѣ это дѣло соціалисты-утописты, — а въ силу вполнѣ понятной исторической необходимости. И точно также распространеніе этой новой соціально-политической идеи, ея усвоеніе сторонниками геніальнаго человѣка вовсе не можетъ считаться случайнымъ: она распространяется потому, что соотвѣтствуетъ новымъ экономическимъ условіямъ, и распространяется какъ разъ въ томъ классѣ или въ томъ слоѣ населенія, который больше всѣхъ другихъ испытываетъ невыгоды устарѣлаго общественнаго порядка. Процессъ распространенія новой идеи оказывается тоже закономѣрнымъ процессомъ. А такъ какъ за распространеніемъ идеи, соотвѣтствующей новымъ экономическимъ отношеніямъ, должно рано или поздно послѣдовать ея осуществленіе, т. е. устраненіе стараго и торжество новаго общественнаго порядка, то значитъ весь ходъ процесса общественнаго развитія,—вся общественная эволюція съ ея различными сторонами и со свойственными ей революціонными моментами, — представляется теперь подъ угломъ необходимости. И тутъ передъ нами ярко выступаетъ главная черта, отличающая научный соціализмъ отъ утопическаго: послѣдователь научнаго соціализма смотритъ на осуществленіе своего идеала, какъ на дѣло исторической необходимости, между тѣмъ, какъ утопистъ возлагалъ главныя свои упованія на случайность. Сообразно съ этимъ измѣняются и пріемы соціалистической пропаганды: утописты дѣйствовали на удачу, взывая сегодня къ просвѣщеннымъ монархамъ, завтра къ предпріимчивымъ и жаднымъ до прибыли капиталистамъ, послѣзавтра къ безкорыстнымъ друзьямъ человѣчества*) и т. д. Сторонники научнаго соціализма имѣютъ стройную и послѣдовательную программу, глубочайшую основу которой составляетъ

*) „Le seul baume à notre servitude, c'est, de temps en temps un prince vertueux et éclairé; alors les malheureux oublient un moment leurs calamités. Такъ разсуждалъ извѣстный Гриммъ въ XVIII вѣкѣ (цитировано у Дюкро, Les Encyclopedistes, Paris 1900, p. 160). Всякій видитъ, что упованія Гримма и его единомышленниковъ дѣйствительно пріурочивались къ случайности. Но мы уже знаемъ, что соціалисты-утописты мало чѣмъ отличались въ этомъ отношеніи отъ просвѣтителей 18-го вѣка. Правда, просвѣтители уповали только на монарховъ, а соціалисты-утописты ожидали чудесъ также и отъ доброй воли простыхъ смертныхъ изъ

матеріалистическое пониманіе исторіи. Они не ожидаютъ сочувствія соціализму ото всѣхъ классовъ общества, такъ какъ они знаютъ, что способность данпаго класса сочувствовать данной революціонной идеѣ опредѣляется его экономическимъ положеніемъ, и такъ какъ они видятъ, что изо всѣхъ классовъ современнаго общества только пролетаріатъ находится въ такомъ экономическомъ положеніи, которое роковымъ образомъ толкаетъ его на революціонную борьбу съ существующимъ общественнымъ порядкомъ. Здѣсь, — какъ и вездѣ, — они не удовлетворяются взглядомъ на дѣятельность общественнаго человѣка, какъ на причину общественныхъ явленій, ихъ взоръ проникаетъ глубже и видитъ, что эта причина сама есть слѣдствіе экономическаго развитія. Здѣсь, — какъ и вездѣ, — они разсматриваютъ сознательную дѣятельность людей, съ точки зрѣнія ея необходимости.

„Если бы мы не имѣли лучшаго ручательства за предстоящій переворотъ въ нынѣшнемъ способѣ распредѣленія продуктовъ труда, — съ его вопіющими противоположностями нищеты и роскоши, голода и расточительности, — кромѣ сознанія того, что этотъ способъ распредѣленія несправедливъ и что справедливость должна же когда нибудь восторжествовать, то наше дѣло было бы плохо и намъ пришлось бы ждать долго. Уже средневѣковые мистики, мечтавшіе о тысячелѣтнемъ царствѣ, сознавали несправедливость классовыхъ противоположностей. Томасъ Мюнцеръ громко высказалъ это сознаніе на порогѣ новѣйшей исторіи, триста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тотъ же крикъ раздается и замираетъ во время буржуазной революціи въ Англіи и во Франціи. Чѣмъ же объясняется, что этотъ крикъ о необходимости устраненія классовыхъ различій, до 1830 года не встрѣчавшій отклика въ работающей и страдающей массѣ, вызываетъ теперь тысячекратное эхо; что онъ передается изъ одной страны въ другую и притомъ въ той самой послѣдовательности и съ той самой интенсивностью, съ которой развивается въ этихъ странахъ крупная промышленность; что онъ въ продолженіе одного поколѣнія вызвалъ къ жизни такую могучую силу, которая можетъ сопротивляться всѣмъ соединившимся противъ нея общественнымъ силамъ и можетъ быть увѣрена въ побѣдѣ? Тѣмъ, что современная крупная промышленность съ одной стороны создала въ лицѣ пролетаріа-

---

числа имущихъ. Эта разница объясняется измѣнившимися общественными отношеніями, но она не устраняетъ коренного сходства, обусловленнаго одинаковымъ взглядомъ на исторію.

та такой классъ, который впервые въ исторіи можетъ выставить требованіе уничтоженія не той или другой отдѣльной классовой организаціи, а классовъ вообще, и который находится въ такомъ положеніи, что непремѣнно долженъ осуществить это требованіе подъ страхомъ паденія до уровня китайскихъ кули. Съ другой стороны та же крупная промышленность создала въ лицѣ буржуазіи такой классъ, который имѣетъ монополію всѣхъ производительныхъ и жизненныхъ средствъ, но въ каждомъ періодѣ спекуляціонной горячки и слѣдующаго за нею краха показываетъ, что онъ уже сталъ неспособенъ господствовать надъ переросшими его власть производительными силами; классъ, подъ руководствомъ котораго общество идетъ на встрѣчу своему разрушенію, какъ локомотивъ, съ которымъ не можетъ справиться машинистъ. Другими словами: тѣмъ, что какъ производительныя силы, созданныя современнымъ капиталистическимъ способомъ производства, такъ и имъ же обусловленная система распредѣленія благъ пришли въ жестокое противорѣчіе съ нимъ, и что поэтому въ способѣ производства и распредѣленія долженъ произойти переворотъ, если только современному обществу не предстоитъ окончательно погибнуть. Этотъ осязательный матеріальный фактъ, съ непреодолимой необходимостью отражающійся въ головахъ эксплуатируемыхъ пролетаріевъ въ болѣе или менѣе ясномъ видѣ, этотъ фактъ, а не представленіе того или другого кабинетнаго мыслителя о правѣ и о безправіи ручается за побѣду современнаго соціализма"*).

Такъ говорилъ Энгельсъ въ своемъ спорѣ съ Дюрингомъ. И въ этихъ его словахъ рѣзко сказывается уже хорошо знакомая намъ отличительная черта научнаго соціализма: взглядъ на освободительное движеніе пролетаріата какъ на закономѣрный общественный процессъ, убѣжденіе въ томъ, что только необходимость можетъ обезпечить торжество свободы**).

---

*) Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, dritte Auflage, ss. 161-162.

**) Когда нашъ Бѣлинскій, — въ первый періодъ своего увлеченія Гегелемъ, — рѣшительно отказался на нѣкоторое время отъ свободолюбивыхъ стремленій, онъ тѣмъ самымъ далъ поразительное и неопровержимое доказательство глубины своей теоретической мысли. Его отказъ отъ свободолюбивыхъ стремленій вызванъ былъ именно сознаніемъ того, что торжество свободы можетъ быть обезпечено лишь исторической необходимостью. Не видя въ рус-

Тэнъ говоритъ гдѣ то, что совершенная наука съ полной точностью воспроизводитъ въ понятіяхъ природу и послѣдовательность явленій. Такая наука можетъ дѣлать безошибочныя предсказанія относительно каждаго отдѣльнаго явленія. И нѣтъ ничего легче, какъ показать, что общественная наука не обладаетъ и не можетъ обладать такой точностью. Но научный соціализмъ никогда и не предъявлялъ-претензій на такую точность Когда его противники выдвигаютъ противъ него то соображеніе, что **соціологическое предвидѣніе невозможно**, то они смѣшиваютъ два очень различныхъ понятія: понятіе о направленіи и объ общихъ результатахъ даннаго общественнаго процесса съ понятіемъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ (событіяхъ), изъ которыхъ составится этотъ процессъ. Соціологическое предвидѣніе отличается и всегда будетъ отличаться очень малой точностью во всемъ томъ, что касается предсказанія отдѣльныхъ событій, между тѣмъ какъ оно обладаетъ уже значительной точностью тамъ, гдѣ надо опредѣлить общій характеръ и направленіе общественныхъ процессовъ. Возьмемъ примѣръ. Статистика показываетъ, что цифра смертности колеблется въ зависимости отъ временъ года. Зная ея колебанія въ данной странѣ или въ данномъ мѣстѣ, не трудно предсказать, въ какой мѣрѣ увеличится или уменьшится число смертныхъ случаевъ при переходѣ изъ одного времени года въ другое. Тутъ рѣчь идетъ объ общемъ характерѣ и о направленіи даннаго общественнаго процесса, и тутъ возможно очень точное предсказаніе. Но если бы мы пожелали узнать, въ какихъ именно отдѣльныхъ явленіяхъ выразится, скажемъ, увеличеніе смертности съ наступленіемъ осени; если бы мы поставили себѣ вопросъ о томъ, *какія именно* лица не переживутъ осенняго времени и *каковы именно будутъ конкретныя обстоятельства*, сопровождающія смерть этихъ лицъ, то на этотъ вопросъ мы не дождались бы отвѣта отъ общественной науки, и если мы всетаки стали бы добиваться его рѣшенія, то намъ пришлось бы обратиться къ какому нибудь магу или предсказателю. Другой примѣръ. Вообразите, что въ парламентѣ данной страны находятся представители отъ крупныхъ землевладѣль-

---

ской дѣйствительности никакихъ указаній на объективную неизбѣжность такого торжества, онъ отбрасывалъ всякую надежду на него, какъ *исторически несостоятельную*. Впослѣдствіи онъ самъ говорилъ о себѣ, что онъ не сумѣлъ „*развить идею отрицанія*“. Эта идея въ ея примѣненіи къ буржуазному обществу развита была основателями научнаго соціализма.

цевъ, доходъ которыхъ сильно понижается вслѣдствіе конкурренціи сосѣднихъ странъ; отъ промышленныхъ предпринимателей, сбывающихъ свои товары именно въ этихъ сосѣднихъ странахъ, и, наконецъ, отъ пролетаріевъ, живущихъ лишь продажей своей рабочей силы. Въ составленный такимъ образомъ парламентъ вносится предложеніе обложить высокою пошлиной хлѣбъ, ввозимый изъ за границы. Какъ вы думаете, можетъ-ли соціологъ предсказать, какъ встрѣтятъ это предложеніе парламентскіе представители различныхъ общественныхъ классовъ? Мы думаемъ, что въ этомъ случаѣ соціологъ, — и не только соціологъ, человѣкъ науки, а всякій тотъ, кто не лишенъ нѣкотораго политическаго опыта и здраваго смысла, — имѣетъ полную возможность сдѣлать безошибочное предсказаніе: „Представители землевладѣльцевъ, скажетъ онъ, будутъ всѣми силами поддерживать указанное предложеніе; представители пролетаріата будутъ отвергать его столь же энергично, и въ этомъ отношеніи отъ нихъ не отстанутъ представители предпринимателей, если только представители землевладѣнія не купятъ ихъ согласія какой нибудь серьезной экономической уступкой въ какой нибудь другой области.“ Это предсказаніе будетъ сдѣлано на основаніи анализа экономическихъ интересовъ различныхъ общественныхъ классовъ и оно дѣйствительно будетъ имѣть — по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ оно относится къ землевладѣльцамъ и къ пролетаріямъ, — опредѣленность и точность математическаго вывода. Далѣе, — зная число голосовъ, какимъ располагаетъ въ парламентѣ каждый изъ представленныхъ въ немъ классовъ, нашъ соціологъ легко и безошибочно предскажетъ судьбу интересующаго насъ предложенія. Здѣсь его предсказаніе опять можетъ имѣть очень большую степень точности и достовѣрности. Но если вы, не довольствуясь знаніемъ общаго характера и направленія даннаго общественнаго процесса, — процесса борьбы, вызванной даннымъ предложеніемъ, — захотите напередъ опредѣлить, кто именно возьметъ слово по поводу этого законопроекта и какія именно парламенскія сцены будутъ вызваны рѣчами будущихъ ораторовъ, то соціологъ отвѣтитъ вамъ уже не научнымъ предвидѣніемъ, а болѣе или менѣе остроумными догадками, и если вамъ этого будетъ мало, то вамъ опять придется взяться за магію. Третій примѣръ. Если вы возьмете сочиненія великихъ французскихъ просвѣтителей 18-го вѣка, — скажемъ хоть Гольбаха; — то вы найдете въ нихъ *всю соціальную программу великой французской революціи*. Но вы не встрѣтите въ нихъ ни одного

предсказанія относительно тѣхъ историческихъ событій, изъ которыхъ составился впослѣдствіи процессъ осуществленія требованій, выставленныхъ французскими просвѣтителями во имя всего третьяго сословія. Откуда эта разница? Понятно — откуда: иное дѣло характеръ и направленіе даннаго общественнаго процесса, а иное дѣло тѣ отдѣльныя событія, изъ совокупности которыхъ онъ составится. Если я понялъ его характеръ и направленіе, то я могу предсказать его исходъ; но какъ бы ни было глубоко мое пониманіе этого процесса, оно не дастъ мнѣ возможности предсказывать отдѣльныя событія въ ихъ индивидуальности. Когда говорятъ, что соціологическое предвидѣніе невозможно или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно затруднительно, то почти всегда имѣютъ въ виду невозможность или трудность предвидѣнія отдѣльныхъ событій, совершенно забывая о томъ, что такое предвидѣніе вовсе и не есть дѣло соціологіи. Соціологическое предвидѣніе имѣетъ своимъ предметомъ не отдѣльныя событія, *а общіе результаты того общественнаго процесса который*, — какъ, напримѣръ, процессъ развитія буржуазнаго общества, — *уже совершается въ данное время*. Что эти общіе результаты могутъ быть опредѣленны заранѣе, это хорошо показываетъ вышеприведенный примѣръ французской революціи, вся соціальная программа которой была формулирована, какъ мы сказали, передовыми литературными представителями буржуазіи*).

Научный соціализмъ говоритъ, **во первыхъ**, что торжество соціалистическихъ идеаловъ предполагаетъ, **какъ свое необходимое условіе**, извѣстный, независящій отъ воли соціалистовъ ходъ экономическаго развитія буржуазнаго общества; **во вторыхъ**, что это необходимое условіе **находится теперь на лицо** и обусловливается характеромъ свойственныхъ этому обществу производственныхъ отношеній; **въ-третьихъ**, что само распространеніе соціалистическихъ идеаловъ въ рабочемъ классѣ современныхъ капиталистическихъ

*) Въ своей недавно вышедшей книгѣ: „Les classes sociales, analyse de la vie sociale“, парижскій профессоръ Боэръ (Bauer) высказываетъ аналогичный взглядъ на соціологическое предвидѣніе. Его книга интересна во многихъ отношеніяхъ. Жаль только, что почтенный профессоръ очень плохо знакомъ съ исторіей развиваемаго имъ взгляда. Ему, повидимому, и въ голову не приходитъ, что въ числѣ своихъ „предшественниковъ“ онъ долженъ считать философовъ Шеллинга и Гегеля и соціалистовъ Маркса и Энгельса.

странъ вызывается экономическимъ строемъ и развитіемъ этихъ странъ. Такова общая мысль научнаго соціализма. И эта общая мысль ни мало не опровергается тѣмъ вполнѣ правильнымъ соображеніемъ, что соціологія никогда не будетъ наукой совершенной въ вышеуказанномъ смыслѣ этого слова. Ну и пусть ее не будетъ! Что же изъ этого? Хотя соціологія и не совершенная наука, а общая мысль научнаго соціализма всетаки неоспорима, а потому и сомнѣніе въ возможности такого соціализма все таки неосновательно.

Въ спорахъ о возможности научнаго соціализма теоретики буржуазіи и „критики“ Маркса нерѣдко выдвигаютъ еще слѣдующій доводъ. „Если возможенъ научный соціализмъ, говорятъ они, то стало быть возможна и буржуазная общественная наука, а это — противорѣчивая безсмыслица, потому что наука не можетъ быть ни соціалистической, ни буржуазной. Наука — одна: буржуазная политическая экономія также немыслима, какъ и соціалистическая математика“.

Этотъ доводъ тоже основывается на смѣшеніи понятій. Математика не можетъ быть ни соціалистической, ни буржуазной; это вѣрно; но что вѣрно въ примѣненіи къ математикѣ, то ошибочно въ примѣненіи къ общественной наукѣ.

Чему равняется сумма квадратовъ катетовъ? Квадрату гипотенузы. Такъ ли это? Такъ. Всегда ли это такъ? Всегда такъ; отношеніе квадрата гипотенузы къ суммѣ квадратовъ катетовъ *не можетъ измѣниться, потому что свойства математическихъ фигуръ неизмѣнны.* А что мы видимъ въ соціологіи? Остается-ли неизмѣннымъ предметъ ея изслѣдованія? Нѣтъ, не остается. Предметомъ соціологическаго изслѣдованія является общество, а общество развивается, и, слѣдовательно, измѣняется. Вотъ этимъ-то измѣненіемъ, этимъ развитіемъ и создается возможность буржуазной общественной науки, равно какъ и научнаго соціализма. Общество проходитъ въ своемъ развитіи *извѣстныя фазы, которымъ соотвѣтствуютъ извѣстныя фазы развитія общественной науки.* То, что мы называемъ, напримѣръ, буржуазной экономіей, есть одна фаза развитія экономической науки, то, что мы называемъ соціалистической экономіей, есть другая фаза ея развитія, непосредственно слѣдующая за нею. Что же тутъ удивительнаго? Гдѣ же тутъ противорѣчивая безсмыслица?

Было бы очень ошибочно думать, что буржуазная экономія состоитъ изъ однихъ заблужденій. Вовсе нѣтъ! Поскольку буржуазная экономія соотвѣтствуетъ опредѣленной фазѣ общественнаго

развитія, постольку она заключаетъ въ ссбѣ научную истину*). Но эта истина относительна именно потому, что она соотвѣтствуетъ *только извѣстному фазису общественнаго развитія.* А теоретики буржуазіи, воображающіе, что общество навсегда должно остаться въ своей буржуазной фазѣ, приписываютъ своимъ относительнымъ истинамъ абсолютное значеніе. Въ этомъ и заключается ихъ коренная ошибка, исправляемая научнымъ соціализмомъ, появленіе котораго свидѣтельствуетъ о томъ, что буржуазная эпоха общественнаго развитія приближается къ своему концу. Научный соціализмъ—это та самая сова Минервы, о которой говоритъ Гегель и которая, по его словамъ, вылетаетъ только тогда, когда закатывается солнце даннаго общественнаго порядка. Еще разъ, гдѣ же тутъ противорѣчіе? Гдѣ безсмыслица? Тутъ не только нѣтъ ни противорѣчія, ни безсмыслицы, но тутъ впервые получается возможность *взглянуть на самый процессъ развитія науки, какъ на процессъ закономѣрный.*

Но какъ бы тамъ ни было, а главная отличительная черта научнаго соціализма опредѣлилась для насъ теперь съ полною ясностью. Его сторонники не довольствуются надеждой на то, что соціалистическіе идеалы, благодаря своему возвышенному характеру привлекутъ къ себѣ всеобщую симпатію и потому восторжествуютъ. Нѣтъ, имъ нужна увѣренность въ томъ, что самое это привлеченіе всеобщей симпатіи соціалистическими идеалами есть *необходимый общественный процессъ,* и эту увѣренность они черпаютъ изъ анализа современныхъ экономическихъ отношеній и хода ихъ развитія**). Защитники существующаго общественнаго

---

*) И вотъ почему классовая буржуазная точка зрѣнія изслѣдователей не только не мѣшала въ свое время прогрессу науки, но была его необходимымъ условіемъ. Въ предисловіи къ Манифесту Коммунистической Партіи мы показали это на примѣрѣ французскихъ буржуазныхъ историковъ временъ Реставраціи,

**) Нѣкоторые писатели, — напримѣръ Штаммлеръ, — замѣчаютъ, что если торжество соціализма есть историческая необходимость, то практическая дѣятельность соціаль-демократіи совершенно излишня. Зачѣмъ содѣйствовать возникновенію такого явленія, которое и такъ непремѣнно наступитъ? Но это жалкій и смѣшной софизмъ. Разсматривая историческое развитіе съ точки зрѣнія необходимости, соціальная демократія и на свою собственную дѣятельность смотритъ какъ на необходимое звено въ цѣпи тѣхъ необходимыхъ условій, совокупность которыхъ дѣлаетъ неизбѣжнымъ торжество соціализма. Необходимое звено не можетъ быть

порядка очень хорошо чувствуютъ, хотя и не всегда ясно сознаютъ, что эта главная отличительная черта составляетъ и главную силу соціалистической теоріи. Поэтому ихъ „критика“ направляется именно въ эту сторону. Они начинаютъ обыкновенно съ разсужденій о томъ, что нельзя видѣть въ экономикѣ главную пружину общественнаго развитія, такъ какъ человѣкъ состоитъ не изъ одного желудка и такъ какъ у него есть душа, сердце и другія нетлѣнныя сокровища. Но эти сантиментальныя разсужденія, свидѣтельствующія о полной неспособности нынѣшнихъ теоретиковъ буржуазіи понять, въ чемъ заключается главнѣйшая, основная задача общественной науки, играютъ у нихъ роль вспомогательнаго отряда. Главныя же силы ихъ аргументаціи сосредоточиваются на вопросѣ о направленіи современнаго экономическаго развитія. Здѣсь они стараются опровергнуть одно за другимъ всѣ положенія научнаго соціализма*). И хотя ихъ старанія ни къ чему не приводятъ, но они постоянно возобновляютъ свои нападенія и не могутъ не возобновлять ихъ, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о самомъ существованіи дорогого имъ общественнаго порядка. Они сознаютъ, что если экономическое развитіе въ самомъ дѣлѣ идетъ такъ, какъ говорятъ послѣдователи научнаго соціализма, то соціальная революція неизбѣжна. А это сознаніе *равносильно признанію возможности научнаго соціализма.*

Мы указали одну отличительную черту научнаго соціализма. Въ своемъ спорѣ съ Дюрингомъ Энгельсъ указываетъ другую. Онъ говоритъ, что этотъ соціализмъ получилъ свое начало лишь со времени открытія природы и происхожденія прибавочной цѣнности, и что весь онъ „группируется“ вокругъ этого открытія. Читатель понимаетъ, въ какомъ смыслѣ это сказано. Такъ какъ цѣлью соціалистическаго движенія является устраненіе эксплуатаціи одного общественнаго класса другимъ, — пролетаріата буржуазіей, — то научный соціализмъ сталъ возможенъ только съ тѣхъ поръ, когда наукѣ удалось опредѣлить природу классовой эксплуатаціи вообще, а въ частности тотъ видъ, который она принимаетъ въ нынѣшнемъ обществѣ. Пока это не было сдѣлано, соціализмъ не могъ выйти изъ области болѣе или менѣе смут-

---

излишнимъ: его устраненіе разорвало бы всю цѣпь событій. Логическая слабость этого софизма ясна для того, кто понялъ сказанное нами выше о свободѣ и необходимости.

*) Объ этомъ см. нашу статью „*Критика нашихъ критиковъ*“, напечатанную во 2-3-й книжкѣ „*Зари*“.

ныхъ стремленій, и въ его критикѣ существующаго порядка вещей недоставало главнаго: пониманія того, гдѣ находится экономическій центръ тяжести этого порядка. Открытіе прибавочной цѣнности дало ему такое пониманіе. Какъ велико значеніе этого открытія, показываетъ уже одно то обстоятельство, что защитники существующаго порядка вещей всѣми силами стараются опровергнуть его истинность. Теорія предѣльной полезности встрѣчаетъ теперь чрезвычайно радушный пріемъ со стороны буржуазныхъ экономистовъ именно потому, что она покрываетъ густымъ туманомъ вопросъ объ эксплуатаціи работника капиталистомъ и даже дѣлаетъ весьма сомнительнымъ самый фактъ такой эксплуатаціи*).

Но какъ ни важно было открытіе прибавочной цѣнности въ исторіи соціализма, научный соціализмъ всетаки оставался бы невозможнымъ, если бы устраненіе буржуазныхъ производственныхъ отношеній, — а слѣдовательно и эксплуатаціи пролетаріата буржуазіей, — не было понято какъ историческая необходимость, обусловливаемая всѣмъ ходомъ современнаго экономическаго развитія.

Еще два слова. Въ одномъ изъ приложеній къ этой брошюрѣ печатается въ этомъ изданіи, какъ и въ предыдущихъ, три главы изъ знаменитой книги „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft", посвященныя критикѣ дюринговой „теоріи насилія". Въ этихъ главахъ содержится, между прочимъ, очеркъ исторіи военнаго искусства въ цивилизованныхъ государствахъ новаго времени, а также анализъ причинной связи развитія этого исскуства съ экономическимъ развитмъ общества. Людямъ, склоннымъ къ эклектизму, эти главы могутъ показаться„ односторонними". „Нельзя же все объяснять экономіей", скажутъ такіе люди. Поэтому мы считаемъ полезнымъ обратить ихъ вниманіе на одну книгу, обязанную своимъ происхожденіемъ спеціалистамъ военнаго дѣла

*) Когда вышелъ англійскій переводъ книги Бёмъ-Баверка „Positive Theorie des Kapitals", крупнѣйшій органъ англійской буржуазіи „The Times", привѣтствовалъ его, какъ „лучшее противоядіе противъ теоріи эксплуатаціи" (Exploitation theories of the marxist school). Буржуазный общественный порядокъ клонится къ упадку. Параллельно съ этимъ совершается и паденіе буржуазной науки. Защищая буржуазныя общественныя отношенія, теоретики буржуазіи понижаются до уровня софистовъ низшей пробы.

и озаглавленную: „Les maîtres de la guerre. Frédéric II — Napoléon — Moltke. Essai critique d'après des travaux inédits de M. le général Bonnal par le lieut.-colonel Rousset, professeur à l'école supérieure da la guerre". Эта интересная книга посвящена тому же самому предмету, какой разсматривается Энгельсомъ въ указанныхъ главахъ, и она приходитъ почти совершенно къ тѣмъ же выводамъ. „Соціальное состояніе каждой данной исторической эпохи, — читаемъ мы въ ней на страницѣ 4-ой, — имѣетъ преобладающее вліяніе не только на военный организмъ націи, но еще и на характеръ, на способности и на стремленія военныхъ людей. Обыкновенные генералы пользуются обычными методами, употребляютъ въ дѣло обычныя средства и побѣждаютъ или терпятъ пораженія смотря по тому, благопріятны или неблагопріятны для нихъ внѣшнія обстоятельства... Что же касается великихъ полководцевъ, то они подчиняютъ своему генію средства и пріемы борьбы или, точнѣе, они, — руководствуясь чѣмъ-то въ родѣ инстинктивной догадки, — преобразуютъ и средства, и пріемы сообразно параллельнымъ законамъ соціальной эволюціи, рѣшительное вліяніе которой на технику военнаго искусства оцѣнивается ими одними". Это очень не далеко отъ матеріалистическаго объясненія исторіи, хотя авторъ цитируемой книги навѣрное не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія: вѣдь если развитіе военнаго искусства опредѣляется соціальнымъ развитіемъ, а соціальное развитіе — экономическимъ, то выходитъ, что техника военнаго дѣла и даже не одна только эта техника, но также „характеръ, способности и стремленія военныхъ людей" обусловливаются въ послѣднемъ счетѣ экономическимъ развитіемъ. И этотъ выводъ, поражающій своей „односторонностью" многихъ и многихъ „интеллигентовъ" всякихъ національностей, врядъ-ли испугалъ бы нашего военнаго автора, который, признавая, что развитіе военной техники обусловливается соціальнымъ развитіемъ, признаетъ въ то же время, что это развитіе въ свою очередь обусловливается „прогрессомъ наукъ, искусствъ и промышленности" (стр. 2). Если онъ не лишенъ способности къ послѣдовательному мышленію, — а онъ, повидимому, вовсе не лишенъ ея, — то ему очень легко было бы понять ту историческую теорію, по которой соціальное развитіе совершается на основѣ экономическаго, а экономическое опредѣляется ходомъ развитія производительныхъ силъ.

Историческій очеркъ военнаго искусства, сдѣланный тѣмъ же авторомъ на основаніи неизданныхъ работъ генерала Бонналя, чрезвычайно напоминаетъ тотъ очеркъ, который мы находимъ у

Энгельса. Мѣстами сходство такъ велико, что можно было бы предположить заимствованіе, если бы самая мысль о немъ не исключалась очень простымъ хронологическимъ соображеніемъ: Анти-Дюрингъ Энгельса вышелъ за 23 года до появленія книги подполковника Руссэ. Почти столь же несостоятельно было бы и обратное предположеніе о томъ, что Руссэ (или генералъ Бонналь) заимствовалъ у Энгельса: можно поручиться, что сочиненія великаго нѣмецкаго соціалиста совершенно неизвѣстны этимъ ученымъ французскимъ офицерамъ. Дѣло объясняется очень просто тѣмъ, что Энгельсъ былъ хорошимъ знатокомъ военнаго дѣла и послѣдовательнымъ мыслителемъ, умѣвшимъ приложить основныя положенія своей исторической теоріи къ изученію самыхъ различныхъ сторонъ общественной жизни. Руководимый этими основными положеніями онъ ясно увидѣлъ то, что, по словамъ подполковника Руссэ, видѣли лишь геніальные полководцы: рѣшительное вліяніе соціальной эволюціи на технику войны. Этотъ частный случай убѣдительно показываетъ, что, будучи правильно понято, матеріалистическое объясненіе исторіи не только не ведетъ къ „односторонности“, но какъ нельзя болѣе расширяетъ и обостряетъ взглядъ изслѣдователя.

Хотѣли мы было поговорить здѣсь еще *о діалектикѣ въ ея отношеніи къ логикѣ такъ называемаго здраваго смысла*. Но недостатокъ мѣста вынуждаетъ насъ отложить это намѣреніе до другого, болѣе удобнаго времени.

Іюль 1902 года. **Г. ПЛЕХАНОВЪ.**

РАЗВИТІЕ НАУЧНАГО СОЦІАЛИЗМА.

I.

Новѣйшій соціализмъ, по своему содержанію, является, прежде всего, результатомъ наблюденій, съ одной стороны надъ господствующимъ въ современномъ обществѣ антагонизмомъ между имущими и неимущими классами, капиталистами и наемными рабочими, съ другой — надъ анархіей, существующей въ производствѣ. Но по своей теоретической формѣ онъ кажется на первый взглядъ только дальнѣйшимъ развитіемъ и какъ бы болѣе послѣдовательнымъ проведеніемъ принциповъ, установленныхъ великими философами XVIII-го вѣка. Какъ всякая новая теорія соціализмъ долженъ былъ примкнуть къ порядку идей, созданному его ближайшими предшественниками, хотя его корни и лежали очень глубоко въ матеріальныхъ экономическихъ фактахъ.

Великіе люди, просвѣтившіе французскія головы для приближавшейся революціи, сами были крайними революціонерами. Никакихъ внѣшнихъ авторитетовъ они не признавали. Религія, взгляды на природу, общество, государство, все подвергалось ихъ безпощадной критикѣ, все призывалось предъ судилище разума и осуждалось на исчезновеніе, если не могло доказать своей разумности. Разумъ сталъ единственной мѣркой, подъ которую все подводилось. Это было то время,

когда, по выраженію Гегеля, „міръ былъ поставленъ на голову“, т. е. когда человѣческая голова и придуманныя ею теоретическія положенія предъявляли притязаніе служить единственнымъ основаніемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій и общественныхъ отношеній, и когда, вслѣдъ затѣмъ, противорѣчившая этимъ положеніямъ дѣйствительность была фактически ниспровергнута сверху до низу.[1]) Всѣ старыя общественныя и государственныя формы, всѣ традиціонныя понятія были признаны неразумными и отброшены, какъ старый хламъ. Было рѣшено, что до настоящаго момента міръ руководился одними предразсудками, и все его прошлое достойно лишь сожалѣнія и презрѣнія. Теперь впервые взошло солнце, наступило царство разума, и съ этихъ поръ суевѣрія и несправедливость, привилегіи и угнетеніе уступятъ мѣсто вѣчной истинѣ, вѣчной справедливости, естественному равенству и неотъемлемымъ правамъ человѣка.

Мы знаемъ теперь, что это царство разума было нечѣмъ инымъ, какъ идеализованнымъ царствомъ буржуазіи; что вѣчная справедливость осуществилась въ видѣ буржуазной юстиціи, что естественное равенство ограничилось равенствомъ гражданъ передъ закономъ, а существеннѣйшимъ изъ правъ человѣка было объявлено право буржуазной собственности. Разумное государство и „общественный договоръ“ Руссо оказались и

[1]) Вотъ что говоритъ Гегель о французской революціи: „Мысль о правѣ сразу вошла въ силу, и ветхія опоры безправія не могли оказать ей никакого сопротивленія. Идея права положена въ основаніе конституціи, и теперь все должно опираться на нее. Съ тѣхъ поръ какъ солнце свѣтитъ на небѣ и вокругъ него обращаются планеты, еще никогда не было, чтобы человѣкъ становился на голову, то есть перестраивалъ дѣйствительность по своимъ идеямъ. Анаксагоръ первый сказалъ, что Nus — разумъ — управляетъ міромъ; но только теперь впервые человѣкъ дошелъ до признанія, что мысль должна господствовать въ сферѣ духовной дѣйствительности. Это былъ величественный восходъ солнца. Всѣ мыслящія существа радостно привѣтствовали наступленіе новой эпохи. Торжественное настроеніе господствовало надъ этимъ временемъ, и весь міръ проникся энтузіазмомъ духа, какъ будто совершилось впервые его примиреніе съ божествомъ.“

могли оказаться на практикѣ только буржуазной демократической республикой. Великіе мыслители XVIII-го вѣка, какъ и всѣ ихъ предшественники, не могли выйти за предѣлы понятій своего времени.

Но рядомъ съ борьбой между феодальнымъ дворянствомъ и буржуазіей оставался во всей силѣ другой, болѣе глубокій антагонизмъ эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, богатыхъ тунеядцевъ и трудящихся бѣдняковъ, и онъ-то именно далъ возможность представителямъ буржуазіи явиться защитниками не какого нибудь отдѣльнаго класса, а всего страждущаго человѣчества. Болѣе того. Буржуазія съ самаго начала уже носила въ себѣ своего будущаго противника: капиталисты не могли возникнуть безъ наемныхъ рабочихъ, и тѣ самыя условія, въ которыхъ средневѣковый цеховой мастеръ развивался въ современнаго капиталиста, заставили цеховаго подмастерья и принадлежащаго къ цеху поденщика превратиться въ пролетаріевъ. И хотя требованія, которыя защищало третье сословіе въ своей борьбѣ съ дворянствомъ, въ общихъ чертахъ дѣйствительно соотвѣтствовали интересамъ различныхъ слоевъ трудящагося населенія того времени, тѣмъ не менѣе, при каждомъ крупномъ возстаніи горожанъ проявлялось самостоятельное движеніе того слоя, который былъ болѣе или менѣе развитымъ предшественникомъ современнаго пролетаріата. Таково было направленіе Томаса Мюнцера въ эпоху реформаціи и крестьянскихъ войнъ въ Германіи; Левеллеровъ — во время англійской революціи; Бабефа — во французской. Рядомъ съ этими революціонными попытками еще не сложившагося класса являлись и соотвѣтствующія теоріи: утопическія изображенія идеальнаго общественнаго строя въ XVI и XVII столѣтіяхъ, а въ XVIII-омъ уже прямо коммунистическія теоріи Морелли и Мабли. Требованіе равенства не ограничивалось уже областью политическихъ правъ, а распространялось на общественное положеніе отдѣльныхъ личностей; заявлялось о необходимости уничтожить не только классовыя привилегіи, но и самые классы. Аскетически суровый спартанскій коммунизмъ, осуждаю-

щій всякое наслажденіе, былъ первымъ проявленіемъ новаго ученія. Потомъ явились три великихъ утописта: Сенъ-Симонъ, у котораго буржуазныя стремленія уживались еще отчасти съ защитой интересовъ пролетаріата, Фурье и, наконецъ, Оуэнъ, который въ странѣ наиболѣе развитаго капиталистическаго производства и подъ впечатлѣніемъ порожденнаго этимъ способомъ производства антагонизма, выработалъ цѣлый рядъ проэктовъ для устраненія классовыхъ различій, поставивъ свою систему въ прямую связь съ французскимъ матеріализмомъ.

Эти три великихъ утописта сходились между собою въ томъ, что никогда не выставляли себя защитниками интересовъ исторически развившагося тѣмъ временемъ пролетаріата. Подобно философамъ XVIII вѣка, они хотѣли начать эпоху обновленія освобожденіемъ всего человѣчества, а не даннаго только общественнаго класса. Подобно этимъ философамъ, они хотѣли основать царство разума и вѣчной справедливости, но это царство, какъ небо отъ земли, отличается отъ царства разума французскихъ просвѣтителей. Буржуазный порядокъ, основанный на принципахъ философовъ XVIII вѣка, такъ же неразуменъ и несправедливъ, и долженъ быть отброшенъ съ такимъ же презрѣніемъ, какъ феодализмъ и всѣ прежнія общественныя формы. До сихъ поръ истинные законы разума и справедливости не были извѣстны человѣчеству, и только по этой причинѣ оно ими не руководствовалось. Для его счастья недоставало того геніальнаго человѣка, который явился теперь повѣдать міру всю истину. Что великое событіе совершилось именно теперь, это вовсе не было результатомъ общаго хода историческаго развитія, неизбѣжно къ нему ведшаго, а просто случайностью. Геніальный человѣкъ могъ съ такимъ же удобствомъ родиться 500 лѣтъ тому назадъ и тѣмъ избавить человѣчество отъ пяти столѣтій заблужденій, борьбы и страданій.

Мы видѣли, такимъ образомъ, что подготовлявшіе революцію философы XVIII-го вѣка аппелировали къ

разуму, какъ къ единственному судьѣ надъ всѣмъ существующимъ. Они требовали основанія разумнаго государства, разумнаго общества и безжалостнаго устраненія всего стоящаго въ противорѣчіи съ вѣчнымъ разумомъ. Мы видѣли также, что этотъ вѣчный разумъ оказался въ дѣйствительности лишь идеализованнымъ разсудкомъ третьяго сословія, готоваго превратиться въ современную буржуазію. Если общественный строй и новое государство, созданные французской революціей и могли казаться разумными, по сравненію со старыми учрежденіями, они были во всякомъ случаѣ очень далеки отъ абсолютной разумности. Царство разума потерпѣло крушеніе. Общественный договоръ Руссо нашелъ себѣ примѣненіе въ террорѣ, отъ котораго извѣрившаяся въ своей политической правоспособности буржуазія искала спасенія сперва въ испорченности Директоріи, а потомъ подъ крыломъ наполеоновскаго деспотизма. Обѣтованный вѣчный миръ превратился въ безконечныя завоевательныя войны.

Не болѣе посчастливилось и разумному общественному строю. Противоположность между богатствомъ и бѣдностью вмѣсто того, чтобы разрѣшиться во всеобщемъ благоденствіи, напротивъ, усилилась вслѣдствіе устраненія цеховыхъ и иныхъ привилегій, служившихъ промежуточными звеньями между высшими и нисшими слоями общества, а также вслѣдствіе исчезновенія церковной благотворительности, нѣсколько смягчавшей бѣдствія нищеты. Быстрое развитіе промышленности на капиталистическомъ основаніи скоро возвело бѣдность и страданія рабочихъ массъ въ необходимое условіе существованія общества. Деньги сдѣлались, по выраженію Карлейля, единственнымъ связующимъ элементомъ этого общества. Количество преступленій возростало съ каждымъ годомъ. Если пороки стараго дворянства, прежде выставлявшіеся на показъ, теперь на время стушевались, за то тѣмъ пышнѣе расцвѣли на ихъ мѣстѣ пороки буржуазіи, прежде робко скрывавшіеся во тьмѣ. Торговля все болѣе и болѣе проникалась мошенничествомъ. Революціонный девизъ „брат-

ство“ осуществился въ плутняхъ и во враждѣ конкурренціи. Подкупъ замѣнилъ грубое насиліе и, вмѣсто меча, главнѣйшимъ рычагомъ общественной жизни стали деньги. Право первой ночи перешло по наслѣдству отъ феодаловъ къ фабрикантамъ. Проституція выросла до неслыханныхъ размѣровъ, и даже самый бракъ превратился въ законномъ признанную форму разврата, въ его оффиціальный покровъ, дополняясь, къ тому же, многочисленными незаконными связями. Однимъ словомъ, возникшія вслѣдъ за побѣдой разума политическія и общественныя учрежденія оказались самой злой, самой отрезвляющей каррикатурой на блестящія обѣщанія философовъ XVIII-го вѣка. Недостовало только людей, способныхъ констатировать всеобщее разочарованіе, и эти люди явились съ началомъ новаго столѣтія. Въ 1802 г. вышли „Женевскія письма“ Сенъ-Симона; въ 1808 — появилось первое произведеніе Фурье, хотя основаніе его теоріи относится еще къ 1799 году; 1-го января 1800 г. Робертъ Оуэнъ взялся за управленіе Нью-Лэнаркомъ.

Но въ это время капиталистическое производство, а съ нимъ и противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ, было еще очень не развито. Крупная промышленность была неизвѣстна во Франціи и только что возникала въ Англіи. А между тѣмъ лишь изъ крупной промышленности развилась борьба не только между созданными ею классами, но и между порожденными ею производительными силами и формами обмѣна, и лишь эти, создаваемыя крупной промышленностью, столкновенія ведутъ съ роковой необходимостью къ перевороту въ способѣ производства и къ устраненію его капиталистическаго характера; причемъ та же крупная промышленность въ гигантскомъ развитіи производительныхъ силъ даетъ также средство для разрѣшенія ею же созданныхъ противорѣчій. Если въ 1800 году сама вытекающая изъ современнаго общественнаго порядка борьба только что зарождалась, то тѣмъ менѣе было въ наличности средствъ для ея устраненія. Хотя во время террора, неимущія массы Парижа захватили

на минуту власть и смогли такимъ образомъ направить буржуазную революцію противъ самой же буржуазіи, но ихъ минутная побѣда послужила наилучшимъ доказательствомъ всей невозможности прочнаго господства рабочаго класса при тогдашнихъ условіяхъ. Еще не выдѣлившійся изъ общей массы неимущихъ людей, пролетаріатъ составлялъ въ то время лишь зародышъ будущаго класса и не былъ способенъ къ самостоятельному политическому дѣйствію. Онъ являлся не болѣе какъ угнетенной, страдающей массой, способной въ своей безпомощности ждать избавленія только отъ какой нибудь внѣшней, высшей силы. Это историческое положеніе отразилось и на ученіяхъ основателей соціализма. Незрѣлому капиталистическому производству, невыясненности взаимнаго положенія классовъ, соотвѣтствовали и незрѣлыя теоріи. Приходилось изобрѣтать, а не открывать рѣшеніе общественныхъ задачъ, еще окутанное туманомъ неразвитыхъ экономическихъ отношеній. Очевидны были только недостатки общественнаго строя, найти же средства къ ихъ устраненію казалось задачей мыслящаго разума. Требовалось изобрѣсть новую, наисовершеннѣйшую систему человѣческихъ отношеній и привить ее къ существующему обществу посредствомъ пропаганды, а по возможности и посредствомъ примѣра образцовыхъ учрежденій по новой системѣ. Эти новыя соціальныя системы были заранѣе обречены оставаться утопіями, и чѣмъ старательнѣе разработывались ихъ подробности, тѣмъ дальше уносились онѣ въ область чистой фантазіи.

Утопическая сторона соціалистическихъ теорій теперь уже всецѣло отошла въ область исторіи, и мы не будемъ останавливаться на ней ни минуты долѣе, предоставивъ литературнымъ лавочникамъ самодовольно перетряхивать эти смѣшныя фантазіи и любоваться трезвостью своего образа мыслей, по сравненію съ подобнымъ „сумасбродствомъ“. Мы гораздо охотнѣе постараемся найти подъ фантастическимъ покровомъ зародыши геніальныхъ идей, всюду разбросанные въ теоріяхъ великихъ утопистовъ, но незамѣтные для слѣпыхъ филистеровъ.

Уже въ „Женевскихъ письмахъ“ Сенъ-Симона мы находимъ положеніе, что „всѣ люди должны работать“; въ томъ же произведеніи онъ утверждаетъ, что господство террора во Франціи было господствомъ неимущихъ массъ. „Посмотрите, взываетъ онъ къ этимъ массамъ, что произошло во Франціи, когда тамъ господствовали ваши братья: они создали голодъ!“ Нужна была геніальная проницательность, чтобы въ 1802 году понять, что французская революція была классовой борьбой и не только между дворянствомъ и буржуазіей, но между дворянствомъ, буржуазіей и неимущими массами. Въ 1816 году Сенъ-Симонъ заявляетъ, что политика есть наука о производствѣ и заранѣе предсказываетъ ея полнѣйшее поглощеніе экономіей. Если понятіе о происхожденіи политическихъ учрежденій изъ экономическихъ основаній видно здѣсь лишь въ зародышѣ, за то совершенно ясно выражена та мысль, что политическая власть надъ людьми должна превратиться въ управленіе вещами, въ завѣдываніе процессами производства, т. е. прійти къ „упраздненію государства“, о которомъ такъ много шумѣли въ послѣднее время. Съ такимъ же превосходствомъ надъ современниками Сенъ-Симонъ заявляетъ въ 1814 году, — тотчасъ по вступленіи союзниковъ въ Парижъ, — а затѣмъ въ 1815, во время ста дней, что союзъ Франціи съ Англіей и этихъ двухъ странъ съ Германіей представляетъ единственную гарантію мирнаго развитія и процвѣтанія Европы. Нужно было много мужества и исторической дальнозоркости, чтобы въ 1815 году проповѣдывать французамъ союзъ съ побѣдителями при Ватерлоо.

Если геніальная широта взглядовъ Сенъ-Симона позволила ему уловить зародыши почти всѣхъ позднѣйшихъ соціалистическихъ идей, не относящихся къ области чистой экономіи, то Фурье, съ своей стороны, даетъ намъ глубоко-захватывающую критику существующаго общественнаго строя, выраженную при этомъ съ чисто французскимъ остроуміемъ. Онъ ловитъ на словѣ вдохновенныхъ пророковъ дореволюціонной буржуазіи и ея подкупленныхъ льстецовъ новѣйшаго вре-

мени. Онъ безпощадно раскрываетъ всю моральную и матерьяльную нищету буржуазнаго міра и сопоставляетъ ее съ блистательными обѣщаніями наступленія царства разума, цивилизаціи, несущей счастье всѣмъ, и безконечнаго совершенствованія человѣческаго рода; онъ показываетъ, какая жалкая дѣйствительность соотвѣтствуетъ напыщеннымъ хвалебнымъ рѣчамъ современныхъ ему буржуа-идеологовъ и изливаетъ весь свой сарказмъ на это окончательное фіаско фразы. Благодаря живости своей натуры, Фурье является не только критикомъ, но и сатирикомъ, и даже однимъ изъ величайшихъ сатириковъ всѣхъ временъ. Сильными и мѣткими штрихами рисуетъ онъ спекуляторскіе плутни и мелко-торгашескій духъ, овладѣвшій французской торговлей послѣ-революціоннаго періода. Еще удачнѣе его сатирическое изображеніе отношеній половъ въ буржуазномъ обществѣ и положенія въ немъ женщины. Ему первому принадлежитъ мысль, что степень свободы, достигнутая даннымъ обществомъ, должна быть измѣряема большей или меньшей свободой женщины въ этомъ обществѣ. Но выше всего поднимается Фурье въ своемъ взглядѣ на исторію человѣческихъ обществъ. Весь предшествующій ходъ ея онъ раздѣляетъ на четыре степени развитія: дикое состояніе, варварство, патріархатъ и цивилизація. Подъ послѣдней онъ разумѣетъ существующій буржуазный строй, начавшійся съ XVI столѣтія, и показываетъ, какъ „эта цивилизація дѣлаетъ сложнымъ, двусмысленнымъ и лицемѣрнымъ каждый порокъ, оставшійся въ простомъ видѣ при варварствѣ“. Онъ указываетъ „заколдованный кругъ“ непобѣдимыхъ и вѣчно возобновляющихся противорѣчій, въ которомъ движется цивилизація, всегда достигая результатовъ, противоположныхъ тѣмъ, къ которымъ, искренно или притворно, она стремится. Напримѣръ, по его словамъ: „въ цивилизаціи бѣдность порождается самимъ избыткомъ“. Очевидно, Фурье также мастерски владѣлъ діалектикой, какъ и его современникъ Гегель. Съ той же самой діалектической точки зрѣнія онъ утверждаетъ, вопреки господствовавшей теоріи о

безконечной способности человѣка къ совершенствованію, что не только каждый историческій фазисъ имѣетъ свой періодъ роста и упадка, но что все человѣчество, въ концѣ концовъ, обречено на исчезновеніе. Эта идея Фурье заняла въ исторической наукѣ такое же мѣсто, какое заняла въ естествознаніи идея Канта о конечномъ разрушеніи земного шара.

Въ то время, какъ надъ Франціей проносился ураганъ революціи, въ Англіи совершался тихій, но не менѣе значительный переворотъ. Паръ и машины превратили мануфактуру въ современную крупную промышленность и тѣмъ самымъ революціонизировали всѣ основы буржуазнаго общества. Медленный, сонливый ходъ мануфактуры превратился въ настоящій „періодъ бурныхъ стремленій“ промышленности. Раздѣленіе общества на крупныхъ капиталистовъ и лишенныхъ всякаго имущества пролетаріевъ совершалось съ постоянно возраставшей быстротой, разрушая промежуточныя состоянія. Устойчивый средній классъ стараго времени превратился теперь въ колеблющуюся, неустойчивую массу ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, составляющихъ наименѣе обезпеченную и осѣдлую часть населенія. Новый способъ производства находился еще на первыхъ ступеняхъ своего развитія; онъ былъ еще нормальнымъ, правильнымъ, единственно возможнымъ, при данныхъ условіяхъ, способомъ производства, а между тѣмъ онъ успѣлъ уже породить вопіющія общественныя бѣдствія. Масса бездомнаго населенія скопилась въ отвратительнѣйшихъ закоулкахъ большихъ городовъ; разрушились традиціонныя связи, патріархальный семейный бытъ, даже сама семья; крайнее растяженіе рабочаго дня изнуряло непосильной работой по преимуществу дѣтей и женщинъ; испорченность нравовъ въ средѣ рабочаго населенія, внезапно брошеннаго въ совершенно новыя условія существованія, достигла поражающихъ размѣровъ. И вотъ, за реформы общественныхъ отношеній, порождающихъ такія бѣдствія, взялся Робертъ Оуэнъ, 29-лѣтній фабрикантъ, соединявшій рѣдкую способность руководить людьми съ

возвышенной и почти дѣтской простотой характера. Онъ усвоилъ себѣ матеріалистическое ученіе XVIII вѣка объ образованіи человѣческаго харатера изъ взаимодѣйствія, съ одной стороны, унаслѣдованной организаціи, а съ другой — условій, окружающихъ человѣка, въ особенности, въ періодъ его развитія. Большинство его собратьевъ по положенію видѣло въ промышленной революціи только безпорядокъ и хаосъ, годный для ловли рыбы въ мутной водѣ и для быстраго обогащенія. Оуэнъ искалъ въ ней благопріятныхъ условій для осуществленія своей любимой идеи, вносящей порядокъ въ хаосъ. Онъ уже пытался, и не безъ успѣха, примѣнить ее въ Манчестерѣ, въ качествѣ директора фабрики, занимавшей 500 рабочихъ. Съ 1800 по 1829 г. онъ управлялъ большой бумагопрядильной фабрикой въ Нью-Лэнаркѣ въ Шотландіи и, будучи компаньономъ въ предпріятіи, дѣйствовалъ здѣсь съ большей свободой и такимъ успѣхомъ, что скоро его имя сдѣлалось извѣстнымъ всей Европѣ. Населеніе Нью-Лэнарка, постепенно возросшее до 2.500 человѣкъ и состоявшее изъ крайне смѣшанныхъ и по большей части сильно развращенныхъ элементовъ, онъ превратилъ въ образцовую колонію, въ которой пьянство, полиція, тюрьмы, суды, благотворительность и надобность въ ней стали неизвѣстными вещами. Онъ достигъ своей цѣли единственно тѣмъ, что поставилъ рабочихъ въ условія болѣе сообразныя съ человѣческимъ достоинствомъ и заботился о хорошемъ воспитаніи подростающаго поколѣнія. Въ Нью-Лэнаркѣ были впервые введены дѣтскіе сады, придуманные Оуэномъ. Въ нихъ принимали дѣтей, начиная съ двухъ-лѣтняго возраста и такъ хорошо занимали ихъ, что родители съ трудомъ могли увести домой разъигравшихся питомцевъ. Рабочій день былъ уменьшенъ въ Нью-Лэнаркѣ до $10^1/_2$ часовъ, тогда какъ на соперничавшихъ съ нимъ фабрикахъ работа длилась до 13 и 14 часовъ. А когда хлопчато-бумажный кризисъ принудилъ къ четырехъ-мѣсячной остановкѣ работъ, рабочіе продолжали получать полную плату. И при всемъ томъ фабрика удвоила свою стоимость и

постоянно приносила своимъ собственникамъ отличный доходъ.

Но все это не удовлетворяло Оуэна. Положеніе, въ которое онъ поставилъ своихъ рабочихъ, въ его глазахъ далеко не соотвѣтствовало человѣческому достоинству. „Эти люди мои рабы“, говорилъ онъ; сравнительно благопріятныя условія существованія рабочихъ Нью-Лэнарка были далеко недостаточны для всесторонняго развитія ихъ ума и характера, не говоря уже о свободномъ приложеніи силъ и способностей. „А между тѣмъ, трудящаяся часть этихъ 2.500 человѣкъ создала такое количество реальнаго богатства, для производства котораго, полвѣка тому назадъ, потребовался бы трудъ 600.000 человѣкъ. Я спросилъ себя: куда дѣвается разность между количествомъ продуктовъ, потребляемыхъ 2.500 рабочими, и тѣмъ количествомъ, которое потребовалось бы для прежнихъ 600.000?“ Отвѣтъ былъ ясенъ. Эта разность получалась собственниками фабрики, въ видѣ 300.000 фун. ст. ежегоднаго дохода, независимо отъ 5% на основной капиталъ предпріятія. Этотъ отвѣтъ еще въ большей степени, чѣмъ къ Нью-Лэнарку былъ примѣнимъ ко всѣмъ остальнымъ фабрикамъ Англіи. „Безъ новаго источника богатствъ, созданнаго машинами, не было бы возможности вести войны для свержения Наполеона и поддержанія аристократическихъ принциповъ общественнаго устройства. И эта новая сила была дѣломъ рукъ рабочихъ...“[2]) Имъ поэтому должны принадлежать и плоды ея. Новыя могучія силы производства, служившія до сихъ поръ только обогащенію единицъ и порабощенію массъ, представлялись Оуэну основами общественнаго преобразованія и должны были служить благосостоянію всѣхъ, въ качествѣ общественной собственности.

Въ такой дѣловой обстановкѣ, основанной, такъ ска-

[2]) Изъ записки: „The revolution in Mind and Practice, адресованной всѣмъ „краснымъ республиканцамъ, коммунистамъ и соціалистамъ Европы“ и французскому временному правительству 1848 года, но поданной также „королевѣ Викторіи и ея отвѣтственнымъ совѣтникамъ.“

зать, на торговомъ счетоводствѣ, возникъ коммунизмъ Оуэна, и до конца сохранилъ свой практическій характеръ. Такъ, въ 1823 г. Оуэнъ составилъ проектъ земледѣльческихъ колоній съ цѣлью устраненія ирландскихъ бѣдствій и приложилъ къ нему подробное вычисленіе необходимаго основнаго капитала, ежегодныхъ издержекъ и предполагаемыхъ расходовъ. Въ своемъ окончательномъ планѣ будущаго строя Оуэнъ обращаетъ особенное вниманіе на техническую сторону дѣла, тщательно разрабатываетъ всѣ подробности, прилагаетъ при этомъ планы, чертежи и рисунки, и все это съ такимъ знаніемъ дѣла, что, разъ принявши его методъ общественныхъ реформъ, очень немного можно сказать противъ подробностей, даже съ точки зрѣнія спеціалиста.

Переходъ къ коммунизму былъ поворотнымъ пунктомъ въ жизни Оуэна. Пока его дѣятельность была простой филантропіей, она доставляла ему богатство, всеобщее одобреніе, почетъ и славу. Онъ былъ тогда популярнѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ. Его рѣчамъ благосклонно внимали не только его товарищи по общественному положенію, но даже сами государи. Но едва онъ выступилъ со своими коммунистическими теоріями, показалась оборотная сторона медали. Три великихъ препятствія, загораживали, по его мнѣнію, путь къ общественнымъ реформамъ: частная собственность, религія и современная форма брака. Начиная борьбу съ этими препятствіями, онъ зналъ, что ему предстоитъ стать отверженцемъ среди оффиціальнаго общества и потерять свое положеніе; но эти соображенія ни на волосъ не убавили энергіи его нападенія. Произошло именно то, что онъ предвидѣлъ: его изгнали изъ оффиціальнаго общества; игнорируемый прессою, обѣднѣвшій, благодаря неудачнымъ коммунистическимъ опытамъ въ Америкѣ, поглотившимъ все его состояніе, онъ обратился прямо къ рабочему классу и трудился въ его средѣ еще 30 лѣтъ. Всѣ общественныя движенія, всѣ дѣйствительные успѣхи, достигнутые рабочимъ классомъ Англіи, связаны съ именемъ Оуэна. Такъ, въ 1819 г., благодаря его пятилѣтнимъ усиліямъ, прошелъ первый

законъ, ограничивающій работу женщинъ и дѣтей на фабрикахъ. Подъ его предсѣдательствомъ собрался первый конгресъ, на которомъ тредъ-юньоны[3]) всей Англіи соединились въ одинъ большой ремесленный союзъ. Онъ же организовалъ, въ качествѣ переходныхъ ступеней къ совершенно коммунистическому общественному строю, первыя кооперативныя товарищества (потребительныя и производительныя), полезныя уже тѣмъ однимъ, что они доказали полную возможность обходиться безъ купцовъ и фабрикантовъ. Кромѣ того, онъ устроилъ рабочіе базары, на которыхъ продукты обмѣнивались при помощи бумажныхъ денегъ, единицей которыхъ служили часы труда. Эти базары необходимо должны были потерпѣть неудачу, но они вполнѣ предвосхитили, однако, позднѣйшій прудоновскій банкъ, отъ котораго отличались лишь тѣмъ, что не возводились своимъ изобрѣтателемъ въ универсальное средство отъ всѣхъ золъ, а предлагались только какъ первый шагъ къ коренному переустройству всего общества.

Міросозерцаніе утопистовъ долго господствовало надъ соціалистическими воззрѣніями XIX вѣка и, отчасти, господствуютъ еще понынѣ. Его держались всѣ англійскіе и, до недавняго времени, всѣ французскіе соціалисты, а также прежніе нѣмецкіе коммунисты, не исключая Вейтлинга. Соціализмъ, въ ихъ представленіи, есть выраженіе абсолютной истины, разума и справедливости, и нужно только открыть его, чтобы онъ собственной силой покорилъ весь міръ; а такъ какъ абсолютная истина не зависитъ отъ времени, пространства и историческаго развитія человѣчества, то это уже дѣло чистой случайности, когда и гдѣ она будетъ открыта. При этомъ, абсолютная истина, разумъ и справедливость различны у каждаго основателя школы и обусловливаются субъективнымъ складомъ его ума, его жизненными условіями, количествомъ его познаній и способомъ мышленія. Поэтому, при столкновеніяхъ этихъ различныхъ сортовъ абсолютной истины, примиреніе

[3]) Союзы рабочихъ различныхъ ремеслъ.

возможно лишь путемъ сглаживанія ихъ взаимныхъ противорѣчій. Изъ этого не могло выработаться ничего, кромѣ особаго рода эклектическаго, средняго соціализма, который дѣйствительно господствуетъ до сихъ поръ въ головахъ большинства рабочихъ соціалистовъ Англіи и Франціи. Этотъ эклектическій соціализмъ представляетъ собою пеструю смѣсь изъ наиболѣе общепризнанныхъ критическихъ замѣчаній, экономическихъ положеній и идеальныхъ представленій различныхъ основателей сектъ; эта смѣсь получается тѣмъ легче, чѣмъ скорѣе ея составныя части утрачиваютъ въ потокѣ споровъ, какъ камешки въ ручьѣ, свои острые углы и грани. Чтобы сдѣлаться наукой, соціализмъ долженъ былъ, прежде всего, стать на дѣйствительную почву.

II.

Между тѣмъ, рядомъ съ французской философіей XVIII вѣка, и вслѣдъ за нею развилась новѣйшая нѣмецкая философія, нашедшая свое завершеніе въ Гегелѣ. Ея величайшей заслугой было возвращеніе къ діалектикѣ, какъ высшей формѣ мышленія. Древніе греческіе философы были всѣ прирожденными діалектиками, и Аристотель — самая всеобъемлющая голова между ними — изслѣдовалъ уже всѣ существеннѣйшія формы діалектическаго мышленія. Хотя и въ новой философіи діалектика имѣла блестящихъ представителей (Декартъ и Спиноза), но, особенно подъ вліяніемъ англійской философіи, она все болѣе и болѣе склонялась къ такъ называемому метафизическому способу мышленія, почти исключительно овладѣвшему также французами XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ, въ ихъ спеціально философскихъ трудахъ. Внѣ этой области они смогли, однако, оставить намъ высокіе образцы діалектики; припомнимъ только „Племянника Рамо“ Дидро и сочиненіе Руссо: „О происхожденіи неравенства между людьми“. — Мы укажемъ здѣсь вкратцѣ на существеннѣйшія черты обоихъ методовъ мышленія.

Когда мы мысленно разсматриваемъ природу или человѣческую исторію или нашу собственную духовную дѣятельность, то передъ нами сперва возникаетъ картина безконечнаго сплетенія соединеній и взаимодѣйствій, въ которой ничто не остается неподвижнымъ и неизмѣннымъ, но все представляется движущимся, измѣняющимся, возникающимъ и исчезающимъ. Мы видимъ, значитъ, сперва общую картину, въ которой частности еще болѣе или менѣе стушевываются; мы обращаемъ болѣе вниманія на ходъ движенія, на переходы и сцѣпленія, чѣмъ на то, *что* именно движется, переходитъ, сцѣпляется. Этотъ первоначальный, наивный, но по существу правильный взглядъ на міръ, былъ присущъ древне-греческой философіи, и впервые ясно выраженъ Гераклитомъ: все существуетъ и въ то же время не существуетъ, такъ какъ все течетъ, все постоянно измѣняется, все находится въ постоянномъ процессѣ возникновенія и исчезновенія. Несмотря, однако, на то, что этотъ взглядъ вѣрно схватываетъ общій характеръ всей картины явленій, онъ все же не достаточенъ для объясненія частностей, ее составляющихъ, а пока мы не знаемъ ихъ, намъ не ясна и общая картина. Для того, чтобы изучить эти частности, мы должны изъять ихъ изъ ихъ естественной или исторической связи, и, разсматривая каждую порознь, изслѣдовать ея свойства, ея частныя причины и дѣйствія и т. д. Въ этомъ состоитъ прежде всего задача естествознанія и исторіи, т. е. тѣхъ отраслей науки, которыя, по вполнѣ понятной причинѣ, занимали у грековъ классическихъ временъ лишь второстепенное мѣсто, потому что грекамъ нужно было раньше накопить потребный для этого матеріалъ. Только послѣ того, какъ естественно-научный и историческій матеріалъ былъ накопленъ въ достаточномъ количествѣ, могло возникнуть критическое изслѣдованіе, сравненіе и раздѣленіе на классы, порядки и виды. Поэтому пріемы точнаго изслѣдованія природы развились впервые лишь у грековъ александрійскаго періода, а затѣмъ въ средніе вѣка развиты далѣе арабами. Настоящее же естествознаніе

начинается только со второй половины XV вѣка, и съ этого времени оно непрерывно дѣлаетъ все болѣе быстрые успѣхи. Разложеніе природы на отдѣльныя ея части, раздѣленіе различныхъ явленій и предметовъ въ природѣ на опредѣленные классы, анатомическое изслѣдованіе разнообразнаго внутренняго строенія органическихъ тѣлъ — все это было основой тѣхъ исполинскихъ успѣховъ, которыми ознаменовалось естествознаніе въ послѣднія четыре столѣтія. Но тотъ же способъ изученія оставилъ въ насъ привычку братъ предметы и явленія природы въ ихъ обособленности, внѣ ихъ великой общей связи, къ тому же — не въ движеніи, а въ неподвижномъ состояніи, не какъ существенно измѣняющіеся, а какъ вѣчно неизмѣнные, не живыми, а мертвыми. Перенесенное Бэкономъ и Локкомъ изъ естествознанія въ философію, это міровоззрѣніе создало характеристическую ограниченность послѣднихъ столѣтій: метафизическій способъ мышленія.

Для метафизика вещи и ихъ умственные образы, т. е., понятія, суть отдѣльные, неизмѣнные, застывшіе, разъ на всегда данные предметы, подлежащіе изслѣдованію одинъ послѣ другого и одинъ независимо отъ другого. Метафизикъ мыслитъ законченными, непосредственными противоположеніями; рѣчь его состоитъ изъ: да — да, нѣтъ — нѣтъ; что сверхъ того, то отъ лукаваго. Для него вещь существуетъ, или не существуетъ: для него предметъ не можетъ быть самимъ собою и въ то же время чѣмъ нибудь другимъ; положительное и отрицательное абсолютно исключаютъ другъ друга; причина и слѣдствіе также совершенно противоположны другъ другу. Этотъ способъ мышленія потому кажется намъ на первый взглядъ вполнѣ вѣрнымъ, что онъ присущъ такъ называемому здравому смыслу. Но здравый человѣческій смыслъ, весьма почтенный спутникъ въ домашнемъ обиходѣ между четырема стѣнами, переживаетъ самыя удивительныя приключенія, лишь только онъ отваживается въ дальный путь изслѣдованія. Точно такъ же и метафизическое міросозерцаніе, вполнѣ вѣрное и необходимое въ извѣстныхъ, болѣе или менѣе

широкихъ областяхъ, рано или поздно достигаетъ тѣхъ предѣловъ, за которыми оно становится односторонним, ограниченнымъ, абстрактнымъ, и запутывается въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, потому что за предметами оно не видитъ ихъ взаимной связи, за ихъ бытіемъ не видитъ ихъ возникновенія и исчезновенія, за ихъ покоемъ не видитъ ихъ движенія, за деревьями не видитъ лѣса. Мы, напримѣръ, въ обыденной жизни можемъ съ увѣренностью сказать, существуетъ-ли данное животное или нѣтъ, но при болѣе точномъ изслѣдованіи, мы убѣждаемся, что это иногда въ высшей степени запутанный вопросъ, трудности котораго прекрасно извѣстны юристамъ, тщетно пытавшимся открыть раціональную границу, за которой умерщвленіе ребенка во чревѣ матери можно считать убійствомъ. Невозможно тоже точно опредѣлить и моментъ смерти, такъ какъ физіологія показываетъ, что смерть есть не внезапный, мгновенный актъ, а очень медленно совершающійся процессъ. Всякое органическое существо въ каждое данное мгновеніе есть то же, какимъ было оно въ предъидущемъ, и вмѣстѣ не то же. Въ каждое мгновеніе оно переработываетъ извнѣ получаемую матерію и выдѣляетъ изъ себя другую, однѣ клѣточки его организма вымираютъ, другія вновь нарождаются, такъ что, спустя извѣстный періодъ времени, матерія даннаго организма вполнѣ обновляется, замѣняется другимъ составомъ атомовъ; вотъ почему каждое органическое существо всегда то же и, однако, не то же. Точно также, при болѣе точномъ изслѣдованіи, мы находимъ, что оба полюса какой нибудь противоположности, — положительный и отрицательный, — столь же неотдѣлимы одинъ отъ другого, какъ и противоположны, и что они, не смотря на всю противоположность, взаимно проникаютъ другъ друга. Мы видимъ, далѣе, что представленіе о причинѣ и слѣдствіи имѣютъ значеніе лишь въ примѣненіи къ отдѣльному явленію, но, разсматривая то же явленіе въ его общей міровой связи, мы убѣждаемся, что эти два представленія соединяются и переходятъ въ представленіе о всемірномъ взаимодѣйствіи, въ ко-

торомъ причина и слѣдствіе постоянно мѣняются мѣстами, и то, что теперь или здѣсь — слѣдствіе, то тамъ или тогда будетъ причиной, и наоборотъ.

Всѣ эти явленія и пріемы изслѣдованія не вмѣщаются въ рамки метафизическаго мышленія. Для діалектики же, которая беретъ вещи и ихъ умственныя отраженія, главнымъ образомъ, въ ихъ взаимной связи, въ ихъ сцѣпленіи, въ ихъ движеніи, въ ихъ возникновеніи и исчезновеніи, такія явленія, какъ вышеприведенныя, наоборотъ, подтверждаютъ лишь ея собственный методъ. Природа есть пробный камень діалектики, и современное естествознаніе, представившее для этой пробы чрезвычайно богатый, съ каждымъ днемъ увеличивающійся матеріалъ, тѣмъ самымъ доказало, что въ природѣ, въ концѣ концовъ, все совершается діалектически, а не метафизически, что она движется не въ вѣчно однородномъ, постоянно съизнова повторяющемся кругѣ, а переживаетъ дѣйствительную исторію. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ указать на Дарвина, который нанесъ сильнѣйшій ударъ метафизическому взгляду на природу, доказавши, что весь современный органическій міръ, растенія и животныя, а слѣдовательно, также и человѣкъ, суть продукты процесса развитія, длившагося милліоны лѣтъ. Но такъ какъ и до сихъ поръ можно по пальцамъ пересчитать естествоиспытателей, научившихся мыслить діалектически, то это противорѣчіе добытыхъ научныхъ результатовъ съ вышеизложеннымъ метафизическимъ способомъ мышленія вполнѣ объясняетъ ту безграничную путаницу, которая господствуетъ теперь въ теоретическомъ естествознаніи и одинаково приводитъ въ отчаяніе какъ учениковъ, такъ и учителей, какъ писателей, такъ и читателей.[4])

Итакъ, точное представленіе о вселенной, объ ея развитіи и о развитіи человѣка, равно какъ и объ отраженіи этого развитія въ головахъ людей, можетъ быть пріобрѣтено только путемъ діалектики, только принимая постоянно въ соображеніе общее взаимодѣйствіе между возникновеніемъ и исчезновеніемъ, между прогрессивными измѣненіями и измѣненіями регрессивными.

Въ этомъ именно смыслѣ выступила впередъ новѣйшая нѣмецкая философія. Кантъ началъ свою ученую карьеру съ превращенія неизмѣнной и вѣчной, — послѣ знаменитаго перваго толчка, — солнечной системы Ньютона въ историческій процессъ, начавшійся возникновеніемъ солнца и планетъ изъ вращающейся туманной массы. Онъ уже пришелъ при этомъ къ тому выводу, что возникновеніе солнечной системы предполагаетъ и ея будущее исчезновеніе. Спустя полстолѣтія, его взглядъ былъ математически обоснованъ Лапласомъ, а еще полстолѣтіемъ позже спектроскопъ показалъ существованіе во вселенной предположенныхъ Кантомъ раскаленныхъ газовыхъ массъ въ различныхъ степеняхъ сгущенія.

Новѣйшая нѣмецкая философія нашла свое завершеніе въ гегелевской системѣ, величайшая заслуга которой состоитъ въ томъ, что она въ первый разъ представила весь естественный, историческій и духовный міръ въ видѣ процесса, т. е. изслѣдовала его въ безпрерывномъ движеніи, измѣненіи и развитіи и пыталась обнаружить взаимную внутреннюю связь этого движенія и развитія. Людямъ, держащимся этой точки зрѣнія, исторія человѣчества перестала казаться нелѣпой путаницей безсмысленныхъ насилій, которыя равно всѣ осуждаются передъ судейскимъ кресломъ теперь лишь созрѣвшаго философскаго разума, и которыя лучше всего забыть какъ можно скорѣе. Исторія людей явилась процессомъ развитія самого человѣчества, и задача научной мысли свелась къ тому, чтобы прослѣдить послѣдовательныя ступени этого процесса, среди всѣхъ его будто бы ложныхъ путей, и доказать внутреннюю его законосообразность среди всѣхъ кажущихся случайностей.

Для насъ здѣсь безразлично, разрѣшила ли система Гегеля всѣ поставленныя ею себѣ задачи: ея великая заслуга состояла въ самой постановкѣ этихъ задачъ. Разрѣшеніе ихъ не можетъ быть дѣломъ какого бы то ни было единичнаго ума. Хотя Гегель, на ряду съ С.-Симономъ, былъ самой всеобъемлющей головой своего времени, но ему все таки пришлось считаться какъ съ неизбѣжной ограниченностью своихъ собственныхъ зна-

ній, такъ и съ ограниченностью — въ смыслѣ глубины и обширности — знаній и взглядовъ своей эпохи. Къ этому присоединилось еще третье обстоятельство. Гегель былъ идеалистъ, т. е. его мысли не казались ему болѣе или менѣе отвлеченными отраженіями существующихъ въ дѣйствительности вещей и явленій, но, наоборотъ, предметы и ихъ развитіе казались ему лишь воплощеніемъ „Идеи", существовавшей гдѣ-то еще до сотворенія міра. Такимъ образомъ все было поставлено на голову, и дѣйствительная связь міровыхъ явленій вывернута на изнанку. И хотя Гегель сдѣлалъ не мало вѣрныхъ и геніальныхъ указаній относительно взаимной связи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленій, но все же указанныя причины привели къ тому, что даже въ частностяхъ его системы многое оказалось ошибочнымъ, искусственнымъ, натянутымъ, короче — извращеннымъ. Гегелевская система, какъ система, была колоссальнымъ недоноскомъ, но за то и — послѣднимъ въ своемъ родѣ. Къ тому же она страдала неизлѣчимымъ внутреннимъ противорѣчіемъ: съ одной стороны, въ основѣ ея лежало убѣжденіе въ томъ, что человѣческая исторія есть процессъ развитія, ходъ котораго, по самой его природѣ, не можетъ быть законченъ открытіемъ такъ называемой абсолютной истины; но, съ другой стороны, его система претендуетъ быть изложеніемъ этой именно истины. Всеобъемлющая, разъ на всегда законченная система познанія природы и исторіи противорѣчитъ основнымъ законамъ діалектическаго мышленія, что, однако, отнюдь не исключаетъ, но, напротивъ, предполагаетъ, что систематическое познаніе всего внѣшняго міра можетъ дѣлать громадные успѣхи отъ одного поколѣнія до другого.

Уразумѣніе полной ошибочности господствовавшаго до тѣхъ поръ въ Германіи идеализма должно было неизбѣжно привести къ матеріализму, но, само собой разумѣется, не къ простому метафизическому, исключительно механическому матеріализму XVIII вѣка. Въ противоположность наивно-революціонному, простому отрицанію всей протекшей исторіи, современный мате-

ріализмъ видитъ въ исторіи процессъ развитія человѣчества, при чемъ его задачей является открытіе законовъ движенія этого процесса. Въ противоположность господствовавшему у французовъ XVIII вѣка и еще у Гегеля представленію о природѣ, какъ о всегда себѣ равномъ цѣломъ, неизмѣнно вращающемся въ однихъ и тѣхъ же ограниченныхъ предѣлахъ, съ вѣчными міровыми тѣлами, какъ училъ о нихъ Ньютонъ, и съ неизмѣнными органическими видами, какъ училъ о нихъ Линней, современный матеріализмъ связываетъ въ одну систему всѣ новѣйшіе успѣхи естествознанія, благодаря которымъ стало ясно, что природа также имѣетъ свою исторію во времени, что небесныя тѣла, какъ и всѣ виды организмовъ, населяющіе ихъ при благопріятныхъ условіяхъ, возникаютъ и исчезаютъ, и что вообще природа движется далеко не въ такомъ тѣсномъ кругѣ, какъ думали раньше. Въ обоихъ случаяхъ матеріализмъ является существенно діалектическимъ и дѣлаетъ излишней всякую философію, предъявляющую претензію стать выше другихъ наукъ. Когда въ каждой отдѣльной наукѣ примѣняется требованіе выяснить свое мѣсто въ общей системѣ вещей и знаній, всякая особая наука объ этой общей ихъ связи становится излишней. Изо всей прежней философіи самостоятельное значеніе сохраняетъ лишь наука о мышленіи и объ его законахъ — формальная логика и діалектика, все же остальное входитъ въ положительныя науки о природѣ и исторіи.

Но между тѣмъ какъ естественно-научное міросозерцаніе могло развиваться лишь по мѣрѣ того, какъ изслѣдованія доставляли соотвѣтствующія положительныя знанія, — уже значительно раньше совершились историческія событія, обусловившія собою рѣшительный поворотъ въ пониманіи исторіи. Въ 1831 г. въ Ліонѣ произошло первое рабочее возстаніе; съ 1838 по 1842 годъ первое національное рабочее движеніе, движеніе англійскихъ чартистовъ, достигло своего апогея. Классовая борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ стала занимать первое мѣсто въ исторіи болѣе развитыхъ

странъ Европы, по мѣрѣ того какъ развивалась, съ одной стороны, крупная промышленность, съ другой — вновь завоеванное политическое господство буржуазіи. Факты все съ большей и большей наглядностью показывали всю лживость ученія буржуазной экономіи о тождествѣ интересовъ капитала и труда, о всеобщей гармоніи и о всеобщемъ благополучіи народа, которое будто бы явится слѣдствіемъ свободной конкурренціи. Нельзя уже было не считаться съ этими фактами, равно какъ и съ французскимъ и англійскимъ соціализмомъ, который являлся ихъ теоретическимъ, правда, крайне несовершеннымъ, выраженіемъ. Но старое идеалистическое, еще неотвергнутое воззрѣніе на исторію не знало никакой классовой борьбы, основанной на матеріальныхъ интересахъ, какъ вообще оно не признавало этихъ интересовъ. Производство, какъ и всѣ экономическія отношенія, являлось въ немъ мимоходомъ, въ качествѣ второстепеннаго элемента „исторіи культуры“.

Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю исторію новому изслѣдованію, и тогда выяснилось, что *вся* она, за исключеніемъ первобытнаго состоянія, была исторіею борьбы классовъ, что эти борющіеся общественные классы являются, въ каждый данный моментъ, результатомъ отношеній производства и обмѣна, короче — *экономическихъ* отношеній своего времени. Экономическій строй общества каждой данной эпохи представляетъ собой ту реальную почву, свойствами которой объясняется, въ послѣднемъ счетѣ, вся надстройка, образуемая совокупностью правовыхъ и политическихъ учрежденій, равно какъ религіозныхъ, философскихъ и прочихъ воззрѣній каждаго даннаго историческаго періода. Гегель освободилъ отъ метафизики пониманіе исторіи, — онъ сдѣлалъ его діалектическимъ, — но его собственный взглядъ на нее былъ идеалистиченъ по существу. Теперь идеализмъ былъ изгнанъ изъ его послѣдняго убѣжища, изъ области исторіи, теперь пониманіе исторіи стало матеріалистическимъ, теперь найденъ былъ путь для объясненія человѣческаго *самосознанія* условіями человѣческаго *существованія*, вмѣсто прежняго

объясненія этихъ условій человѣческимъ самосознаніемъ.

Поэтому соціализмъ является теперь не случайнымъ открытіемъ того или другого геніальнаго ума, но неизбѣжнымъ слѣдствіемъ борьбы двухъ исторически возникшихъ классовъ — пролетаріата и буржуазіи. Его задача заключается уже не въ томъ, чтобы измыслить возможно болѣе совершенный общественный строй, а въ томъ, чтобы изслѣдовать историко-экономическій процессъ, необходимымъ слѣдствіемъ котораго явились названные классы съ ихъ взаимной борьбою, и чтобы въ экономическомъ положеніи, созданномъ этимъ процессомъ, найти средство для разрѣшенія этой борьбы. Но прежній соціализмъ былъ также несовмѣстимъ съ этимъ матеріалистическимъ взглядомъ на исторію, какъ несовмѣстимы были съ діалектикой и съ новѣйшимъ естествознаніемъ воззрѣнія французскихъ матеріалистовъ на природу. Прежній соціализмъ, хотя и критиковалъ существующій капиталистическій способъ производства, и его послѣдствія, но онъ не могъ объяснить его, а, слѣдовательно, не въ состояніи былъ съ нимъ справиться, — онъ могъ лишь объявить его никуда негоднымъ. Чѣмъ сильнѣе вооружался онъ противъ неизбѣжной при этомъ способѣ производства эксплуатаціи рабочаго класса, тѣмъ менѣе былъ онъ въ состояніи наглядно объяснить, въ чемъ состоитъ эта эксплуатація и какъ она возникаетъ. Это было сдѣлано, благодаря открытію *прибавочной стоимости*. Было доказано, что присвоеніе неоплаченнаго труда есть основная форма капиталистическаго способа производства и свойственной ему эксплуатаціи рабочихъ; что даже въ томъ случаѣ, когда капиталистъ покупаетъ рабочую силу по полной стоимости, какую она, въ качествѣ товара, имѣетъ на рынкѣ, онъ все же извлекаетъ изъ нея стоимость большую той, которую онъ заплатилъ за нее, и что эта *прибавочная* стоимость есть источникъ той суммы стоимостей, благодаря которой накопляется въ рукахъ имущихъ классовъ постоянно возрастающая масса капиталовъ. Такимъ образомъ было выяснено происхожденіе капиталистическаго способа производства, равно какъ и производство самого капитала.

Этими двумя великими открытіями: матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи и разоблаченіемъ тайны капиталистическаго производства посредствомъ понятія о прибавочной стоимости — мы обязаны **Марксу**. Благодаря имъ, соціализмъ сталъ теперь наукой, которую нужно лишь разработать во всѣхъ ея подробностяхъ и во взаимной связи ея отдѣльныхъ частей.

III.

Матеріалистическое пониманіе исторіи зиждется на томъ положеніи, что производство и обмѣнъ продуктовъ служатъ основаніемъ всякаго общественнаго строя; что въ каждомъ историческомъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а съ нимъ и образованіе классовъ или сословій, зависитъ отъ того, какъ и что производится этимъ обществомъ и какимъ способомъ обмѣниваются произведенные продукты. Отсюда слѣдуетъ, что коренныхъ причинъ соціальныхъ перемѣнъ и политическихъ переворотовъ нужно искать не въ головахъ людей, не въ болѣе или менѣе ясномъ пониманіи ими вѣчной истины и справедливости, а въ измѣненіи способовъ производства и обмѣна; другими словами — не въ философіи, а въ экономіи данной эпохи. Пробудившееся сознаніе неразумности и несправедливости существующихъ общественныхъ отношеній, убѣжденіе въ томъ, что „Vernunft Unsinn, Wohl hat Plage geworden“ (что „безумствомъ мудрость стала, зломъ — благое“) — служитъ лишь указаніемъ того, что въ способахъ производства и въ формахъ обмѣна постепенно совершились измѣненія, настолько значительныя, что имъ не соотвѣтствуетъ болѣе общественный порядокъ, выкроенный по мѣркѣ старыхъ экономическихъ условій. Изъ сказаннаго ясно, что и средства для устраненія сознаннаго зла должны заключаться, — въ болѣе или менѣе развитомъ видѣ, — въ самихъ измѣнившихся условіяхъ производства. Умъ человѣческій не можетъ *изобрѣсти*

эти средства; онъ долженъ *открыть* ихъ въ данныхъ матеріальныхъ явленіяхъ производства.

Что же мы можемъ сказать, на основаніи этого, о современномъ соціализмѣ?

Всѣми признано, что существующій общественный строй созданъ господствующимъ теперь классомъ — буржуазіей. Свойственный буржуазіи способъ производства, обозначаемый со времени Маркса именемъ капиталистическаго, былъ несогласимъ съ мѣстными и сословными привилегіями, равно какъ и съ тѣми взаимными связями личностей, которыя существовали въ феодальномъ обществѣ; буржуазія разрушила феодальный порядокъ и воздвигла на его развалинахъ буржуазный общественный строй, царство свободной конкурренціи, свободы передвиженій, равноправности товаровладѣльцевъ, словомъ, всѣхъ буржуазныхъ прелестей. Капиталистическій способъ производства могъ развернуться теперь на полномъ просторѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ паръ и машины превратили старую мануфактуру въ крупную промышленность, выработавшіяся подъ управленіемъ буржуазіи производительныя силы стали развиваться съ неслыханной прежде быстротой и въ небывалыхъ размѣрахъ. Но точно также, какъ мануфактура и усовершенствовавшіяся подъ ея вліяніемъ ремесла пришли нѣкогда въ столкновеніе съ феодальными путами цеховъ, крупная промышленность, на болѣе высокой ступени своего развитія, приходитъ въ столкновеніе съ узкими предѣлами, которыми ограничиваетъ ее капиталистическій способъ производства. Новыя производительныя силы переросли буржуазныя формы ихъ эксплуатаціи. Это противорѣчіе между производительными силами и способомъ производства не выдумано людьми, — подобно противорѣчію между первороднымъ грѣхомъ и божественной справедливостью, — но существуетъ въ дѣйствительности, объективно, внѣ насъ, независимо отъ воли и поведенія даже тѣхъ людей, дѣятельностью которыхъ оно создано. Современный соціализмъ есть не что иное, какъ умственное отраже-

ніе этого фактическаго противорѣчія, идеальное женіе его въ головахъ прежде всего того класса, торый страдаетъ отъ него непосредственно, т. е. класс рабочихъ.

Въ чемъ же состоитъ это противорѣчіе?

До появленія капитализма, т. е. въ средніе вѣка, всюду существовало мелкое производство, основанное на частной собственности производителей по отношенію къ средствамъ производства: въ деревнѣ господствовало земледѣліе мелкихъ, свободныхъ или крѣпостныхъ, крестьянъ, въ городахъ — ремесло. Производительныя средства — земля, земледѣльческія орудія, мастерскія и инструменты ремесленниковъ — были производительными средствами отдѣльныхъ личностей, разсчитанными лишь на единичное употребленіе, и слѣдовательно, по необходимости, оставались мелкими, несовершенными, ограниченными. Но потому-то они и принадлежали самимъ производителямъ. Историческая роль капитализма и его носительницы, буржуазіи, заключалась именно въ концентрированіи этихъ мелкихъ орудій труда, въ приданіи имъ болѣе широкихъ размѣровъ, и въ превращеніи ихъ въ современные могучіе рычаги производства. Какъ выполнила она эту роль, начиная съ XV столѣтія, на трехъ различныхъ историческихъ ступеняхъ производства: простой кооперації, мануфактуры и крупной промышленности — прекрасно изображено въ четвертомъ отдѣлѣ „*Капитала*“ Маркса. Но тамъ же показано, что, превращая ограниченныя средства производства въ громадныя современныя производительныя силы, буржуазія не могла не превратить ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ частныхъ въ *общественныя*, приводимыя въ дѣйствіе лишь совокупными усиліями многихъ людей. Вмѣсто самопрялки, ручнаго ткацкаго станка, кузнечнаго молота, появились прядильныя машины, механическій ткацкій станокъ, паровой молотъ; вмѣсто маленькихъ мастерскихъ — громадныя фабрики, требующія соединеннаго труда сотень и тысячъ рабочихъ. Подобно *средствамъ* производства, и самое производство превратилось изъ ряда разрозненныхъ усилій единицъ

въ рядъ общественныхъ дѣйствій, а продуктъ изъ произведенія отдѣльнаго лица — въ произведеніе цѣлаго общества. Пряжа, ткани, желѣзные товары, выходящіе теперь изъ фабрикъ и заводовъ, представляютъ собою продуктъ труда множества рабочихъ, которые поочередно прикладывали къ нимъ свои усилія, прежде чѣмъ придали имъ окончательную форму. Никто въ отдѣльности не можетъ сказать объ этихъ товарахъ: это сдѣлалъ *я*, это *мой* продуктъ.

Но въ обществѣ, производство котораго основано на естественно-выросшемъ раздѣленіи труда, продукты неизбѣжно принимаютъ форму товаровъ, обмѣнъ которыхъ, купля и продажа, даютъ отдѣльнымъ производителямъ возможность удовлетворять свои разнообразныя потребности. Такъ и было въ средніе вѣка. Крестьянинъ, напримѣръ, продавалъ ремесленнику земледѣльческіе продукты и покупалъ у него ремесленныя произведенія. Въ это-то общество разъединенныхъ товаро-производителей проникъ новый способъ производства. Среди первобытнаго, безъ всякаго плана сложившагося раздѣленія труда между членами цѣлаго общества, возникло раздѣленіе труда на фабрикахъ, организованное по заранѣе обдуманному плану; рядомъ съ *индивидуальнымъ* производствомъ появилось *общественное* производство. Продукты того и другого продавались на однихъ и тѣхъ же рынкахъ, а, слѣдовательно, по цѣнамъ, по крайней мѣрѣ, приблизительно равнымъ. Но организація, созданная по обдуманному плану, была могущественнѣе первобытнаго раздѣленія труда; продукты общественнаго фабричнаго труда стоили дешевле продуктовъ мелкихъ, разъединенныхъ производителей. Индивидуальное производство приходило въ упадокъ, общественное призводство революціонизовало, наконецъ, весь старый способъ производства. Революціонный его характеръ, однако, былъ такъ мало замѣченъ, что оно вводилось именно ради усиленія и поощренія товарнаго производства. Оно возникло въ непосредственной связи

съ извѣстыми, уже ранѣе его существовавшими двигателями товарнаго производства — торговымъ капиталомъ, ремеслами и наемнымъ трудомъ. Выступая лишь въ видѣ новой формы товарнаго производства, оно оставляло въ полной силѣ свойственныя этому производству формы присвоенія.

При средневѣковомъ производствѣ товаровъ вопросъ о томъ, кому должны принадлежать продукты труда, не могъ даже и возникнуть. Они выдѣлывались каждымъ отдѣльнымъ производителемъ изъ собственнаго матерьяла, часто имъ же самимъ произведеннаго, собственными орудіями и собственными руками или руками семьи. Такому производителю незачѣмъ было *присваивать* себѣ свои продукты, они принадлежали ему по самому существу дѣла. Право собственности на продукты, основывалось, слѣдовательно, на *личномъ трудѣ*. Если посторонняя помощь и имѣла мѣсто въ производствѣ, то она, въ большинствѣ случаевъ, играла лишь второстепенную роль и вознаграждалась не одною заработною платою; цеховой ученикъ и подмастерье работали не столько ради платы или содержанія, сколько ради собственнаго обученія и подготовки къ званію самостоятельнаго мастера. Но вотъ началась концентрація средствъ производства въ большихъ мастерскихъ и мануфактурахъ, превращеніе ихъ на дѣлѣ въ общественныя средства производства. И съ этими общественными средствами и продуктами продолжали поступать такъ, какъ будто они по прежнему оставались средствами производства и продуктами труда отдѣльныхъ личностей. Если до сихъ поръ производитель, бывшій вмѣстѣ и собственникомъ орудій труда, присваивалъ себѣ свой продуктъ, въ которомъ чужой трудъ участвовалъ лишь въ видѣ исключенія, то теперь собственникъ орудій труда продолжалъ присваивать себѣ продукты, хотя они производились уже не его, а исключительно *чужимъ трудомъ*. Такимъ образомъ продукты общественнаго труда стали присваиваться не тѣми, которые работали съ помощью его орудій и были настоящими производителями его продуктовъ, а *капиталистами*. Средства производства и продукты по существу своему стали общественными: но они были подчинены формѣ при-

своенія, основанной на частномъ, единичномъ производствѣ, свойственномъ тому времени, когда каждый владѣлъ своимъ собственнымъ продуктомъ и самъ выносилъ его на рынокъ. Новая форма производства подчинилась старой формѣ присвоенія, не смотря на то, что совершенно разрушила ея основанія.[5]) Это противорѣчіе, сообщившее новому способу производства его капиталистическій характеръ, заключало въ себѣ зародыши всѣхъ современныхъ противорѣчій. И чѣмъ полнѣе становилось господство новаго способа производства во всѣхъ наиболѣе значительныхъ отрасляхъ труда, во всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ въ экономическомъ отношеніи странахъ, чѣмъ дальше оттѣснялъ онъ незначительные остатки единичнаго производства, *тѣмъ рѣзче должна была выступать несовмѣстимость общественнаго производства съ капиталистическимъ присвоеніемъ.*

Первые капиталисты нашли, какъ мы видѣли, форму наемнаго труда уже готовою. Но наемный трудъ существовалъ лишь въ видѣ исключенія, побочнаго занятія, переходнаго положенія для рабочаго. Земледѣлецъ, нанимавшійся по временамъ на поденную работу, имѣлъ свой собственный клочекъ земли, продуктами котораго могъ прожить въ случаѣ крайности. Цехи заботились о томъ, чтобы сегодняшній подмастерье завтра дѣлался мастеромъ. Но все измѣнилось, какъ только средства производства пріобрѣли общественный характеръ и сконцентрировались въ рукахъ капиталистовъ. Средства производства и продукты единичныхъ производителей

[5]) Само собой понятно, что хотя *форма* присвоенія и осталась прежней, но *характеръ* измѣнился, вслѣдствіе вышеописаннаго процеса, такъ же радикально, какъ и характеръ самого производства. Большая разница, присваиваю ли я продуктъ своего собственнаго, или продуктъ чужого труда. Замѣтимъ мимоходомъ, что наемный трудъ, скрывавшій въ себѣ зародышъ всего капиталистическаго производства, существуетъ съ давнихъ временъ. Въ единичной, случайной формѣ мы встрѣчаемъ его въ теченіе столѣтій рядомъ съ рабствомъ. Но скрытый зародышъ не могъ развиться въ капиталистическій способъ производства раньше, чѣмъ созрѣли необходимыя для него историческія условія.

все болѣе и болѣе теряли цѣну и ихъ владѣльцамъ не оставалось другого выбора, какъ наниматься къ капиталистамъ. Наемный трудъ, существовавшій раньше въ видѣ исключенія, сдѣлался общимъ правиломъ, основою всего производства; изъ побочнаго, онъ сдѣлался единственнымъ занятіемъ рабочихъ. Временный наемный рабочій превратился въ пожизненнаго. Масса наемныхъ рабочихъ чрезвычайно увеличилась черезъ одновременное разрушеніе феодальнаго порядка, распущеніе свиты феодаловъ, изгнаніе крестьянъ изъ ихъ усадебъ и проч. Совершился полный разрывъ между средствами производства, сконцентрированными въ рукахъ капиталистовъ, и производителями, лишенными всего, кромѣ рабочей силы. *Противорѣчіе между общественнымъ производствомъ и капиталистическимъ присвоеніемъ проявилось въ антагонизмѣ между пролетаріатомъ и буржуазіей.*

Мы видѣли, что капиталистическое производство появилось въ обществѣ, состоявшемъ изъ отдѣльныхъ товаро-производителей, связанныхъ между собою лишь посредствомъ обмѣна своихъ продуктовъ. Но особеность каждаго общества, основаннаго на производствѣ товаровъ, заключается въ томъ, что въ немъ производители теряютъ власть надъ своими собственными общественными сношеніями. Каждый производитъ самъ по себѣ, сколько позволяютъ случайно имѣющіяся въ его распоряженіи средства производства, для удовлетворенія своихъ потребностей посредствомъ обмѣна. Никто не знаетъ, сколько появится на рынкѣ того продукта, который онъ производитъ, и въ какомъ количествѣ онъ можетъ найти потребителей; никто не знаетъ, найдетъ ли потребителя его товаръ, окупитъ ли онъ издержки производства и вообще будетъ ли проданъ. Въ общественномъ производствѣ господствуетъ анархія. Но товарное производство, какъ и всякая другая форма производства, имѣетъ свои, присущіе ему и неотдѣлимые отъ него законы, которые проявляются, не смотря на анархію, въ анархіи и посредствомъ анархіи. Эти законы проявляются въ единственно сохранившейся формѣ общественной связи: въ обмѣнѣ, и подчиняютъ себѣ

производителей, какъ принудительные законы конкурренціи. Они неизвѣстны вначалѣ самимъ производителямъ и открываются ими лишь постепенно изъ долгаго опыта. Они дѣйствуютъ, значитъ, безъ участія производителей и противъ производителей, такъ же неотразимо и слѣпо, какъ законы природы. Продуктъ господствуетъ надъ производителемъ.

Въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ производство было главнымъ образомъ разсчитано на собственное потребленіе. Оно удовлетворяло прежде всего потребности самого производителя и его семьи. Тамъ же, гдѣ, какъ въ земледѣліи, существовала личная зависимость, производство удовлетворяло также потребностямъ феодальнаго господина. Здѣсь не было, слѣдовательно, обмѣна, и продукты не принимали характера товара. Крестьянская семья сама производила все для нея нужное: орудія и одежду такъ же, какъ и пищу. Производить на продажу она начинала только тогда, когда у нея оставался излишекъ отъ собственнаго потребленія и послѣ уплаты натуральныхъ повинностей господину; этотъ пущенный въ обмѣнъ излишекъ становился товаромъ. Городскіе ремесленники должны были, конечно, съ самаго начала, производить для обмѣна. Но и они сами производили большую часть нужныхъ для нихъ предметовъ; они имѣли сады и маленькія поля, пасли свой скотъ въ общинномъ лѣсу, который, кромѣ того, доставлялъ имъ строительный матерьялъ и дрова; женщины пряли ленъ и шерсть и т. д. Производство съ цѣлью обмѣна, производство товаровъ только возникало. Отсюда — ограниченность обмѣна, ограниченность рынковъ, устойчивость формъ производства, мѣстная замкнутость отъ внѣшняго міра, мѣстная связь производителей: марка[6]) въ деревняхъ, цехи въ городахъ.

Съ расширеніемъ же производства на сбытъ, и именно съ выступленіемъ на историческую сцену капитализма, законы товарнаго производства, до тѣхъ поръ какъ бы

[6]) Маркой называлась древняя германская поземельная община.

погруженные въ дремоту, стали дѣйствовать съ большей силой и ясностью. Старыя связи были разрушены, старыя рамки разбиты, и производители все болѣе и болѣе обращались въ разъединенныхъ и независимыхъ товаро-производителей. Анархія общественнаго производства выступила наружу и принимала все большіе и большіе размѣры. А между тѣмъ главнѣйшее орудіе, съ помощью котораго капитализмъ усиливалъ анархію въ общественномъ производствѣ, представляло собою прямую противоположность анархіи: оно состояло въ усиленіи общественной организаціи производства въ каждомъ отдѣльномъ промышленномъ предпріятіи. Съ помощью этого рычага капиталистическій способъ производства покончилъ со старымъ мирнымъ застоемъ. Проникая въ данную отрасль промышленности, онъ изгонялъ изъ нея всѣ старыя методы производства. Становясь господствующимъ въ данной сферѣ ремесла, онъ уничтожалъ старый характеръ этого ремесла. Поле труда стало полемъ сраженія. Великія географическія открытія и послѣдовавшая за ними колонизація умножили мѣста сбыта и ускорили превращеніе ремесла въ мануфактуру. Борьба не ограничивалась уже мѣстными, единичными производителями; соперничество отдѣльныхъ мѣстностей разрослось въ свою очередь до размѣровъ національной борьбы, до торговыхъ войнъ XVII и XVIII столѣтій. Наконецъ, крупная промышленность и всемірный рынокъ сдѣлали эту борьбу всемірной и въ то же время придали ей неслыханную интенсивность. Отъ обладанія естественными или искуственно созданными выгодными условіями производства зависитъ теперь существованіе не только отдѣльныхъ капиталистовъ, но цѣлыхъ отраслей промышленности и даже цѣлыхъ странъ. Побѣжденные безжалостно устраняются. Это Дарвиновская борьба за существованіе отдѣльныхъ особей, возведенная въ степень, и перенесенная изъ царства природы въ человѣческое общество. Естественное состояніе животныхъ кажется вѣнцомъ человѣческаго развитія. Противорѣчіе между общественнымъ производствомъ и капиталистическимъ присвоеніемъ вы-

ступаетъ наружу *какъ противоположность между организаціей производства на отдѣльныхъ фабрикахъ и его анархическимъ состояніемъ въ обществѣ, взятомъ какъ цѣлое.*

Въ этихъ двухъ формахъ проявленія того противорѣчія, которое свойственно ему въ силу его происхожденія, безвыходно движется капиталистическое производство, описывая „заколдованный кругъ", указанный еще Фурье. Но во время Фурье во всякомъ случаѣ нельзя было еще видѣть, что этотъ кругъ постоянно съуживается, что движеніе производства идетъ по спирали и, подобно движенію планетъ, должно закончиться столкновеніемъ съ центромъ. Неумолимая сила общественной анархіи производства превращаетъ постоянно возростающее большинство человѣчества въ пролетаріевъ, а пролетаріатъ, въ свою очередь, положитъ конецъ анархіи производства. Та же неумолимая сила соціальной анархіи производства превращаетъ возможность безконечнаго усовершенствованія машинъ, служащихъ крупной промышленности, въ безусловное обязательство для каждаго отдѣльнаго капиталиста безпрерывно совершенствовать свои машины подъ страхомъ раззоренія. Но совершенствовать машины значитъ дѣлать излишнимъ человѣческій трудъ. Если введеніе и распространеніе машинъ означало вытѣсненіе милліоновъ работниковъ ручнаго труда немногими рабочими при машинахъ, то усовершенствованіе машинъ означаетъ все болѣе и болѣе сильное вытѣсненіе самихъ рабочихъ при машинахъ и образованіе усиленнаго предложенія рабочихъ рукъ, превышающій средній спросъ на нихъ со стороны капитала. Масса незанятыхъ рабочихъ образуетъ промышленную резервную армію, какъ я назвалъ ее еще въ 1845 году[1], являющуюся къ услугамъ производства, когда оно работаетъ на всѣхъ парахъ и выбрасываемую на мостовую крахомъ, неизбѣжно слѣдующимъ за каждымъ оживленіемъ. Эта армія, постоянно висящая свинцовой

[1] Lage der arbeitenden Klasse in England, стр. 109 (Положеніе рабочаго класса въ Англіи).

гирей на ногахъ рабочаго класса въ борьбѣ за существованіе между нимъ и капиталомъ, служитъ регуляторомъ рабочей платы, постоянно удерживая на низкомъ уровнѣ, сообразно съ потребностями капиталистовъ. Такимъ образомъ выходитъ, что машина, говоря словами Маркса, является сильнѣйшимъ оружіемъ капитала противъ рабочаго класса, что орудіе труда постоянно вырываетъ хлѣбъ изъ рукъ трудящагося и собственный продуктъ рабочихъ превращается въ средство для ихъ порабощенія. Оказывается, что сбереженіе въ издержкахъ производства является въ то же время самой беззастѣнчивой растратой рабочей силы и хищничествомъ по отношенію къ нормальнымъ условіямъ труда; что машина, это сильнѣйшее средство сокращенія рабочаго времени, превращается въ самое вѣрное средство обращенія всей жизни рабочаго и его семьи въ рабочее время, всегда готовое къ услугамъ капитала. Оказывается, что чрезмѣрный трудъ одной части рабочаго класса обусловливаетъ полную безработицу другой его части, что крупная промышленность, по всему свѣту гоняющаяся за потребителями, доводитъ у себя дома потребленіе рабочихъ массъ до ничтожнаго минимума и такимъ образомъ подрываетъ свой собственный рынокъ. „Законъ, по которому относительное перенаселеніе или резервная промышленная армія постояно находится въ равновѣсіи съ размѣромъ и силою накопленія, этотъ законъ приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометея къ скалѣ. Онъ обусловливаетъ соотвѣтствующее накопленію богатства накопленіе нищеты, изнуренія, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго вырожденія на противоположномъ полюсѣ, т. е. въ средѣ того класса, *продуктъ труда котораго становится капиталомъ*“. (Марксъ, „Капиталъ“, стр. 556). Требовать отъ капиталистическаго способа производства другого распредѣленія продуктовъ было бы также основательно, какъ требовать, чтобы электроды баттареи, оставаясь въ соединеніи съ нею, перестали разлагать воду и собирать на положительномъ полюсѣ кислородъ, а на отрицательномъ водородъ.

Мы видѣли, какъ способность къ усовершенствованію, доведенная современными машинами до высочайшей степени, превратилась, вслѣдствіе анархіи общественнаго производства, въ неумолимый законъ, принуждающій отдѣльныхъ капиталистовъ-промышленниковъ постоянно улучшать свои машины и увеличивать ихъ производительную силу. Въ такой же принудительный законъ превращается для нихъ и простая фактическая возможность расширять размѣры своего производства. Громадная способность крупной промышленности къ расширенію, предъ которой расширяемость газовъ оказывается дѣтской игрушкой, проявляется теперь въ видѣ *потребности* расширять ее и качественно и количественно, не смотря на всѣ препятствія. Эти препятствія создаются условіями потребленія, сбыта, рынковъ для продуктовъ крупной промышленности. Способность рынковъ какъ къ экстенсивному, такъ и интенсивному расширенію опредѣляется совсѣмъ иными законами, дѣйствующими съ гораздо меньшей энергіей. Расширеніе рынковъ не можетъ идти въ уровень съ расширеніемъ производства. Отсюда столкновеніе, неизбѣжное, пока существуетъ капиталистическое производство, а потому повторяющееся періодически. Капиталистическое производство попадаетъ въ новый „заколдованный кругъ“.

И дѣйствительно, начиная съ 1825 года, когда разразился первый общій кризисъ, весь промышленный и торговый міръ, производство и обмѣнъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, равно какъ и ихъ болѣе или менѣе варварскихъ сосѣдей, приблизительно разъ въ десять лѣтъ соскакиваютъ съ рельсовъ. Торговля останавливается, рынки переполняются массой не находящихъ сбыта продуктовъ, наличныя деньги исчезаютъ изъ обращенія, кредитъ уничтожается, фабрики останавливаются, рабочіе лишаются всякихъ средствъ существованія, именно по той причинѣ, что произвели эти средства въ слишкомъ большомъ количествѣ, банкротства слѣдуютъ за банкротствами, аукціонъ смѣняется аукціономъ. Застой длится цѣлые годы, массы производи-

тельныхъ силъ и продуктовъ уничтожаются и расточаются, пока накопившіеся товары не разойдутся, наконецъ, по болѣе или менѣе пониженной цѣнѣ и не возобновится движеніе производства и обмѣна. Малу по малу движеніе это ускоряется, шагъ смѣняется рысью, промышленная рысь переходитъ въ галопъ, уступающій свое мѣсто безумному карьеру, настоящей steeple chase (скачкѣ съ препятствіями) промышленности, торговли, кредита и спекуляціи, чтобы, послѣ отчаянныхъ скачковъ, снова свалиться въ ровъ краха. Съ 1825 года мы уже пять разъ пережили этотъ круговоротъ, и теперь (въ 1877 году) переживаемъ его—въ шестой. Характеръ этихъ кризисовъ до такой степени очевиденъ, что Фурье опредѣлилъ ихъ всѣ разомъ, назвавши первый изъ нихъ — кризисомъ отъ излишка — crise plethorique.

Во время кризисовъ противорѣчіе между общественнымъ производствомъ и капиталистическимъ присвоеніемъ переходитъ въ жесточайшее столкновеніе двухъ враждебныхъ силъ. Обращеніе товаровъ на время прекращается; деньги изъ орудія обращенія становятся его препятствіемъ; всѣ законы производства и обращенія товаровъ дѣйствуютъ навыворотъ. Экономическія противорѣчія доходятъ до своего апогея: *способъ производства возстаетъ противъ способа обмѣна.*

Тотъ несомнѣнный фактъ, что общественная организація производства внутри фабрикъ достигла такой степени развитія, на которой она становится несовмѣстимой съ существующей рядомъ съ нею и надъ нею анархіей производства въ обществѣ, этотъ фактъ становится осязательнымъ для самихъ капиталистовъ, благодаря совершающейся во время кризисовъ насильственной концентраціи капиталовъ, путемъ раззоренія многихъ крупныхъ и несравненно большаго числа мелкихъ капиталистовъ. Весь механизмъ капаталистическаго производства надламывается подъ тяжестью имъ же созданныхъ производительныхъ силъ. Онъ не можетъ болѣе превращать въ капиталъ всей массы производительныхъ средствъ: они остаются безъ употребленія, а потому

должна бездѣйствовать и резервная армія рабочихъ. Средства производства, жизненные припасы, рабочія руки, всѣ элементы производства и общаго благосостоянія находятся въ избыткѣ. Но, какъ говоритъ Фурье, избытокъ становится источникомъ нужды и лишеній, потому что именно онъ-то и препятствуетъ превращенію въ капиталъ средствъ производства и потребленія, ибо въ капиталистическомъ обществѣ средства производства не могутъ функціонировать иначе, какъ превратившись въ капиталъ, то есть въ орудіе эксплуатаціи человѣческой рабочей силы. Какъ привидѣніе, стоитъ между рабочими и средствами производства и потребленія необходимость превращенія этихъ средствъ производства въ капиталъ. Она одна препятствуетъ соединенію вещественныхъ и личныхъ двигателей производства; она одна мѣшаетъ средствамъ производства превращаться въ продуктъ, а рабочимъ жить и трудиться. Съ одной стороны капиталистическій способъ производства самъ обнаруживаетъ, слѣдовательно, свою неспособность къ дальнѣйшему управленію производительными силами. Съ другой стороны сами производительныя силы съ возрастающей мощью стремятся къ уничтоженію этого противорѣчія, къ освобожденію себя отъ своихъ капиталистическихъ свойствъ, *къ фактическому признанію ихъ характера: характера общественныхъ производительныхъ силъ.*

Эта-то борьба могущественно растущихъ производительныхъ силъ противъ своихъ собственныхъ свойствъ, эта-то возрастающая необходимость признанія ихъ общественной природы и принуждаетъ самихъ капиталистовъ все чаще и чаще употреблять ихъ въ качествѣ *общественныхъ* производительныхъ силъ, насколько это возможно при капиталистическихъ отношеніяхъ. Какъ періоды промышленной горячки съ ихъ безгранично широкимъ кредитомъ, такъ и самые крахи, разрушающіе крупныя капиталистическія предпріятія, побуждаютъ капиталистовъ къ усвоенію тѣхъ формъ обобществленія большихъ массъ производительныхъ средствъ, которыя мы встрѣчаемъ въ различнаго рода акціонерныхъ компаніяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ средствъ производства

и сообщенія, какъ напримѣръ желѣзныя дороги, по самому существу своему до того колоссальны, что не допускаютъ никакихъ другихъ формъ капиталистической эксплуатаціи. На извѣстной ступени развитія становится недостаточной и эта форма: государство, какъ оффиціальный представитель капиталистическаго общества оказывается вынужденнымъ*) взять на себя веденіе дѣла. Эта необходимость превращенія въ государственную собственность наступаетъ прежде всего для крупныхъ средствъ обращенія: почтъ, телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ.

Если кризисы показали неспособность буржуазіи къ дальнѣйшему управленію современными производительными силами, то переходъ крупныхъ производительныхъ предпріятій и средствъ сообщенія въ руки акціонерныхъ компаній и государства доказываетъ ея ненуж-

*) Я говорю *оказывается вынужденнымъ*, такъ какъ лишь въ томъ случаѣ, когда средства производства или сообщенія *дѣйствительно* переросли управленіе акціонерныхъ компаній, когда переходъ ихъ въ вѣдѣніе государства сдѣлался *экономически* неизбѣжнымъ, только тогда,—даже совершенный современнымъ государствомъ, —будетъ онъ экономическимъ прогрессомъ, шагомъ впередъ по пути къ переходу всѣхъ производительныхъ силъ въ руки общества. Но въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ, какъ Бисмаркъ началъ гоняться за государственными монополіями, появился особаго рода фальшивый соціализмъ, проявляющійся то тамъ, то тутъ въ видѣ особаго рода добровольнаго лакейства, объявляющаго, безъ всякихъ разсужденій, соціализмомъ *всякое*, даже Бисмарковское обращеніе средствъ производства въ государственную собственность. Если табачная монополія есть соціализмъ, то Наполеонъ и Меттернихъ несомнѣнно должны быть занесены въ число основателей соціализма. Когда бельгійское правительство, изъ самыхъ обыденныхъ политическихъ и финансовыхъ соображеній, взялось за постройку главныхъ желѣзныхъ дорогъ; когда Бисмаркъ, безъ малѣйшей экономической необходимости, превратилъ въ государственную собственность главнѣйшія прусскія линіи ради удобствъ эксплуатаціи и пользованія ими въ случаѣ войны, ради образованія изъ желѣзнодорожныхъ чиновниковъ послушно вотирующаго за правительство стада, а главнымъ образомъ для того, чтобы имѣть новый, независимый отъ парламента источникъ, то все это ни въ какомъ случаѣ не было соціализмомъ, ни прямымъ, ни косвеннымъ, ни сознательнымъ, ни безсознательнымъ. Иначе королевская морская торговля, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротныя цивальни въ арміи должны быть признаны соціалистическими учрежденіями.

ность. Наемные агенты исполняютъ теперь всѣ общественныя функціи капиталистовъ. Для самихъ капиталистовъ не осталось другой общественной дѣятельности, кромѣ загребанья доходовъ, обрѣзыванья купоновъ и игры на биржѣ, гдѣ различные капиталисты отнимаютъ другъ у друга капиталы. Капиталистическій способъ производства, вытѣснявшій сперва рабочихъ, вытѣсняетъ теперь и самихъ капиталистовъ, пока еще, правда, не въ резервную армію промышленности, а только въ разрядъ излишняго населенія.

Но ни переходъ въ руки акціонерныхъ компаній, ни превращеніе въ государственную собственность не отнимаютъ, однако, у производительныхъ силъ ихъ капиталистическихъ свойствъ. Относительно акціонерныхъ компаній это очевидно. Что же касается современнаго государства, то оно есть не что иное, какъ организація, которую создаетъ буржуазное общество для охраненія общихъ, внѣшнихъ условій капиталистическаго производства отъ посягательствъ какъ рабочихъ, такъ и отдѣльныхъ капиталистовъ. Какія бы формы ни принимало современное государство, оно останется механизмомъ чисто капиталистическимъ, государствомъ капиталистовъ, идеальнымъ совокупнымъ капиталистомъ. Чѣмъ больше производительныхъ силъ захватитъ оно въ свою собственность, тѣмъ полнѣе будетъ его превращеніе въ совокупнаго капиталиста и тѣмъ большее число гражданъ будетъ оно эксплуатировать. Рабочіе останутся наемниками и пролетаріями. Капиталистическія отношенія не устранятся, а обострятся еще болѣе. Но это обостреніе будетъ послѣднимъ шагомъ ихъ развитія. Превращеніе производительныхъ силъ въ государственную собственность не разрѣшаетъ противорѣчій капитализма, но оно заключаетъ въ себѣ формальное средство, возможность ихъ разрѣшенія.

Это разрѣшеніе можетъ состоять лишь въ фактическомъ признаніи общественной природы современныхъ производительныхъ силъ, слѣдовательно, въ приведеніи способовъ производства, присвоенія и обмѣна въ соотвѣтствіе съ общественнымъ характеромъ производи-

тельныхъ средствъ. А этого можно достигнуть только прямымъ и открытымъ переходомъ въ общественную собственность производительныхъ силъ, переросшихъ всякій другой способъ примѣненія ихъ къ дѣлу. Общественный характеръ средствъ производства и его продуктовъ, проявляющійся теперь съ разрушительной силой слѣпого закона природы, обрушающійся противъ самихъ производителей, періодически нарушающій ходъ производства и обмѣна, будетъ тогда сознательно проведенъ въ жизнь производителями и превратится изъ причины неурядицы и періодическихъ столкновеній въ сильнѣйшій рычагъ производства.

Общественныя силы, подобно силамъ природы, дѣйствуютъ слѣпо, насильственно и разрушительно, пока мы не понимаемъ ихъ и не считаемся съ ними. Но разъ мы узнали ихъ, изучили ихъ дѣйствіе, направленіе и вліяніе, отъ насъ самихъ зависитъ подчинять ихъ все болѣе и болѣе нашей волѣ и чрезъ нихъ достигать нашихъ цѣлей. Это въ особенности относится къ современнымъ могучимъ производительнымъ силамъ. Пока мы упорно отказываемся понять ихъ природу и характеръ — а этому пониманію противятся капиталистическій способъ производства и его защитники — до тѣхъ поръ производительныя силы дѣйствуютъ помимо насъ и противъ насъ, до тѣхъ поръ онѣ властвуютъ надъ нами, какъ это подробно показано выше. Но разъ ихъ природа будетъ понята, онѣ могутъ превратиться въ рукахъ соединившихся производителей изъ демоническихъ повелителей въ покорныхъ слугъ. Здѣсь та же разница, что между разрушительной силой, производящей молнію, и электричествомъ, покорно дѣйствующимъ въ телеграфномъ аппаратѣ или лампѣ, между пожаромъ и огнемъ, служащимъ на пользу человѣка. Когда съ современными производительными силами станутъ обращаться сообразно съ ихъ, узнанной наконецъ, природой, общественная анархія въ производствѣ замѣнится *общественнымъ* производствомъ, организованнымъ по плану, разсчитанному на удовлетвореніе потребностей какъ цѣлаго общества, такъ и каждаго его члена;

тогда капиталистическій способъ присвоенія, при которомъ продуктъ порабощаетъ сперва производителя, а затѣмъ, самаго присвоителя, уступитъ мѣсто новому способу присвоенія, основанному на самой природѣ современныхъ средствъ производства: съ одной стороны прямому общественному присвоенію продуктовъ, въ качествѣ средствъ для поддержанія и расширенія производства, а съ другой — прямому индивидуальному ихъ присвоенію, въ качествѣ средствъ существованія и наслажденія.

Обращая постоянно возрастающее большинство населенія въ пролетаріевъ, капиталистическій способъ производства создаетъ силу, которая должна совершить этотъ переворотъ подъ страхомъ гибели. Все болѣе и болѣе толкая крупныя обобществленныя средства производства на путь перехода въ государственную собственность, капитализмъ самъ указываетъ путь къ совершенію этого переворота. *Пролетаріатъ овладѣваетъ государственною властью и превращаетъ средства производства сперва въ государственную собственность.* Но тѣмъ самымъ онъ прекращаетъ свое существованіе какъ пролетаріата, уничтожаетъ различія классовъ и ихъ антагонизмъ, а также самое государство, какъ государство. Классовой антагонизмъ, лежавшій въ основаніи до сихъ поръ существовавшихъ обществъ, вызывалъ необходимость государства, т. е. организаціи даннаго класса эксплуататоровъ для охраненія общихъ условій производства, слѣдовательно, и для насильственнаго удержанія эксплуатируемаго класса на той ступени подчиненія, которая требовалась даннымъ способомъ производства (въ рабствѣ, крѣпостномъ состояніи или въ положеніи наемныхъ рабочихъ). Государство было оффиціальнымъ представителемъ всего общества, оно объединяло его въ одной видимой организаціи, но оно исполняло эту роль лишь постольку, поскольку было государствомъ того класса, который самъ являлся представителемъ всего современнаго ему общества: въ древности—государствомъ гражданъ-рабовладѣльцевъ; въ средніе вѣка—феодальнаго дворянства, въ

наше время—буржуазіи. Сдѣлавшись, наконецъ, дѣйствительнымъ представителемъ всего общества, оно станетъ излишнимъ. Когда не будетъ общественныхъ классовъ, которые нужно было удерживать въ подчиненіи; когда не будетъ господства одного класса надъ другимъ и борьбы за существованіе, коренящейся въ современной анархіи производства; когда устранятся вытекающія отсюда столкновенія и насилія, тогда некого будетъ подавлять и сдерживать, тогда исчезнетъ надобность въ государственной власти, исполняющей нынѣ эту функцію. Первый актъ, въ которомъ государство выступитъ дѣйствительнымъ представителемъ всего общества—обращеніе средствъ производства въ общественную собственность—будетъ его послѣднимъ самостоятельнымъ дѣйствіемъ въ качествѣ государства. Вмѣшательство государственной власти въ общественыя отношенія сдѣлается мало по малу излишнимъ и прекратится само собою. Государство не будетъ „уничтожено“ — *оно умретъ*. Отсюда можно видѣть, какой смыслъ имѣетъ фраза: „свободное народное государство“, пригодная для временныхъ агитаціонныхъ цѣлей, но неудовлетворительная въ научномъ отношеніи; отсюда же можно судить о требованіяхъ такъ называемыхъ анархистовъ относительно уничтоженія государства чуть-ли не въ 24 часа.

Съ тѣхъ поръ, какъ на сцену исторіи выступило капиталистическое производство, переходъ всѣхъ производительныхъ средствъ въ собственность всего общества часто являлся въ видѣ болѣе или менѣе неяснаго идеала будущаго какъ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и цѣлымъ сектамъ. Но возможнымъ и исторически необходимымъ онъ сталъ только тогда, когда явились матеріальныя условія его осуществленія. Какъ и всякій другой общественный прогрессъ, такой переходъ дѣлается возможнымъ не потому, что понятно противорѣчіе между существованіемъ классовъ и идеей справедливости равенства и т. п.; не вслѣдствіе простаго желанія уничтожить классы, а лишь при наличности извѣстныхъ новыхъ экономическихъ условій. Раздѣленіе общества на

классы эксплуатирующіе и эксплуатируемые, господствующіе и угнетенные было необходимымъ слѣдствіемъ прежняго недостаточнаго развитія производства. Пока совокупность результатовъ общественнаго труда едва превышаетъ необходимѣйшія средства существованія, пока трудъ отнимаетъ все или почти все время громаднаго большинства общества, до тѣхъ поръ оно, по необходимости, дѣлится на классы. Рядомъ съ огромнымъ большинствомъ, исключительно занятымъ физической работой, образуется классъ, освобожденный отъ прямого производительнаго труда и завѣдующій общественными дѣлами: руководствомъ въ работѣ, государственнымъ управленіемъ, правосудіемъ, науками, искуствами и т. д. Въ основаніи дѣленія на классы лежитъ, слѣдовательно, законъ раздѣленія труда. Это ничуть не мѣшало, однако, значительному участію насилія, хищничества, обмана и хитрости въ образованіи классовъ; а разъ упрочивши свое положеніе, господствующій классъ никогда уже не упуститъ случая усиливать свою власть насчетъ трудящихся классовъ и превращать управленіе общественными дѣлами въ усиленную эксплуатацію массъ.

Но если раздѣленіе на классы и имѣло извѣстное историческое оправданіе, то оно имѣло его лишь для даннаго періода и при данныхъ общественныхъ условіяхъ. Оно коренилось въ слабости производства и будетъ сметено полнымъ развитіемъ современныхъ производительныхъ силъ. И дѣйствительно, уничтоженіе общественныхъ классовъ предполагаетъ достиженіе той ступени историческаго развитія, на которой является анахронизмомъ не только господство *того* или *другого* опредѣленнаго класса, но вообще всякое классовое господство, а слѣдовательно, и самое раздѣленіе на классы. Уничтоженіе классовъ предполагаетъ, стало быть, такую высокую степень развитія производства, на которой присвоеніе особымъ общественнымъ классомъ средствъ производства и продуктовъ, — а съ ними и политическаго господства, монополіи образованія и умственнаго главенства, — становится не только излиш-

нимъ, но является препятствіемъ къ экономическому политическому и умственному развитію. Эта степень теперь достигнута. Политическое и умственное банкротство буржуазіи едва ли составляетъ тайну даже для нея самой, а ея экономическое банкротство повторяется аккуратно каждыя десять лѣтъ. При каждомъ кризисѣ общество задыхается подъ тяжестью своихъ собственныхъ производительныхъ силъ и продуктовъ, которыхъ не можетъ уоотреблять въ дѣло, и остается безпомощнымъ предъ безсмысленнымъ противорѣчіемъ, лишающимъ производителей возможности потреблять именно потому, что на продукты нѣтъ потребителей. Въ своемъ могучемъ ростѣ, средства производства разрываютъ узы, наложенныя капитализмомъ. Освобожденіе отъ этихъ узъ есть единственное предварительное условіе безпрерывнаго, постоянно ускоряющагося развитія производительныхъ силъ, а благодаря этому — и практически безграничнаго увеличенія самаго производства. Но это еще не все. Обращеніе средствъ производства въ общественную собственность устранитъ не только нынѣшнія искуственныя препятствія его правильному ходу, но также неизбѣжную теперь положительную растрату и порчу производительныхъ силъ и продуктовъ, достигающую высшихъ размѣровъ во время кризисовъ. Сверхъ того оно сбережетъ для общества цѣлую массу производительныхъ средствъ и продуктовъ, путемъ устраненія безумной роскоши господствующихъ теперь классовъ и ихъ представителей. Возможность,—путемъ общественнаго производства,—обезпечить всѣмъ членамъ общества вполнѣ достаточныя и съ каждымъ днемъ увеличивающіяся матеріальныя условія существованія, а также полное, свободное развитіе и упражненіе ихъ физическихъ и умственныхъ способностей — эта возможность достигнута теперь впервые, но она дѣйствительно достигнута.*)

*) Нѣсколько цифръ могутъ дать приблизительное понятіе о громадной растяжимости современныхъ средствъ производства даже подъ капиталистическимъ давленіемъ. По новѣйшимъ вычисленіямъ Гиффена, общая сумма всѣхъ богатствъ Великобританіи и Ирландіи составляла круглымъ числомъ:

Съ переходомъ средствъ производства въ общественную собственность устранится товарное производство, а съ тѣмъ вмѣстѣ господство продуктовъ надъ производителями. Анархія общественнаго производства замѣнится организаціей его по заранѣе обдуманному плану. Прекратится борьба отдѣльныхъ личностей за свое существованіе. Можно сказать, что такимъ образомъ человѣкъ окончательно выдѣлится изъ царства животныхъ и изъ животныхъ условій существованія перейдетъ въ условія дѣйствительно человѣческія. Жизненныя условія, окружающія человѣчество, и до сихъ поръ надъ нимъ господствовавшія, попадутъ подъ власть и контроль людей, которые впервые станутъ дѣйствительными и сознательными повелителями природы, въ той самой мѣрѣ, въ какой они сдѣлаются господами своихъ собственныхъ общественныхъ отношеній. Законы ихъ собственныхъ общественныхъ дѣйствій, противостоявшіе имъ до сихъ поръ, какъ чуждые, господствующіе надъ ними законы природы, будутъ тогда вполнѣ сознательно примѣняться людьми, а слѣдовательно, подчиняться ихъ господству. Общественный строй, до сихъ поръ являвшійся людямъ какъ бы дарованнымъ свыше природой и исторіей, будетъ тогда ихъ собственнымъ, свободнымъ дѣломъ. Объективныя, внѣшнія силы, господствовавшія надъ исторіей, поступятъ подъ контроль человѣка. И только тогда люди

въ 1814 — 2200 милліоновъ фунт. ст. или 22 милліарда руб.
„ 1865 — 6100 „ „ „ „ 61 „ „
„ 1875 — 8500 „ „ „ „ 85 „ „

Что же касается до уничтоженія средствъ производства и продуктовъ во время кризисовъ, то на второмъ конгрессѣ нѣмецкихъ промышлерниковъ (Берлинъ 21 февраля 1879 г.) было вычислено, что общая потеря одной только *германской желѣзной* промышленности дошла во время послѣдняго кризиса до 455 милліон. марокъ.

Примѣч. редакціи. Въ 1885 году національное богатство Великобританіи и Ирландіи достигло (по Гиффену) 10.037 милліоновъ фунт. ст. или 100 милліардовъ 37 милліоновъ руб., а въ 1895 (по Мэлголлю) 11,806 милліоновъ ф. ст. или 110 милліардовъ 60 милліоновъ руб. См. Mulhal's Dictionnary of statistic, London, 1892 г., p. 589 и его Industrie and wealth of Nations, London 1896, p. 392.

начнутъ вполнѣ сознательно сами создавать свою исторію, только тогда приводимыя ими въ движеніе общественныя *причины* будутъ имѣть въ значительной и все возрастающей степени желаемыя дѣйствія. И это будетъ скачкомъ человѣчества изъ царства необходимости— въ царство свободы.

Резюмируемъ теперь въ заключеніе весь ходъ изложеннаго нами развитія.

I. Средневѣковое общество.

Мелкое единичное производство. Средства производства, предназначенныя для единичнаго употребленія и потому естественно, неуклюжія, мелкія, съ ничтожнымъ дѣйствіемъ. Производство съ цѣлью непосредственнаго потребленія продуктовъ, самимъ-ли производителемъ, или его феодальнымъ господиномъ. Лишь тамъ, гдѣ оказывался излишекъ прозводства надъ непосредственнымъ потребленіемъ, излишекъ этотъ поступалъ въ продажу и подвергался обмѣну; товарное производство находилось, слѣдовательно, въ зачаточномъ состояніи; но уже и тогда оно заключало въ себѣ зародышъ **анархіи общественнаго производства.**

II. Капиталистическая революція.

Переворотъ въ промышленности, совершившійся сначала посредствомъ простой кооперації и мануфактуры. Сосредоточеніе до тѣхъ поръ разобщенныхъ средствъ производства въ большихъ мастерскихъ и превращеніе ихъ, этимъ путемъ, изъ производительныхъ средствъ отдѣльныхъ лицъ—**въ общественныя,** превращеніе, вообще говоря, не коснувшееся способа присвоенія. Старыя формы присвоенія остаются въ полной силѣ. Появленіе **капиталиста:** въ качествѣ собственника производительныхъ средствъ онъ присваиваетъ себѣ также и продукты и обращаетъ ихъ въ товары. Производство становится общественнымъ дѣломъ; обмѣнъ же, а съ

нимъ и присвоеніе продуктовъ, остается индивидуальнымъ актомъ, дѣломъ единицъ. **Продуктъ общественнаго труда присвоивается отдѣльнымъ капиталистомъ.** Это и составляетъ основное противорѣчіе, заключающее въ себѣ всѣ тѣ противорѣчія, въ которыхъ движется современное общество и которыя съ особенной ясностью обнаруживаются крупною промышленностью:

а) Отдѣленіе производителя отъ производительныхъ средствъ. Осужденіе рабочаго на пожизненный наемный трудъ. **Противоположность между пролетаріатомъ и буржуазіей.**

б) Возрастающее обнаруженіе и усиливающееся дѣйствіе законовъ, господствующихъ надъ товарнымъ производствомъ. Безграничная конкуренція. **Противорѣчіе между общественной организаціей на каждой отдѣльной фабрикѣ и общественной анархіей въ общемъ ходѣ производства.**

в) Съ одной стороны — усовершенствованіе машинъ, обратившееся, благодаря конкуренціи, въ принудительный законъ для каждаго отдѣльнаго фабриканта и равносильное съ постоянно-усиливающимся вытѣсненіемъ съ фабрикъ работниковъ: **возникновеніе резервной арміи промышленности.** Съ другой стороны — безпредѣльное расширеніе производства, также обратившееся въ принудительный законъ конкуренціи для каждаго фабриканта. Съ обѣихъ сторонъ — неслыханное развитіе производительныхъ силъ, превышеніе спроса надъ предложеніемъ, переполненіе рынковъ, кризисы, повторяющіеся каждые десять лѣтъ, заколдованный кругъ: въ одномъ мѣстѣ излишекъ производительныхъ средствъ и продуктовъ, въ другомъ — излишекъ рабочихъ безъ занятій и безъ средствъ существованія; оба эти двигателя производства и общественнаго благосостоянія не могутъ соединиться, потому что капиталистическая форма производства, не позволяетъ производительнымъ силамъ дѣйствовать, а продуктамъ двигаться иначе, какъ подъ условіемъ предварительнаго обращенія ихъ въ капиталъ, чему именно и препятствуетъ ихъ излишекъ. Это противорѣчіе возрастаетъ до

безсмыслицы: **Способъ производства возстаетъ противъ формы обмѣна.** Буржуазія уличается, такимъ образомъ, въ неспособности къ дальнѣйшему управленію своими собственными общественными производительными силами.

г) Частное признаніе общественнаго характера производительныхъ силъ, къ которому принуждаются сами капиталисты. Обращеніе большихъ производительныхъ организмовъ и средствъ сообщенія — сперва въ собственность **акціонерныхъ компаній,** а затѣмъ и **государства.** Буржуазія оказывается излишнимъ классомъ; всѣ ея общественныя функціи исполняются теперь наемными агентами.

III. Революція пролетаріата.

Разрѣшеніе противорѣчія: пролетаріатъ овладѣваетъ общественною властью, и обращаетъ, съ помощью этой власти, отнятыя у буржуазіи **общественныя** средства производства въ **общественную** собственность. Этимъ онъ освобождаетъ производительныя силы отъ ихъ современнаго капиталистическаго свойства и даетъ полную свободу развитія ихъ общественному характеру. Такимъ образомъ становится возможнымъ общественное производство по заранѣе обдуманному плану. Развитіе производства дѣлаетъ анахронизмомъ существованіе различныхъ классовъ. Въ той же мѣрѣ, въ какой исчезаетъ анархія общественнаго производства, ослабѣваетъ политическая власть государства. Люди, ставшіе, наконецъ, господами своихъ общественныхъ отношеній, дѣлаются тѣмъ самымъ господами природы и самихъ себя, т. е. достигаютъ — свободы.

Совершеніе этого освободительнаго дѣла составляетъ историческое призваніе современнаго пролетаріата. Изслѣдовать историческія условія и самую природу этого переворота и такимъ образомъ выяснить призванному къ его совершенію, теперь угнетенному, классу значеніе его собственнаго дѣла — такова задача **научнаго соціализма,** который является теоретическимъ выраженіемъ рабочаго движенія.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Фридрихъ Энгельсъ

(Біографическій очеркъ*).

Фридрихъ Энгельсъ родился 28 ноября 1820 года въ Бременѣ, въ семьѣ фабриканта. Незадолго до этого Рейнская провинція вошла въ составъ Пруссіи послѣ двадцатилѣтняго фактическаго, а для большей части страны также и формальнаго, присоединенія къ Франціи. Въ ней тогда, какъ теперь въ Эльзасѣ, было повсюду распространено сильнѣйшее сочувствіе къ Франціи и такое же сильное нерасположеніе къ новымъ властителямъ, прусскимъ юнкерамъ. Традиціи великой французской революціи сохраняли еще тогда на Рейнѣ всю свою силу и этимъ-то традиціямъ, по всему вѣроятію, и обязанъ Энгельсъ зачатками своихъ взглядовъ и своего энтузіазма ко всему революціонному. Въ немъ очень рано развился революціонный духъ, внушившій ему полнѣйшее отвращеніе къ карьерѣ чиновника. За годъ до окончательнаго экзамена онъ бросилъ гимназію и сдѣлался купцомъ, не отдаваясь, впрочемъ, вполнѣ и этому занятію. Отдавался онъ тогда, главнымъ образомъ, философіи и изучалъ Гегеля и Фейербаха, какъ во время службы волонтеромъ въ Бременѣ (съ 1838 г.) и затѣмъ въ теченіе года въ Берлинѣ, такъ и работая въ Манчестерѣ съ 1842 по 1844 годъ въ одномъ фабричномъ предпріятіи, въ которомъ участвовалъ его отецъ. По страсти къ философіи Энгельсъ былъ истиннымъ германцемъ своего времени. Къ нѣмецкимъ и французскимъ вліяніямъ въ Манчестерѣ присоединилось--англійское. Германія вооружила его умъ для политической и философской революціи, но революцію промышленную открыло ему лишь отечество капиталистическаго способа производства.

Въ Англіи ознакомился онъ съ высшей формой утопическаго соціализма—съ *Оуэномъ*, но въ то же время узналъ и высшую форму тогдашняго рабочаго движенія—*Чартизмъ*.

---

*) Переведено изъ „Neue Zeit“ IX. Jahrg., № 8.

Горячее увлеченіе молодаго Энгельса соціализмомъ вовсе не было исключительнымъ явленіемъ среди буржуазіи того времени. Самый соціализмъ, наоборотъ, былъ тогда еще чисто буржуазнымъ движеніемъ; соціалистами являлись честные, человѣколюбивые буржуа, чуствовавшіе глубокое отвращеніе къ злоупотребленіямъ фабричной системы и сознававшіе невозможность устраненія этихъ злоупотребленій безъ глубокихъ общественныхъ измѣненій. Но въ то же время они отчаявались въ возможности такихъ измѣненій, если высшіе классы не возьмутся за ихъ осуществленіе. Они не допускали, чтобы такъ сильно приниженный рабочій классъ могъ освободиться собственными силами. Къ движеніямъ этого класса они относились не только недовѣрчиво, но прямо враждебно, потому что рабочее движеніе затрудняло привлеченіе высшихъ классовъ на сторону соціализма.

Но сильно развитой революціонный смыслъ Энгельса вызвалъ въ немъ сочувствіе къ массовому революціонному движенію. Онъ принялъ участіе какъ въ рабочемъ, такъ и въ соціалистическомъ движеніи, и въ обоихъ не остался простымъ зрителемъ.*) Онъ сотрудничалъ и въ „Northern Star“ (Сѣверная Звѣзда), органѣ партіи чартистовъ и въ „New Moral world“ (Новый нравственный міръ) Оуэна. Этимъ практическимъ соединеніемъ соціализма съ рабочимъ движеніемъ Энгельсъ сдѣлалъ первый крупный шагъ въ направленіи къ научному соціализму пролетаріата, отклонившись какъ отъ буржуазно-филантропическаго, утопическаго соціализма, такъ и отъ рабочаго движенія, ограничивавшагося простымъ улучшеніемъ положенія рабочаго класса въ рамкахъ существующаго способа производства. Французскій революціонный духъ помогъ Энгельсу избавиться на практикѣ отъ односторонности какъ соціализма, такъ и рабочаго движенія Англіи, а знаніе нѣмецкой философіи дало ему возможность преодолѣть эту односторонность также и въ теоріи. Онъ не остановился, впрочемъ, на одной критикѣ, а взялся за изученіе рабочихъ отношеній Англіи, пользуясь своимъ положеніемъ, очень удобнымъ для такой задачи. При этомъ онъ изучалъ не только данное, современное положеніе рабочаго класса, но также ходъ историческаго развитія, приведшій къ данному положенію и связь его со всѣмъ механизмомъ производства. Такой методъ изученія заставилъ его увидѣть въ положеніи рабочаго класса не одно только униженіе и страданіе пролетаріата, но также задатки его возстанія и освобожденія. Силу, которая освободитъ пролетаріатъ, онъ видѣлъ теперь уже не въ состраданіи и человѣколюбіи буржуазіи, а въ экономическомъ развитіи и въ классовой борьбѣ самаго пролетаріата.

---

*) Какъ это видно уже изъ предыдущаго, соціалистическое движеніе еще не совпадало тогда съ движеніемъ рабочаго класса. *Перев.*

Этотъ взглядъ былъ въ первый разъ ясно выраженъ въ книгѣ „*Положеніе рабочаго класса въ Англіи*“, появившейся въ 1845 г. Но уже за годъ передъ тѣмъ Энгельсъ помѣстилъ въ „Нѣмецко-Французскихъ лѣтописяхъ“, издававшихся въ 1844 г. Марксомъ и Ругэ, замѣчательную статью, озаглавленную „Критическіе очерки политической экономіи.“ Она имѣетъ историческое значеніе какъ первый шагъ къ научному соціализму. Но въ жизни стараго ветерана соціализма она имѣетъ еще и значеніе перваго дѣла, въ которомъ онъ заслужилъ свои шпоры изслѣдователя и мыслителя.

На статьѣ несомнѣнно отразилась незрѣлость, какъ писателя, такъ и самаго дѣла, которое онъ защищалъ. Едва достигшій 23 лѣтняго возраста, безъ предшественниковъ или руководителей, на которыхъ могъ бы опереться, уже переполненный новыми воззрѣніями, но еще не порвавшій сознательно со старыми, смѣлый и пылкій, но еще не разобравшійся въ своихъ теоретическихъ основахъ, авторъ выставляетъ иногда не выдерживающія критики положенія и затемняетъ развиваемыя имъ начала научнаго соціализма отголосками соціалистическихъ формъ, найденныхъ имъ въ Англіи.

И тѣмъ не менѣе въ общемъ статья и теперь еще имѣетъ не одну только историческую цѣнность. Наслажденіе, доставляемое ею, зависитъ не отъ одной только свѣжести и ясности изложенія, а также и отъ обилія важныхъ наблюденій и положеній, заключавшихъ новыя для своего времени истины, вылившіяся у Энгельса въ форму, и теперь еще дѣйствующую возбуждающимъ образомъ на большинство читателей.

Названная статья отличается еще и тѣмъ, что представляетъ собою единственное значительное произведеніе Энгельса, написанное во время его умственнаго одиночества, до знакомства съ Марксомъ. Она же и послужила поводомъ къ ихъ сближенію, имѣвшему такое глубокое вліяніе на развитіе соціализма.

Между Марксомъ, редакторомъ „Нѣмецко-Французскихъ лѣтописей“, и ихъ сотрудникомъ началась оживленная переписка. Эти родственныя натуры быстро сблизились. Независимо другъ отъ друга они пришли къ поразительно сходнымъ взглядамъ. Дальнѣйшимъ сношеніямъ предстояло довести это сходство взглядовъ до такого полнаго единства, что теперь, не смотря на то, что оба писателя сохранили свою индивидуальность, мы можемъ въ сущности говорить лишь о теоріи и методѣ Маркса-Энгельса, не имѣя возможности раздѣлить ихъ и найти, что именно принадлежитъ каждому въ отдѣльности.

Въ 1844 г. Энгельсъ возвратился въ Германію. Онъ ѣхалъ изъ Манчестера на Парижъ и посѣтилъ тамъ Маркса. Личныя сношенія тотчасъ сблизили ихъ до такой степени, что они тутъ-же написали вмѣстѣ книгу, въ которой въ первый разъ выразился ихъ новый діалектическій матеріализмъ. Книга носила заглавіе:

„Святое семейство или критика критической критики, противъ Бруно Бауэра и комп.“. Написанная въ 1844 г., она появилась во Франкфуртѣ въ 1845.

Возвратившись въ отечество, Энгельсъ принялся за обработку собраннаго въ Манчестерѣ матеріала. Въ изданной въ 1845 г. въ Лейпцигѣ книгѣ: „Положеніе рабочаго класса въ Англіи“ замѣтенъ уже большой прогрессъ по сравненію съ предыдущей, помѣщенной въ „Лѣтописяхъ“, статьей. Если и въ этой книгѣ замѣтенъ еще не вполнѣ закончившійся процессъ выработки взглядовъ молодого автора, то она является тѣмъ не менѣе классическимъ произведеніемъ и достойной предшественницей изображеній англійской фабричной системы, данныхъ впослѣдствіи Марксомъ въ „Капиталѣ“. „Періода отъ начала крупной промышленности въ Англіи и до 1845 г., говоритъ Марксъ въ „Капиталѣ“, я касаюсь лишь мимоходомъ и отсылаю читателя къ „Положенію рабочаго класса въ Англіи“ Фридриха Энгельса. Какъ глубоко понялъ Энгельсъ духъ капиталистическаго производства, показываютъ появившіеся послѣ 1845 г. „доклады“ о фабрикахъ, рудникахъ и пр. (Factory Reports, Reports on Mines), а съ какой удивительной точностью изобразилъ онъ подробности положенія, доказываетъ самое поверхностное сравненіе его произведенія съ появившимся 18-20 годами позже оффиціальнымъ „докладомъ коммисіи объ употребленіи дѣтскаго труда (Children's Employment Commission).“ — Kapital, 1, 2. Aufl., S. 232,

Вмѣстѣ съ описательной частью „Капитала“, „Положеніе рабочаго класса“ легло въ основаніе обширной и постоянно увеличивающейся въ Германіи литературы по описательной политической экономіи. Но въ то же время это первое произведеніе, въ которомъ научный соціализмъ былъ выраженъ ясно и сознательно.

Во время работы надъ окончаніемъ своей книги Энгельсъ убѣдился, что дальнѣйшее его пребываніе въ благочестивомъ Барменѣ, въ своей строго религіозной и консервативной семьѣ, совершенно несовмѣстимо съ его взглядами. Его опять тянуло къ Марксу. Онъ отправился въ Брюссель, куда переѣхалъ и Марксъ, изгнанный французскимъ правительствомъ по требованію прусскаго.

Здѣсь, въ Брюсселѣ, они вмѣстѣ взялись съ величайшей энергіей за дѣятельность, какъ теоретическую, такъ и практическую. Они углублялись въ свою новую теорію, усердно работая надъ постройкой заложеннаго ими зданія научнаго соціализма. Но для этого они не зарывались въ своемъ ученомъ кабинетѣ. Рука объ руку съ научной шла у нихъ и практическая дѣятельность. Они старались посредствомъ пропаганды выяснить пролетаріату смыслъ и цѣль его борьбы, а при случаѣ принимали участіе и въ самой борьбѣ.

Наибольшее значеніе имѣло ихъ участіе въ „Союзѣ справедливыхъ“ (Bund der Gerechten), состоявшемъ изъ людей различныхъ

національностей. Марксъ и Энгельсъ превратили этотъ тайный союзъ въ предшественника „Международнаго общества рабочихъ".

Въ 1847 г. ихъ вліяніе въ соціалистическихъ кружкахъ было такъ велико, что, приглашая ихъ вступить въ число своихъ членовъ, вышеназванный союзъ заранѣе выразилъ полнѣйшую готовность отбросить свой прежній заговорщицкій характеръ и признать новыя теоретическія воззрѣнія. Они приняли приглашеніе. Лѣтомъ 1847 года состоялся, при участіи Энгельса, первый съѣздъ союза, давшій ему не только новое получившее историческое значеніе имя „Союза коммунистовъ", но также и новую организацію. Изъ союза заговорщиковъ онъ превратился въ общество пропаганды.

На второмъ съѣздѣ, собравшемся въ концѣ ноября того-же года въ Лондонѣ, вмѣстѣ съ Энгельсомъ присутствовалъ и Марксъ. Самымъ значительнымъ дѣломъ этого второго съѣзда было данное имъ Марксу и Энгельсу порученіе написать манифестъ преобразованнаго общества. Результатомъ порученія явился *„Манифестъ Коммунистической Партіи"*.

Излишне было бы характеризовать это произведеніе. Мы думаемъ, что большинство нашихъ читателей знаетъ его; тѣмъ же, которые до сихъ поръ съ нимъ не ознакомились, мы можемъ лишь посовѣтовать сдѣлать это какъ можно скорѣе. Нѣкоторые называли „Капиталъ" Маркса библіею рабочаго класса. Но если ужъ употреблять такое нѣсколько церковное названіе, то оно гораздо больше подходитъ къ „Коммунистическому Манифесту". Позднѣйшія произведенія Маркса и Энгельса гораздо обширнѣе и обстоятельнѣе; они исчерпываютъ много вопросовъ; но каждое изъ нихъ излагаетъ лишь нѣкоторыя стороны основъ современнаго рабочаго движенія. *„Манифестъ Коммунистической Партіи" охватываетъ ихъ всѣ.* Онъ составляетъ настоящую квинтъ-эссенцію соціализма и остается до сихъ поръ—дѣйствительной программой международной соціальдемократіи. Тотъ фактъ, что въ семьдесятъ лѣтъ Энгельсу нѣтъ надобности брать назадъ какое-либо изъ основныхъ положеній, выработанныхъ въ двадцатисеми-лѣтнемъ возрастѣ, въ сотрудничествѣ съ двадцатидевяти-лѣтнимъ Марксомъ, представляетъ, по нашему мнѣнію, самое блистательное доказательство непоколебимости теоретическихъ основъ соціальдемократіи, а также добросовѣстности и проницательности ея основателей. Нѣкоторыя мѣста „Манифеста" теперь уже непримѣнимы, такъ какъ исчезли самыя явленія, къ которымъ они относились; нѣкоторые изъ его практическихъ предложеній уже обойдены экономическимъ и политическимъ развитіемъ, а также и опытомъ послѣднихъ сорока лѣтъ. Зато по существу въ изложеніи и научномъ обоснованіи цѣли и направленія коммунистовъ измѣнять рѣшительно нечего, и едва можно найти въ точной и

ясной формѣ этого произведенія то или другое устарѣвшее выраженіе. А между тѣмъ съ изданія "Манифеста" прошло больше сорока лѣтъ, наполненныхъ громадными переворотами въ политикѣ, экономіи, техникѣ и наукѣ.

Едва успѣлъ выйти „Манифестъ", какъ разразилась революція, сперва во Франціи, а потомъ и въ Германіи. Марксъ и Энгельсъ съ горячимъ одушевленіемъ бросились въ движеніе. Они возвратились въ Германію и основали въ Кельнѣ ежедневную „Новую Рейнскую Газету", въ то время единственное изданіе, защищавшее соціальдемократическую или, какъ тогда говорилось, коммунистическую точку зрѣнія. Марксъ и Энгельсъ примѣнили на дѣлѣ заявленіе „Коммунистическаго манифеста": „Въ Германіи коммунистическая партія идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной поземельной собственности и мелкаго мѣщанства". Но поддержка буржуазіи понималась ими вовсе не въ видѣ сведенія коммунистической партіи къ роли прихвостня буржуазной политики. Коммунисты толкали буржуазію впередъ, но въ то же время критиковали ея образъ дѣйствій и рѣшительно обратились противъ нея, какъ только она начала выказывать поползновеніе измѣнить революціи. А это случилось очень скоро. Реакція побѣдила при помощи буржуазіи, испугавшейся революціоннаго пролетаріата.

Въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи рабочіе возстали для вооруженнаго сопротивленія наступившей реакціи; тоже произошло и въ Рейнской провинціи. Въ маѣ 1849 г. въ главныхъ пунктахъ промышленнаго округа этой провинціи: въ Эльберфельдѣ, Золингенѣ, Дюссельдорфѣ произошли возстанія. При первомъ же извѣстіи объ этомъ Энгельсъ поспѣшилъ изъ Кельна въ Эльберфельдъ, но засталъ уже только конецъ возстанія. Буржуазія, какъ крупная, такъ и мелкая, измѣнила революціонному движенію, а безъ ея поддержки рабочіе того времени еще не были въ состояніи держаться. За подавленіемъ возстанія 19 мая послѣдовало запрещеніе „Новой Рейнской Газеты" и высылка Маркса. Энгельсу, преслѣдуемому за участіе въ возстаніи, тоже пришлось покинуть Кельнъ, въ которомъ онъ проживалъ нѣкоторое время, скрываясь отъ полиціи. Онъ направился въ Пфальцъ, возставшій вмѣстѣ съ Баденомъ на защиту германской конституціи и присоединился къ революціонному отряду, дѣйствовавшему подъ командой Виллиха, при которомъ Энгельсъ исполнялъ должность адъютанта. Онъ принималъ участіе въ трехъ сраженіяхъ, а также въ дѣлѣ на Мургѣ, гдѣ благодаря нарушенію нейтралитета Вюртемберга, тридцатитысячное, плохо предводительствуемое революціонное войско было разбито шестидесятитысячной арміей прусскихъ и имперскихъ солдатъ. Этимъ пораженіемъ судьба Баденскаго возстанія была рѣшена и разбитые остатки революціонныхъ отрядовъ спаслись въ Швейцарію.

11 іюля 1849 года, когда все уже было потеряно, Энгельсъ однимъ изъ послѣднихъ перешелъ швейцарскую границу. Пробывши нѣсколько мѣсяцевъ въ Швейцаріи и не найдя тамъ дѣятельности, которая удовлетворяла бы его, онъ рѣшилъ перебраться въ Англію, а такъ какъ дорога черезъ Францію была опасна для нѣмецкихъ бѣглецовъ, то Энгельсъ поѣхалъ на Геную и оттуда, черезъ Гибралтаръ, доплылъ на парусномъ суднѣ до Лондона. Тамъ встрѣтилъ онъ Маркса, а также и большинство вожаковъ нѣмецкой революціи, которые только и думали, что о возобновленіи возстанія.

Марксъ и Энгельсъ скоро убѣдились, наоборотъ, что о дѣйствительной революціи на нѣкоторое время не можетъ быть и рѣчи. Въ политико-экономическомъ обозрѣніи, снова названномъ „Новой Рейнской Газетой“, они открыто высказались противъ фантазій, самообольщеній и напыщенныхъ заявленій эмиграціи. Этимъ выступленіемъ Марксъ и Энгельсъ, — преслѣдуемые въ отечествѣ, — вызвали противъ себя сильнѣйшее раздраженіе также и въ средѣ эмигрантовъ. Демократія бойкотировала ихъ такъ же точно, какъ и правительства. Всѣ журналы были для нихъ закрыты. На довольно продолжительное время не только политическая, но даже литературная дѣятельность, разсчитанная на нѣмецкихъ читателей, стала невозможной для нихъ. Къ этому присоединились и матеріальныя заботы. Трудъ для заработка и рядомъ съ нимъ самое усердное самообразованіе наполнили для нихъ это время. Марксъ засѣлъ въ британскомъ музеумѣ, Энгельсъ уѣхалъ въ 1850 году въ Манчестеръ, чтобы снова служить на фабрикѣ, въ которой его отецъ былъ компаньономъ. Двадцать лѣтъ пробылъ онъ въ разлукѣ съ Марксомъ, но это не помѣшало ихъ умственному общенію.

Энгельсъ продолжалъ въ Манчестерѣ прерванное революціей изученіе экономіи и исторіи. Но теперь на первый планъ выдвинулись для него также военныя науки, необходимость которыхъ показала борьба 1849 г., затѣмъ сравнительное языкознаніе, всегда бывшее его любимымъ предметомъ, и естественныя науки. Въ 1859 году онъ издалъ анонимную брошюру „По и Рейнъ“, гдѣ съ одной стороны оспаривалъ австрійскую теорію, будто Рейнъ слѣдуетъ защищать на берегахъ По, а съ другой — выступалъ противъ „малонѣмецкихъ“ прусскихъ либераловъ, которые радовались пораженію Австріи Бонапартомъ, не подозрѣвая въ немъ общаго съ ней врага. По окончаніи войны вышла вторая его брошюра по тѣмъ же вопросамъ, подъ заглавіемъ „Савойя, Ницца и Рейнъ“. Прусское столкновеніе министерства съ парламентомъ по военному вопросу вызвало со стороны Энгельса (въ 1865 г.) брошюру: „Прусскій военный вопросъ и нѣмецкая рабочая партія“, въ которой онъ бичевалъ противорѣчія и половинчатость либераловъ и прогрессистовъ и доказывалъ, что дѣйствительнаго разрѣшенія какъ военнаго, такъ и другихъ серьезныхъ вопросовъ можно ожидать лишь отъ

рабочей партіи. Во время франко-прусской войны онъ помѣщалъ военно-критическія статьи въ лондонской газетѣ „Pall-Mall“, причемъ ему удалось въ номерѣ отъ 25 августа предсказать послѣдовавшее пораженіе при Седанѣ (2 сент.) и уничтоженіе французской арміи.

Въ 1869 году Энгельсъ могъ, наконецъ, покинуть свою фабрику. Само собой разумѣется, что онъ тотчасъ же воспользовался свободой для того, чтобы переселиться въ Лондонъ и вмѣстѣ съ Марксомъ посвятить всѣ свои силы борющемуся пролетаріату.

А Марксъ въ это время очень нуждался въ его помощи. Рабочее движеніе сильно разрослось во всѣхъ передовыхъ государствахъ, а вмѣстѣ съ нимъ росли размѣры, значеніе и задачи основаннаго въ 1864 году „Международнаго общества рабочихъ“, которое должно было внести единство и ясность въ движеніе пролетаріата различныхъ странъ. Душою, мыслящей головою этого общества былъ Марксъ. Но онъ положительно изнемогалъ подъ тяжестью непосильной задачи слѣдить за международнымъ рабочимъ движеніемъ, чтобы поспѣвать со своимъ совѣтомъ и помощью во всѣхъ безчисленныхъ классовыхъ столкновеніяхъ, возникавшихъ на почвѣ этого движенія. Научная дѣятельность уходила при этомъ на задній планъ, и можно съ увѣренностью сказать, что безъ „Международнаго общества“ Марксъ успѣлъ бы кончить „Капиталъ“.

Въ такомъ положеніи Энгельсъ былъ для него самымъ желаннымъ помощникомъ. И онъ явился какъ разъ во время. Франко-прусская война обострила борьбу и создала отношенія, напрягавшія силы „Международнаго общества“ до послѣдней степени. Энгельсъ сдѣлался членомъ „Генеральнаго совѣта“ и съ 1871 года секретаремъ для Бельгіи и Испаніи, а потомъ для Италіи и Испаніи. Мы принуждены ограничиться этой краткой ссылкой. Изобразить дѣятельность Энгельса въ „Международномъ обществѣ“ невозможно для насъ не только по недостатку мѣста, а также и потому, что это потребовало бы ознакомленія съ неподлежащими еще опубликованію протоколами и перепиской „Генеральнаго Совѣта“.

Вмѣстѣ съ „Международнымъ обществомъ“ прекратилась также и непосредственная партійная дѣятельность какъ Энгельса, такъ и Маркса. Но какъ прежде, такъ и послѣ они неизмѣнно оставались руководителями борющагося пролетаріата всѣхъ странъ. Это сложилось само собою. Ни у кого другого нельзя было найти такого рѣдкаго соединенія громадныхъ научныхъ свѣдѣній съ богатымъ практическимъ опытомъ, добытымъ почти полувѣковою дѣятельностью въ рабочемъ движеніи, нельзя было найти такого знанія всѣхъ обстоятельствъ и особенностей каждой страны, участвующей въ этомъ движеніи. Основанное на личномъ наблюденіи жизни главнѣйшихъ промышленныхъ странъ, это знаніе постоянно расширялось у нихъ непрерывнымъ изученіемъ и

сношеніями, письменными и личными, съ выдающимися соціалистами всѣхъ странъ. Они были такимъ образомъ лучше, чѣмъ кто нибудь, въ состояніи различить въ каждомъ данномъ политическомъ или экономическомъ явленіи, имѣвшемъ мѣсто въ той или другой странѣ, существенное отъ несущественнаго, прочное отъ мимолетнаго и могли, поэтому, выяснить соціалистическимъ рабочимъ ту точку зрѣнія, съ какой они должны отнестись къ этому явленію. Никто также не обладалъ такимъ довѣріемъ наиболѣе проницательныхъ соціалистовъ всѣхъ странъ, какъ Марксъ и Энгельсъ; неудивителено, поэтому, что во всѣхъ критическихъ моментахъ своей дѣятельности соціалисты обращались за совѣтомъ въ Лондонъ къ двумъ старымъ бойцамъ. И никто не встрѣчалъ у нихъ отказа. Откровенно и свободно высказывали они свое убѣжденіе, безъ всякихъ околичностей и церемоній, но также и безъ навязчивости. Ни одинъ пролетарій, ни одинъ изъ тѣхъ, кто серьезно относится къ дѣлу пролетаріата не обращался къ нимъ понапрасну. Безчисленныя письма на различныхъ языкахъ свидѣтельствуютъ объ ихъ неустанной дѣятельности въ качествѣ руководителей международнаго пролетаріата.

Но Энгельсъ не ограничивался одними письмами. Когда всплывали на поверхность новые вопросы, по отношенію къ которымъ требовалось занять опредѣленное положеніе; когда пытались пробиться въ рабочую среду взгляды и теоріи, грозившіе нарушить единство движенія и затемнить въ умахъ рабочихъ сознаніе его цѣли, — Энгельсъ высказывался не въ однихъ частныхъ письмахъ, но также и публично въ статьяхъ и брошюрахъ. Взявши на себя эту часть общей работы, Энгельсъ тѣмъ самымъ далъ Марксу время для дальнѣйшей систематической разработки ихъ теоріи. Именно этому раздѣленію труда и слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что результаты научныхъ изысканій Энгельса разбросаны въ произведеніяхъ по большей части очень краткихъ, написанныхъ по тому или другому случаю и настолько многочисленныхъ, что у насъ не хватило бы мѣста для характеритики даже главнѣйшихъ изъ нихъ. Но въ такой характеристикѣ тѣмъ менѣе надобности, что, въ противоположность названнымъ прежде произведеніямъ (за исключеніемъ „Манифеста“) почти все наиболѣе существенное изъ написаннаго Энгельсомъ послѣ 1870 г. находится въ продажѣ. Въ этихъ произведеніяхъ, несмотря на случайность поводовъ для ихъ появленія, такъ много прочной цѣнности и положительнаго содержанія, что для большинства изъ нихъ потребовалось нѣсколько изданій. Не помѣшалъ распространенію этихъ изданій и законъ противъ соціалистовъ. Также и главнѣйшее изъ произведеній Энгельса послѣ 1870 г. „Переворотъ въ наукѣ, совершенный г. Евгеніемъ Дюрингомъ“, вышло вторымъ изданіемъ при дѣйствіи исключительнаго положенія. Въ этой, по внѣшности чисто полемической книгѣ, Энгельсъ излагаетъ въ сущности главнѣйшіе пункты всего современнаго знанія

съ діалектической точки зрѣнія, общей ему съ Марксомъ.

Періодъ, начавшійся съ 1870 г., оѳщалъ быть для Энгельса самымъ счастливымъ въ его жизни. Свободный отъ матеріальныхъ заботъ, онъ могъ теперь жить для своего друга и для того движенія, которое такъ сильно и неудержимо развивалось на заложенной ими основѣ. Но счастливой жизни не суждено было долго длиться. Первымъ тяжелымъ ударомъ, постигшимъ Энгельса, была смерть его жены, къ которой онъ былъ сильно привязанъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого умерла жена Маркса и его старшая дочь, а потомъ и самъ Марксъ....

Если что нибудь, кромѣ личной энергіи, помогло Энгельсу переносить эти невозвратимыя потери и сохранять бодрость и свѣжесть, такъ это громадное развитіе соціаль-демократическаго движенія и важность тѣхъ недоконченныхъ работъ, которыхъ онъ не могъ свалить на болѣе молодыя плечи. Поставленныя имъ себѣ задачи, а также и тѣ, которыя перешли къ нему вслѣдствіе смерти товарища, могли быть выполнены лишь имъ самимъ.

Главнѣйшей изъ этихъ задачъ онъ считалъ, конечно, изданіе оставшагося послѣ Маркса литературнаго наслѣдства.

Съ 1885 г. въ этомъ изданіи произошелъ перерывъ, вызывающій во многихъ сильное нетерпѣніе. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что третій томъ „Капитала“, даже по внѣшности очень объемистый, — въ немъ будетъ до тысячи печатныхъ страницъ — разбираетъ цѣлый рядъ труднѣйшихъ задачъ. А вѣдь „Капиталъ“ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми эфемерными „системами“, которыя цѣлыми дюжинами изготовляются нашими профессорами и еще быстрѣе забываются. Открытіе Марксомъ законовъ движенія капиталистическаго способа производства является въ своемъ родѣ такимъ же непреходящимъ научнымъ фактомъ, какъ открытіе Кеплеромъ и Ньютономъ закона движенія небесныхъ тѣлъ. Между тѣмъ, въ наукѣ невозможно создать ничего прочнаго безъ того основательнаго, упорнаго и добросовѣстнаго труда, который всегда былъ свойственъ какъ Марксу, такъ и Энгельсу, не дозволяя имъ выпускать своихъ произведеній такъ быстро, какъ это было бы желательно. Правда, въ третьемъ томѣ на долю Энгельса выпало, главнымъ образомъ, лишь редактированіе уже имѣющихся рукописей, но относительно чужого недоконченнаго научнаго труда такое редактированіе составляетъ самую трудную и кропотливую работу для того, кто стремится передавать лишь ходъ идей самого автора и тщательно остерегаться подсовывать ему свои собственныя мысли. Какъ бы ни было полно единомысліе двухъ авторовъ, каждый имѣетъ, однако, свою индивидуальность.

Наконецъ, не надо забывать также, что научная дѣятельность требуетъ спокойствія. Мы, вѣроятно, не имѣли бы и перваго тома „Капитала“ — по крайней мѣрѣ, въ его настоящей формѣ — если бы за 1849 годомъ не послѣдовало довольно продолжитель-

наго политическаго затишья. Намъ незачѣмъ напоминать читателю, что теперь нѣтъ такого затишья, что именно въ послѣдніе годы соціалистическое движеніе приняло такіе громадные размѣры, какихъ невозможно было и ожидать. А въ натурѣ Энгельса слишкомъ сильны элементы борца, чтобы онъ могъ совершенно уклониться отъ участія въ борьбѣ своей партіи. И онъ не только слѣдитъ за этой борьбой, — онъ принимаетъ въ ней участіе: сегодня онъ пишетъ для нѣмцевъ, завтра для русскихъ, для англичанъ или американцевъ, точно также, какъ для французовъ или австрійцевъ. Нельзя не пожелать Энгельсу побольше спокойствія, необходимаго для быстраго окончанія третьяго тома „Капитала“, настолько же желательнаго дла него, какъ и для насъ.

Въ силахъ у него нѣтъ недостатка, — не хватаетъ именно спокойствія. Несмотря на свои семьдесятъ лѣтъ, Энгельсъ сохранилъ еще бодрость и свѣжесть молодости. Онъ все еще неутомимый работникъ, неутомимый студентъ — онъ все еще учится, все еще накопляетъ умственный капиталъ, вмѣсто того, чтобы растрачивать старыя пріобрѣтенія; въ противоположность большинству своихъ сверстниковъ, онъ все еще живетъ скорѣе въ настоящемъ и будущемъ, нежели въ прошедшемъ.

Подчасъ такая долгая молодость, вѣроятно, кажется Энгельсу сомнительнымъ подаркомъ судьбы, такъ какъ этой молодости не раздѣляютъ съ нимъ всѣ тѣ, съ которыми онъ былъ всего тѣснѣе связанъ. Но мы хотимъ думать и надѣемся, что любовь и уваженіе, которыя чувствуютъ къ Энгельсу — и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе знаютъ его, хотя бы только изъ его произведеній — всѣ мыслящіе и сознающіе свою цѣль пролетаріи и всѣ истинные друзья пролетаріата, хотя отчасти замѣнятъ ему то, чего онъ лишился въ старыхъ друзьяхъ и товарищахъ; ему замѣнитъ это и побѣдоносное шествіе того движенія, у колыбели котораго онъ стоялъ, которому посвятилъ пятьдесятъ лѣтъ дѣятельности и которое теперь быстро приближается къ окончательному торжеству.

.....

Отъ редакціи. Энгельсъ скончался въ Лондонѣ 5 августа 1895 года. Согласно его завѣщанію, тѣло его было сожжено и прахъ опущенъ въ море около Истборна, гдѣ Энгельсъ нерѣдко проводилъ лѣтніе мѣсяцы. Третій томъ „Капитала“ изданъ былъ имъ глубокою осенью 1894 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

(Изъ сочиненія Энгельса: „Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft".*)

Теорія насилія.

I.

„Отношеніе общей политики къ формамъ хозяйственнаго права выражено въ моей системѣ такъ опредѣленно и вмѣстѣ своеобразно, что для облегченія изученія будетъ нелишнимъ сдѣлать на него особое указаніе. Форма *политическихъ* отношеній составляетъ *основу исторіи, экономическая* же зависимость есть явленіе *производное* или частный случай, а потому *всегда* остается *второстепеннымъ фактомъ*. Нѣкоторыя изъ новѣйшихъ соціалистическихъ системъ, принимая за руководящій принципъ бросающіяся въ глаза проявленія совершенно извращенныхъ отношеній, выводятъ политическія учрежденія, какъ бы второстепенныя и подчиненныя, изъ отношеній экономическихъ. Но, хотя эти второстепенныя экономическія отношенія, какъ таковыя, производятъ, конечно, свое дѣйствіе, и въ настоящее время особенно даютъ себя чувствовать, тѣмъ не менѣе *первичнаго фактора надо искать въ непосредственной политической силѣ*, а не въ косвенномъ дѣйствіи экономическаго могущества". Точно также и въ другомъ мѣстѣ г. Дюрингъ „исходитъ изъ того положенія, что политическое состояніе есть рѣшающая причина экономическихъ отношеній, обратное же вліяніе представляетъ лишь отраженное дѣйствіе второстепеннаго порядка.... Пока же не примутъ политическую группировку за самостоятельную и самодовлѣющую точку исхода, а будутъ относиться къ ней исключительно какъ къ средству для удовлетворенія потребностей желудка, до тѣхъ поръ люди, придерживающіеся такихъ воззрѣній, останутся до нѣкоторой степени скрытыми реакціонерами, какими бы радикалами-соціалистами и ре-

*) Переворотъ въ наукѣ, совершенный г. Евгеніемъ Дюрингомъ.

волюціонерами они не казались".

Такова теорія г. Дюринга. Какъ здѣсь, такъ и во многихъ мѣстахъ она провозглашается безъ доказательствъ, такъ сказать, декретируется. О какой нибудь попыткѣ доказать ее или опровергнуть противоположныя воззрѣнія нѣтъ и рѣчи въ его трехъ толстыхъ книгахъ. Будь доказательства дешевле грибовъ, г. Дюрингъ и тогда не подарилъ бы намъ ни единаго. Все, относящееся къ этому вопросу, прекрасно доказано уже знаменитымъ грѣхопаденіемъ Робинзона, поработившаго Пятницу. Дѣйствіе это было насильственнымъ — слѣдовательно, политическимъ. А такъ какъ порабощеніе Пятницы послужило исходнымъ пунктомъ, основнымъ фактомъ всей исторіи человѣчества и до такой степени заразило ее первороднымъ грѣхомъ несправедливости, что во всѣ послѣдующіе періоды порабощеніе только смягчалось, „переходя въ болѣе косвенныя формы экономической зависимости"; такъ какъ на этомъ же первобытномъ порабощеніи покоится и вся современная „насильственная собственность", то становится очевиднымъ, что экономическія явленія могутъ быть объяснены только политическими причинами и именно насиліемъ. Кто не довольствуется такимъ доказательствомъ, тотъ скрытый реакціонеръ.

Замѣтимъ сперва, что только при Дюринговской влюбленности въ самого себя этотъ взглядъ могъ показаться ему столь „своеобразнымъ". Воззрѣніе, по которому судьбы исторіи рѣшаются политическими дѣйствіями правителей и государствъ, такъ же старо, какъ сама писанная исторія, и было главной причиной недостаточности дошедшихъ до насъ свѣдѣній о дѣйствительномъ историческомъ двигателѣ: о развитіи народовъ, тихо совершавшемся на заднемъ планѣ этой шумной сцены. Всеобщее господство такого воззрѣнія на исторію было впервые лишь поколеблено французскими буржуазными историками временъ реставраціи. „Своеобразно" тутъ лишь то, что г. Дюрингъ обо всемъ этомъ ничего не знаетъ.

Далѣе: допустимъ даже на минуту, что г. Дюрингъ правъ, что вся прошедшая исторія сводится къ порабощенію человѣка человѣкомъ; это все таки далеко еще не разъясняетъ намъ сущности дѣла. У насъ тотчасъ же рождается вопросъ: зачѣмъ же Робинзонъ порабощалъ Пятницу? Ради одного удовольствія? Конечно, нѣтъ! Мы видѣли, наоборотъ, что „Пятница принуждался къ *хозяйственнымъ* работамъ, какъ рабъ или какъ простое орудіе, да и содержался только, какъ орудіе". Робинзонъ именно затѣмъ и поработилъ Пятницу, чтобы заставлять его работать въ свою пользу. А какъ можетъ Робинзонъ извлекать пользу изъ работы Пятницы? Это возможно только благодаря тому, что Пятница производитъ своимъ трудомъ больше средствъ существованія, чѣмъ Робинзонъ долженъ давать ему для возстановленія его рабочей силы. Оказывается, что въ противность точному предписанію г. Дюринга, Робинзонъ „принялъ политическую группировку", воз-

никшую вслѣдствіе порабощенія Пятницы, „ не за самодовлѣющую точку исхода“, а исключительно „за средство для удовлетворенія потребностей желудка“. Пусть же онъ самъ раздѣлывается какъ знаетъ со своимъ господиномъ и учителемъ г. Дюрингомъ!

Такимъ образомъ, дѣтскій примѣръ, нарочито измышленный г. Дюрингомъ ради возведенія насилія въ „основу исторіи“, доказалъ, наоборотъ, что насиліе служитъ только средствомъ, цѣль же заключается въ пріобрѣтеніи экономическихъ выгодъ. Насколько цѣль существеннѣе средствъ, употребленныхъ для ея достиженія, настолько же въ исторіи экономическая сторона отношеній существеннѣе политической. Примѣръ доказываетъ, слѣдовательно, какъ разъ обратное тому, что требовалось доказать. И въ каждомъ случаѣ господства и порабощенія происходитъ то же, что у Робинзона съ Пятницей. Порабощеніе всегда служило, употребляя элегантное выраженіе г. Дюринга, „средствомъ для удовлетворенія потребностей желудка“ (принимая эти потребности въ самомъ широкомъ смыслѣ слова), но никогда и нигдѣ не являлось самодовлѣющей политической группировкой. И надо быть г. Дюрингомъ, чтобы вобразить, будто налоги составляютъ въ государствѣ вещь второстепенную или что современная „политическая группировка“ господствующей буржуазіи и порабощеннаго пролетаріата существуетъ ради самой этой группировки, а не для удовлетворенія потребностей желудка буржуазіи, т. е. не для полученія прибыли и не для накопленія капитала.

Возвратимся однако къ нашимъ молодцамъ. Робинзонъ „со шпагою въ рукѣ“ обращаетъ Пятницу въ своего раба. Но для этого, кромѣ шпаги, Робинзону нужно еще кое что. Не всякій можетъ воспользоваться трудомъ раба. Чтобы извлекать изъ него пользу, необходимо заранѣе приготовить: во первыхъ, матеріалы и орудія труда, во вторыхъ, средства для скуднаго пропитанія раба. Прежде, чѣмъ рабство дѣлается возможнымъ, необходима, слѣдовательно, извѣстная степень производства и нѣкоторое неравенство въ распредѣленіи. Для того же, чтобы рабскій трудъ сдѣлался господствующимъ способомъ производства въ цѣломъ обществѣ, общество должно достигнуть гораздо высшаго развитія производства, торговли и накопленія богатствъ. Въ древнихъ первобытныхъ обществахъ съ общиннымъ землевладѣніемъ рабство или вовсе не существовало, или играло самую второстепенную роль. Такъ было въ древнемъ крестьянскомъ городѣ Римѣ. Когда же Римъ сталъ наоборотъ „всемірнымъ городомъ“, землевладѣніе въ Италіи все болѣе и болѣе сосредоточивалось въ рукахъ малочисленнаго классу богатѣйшихъ собственниковъ, ея крестьянское населеніе было вытѣснено населеніемъ рабовъ. Если во времена Персидскихъ войнъ въ Коринѳѣ насчитывалось до 460.000, а въ Эгинѣ до 470.000 рабовъ, такъ что на каждаго свободнаго жителя ихъ приходилось по десяти, то для этого требовалось нѣчто большее, чѣмъ „насиліе“, а именно высокое развитіе искусствъ и

ремеслъ и обширная торговля. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ рабство опиралось не столько на насиліе, сколько на англійскую хлопчато-бумажную промышленность: оно процвѣтало въ хлопчато-бумажныхъ штатахъ да въ пограничныхъ, занимавшихся взращеніемъ рабовъ на продажу; въ остальныхъ же мѣстностяхъ, гдѣ хлопокъ не родится, оно исчезло само собою, безъ всякого вмѣшательства силы — просто потому, что оно не окупалось.

Г. Дюрингъ перевертываетъ, стало быть, вверхъ дномъ ствительное отношеніе, называя современную собственность насильственною и опредѣляя ее, какъ „форму господства, основанную не только на исключеніи ближнихъ изъ пользованія природными средствами существованія, но, что еще гораздо важнѣе, на насильственномъ принужденіи людей къ подневольному труду“. При всякомъ принужденіи людей къ подневольному труду, во всѣхъ его формахъ, необходимо предположить, что тотъ, кто принуждаетъ, предварительно запасся орудіями труда, безъ которыхъ не могъ бы воспользоваться принужденіемъ; при рабствѣ же въ собственномъ смыслѣ необходимо, кромѣ того, запастись средствами для поддержанія существованія рабовъ. Во всякомъ случаѣ слѣдовательно, предполагается уже извѣстное имущество, превышающее средній размѣръ. Откуда же взялось оно? Ясно, что хотя его источникомъ *могъ быть* грабежъ, а слѣдовательно, — насиліе, но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости. Имущество могло быть создано трудомъ, или украдено, пріобрѣтено торговлей, или обманомъ. Оно даже должно быть создано трудомъ, прежде чѣмъ явится возможность пріобрѣсть его насиліемъ.

Вообще, возникновеніе частной собственности въ исторіи ни въ какомъ случаѣ не было результатомъ обмана и насилія. Наоборотъ. Она существуетъ уже въ древнихъ, первобытныхъ общинахъ всѣхъ культурныхъ народовъ, хотя и простирается лишь на извѣстные предметы. Уже въ этихъ общинахъ она развивается путемъ внѣшняго обмѣна въ формѣ *товара*. И чѣмъ болѣе произведенія общины принимаютъ эту форму, т. е. чѣмъ менѣе производится для собственнаго потребленія производителей, и чѣмъ болѣе на продажу, тѣмъ скорѣе внутри самой этой общины первобытное, естественно выросшее раздѣленіе труда вытѣсняется обмѣномъ; тѣмъ неравномѣрнѣе становится имущественное положеніе отдѣльныхъ членовъ; тѣмъ глубже подрывается общинное землевладѣніе; тѣмъ скорѣе превращается сельская община въ деревню мелкихъ собственниковъ-крестьянъ. Восточный деспотизмъ и смѣняющееся господство кочующихъ завоевателей въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій не могли уничтожить древняго общиннаго быта; крупная же промышленность, постепенно подрывающая естественно выросшія сельскія ремесла, разлагаетъ этотъ бытъ все болѣе и болѣе. Тутъ такъ же мало можетъ быть рѣчи о насиліи, какъ и при до сихъ поръ совершающихся раздѣлахъ общинныхъ земель

на Мозелѣ и въ Гохвальдѣ; крестьяне сами находятъ для себя выгоднымъ замѣнить общинное землевладѣніе частной собственностью. Даже образованіе, на почвѣ общиннаго землевладѣнія, первобытной аристократіи опирается вначалѣ вовсе не на насиліе, а на привычку и добровольное подчиненіе, какъ это было у кельтовъ, германцевъ и въ индѣйскомъ Пенджабѣ. Частная собственность всегда образуется лишь тамъ, гдѣ, вслѣдствіе измѣнившихся условій производства и обмѣна, введеніе ея нужно для усиленія производства и расширенія торговыхъ сношеній; слѣдовательно, она создается экономическими причинами. Насиліе не играетъ тутъ никакой роли. Само собою понятно, что институтъ частной собственности долженъ существовать раньше, чѣмъ грабитель получитъ возможность присваивать себѣ чужое имущество; что, слѣдовательно, насиліе можетъ только перемѣщать имущество изъ однѣхъ рукъ въ другія, но не порождать частную собственность, какъ таковую.

Намъ нѣтъ также надобности ни въ насиліи, ни въ насильственой собственности, чтобы объяснить „принужденіе людей къ подневольному труду“ въ его современной формѣ труда по найму. Мы уже упоминали о томъ, какую роль въ разложеніи общиннаго быта, а слѣдовательно, въ прямомъ или косвенномъ распространеніи частной собственности, играло превращеніе продуктовъ труда въ товары и ихъ производство не для собственнаго потребленія, а на продажу. Марксъ же въ „Капиталѣ“, какъ нельзя яснѣе, доказалъ, — хотя г. Дюрингъ и остерегается проронить объ этомъ хоть одно слово, — что на извѣстной ступени своего развитія товарное производство превращается въ капиталистическое, и что на этой ступени „законъ присвоенія или законъ частной собственности, основывающійся на производствѣ и обмѣнѣ товаровъ, обращается въ силу присущей ему, внутренней, неизбѣжной діалектики, въ свою прямую противоположность. Обмѣнъ эквивалентовъ, являвшійся первоначальною сдѣлкою, до такой степени извратился, что мѣна совершается теперь только кажущимся образомъ, такъ какъ, во первыхъ, часть капитала, обмѣниваемаго на рабочую силу, есть только часть продукта чужого труда, присвоеннаго безъ соотвѣтственнаго эквивалента, а, во вторыхъ, она должна быть не только возвращена своимъ производителемъ — рабочимъ, — но возвращена съ новой прибавкою... Первоначальное право собственности являлось основаннымъ на собственномъ трудѣ... Теперь же (въ концѣ указаннаго Марксомъ развитія) собственность является для капиталиста правомъ присвоенія чужого неоплаченнаго труда или продукта его, а для рабочаго она является невозможностью присвоить себѣ свой собственный продуктъ. Отдѣленіе собственности отъ труда становится необходимымъ слѣдствіемъ закона, исходящаго, повидимому, изъ ихъ тождества“. Другими словами: даже въ томъ случаѣ, если мы исключимъ всякую возможность грабежа, насилія и обмана, если мы

допустимъ, что всякая частная собственность первоначально основывалась на личномъ трудѣ собственника, и что затѣмъ во все дальнѣйшее время только равныя стоимости обмѣнивались на равныя, то все таки, съ дальнѣйшимъ развитіемъ производства и обмѣна, мы необходимо придемъ къ созременному капиталистическому способу производства; къ монополизированію производительныхъ средствъ и средствъ существованія въ рукахъ одного малочисленнаго класса; къ пригнетенію другого, составляющаго неисчислимое большинство, класса до положенія лишенныхъ всякой собственности пролетаріевъ; къ періодической смѣнѣ производительной горячки и торговыхъ кризисовъ и ко всей современной анархіи въ производствѣ. Весь процессъ объясненъ изъ причинъ чисто экономическихъ, при чемъ ни разу не встрѣтилось надобности въ грабежѣ, насиліи, государствѣ или какомъ нибудь иномъ политическомъ вмѣшательствѣ. „Насильственная собственность“ и тутъ оказывается не болѣе, какъ громкой фразой, скрывающей непониманіе дѣйствительнаго хода вещей.

Выраженный исторически, ходъ этотъ представляетъ собою исторію развитія буржуазіи. Если „политическія отношенія являются рѣшающей причиной экономическаго строя“, то современная буржуазія должна была бы явиться не результатомъ борьбы съ феодализмомъ, но его добровольнымъ порожденіемъ. Всякій знаетъ, что въ дѣйствительности произошло какъ разъ обратное. Вначалѣ угнетенное сословіе, обязанное платить оброкъ господствующему феодальному дворянству, пополняющее свои ряды выходцами изъ крѣпостныхъ и другихъ несвободныхъ людей, — буржуазія въ безпрерывной борьбѣ съ дворянствомъ завоевывала у него одинъ важный постъ за другимъ, пока, въ наиболѣе развитыхъ странахъ не стала на его мѣсто въ качествѣ господствующаго сословія, при чемъ во Франціи она открыто низвергла дворянство, а въ Англіи постепенно обуржуазила его и присоединила къ себѣ въ качествѣ почетнаго украшенія. А какимъ образомъ достигла она этого? Простымъ измѣненіемъ „экономическаго положенія“, за которымъ раньше или позже, добровольно или съ бою шло измѣненіе политическихъ отношеній. Борьба буржуазіи противъ феодальнаго дворянства была борьбою города противъ деревни, промышленности противъ землевладѣнія, денежнаго хозяйства противъ натуральнаго, и рѣшительнѣйшимъ оружіемъ буржуазіи въ этой борьбѣ было ея постоянно возраставшее экономическое могущество, заключавшееся въ развитіи сперва ремесленной, потомъ мануфактурной промышленности, а также въ расширеніи торговыхъ сношеній. Въ теченіе всей этой борьбы политическая сила была на сторонѣ дворянства, за исключеніемъ одного періода, когда королевская власть употребляла буржуазію противъ дворянства съ намѣреніемъ ослабить одно сословіе посредствомъ другого. Но съ того момента, когда все еще политически безсильные горожане начали становиться опасными своимъ растущимъ экономическимъ

могуществомъ, королевская власть снова соединилась съ дворянствомъ и вызвала этимъ революцію буржуазіи сперва въ Англіи, потомъ во Франціи. Въ этой послѣдней странѣ „экономическое положеніе“ давно переросло „политическія отношенія“, оставшіяся безъ измѣненій. По своимъ политическимъ правамъ французское дворянство было всѣмъ, а буржуазія ничѣмъ, тогда какъ по своему общественному положенію буржуазія была уже важнѣйшимъ классомъ въ государствѣ, а дворянство, утерявши всѣ свои общественныя функціи, продолжало только получать за нихъ плату въ видѣ доходовъ. Кромѣ того, все буржуазное производство оставалось втиснутымъ въ феодальныя средневѣковыя политическія формы, изъ которыхъ давно выросли даже ремесла, не только мануфактура; оно оставалось скованнымъ безчисленными цеховыми привиллегіями, служившими теперь только для стѣсненій и кляузъ, а также мѣстными и провинціальными таможнями. Буржуазія покончила съ этимъ посредствомъ революціи. Но она поступала не по основному закону г. Дюринга, она не приспособляла экономическаго положенія къ политическимъ учрежденіямъ: надъ этимъ долго и напрасно трудились дворянство и королевская власть; буржуазія же, наоборотъ, выбросила всю старую, истлѣвшую политическую рухлядь и создала на ея мѣстѣ такія политическія учрежденія, при которыхъ могло существовать и развиваться новое „экономическое положеніе“. И оно блистательно развилось въ приспособленной къ нему политической и правовой атмосферѣ, такъ блистательно, что буржуазія уже недалека отъ того положенія, какое занимало дворянство въ 1789 году: она не только становится безполезной, но все сильнѣе и сильнѣе препятствуетъ общественному развитію; она все болѣе и болѣе устраняется отъ производительной дѣятельности и становится, какъ въ былыя времена дворянство, классомъ людей, единственное назначеніе которыхъ заключается въ полученіи доходовъ; и этотъ переворотъ въ своемъ собственномъ положеніи, а также созданіе новаго класса пролетаріевъ, буржуазія совершила безъ всякихъ насильственныхъ фокусовъ, чисто экономическимъ путемъ. Даже болѣе. Она вовсе не желала такихъ результатовъ своей собственной дѣятельности; наоборотъ, они съ непреодолимой силой вторглись въ жизнь противъ ея воли и намѣреній; ея собственныя производительныя силы переросли ея руководство и съ неумолимостью самой природы гонятъ теперь все буржуазное общество къ гибели или къ перевороту. И если буржуа взываютъ теперь къ силѣ, чтобы спасти разрушающееся экономическое положеніе, то этимъ они доказываютъ только, что раздѣляютъ заблужденія г. Дюринга, будто „политическое состояніе составляетъ рѣшающую причину экономическаго положенія“. Точь въ точь какъ г. Дюрингъ, они воображаютъ, что посредствомъ „первоначальнаго фактора“, „непосредственной политической силы“, можно передѣлать „второстепенныя экономическія явленія“ и измѣнить непре-

ложный ходъ ихъ развитія, что Крупповскими пушками и Маузеровскими ружьями можно отстрѣляться отъ экономическаго дѣйствія паровыхъ машинъ, всемірной торговли, банковъ и кредита.

II.

Разсмотримъ однако поближе это всемогущее насиліе г. Дюринга. Робинзонъ „со шпагою въ рукѣ“ порабощаетъ Пятницу. Откуда взялъ онъ шпагу? Г. Дюрингъ обходитъ этотъ вопросъ полнѣйшимъ молчаніемъ, на деревьяхъ же шпаги пока не растутъ даже на фантастическихъ островахъ Робинзоновъ. Если Робинзонъ могъ достать себѣ шпагу, то мы съ тѣмъ же вѣроятіемъ можемъ допустить, что въ одно прекрасное утро Пятница является съ заряженнымъ револьверомъ въ рукахъ, и отношенія силы сразу измѣняются: Пятница начинаетъ командовать, а Робинзонъ работать. Мы просимъ извиненія у читателей за постоянныя возвращенія къ исторіи Пятницы и Робинзона, умѣстной голько въ дѣтской, а никакъ не въ паукѣ. Но что же дѣлать? Мы вынуждены добросовѣстно примѣнять аксіоматическій методъ г. Дюринга, и не наша вина, если при этомъ постоянно приходится оставаться въ области чистѣйшаго ребячества. Итакъ, револьверъ побѣждаетъ шпагу, а отсюда даже ребенокъ пойметъ, что сила зависитъ далеко не отъ одного желанія имѣть ее, а требуетъ для своего проявленія очень реальныхъ предварительныхъ условій, именно *орудій*, изъ которыхъ болѣе совершенныя берутъ верхъ надъ менѣе совершенными. Ясно также, что эти орудія должны быть произведены, и что болѣе искусные производители орудій насилія, или попросту оружія, побѣдятъ производителей менѣе искусныхъ; что, однимъ словомъ, побѣда той или другой силы зависитъ отъ производства оружія, а это послѣднее въ свою очередь, отъ производства вообще, слѣдовательно, отъ „экономическаго могущества“, отъ состоянія народнаго хозяйства, отъ *матеріальныхъ* средствъ, находящихся въ распоряженіи силы.

Сила въ настоящее время, это — армія и военный флотъ, стоющіе массы денегъ, какъ мы всѣ, къ сожалѣнію, отлично знаемъ. Но сила не дѣлаетъ денегъ, и самое большее, что она можетъ, это — отнимать уже готовыя деньги, да и то безъ особенной пользы, какъ мы тоже, къ сожалѣнію, узнали изъ опыта съ французскими милліардами. Деньги, слѣдовательно, должны, въ концѣ концовъ, быть доставлены экономическимъ производствомъ, а значитъ и сила опредѣляется положеніемъ народнаго хозяйства, доставляющаго ей средства для пріобрѣтенія и содержанія ея орудій. Мало того. Ничто не зависитъ до такой степени отъ экономическихъ условій, какъ именно армія и флотъ. Вооруженіе, составъ, организація, тактика и стратегія находятся въ прямой зависимости отъ

данной степени развитія производства и средствъ сообщенія. Не „свободное творчество ума“ геніальныхъ полководцевъ совершало перевороты въ этой области, а изобрѣтеніе лучшаго оружія и измѣненіе въ составѣ армій; вліяніе геніальныхъ полководцевъ въ лучшемъ случаѣ ограничивалось лишь примѣненіемъ способа войны къ новому оружію и новымъ бойцамъ.

Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія порохъ отъ арабовъ проникъ въ западную Европу и, — какъ это извѣстно каждому школьнику, — произвелъ переворотъ во всѣхъ отрасляхъ военнаго дѣла. Но введеніе пороха и огнестрѣльнаго оружія было во всякомъ случаѣ произведено не насиліемъ, а промышленнымъ, т. е. экономическимъ прогрессомъ. Промышленность остается промышленностью, служитъ ли она производству, или разрушенію предметовъ. Введеніе же огнестрѣльнаго оружія подѣйствовало преобразующимъ образомъ не на одно собственно военное дѣло, но также на политическія отношенія подчиненія и господства. Для пріобрѣтенія пороха и огнестрѣльнаго оружія требовались промышленность и деньги, а этими двумя вещами владѣли горожане. Поэтому огнестрѣльное оружіе стало съ самаго начала оружіемъ горожанъ и возвышавшейся при ихъ поддержкѣ монархіи противъ феодальнаго дворянства. Неприступныя до тѣхъ поръ каменныя твердыни дворянскихъ замковъ пали предъ пушками горожанъ, а пули ихъ винтовокъ пробили рыцарскія латы. Вмѣстѣ съ одѣтой въ броню кавалеріей дворянства была разбита и его власть; съ развитіемъ городского мѣщанства пѣхота и артиллерія начали составлять все болѣе и болѣе существенную часть войска, артиллерія же принудила присоединить къ военному ремеслу чисто промышленный отдѣлъ — инженерную часть.

Огнестрѣльное оружіе совершенствовалось очень медленно, Пушки оставались тяжелыми и неуклюжими, ружейный стволъ грубымъ, несмотря на многія отдѣльныя усовершенствованія. Прошло болѣе трехсотъ лѣтъ прежде, чѣмъ ружье было настолько усовершенствовано, что могло быть пригоднымъ для вооруженія всей пѣхоты. Только въ началѣ 18 столѣтія кремневое ружье со штыкомъ окончательно вытѣснило пику изъ вооруженія пѣхоты. Тогдашняя пѣхота состояла изъ усиленно муштруемыхъ, но весьма ненадежныхъ солдатъ, которыхъ только палка могла держать въ порядкѣ. Ихъ вербовали среди самыхъ худшихъ элементовъ общества, часто даже принуждали сражаться военноплѣнныхъ враговъ, и единственной формой борьбы, при которой возможно было употреблять огнестрѣльное оружіе съ такими солдатами, была линейная тактика, достигшая совершенства при Фридрихѣ II. Вся пѣхота арміи строилась въ очень длинный, трехчленный, пустой внутри четыреугольникъ и двигалась въ боевомъ порядкѣ только какъ одно цѣлое; въ крайнихъ случаяхъ дозволялось тому или другому флангу выдвинуться немного впередъ или отступить. Эта неуклюжая масса могла подвигаться въ порядѣ толь-

ко по совершенно ровной мѣстности, да и то довольно медленно (75 шаговъ въ минуту); перемѣна боевого порядка во время сраженія была невозможна, и побѣда или пораженіе быстро рѣшались однимъ ударомъ, какъ только пѣхота вступала въ дѣло.

Эти-то неуклюжія шеренги встрѣтились въ американской войнѣ за независимость съ толпами повстанцевъ, которые, правда, не учились маршировать, но прекрасно стрѣляли изъ своихъ винтовокъ, сражались за свое собственное дѣло, а потому не дезертировали какъ навербованные солдаты, и къ тому же не имѣли любезности выстраиваться линіями и вступать въ бой съ англичанами въ открытыхъ мѣстностяхъ, но, наоборотъ, нападали на нихъ въ лѣсахъ, разсыпаясь мелкими подвижными отрядами стрѣлковъ. При такихъ обстоятельствахъ длинныя шеренги оказались совершенно безсильными и пали подъ ударами невидимыхъ и недосягаемыхъ враговъ. Измѣнившійся составъ войска вызвалъ новый способъ войны — разсыпной стрѣлковый строй.

Дѣло, начатое американской революціей, было дополнено французской также и въ военной области. Опытнымъ вербованнымъ войскамъ коалиціи она точно также могла противопоставить лишь неопытное, но многочисленное ополченіе цѣлой націи. Съ этой массой было необходимо, однако, защищать Парижъ, то есть охранять опредѣленную область, что не могло быть выполнено безъ побѣды надъ непріятельскимъ войскомъ въ открытомъ полѣ. Однихъ стрѣлковыхъ отрядовъ тутъ было недостаточно; требовалось найти новую форму для употребленія въ дѣло, и она была найдена въ *колоннѣ*. Построеніе колоннами позволяло даже неопытнымъ войскамъ двигаться въ порядкѣ и при томъ съ ускоренной быстротою (100 шаговъ и болѣе въ минуту), оно позволяло разрывать старыя окаменѣлыя формы линейнаго строя и сражаться на любой, совершенно неудобной для *линій*, мѣстности, группировать солдатъ сообразно съ обстоятельствами и, въ соединеніи со стрѣлковыми отрядами, задерживать непріятельскія линіи, занимать ихъ, утомлять, чтобы прорвать, наконецъ, въ рѣшительномъ пунктѣ оставшимися въ резервѣ массами. Этотъ новый способъ войны, основанный на соединеніи стрѣлковъ съ колоннами и на раздѣленіи арміи на самостоятельные, составленные изъ всѣхъ родовъ оружія, отряды или корпусы, былъ въ тактическомъ и стратегическомъ отношеніи доведенъ до совершенства Наполеономъ, но необходимость его была создана французской революціей, измѣнившей свойства солдатъ. Его подготовили также два очень важныхъ техническихъ усовершенствованія: во первыхъ, болѣе легкіе лафеты, построенные Грибовалемъ для полевыхъ орудій, позволили передвигать ихъ съ требуемою быстротою; во вторыхъ, заимствованное у охотничьихъ ружей искривленіе приклада, составлявшаго прежде прямое продолженіе ствола, введенное во Франціи въ 1776 году, дало возможность цѣлить и попадать въ отдѣльныхъ людей. Безъ этихъ усовершенствованій въ оружіи стрѣлко-

вый строй былъ бы невозможенъ.

Революціонная система всеобщаго вооруженія была скоро ограничена принудительнымъ наборомъ (съ замѣщеніями, посредствомъ выкупа, для людей состоятельныхъ) и въ этой формѣ принята большинствомъ великихъ державъ континента. Одна Пруссія своей системой ландвера старалась извлечь изъ народа еще большую массу боевыхъ силъ. Она же первая снабдила свою пѣхоту новѣйшими нарѣзными ружьями, заряжающимися съ казенной части, послѣ краткой роли, сыгранной между 1830 и 1860, годами нарѣзными ружьями, заряжающимися съ дула. Этимъ двумъ мѣрамъ Пруссія обязана своимъ успѣхомъ 1866 года.

Во франко-прусской войнѣ въ первый разъ встрѣтились два войска, оба вооруженныя нарѣзными ружьями, заряжающимися съ казенной части, и оба придерживающіяся въ существенныхъ чертахъ одной и той же тактики, оставшейся отъ временъ старыхъ гладкоствольныхъ кремневыхъ ружей. Пруссаки, попытались, правда, найти въ ротныхъ колоннахъ форму строя, болѣе соотвѣтствующую новому вооруженію. Но при первомъ же серьезномъ испытаніи ротныхъ колоннъ, 18-го августа при С.-Приво, въ пяти, принимавшихъ наибольшее участіе въ дѣлѣ, полкахъ прусской арміи, за два часа битвы, изъ строя выбыло болѣе трети людей (176 офицеровъ и 5114 солдатъ), и съ тѣхъ поръ ротныя колонны были такъ же безвозвратно осуждены, какъ баталліонныя колонны и линіи; всякія попытки выставлять подъ непріятельскій ружейный огонь какія бы то ни было сомкнутыя массы войскъ были оставлены, и со стороны нѣмцевъ сраженія велись исключительно густыми стрѣлковыми цѣпями, на которыя несмотря на сопротивленіе высшихъ чиновъ, въ началѣ боровшихся съ подобнымъ „безпорядкомъ“, сами собою обыкновенно распадались колонны, какъ только попадали подъ убійственный градъ пуль. Точно также бѣглый шагъ сталъ теперь единственно возможнымъ подъ ружейнымъ огнемъ непріятеля. Солдатъ опять оказался разумнѣе офицера; онъ инстинктивно нашелъ единственную форму борьбы, возможную подъ огнемъ заряжающихся съ казенной части ружей, и успѣшно повелъ ее вопреки упорству своихъ начальниковъ.

Со времени франко-прусской войны наступилъ новый періодъ въ военномъ дѣлѣ, имѣющій совсѣмъ иное значеніе чѣмъ всѣ предыдущіе. Во-первыхъ, оружіе до такой степени усовершенствовалось, что никакой дальнѣйшій прогрессъ въ этомъ направленіи не можетъ уже имѣть рѣшающаго вліянія. При пушкахъ, ядра которыхъ настигаютъ баталліонъ на такомъ далекомъ разстояніи, на какомъ онъ только можетъ быть видимъ, при ружьяхъ, дающихъ возможность попадать въ отдѣльныхъ людей при тѣхъ же условіяхъ и требующихъ для заряда меньше времени, чѣмъ для прицѣла, всякія дальнѣйшія усовершенствованія въ полевомъ военномъ дѣлѣ болѣе или менѣе безразличны. Съ этой стороны періодъ развитія въ существенныхъ чертахъ ужъ законченъ. Во-вто-

рыхъ, эта война принудила всѣ большія континентальныя державы ввести у себя усиленную систему прусскаго ландвера и тѣмъ самымъ взвалить на свои плечи такую тяжесть милитаризма, которая раздавитъ ихъ въ самое непродолжительное время. Армія стала главнѣйшей и самостоятельной цѣлью государства; народы продолжаютъ существовать лишь для того, чтобы поставлять и кормить солдатъ. Милитаризмъ господствуетъ надъ Европой и пожираетъ ее. Но этотъ милитаризмъ носитъ въ себѣ же зародышъ своего собственнаго уничтоженія. Соперничество между отдѣльными государствами вынуждаетъ ихъ, съ одной стороны, затрачивать съ каждымъ годомъ все больше денегъ на армію, флотъ, артиллерію и т. д., а слѣдовательно все болѣе и болѣе приближаться къ финансовому кризису; съ другой стороны, оно вынуждаетъ ихъ знакомить, путемъ всеобщей воинской повинности, все большее и большее число поданныхъ съ употребленіемъ оружія, пока они не ознакомятъ съ нимъ весь народъ и не сдѣлаютъ его способнымъ противопоставить, въ извѣстный моментъ, свою волю волѣ своихъ военныхъ командировъ. И этотъ моментъ наступитъ тотчасъ же, какъ только народная масса, — масса сельскихъ и городскихъ рабочихъ и крестьянъ, — *будетъ имѣть* свою волю. Тогда правительственное войско превратится въ народное, машина откажется служить, и милитаризмъ разобьется о діалектику своего собственнаго развитія. То, чего не могла совершить буржуазная демократія 1848 г., потому что она была демократіей буржуазіи, а не пролетаріата, — именно дать рабочимъ массамъ сознательныя стремленія, *волю*, соотвѣтствующую ихъ классовому положенію, — будетъ несомнѣнно достигнуто соціализмомъ. А это означаетъ внутреннее разложеніе милитаризма, а съ нимъ и всѣхъ постоянныхъ армій.

Такова первая мораль нашей исторіи современной пѣхоты. Вторая, — снова возвращающая насъ къ г. Дюрингу, — заключается въ томъ, что вся организація арміи и способа борьбы, а вмѣстѣ съ ними побѣды и пораженія, оказываются зависящими отъ матеріальныхъ, т. е. экономическихъ условій: отъ свойствъ людей и оружія, слѣдовательно, — отъ качества и количества населенія и отъ развитія техники. Только охотничье населеніе Америки могло изобрѣсти стрѣлковый строй, а охотничьимъ оно было по чисто экономическимъ причинамъ, какъ по экономическимъ же причинамъ эти самые янки старыхъ штатовъ превратились теперь въ земледѣльцевъ, промышленниковъ, мореплавателей и купцовъ, которые не стрѣляютъ уже въ первобытныхъ лѣсахъ, но за то тѣмъ успѣшнѣе дѣйствуютъ на поляхъ спекуляціи, гдѣ достигли также большого искусства въ примѣненіи къ дѣлу массъ. Только Великая Революція, принесшая французскимъ гражданамъ, а особенно крестьянамъ, экономическое освобожденіе, могла найти свободныя подвижныя формы массового строя, о которыя разбились старыя одеревенѣлыя линіи — вѣрное отраженіе защища-

емаго ими абсолютизма. Мы уже видѣли вліяніе техническаго прогресса въ его примѣненіи къ военному дѣлу и прослѣдили, какъ введеніе техническихъ усовершенствованій каждый разъ почти насильно вело за собою измѣненія и даже цѣлые перевороты въ способѣ веденія войны, часто, къ тому же, противъ воли военнаго начальства. А въ какой сильной зависимости находятся военныя дѣйствія, сверхъ того, отъ производительности и средствъ сообщенія свойственныхъ мѣстности, лежащей въ тылу арміи, равно какъ и самому театру войны, это теперь можетъ объяснить г. Дюрингу каждый старательный унтеръ-офицеръ. Однимъ словомъ, „сила“ всегда и вездѣ одерживала побѣды не иначе, какъ при помощи экономическихъ условій и средствъ, безъ которыхъ она перестаетъ быть силой, и тотъ, кто вздумаетъ, слѣдуя Дюрингу, преобразовывать военное дѣло съ противоположнаго конца, не пожнетъ ничего, кромѣ палокъ*).

Если съ суши мы перейдемъ на воду, то здѣсь намъ представится еще болѣе поразительный переворотъ, совершившійся не болѣе, какъ за послѣднія двадцать лѣтъ. Во время Крымской войны боевое судно представляло собою деревянный двухъ-или трехъ палубный корабль, имѣвшій отъ 60 до 100 пушекъ, двигавшійся главнымъ образомъ съ помощью парусовъ и употреблявшій слабый паровикъ лишь въ качествѣ вспомогательнаго средства. Его вооруженіе состояло, главнымъ образомъ, изъ 32-фунтовыхъ орудій, около 50 центнеровъ. Къ концу войны появились плавучія панцырныя батареи, неповоротливыя, едва двигавшіяся чудовища, почти непроницаемыя, однако для тогдашнихъ орудій. Скоро желѣзныя панцыри были перенесены и на боевыя суда; сперва они были тонки: панцырь въ четыре дюйма толщиною считался уже чрезвычайно тяжелымъ. Но скоро прогрессъ артиллеріи опередилъ панцыри: возрастающей толщинѣ панцыря противопоставлялися новыя, болѣе тяжелыя орудія, легко его пробивавшія. Теперь мы уже дошли, съ одной стороны, до десяти, двѣнадцати, четырнадцати и двадцатичетырехъ-дюймовыхъ панцырей (Италія намѣревается построить корабль съ панцыремъ въ три фута толщиною), а съ другой — до нарѣзныхъ пушекъ въ 25, 35, 80 и даже 100 тоннъ (по 20 центнеровъ) вѣсомъ, выбрасывающихъ на небывалыя прежде разстоянія снаряды въ 300, 400, 1700 и до 2000 фунтовъ. Нынѣшнее боевое судно представляетъ собою исполинскій винтовой пароходъ, вмѣстимостью въ 8—9 тысячъ тоннъ и въ 6—8 тысячъ паровыхъ лошадиныхъ силъ, съ поворотными башнями и 4—6 весьма тяжелыми орудіями, съ бугомъ, выдвигающимся подъ во-

*) Это уже прекрасно знаютъ въ прусскомъ генеральномъ штабѣ. „*Основаніемъ* военнаго дѣла служатъ прежде всего общія *хозяйственныя* условія жизни народовъ“, говоритъ въ одной научной бесѣдѣ г. Максъ Іенсъ, капитанъ генеральнаго штаба (Kölnische Zeit., 20 April 1875, drittes Blatt).

дою для нанесенія пробоины непріятельскому кораблю; оно представляетъ собою одну цѣльную колоссальную машину, которой паръ не только сообщаетъ быстрое движеніе впередъ, но въ которой онъ также приводитъ въ движеніе руль, поднимаетъ и опускаетъ якорь, поворачиваетъ башни, направляетъ и заряжаетъ орудія, выкачиваетъ воду, поднимаетъ и спускаетъ лодки, которыя также отчасти приводятся въ движеніе паромъ и т. д. И борьба между броненсонымъ вооруженіемъ и дѣйствіемъ орудій еще такъ далека отъ своего конца, что въ настоящее время судно оказывается неудовлетворительнымъ. т. е. устарѣлымъ раньше, чѣмъ выпускается изъ верфи. Новѣйшее боевое судно представляетъ не только продуктъ, но также и образчикъ искусства новѣйшей крупной промышленности: плавающую фабрику, служащую, разумѣется, исключительно для производства расходовъ. Страна, въ которой крупная промышленность развилась всего значительнѣе, обладаетъ почти полною монополіею постройки подобныхъ судовъ. Всѣ турецкія, почти всѣ русскія суда и большая часть нѣмецкихъ панцырныхъ судовъ построены въ Англіи. Панцырная броня сколько нибудь значительной толщины дѣлается почти исключительно въ Шеффильдѣ; изъ трехъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ въ Европѣ, которые одни только въ состояніи доставлять самыя тяжелыя орудія, два (Уиличъ и Эльсуикъ) приходятся на Англію, а одинъ (Круппъ) на Германію. Здѣсь до очевидности ясно, какъ „непосредственная политическая сила“, являющаяся, по Дюрингу, „рѣшающей причиной экономическаго положенія“, находится, наоборотъ, въ полнѣйшей отъ него зависимости: здѣсь не только производство орудій насилія, т. е. военныхъ судовъ, но и самое обращеніе съ этими орудіями превратилось въ одну изъ отраслей новѣйшей промышленности. И такой ходъ дѣла никому не можетъ быть менѣе по вкусу, какъ именно самой „силѣ“ — государству, которому одинъ корабль стоитъ теперь столько же, сколько прежде стоилъ цѣлый небольшой флотъ, при чемъ эта „сила“ должна спокойно смотрѣть, какъ ея дорогія суда, едва спущенныя на воду, оказываются устарѣвшими, и слѣдовательно обезцѣненными, и ужъ конечно, не менѣе самого г. Дюринга недовольна она той выдающейся ролью, какую играетъ на борьбѣ военнаго корабля инженеръ, человѣкъ экономическаго положенія, оттѣснившій на задній планъ „непосредственнаго представителя силы“ — капитана. Намъ же, наоборотъ, нѣтъ ни малѣйшей причины огорчаться, видя, какъ соперничество между панцыремъ и пушкой доводитъ военный корабль до степени совершенства, на которой онъ сдѣлается столько же неуязвимымъ, сколько негоднымъ къ употребленію*), и какъ это соперничество обнаружива-

*) Это, повидимому, будетъ достигнуто усовершенствованіемъ самодвижущихся торпедъ — послѣдняго дара крупной промышленности морскому военному дѣлу; громаднѣйшій броненосецъ побѣждался бы тогда маленькой торпедой.

етъ также въ области морской войны тотъ внутренній діалектическій законъ движенія, по которому гибель милитаризма, какъ и всякаго другого историческаго явленія, становится логическимъ слѣдствіемъ его собственнаго развитія.

Такимъ образомъ оказывается яснѣе солнца, что искать „первоначальной причины въ непосредственной политической силѣ, а не въ производномъ экономическомъ могуществѣ“, — невозможно. Наоборотъ. Что является „первоначальной причиной“ самой силы? Экономическое могущество, распоряженіе средствами крупной промышленности. Политическая сила на морѣ, опирающаяся на новѣйшіе военные корабли, никоимъ образомъ не проявляется „непосредственно“, а именно *посредствомъ* экономическихъ силъ высокаго развитія металлургіи, наличности искусныхъ техниковъ и богатыхъ угольныхъ копей.

Впрочемъ, къ чему все это? Въ ближайшей морской войнѣ высшее командованіе будетъ дано г. Дюрингу, и онъ, безъ всякихъ торпедъ и прочихъ ухищреній, просто своей „непосредственной силой“ уничтожитъ всѣ созданные экономическимъ положеніемъ панцырные флоты.

III.

Очень важное обстоятельство заключается въ томъ, что фактически господству надъ природой вообще (!) предшествовало господство надъ человѣкомъ. Обработка поземельной собственности никогда и нигдѣ не совершалась въ большихъ размѣрахъ безъ предварительнаго обращенія людей въ тотъ или другой видъ рабства или крѣпостной зависимости. Установленіе экономическаго господства надъ вещами обусловливалось предварительно политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ господствомъ людей надъ людьми. Возможно ли представить себѣ крупнаго землевладѣльца безъ господства его надъ рабами, крѣпостными или косвенно отъ него зависящими людьми? Что могли значить и что значили единичныя силы или въ лучшемъ случаѣ, силы отдѣльной семьи при обработкѣ крупныхъ земельныхъ участковъ? Эксплуатація земли или распространеніе экономическаго господства надъ нею, въ размѣрахъ превышающихъ единичныя силы, сдѣлалось возможнымъ въ исторіи лишь потому, что ранѣе учрежденія поземельной собственности или одновременно съ нимъ совершалось необходимое для этого порабощеніе людей. Въ позднѣйшіе періоды развитія это порабощеніе смягчилось... Его современная форма въ наиболѣе цивилизованныхъ государствахъ есть наемный трудъ, болѣе или менѣе регулируемый полицейской властью. На этомъ трудѣ, слѣдовательно, основывается практическая возможность тѣхъ родовъ современнаго бо-

гатства, которые заключаются въ болѣе обширномъ землевладѣніи и (!) болѣе крупной поземельной собственности. Само собою понятно, что и всѣ другіе роды распредѣленія богатствъ могутъ быть объяснены подобнымъ же образомъ, и косвенная зависимость человѣка отъ человѣка, составляющая въ настоящее время главную черту экономически наиболѣе развитыхъ общественныхъ отношеній, не можетъ быть понята сама по себѣ, но объясняется только какъ нѣсколько видоизмѣненное наслѣдіе существовавшаго въ прежнія времена прямого подчиненія и грабежа.“ Такъ говоритъ г. Дюрингъ.

Тезисъ: Подчиненіе природы (людьми) предполагаетъ предварительное подчиненіе людей (людьми же).

Доказательство: Обработка поземельно йсобственности въ большихъ размѣрахъ всегда и вездѣ производилась людьми, находящимися въ подчиненіи.

Доказательство доказательства: Какъ же можетъ крупный землевладѣлецъ существовать безъ рабовъ, когда безъ нихъ съ одной своей семьей онъ могъ бы обработать только маленькую часть своихъ владѣній?

И такъ, чтобы доказать необходимость предварительнаго порабощенія человѣка для пріобрѣтенія господства надъ природою, г. Дюрингъ превращаетъ безъ всякихъ церемоній „природу“ въ „крупную поземельную собственность“— неизвѣстно, чью—и тотчасъ же отдаетъ эту собственность крупному землевладѣльцу, которому, конечно, невозможно обработать ее безъ подчиненныхъ ему людей.

Во первыхъ, „господство надъ природою“ и „обработка поземельной собственности“ совсѣмъ не одно и тоже. Въ промышленности господство надъ природою достигнуто въ неизмѣримо большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ земледѣліи, которое до сихъ поръ находится въ зависимости отъ погоды вмѣсто того, чтобы надъ нею господствовать.

Во вторыхъ, если мы ограничимся вопросомъ обработки поземельной собственности въ большихъ размѣрахъ, то должны будемъ прежде всего узнать, кому эта собственность принадлежитъ. И тутъ при началѣ исторіи всѣхъ культурныхъ народовъ мы встрѣтимъ не крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, которыхъ намъ подсовываетъ г. Дюрингъ съ своей обычной манерой фокусника, называемой имъ „естественной діалектикой“, а родовыя и деревенскія общины съ общиннымъ землевладѣніемъ. Отъ Индіи до Ирландіи обработка поземельной собственности въ большихъ размѣрахъ велась первоначально подобными родовыми и деревенскими общинами, то сообща цѣлой деревней, то отдѣльными семьями на выдѣленныхъ имъ на срокъ отъ общины участкахъ, при чемъ во второмъ случаѣ лѣса и пастбища оставались въ общемъ пользованіи. Очень характерно для „серьезнѣйшихъ спеціальныхъ занятій“ г. Дюринга „въ области юридическихъ и полити-

ческихъ наукъ", что эти вещи ему совершенно неизвѣстны, и что всѣ его произведенія дышатъ полнѣйшимъ незнакомствомъ со сдѣлавшими эпоху трудами Маурера объ организаціи первобытной германской марки, этой основы всего германскаго права, а также съ вызванной главнымъ образомъ Маурером и постоянно ростущей литературой, занимающейся изслѣдованіями о первобытномъ общинномъ землевладѣніи и о различныхъ формахъ его существованія и разложенія у всѣхъ культурныхъ народовъ Европы и Азіи. Какъ ни велико невѣжество, которымъ г. Дюрингъ „обязанъ самому себѣ" въ области французскаго и англійскаго права, тѣмъ не менѣе его столь же самостоятельное невѣжество въ германскомъ правѣ еще значительнѣе. Человѣкъ, громящій съ такою силою ограниченность кругозора университетскихъ профессоровъ, самъ подвинулся въ области нѣмецкаго права никакъ не дальше той точки, на которой профессора стояли лѣтъ двадцать тому назадъ.

Утвержденіе г. Дюринга, что для обработки поземельной собственности въ большихъ размѣрахъ необходимы землевладѣльцы и рабы, есть вполнѣ „свободное творчество и дѣло воображенія". На всемъ Востокѣ, гдѣ собственниками земли являются общины или государство, самое слово землевладѣлецъ не встрѣчается въ языкахъ, о чемъ могъ бы сообщить г. Дюрингу совѣтъ англійскихъ юристовъ, также напрасно бившійся въ Индіи надъ вопросомъ: кто же землевладѣлецъ? — какъ покойный Геприхъ LXXII Рейсъ-Грейцъ-Шлейсъ-Лобенштейнъ-Эберсвальдскій надъ вопросомъ: кто ночной сторожъ? Особаго рода землевладѣльческій феодализмъ ввели на Востокѣ только турки въ завоеванныхъ ими странахъ. Греція еще въ героическія времена вступаетъ въ исторію, уже раздѣленная на классы, самимъ своимъ существованіемъ свидѣтельствующіе о долгой предварительной исторіи, оставшейся неизвѣстною, но и въ ней значительнѣйшая часть земли обрабатывалась самостоятельными крестьянами; болѣе крупныя владѣнія благородныхъ родовъ и начальниковъ племенъ составляли исключенія и затѣмъ скоро исчезли. Италія была обработана по преимуществу крестьянами; когда же, въ послѣднія времена римской республики, крупное землевладѣніе—латифундіи —вытѣснили мелкихъ собственниковъ-крестьянъ и замѣнили ихъ рабами, онѣ въ то же время замѣнили земледѣліе скотоводствомъ и разорили Италію, какъ это замѣтилъ еще Плиній (latifundia Italiam perdidere). Въ средніе вѣка во всей Европѣ господствовала мелкая крестьянская культура, особенно при распашкѣ пустырей, при чемъ для занимающаго насъ вопроса совершенно безразлично, платили ли крестьяне подати, и какія именно, тому или другому феодалу. Фризскіе, нижнесаксонскіе, фламандскіе и нижнерейнскіе колонисты, занявшіе отнятыя у славянъ земли на востокѣ отъ Эльбы, ни въ какой крѣпостной зависимости не были, а обработывали землю въ качествѣ свободныхъ крестьянъ

при очень благопріятныхъ податныхъ условіяхъ. Большая часть земель Сѣверной Америки обязана плодородіемъ труду свободныхъ крестьянъ, тогда какъ крупные землевладѣльцы Юга со своими рабами и хищнической культурой до того истощали почву, что на ней ничего не росло кромѣ елей, а хлопчато-бумажныя плантаціи должны были подвигаться все далѣе и далѣе на Западъ. Всѣ усилія англійскаго правительства искусственно создать поземельную аристократію въ Австраліи и Новой Зеландіи остались безуспѣшны. Словомъ, вездѣ, за исключеніемъ тропическихъ колоній, гдѣ климатъ не позволяетъ европейцамъ заниматься земледѣліемъ, крупный землевладѣлецъ, покоряющій природу и обрабатывающій землю посредствомъ рабовъ и крѣпостныхъ, оказывается чистѣйшей фантазіей. Наоборотъ, тамъ, гдѣ онъ появлялся въ древности, какъ въ Италіи, онъ не пустыри дѣлалъ плодородными, а превращалъ въ пастбища обработанныя крестьянскія земли, опустошалъ ихъ, и разорялъ цѣлыя страны. Только въ новѣйшія времена, когда сгустившееся населеніе подняло цѣну земли, а развитіе агрономіи увеличило плодородіе земель даже низшаго качества,—только тогда крупное землевладѣніе начало принимать широкое участіе въ обработкѣ пустырей и луговъ, которые оно похищало, главнымъ образомъ, изъ общинныхъ крестьянскихъ земель, какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи. Но и это имѣло обратную сторону. На каждый акръ общинной земли, обработанный крупными землевладѣльцами Англіи, приходится по меньшей мѣрѣ три акра обработанной земли Шотландіи, превращенной ими въ пастбища для овецъ, а, наконецъ, и просто въ охотничьи парки для красной дичи.

Мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ утвержденіемъ г. Дюринга, будто обработка большихъ земельныхъ участковъ, т. е. чуть ли не всей современной культурной области, „нигдѣ и никогда“ не производилась иначе, какъ крупными землевладѣльцами посредствомъ рабовъ,—утвержденіемъ, „обусловленнымъ“, какъ мы видѣли, поистинѣ неслыханнымъ незнаніемъ исторіи. Поэтому насъ не касается здѣсь вопросъ о томъ, почему въ различныя времена всѣ или почти всѣ подобные участки переходили въ собственность рабовладѣльцевъ (какъ въ цвѣтущія времена Греціи) или обрабатывались крѣпостными (какъ въ тягловыхъ помѣстьяхъ среднихъ вѣковъ); насъ не интересуютъ здѣсь также и общественныя функціи, исполнявшіяся въ различныя времена крупными землевладѣльцами.

Повѣдавши намъ свою образцовую фантазію, въ которой не знаешь, чему больше удивляться—фокусничеству-ли дедукціи, или искаженію исторіи, г. Дюрингъ съ торжествомъ восклицаетъ: „Само собою понятно, что всѣ другіе роды распредѣленія богатствъ *объясняются исторически подобнымъ же образомъ!*“ Этимъ онъ естественно себя избавляетъ отъ труда проронить хоть словечко, напримѣръ, о возникновеніи капитала.

Если, называя порабощеніе человѣка человѣкомъ предварительнымъ условіемъ господства надъ природою, г. Дюрингъ хочетъ вообще сказать, что все наше современное экономическое положеніе и степень развитія, достигнутая въ настоящее время земледѣліемъ и промышленностью, есть результатъ общественной исторіи, въ основаніи которой лежали классовой антагонизмъ и отношенія господства и подчиненія,—если онъ только это хочетъ сказать,—то онъ повторяетъ вещи, ставшія общимъ мѣстомъ со времени появленія „Манифеста Коммунистической Партіи“. Дѣло именно въ томъ, чтобы объяснить возникновеніе классовъ и зависимыхъ отношеній, а г. Дюрингъ своимъ единственнымъ словомъ „насиліе“ ни на шагъ не подвигаетъ насъ впередъ. Уже тотъ простой фактъ, что порабощенные и эксплуатируемые были во всѣ времена гораздо многочисленнѣе своихъ господъ и эксплуататоровъ, и что дѣйствительная сила, находилась, слѣдовательно, на ихъ сторонѣ,—одинъ этотъ фактъ достаточно показываетъ всю безсмысленность теоріи насилія. И весь вопросъ опять таки сводится къ тому, чтобы объяснить эти отношенія господства и подчиненія.

Они возникли двумя путями.

Выдѣлившись первоначально изъ царства животныхъ—въ тѣсномъ смыслѣ—люди вступили въ исторію еще въ полуживотномъ состояніи: дикіе безпомощные передъ силами природы, незнакомые со своими собственными силами, они были бѣдны, какъ животныя, и производили немногимъ больше этихъ. Тогда господствовало извѣстное равенство жизненныхъ условій, а для главъ семейства также равенство общественнаго положенія или, по меньшей мѣрѣ, отсутствіе дѣленія на классы, продолжавшееся еще въ естественно-выросшихъ земледѣльческихъ общинахъ всѣхъ современныхъ культурныхъ народовъ.*) Въ каждой такой общинѣ возникаютъ съ самаго начала нѣкоторые общіе интересы, охраненіе которыхъ должно быть ввѣрено отдѣльнымъ личностямъ, хотя и подъ надзоромъ всего общества,—таковы: рѣшенія споровъ; подавленіе захватовъ отдѣльными личностями излишнихъ правъ; надзоръ за водоемами, въ особенности въ жаркихъ странахъ, наконецъ, религіозныя функціи. Подобныхъ должностныхъ лицъ мы находимъ въ первобытныхъ обществахъ всѣхъ временъ, какъ въ древнѣйшей германской маркѣ, такъ и въ современной Индіи. Само собою разумѣется, что эти лица снабжаются извѣст-

*) Сказанное здѣсь о „главахъ семействъ“ далеко не предполагаетъ существованія нынѣшней формы семьи въ первобытномъ обществѣ. Подробнѣе о первобытной семьѣ см. у того же автора въ книгѣ: Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats“, Zürich 1884 (Происхожденіе семьи, частной собственности и государства, Цюрихъ 1884.—Русскій переводъ этой книги выдержалъ уже нѣсколько изданій). Прим. редакціи.

ными полномочіями и зачаточной государственной властью. Постепенно производительныя силы растутъ; сгустившееся населеніе создаетъ въ одномъ мѣстѣ одинаковые, въ другомъ—различные интересы между отдѣльными обществами; ихъ группировка въ болѣе крупныя цѣлыя вызываетъ, въ свою очередь, новое раздѣленіе труда и образованіе органовъ для охраны общихъ и защиты спорныхъ интересовъ. Эти органы, занимая уже, въ качествѣ представителей общихъ интересовъ цѣлой группы, обособленное, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ даже враждебное положеніе по отношенію къ каждой отдѣльной общинѣ, вскорѣ получаютъ еще большую самостоятельность—отчасти вслѣдствіе наслѣдственности должностей, почти неизбѣжно возникающей въ томъ быту, гдѣ все складывается само собою, отчасти по причинѣ учащающихся столкновеній съ другими группами, вызывающихъ усиленную необходимость въ этихъ органахъ. Намъ нѣтъ надобности излагать здѣсь, какимъ образомъ эта самостоятельность общественныхъ должностей по отношенію къ обществу усилилась со временемъ до господства надъ нимъ; какъ слуга при благопріятныхъ условіяхъ постепенно превратился въ господина и, смотря по обстоятельствамъ, являлся то восточнымъ деспотомъ и сатрапомъ, то греческимъ начальникомъ рода, то шефомъ клана кельтовъ и т. д.; насколько въ этихъ превращеніяхъ участвовало, наконецъ, насиліе, и какимъ образомъ отдѣльныя личности, достигшія господства, слились въ цѣлые господствующіе классы—все это до насъ не касается. Намъ необходимо только установить тотъ фактъ, что политическое господство повсюду вытекло изъ общественныхъ должностей и бывало устойчиво только тогда, когда выполняло свои общественныя обязанности. Многочисленныя деспотіи, поднимавшіяся и падавшія въ Персіи и Индіи, всѣ отлично помнили свою первѣйшую обязанность заботиться объ орошеніи долинъ, безъ котораго въ этихъ странахъ невозможно земледѣліе. Лишь просвѣщеннымъ англичанамъ суждено было не замѣтить этого въ Индіи. При нихъ оросительные каналы и шлюзы пришли въ упадокъ, и только правильно повторяющійся голодъ открылъ имъ, наконецъ, глаза на ихъ небрежность относительно единственной дѣятельности, которая могла дать имъ, по крайней мѣрѣ, такое же право на господство въ Индіи, какое имѣли ихъ предшественники.

Рядомъ съ этимъ образованіемъ классовъ шло также и другое. Естественное раздѣленіе труда внутри земледѣльческой семьи позволило, на извѣстной степени благосостоянія, присоединить къ ней одну или нѣсколько рабочихъ силъ. Это въ особенности имѣло мѣсто въ тѣхъ странахъ, гдѣ общинное землевладѣніе уже распалось или, по меньшей мѣрѣ, древняя общественная обработка земли замѣнилась обработкой ея отдѣльными семьями. Производство настолько развилось, что рабочая сила человѣка могла производить больше, чѣмъ необходимо было для его простого

существованія; средства для содержанія и употребленія въ дѣло рабочей силы имѣлись на лицо, и она пріобрѣла *стоимость*. Но свободной, излишней рабочей силы нельзя было найти ни въ въ своей общинѣ, ни въ томъ союзѣ, къ которому она принадлежала. Эту силу доставляла война, а война была также стара, какъ и одновременное, совмѣстное существваніе нѣсколькихъ общественныхъ группъ. До сихъ поръ для военноплѣнныхъ не находили никакого употребленія; поэтому ихъ просто убивали, а еще раньше съѣдали. Но на достигнутой теперь ступени „экономическаго“ развитія плѣнники пріобрѣтаютъ цѣну, имъ оставляютъ жизнь и пользуются ихъ трудомъ. Такимъ образомъ, насиліе, вмѣсто того, чтобы господствовать надъ экономическимъ положеніемъ, служило хозяйственнымъ цѣлямъ. *Рабство* было найдено. Оно скоро сдѣлалось господствующей формой производства у всѣхъ народовъ, переросшихъ старый общинный бытъ, и послужило въ заключеніе главной причиной ихъ распаденія. Только рабство создало возможность болѣе широкаго раздѣленія труда между земледѣліемъ и промышленностью и, благодаря ему, расцвѣта древне-греческаго міра. Безъ рабства не было бы греческаго государства, греческаго искусства и науки; безъ рабства не было бы и Рима. А безъ основанія, заложеннаго Греціей и Римомъ, не было бы также и современной Европы. Мы не должны забывать, что все наше экономическое, политическое и умственное развитіе вытекло изъ такого предварительнаго состоянія, при которомъ рабство было настолько же необходимо, какъ и общепризнано. Въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ право сказать, что безъ античнаго рабства не было бы и современнаго соціализма.

Нѣтъ ничего легче, какъ произносить громкія фразы, по поводу рабства и т. п. и изливать цѣлые потоки высоко-нравственнаго гнѣва на такія постыдныя вещи. Только, къ сожалѣнію, этимъ не выражается ничего, кромѣ всѣмъ извѣстнаго факта, что эти древнія учрежденія не соотвѣтствуютъ болѣе ни современнымъ обстоятельствамъ, ни нашимъ, выработаннымъ этими обстоятельствами, чувствамъ. О томъ, какъ возникли эти учрежденія, что ихъ поддерживало и какую роль они играли въ исторіи, мы не узнаемъ ни одного слова. Разъ заговоривши объ этомъ предметѣ, мы должны сказать, какою бы ересью и какимъ бы противорѣчіемъ ни казались наши слова, что при тогдашнихъ условіяхъ введеніе рабства было большимъ шагомъ впередъ. Несомнѣненъ тотъ фактъ, что человѣкъ, бывшій вначалѣ звѣремъ, нуждался въ варварскихъ, почти звѣрскихъ средствахъ, чтобы выйти изъ первобытнаго состоянія. Тамъ, гдѣ уцѣлѣлъ древній общинный бытъ, онъ всюду, отъ Индіи до Россіи, служитъ цѣлыя тысячелѣтія основаніемъ самыхъ грубыхъ государственныхъ формъ восточнаго деспотизма. Только тамъ, гдѣ онъ распался, самостоятельное развитіе пошло впередъ и первымъ шагомъ по пути экономическаго производства было усиленіе и развитіе производства посредствомъ рабскаго труда. Это понятно: пока человѣческій трудъ былъ такъ мало производителенъ, что до-

ставлялъ лишь небольшой излишекъ сверхъ безусловно необходимыхъ человѣку средствъ существованія, увеличеніе производительныхъ силъ, расширеніе торговли, развитіе государства и права, начало искусствъ и науки было возможно не иначе, какъ при усиленномъ раздѣленіи труда, въ основу котораго должно было лечь великое раздѣленіе труда между массами, поглощенными простой физической работой, и немногими привиллегированными, управлявшими трудомъ, занимавшимися торговлей, государственными дѣлами, а позже искусствами и науками. Простѣйшей, естественно выросшей формой такого раздѣленія труда было именно рабство. При историческихъ условіяхъ древняго, въ частности греческаго, міра переходъ къ общественности, основанной на классовой противоположности, могъ совершиться только въ формѣ рабства. Даже для рабовъ это было прогрессомъ: военно-плѣнные, изъ которыхъ они по преимуществу набирались, сохраняли теперь, по крайней мѣрѣ, жизнь, тогда какъ прежде они убивались, а еще раньше даже поѣдались.

Прибавимъ кстати, что и всѣ до сихъ поръ существовавшія историческія противоположности эксплуатирующихъ и эксплуатируемыхъ, господствующихъ и угнетенныхъ классовъ, объясняются той же, относительно неразвитой производительностью человѣческаго труда. Пока трудящееся населеніе до такой степени поглощено необходимой работой, что не имѣетъ свободнаго времени для дѣлъ общественныхъ, для завѣдыванія производствомъ, для государственныхъ дѣлъ, правосудія, наукъ, искусствъ и т. д. — до тѣхъ поръ долженъ существовать особый классъ людей, освобожденный отъ настоящаго труда и занятый этими дѣлами; причемъ такой классъ, конечно, никогда не упускалъ случая изъ личныхъ выгодъ отягощать рабочія массы все большимъ и большимъ трудомъ. Только достигнутое крупной промышленностью чрезвычайное усиленіе производительности труда позволяетъ, наконецъ, распредѣлить его на всѣхъ безъ исключенія членовъ общества и этимъ до такой степени сократить рабочее время каждаго въ отдѣльности, что его будетъ у всѣхъ въ избыткѣ для теоретическаго и практическаго участія въ дѣлахъ всего общества. Слѣдовательно, теперь впервые всякій эксплуатирующій и господствующій классъ сталъ не только излишнимъ, но превратился въ препятствіе на пути общественнаго развитія, и теперь онъ будетъ неизбѣжно устраненъ какой бы „непосредственной силой“ онъ ни обладалъ.

Слѣдовательно, строя презрительныя гримасы по адресу Греціи за то, что ея цивилизація была основана на рабствѣ, г. Дюрингъ можетъ точь въ точь съ такимъ же правомъ упрекать ее и за неимѣніе паровыхъ машинъ и электрическихъ телеграфовъ. А когда онъ утверждаетъ, что современный наемный трудъ есть лишь видоизмѣненное и смягченное наслѣдіе рабства и не можетъ быть объясненъ самъ изъ себя (т. е. изъ экономическихъ законовъ современнаго общества), то его фраза или означаетъ только то, что наемный трудъ, какъ и рабство, есть одна изъ формъ порабоще-

нія и классоваго господства,—вещь извѣстную каждому ребенку,—или она ошибочна. Иначе мы съ тѣмъ же самымъ правомъ могли бы сказать, что наемный трудъ объяснимъ лишь въ качествѣ смягченной формы людоѣдства, бывшаго, какъ теперь извѣстно, общепринятой формой употребленія побѣжденныхъ враговъ.

Теперь ясно, какую историческую роль играетъ насиліе по отношенію къ экономическому развитію. Во первыхъ, всякая политическая сила опирается вначалѣ на экономическую общественную функцію и разростается затѣмъ, по мѣрѣ разложенія первобытной общины, которое дѣлаетъ изъ общинниковъ — частныхъ производителей и еще болѣе увеличиваетъ разстояніе между ними и лицами, управляющими общественными дѣлами. Во вторыхъ, пріобрѣтая самостоятельность по отношенію къ обществу и изъ служанки превратившись въ госпожу, политическая сила можетъ дѣйствовать въ одномъ изъ двухъ направленій. Или она вліяетъ въ смыслѣ и въ направленіи законосообразнаго экономическаго развитія; въ такомъ случаѣ между ею и этимъ развитіемъ не возникаетъ никакого противорѣчія, и экономическое развитіе ускоряется. Или она дѣйствуетъ въ разрѣзъ съ нимъ, и тогда, за рѣдкими исключеніями, экономическое развитіе низвергаетъ ее. Этими рѣдкими исключеніями бываютъ единичныя случаи завоеваній, гдѣ грубые побѣдители истребляютъ или изгоняютъ населеніе страны и опустошаютъ или забрасываютъ производительныя силы, съ которыми не умѣютъ обращаться. Такъ поступили христіане съ большею частью оросительныхъ построекъ мавританской Испаніи, которымъ она обязана была высокимъ развитіемъ земледѣлія и садоводства при маврахъ. Само собой разумѣется, что при каждомъ завоеваніи болѣе варварскимъ народомъ ходъ экономическаго развитія нарушается и уничтожается цѣлая масса производительныхъ силъ. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ при прочныхъ завоеваніяхъ, дикій побѣдитель принужденъ приноравливаться къ тому высшему „экономическому положенію“, какое онъ находитъ въ завоеванной странѣ; покоренный имъ народъ ассимилируетъ его себѣ и часто заставляетъ даже принять свой языкъ. Но, оставляя въ сторонѣ завоеванія, каждый разъ, когда внутренняя государственная власть становилась въ противорѣчіе съ экономическимъ развитіемъ страны,—а на извѣстной ступени это случалось до сихъ поръ почти съ каждой политической властью,—каждый разъ борьба оканчивалась низверженіемъ политической власти. Экономическое развитіе неумолимо и неизбѣжно пробиваетъ себѣ дорогу, чему послѣднимъ разительнымъ примѣромъ служитъ, уже упомянутая нами, Великая Французская Революція. Если бы, согласно ученію г. Дюринга, хозяйственное положеніе, а съ нимъ и экономическое законодательство извѣстной страны, зависѣло единственно отъ политической силы, трудно было бы понять, почему это послѣ 1848 года Вильгельму IV, не смотря на его „превосходнѣйшія войска“, не удалось напялить

средневѣковые цехи и другіе романтическіе дурацкіе колпаки на желѣзныя дороги, паровыя машины и развивающуюся крупную промышленность своей страны; или почему это русскій царь, который еще и того сильнѣе, не только не можетъ платить своихъ долговъ, но не можетъ даже сохранить своей силы безъ постояннаго орошенія ея кредитомъ, притекающимъ изъ „хозяйственнаго положенія“ Западной Европы?

Для г. Дюринга сила есть начало безусловно злое, и ея первое дѣйствіе было настоящимъ грѣхопаденіемъ. Все изложеніе г. Дюринга есть одна сплошная іереміада о заразѣ, охватившей черезъ этотъ первородный грѣхъ всю прошедшую исторію, о позорномъ извращеніи всѣхъ законовъ природы и общества орудіемъ дьявола—силою. О томъ же, что сила играетъ въ исторіи еще другую роль—роль революціонную, что она является, говоря словами Маркса, „повивальной бабкой“ каждый разъ, когда старое общество носитъ въ своихъ нѣдрахъ новый порядокъ, что она служитъ орудіемъ, которымъ общественное движеніе разбиваетъ мертвыя и окоченѣлыя политическія формы, — обо всемъ этомъ мы не находимъ у г. Дюринга ни слова. Лишь со вздохами и стенаніями допускаетъ онъ, что для сверженія эксплуататорскаго хозяйства можетъ понадобиться сила; онъ считаетъ это несчастіемъ — потому что каждое насиліе развращаетъ тѣхъ, кто имъ пользуется. И это въ виду высокаго нравственнаго и умственнаго подъема, слѣновавшаго за каждой побѣдоносной революціей! И это въ Германіи, гдѣ насильственное потрясеніе, къ которому можетъ быть вынужденъ народъ, имѣло бы, по меньшей мѣрѣ, ту выгоду, что искоренило бы изъ сознанія націи лакейство, вынесенное ею изъ униженій тридцатилѣтней войны! И это-то вялое, безсильное ученіе осмѣливаются навязывать самой революціонной партіи, какую только знаетъ исторія!

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Діалектика въ современномъ естествознаніи.

(Изъ предисловія ко 2-му нѣмецк. изданію „Dühring's Umwälzung der Wissenschaft.)"

Только во второй главѣ третьяго отдѣла: „Теорія" мною сдѣланы дополненія. Такъ какъ въ ней излагается коренной пунктъ защищаемаго мною міровоззрѣнія, то мой противникъ не будетъ сѣтовать на меня за то, что я старался быть популярнымъ и сдѣлать кое-какія дополненія. У меня же къ этому есть и внѣшній поводъ. Дѣло въ томъ, что три главы — первая глава введенія и первая и вторая главы третьяго отдѣла — были мною обработаны въ самостоятельную брошюру для моего друга Лафарга, который долженъ былъ перевести ее на французскій языкъ; затѣмъ съ французскаго изданія были сдѣланы переводы на итальянскій и польскій языки. По нѣмецки эта же брошюра вышла подъ заглавіемъ: „Развитіе соціализма отъ утопіи до науки"; въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она выдержала три изданія и была переведена по русски и по датски. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ только упомянутая выше глава появилась съ дополненіями, и было бы педантично съ моей стороны придерживаться въ новомъ изданіи оригинальнаго произведенія первоначальнаго текста, а не того, который въ позднѣйшихъ изданіяхъ получилъ международное значеніе.

Но, кромѣ этого, мнѣ хотѣлось бы внести измѣненія по двумъ пунктамъ. Во первыхъ, по отношенію къ первобытной исторіи человѣчества, ключъ къ которой далъ намъ Морганъ лишь въ 1877 году. Но такъ какъ мнѣ за это время пришлось обработать относящійся сюда доступный мнѣ матеріалъ въ моей книгѣ: „Происхожденіе семьи, частной собственности и государства", (Цюрихъ 1884 г.), то я считаю достаточнымъ простое указаніе на эту работу. Во вторыхъ, по отношенію къ той части, въ которой рѣчь идетъ о теоретическомъ естествознаніи. Она сильно страдаетъ отъ неясности изложенія и многое можно было бы изложить гораздо

яснѣе и опредѣленнѣе. Если я не считаю себя въ правѣ измѣнять текстъ, то тѣмъ болѣе я обязанъ критиковать самого себя здѣсь въ предисловіи.

Марксъ и я были единственные, которые изъ нѣмецкой идеалистической философіи спасли сознательную діалектику, примѣнивъ ее къ матеріалистическому пониманію природы и исторіи. Но для соединенія діалектики съ матеріалистическимъ пониманіемъ природы требуется знакомство съ математикой и естественными науками. Марксъ зналъ основательно математику, но за естественными науками мы могли слѣдить лишь урывками, спорадически. Поэтому, какъ только я покинулъ торговую контору и переѣхалъ въ Лондонъ, я основательно занялся математикой и естествознаніемъ и потратилъ на это большую часть своего восьмилѣтняго пребыванія тамъ. Но въ самый разгаръ этихъ занятій мнѣ пришлось познакомиться съ такъ называемой натурфилософіей г. Дюринга. Вполнѣ естественно поэтому, если я въ то время часто не могъ подыскать надлежащаго техническаго термина и съ нѣкоторымъ трудомъ ориентировался въ области теоретической. За то сознаніе моей неувѣренности дѣлало меня осторожнымъ и тѣмъ предохраняло отъ серьезныхъ прегрѣшеній противъ установленныхъ въ то время фактовъ и отъ извращенія общепризнанныхъ теорій. И лишь одинъ непризнанный великій математикъ письменно жаловался Марксу, что я дерзнулъ оскорбить честь $\sqrt{-1}$.

Въ этихъ занятіяхъ математикой и естествознаніемъ мнѣ важнѣе всего было убѣдиться на частностяхъ — по отношенію къ общему я давно уже въ этомъ не сомнѣвался —, что надъ хаосомъ безчисленныхъ измѣненій въ природѣ господствуютъ тѣ же діалектическіе законы движенія, что и надъ кажущейся случайностью историческихъ событій; законы, которые проходятъ красной нитью черезъ исторію развитія человѣческой мысли и постепенно проникаютъ въ сознаніе мыслящихъ людей; законы, которые во всеобъемлющей, хотя и мистической формѣ, впервые былъ открытъ Гегелемъ и которые намъ хотѣлось — такова была одна изъ нашихъ задачъ — освободить отъ этой мистической формы и представить во всей ихъ простотѣ и всеобщности. Само собой разумѣется, что старая натурфилософія, какъ бы много она ни содержала въ себѣ дѣйствительно хорошаго и плодотворнаго*), насъ не могла удовлетворить, какъ показано въ прилагаемомъ сочиненіи.

---

*) Гораздо легче съ вульгарной безсмысленностью a la Карлъ Фогтъ бранить старую натурфилософію, чѣмъ оцѣнить ея историческое значеніе. Въ ней много нелѣпостей и сумасбродства, однако не больше, чѣмъ въ современныхъ нефилософскихъ теоріяхъ эмпирическихъ естествоиспытателей; а рядомъ съ этимъ она содержитъ и много серьезнаго и разумнаго, какъ это стали признавать

Она въ своей гегельянской формѣ грѣшила тѣмъ, что не признавала за природой никакого развитія во времени, ничего, идущаго „одно за другимъ“, но лишь идущее „одно возлѣ другого“. Причины этого коренились съ одной стороны въ самой гегелевской системѣ, которая только „Духу“ приписывала историческое развитіе, а съ другой стороны и въ тогдашнемъ общемъ состояніи естествознанія. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи Гегель стоитъ далеко позади Канта, который въ своей теоріи о происхожденіи міровъ предполагалъ, что солнечная система имѣла начало, а своимъ открытіемъ вліянія морскихъ приливовъ на замедленіе вращенія земли предвозвѣщалъ ея гибель. Наконецъ, моя задача была не въ томъ, чтобы внести діалектическіе законы въ природу извнѣ, а въ томъ, чтобы найти ихъ въ ней и изъ нея ихъ развить.

Однако выполнить это въ общей связи и по отношенію къ каждой отдѣльной области составляетъ исполинскій трудъ. Столь обширное поле едва ли былъ бы въ состояніи обработать даже тотъ, кто

со времени распространенія теоріи развитія. Такъ Гегель съ полнымъ правомъ признаетъ заслуги Тревирануса и Окена. Послѣдній въ своемъ ученіи о первоначальной слизи и первомъ пузырькѣ выставилъ въ качествѣ постулата біологіи то, что позднѣе было открыто въ формѣ протоплазмы и клѣтки. Что касается Гегеля, то онъ во многихъ отношеніяхъ стоялъ гораздо выше своихъ современниковъ-эмпириковъ, объяснявшихъ всѣ непонятныя явленія тѣмъ, что въ основу ихъ клали какую нибудь силу — движущую, плавательную, электрическую силу соприкосновенія и т. д. — или гдѣ это не подходило, то какое нибудь неизвѣстное вещество — свѣтовое, тепловое, электрическое и т. п. Мнимыя вещества теперь уже почти устранены, но спекуляція съ силами, съ которой боролся Гегель, все еще иногда проявляется, какъ напримѣръ въ Инсбрукской рѣчи Гельмгольца въ 1869 г. (Helmholz, Pop. Vorlesungen, II Heff, 1871, s. 190). Противъ унаслѣдованнаго отъ французовъ 18-го столѣтія обоготворенія Ньютона, котораго Англія осыпала почестями и богатствами, Гегель выставлялъ на видъ то обстоятельство, что собственно основателемъ современной механики является Кеплеръ, который умеръ въ Германіи отъ голода, и что ньютоновскій законъ тяготѣнія уже содержался во всѣхъ трехъ кеплеровскихъ законахъ, а въ третьемъ даже ясно выраженъ. То, что Гегель доказываетъ нѣсколькими простыми уравненіями въ § 270 своей натурфилософіи (Hegels Werke, 1842, VII Band 98 und 113-115), мы находимъ какъ результатъ новѣйшей систематической механики у Густава Кирхгофа (Vorlesungen üder mathem. Phisik, 2 Aufl., Leipzig 1877, s. 8-10) и именно почти въ той же развитой Гегелемъ простой. систематической формѣ.

Отношеніе натурфилософовъ къ сознательно-діалектическому естествознанію такое же, какъ и отношеніе утопистовъ къ современному коммунизму.

посвятилъ бы этому все свое свободное время. Но со смерти К. Маркса мое время было поглощено болѣе настоятельными обязанностями, и я долженъ былъ прервать свою работу. Я вынужденъ пока удовлетвориться содержащимися въ этой работѣ намеками; быть можетъ въ будущемъ мнѣ представится случай собрать и издать результаты моихъ работъ вмѣстѣ съ весьма важными математическими манускриптами, оставшимися послѣ Маркса.

Можетъ, впрочемъ, случиться, что прогрессъ теоретическаго естествознанія сдѣлаетъ большую часть моей работы или всю ее совершенно излишней. Ибо революція, на которую теоретическое естествознаніе толкается простой необходимостью систематизировать массу накопляющихся чисто эмпирическихъ открытій, заставитъ даже самаго упорнаго эмпирика признать діалектическій характеръ явленій природы. Старыя, застывшія противорѣчія, рѣзкія, непроходимыя границы все больше и больше исчезаютъ. Съ того времени, какъ удалось превратить въ жидкое состояніе послѣдніе „настоящіе“ газы, съ того времени, какъ было доказано, что тѣло можетъ быть приведено въ такое состояніе, въ которомъ нельзя отличить капелеобразной формы отъ газообразной, агрегаты утратили послѣдній остатокъ своего прежняго абсолютнаго характера. Законъ кинетической теоріи газовъ, въ силу котораго въ совершенныхъ газахъ квадраты скоростей, съ какими при одинаковой температурѣ движутся отдѣльныя молекулы газовъ, обратно пропорціональны вѣсу молекулъ, этотъ законъ ввелъ также и теплоту въ рядъ тѣхъ формъ движенія, которыя подлежатъ нашему измѣренію. Если еще 10 лѣтъ тому назадъ вновь открытый великій основной законъ движенія понимали какъ простой законъ сохраненія энергіи, какъ простое выраженіе неразрушимости и несозидаемости движенія, слѣдовательно, просто съ его (закона) количественной стороны, то въ настоящее время это узкое, отрицательное опредѣленіе все больше и больше вытѣсняется положительнымъ — именно ученіемъ о превращеніи энергіи, и въ этомъ опредѣленіи ясно выражено качественное содержаніе процесса и исчезаетъ послѣднее воспоминаніе о внѣміровомъ творцѣ. Теперь уже не приходится доказывать, какъ нѣчто новое, что количество движенія (такъ называемая энергія) не измѣняется, когда изъ кинетической энергіи (такъ называемой механической силы) оно превращается въ электричество, теплоту, потенціальную энергію и т. п., и наоборотъ; это разъ навсегда служитъ теперь основаніемъ болѣе глубокаго изслѣдованія самого процесса превращенія, того великаго основного процесса, въ познаніи котораго заключается все познаніе природы. Съ тѣхъ поръ, какъ біологію изучаютъ при свѣтѣ теоріи эволюціи, въ области органической природы одна за другой исчезаютъ окостенѣлыя границы классификаціи; неподдающіяся классификаціи промежуточныя звенья увеличивается съ каждымъ днемъ, болѣе точное изслѣдованіе перебрасываетъ организмы изъ одного класса въ

другой, и отличительные признаки, сдѣлавшіеся чуть ли не символомъ вѣры, теряютъ свое безусловное значеніе; мы знаемъ теперь кладущихъ яйца млекопитающихся и, если это подтвердится, то и четвероногихъ птицъ. Если уже много лѣтъ тому назадъ Вирховъ вынужденъ былъ, вслѣдствіе открытія клѣтки, замѣнить недѣлимость индивидуума федераціей клѣточныхъ государствъ — что, конечно, очень прогрессивно, но мало соотвѣтствуетъ научной и діалектической точкѣ зрѣнія — то теперь понятіе о животномъ (слѣдовательно и человѣческомъ) индивидуумѣ еще болѣе осложняется вслѣдствіе открытія бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, амебообразно движущихся въ организмѣ высшихъ животныхъ. А вѣдь именно эти, будто бы непримиримыя и неразрѣшимыя полярныя противорѣчія, эти насильственно закрѣпленныя границы классификаціи и придавали современному теоретическому естествознанію ограниченно-метафизическій характеръ. Признаніе, что эти противорѣчія и различія имѣютъ въ природѣ лишь относительное значеніе, что, напротивъ, прицисываемая природѣ неподвижность и абсолютность внесены въ нее лишь нашей рефлексіей — это признаніе составляетъ основной пунктъ діалектическаго пониманія природы. Правильность діалектическаго пониманія все болѣе подтверждается накопляющимися фактами естествознанія, и это пониманіе легче воспринимается, если съ діалектическимъ характеромъ этихъ фактовъ сопоставить познаніе закона діалектическаго мышленія. Во всякомъ случаѣ естествознаніе находится теперь на такой ступени развитія, что оно не можетъ уже ускользнуть отъ діалектическаго пониманія, и естествоиспытатели облегчатъ процессъ этого пониманія, если не забудутъ, что результаты, къ которымъ приходитъ опытъ, суть понятія; искусство же оперировать понятіями не врождено и не заключается въ обыденномъ здравомъ смыслѣ, но требуетъ дѣйствительнаго мышленія, которое въ свою очередь имѣетъ за собой столь же продолжительную исторію, какъ и опытное естествознаніе. Именно тѣмъ, что естествознаніе усвоитъ себѣ результаты, достигнутые развитіемъ философіи въ теченіе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ, оно, съ одной стороны, освободится отъ всякой обособленной, внѣ и надъ нимъ стоящей натурфилософіи, а съ другой — также и отъ своего собственнаго, унаслѣдованнаго отъ англійскаго эмпиризма, поверхностнаго метода мышленія.

Лондонъ, 23 сентября 1885 г.

КОНЕЦЪ.

JOINT EXECUTIVE
OF THE
..BUNDS AND RUSSIAN..
SOCIAL DEMOCRATS CLUB
OF BROWNSVILLE

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе Г. Плеханова - - - - - - I

Развитіе Научнаго Соціализма - - - - - 1

Приложенія:

Фридрихъ Энгельсъ (біографія) - - - - - - 51

Теорія Насилія (противъ Дюринга) - - - - - 63

Діалектика въ современномъ естествознаніи - 87

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

29Jan'62SF

IN STACKS

JAN 14 1962

REC'D LD

JAN 29 1962

JUN 10 '64 M

REC'D LD

JUN 10 1964

LD 21A–50*m*-8,'61
(C1795s10)476B

General Library
University of California

YC191110

M260094 HX 314
P65
V.1

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY